

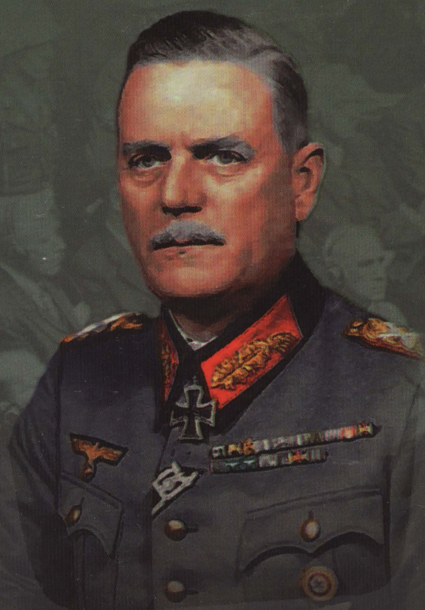
ВТОРАЯ МИРОВАЯ

ВЗГЛЯД ВРАГА

Вильгельм Кейтель

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПЕРЕД КАЗНЬЮ

Вильгельм Кейтель

РАЗМЫШЛЕНИЯ
ПЕРЕД КАЗНЬЮ

ВТОРАЯ МИРОВАЯ

ВЗГЛЯД ВРАГА

Вильгельм Кейтель

Размышления перед казнью

Москва
«Вече»

УДК 94(100-87)
ББК 63.3(0)62
К33

Кейтель, В.

К33 Размышления перед казнью / Вильгельм Кейтель ; [Пер. с нем., предисловие, примечания, приложения Г.Я. Рудого]. — М.: Вече, 2012. — 592 с. : ил. — (Вторая мировая. Взгляд врага).

ISBN 978-5-9533-6309-9

Генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель стоял у истоков создания регулярной армии нацистской Германии. Международный трибунал обвинил его как одного из организаторов Второй мировой войны в совершении преступлений против человечности. Выполняя различные особо важные дипломатические и политические поручения нацистского руководства, Кейтель разработал ряд директив и приказов, в соответствии с которыми части вермахта во время Второй мировой войны совершили страшные преступления против человечности.

Предлагаемая читателю книга воспоминаний Вильгельма Кейтеля написана в Нюрнбергской тюрьме после вынесения ему смертного приговора. За несколько недель до приведения приговора в исполнение фельдмаршал пытался осмыслить свою судьбу и причины бесславного конца Третьего рейха.

УДК 94(100-87)
ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-9533-6309-9

© Перевод, предисловие, примечания, приложения. Г.Я. Рудой, наследники, 2012
© Оформление. ООО «Издательский дом «Вече», 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ

«Кейтель — преступник или офицер?» — так озаглавил эту книгу (она вышла в ФРГ в 1961 г., но только теперь стала доступна российскому читателю) видный немецкий историк Второй мировой войны Вальтер Гёрлиц.

Ответ на этот полемически заостренный вопрос был дан еще в 1946 г. в Нюрнберге Международным военным трибуналом; он несомненен и пересмотру временем не подлежит: **Кейтель — преступник-офицер!** Причем не рядовой офицер, а генерал-фельдмаршал, и не рядовой преступник, а один из главных немецких военных преступников, правая рука Гитлера, его ближайший, доверенный советник во всех военных делах. В силу своего должностного положения в военной иерархии как начальника штаба Верховного главнокомандующего вермахта (ОКВ) и принадлежности к военно-политической верхушке Третьего рейха он сыграл первостепенную роль в подготовке, развязывании и ведении Второй мировой войны. С высоким профессионализмом, в котором ему никак нельзя отказать, и немецкой основательностью, с педантизмом хорошо вышколенного и исполнительного служаки он был непосредственным организатором и участником военных акций и стратегических операций против Австрии, Чехословакии, Польши, Франции,

Англии и других стран, а также печально закончившегося для национал-социалистической Германии «похода на Восток» против тогдашнего Советского Союза. При его деятельном руководящем участии 100-тысячный рейхсвер Веймарской республики превратился в многомиллионную армию фашистской агрессии. Он не только подписывал от имени и по поручению Гитлера противоречащие международному праву варварские приказы и директивы, но и разрабатывал их, требуя от подчиненных беспрекословного и безукоризненного выполнения оных.

Преступные цели порождали преступные методы. Если верить Кейтелю, они вызывали у него кое-какие сомнения и колебания, однако в действительности носили не столько морально-этический характер, сколько были продиктованы оперативно-стратегическими и военно-политическими соображениями. Так, только прагматично-трезвая боязнь сокрушительного краха гитлеровской Германии в случае войны на два фронта побуждала его считать целесообразным повременить с нападением на Советский Союз до окончательной победы над Англией. И пусть даже, по его утверждению, у него порой возникало чувство внутреннего противоречия, толкавшее к прошениям об отставке или к неосуществленным попыткам самоубийства, Кейтель отнюдь не являлся только соблюдающим строгую субординацию и дисциплину исполнителем преступных замыслов и приказов своего фюрера — он был их активным соучастником. Таким образом, Кейтель до горького конца оставался верным своему извращенно понимаемому «долгу солдата» и присяге на верность, данной не фатерланду, а персонально фюреру и рейхсканцлеру — Верховному главнокомандующему вооруженными силами.

Безусловное повиновение преступной воле Гитлера (якобы оказывавшего на него «демоническое» влияние), которое Кейтель считал своей священной обязанностью и воинской добродетелью, сделало его самого законченным преступником против мира и человечности.

Кейтель сознательно упустил свой исторический шанс и не примкнул к заговору 20 июля 1944 года. Более того, он судил «судом чести» тех своих коллег и сотоварищей, которые попытались в предпоследний момент насильственным устранением

Гитлера спасти свой народ и отечество от катастрофы тяжкого военного поражения. Этим он усугубил свою вину.

Как честный исследователь, стремящийся к постижению исторической истины, Вальтер Гёрлиц объективно не может отрицать вину Кейтеля за военные преступления национал-социалистического режима. И все же субъективно не может избежать соблазна смягчить ее, приписывая фельдмаршалу чуть ли не черты «рыцаря без страха и упрека» и объясняя его поведение чувством долга, верностью присяге и офицерской честью в духе традиций прусской военной касты былых времен. Попытка заведомо тщетная! Международный военный трибунал в своем (не потерявшем актуальности и по сей день) приговоре определил: *«Никаких смягчающих вину [Кейтеля] обстоятельств нет. Приказы сверху даже для солдата не могут рассматриваться как смягчающие там, где сознательно, безжалостно, без всякой военной причины и цели совершались такие потрясающие и широко распространенные преступления»*. Поэтому Трибунал приговорил бывшего гитлеровского фельдмаршала к смертной казни через повешение.

Свои воспоминания, написанные в тюремной камере, Вильгельм Кейтель завершил так: «...С 13.8.45 г. я был заключенным тюрьмы в Нюрнберге, а 13.10.46 г. ожидаю приведения в исполнение смертного приговора». Это было написано 10 октября 1946 года, а в ночь с 15-го на 16-е его повесили. Союзный Контрольный совет в Германии отклонил прошение Кейтеля заметить ему, как солдату, петлю пулей.

И все же ныне, в исторической ретроспективе, невольно возникает вопрос: могли ли торжествующие победу союзники по антитретлеровской коалиции пойти тогда на великодушный шаг в отношении уже приговоренного к смерти поверженного противника и удовлетворить его последнюю просьбу о расстреле? Слишком много чести! — вероятно, посчитали они. Могли ли они при этом учесть, что германский генеральный штаб, та командная военная элита, к которой фактически, хотя и не номинально по должности, принадлежал Кейтель, не была (подчеркнем: вопреки особому мнению советского судьи) признана преступной организацией, а сам фельдмаршал не прятался, как другие, за спину ускользнувшего от Суда народов Гитлера и признал, хотя и с некоторыми оговорками, свою ответственность и вину за содеянное?

Обращает на себя внимание, что Маршал Советского Союза Георгий Жуков, описывая в своей книге «Воспоминания и размышления» исторический момент подписания в ночь с 8 на 9 мая 1945 г. в берлинском пригороде Карлсхорст Акта о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии, счел нужным отметить: «Первым, не спеша и стараясь сохранить видимое спокойствие, переступил порог генерал-фельдмаршал Кейтель, ближайший сподвижник Гитлера. *Выше среднего роста, в парадной форме, подтянут.* Он поднял руку со своим фельдмаршальским жезлом вверх, приветствуя представителей Верховного командования советских и союзных войск. <...> После подписания акта Кейтель встал из-за стола, надел правую перчатку и вновь попытался блеснуть военной выправкой, но это у него не получилось, и он тихо отошел за свой стол». Именно выделенные курсивом слова были вычеркнуты цензурой и восстановлены (как и другие купюры) по авторскому оригиналу только в 10-м издании книги Г.К. Жукова, выпущенном в 1990 г. Видимо, бдительная и мстительная советская цензура усмотрела в этих словах некую тень уважения одержавшего победу маршала к равному ему по рангу и должностному положению фельдмаршалу — представителю поверженного, но могучего и искусного в военном деле противника, для разгрома которого нам потребовались почти четыре года кровопролитной войны и без малого три десятка миллионов человеческих жизней. Но, как гласит истина, чем сильнее враг, тем больше слава победителей.

Григорий Рудой

ПРЕДИСЛОВИЕ НЕМЕЦКОГО ИЗДАТЕЛЯ

Историю нельзя «преодолеть», как того требует ходячее выражение; ее надо изучать и извлекать из нее уроки. Это в особенной мере относится к истории Третьего рейха, который решающим образом изменил наше существование как нации. И поскольку это так, то долг наш сегодня — весьма тщательно проанализировать наследие и роль отдельных личностей рейха и его вермахта, причем именно потому, что такие личности, во-первых, занимали ключевые позиции, а во-вторых — справедливо или несправедливо — снискали себе повсюду крайнюю непопулярность. Причем сделать мы это должны, руководствуясь принципом афинских судей, который древнеримский философ Сенека облек в афоризм: «*audiatur et altera pars*»¹.

Что касается германской армии, мы имеем тут относительно много публикаций, которые целиком определяются традициями старого генерального штаба. (Свое слово сказал и военно-морской флот. Однако истории военно-воздушных сил все еще нет.)

Что же относится к историй высшего командования вооруженных сил, идейного мира тех офицеров, которые выступали за коренную реформу высших военных органов в духе современ-

---

¹ «Пусть будет выслушана и другая сторона» (*лат.*).

ного руководства всеми тремя составными частями вермахта, то здесь положение дел еще весьма неблагоприятно. В настоящее время² под руководством гёттингенского историка профессора д-ра Перси Эрнста Шрамма начата подготовка издания в оригинале военного дневника штаба оперативного руководства вермахта. Таким образом, для исследования открывается важная сфера деятельности Командования вооруженными силами в последние годы Второй мировой войны (1944—1945 гг.).

Публикуемые в книге ранее не известные широкой публике воспоминания, письма и другие документы начальника ОКВ³ генерал-фельдмаршала Вильгельма Кейтеля позволяют нам затронуть иную сферу: проблемы общей организации вооруженных сил Германии, а также командования и управления вермахтом при Гитлере. Голос автора их больше уже не слышен с тех пор, как в Нюрнберге самого его подвели к виселице, хотя он и может дать представление о целом ряде событий недавней истории, начиная с борьбы за новую структуру Верховного главнокомандования вооруженных сил, одиозного кризиса в связи с делами Бломберга⁴ и Фрича⁵ в 1938 г. и кончая последними днями Третьего рейха. Да, именно Кейтель — это можно утверждать с полным правом — и поныне представляет интерес для нас, ибо мысливший традиционными понятиями германский генералитет считал его «черной овцой» и «предателем». Насколько живучи эти представления, издатель книги испытал на себе во время своих розысков документальных свидетельств. К счастью, в наше более милостивое к исторической науке время существует уже история иного рода.

Однако если сегодня мы считаем своим долгом действительно познать нашу новейшую, нередко темную историю, мы должны с вниманием отнестись именно к свидетельствам тех, кто дает нам возможность представить себе образ мыслей, действий, побудительные мотивы и внутреннюю борьбу людей,

---

² Имеется в виду 1961 г. — *Прим. ред.*

³ Аббревиатура от нем.: das Oberkommando der Wehrmacht (ОКВ) — Верховное главнокомандование вооруженных сил (ОКВ). — *Прим. пер.*

⁴ Тогдашний имперский военный министр Вернер фон Бломберг. — *Прим. пер.*

⁵ Главнокомандующий сухопутными войсками барон Вернер фон Фрич. — *Прим. пер.*

которые стояли во главе последнего Германского рейха или же по своему должностному положению были обязаны служить советниками этих людей. Мы не можем рассматривать все, что произошло с нами или благодаря нам, только с точки зрения движения Сопротивления, даже если историку зачастую и трудно понять все случившееся.

Лично мы (пусть это и шокирует многих) можем сделать это в меньшей степени, поскольку тема «Кейтель и ОКБ» включает в себя вопросы структуры Верховного главнокомандования вермахта, которые у нас еще освещены недостаточно. Виной тому, как можно полагать, являются кошмарные воспоминания о Третьем рейхе и его организационных формах.

Считаем нужным с большой благодарностью отдать должное хранителю семейного архива Кейтеля — проживающему в Гамбурге подполковнику в отставке Карлу Гейнцу Кейтелю, безо всяких условий предоставившему нам наследие своего отца для публикации. Издатель считает своим долгом выразить признательность и другим лицам, которые поддержали его своими ценными данными. К ним в первую очередь относятся генерал кавалерии в отставке Зигфрид Вестфаль и бывшие адъютанты фельдмаршала полковник в отставке Вольф Эберхард, подполковник в отставке Эрнст Йон Фрейенд, подполковник в отставке Эрих фон Амсберг и майор в отставке Герхард фон Шимонски. Он выражает также благодарность вдове генерал-полковника Йодля г-же Луизе Йодль, д-ру Гансу Адольфу Якобсену⁶, а также сотрудникам Политического архива иностранных дел ФРГ, Института современной истории (Мюнхен) и Государственного архива ганзейского города Бремен за их помощь и содействие.

Вальтер Гёрлиц, Гамбург, март 1961 г.

---

⁶ См. его книгу: *H.A. Jacobsen. Der Zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten. 1939—1945. Darmstadt, 1959.* Рус. пер.: Г. А. Якобсен. Вторая мировая война. 1939—1945. Хроника и документы. М., 1995. — *Прим. пер.*

ЧАСТЬ I

НАЧАЛО ПУТИ

ВВЕДЕНИЕ (ОТ НЕМЕЦКОГО ИЗДАТЕЛЯ)

В начале 1871 г. — года образования нового Германского рейха под прусским главенством — ганноверский бывший королевский административный советник Карл Вильгельм Эрнст Кейтель (ранее — арендатор домена Поппенбург, неподалеку от Бургенштесмена, округ Альфельд) приобрел имение Хельмшереде. Оно находилось около Жандарменхайма — небольшого городка в западной части герцогства Брауншвейг. «Блаженному советнику», как его вскоре там прозвали, исполнился тогда 61 год. Он был здесь уважаемой персоной и считался хорошим сельским хозяином, а в Поппенбурге (который сдавал в аренду отец герцога Брауншвейгского) частым гостем его бывал несчастный, изгнанный Бисмарком из своих владений, последний суверенный властелин Ганновера Георг V, когда ему случалось посещать соседний Мариенбург.

Традицией семьи Кейтелей, происходившей из Гослара (где предки ее были горными мастерами и коммерсантами), являлись евангелическо-лютеранская вера, любовь к образу жизни сельского хозяина и верность династии вельфов⁷, с которой она была связана в течение столетий как арендатор домена.

---

⁷ Старинный княжеский род в Нижней Саксонии. — *Прим. пер.*

Каких-либо склонностей к военному делу или его традиций у семьи не имелось. Пруссию старик Кейтель ни во что не ставил. Нежелание стать «пруссакom поневоле», после того как Ганноверское королевство в 1866 г. было аннексировано Пруссией, побудило административного советника отказаться уже в преклонном возрасте от домена Поппенбург, к которому он прикипел всем сердцем, и купить новое имение в лежащем вне прусских границ Брауншвейге. Престарелый советник демонстративно приобрел для себя и своей семьи брауншвейгское подданство.

Родившийся в 1854 г. сын и наследник поместья Хельмшереде Карл Вильгельм Август Луис Кейтель, как положено, отслуживший свой обязательный год добровольцем в 13-м гусарском полку в Касселе, приезжая на побывку домой, сразу же сбрасывал с себя столь ненавистный отцу прусский мундир. Войти в отчий дом он смел только в штатском. Но потом сын счел верность вельфам в такой неприкрытой форме несвоевременной, да к тому же он и чувствовал себя брауншвейгцем...

«Блаженный советник» умер в 1878 г. Он скончался так, как только и мог пожелать себе сельский хозяин: в дороге его хватил удар, и экипаж вернулся домой в Хельмшереде уже с мертвым телом. В сентябре 1881 г. сын и наследник его Карл Кейтель женился на дочери одного землевладельца из Восточной Фрисландии Аполлонии Виссеринг. Тестем его стал коммерции советник Бодевин Виссеринг, депутат германского рейхстага и прусского ландтага от Консервативной партии; он был крупным землевладельцем — ему принадлежало несколько имений. Его жена Йоханна (урожд. фон Блонай) происходила из аристократического рода, проживавшего во французской части Швейцарии. Виссерингам военная традиция тоже была чужда.

22 сентября 1882 г. у этой супружеской четы родился в Хельмшереде первый сын. Это и был Вильгельм Бодевин Иоганн Густав Кейтель — будущий фельдмаршал. Мать его умерла рано, в возрасте 33 лет, от родильной горячки при рождении второго сына, Бодевина, в первый день Рождества 1888 г. На юного Вильгельма легла тень лишившегося матери родительского дома. Отец был человеком замкнутым, со многими странностями, и занимался только хозяйством. Но впоследствии сын с удивлением узнал, как умело он вел свое хозяйство в тяжелые

времена, как ему удавалось удерживаться на плаву и не оставить никаких долгов. Кейтель писал позже в своих записках, что всегда испытывал гордость, будучи сыном такого человека. Сам Вильгельм жил скорее в крестьянском, нежели помещичьем мире. Однажды, когда у него пробудилась страсть к охоте, отец сказал ему: одно с другим плохо совместимо — хороший крестьянин не может быть и хорошим охотником. Сам отец ружья в руки никогда не брал.

Начальное образование Вильгельм Кейтель получил от домашних учительниц. Особенно сильно в учебе он не преуспевал. Юный Кейтель предпочитал проводить время на хозяйственном дворе, на конюшне, у старого садовника, который и посвятил его в тайны охотничьего искусства. В пасхальные дни 1892 г. подростка отдали учиться в королевскую гимназию в Гёттингене. Это означало жизнь в пансионе у более или менее любезных хозяек. Дневник с отметками, аккуратные тетради в синей обложке говорили о его хороших успехах по истории, географии, а также в гимнастике; немного хуже были отметки по древним языкам. Кейтель сам признавал потом в своих широко задуманных записках: «школа мне совсем не нравилась». В них он вспоминал, к примеру, как учитель Закона Божьего Тимме сказал ему, когда школяры читали вслух греческий текст Второго Римского послания апостола Павла, а ученик младшего класса Кейтель слушал вполуха: «Кейтель, вы бы куда охотнее прокатали апостола Павла на парочке огнедышащих лошадей, чем постарались вникнуть в то, что он глаголет!» И Кейтель добавляет: «Он был прав».

Успехи в науках стали более ровными только в старших классах; Кейтель считал, что принадлежит к «уверенным середнякам». Просветами в гёттингенские годы служили субботние вечера и воскресенья, которые он проводил у дяди, Клауса Баринга, женатого на сестре отца, арендатора монастырского поместья Мариенгартен. Его сын Теодор был однокашником племянника из Хельмшереде по геттингенской гимназии. Здесь Вильгельм мог вольно дышать сельским воздухом, здесь он мог ходить вместе с братом на охоту.

Жизненной целью юного Кейтеля было тогда стать сельским хозяином в Хельмшереде. Но время предьявляло к отпрыскам буржуазных слоев медленно сраставшегося воедино Второго

Германского рейха совсем другие требования. Увеличение армии, авторитет, которым вновь созданная империя окружала сословие офицеров-резервистов, побуждало многие семьи, прежде далекие от военной службы, доверять армии своих сыновей.

В Гёттингене юный Кейтель и его двоюродный брат Теодор Баринг вели споры с двумя соучениками (один из них, Феликс Бюркнер, впоследствии стал знаменитым спортсменом-конником), куда определиться после успешного окончания гимназии. Они пришли к одинаковому выводу: речь может идти только о профессии офицера. Поскольку кавалерия чересчур дорога для детей не слишком богатых отцов (тогда кавалерийский офицер должен был сам приобрести для себя коня и не мог обойтись без отцовских дотаций), пришлось пойти в полевую артиллерию, где, как записал Кейтель, «ты тоже сидишь на коне».

К этому Кейтель добавил: «Я старался не обращать внимания на то, что вглубине придерживался других мнений. Моим страстным желанием было стать сельским хозяином». Тогда он, так сказать, пошел на компромисс с самим собой. Служить так и так надо. Быть офицером резерва теперь — дело само собой разумеющееся и вполне приличное. Примечательный поворот, ибо до тех пор сын королевского административного советника, которому отныне придется служить именно в прусском полку, был далек от этой мысли! Итак, можно спокойно стать сначала офицером на действительной военной службе. Время заняться отцовским ремеслом еще придет. Тогда это являлось нормальным жизненным путем. К тому же преимущество перед многими соперниками ему давало то, что отец рано ввел его в курс хозяйственных дел.

На Пасху 1900 г., после перехода в старшие классы, отец, как тогда было принято, записал Вильгельма кандидатом в офицеры (фенрихом) в полк полевой артиллерии, располагавшийся в Вольфенбюттеле и Целле. Полк этот подходил не только потому, что в нем имелся брауншвейгский контингент, но и потому, что гарнизон его находился поблизости от Хельмшереде. Служба сына в кавалерии была слишком дорога. Отцу это было не по карману, так как, чтобы вести хозяйство без долгов, приходилось экономить каждый пфенниг. Отец Вильгельма в ту пору

женился во второй раз — на Анне Грегуар, которая приехала в Хёльмшереде как домашняя учительница его второго сына Бодвина. Отец решил откровенно поговорить со старшим сыном: тот хочет стать землевладельцем, но поместье слишком мало, чтобы прокормить две семьи. Поэтому Вильгельму придется долго вести жизнь сельскохозяйственного служащего, а отец по собственному опыту знал, сколь непрестижна эта должность. Другое дело, если ему удастся стать управляющим какого-нибудь крупного имения, но таких мало, а претендентов много. В ответ Вильгельм и выдвинул свою «идею компромисса». Отец отнесся к ней с явным облегчением. Отказ, пусть даже и временный, сына от сельскохозяйственной деятельности даже вызвал у него слезы.

Так началась военная карьера Вильгельма Кейтеля, которой было суждено привести его к высшему рангу в военной иерархии и к трагической судьбе.

Это обстоятельство следует не упускать из вида. Ведь во всеобщей оценке шефа Верховного главнокомандования вермахта всегда говорилось (и не только с англосаксонской точки зрения), что генерал-фельдмаршал есть типичный продукт кадетского корпуса и военного воспитания... Прежде всего американцам, а также и «проницательным» профессиональным психологам он казался воплощением «прусского юнкера», чему обманчиво способствовала сама внешность этого статного, высокого, широкоплечего мужчины с моноклем на черном шнурке да утверждение, будто сей фельдмаршал происходит из рода владельцев «рыцарского имения».

После выпускных экзаменов, которые Вильгельму предстояло держать в Гёттингене в марте 1901 г., он 7 марта того же года поступил на военную службу в 46-й полк полевой артиллерии, штаб и дивизион которого (в том числе 2-я, Брауншвейгская, батарея) размещались в Вольфенбюттеле, а 11 дивизион — в Целле.

Суровую службу до получения чина лейтенанта (18 августа 1902 г.) Кейтель выдержал хорошо. Он был силен, умел обращаться с лошадьми, а во взаимоотношениях с рядовыми в нем открылся естественный руководящий талант прирожденного сельского хозяина. В лице командира 1-й батареи капитана фон Утмана он имел необходимого ему старшего наставника и воспитателя. Учеба в военном училище в Анкламе, которое

Кейтель хотел закончить до получения лейтенантского патента, давалась ему успешнее, чем он ожидал. Однажды он скажет о себе, что «баловнем жизни» никогда не был. Это вполне отвечает истине: жизнь никогда не бывала для него легкой.

После производства в чин лейтенанта Кейтеля перевели в Брауншвейгскую батарею на должность офицера — воспитателя новобранцев.

В 3-й батарее тогда служил офицером по подготовке рекрутов некий человек, жизненный путь которого в дальнейшем не раз пересечется с жизненным путем Кейтеля. Этим свежеиспеченным лейтенантом был не кто иной, как Гюнтер Клюге, который после возведения его отца-генерала во дворянство звался уже Понтером фон Клюге и в конце концов стал фельдмаршалом. Но сначала Клюге был кадетом. Кейтель уже тогда находил его надменным и обладающим всеми теми недостатками, которые, по его мнению, приносило с собой в армию воспитание в кадетском корпусе. Клюге принадлежал к тем офицерам, которые самого Кейтеля считали малоодаренным, короче говоря, нулем без палочки.

Наряду с этой оценкой Кейтелем кадетского корпуса, обращает на себя внимание в его «Записках» лейтенантских лет и другое. Вне всякого сомнения, Кейтель был хорошим войсковым офицером и, несомненно, не являлся тем, кого он называет «ханжами». Он предавался своей страсти «лошадника», любил хороших лошадей и всякие байки о них. Покупка и продажа лошадей занимала в его жизни в то время большое место. Он рьяно охотился, а это давало ему возможность часто бывать в имениях в окрестностях Вольфенбюттеля и приобретать множество друзей и знакомств. Он хорошо и охотно танцевал, дирижировал танцами на придворных балах принца-регента Брауншвейгского и принца Альбрехта Прусского. Но при всем том Кейтель был врагом бездельного времяпрепровождения и остерегался влезать в долги. Когда он и друг его юности Феликс Бюркнер были командированы в военно-кавалерийское училище (обучавшиеся в нем офицеры отличались, мягко говоря, легкомысленным поведением), они дали друг другу слово: никаких азартных игр и никаких любовных историй.

Кейтель с ужасом рассказывает в своих «Записках» о судьбе одного знакомого кавалерийского офицера: тот женился на до-

чери торговца и из-за долгов бежал в Америку. Во время пребывания Кейтеля в Ганновере в кавалерийском училище произошел крупный скандал: дюжина направленных в него офицеров была исключена за запрещенные азартные игры и карточные долги, и потом, когда в дело вмешался сам кайзер, их перевели в другие части. Кейтель таких вещей не понимал. Сам он был человеком берсжливым. О его пребывании в Бремене в 1934—1935 гг. в качестве командира дивизии рассказывают, что на всякие официальные приемы он ездил в служебной автомашине, но если бывала приглашена и его жена, ей приходилось отправляться туда на трамвае. Для него было немыслимо, чтобы она ехала рядом с ним в командирской машине — ведь это показалось бы неприличным!

И еще одно обращает на себя внимание в его «Записках», рисующих лейтенантский быт с дежурствами по казарме, маневрами, учебными стрельбами, участием в офицерских скачках с препятствиями и осенней конной охоте: ничто не выдает каких-либо особенных его интересов, выходящих за рамки повседневного бытия и службы, нет никаких сведений о чтении им невоенной литературы, за исключением книг по сельскому хозяйству. Нет никаких признаков интереса к политике вплоть до начала Первой мировой войны. И причина этого не только в том, что свои «Записки» Кейтель считал только фундаментом для собственного жизнеописания и воспоминаний о Второй мировой войне, которые он стал писать гораздо позже — в 1945 г., когда находился в Нюрнбергской тюрьме, чтобы, по его собственным словам, прогнать мрачные мысли и скоротать время. Все это явно не играло для него долгое время никакой роли. Он полностью посвящал себя службе, а кроме того, оставались еще лошади, охота, участие в событиях, происходивших в Хельмшпероде или на очередной сельскохозяйственной выставке в Ганновере. В этом он ничем не отличался от сотен своих сослуживцев из той же среды.

С другой же стороны, чрезвычайно добросовестный и дошопный, неустанный в службе, основательный молодой офицер уже вскоре обратил на себя внимание начальства. После окончания курсов при стрелковом училище полевой артиллерии в Ютербоге (1904—1905) ему за примерные успехи улыбался перевод в учебный полк этого училища. Но он попросил оставить его в Вольфенбюттеле — поближе к отцовскому поместью.

В 1908 г. Кейтелю из-за тяжелого несчастного случая на кавалерийском учении (падение с лошади во время прыжка через барьер, приведшее к перелому костей таза) пришлось лечиться в ганноверском госпитале. Потом его перевели в военное училище на должность офицера-наставника. На эту должность назначали только неженатых офицеров. Поэтому Кейтелю пришлось доверительно сообщить своему командиру полковнику Штольценбургу, что он намерен объявить о своей помолвке и вскоре жениться.

Полковник Штольценбург, этот отличный офицер, но тяжелый и упрямый человек, взял его к себе адъютантом полка, причем невзирая на то, что лейтенант Кейтель, устав во время учебных стрельб от бесконечных придинок, в гневе бросил ему под ноги свой полевой бинокль. Такой тон полковнику, верно, imponировал больше, чем беспрекословное послушание. В любом случае это был первый среди многих трудновоспринимаемый начальник с дурным характером, встретившийся в жизни Кейтеля. Но именно на этой должности лейтенант, любящий охоту и лошадей, впервые познакомился с военно-канцелярской работой и научился обращаться со служебными бумагами. В обязанности адъютанта полка входили обработка данных о личном составе, контроль за сроками мобилизации и демобилизации. Служба эта требовала доверия начальства.

18 апреля 1909 г. лейтенант Кейтель женился на Лизе Фонтэн, дочери владельца «рыцарского поместья» Вюльфель (неподалеку от Ганновера) Арманда Фонтэна. Тесть, владевший, кроме того, и винокуренным заводом, был человеком более зажиточным, чем Кейтели. И поскольку он был «вельфом», ему пришлось сделать над собой усилие, отдавая свою дочь в жены «прусскому» лейтенанту. Но Кейтель был настоящим кавалером, метким стрелком-охотником, славился как мастер светской беседы, да еще слыл хорошим сельским хозяином. Поэтому тесть, увидев в солидном зяте близкие ему самому склонности (не в последнюю очередь — любовь к дорогим сигарам и приверженность к приличному времяпрепровождению с бокалом доброго вина у камина), так или иначе примирился с этим браком.

В своих «Записках» Кейтель весьма наглядно рисует невесту, с которой познакомился в доме одного из дядей — Виссеринга, занимавшегося в Ганновере комиссионной продажей скота. Его заботило, будет ли жена довольна предстоящей ей жизнью в де-

ревне, а с другой стороны, беспокоило, будет ли он сам отвечать высоким духовным и эстетическим запросам супруги.

Лиза Кейтель была видной красивой женщиной, производившей впечатление несколько холодной; она любила музыку и различные виды искусства. В этом она была намного выше мужа, но и менее сентиментальна, чем он. Пожалуй, именно из-за этого различия в характерах они счастливо дополняли друг друга, и брак их выдержал все бури времени. Эта женщина и в горе сохранила гордую осанку и способность держаться; многим она могла показаться даже слишком суровой.

Благодаря должности адъютанта полка у Кейтеля возросло чувство ответственности. В письмах периода Первой мировой войны он не раз ссылается на свой здравый рассудок. Но он вовсе не был таким высокомерным, как это могло показаться. На учебных стрельбах в Альтенграбове (весной 1910 г.) он познакомился с тогдашним инспектором полевой артиллерии генералом фон Кальвицем, исключительно способным офицером, которому будущий фельдмаршал во многом обязан успешной службой в период Первой мировой войны и во всей своей последующей политической карьере. Кальвиц произвел на Кейтеля глубокое впечатление, и они подружились. Генерал этот — один из немногих высших офицеров, которых Кейтель упоминает в своих «Записках» до Первой мировой войны. Он замечает, что еще от Кальвица узнал о так и не осуществленных предложениях насчет военных реформ: увеличение количества легких полевых гаубиц, повышенное обеспечение боеприпасами и введение артиллерийского сопровождения пехоты. Все это — такие вещи, необходимость которых доказала Первая мировая война.

На осенних маневрах 10-го армейского корпуса в 1913 г. начальник штаба корпуса барон Густав фон дер Венге, он же граф фон Ламбсдорф (бывший военный уполномоченный германского императора Вильгельма II при дворе русского царя Николая II), после обсуждения результатов стрельб открыто заявил офицерам штаба: Тройственный союз (Германии, Австрии и Италии. — *Прим. пер.*) находится в тяжелом положении, которое Его Величество старается смягчить. Граф фон Ламбсдорф рекомендовал проверить мобилизационную готовность и принять соответствующие меры для ее повышения. Это напрямую касалось тем временем произведенного в обер-лейтенанты адъ-

ютанта 46-го полка полевой артиллерии. По своей флегматичной натуре уроженца Нижней Саксонии, он был не тем человеком, который отнесется к таким вещам легковесно. Поэтому Кейтель и видел все скорее в слишком мрачном свете.

Граф фон Ламбсдорф завел с обер-лейтенантом Кейтелем серьезный разговор и поставил перед ним ряд задач. Отсюда Кейтель заключил, что ему, вероятно, предстоит перевод на должность бригадного адъютанта. Он предполагал также — и совершенно верно, — что его в будущем году командируют участвовать в очередной поездке офицеров штаба корпуса по подчиненным частям и соединениям. Для него, при его поистине пчелином усердии, это явилось поводом в течение всей зимы 1913—1914 г. заниматься теорией генштабовской службы. В частности, как с добродушной иронией признает он сам, штудировал «серого осла» — так в военной среде называли справочник для офицеров генерального штаба.

Все произошло именно так, как и предполагал Кейтель. В марте 1914 г. он принял участие в поездке под началом графа фон Ламбсдорфа, в которую были направлены и офицеры берлинского Большого генерального штаба, в их числе капитан фон Штюльпнагель и барон Бусше-Иппенбург. Последний, как записал Кейтель, потянул его за собой в 1925 г. в войсковое управление (организационный отдел сухопутных войск — Т2). В эру генерала фон Шлейхера⁸ Бусше-Иппенбург являлся начальником управления кадров сухопутных войск. Следовательно, он нашел Кейтеля пригодным для работы по организации личного состава армии. Именно в этой области Кейтель и проявил свое ярко выраженное дарование.

В начале лета 1914 г. он со своей молодой женой отправился в отпуск в Швейцарию. Во время этой поездки до него в Констанце дошла весть об убийстве в Сараево престолонаследника [австро-венгерской] Габсбургской монархии эрцгерцога Фердинанда. Кейтель не верил в мирный исход этого кризиса — не столько в силу своей политической прозорливости, сколько по-

---

⁸ Генерал пехоты Курт фон Шлейхер (1892—1934) — военный министр, а затем последний рейхсканцлер веймарской Германии до прихода Гитлера к власти. Убит гестаповцами вместе с женой в «Ночь длинных ножей» 30 июня 1934 г. — *Прим. пер.*

тому, что был склонен к пессимизму. Он прервал отпуск и вернулся в полк.

30 июля 1914 г. Кейтель записывал, что пришла «пресловутая телеграмма» о проведении 1 августа мобилизации — войну уже не предотвратить.

8 августа 1914 г. вольфенбюттельский 46-й полк полевой артиллерии был направлен на фронт в Бельгию. В Спа полк перешел бельгийскую границу...

На этом «Записки» Кейтеля обрываются, причем прямо на полуслове — предположительно из-за объявления его в Нюрнберге главным немецким военным преступником.

* * *

О дальнейшем жизненном пути и судьбе Кейтеля дают представление письма, а также начинающиеся с 1933 г. и доходящие до момента поражения вермахта под Сталинградом его воспоминания, а затем вновь возобновленные записи о последних днях при Гитлере (с 20 апреля 1945 г.)⁹.

Однако полезно (не говоря об анализе приведенных источников) заранее сделать некоторые замечания о сути и взглядах Кейтеля, вызывающего, пожалуй, наибольшие споры в сравнении со всеми другими германскими и прусскими генерал-фельдмаршалами.

В рукописи Кейтеля, предназначенной для его немецкого защитника д-ра Отто Нельте¹⁰, есть запись от 10 октября 1945 г., где фельдмаршал особо подчеркивает в автобиографии, что он вырос и воспитан в евангелическо-лютеранской вере. Собственную семью он характеризует как «ганноверскую семью сельского хозяина», предки которой свыше ста лет управляли доменом Поппенбург в королевстве Ганновер. Примечательно,

---

⁹ См. также допросы Кейтеля в Нюрнберге американским обвинителем Томасом Дж. Доддом в кн.: Thomas J. Dock. Hitlers last Days in Berlin/ In: Nazi Conspiracy and Aggression. Washington, 1948. Обращаем внимание читателя на то, что здесь и далее все несоговоренные примечания принадлежат немецкому издателю книги Вальтеру Гёрлицу.

¹⁰ Рукописи из фонда защитника Кейтеля на Нюрнбергском процессе д-ра Отто Нельте (оригиналы, личные письма и т. п.), далее — «Бумаги Нельте».

вероятно, следующее: так как его мать преждевременно умерла от болезни, а ее вторая дочь Эрика Кейтель, с семнадцати лет страдавшая диабетом в результате несчастного случая, скончалась от туберкулеза, Кейтель придает большое значение констатации, что семья его, как и он сам, была совершенно здорова. Однако он признает, что в сентябре 1914 г. был ранен осколком снаряда в правое предплечье, ему разорвало артерию, и угрожающее гибелью кровотечение удалось остановить с большим трудом. Кроме обычных детских болезней он перенес две травмы: одну в 1907 г. (как уже отмечалось, из-за падения с лошади) — перелом костей таза, и другую — в 1932-м — тяжелое воспаление вены левого бедра, которое повлекло за собой тромбоз сосуда, а также эмболию и воспаление легких. Вследствие этих заболеваний в сохранившейся переписке и его записях отсутствуют какие-либо сведения о его взглядах в период канцлерства генерала фон Шлейхера.

Главным событием для Кейтеля как человека, которого война силой заставила вступить на путь военной карьеры (такой конец ее тогда предвидеть было еще невозможно), явилось его откомандирование в генеральный штаб, после того как в 1914 г. он стал капитаном и некоторое время командовал на Западном фронте батарсей.

Письма, относящиеся к марту 1915 г., когда произошло это событие, весьма ясно показывают, как сильно подействовало оно на Кейтеля, как серьезно он ставил перед собой вопрос: а справится ли он и будет ли соответствовать новой должности? Он прекрасно знал, что ему не хватает образования. Но заслуживает внимания характеристика, данная уже фельдмаршалу Кейтелю одним из его адъютантов: он зачастую действовал лучше, чем можно было предположить. Этот добросовестный человек с удивительным прилежанием стремился неустанным трудом восполнить путем самообразования недостаток в знаниях и даже наверстал то, чего ему поначалу не доставало для успеха в дальнейшей военной карьере.

Как сетования жены, так и семейные предания показывают: целыми месяцами и годами — и в начале своей службы в министерстве рейхсвера (в войсковом управлении) после Первой мировой войны, и во времена начальствования над гигантской управленческой машиной ОКВ — он не знал ничего иного, кроме работы, и

не только в своем служебном кабинете, но и дома. Он становился нервным (особенно в период службы в министерстве рейхсвера), хотя от этого рослого и физически крепкого человека, обладавшего имиджем истинного помещика-юнкера (которым он, кстати, не являлся), никто никогда никаких «нервов» не ожидал. Ему была присуща вечная спешка чрезвычайно занятого человека и тогда, когда он стал генералом, а затем фельдмаршалом — начальником ОКВ, и даже тогда, когда он уже давно превратился в виртуоза военного руководства, способного справляться с горой документов и знающим все административные ходы и выходы. Адьютанты шутили (и Кейтель сам от всего сердца порой смеялся над этой шуткой): «Вот несется во весь аллюр германский фельдмаршал, а за ним, не спеша, вышагивает его адъютант!»

Для генштабиста Кейтеля имело большое значение то, что он прошел практическую школу на войне и, служа в Большом генеральном штабе, в быстро пролетевшие месяцы 1915 г. находился в Галиции и Сербии, выполняя ту функцию, в которой этот высший военный орган еще со времен Мольтке-старшего¹¹ отличался большим военным искусством, а именно — осуществлял оперативное руководство войсками. Конец войны капитан провел в 19-й резервной пехотной дивизии, а затем в качестве 1-го офицера генерального штаба (т.е. начальника оперативного отдела — Ia. — *Прим. пер.*) в штабе корпуса морской пехоты во Фландрии.

Здесь надо было не просто руководить в обычном смысле слова — теперь уже главную роль играли тактика, организация войск и управление ими. У сына помещика, внука арендатора королевского домена организаторский талант был в крови. От своего деда он унаследовал и другое качество, свойственное как дворянским родам, так и крестьянским семьям: неуклонную верность князю — главе государства, пусть даже недостатки оного вполне очевидны. Эта негибкая верность зиждилась на осознании взаимного долга хранить ее — как тем, кто ее тре-

---

¹¹ Гельмут Мольтке-старший (1800—1891) — прусский фельдмаршал. В качестве начальника генерального штаба руководил закончившимися победой войной Пруссии против Австрии (1866) и Франко-прусской войной (1870—1871), приведшей к провозглашению в Версале Германской империи. Идеолог и теоретик германского милитаризма, создатель наступательной стратегии. Считал войну на два фронта невозможной для Германии. — *Прим. пер.*

бует, так и тем, кто ее блюдет; она существовала сама по себе в силу традиции. Властитель был вне критики.

Будучи начальником оперативного отдела 19-й резервной пехотной дивизии, Кейтель познакомился с человеком, которому было суждено стать частью его жизни. Это был 1-й офицер генерального штаба в вышестоящей 7-й армии майор Вернер фон Бломберг, которого причисляли к типу духовно развитых людей. Он был весьма образован, интересовался литературой и философией. Позже ему приписывали склонность к антропософии Штайнера¹². Бломберг произвел на Кейтеля большое впечатление, хотя он и отрицал сближение с ним в человеческом плане. Однако если вспомнить более поздние взгляды Бломберга и Кейтеля на необходимость реорганизации всей структуры высших органов вооруженных сил в духе присущего вновь созданному вермахту руководства, тут несомненно играл роль следующий факт. Кейтель был одним из немногих офицеров генштаба, который во время Первой мировой войны поддерживал по служебной линии тесный контакт со второй составной частью вооруженных сил — военно-морским флотом, пусть даже только с ограниченно используемым в наземной войне соединением — корпусом морской пехоты.

Так еще исподволь возникли те многие нити, которые Кейтель очень хотел сохранить и во времена бедствия и возмездия.

Другим — на сей раз мрачным — событием для молодого генштабиста стала [Ноябрьская] революция 1918 г. До сих пор неясно, что именно думал он об отречении кайзера. Мы не располагаем ни одним суждением Кейтеля о Вильгельме II, нам известно только об отрицательном отношении к императору его жены Лизы. Но фотография кронпринца с собственноручной дарственной надписью еще долго стояла на письменном столе Кейтеля в министерстве рейхсвера. Однако для Кейтеля, как и для десятков тысяч солдат-фронтовиков, образ кайзера уже давно стал подобным призраку, после того как Его Величество несколькими годами ранее устранился от императорских дел.

Что и правда подействовало на Кейтеля уничтожающе, так это нарушение всякого порядка, поражение в войне. Подобно

---

¹² Рудольф Штайнер (1861—1925) — основатель мистической доктрины антропософии. — *Прим. пер.*

сотням тысяч военнослужащих всех званий и рангов, он воспринял происходящие события как своего рода землетрясение неизвестного происхождения. Но он не искал утешения в тезисе, будто степной пожар «красной революции» был зажжен в тылу, а сама революция явилась «ударом ножа» в спину «не побежденной на фронте армии». Лично Кейтель был человеком необычайно мужественным, но вместе с тем склонным рассматривать происходящее вокруг крайне мрачно, а тем более тогда, когда над страной нависли грозные тучи. Вот почему в 1918—1919 гг. он попеременно переходил от стремления и веры в то, что удастся построить новую Германию, к сомнению, не будет ли все это, пусть и на время, сметено вихрем большевизма.

И Кейтель остался офицером. Теперь он считал своим долгом не отказываться от построения нового государства. В Нюрнберге он сказал: я выполнял свой долг воина при кайзере, при Эберте¹³, при Гинденбурге¹⁴ и при Гитлере. Так, как он, думали многие, в том числе и те, кому потом пришлось гораздо легче: они ведь не имели столь тесных отношений с фюрером, а потому и не должны были отвечать за свои действия перед Международным военным трибуналом, после того как сам фюрер уклонился от своей земной ответственности.

С 1925 до 1933 г. Кейтель (с небольшим перерывом для службы в войсках в качестве командира дивизиона 6-го артиллерийского полка в Миндене) служил в министерстве рейхсвера, и притом (что являлось признаком правильной оценки его способностей) — в организационном отделе (Т2) сухопутных войск войскового управления. Сначала он был начальником группы, а с 1930 г. — уже начальником этого отдела. Именно к тому вре-

---

¹³ Фридрих Эберт (1871—1925), по профессии — шорник, лидер германской социал-демократии, первый президент веймарской Германии (1919—1925). — *Прим. пер.*

¹⁴ Пауль фон Бенеккендорф унд фон Гинденбург (1847—1934) — генерал-фельдмаршал и глава верховного главнокомандования германской армии в Первой мировой войне; с 1925 г. — президент Германии. Его смерть 1 августа 1934 г. Гитлер использовал для того, чтобы упразднить пост президента, объявив себя главой государства и правительства в качестве «фюрера и рейхсканцлера», и, таким образом, сосредоточить в своих руках всю полноту власти в целях подготовки и ведения агрессивной войны за мировое господство. — *Прим. пер.*

мени относятся его первые, составленные вместе с полковником Гейером соображения о будущей современной организации высших командных органов вооруженных сил. Генерал-лейтенант Ветцель, один из ближайших сотрудников Секта¹⁵, будучи начальником войскового управления, этого неофициального генерального штаба рейхсвера, включил Кейтеля в свое непосредственное окружение и привлек в качестве разработчика проблем босспособности небольшой по численности армии и создания резервных частей для ее развертывания в случае войны. Позже на долю возглавленного Кейтелем отдела Т2 выпала теоретическая подготовка увеличения численности рейхсвера.

Даже многие враги, которых Кейтель приобрел в дальнейшем, будучи начальником личного военного штаба Гитлера (поскольку все ожидали от него большего, да и вообще иного, чем он мог делать в силу своего служебного положения), не отрицают его организаторских способностей. Напротив, в своих воспоминаниях Кейтель отнюдь не делает тайны из того, что при всем его стремлении к стоящему над всеми видами вооруженных сил общему командованию сам он вовсе не претендовал на роль начальника генерального штаба вермахта, ибо для этого ему не хватало ни базового образования, ни соответствующих качеств характера. Но превыше всего было для Кейтеля понимание необходимости (ввиду существования трех видов вооруженных сил: сухопутных войск, военно-морского флота и авиации) создания стоящего над ними руководства вермахта.

Генеральный же штаб сухопутных войск был слишком ограничен рамками традиционного мышления, чтобы одному, и притом исключительно, претендовать на руководство всеми вооруженными силами рейха. В этом отношении Бломберг, Кейтель и Йодль мыслили гораздо современнее тогдашнего начальника генерального штаба генерал-полковника Бека¹⁶.

---

¹⁵ Генерал-полковник Ганс фон Сект (1866—1936), в 1920—1926 гг. — командующий созданным им на основе Версальского договора рейхсвером; в 1930—1932 гг. — депутат рейхстага от партии немецких националистов, в 1934—1935 гг., после своей отставки, — военный советник Чан Кайши в Китае. — *Прим. пер.*

¹⁶ Генерал-полковник Людвиг Бек (1880—1944) — начальник генерального штаба сухопутных войск с 1933 до 1938 г. Как противник политики Гитлера был уволен с военной службы. Участвовал в антигит-

Сохранившаяся служебная переписка даст ясно понять, сколь энергично начальник отдела министерства рейхсвера подходил к этим вопросам «по-государственному», а также сколь сильно он при этом страдал, сознавая, что Германия, в определенном смысле, катится под гору. Сначала он возлагал надежды на рейхсканцлера Брюнинга¹⁷, потом на рейхсканцлера Папена¹⁸. Национал-социалисты сначала не внушали Кейтелю никакого доверия. Письменные высказывания жены верно отражают ход его мыслей.

Тяжелый кризис германского сельского хозяйства, начавшийся в 1927 г., глубоко затронул Кейтеля как землевладельца. Когда в разгар кризиса отцу пришла в голову мысль продать Хёльмшереде, сын всячески отговаривал его, рассчитывая спасти поместье с помощью состояния жены.

Характерно также и то, что в 1931 г. полковник рейхсвера Кейтель познакомился с Россией и Советским государством. Это произошло в рамках тех отношений, которые существовали тогда между рейхсвером и Красной армией. На него произвела сильное впечатление не сама коммунистическая система, а именно картина «сильного государства», в котором армия сама по себе, как ему представлялось, играла главенствующую роль.

леровском заговоре 20 июля 1944 г., предназначался заговорщиками на пост президента Германии. После провала заговора пытался покончить жизнь самоубийством. — *Прим. пер.*

¹⁷ Генрих Брюнинг — представитель католической партии Центра, рейхсканцлер Германии в 1930—1932 гг. По свидетельству очевидцев, он, фронтовик, капитан в отставке, не смел перечить фельдмаршалу-президенту. Проводил свою политику с помощью так называемых чрезвычайных распоряжений. В 1932 г. был грубо отставлен Гинденбургом и в 1934 г. эмигрировал в США, где написал мемуары.

¹⁸ Франц фон Папен — офицер генерального штаба, во время Первой мировой войны — германский военный атташе в США. Лидер партии Центра. В мае—декабре 1932 г. — рейхсканцлер Германии. Активно способствовал приходу Гитлера к власти. Стал вице-канцлером возглавленного Гитлером коалиционного правительства (1933—1934), посол в Австрии (1934—1938), посол в Турции (1939—1944). Активно участвовал в подготовке и ведении Второй мировой войны. В 1945 г., как один из главных немецких военных преступников, был отдан под суд Международного военного трибунала в Нюрнберге, но, вопреки особому мнению судьи от СССР, был вместе с Шахтом и заместителем Геббельса Фричем оправдан в октябре 1946 г. — *Прим. пер.*

Обладавший глубоким умом идейный противник Кейтеля (в борьбе памятных записок и меморандумов за будущую структуру верховного командования вооруженных сил в ранний период гитлеровской эры) начальник генерального штаба сухопутных войск генерал Людвиг Бек пришел в 1933 г. к убеждению, что революционный антинацистский переворот в Германии мог бы пойти на пользу фатерланду. Примерно то же самое ощущал и Кейтель, хотя хорошо знал, что замкнувшийся в Хельмшереде отец с порога отвергал все новое.

Проблему сотрудничества с Гитлером — этот решающий для Кейтеля вопрос в его судьбе и его вине — мы рассмотрим в заключение к данной книге. Сначала же дадим сказать свое слово документам.

Тем не менее полезно для начала привести ряд типичных оценок, которые были даны фельдмаршалу иностранными авторами. Так, английский военный историк Джон У. Уиллер-Беннет в своем знаменитом труде «Немезида власти» в определенной мере обобщает все обвинения в адрес Кейтеля времен Нюрнбергского процесса. Под его пером Кейтель предстает «загадочным нацистом», который еще задолго до прихода гитлеровцев к власти был «серым и не подававшим никаких особенных надежд офицером». Уеллер-Беннет характеризует его как «вюртембержца с большой амбицией, но не талантом. Он лоялен, но не обладает никаким характером, однако от природы самоуверен, хитер и обаятелен, притом неинтеллигентен и вообще отнюдь не крупная личность»¹⁹.

Американский психолог, наблюдавший за подсудимыми в Нюрнбергской тюрьме, д-р Дуглас М. Келли в книге «22 человека из окружения Гитлера» (Оксфорд, 1955) описывает Кейтеля как прусского юнкера и типично прусского генерала, предки которого якобы более века были прусскими офицерами и крупными землевладельцами. В противоположность Уиллеру-Беннету, он приписывает Кейтелю «высокую интеллектуальность», хотя тот вовсе не был столь же многосторонне талантливым, как Альфред Йодль.

Другой видный англосаксонский военный историк Гордон А. Крейг в также знаменитой книге «Прусско-германская ар-

---

¹⁹ *Jonn W. Wheller-Bennet. Die Nemesis der Macht. Dusseldorf, 1954.*

мия, 1640—1945: Государство в государстве»²⁰ коротко и ясно оценивает Кейтеля как человека бесхарактерного и восторженного почитателя Гитлера.

Карл Хензель, один из наиболее серьезных и литературно одаренных защитников на Нюрнбергском процессе, в своей книге «Суд откладывается»²¹ считает Кейтеля совершенно типичным генералом. Он полагает, что сам процесс явился для Кейтеля своего рода «службой» на навязанном ему «суде чести». Адвокат сомневается в том, что у этого твердолобого подсудимого могла вообще промелькнуть в голове хоть одна-единственная светлая мысль, и полагает, что его тупоумие восходит ко временам пребывания в кадетском корпусе.

Высшие военные чины гитлеровского рейха, позднее писавшие о Кейтеле в своих воспоминаниях или исторических работах (например, генерал-фельдмаршал фон Манштейн, генерал-полковник Франц Гальдер или генерал пехоты д-р Вальдемар Эрфурт²²), отнюдь не отрицая его способностей, особенно организаторских, тем не менее характеризуют его, как тип удобного подчиненного. Гальдер идет еще дальше, называя его «рабочим скотом». Однако исторические исследования хромают на одну ногу. С точки зрения Гитлера, Кейтель как начальник ОКВ был всего-навсего начальником его военной канцелярии (как, скажем, начальник имперской канцелярии [Ламмерс] или партийной канцелярии [Борман]), но и Наполеон тоже подобным образом оценивал своего начальника генерального штаба. Им был маршал Бертье, герцог Невшательский, князь Ваграмский, который в 1814 г. при падении Наполеона, перешел на службу к новому королю Франции Людовику XVIII, а во время «Ста дней» в состоянии душевного разлада покончил жизнь самоубийством. На Нюрнбергском процессе Кейтель на вопрос своего защитника д-ра Нельте (хотя он и сам задумывался над этим), готов ли он выступать в качестве главного свидетеля военных преступлений нацистского режима, заявил:

---

²⁰ *Gordon A. Craig*. Die preussisch-deutsche Armee, 1640—1945: Staat im Staate. Dusseldorf, 1960.

²¹ *Karl Haensel*. Das Gericht vertagt sich. Hamburg, 1950. S. 144 ff.

²² *Fritz-Erich von Manstein*. Aus dem Soldatenleben. Bonn, 1958. S. III, 288; *P. Bor*. Gespräche mit Haider. Wiesbaden, 1950. S. 114 ff; *W. Erfurth*. Geschichte des deutschen Generalstabes, 1919—1948. Göttingen, 1960. S. 199.

«Как германский офицер, я, само собой разумеется, считаю своим долгом держать ответ за все, что я делал, даже если это было неправильным. Было ли то моей виной или сплетением жизненных обстоятельств, четко различить удастся не всегда. Но для меня невозможно одно: возлагать вину на солдата, находящегося на переднем крае, или на унтер-офицера, чтобы тем самым снять ответственность с тех, кто занимал самые высшие посты. Это не только не соответствовало бы истине, но было бы и недостойно...»²³

* * *

Приводимые далее фрагментарно, частично или полностью документы, касающиеся судьбы Кейтеля, почерпнуты из двух фондов. Прежде всего это переписка из уже цитированного судебного дела «Кейтель 71/40», а также его многочисленные письма к жене Лизе и ее родителям, а также письма жены. Письма приводятся в неизменном виде (но в ряде случаев с сокращением второстепенных для русского читателя подробностей семейной жизни. — *Прим. пер.*). Сокращения, сделанные немецким издателем [или переводчиком], обозначены отточием в остроугольных скобках. Во-вторых, это возникшие в период пребывания в тюремном заключении записи самого фельдмаршала. Он делал их, не имея под рукой никаких документальных источников; к тому же у него не осталось времени перечитать их или внести необходимые коррективы. Поэтому там встречаются ошибки и неточности, а также незаконченные фразы или смещение событий во времени.

Эти обстоятельства вынудили издателя дополнять некоторые неотработанные места текста, вставлять для лучшего понимания недостающие слова, а в других случаях — опускать неразборчиво написанные от руки предложения и исправлять явные фактические ошибки. Такие места взяты в квадратные скобки. Имюющиеся в рукописном оригинале подчеркивания для наглядности выделены курсивом или разрядкой.

В целом же достойно удивления, что, находясь в состоянии тяжелого душевного стресса в недели ожидания вердикта суда и

---

²³ «Бумаги Нельге».

в дни накануне приведения смертного приговора в исполнение, фельдмаршал все-таки оказался способен набросать, с точки зрения присущей ему определенной концепции, краткий очерк жизни и изложить свои действия в столь трудные годы германской истории.

Вполне возможно, что эта работа даже для человека, занимающегося военно-историческими исследованиями за письменным столом в уютном кабинете, потребовала бы не одного десятилетия. Для самого же Кейтеля она являлась желанным отвлечением от тюремной повседневности и способствовала концентрации его мыслей. Однако человеком с ярким пером, крупным литератором фельдмаршал, разумеется, никогда не был. Поэтому чтение его материалов порой довольно затруднительно и требует сосредоточенности. Вероятно, будь у него возможность и время, он многое бы изменил и переформулировал. И пусть он мало обращал внимания на стиль, его памятные записки и приказы говорят сами за себя и весьма точно и четко воспроизводят его мысли.

Все это, конечно, надо иметь в виду при чтении его материалов.

Вальтер Гёрлиц, Гамбург, 15 марта 1961 г.

ПИСЬМА 1914—1935 гг. СЕМЕЙНАЯ ПЕРЕПИСКА

*Вильгельм Кейтель — отцу (открытка полевой почты)
1.9.[19]14 г.*

Вторая крупная битва при Сан-Квентине осталась позади; это были дни непрерывных боев, которые смолкали лишь на несколько часов ночью. С Божьей милостью наши войска одержали блестящую победу, французы отступают к Парижу. За эти дни мы добились многого и много чего пережили. В сражении у Намюра мы в воскресенье 23.8 понесли большие потери в результате сильно превосходившего артогня противника; мы выдерживали его целых восемь часов. Погода стоит великолепная, я думаю о тебе и урожае, который ты соберешь благодаря такой погоде, несмотря на отсутствие людей и лошадей. <...>

Лиза Кейтель — матери

Вольфенбюттель

11.10.1914 г.

Готовятся крупные дела. Вильгельм узнал об этом в Ганновере²⁴ и сообщает с большой надеждой. Если бы только Голландия и в самом деле объявила войну Англии! Этот глупый бельгийский король [Альберт I] все еще позволяет англичанам уговорить себя защищать свою столицу при полной бесперспективности. <...>

Вильгельм Кейтель — тестю (открытка полевой почты)

Фрезне, 10 км севернее Реймса

13.10.[19]14 г.

С огромным наслаждением закурил одну из присланных тобой сигар, которые я обнаружил здесь по возвращении на фронт. <...> Противник ведет огонь и днем и ночью, но за четыре недели мы уже к этому совсем привыкли. <...>

Вильгельм Кейтель — отцу (открытка полевой почты)

Конде

27.10.[19]14 г.

[В начале письма Кейтель сообщает отцу о награждении Железным крестом I степени; он «все еще не находит слов для выражения своих чувств» в связи с этой наградой].

<...> Больше ничего нового нет. Конец может быть положен только нашим крупным наступлением. <...>

Вильгельм Кейтель — тестю (открытка полевой почты)

«Ледяной дворец» — землянка на огневой позиции

26.11.[19]14 г.

<...> Постепенно нами овладевает какое-то нетерпение, к тому же это постоянное противостояние действует на нервы. <...>

Вильгельм Кейтель — тестю

Менвиль

10.12.[19]14 г.

<...> Наибольшую рождественскую радость нам доставила перспектива уже недалекого конца войны. Однако обстановка

---

²⁴ Обер-лейтенант Вильгельм Кейтель в сентябре 1914 г. был ранен осколком снаряда и получил отпуск на родину для поправки.

на фронте в настоящее время делает такие мысли и надежды еще совершенно невозможными и неосуществимыми. Во всяком случае, у меня лично представление такое, что здесь, во Франции, мы крепко застряли и в обозримый период времени не в состоянии добиться решающей победы. На участке от С-верной Фландрии и до района южнее Вердена²⁵ повсюду речь идет только о фронтальных боях, которые при том, что наши противники прекрасно окопались, требуют от нас при любой попытке прорвать их укрепления или наступать ценой ужасных жертв. <...>

Вы даже представить себе не можете, как мы тут живем и воюем. От вражеских окопов нас порой отделяют всего каких-то сто метров. Иногда наши солдаты бросают французам газеты и даже шоколад и сигареты, сообщают всякие новости. Недавно французы кричали нам, что больше не хотят взаимного обстрела. На это мы отвечали им: пусть сначала прекратят обстреливать из тяжелых орудий деревни, где мы находимся на постое. Французы в ответ: мы против этого бессильны, это делают англичане! А сегодня, когда вокруг деревни рвались крупнокалиберные снаряды, мы устроили здесь охоту на зайцев! <...>

Лиза Кейтель — свёкру

Вольфенбюттель

12 января 1915 г.

<...> У него [Вильгельма] пока все идет хорошо. Но ты, верно, сможешь себе представить, как тяжело воспринимает он все это при его душевном складе. Письма его порой звучат так печально, а помочь ему нечем. <...>

Вильгельм Кейтель — отцу (открытка полевой почты)

Штаб корпуса, Монтьен

11. 3. 119/15 г.

Я должен готовить вторую крупную внезапную операцию. С этой целью мне вчера неожиданно пришлось покинуть свой

---

²⁵ Город в Восточной Франции на р. Маас. Превращенный в сильно укрепленный крепостной район, он был центром французских оборонительных позиций. С февраля по декабрь 1917 г. здесь шли кровопролитные бои с широким применением военной техники; они вошли в историю под наименованием «ад Вердена». — *Прим. пер.*

любимый полк и ставшую мне родной за четыре трудных зимних месяца батарею. Я переведен в штаб 10-го резервного корпуса и сейчас занимаю штабс-офицерскую должность, уже приступил к исполнению новых служебных обязанностей. Такова цена моей прошлогодней служебной поездки в этот штаб, и я должен от всего сердца радоваться этой редкой награде. <...> Правда, переведен я отнюдь не в штаб корпуса, это исключено, и об этом нечего и думать. Переход от многолетней службы в качестве адъютанта полка был труден, а этот второй переход ставит меня перед новыми и более трудными задачами. <...>

Лиза Кейтель — свекру

Вольфенбюттель

22 марта 1915 г.

Он рад этому (откомандированию в штаб корпуса. — *Прим. пер.*) всей душой. Правда, красные брюки он еще не носит (имеются в виду брюки карминного цвета, положенные офицеру генерального штаба. — *В.Г.*), но очень скоро их получит, если только не опозорится. <...>

Вильгельм Кейтель — тестю

Штаб корпуса в Монтене

13.3.[19]15 г.

<...> Ты, вероятно, уже узнал от Лизы об оказанной мне редкой чести: моем переводе в офицеры штаба 10-го резервного корпуса. Ты поймешь, что это меня крайне обрадовало, но все-таки мне снова потребуются привыкать к серьезной и ответственной кабинетной работе. Вработаться, конечно, нелегко, и мне придется браться за дело весьма энергично. <...>

Вильгельм Кейтель — отцу

Штаб-квартира корпуса в Монтене

21.3.[19]16 г.

Я часто задумывался над тем, как будет выглядеть война к твоему дню рождения. И вот он наступил, но, к сожалению, на ее конец никаких видов все еще нет. <...>

Правда, я получил такие отличия, на которые никогда и не рассчитывал. Моя новая должность предъявляет ко мне высокие требования, они для меня совершенно новы. В то время как

офицеры генерального штаба в течение пяти лет проходят предварительное обучение, меня просто взяли и посадили на нее. Смогу ли я с ней справиться, да еще в таких условиях, и овладеть всей необходимой техникой этого дела? Пока это кажется мне невыносимым. Но это ни в малейшей мере не пугает меня, я просто полагаюсь на мой здравый рассудок, а остальное дополнит моя добросовестность, так что все окажется не таким уж и трудным. <...>

До тех пор пока наши противники не увидят, что мы вовсе не оголодали, даже еще не собрав новый урожай, я ни в какой мир не верю. От хорошего урожая нынешней осенью наверняка зависит очень многое, а вот неурожай может лишить нас плодов наших побед. <...>

Лиза Кейтель — отцу
Вольфенбюттель
9 апреля 1915 г.

<...> Вильгельму приходится невероятно много работать, причем целыми ночами. Но я рада, что он не сидит в окопах. Вчера он написал: нам всем надо выстоять! Решающие битвы исключены. Для них нужно много войск, а мы их при растянутой линии фронта сконцентрировать не можем. <...>

Вильгельм Кейтель — тестю
Замок Оберкирх (Эльзас)
3.5.[19]15 г.

<...> Период освоения новой сферы моей деятельности для меня нелегко, не говоря уже о том, что жаловаться на отсутствие множества каждодневных дел не приходится. За все восемь недель моего пребывания здесь мне всего пять раз удалось отдохнуть, сев на коня, да и это чересчур много. Целыми днями сижу, макая перо в чернильницу.

В умах царит полная темень насчет того, что будет дальше и когда же наступит мир, которого вы так ждете у себя на родине. <...> Одно только и утешение, что на Ипре и на высотах у Комбре одержаны крупные победы. От французских попыток прорыва линии фронта они отличаются тем, что достигаются наличными силами, а французам приходится предпринимать отчаянные усилия, вводя в бой по несколько армейских корпусов.

Потери французов только в одной Шампани и между Маасом и Мозелем оцениваются нами в 150—200 тысяч человек, и эти данные вовсе не завышены. Во что обходятся попытки прорыва и наступлений в нынешней стадии войны, видно из этих цифр, и, таким образом, можно лишь надеяться, что мы и не подумаем приносить такие же жертвы, которые, по моему мнению, никак не привели бы к концу войны, даже если бы нам удалось прорывы крупного масштаба, в чем я, впрочем, сомневаюсь. Пусть французы и впредь разбивают себе башку, у них на фронте уже воюет контингент 1916 года, а за ним последует и 1917-го. Ну а когда они принесут в жертву и этих парней, больше воевать не смогут, и их силы иссякнут. На востоке все в движении и в состоянии подготовки. <...>²⁶

*Вильгельм Кейтель — отцу
Поместье Тарнагора [Галиция]²⁷
23.8. [19]15 г.*

<...> Где добыта победа — значения не имеет, главное — мы победили и скоро добьемся решения исхода войны против России. Мы — на самом верном пути к этому. <...>

Радуюсь сегодня от всего сердца тому, что кое-чего достиг на фронте после должности полкового адъютанта и при этом не утаиваю от себя, какие трудные и трудоемкие служебные задачи стоят передо мной — особенно потом, если, даст Бог, мне суждено уцелеть. Моя предварительная подготовка для службы в качестве офицера штаба корпуса, собственно говоря, слишком поверхностна. Мне не хватает даже ее азбуки, таблицы умножения, которыми средний генштабист овладевает за три года обучения в академии и два года службы в корпусном командовании. Всем этим я пока владею лишь в мечтах, и все это для меня — книга за семью печатями. Хочу сказать, что не владею той техникой,

---

²⁶ Написано с ретроспективным взглядом на французскую наступательную операцию в Шампани, представлявшую собой первую битву техники и боеприпасов под прикрытием массированного огня артиллерии.

²⁷ Письмо написано в дни крупного наступления германских и австрийских войск летом 1915 г. в Галиции, в котором капитан штаба корпуса Кейтель принимал участие в составе войск Южной армии под командованием генерала Ланзингена.

без которой нельзя надежно, быстро и уверенно работать, т.е. «приказывать». Здравого рассудка и способности верно оценить обстановку, которые привели меня на эту должность, у меня, конечно, не отнять, но одни они еще не делают тебя генштабистом. Пока я эти соображения и заботы оставляю на будущее и целиком посвящаю себя своей нынешней деятельности. Но позже я все это наверстаю весьма серьезным, тяжелым трудом, а пока хочу закрепить в своей теперешней должности и быть на высоте предъявляемых ко мне требований. <...>

Лиза Кейтель — матери
Вольфенбюттель
19.9.1915 г.

Хочу написать тебе кое о чем. Но прошу: пусть это останется между нами! Мне кажется, что, открывая путь в Константинополь, мы помогаем туркам, — ведь они находятся в отчаянном положении. Пожалуй, в эту кампанию вмешается зима, а особенно Россия с новыми силами. Если нам предстоит плохое, то самое худшее, что с нами может случиться, — это Дарданеллы. <...>

Лиза Кейтель — матери
Вольфенбюттель
2 августа 1916 г.

<...> Что вы скажете насчет недавнего полета цеппелина над Англией? Я рада, что дожила до этого! Верно, это было ужасно! Вильгельм все еще под Верденом, в 10-м резервном корпусе, как и раньше. Пишет теперь несколько разумнее. Меньше предаётся всяким мечтаниям. <...> Впечатление такое, что с нервами у него не совсем в порядке. Не может спать, вечно это подлое сердцебиение! Я очень встревожена. Ведь если он пишет такие вещи, значит, дело не так-то просто. <...>

Вильгельм Кейтель — отцу
С фронта
2.10.[19]16 г.

<...> Загружен работой по горло, отдыха почти нет, даже ночью. Надеюсь, мои нервы выдержат, испытание их уже позади. <...>

Хорошей погоды нам, солдатам, больше ждать нечего. Активные боевые действия на Сомме, кажется, тесно связаны с

нею. Ведь только при ясной погоде авиация и артиллерия могут действовать так, как требуется в современном сражении. <...>²⁸

Вильгельм Кейтель — отцу

Брюгге

23.3.[19]18 г.

<...> Слава Богу, этой зимой мы значительно приблизились к концу войны и подходим, с военной точки зрения, с большими надеждами к стоящей перед нами огромной задаче. <...>²⁹

Лиза Кейтель — матери

Вольфенбюттель

20.4.[19]18 г.

<...> Будем надеяться, что наши политики научатся говорить более энергичным языком. Кажется, у большинства из них начинает брать верх разум. На Западе нам наверняка еще предстоят очень тяжелые и суровые бои. Англичане невероятно упорны. Есть надежда, что мы скоро дойдем до Ипра. Вильгельм сообщает хорошие новости.

<...> Несмотря на всю его занятость, это для него словно затишье перед бурей. Но 2—5 часов он все-таки спит как убитый. <...>

Вильгельм Кейтель — теще

Фронт

2.7.[19]18 г.

Война — своеобразный учитель, помогающий бросить взгляд назад и заглянуть в будущее, причем не только в военных делах, но и в семейных. Я живо вспоминаю этот день четыре года назад, когда Лиза и я во время нашей прекрасной поездки в Швейцарию послали тебе издали поздравительное письмо

---

²⁸ Написано под впечатлением битвы на р. Сомме (1916 г.), которая последовала за безуспешными попытками немецких войск разгромить противника в борьбе за овладение поясом крепостных укреплений вокруг Вердена.

²⁹ 21.12.1917 г. капитан генерального штаба Кейтель стал начальником оперативного отдела (1а) Штаба корпуса морской пехоты во Фландрии. Штаб его находился в Брюгге. Командовал корпусом адмирал Людвиг фон Шрёдер. Имеется в виду предстоявшее германское наступление весной 1918 г.

по случаю твоего дня рождения. Кто думал тогда о том, что нам предстоит! Ты сама или кто-нибудь из нас может ли себе представить, что будет, скажем, через год? За эти долгие годы войны я стал скромнее в своих желаниях, совсем уже отвык от желания мира и надежд на него. <...>

Лиза Кейтель — матери
Вольфенбюттель
6 октября 1918 г.

Сегодняшнее воскресенье³⁰ поистине траурное. Я провела его за штопкой чулок. От этого мои надежды на будущее более розовыми никак не стали. Надо уяснить себе, что, если Вильсон настроен милостиво, мы вскоре получим мир. К тому же, несмотря ни на что, это будет мир для нас самый благоприятный. Ведь враги стремились к нашему полному уничтожению. Неужели они откажутся от этого в самый последний момент? Это означало бы, что им самим приставят нож к горлу. Рейхсканцлер³¹ нравится мне своим спокойным, деловым и вполне определенным образом действий. Эта новая форма правления и наверняка единственно возможная. Хуже прежнего правительства³² новое быть никак не может. Во всяком случае, оно опирается на большинство. А кто доверял прежнему правительству? Через несколько недель многое может основательно проясниться. В эти суровые времена сильнее ощущаешь свое одиночество. <...>

Вольфенбюттель
5 ноября 1918 г.

<...> Кайзер, видимо, останется, а демократическое правительство меня не беспокоит, если только в нем не засядут люди из НС³³. Канцлер, по-моему, просто немецкий идеалист, оратор-

---

³⁰ 5 октября 1918 г. германское имперское правительство направило президенту США Вудро Вильсону просьбу о перемирии.

³¹ Максимилиан (Макс), принц и маркграф Баденский (1867—1929), возглавлял германское правительство с 3.10 до 9.11. 1918 г.

³² Имеется в виду правительство рейхсканцлера графа Георга фон Гертинга (1843—1919), которое он возглавлял с 1917 до 1918 г.

³³ Эти сведения об обстоятельствах бегства кайзера Вильгельма II в Голландию отражают распространявшиеся тогда слухи, а не действительные события.

ствует весьма красиво. Но я считаю, что все это неосуществимо. То, что происходит в последние дни, непостижимо. <...>

Утром получила еще одно милое письмо от Вильгельма. Порой он рисует будущее в таких мрачных красках, что просто страшно просыпаться. Отступление и вообще все это в целом действует на военных угнетающим образом; особенно на тех, кто придерживается старопрусских взглядов. <...>

Лиза Кейтель — матери

Вольфенбюттель

13 ноября 1918 г.

<...> Твое политическое возмущение (Ноябрьской революцией 9 ноября 1918 г. — *Прим. пер.*) я <...> нахожу неоправданным. Конечно, кайзера жалко. Но война со всем, порожденным ею, пожалуй, развивалась бы так же и при любом другом правителе. Он вместе со своим любимым Бетманом³⁴ понаделал ужасающих ошибок. Я просто хохотала: выехать в Голландию с 60 высшими офицерами да еще в полной парадной форме! Этому человеку чуждо всякое понимание реальности. Мятаж войск, действительно, прекрасным никак не назовешь. А начался он с попойки морских офицеров³⁵. <...>

Лиза Кейтель — матери

Вольфенбюттель

23 ноября 1918 г.

<...> От Вильгельма получила весточку от 19-го. 20-го они прибыли в область по левую сторону Рейна и рассчитывают через 10 дней марша демобилизоваться на Везеле. А оттуда он вместе со своими буршами [парнями] и лошадьми хочет проехать через всю страну. Думаю, прибудет числа 29-го. Как видно из письма, он пал духом, его просто тошнит от всей этой плебейской улюлюкающей бестии, от солдат с красными флагами, от всех этих грабешей и т.п. Все это неутешительно для того, кто

---

³⁴ Подразумеваются представители Независимой социал-демократической партии Германии (НСДПГ), которые в противоположность большинству немецких социал-демократов стремились к революции.

³⁵ Теобальд фон Бетман-Гольвег, германский рейхсканцлер с 1909 до 1917 г.

пережил последние месяцы войны. А к этому добавляются и заботы о будущем. <...>

Вильгельм Кейтель — тестю

Ахауз

10 декабря 1918 г.

С тех пор как я попрощался с вами в тот сентябрьский вечер, произошло столько печальнейших событий, что эти недели, если задуматься, могут показаться сновидениями целой вечности. В ночь с 27 на 28 сентября [1918 г.] я, смертельно усталый, прибыл в Брюгге. А через час (даже не успел поспать) началась последняя битва во Фландрии. Ее следствие — отступление к Антверпену; оно шло шаг за шагом, с большими паузами, в полнейшем порядке и без больших потерь личного состава. Впереди лежал Антверпен, который можно и должно было удержать. Но тут произошла революция. В этом городе, где матросня со времени оставления нами побережья Фландрии уже толпами шлялась по улицам, ничем не занятая, брошенный из тыла факел красного пожара нашел самую подготовленную почву. <...>

Таким образом, и здесь дорогой наш военно-морской флот мог похвастаться тем, что положил начало всеобщей забастовке на фронте. Узы дисциплины, которые могли сохраняться в течение целых четырех лет даже в ходе огромных победоносных битв, теперь разорваны, но для меня они останутся незабываемыми. Какие условия сложились у нас, тебе станет понятно, если я скажу, что для исполнения мною служебных обязанностей мне потребовалось охранное удостоверение, выданное Советом солдатских депутатов! Иначе меня бы расстреляли. Не прикрепив красный флаг к своей машине, я оказался бы разоруженным, без кокарды, с сорванными погонами, и меня бы просто-напросто выпвырнули из машины. <...>

Двухнедельный марш через Бельгию 120 тысяч человек, возвращающихся на родину и подчиненных командованию корпуса морской пехоты, оказался самым тяжелым маневром, который я когда-либо проделывал. Несмотря на плохое моральное состояние войск и связанные с этим трудности, все прошло довольно хорошо. Дальнейший марш за Рейн — тоже: мы перешли его 30 ноября всего за час до последнего момента; удалось переправиться всем до единого. После перехода через

Рейн все по существу и началось: ведь каждый хотел поскорее, самым первым уйти домой. Тот, кто считал повиновение и порядок символами добродетелей немецкого солдата, пережил, пожалуй, самые печальнейшие времена во всей своей военной жизни, когда все начало распадаться и разбегаться куда глаза глядят.

Но мы, благодарение Богу, еще здоровы и достаточно молоды, чтобы попытаться серьезной и честной работой восстановить то, что было бессмысленно и глупо разрушено всего за несколько дней. Думаю, при помощи Национального собрания мы вновь создадим жизнеспособное государство и постепенно преодолеем последствия революции и несчастливой войны, т.е. то, чего вполне можно было избежать.

Наша деятельность здесь заключается в отправке на родину нескольких дивизий, которая продлится еще 2—3 недели, а затем штаб корпуса отправится на демобилизацию в Вильгельмсхафен. Что с нами будет дальше, пока еще неясно.

Надо остерегаться слишком поспешных шагов и расставаний, даже если я твердо решил в ближайшее время навсегда сказать офицерской профессии «прощай!» <...>

Лиза Кейтель — родителям

Вольфенбюттель

28 декабря 1918 г.

<...> Главная радость — это, конечно, то, что Вильгельм здесь. Он неожиданно вернулся в пятницу вечером. Я вне себя от радости, что он весьма разумен и вовсе не так подавлен, как я боялась. Здесь у нас, благодаря брауншвейгским условиям³⁶, с большинством [революционных выступлений] полностью покончено. Во всяком случае, до созыва Национального собрания³⁷ никаких решений не принимается. <...>

---

³⁶ В бывшем герцогстве Брауншвейгском сформировалось наиболее радикальное революционное правительство во главе с Зеппом Ёртером.

³⁷ Перед подлежащим созыву Национальным собранием, которое в начале 1919 г. приступило к своим заседаниям в Веймаре, стояла задача не только выработать новую (получившую название Веймарской. — *Прим. пер.*) конституцию Германии, но и решить вопрос о форме и численности новой армии рейха (рейхсвера).

Лиза Кейтель — матери

Вольфенбюттель

28.2.1919 г.

<...> Сегодня получила весьма удовлетворившее меня письмо от Вильгельма из Берлина. Он вместе с командиром [корпуса] отправился в военное министерство для переговоров о будущей армии. <...>

Вильгельм Кейтель — отцу

Штеттин

22.3.[19]19 г.

Когда сегодня, накануне еще одной годовщины, привожу в порядок свои мысли о войне и думаю о твоем предстоящем дне рождения, то вспоминаю, что тогда все мы находились под впечатлением крупного наступления на Западе, этой огромной битвы во Франции, казавшейся кульминационной точкой нашей военной мощи. Кто бы мог подумать тогда, что у нас не хватит военной силы остановить этот бесстыдный польский сброд, не говоря уже о том, чтобы восстановить порядок в собственной стране. Мое желание таково: чтобы ты в своем уединении не замечал всей той мерзости, того позора последствий переворота, т.е. всего, о чем ты читаешь в газетах. Но боюсь, как бы столь заботливо взращенный и благоприятствуемый радикализм (а лучше сказать, коммунизм) не проник и в тихие уголки бывшего герцогства. Просто придется стыдиться быть «брауншвейгцем». <...>

Прошло уже шесть месяцев с тех пор, как я служу здесь в командовании II военного округа. <...> Военная служба в нынешних условиях требует известной меры самоотречения. Только прирожденное и воспитанное в старом духе чувство долга делает само собою разумеющимся то, что отодвигаешь на задний план все личные соображения и ощущения, чтобы помочь, пока еще есть шанс, отвратить самое худшее — полный большевизм. Насколько велика эта опасность, я получил исчерпывающее представление здесь, в Остмарке (Восточная Пруссия. — *Прим. пер.*), где в моих руках находится разработка всех мер для отпора ему. Но иногда в голову приходит мысль: если нам этого не избежать, мы при подходящем случае уж не пощадим наших врагов, особенно Францию и Англию! Будем надеяться, что мы преодолеем все это тогда, когда эта [революционная] волна до-

катится и до наших врагов. Порой я даже верю, что только благодаря этому мы сможем вновь подняться в тех условиях, которые налагают на нас [Версальский] мирный договор. <...>

Вильгельм Кейтель — родителям жены

Штеттин

23.3.[19]19 г.

Прошу извинения за это необычное письмо. Сегодня я имею «удовольствие» быть в воскресенье дежурным офицером по штабу округа и в течение суток никуда не отлучаться. <...>

Надежда на то, что пограничная защита от поляков в обозримый период закончится и у моей деятельности появится какая-то цель, к сожалению, не оправдалась из-за срыва переговоров в Познани. По сути дела, мы должны радоваться тому, что они сорвались, ибо представители нашего правительства³⁸ намеревались пойти на жалчайшие уступки. Поскольку мое использование здесь, согласно моему мандату, должно восприниматься как временное командование, оно, в зависимости от обстоятельств, может быть кратким, но, к сожалению, и довольно длительным. А потому я чувствую себя здесь очень счастливым. Но что значит это в сравнении с печальным положением в нашем фатерланде. <...>

Четырехдневное пребывание на фронте в западнопрусском сельском городишке германской короны, собственно говоря, само по себе было очень милым, мне там было приятнее, чем здесь, не говоря уже о том, что жизнь там лучше и дешевле. <...>

Я очень сожалел, что ОХЛ в последний момент перебралось в Кольберг³⁹. <...> Роль, которую играет в ОХЛ старый

---

³⁸ Германскую делегацию на переговорах между германской Пограничной защитой и польскими войсками, проходивших в марте 1919 г. в Познани, возглавлял барон Альбрехт фон Рехенберг (1861—1935), бывший кайзеровский губернатор Германской Восточной Африки, член партии Центра. С 6.2.1919 г. между рейхом и вновь образованным Польским государством существовало временное перемирие. В результате эксцессов со стороны Польши Главное командование германских сухопутных войск, находившееся в Кольберге, отдало приказ о наступлении, которое после первоначальных успехов в феврале 1919 г. своей цели не достигло.

³⁹ ОХЛ — аббревиатура от нем. die Oberste Heeresleitung (OHL) — Главное командование сухопутных войск. С 1.2.1919 г. ОХЛ во главе с начальником генерального штаба генерал-фельдмаршалом Паулем фон

фельдмаршал [Гинденбург], весьма печальна. Сожалею, что он, видимо, согласится принять этот безнадежный пост. Он не сможет излечить душевнобольной немецкий народ и даже обратить его в свою веру, а также восстановить границу рейха на востоке при помощи тех орд, которые больше уже не являются солдатами. <...>

*Вильгельм Кейтель — отцу
Вольфенбюттель
20.1.[19]25 г.*

Жребий, определяющий мое дальнейшее военное будущее, брошен. Об этом я узнал из адресованного лично мне письма министерства рейхсвера (однако пока лишь конфиденциально). С 1 февраля снова надену генштабовский мундир и доложу о своем прибытии в войсковое управление (организационный отдел сухопутных войск)⁴⁰. <...>

*Лиза Кейтель — матери
Берлин, Курфюрстенштрассе, 85
16 мая 1925 г.*

<...> У нас, как всегда, царит суматоха, довольно неприятная из-за ужасной нервозности Вильгельма, от которой каждый старается куда-нибудь скрыться. Но гораздо большего можно достигнуть, если относиться к неизбежному спокойно. У него постепенно рождаются всякие идефиксы. Эта нервозность не исчезнет до тех пор, пока он не закончит все приготовления к [генштабовской] поездке. Если он не засиживается в своем служебном кабинете с полдевятого утра до шести часов вечера, то без всякого аппетита проглатывает что-нибудь,

---

Гинденбургом и 1-м генерал-квартирмейстером генерал-лейтенантом Гренером переместилось из замка Вильгельское в Кольберг.

⁴⁰ Организационный отдел сухопутных войск (Т2) входил в состав войскового управления — фактического генерального штаба при ОХЛ или, соответственно, министерства рейхсвера. Управление состояло из следующих отделов: оперативного (Т1), организационного (Т2), иностранных армий (разведывательного) (Т3) и боевой подготовки (Т4). В письме от 23.1.1925 г. Кейтель сообщал, что он занимает в отделе Т2 «руководящий пост» непосредственно в личном штабе начальника войскового управления генерала Ветцеля.

а потом сидит до поздней ночи за этими проклятыми военными картами. <...> Я ничего не могу с ним поделаться и лишь забочусь, чтобы ему никто не мешал. <...> Ни на что другое у Вильгельма времени совершенно не остается. Поездка начнется 15 июня. <...>

Вильгельм Кейтель — отцу

Берлин

12.10.[19]25 г.

Со времени моего возвращения сюда я решительно перегружен работой. Домой приезжаю не раньше полседьмого или семи часов вечера и сижу буквально ночи напролет. Надеюсь только на то, что не будет так всю зиму. <...>

Лиза Кейтель — свекру

23 января 1926 г.

Эта работа [для Вильгельма] просто ужасна. С 8 утра до 7 вечера, а потом с 8 до 12 ночи. Этого ему не выдержать. По ночам все думает и думает о своих делах и никак не может заснуть. Пока он совмещает старую и новую должность, которая только что создана (т.е. он сам должен ввести ее и курировать). Страшно ругается, вечно в плохом настроении, а тут еще вздумал голодать, так как здорово располнел. <...>

Вильгельм Кейтель — отцу

Берлин

21.2.[19]26 г.

В воскресный полдень я уже сидел в поезде, следовавшем из Штеттина (ныне Щецин в Польше. — *Прим. пер.*) в Померанию, откуда вернулся в четверг. Там у меня имелась возможность побеседовать с землевладельцами. Рожь и картофель — главные «фрукты» этой области. Урожай там хороший, но цены очень низки: например, картофель просто невозможно продать. Положение большинства хозяйств — катастрофическое. <...>

Вернувшись сюда, я намерен отстоять свое новое положение, что сделать мне будет нелегко. Ведь всегда трудно включиться в дело в должной форме, тем более когда на тебя смотрят как на ненужного, втершегося человека, который только торозит всю работу. <...>

Лиза Кейтель — матери

Берлин

23 февраля 1926 г.

<...> Хотя бы у Вильгельма было побольше таких поездок, он так хорошо отдыхает во время них! Ты не находишь, что он колоссально потолстел? А ведь он, чтобы сбросить вес, так мало ест! <...> А вообще-то он сейчас очень веселый. <...> Завтра у нас гости: господин фон Штюльпнагель⁴¹, пресмник Вильгельма по должности, и другие лица. <...>

Лиза Кейтель — матери

Берлин

11 марта [19]26 г.

В[ильгельм] отправился на вечер генерального штаба. <...> Он, кажется, снискал себе всеобщие симпатии. Хотя сам и добивается высших достижений в своей работе, с людьми обращается прилично. Это весьма мило сказал мне один его прежний сослуживец по корпусу морской пехоты, который особенно ценит его огромную порядочность, а ее далеко не всюду сыщешь в министерстве [рейхсвера]. <...>

Вильгельм Кейтель — отцу

Берлин

16.11.[19]26 г.

Смена начальника руководства сухопутными войсками, которая могла иметь для нас куда большие последствия, чем это кажется на первый взгляд, вызывает большое сожаление⁴². Мне новый режим принесет очень много работы, так как нового начальника придется вводить во многие области деятельности и посвящать в различные проблемы. <...>

---

⁴¹ Карл Генрих фон Штюльпнагель, тогда майор, с 1933 г. — 1-й оберквартирмейстер генерального штаба сухопутных войск, в 1942—1944 гг. — главнокомандующий германскими войсками во Франции, генерал пехоты. Казнен 30.8.1944 г. за участие в заговоре 20 июля 1944 г.

⁴² 8.10.1926 г. командующий сухопутными войсками генерал-полковник Ганс фон Сект был уволен в отставку. Его сменил генерал пехоты Вильгельм фон Гейе.

Вильгельм Кейтель — отцу

Берлин

2.1.1927 г.

Сегодня — последний спокойный день в цепи [рождественских] праздников. Я со всей серьезностью и тревогой обдумывал дальнейший ход развития и то, что он несет нам, т.е. рейхсверу, а также внутривластные решения нового правительства⁴³. Рейхсвер играет в этом деле весьма существенную роль. Ожидать формирования правого правительства с включением в него немецких националистов не приходится. Коалиция же от Штресмана⁴⁴ до Шейдемана⁴⁵ приведет к краху партии Центра и [Немецкой] народной партии из-за преувеличенных требований соци⁴⁶. Таким образом, теперь создается видимость того, что коалиция умеренной середины снова возникнет сама по себе. Наиболее оспариваемым является пост министра рейхсвера. В борьбу за сохранение Гесслера⁴⁷ на этом посту во что бы то ни стало вступили очень крупные силы. Однако это возможно только в том случае, если им будут взяты за наш счет весьма крупные и серьезно воспринимаемые обязательства, направленные против существующей до сих пор системы фон Секта, по своему характеру имеющие для армии и ее структуры жизненно важное значение в будущем, 4-го или 5-го числа у нас под руководством Гейе⁴⁸ состоятся весьма важные совещания с военными округами. Моему генералу⁴⁹ и лично мне подобные

---

⁴³ Речь идет о переговорах об образовании четвертого кабинета рейхсканцлера Маркса (партия Центра), просуществовавшего с 29.1.1927 г. до 12.6.1928 г.

⁴⁴ Густав Штресман (1878—1929)— имперский министр иностранных дел, лидер Немецкой народной партии.

⁴⁵ Филипп Шейдеман (1865—1939)— ведущий политик Социал-демократической партии Германии (СДПГ), обер-бургомистр г. Касселя, а с 1919 г. — первый рейхсканцлер Веймарской республики.

⁴⁶ Соци — общепринятое разговорное название социал-демократов (ср.: наци — национал-социалисты). — *Прим. пер.*

⁴⁷ Отто Гесслер (1875—1955) — демократический политик, с 1920 г. до 1929 г. — министр рейхсвера во всех кабинетах.

⁴⁸ Имеется в виду генерал Гейе, прежний командующий I военным округом.

⁴⁹ Подразумевается тогдашний начальник войскового управления генерал Ветцель — один из старых сотрудников Секта и самых видных

вещи внушают большие опасения, ибо мы боимся, что в самой высшей инстанции готовы пойти на такие уступки, которые, по нашему разумению, означают Начало конца. <...>

Это состояние неопределенности, естественно, оказывает весьма тормозящее воздействие, причем особенно на область моей работы, а служебные заботы порой действуют на меня столь угнетающе потому, что поставлено на карту многое, сделанное мною. Тут играет роль и использование меня самого по службе. Руководящие посты в министерстве постепенно переходят в другие руки. Полковник Штюльпнагель⁵⁰ назначен с 1.2 [1927 г.] начальником отдела кадров, а с 1.3 [1927 г.] в войсковое управление переходит Бломберг, он должен стать преемником моего генерала. Начальник отдела 1а (в котором служит [мой брат] Бодевин) Миттельбергер⁵¹ стал начальником моего прежнего отдела Т2. Мне предварительно сказано, что моя должность опять ликвидируется, а меня самого используют по-другому. Мне вполне по вкусу было бы в обозримое время использование меня на службе в войсках. Если меня заверят, что моя деятельность последних лет в непосредственном подчинении генерала Ветцеля полностью признается полезной, вполне вероятная перспектива после трех лет моего пребывания здесь пересесть в новое седло является для меня слишком суровой. Ведь мне придется тогда в третий раз осваивать новый участок работы. Мне предложили стать командиром дивизиона в артиллерийском полку (в Ганновере). <...>

его приверженцев. Опасения Ветцеля и Кейтеля объясняются тем, что даже малейшие усилия с целью подготовить рейхсвер на случай обороны сводились на нет, поскольку они противоречили статьям Версальского договора о разоружении Германии. К этим усилиям относились, в частности, соглашения с Советским Союзом, который в 1926 г. поставил рейхсверу боеприпасов общим объемом на 300 тысяч артиллерийских выстрелов. О практическом эффекте сотрудничества рейхсвера с Красной армией см.: Otto Gebler. Reichswehrpolitik. Berlin, [о. J.].

⁵⁰ Иоахим фон Штюльпнагель — генерал-майор, начальник отдела кадров сухопутных войск с 1.2.1927 г. до 30.9.1929 г.

⁵¹ Кавалер Хильмар фон Миттельбергер — полковник, до тех пор начальник оперативного отдела (1а) штаба 2-й группы войск; с 1930 г. — инспектор военных училищ, затем в отставке. В дальнейшем служил военным инспектором в турецкой армии.

Лиза Кейтель — матери

Берлин

Понедельник, 14.2.[19]27 г.

<...> Наши перспективы на будущее опять-таки не слишком розовые. Все должности уже заняты. <...> Вероятно, Вильгельму придется вернуться на свою старую должность в Т2. Это было бы очень мило, не будь там одного несимпатичного и строптивого майора, который задирает нос перед Вильгельмом. <...> Можешь себе представить, какое настроение у Вильгельма при его склонности видеть все в черном свете. <...>

Вильгельм Кейтель — отцу

Берлин

21.3.[19]27 г.

<...> С 1.4[1927 г.] мой начальник генерал-лейтенант Ветцель⁵² уходит с поста начальника войскового управления, а его преемником станет полковник фон Бломберг. Надеюсь, эта смена начальников окончательно внесет ясность и на моем участке работы. Со времени ухода Секта царит полная неопределенность насчет того, какую именно цель я должен преследовать в своей работе. Еще предстоит убрать с пути бесконечное множество препятствий политического характера. Не только смена начальника, но и прочие обстоятельства означают для меня гору работы, множество неприятностей и разочарований.

Однако очень радует, что на основе моих многолетних хороших отношений с Бломбергом⁵³ я пока смогу успешно работать, а также и то, что наши взгляды в общем и целом совпадают. <...> В настоящее время он будет вынужден полностью полагаться на меня, и для него не останется тайной, что сокращение моей должности приведет отнюдь не к ошибочно предполагаемому упрощению аппарата, а к значительным трудностям в деле управления. Ведь каждый на основе своего опыта должен отличать хорошее от плохого. <...>

---

⁵² Понтер Ветцель (1869—1947), генерал-лейтенант. В 1916—1918 гг. — начальник оперативного отдела ОХЛ. Вышел в отставку в чине генерала пехоты. С 1930 до 1934 г. — военный советник маршала Чан Кайши в Китае.

⁵³ Кейтель был знаком с полковником Бломбергом с 1917 г., когда тот был начальником оперативного отдела (1а) штаба 7-й армии.

Лиза Кейтель — матери

Минден

15 сентября 1929 г.

<...> Вильгельм то и дело говорит о своей отправке в тюрьму, подразумевая под ней министерство рейхсвера⁵⁴. <...>

Вильгельм Кейтель

Берлин

8.12.1929 г.

<...> Целыми днями просиживаю в министерстве, даже не верится, что какое-то время я провел вдали от Берлина. Однако в служебном отношении все обстоит совсем не так-то просто из-за смены начальника управления. <...> Ты знаешь, как я сожалею об уходе генерала фон Бломберга⁵⁵, с которым мы тогда, когда он возглавлял управление, сразу же достигли полного взаимопонимания. <...>

Вильгельм Кейтель — отцу

Берлин I

23.3.[19]30 г.

<...> В настоящее время на нас очень давят предварительные переговоры насчет государственного бюджета и ежегодных ассигнований на сухопутные войска. Создается впечатление, что, принеся свои интересы в жертву интересам военно-морского флота (а это 25 млн марок), мы нанесли бюджету армии слишком большой ущерб. Безвольный министр финансов⁵⁶, к сожалению, под дав-

---

⁵⁴ В 1928—1929 гг. Кейтель в звании майора командовал II дивизионом 6-го артиллерийского полка в Миндене (Вестфалия). Однако 8.10.1929 г. в письме отцу он сообщил, что с 1.10.1929 г. переведен на должность начальника отдела министерства рейхсвера.

⁵⁵ С 1.10.1929 г. место Бломберга занял доверенный человек тогдашнего начальника управления общих дел министерства рейхсвера (а позднее — рейхсканцлера) генерала Курта фон Шлейхера его бывший сослуживец генерал-майор барон Курт фон Гаммерштейн-Экворд. Сам Бломберг счел свой перевод на должность командующего 1-м военным округом (Восточная Пруссия) результатом «интриги», о чем он позже писал в мемуарах.

⁵⁶ Пауль Мольденхауэр, доктор юриспруденции, профессор по проблемам страхования в Кёльнском университете, представитель Немецкой народной партии.

лением соци не решается затронуть неслыханно возросшие расходы на пособия безработным. Складывается впечатление, что, поскольку ни у кого не находится мужества не допустить такого финансового ущерба для армии, наверху склонны и впредь терпеть такое положение, исходя из теории, будто социальное страхование можно оставить вариться в собственном соку и тогда оно само по себе найдет пути к оздоровлению экономики.

В то время как с одной стороны слышится, что нынешнее правительство хочет разорвать в клочки соглашение по «плану Юнга»⁵⁷, другие неоднократно заявляют, что поведение Гугенберга⁵⁸ исключило создание правого правительства, которое охотно видел бы у власти Центр. Зависимость министров, которая в ряде случаев является полной, и причина ее кроется в том, что их партии не дают проводить никакой энергичной политики построения вооруженных сил. <...>

Вильгельм Кейтель — отцу

Берлин

30.3.[19]30 г.

<...> По сравнению с положением всего восемь дней назад сегодня мир выглядит во многом по-другому⁵⁹; можно даже набраться храбрости надеяться, что начинающаяся весна продолжит путь к новым временам и для Германии. Падение социал-демократического правительства⁶⁰ было неизбежно, если только действительно намереваются оздоровить хозяйство, финансы и

---

⁵⁷ «План Юнга» — последняя попытка западных держав, основываясь на предложении американского промышленника Оуэна Юнга из «Дженерал электрик компани», осуществить реструктуризацию германских репарационных платежей и привести их к общему знаменателю. Согласно этому плану, Германия была обязана выплатить победителям репарации на общую сумму 116 млрд немецких марок. Рассматривался на 2-й Гаагской конференции и в марте 1930 г. принят рейхстагом.

⁵⁸ Альфред Гугенберг (1865—1951)— владелец берлинского издательского концерна «Шерль» и киностудии «УФА», лидер партии немецких националистов, с 1928 г. — ее председатель.

⁵⁹ 30 марта 1930 г. президент Пауль фон Гинденбург назначил руководителя фракции партии Центра в рейхстаге д-ра Германа Брюнинга рейхсканцлером. Это был первый германский кабинет, назначенный президентом, а не сформированный по решению рейхстага.

⁶⁰ Кабинет рейхсканцлера Германа Мюллера.

проявить заботу о безработных. Теперь, собственно говоря, следует бояться лишь каких-нибудь глупостей Гинденбурга, если только он, постепенно сознавая знамение времени, не откажется наконец от своего тупого неприятия [Веймарской] республики. <...>

Вильгельм Кейтель — отцу

Берлин

2.3.[19]31 г.

<...> Мы в министерстве с нетерпением ожидаем дебатов [в рейхстаге] по бюджету. К сожалению, от поддержки со стороны правых нам придется отказаться. Если такое поведение гугенберговской партии есть вершина государственно-политической мудрости, тогда сторонникам этих вредителей можно выразить только соболезнование. А потому наши надежды мы вынуждены возложить на соци — факт весьма сомнительный и заслуживающий сожаления. Аграрная реформа имперского правительства при такой пассивности правых, кажется, больше уже не грозит, не говоря уже о тех уступках, которые кабинет должен сделать этой расстановке сил вопреки своей совести и своему желанию. <...>

Вильгельм Кейтель — отцу

Берлин

10.5.1931 г.

<...> Будем надеяться, что Шиле⁶¹ удастся в этом году не допустить в связи с хорошим урожаем обвального падения цен на сельскохозяйственную продукцию. Передо мной лежит сообщение одного бывшего офицера из Восточной Померании о происходящей там хозяйственной катастрофе. <...> Масштабы ее даже нельзя себе представить. <...>

Вильгельм Кейтель — отцу

Берлин

21.8.1931 г.

---

⁶¹ Мартин Шиле — крупный аграрий; в 1927—1928 гг., а затем при рейхсканцлере Брюнинге — имперский министр сельского хозяйства, входил в Народно-консервативную партию.

<...> В начале сентября я, предположительно, вместе с начальником [моего брата] Бодевина⁶² отправлюсь в поездку на русские маневры на Украине, которые пройдут с 10 до 20 сентября. Надеюсь, смогу там что-то увидеть и получить какое-то представление и о стране, и о людях. <...>

Вильгельм Кейтель — отцу

5.9.1931

<...> В настоящее время заканчиваю последние приготовления к моей заграничной поездке в Россию вместе с начальником отдела Т1 [генерал-майором Адамом] и начальником отдела Т4 [Браухичем]. Итак, вместе с сопровождающим офицером в поездке участвуют четыре человека. Она продлится с 10 до 25 сентября — целые две недели. Учитывая царящий там континентальный климат, нам советуют подумать о жарнице и о легкой одежде. После неутешительного холодного немецкого лета даже не могу себе представить этого. <...>

Финансовая нужда⁶³ срывает и нам все планы⁶⁴, нарушает органическое развитие наших и без того политически невыносимо зауженных учреждений сухопутных войск. После того как мы в нашем войсковом управлении уже ряд лет бережем каждую марку, чтобы приобрести самое необходимос (оружие и боеприпасы), предпринимаемые министром финансов меры наведения экономии стали для нас совершенно невыносимыми. Никак не могут решиться положить конец затратному хозяйствованию, потому что это, видите ли, затронет социальные завоевания [Ноябрьской 1918 г.] революции, а это бояться сделать и по сей день! <...>

Вильгельм Кейтель — отцу (почтовая открытка)

Москва

18.9.[19]31 г.

---

⁶² Имеется в виду Вальтер фон Браухич, в то время полковник и начальник отдела Т4.

⁶³ Письмо написано в кульминационный момент экономического кризиса в Германии (крах многочисленных банков, введение по инициативе американского президента Гувера и рейхсканцлера Брюнинга моратория на уплату репараций).

⁶⁴ Это касалось в первую очередь, создания современных вооруженных сил, их модернизации, упрощения структуры рейхсвера и т. п.

<...> Здесь видишь много поучительного и интересного! Вчера вечером были на приеме в посольстве⁶⁵. Возвращение домой — только через 10 дней. <...>

Вильгельм Кейтель — отцу

Берлин

29.9.1931 г.

Сегодня в первой половине дня я вернулся из своей поездки в Россию, которая, включая приезд и отъезд, заняла почти три недели. Впечатления интересные и поучительные, причем не только в военном, но и в хозяйственном отношении. Очень жалею, что не смог по свежей памяти рассказать тебе о моих наблюдениях. Самое характерное, пожалуй, можно — совсем кратко — изложить так: а) необычайные просторы; б) наличие всех мыслимых ископаемых в качестве предпосылки независимой экономики; в) нерушимая вера в строительство [социализма] и в пятилетний план¹; г) крайне напряженный трудовой ритм.

Западная, т.е. европейская, Россия подобна одной большой строительной площадке. Каждая отрасль управления имеет свой пятилетний план, который в ходе соревнования выполняется досрочно. Деньги здесь никакой роли не играют. Коллективизация сельского хозяйства идет вперед ошеломляюще быстро. Тот, кто не хочет вступать [в колхозы] добровольно, облагается налогом со стороны сельской общины. Для коллективных сельскохозяйственных предприятий строятся новые хозяйственные дворы, отвечающие современным требованиям. В первую очередь планируется производство свинины, которое даст экономический эффект уже в будущем году. Цель — механизация сельского хозяйства. Производство необходимых для этого машин уже идет полным ходом.

Вера в создание современной экономики как в промышленности, так и в сельском хозяйстве для осуществления демпинга на мировом рынке после удовлетворения собственных огромных потребностей стала подобно религиозному безумию колоссальной движущей силой. Поскольку государство осуществляет

---

⁶⁵ Германским послом в Москве был тогда Герберт фон Дирксен.

производство при самой мизерной заработной плате и без всяких накладных расходов, оно способно выпускать продукцию по недостижимой для нас дешевой цене. При этом здесь осознают большой износ машинного парка вследствие неквалифицированного обслуживания оборудования и из-за недостатков на новых, наиболее современных заводах и фабриках. Сдельная оплата труда — вот тот козырь, вот та система, которая самым ловким образом полностью совпадает с коммунистическими идеями! Только тот, кто работает, имеет право жить, а кто работает хорошо — право на лучшую жизнь. Тот же, кто не работает, безжалостно обречен на голод. Безработных нет; наоборот, несмотря на широчайшее привлечение к труду женщин, ощущается большая нехватка рабочей силы на промышленных предприятиях. Красная Армия — это ядро государственного организма; она любимица коммунистической партии и вместе с тем — трамплин для прыжка на высшие посты в государстве. Соответствующая пропаганда ведется невероятно искусно и эффективно.

Для более подробного описания нет времени. <...>

Лиза Кейтель — матери

Берлин

5 марта 1932 г.

<...> Надюсь, вы у себя дома политических дебатов не ведете. В четверг у нас в гостях была г-жа Элизабет Шёнхайнц. Она была невероятно мила до тех пор, пока в конце вечера мы не заговорили о выборах. Она восторженная поклонница Гугенберга, а я так просто ненавижу этого склеротичного типа, заносчивого лжеца. Сама я наверняка буду голосовать за нашего доброго Гинденбурга⁶⁶. Он обеспечит спокойствие и порядок. А если к власти придут правые общественные силы, без сомнения, начнется гражданская война. Кстати, Гитлер⁶⁷ оказался очень смышленным: согласился вместе со всеми

---

⁶⁶ Гинденбург баллотировался в президенты на второй срок.

⁶⁷ Адольф Гитлер (1889—1945)— фюрер Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП — аббревиатура от нем.: Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei — NSDAP). В 1932 г. баллотировался на пост президента Германии, но во втором туре был вынужден снять свою кандидатуру в пользу Гинденбурга, который и был

выбирать Гинденбурга! Гугенберг торпедировал одно единственно возможное решение: чтобы все партии единогласно избрали Гинденбурга. Это произвело бы на границу большое впечатление! <...>

Лиза Кейтель — матери

Берлин

13 марта 1932 г.

<...> Вот и наступил наконец этот знаменитый день — день выборов! Что принесет он нам? <...> Речь старого Гинденбурга, которую он подготовил сам, весьма впечатляет. Он с настоящим возмущением говорил о всяких лживых измышлениях. Из Магдебурга сегодня утром пришел слух, будто Гинденбурга хватил апоплексический удар, и Гитлера срочно призвали к его одру. К сожалению, слух этот очень характерен для глубокого морального падения нашего народа.

Лиза Кейтель — матери

Берлин

без даты⁶⁸

<...> Ты, может быть, думаешь, что правительство правых сумеет как-то изменить положение? Сделать это может только один немецкий народ. Самое нелепое: мы имеем министров лишь из правых. Но вся ярость обращается на бедного Брюнинга, который действительно привел нас к этому. Выборы президента — сущий обезьяний театр! <...> Как бы теперь не возникли беспорядки из-за этих идиотов-нацистов! <...>

Вильгельм Кейтель — отцу

Берлин

10.7.1932 г.

<...> Мы, т.е. мой отдел, не принимаем никакого участия во всяческих проблемах, которые все сильнее стремятся раз-

---

избран. После смерти Гинденбурга в августе 1934 г. провозгласил себя «фюрером и рейхсканцлером Великогерманского рейха».

⁶⁸ Судя по содержанию, письмо явно написано в день второго тура президентских выборов, который состоялся 10.4.1932 г. и принес победу Гинденбургу.

решить правительство своим новым курсом⁶⁹, — например, «добровольная трудовая повинность», военизированное воспитание молодежи, программа создания новых рабочих мест и т.д. Все это заставляет меня участвовать в частых совещаниях в других имперских министерствах и стоит много времени. Женевские переговоры⁷⁰ будут отложены, однако без всякого реального успеха. Для нас положение — тяжелое, ибо мы в свое время, в начале переговоров, дали уговорить себя не ставить немедленно на повестку дня вопрос о равноправии [Германии в вооружениях], а навестать упущенное весьма затруднительно. <...>

Лиза Кейтель — матери

Берлин

27 августа [19]32 г.

<...> Что же все-таки решит рейхстаг насчет правительства?⁷¹ Я питаю к нацистам мало доверия. Они уже сейчас пытаются навести свой порядок. «День “Стального шлема”»⁷² наверняка будет стоять какой-то крови. Будем надеяться, что весь этот маскарад с военной формой — все равно какой! — будет вскоре запрещен. <...>

Вильгельм Кейтель — отцу

Берлин

28.8.1932 г.

---

⁶⁹ 30.5.1932 г. рейхсканцлер Брюнинг был отправлен Гинденбургом в отставку. Новым рейхсканцлером стал Франц фон Папен — католическо-консервативный политик из партии Центра.

⁷⁰ Подразумеваются переговоры в Лиге Наций о разоружении, которые после провала плана всеобщего разоружения включили в себя и вопрос о германском равноправии в вооружении. Дальнейшее обсуждение было отложено до 23.7.1932 г.

⁷¹ Иначе говоря, удастся ли правительству рейхсканцлера Папена в связи с открытием 30.8.1932 г. нового рейхстага устоять перед требованием Гитлера, претендующего на канцлерский пост. Нацистская партия стала в рейхстаге самой сильной фракцией.

⁷² Профашистский «Стальной шлем» — союз солдат-фронтовиков Первой мировой войны — провел 3-4.9.1932 г. на летном поле аэродрома Темпельгоф в Берлине в Общеимперский день фронтовиков большой военизированный парад, в котором участвовали около 150 тыс. человек.

<...> Насколько этим летом интересна и богата внешнеполитическая жизнь Германии, настолько же обширны и те проблемы и их предварительные разработки, которыми занимаемся мы. Завершение Женевской конференции насчет равноправия [Германии в вооружениях], «президентский кабинет», претензии СА⁷³ по отношению к вооруженным силам, вопрос о Пруссии — все это, естественно, вызывает сопутствующие явления в работе всех министерств и ведет к тому, что министр рейхсвера⁷⁴ и мы оказываемся в центре всех этих дел, и о том знает весь мир. <...>

Лиза Кейтель — матери

Берлин

26 марта 1933 г.

<...> Сама я нацисткой никогда не стану, но, услышав выступление Гитлера, его правительственное заявление в Потсдаме, безгранично восхищена им как личностью. Ведь этот человек может стать нашим Муссолини! <...>

Вильгельм Кейтель — отцу

Берлин

1 мая 1933 г.

Сегодняшний праздник «Национального труда» стал и для меня выходным днем, когда я могу отдохнуть от огромного бремени бурно сменяющихся внутригерманских событий, к которым мы никоим образом не относимся безучастно. В то время как, с одной стороны, нам во внешнеполитическом отношении, особенно в Женеве⁷⁵, приходится сражаться на самом

---

⁷³ СА(SA)— аббревиатура от нем.: Sturmabteilungen — штурмовые отряды, насчитывавшие тогда примерно 100 тыс. человек. Они представляли собой промилитаристские формирования НСДАП. В августе 1932 г. наметился крупный конфликт СА с руководством рейхсвера. О проблеме взаимоотношений национал-социализма с рейхсвером см.: Otto-Ernst Schuddekopf. Das Heer und die Republik. Quellen zur Politik der Reichswehrführung 1918 bis 1933. Hamburg-Frankfurt a. M., 1955.

⁷⁴ Министром рейхсвера в то время был генерал-лейтенант в отставке Курт фон Шлейхер, который в конце мая 1932 г. представил президенту Гинденбургу в качестве кандидата на пост рейхсканцлера Франца фон Папена.

⁷⁵ В Женеве продолжались переговоры о разоружении, означавшие также и переговоры о германском равноправии в области вооружений

тяжелом редуте, внутривластические условия со страшной силой давят на нашу свободу вооружаться. Военные соединения, вполне понятно, пытаются игнорировать все ограничения [по Версальскому договору] <...>

Нас обвиняют в бездейственности и робости — разумеется, по причине незнания фактов, — и мы находимся в тяжелом положении: как бы не потерять доверия к вооруженным силам и их руководству. Во вторник после Пасхи я просидел больше трех часов у Бломберга⁷⁶, чтобы доложить оценку этого положения со всеми его прямыми и косвенными последствиями.

Могу себе представить, с какими смешанными чувствами ты воспринимаешь сегодняшний праздник. Но все же следует сказать: для крупных городов, например для Берлина, празднование 1 Мая означает фактическую победу над Красным Интернационалом, и народ верит в это. <...>

Лиза Кейтель — матери

Берлин

16 мая 1933 г.

<...> Мы с большой заинтересованностью следим за политическими событиями. Что же произойдет теперь в Женеве после просто-таки феноменальной речи Гитлера⁷⁷. Каждая речь этого

и об увеличении численности рейхсвера. В данном письме Кейтель намекает на то, что ему, возможно, придется направиться вместе с министром рейхсвера на переговоры в Женеву. Он вовсе не в восторге от такой перспективы, предсказывает весьма скудный их результат в отношении роста армии и добавляет: «Перспектива быть при этом крестным отцом меня вовсе не привлекает».

⁷⁶ Генерал-лейтенант фон Бломберг стал министром рейхсвера в сформированном Гитлером (30 января 1933 г.) коалиционном правительстве.

⁷⁷ Имеется в виду речь Гитлера по внешнеполитическим вопросам, произнесенная в рейхстаге 17 мая 1933 г. Она носила непривычно умеренный характер и преподносилась геббельсовской пропагандой как свидетельство государственной мудрости фюрера. Высказывания Гитлера нашли одобрение у всех партий, даже у социал-демократической фракции рейхстага. В этой речи Гитлер говорил о своей мнимой приверженности к разоружению и об отказе от войны как средстве решения спорных вопросов. — См. об этом: A. Bullock. Hitler. Eine Studie über Tyrannei. Dusseldorf, 1953. S. 320.

человека — шедевр ораторского искусства. Она так ясна и целиком по делу, проникнута такими серьезными соображениями, которых от него никто и не ждал! Все это вызвало невероятный всплеск деятельности во всех министерствах. Вчера Вильгельм тоже произнес большую речь, адресованную всем руководителям нацистской партии и «Стального шлема». <...>

Лиза Кейтель — матери
Хельмшероде
5 июля 1933 г.

<...> Сегодня вечером Вильгельм вернулся домой очень взволнованный большим слетом фюреров СА⁷⁸. Он просто на глазах помолодел и полон энергии. У него состоялся долгий разговор с Гитлером, и он просто в восторге от фюрера. У Гитлера — необыкновенные глаза, а как он говорит! <...>

Лиза Кейтель — матери
Бремен
10 сентября 1935 г.

<...> О маневрах ты, верно, читала в газетах. Вильгельм очень удовлетворен, рассказывает много интересного о своей беседе с Гитлером и полемике с ним. А все-таки будущее и связанная с ним ответственность давят на Вильгельма! Его мучает мысль: оправдает ли он доверие армии? Необходимость вечно вести борьбу — нелегка. А должность его — неблагодарна⁷⁹.

---

⁷⁸ С 1 по 3 июля 1933 г. в Бад-Райтенхале в присутствии рейхсканцлера Гитлера, начальника штаба СА капитана в отставке Эрнста Рема, руководителя «Стального шлема» — имперского министра труда Франца Зельдте, а также различных генералов и офицеров (в частности, начальника управления вооруженных сил министерства рейхсвера генерал-майора фон Рейхенау) проходил слет командного состава («фюреров») СС и СА. Целью являлось достижение соглашения насчет включения СА в допризывную подготовку рекрутов. — См. об этом: *K.D. Bracher, W. Sauer, G. Schultz. Die nationalsozialistische Machtergreifung. Köln, 1960. S. 887 f.*

⁷⁹ Написано в связи с назначением генерал-майора Кейтеля начальником управления вооруженных сил в имперском министерстве рейхсвера.

ЧАСТЬ II

ПЕРЕД ВОЙНОЙ

ВОСПОМИНАНИЯ ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛА ВИЛЬГЕЛЬМА КЕЙТЕЛЯ 1933—1938

Письмо защитнику д-ру Отто Нельте 8.9.[19]46 г.

Я все-таки решил сначала рассмотреть период с 1933 до 1938 г., ибо он представляет предысторию моего служебного взлета и охватывает годы моей деятельности под началом Адольфа Гитлера. Полагаю, однако, что данные записки особенно актуальны в связи с крахом [нацистской Германии] и с моим низвержением в круг главных [немецких] военных преступников.

В последующем я намереваюсь дать описание событий 1919—1932 гг.⁸⁰. Оно представляет собой беглый черновой набросок с не поддающимся здесь [в тюремных условиях] проверке текстом, а также не лишено литературных недостатков; у

---

⁸⁰ Рукописный оригинал воспоминаний В. Кейтеля является собственностью семьи. Своё намерение описать события 1919—1932 гг. Кейтелю осуществить не удалось. Хотя введение к «Воспоминаниям» датировано 8 сентября 1946 г., фактически же он (согласно своему примечанию) работу по написанию публикуемого в настоящей книге материала начал 1 сентября 1946 г.

Здесь и далее, как уже указывалось, все неоговоренные примечания принадлежат немецкому издателю Вальтеру Гёрлицу.

меня не было необходимого времени для доработки. Потребуется и ряд дополнений.

Важные дополнения содержатся в материалах моего защитника д-ра Нельте.

В. Кейтель

***

Национал-социалистическую революцию (иначе говоря, переход власти 30 января 1933 г. из рук президента фон Гинденбурга в руки рейхсканцлера Гитлера) я и жена пережили во время моего отпуска для поправки здоровья, который я проводил в Чехословакии в санатории д-ра Гура, расположенном в Высоких Татрах, около г. Патранска Полянка.

Поздней осенью 1932 г. во время охоты в Пигнице у меня произошло воспаление вены правой голени, вызванное ношением обмоток. Несколько недель я не обращал на это никакого внимания, но с каждым днем мне становилось все хуже, так как я по давней привычке все-таки отправлялся пешком в министерство рейхсвера через Тиргартен (весь путь длиной 35—40 минут). Однако на службе (я занимал тогда должность начальника организационного отдела сухопутных войск — Т2) мне приходилось полулежать с поднятой вверх ногой. Когда же дело зашло слишком далеко, пришлось обратиться к военному врачу министерства⁸¹. Тот, к моему ужасу, потребовал немедленного постельного режима и полнейшего покоя. На следующий день я доложил начальству о своем нездоровье и, отказавшись от госпитализации, остался дома. Целыми днями лежал в шезлонге в гостиной и принимал подчиненных для доклада. <...>

После мучительной реабилитации, которая в декабре затянулась из-за рецидива тромбофлебита, врач порекомендовал мне вместе с женой пройти дополнительный курс лечения в санатории в Татрах. Оплата проезда и пособие на лечение (по 200 марок каждому) помогли нам оплатить дорогое лечение в

---

⁸¹ Им был подполковник медицинской службы профессор Карл Внесен, женившийся в 1940 г. на племяннице убитого в «Ночь длинных ножей» (30 июня 1934 г.) бывшего военного министра и рейхсканцлера генерала фон Шлейхера.

санатории д-ра Гура, бывшего военного врача австрийской армии, с которым я крепко сдружился. <...>

Во время пребывания в санатории «Татра-Вестерхайм», а также по дороге домой злобой дня был приход к власти в Германии национал-социалистов во главе с Гитлером. Меня, как немца, просто атаковали вопросами со всех сторон. Я отвечал, что считаю Гитлера тем «барабанщиком»⁸², который своим ораторским искусством добился величайшего успеха среди простого народа и пробудил его к активным действиям. Но вот годен ли он на роль рейхсканцлера — это казалось мне весьма сомнительным. Ведь к тому времени мы уже привыкли к сменявшимся друг друга правительствам⁸³.

Кресло министра рейхсвера теперь занял Бломберг⁸⁴, который внезапно был отозван из Женевы, где он, начиная с 1921 г., возглавлял германскую делегацию на переговорах по разоружению. Как начальнику отдела Т2, мне пришлось по службе дважды посетить его для доклада о разработке моим отделом организационных вопросов отстаивавшейся нами военной реформы (ликвидация насчитывавшего [согласно ограничению Версальским договором. — *Прим. пер.*] 100 тыс. человек рейхсвера с 12-летним сроком действительной службы)⁸⁵. Отдел

---

⁸² Представление о Гитлере как только «барабанщике», т. е. как о желательном пропагандисте, было широко распространено в офицерской среде и у немецких националистов. Сам Кейтель не очень-то высоко ставил этого «барабанщика». См., например: Fritz Thyssen. I paid Hitler. London, 1941 г., а также уже упомянутую выше обобщающую работу по данному вопросу: Karl Dietrich Bracher u. a. Die nationalsozialistische Machtergreifung.

⁸³ Намек на тот факт, что Гитлер был 21-м по счету рейхсканцлером Веймарской Германии. Находясь на службе в министерстве рейхсвера, Кейтель пережил смену восьми кабинетов.

⁸⁴ Вернер фон Бломберг, в то время генерал-лейтенант, был до того командиром 1-й дивизии, а затем — командующим 1-м военным округом (Восточная Пруссия). Одновременно он являлся главой германской военной делегации на Женевской конференции по разоружению. Кейтель был хорошо знаком с ним как с начальником войскового управления.

⁸⁵ Речь шла о планах тогдашнего министра рейхсвера фон Шлейхера: увеличение численности рейхсвера до 160 тыс. человек и его дополнение милицией с кратким сроком службы. Между тем уже с 1929—1930 гг. начались предварительные работы по троекратному уве-

T2 представлял собой как бы внутригерманский орган по военным вопросам в составе нашей делегации в Женеве.

Темой повседневных переговоров в министерстве рейхсвера служила попытка начальника руководства сухопутных войск генерала фон Гаммерштейна⁸⁶ не допустить назначения Бломберга на пост министра. Будучи тогда еще его вышестоящим начальником, Гаммерштейн перехватил Бломберга на вокзале (когда тот ранним утром 30 января 1933 г. прибыл в Берлин, чтобы отправиться к Гинденбургу и получить назначение на пост министра в коалиционном правительстве Гитлера. — *Прим. пер.*) и приказал тому как своему подчиненному немедленно отправиться не к президенту, а к нему лично в министерство.

Бломберг выполнить приказ Гаммерштейна отказался: ведь он вызван не к нему, а к фельдмаршалу фон Гинденбургу! Тогда Гаммерштейн сам направился к Гинденбургу с целью заявить ему, что считает Бломберга неподходящим для поста министра. Фельдмаршал резко поставил Гаммерштейна на место, бросив реплику: дело генерала — не политикой заниматься, а надлежаще исполнять свои прямые обязанности! Гинденбургу не очень-то понравились маневры осенью 1932 г.⁸⁷

личению численности рейхсвера. — См.: Gerhard Meinck. Hitler und die deutsche Aufrüstung 1933—1937. Wiesbaden, 1955.

⁸⁶ Генерал-полковник барон Курт фон Гаммерштейн-Экворд с 1930 г. до 1.2.1934 г. был начальником управления сухопутных войск.

⁸⁷ Работая в Нюрнберге над своими воспоминаниями без необходимых документальных материалов, Кейтель воспроизводит то, что он узнал по возвращении в министерство. При этом утверждение, будто генерал-полковник фон Гаммерштейн-Экворд предпринял какой-то особый демарш перед фельдмаршалом-президентом против назначения Бломберга министром рейхсвера, является новой версией. До сих пор доказан лишь факт беседы Гинденбурга, Гаммерштейна и начальника управления кадров генерал-лейтенанта барона фон дер Бусше-Иппенбурга 27 января 1938 г. Речь шла на ней вовсе не о Бломберге. Сам Бломберг прибыл в Берлин из Женевы 30 января 1933 г. рано утром ночным экспрессом. Однако, как уже указывалось, Гаммерштейн потребовал, чтобы Бломберг, прежде чем доложить Гинденбургу о своем прибытии, сначала отправился к нему в министерство. Сведения Кейтеля показательны для тех слухов, которые курсировали тогда в кулуарах министерства.

Выбор, сделанный Бломбергом, был предопределен фон Рейхенау⁸⁸ — начальником штаба его родного военного округа, а также сыном президента генералом Оскаром фон Гинденбургом⁸⁹, который постоянно состоял при отце в должности своего рода начальника военной канцелярии.

Несмотря на расхождения между Бломбергом и Гаммерштейном, последний еще целый год, до весны [19]34 г., оставал-

---

⁸⁸ Вальтер фон Рейхенау (1884—1942), тогда — полковник генерального штаба. После назначения Бломберга министром рейхсвера (1.2.1933 г.) — начальник управления общих дел министерства (до 1935 г.). Умер от апоплексического удара в 1942 г., будучи фельдмаршалом и командуя группой армий «Юг» на Восточном фронте.

⁸⁹ Оскар фон Бенеккендорф унд фон Гинденбург (1883—1960), тогда еще не генерал, а полковник и 1-й военный адъютант своего отца. Употребленное Кейтелем выражение «начальник военной канцелярии» неоправданно. Фельдмаршал-президент строго следил за тем, чтобы его сын ни в военном, ни в политическом отношении не выходил за рамки статуса адъютанта. Исключения бывали весьма редки и допускались только по личному приказу президента.

Таково было, к примеру, подключение сына вместе с начальником президентской канцелярии Майсснером к установлению контактов с Гитлером в доме будущего министра иностранных дел Иоахима фон Риббентропа (см. его изданные на русском языке воспоминания «Между Лондоном и Москвой». М., 1995. — *Прим. пер.*) 25 января 1933 г. На этой встрече присутствовал тогдашний рейхсканцлер Франц фон Папен. По устному сообщению генерал-лейтенанта в отставке Оскара фон Гинденбурга, сделанному издателю этой книги в 1953 г., определяющими для президента при назначении Бломберга вместо Шлейхера были следующие соображения. Шлейхер являлся неприемлемым не только политически, но и потому, что был уличен в подслушивании телефонных переговоров самого Гинденбурга. Бломберг же отличался своим опытом на «политическом паркете» в Женеве; кроме того, он был полностью в курсе всех переговоров по разоружению, а также планов расширения рейхсвера и обретения Германией равноправия в вопросах вооружения. К тому же Гинденбург знал его как энергичного офицера. Рейхенау же, напротив, Бломберга вообще ставил невысоко, во многом из-за образа жизни последнего.

Гитлер в своих так называемых «застольных беседах» вечером 21.5.1942 г. сказал, что 29 января 1933 г. он предпочел Бломберга и велел тому около 8 часов утра немедленно явиться к «старому барину». См. об этом: Henry Picker. Hitlers Tischgesprache. Berlin, 1951. S. 430 f.

ся начальником управления сухопутных войск. Сам же Гитлер тогда на армию никакого влияния не оказывал⁹⁰.

Однако отставка Гаммерштейна отвечала желанию Гитлера, поскольку генерал до [19]33 г. открыто и резко, причем довольно часто, выступал против национал-социалистов, действуя в духе двух своих афоризмов, которые я лично слышал от него. Первый: «Vox populi — vox Rindvich!»⁹¹, а второй: «Что значит вера? Ей место в церкви!»

Гаммерштейн, став генерал-полковником в отставке с правом ношения мундира офицера генерального штаба, прежде всего целиком и полностью устранился ото всех военных дел: ходил на охоту и рыбалку вместе со своими друзьями — силезскими магнатами.

Его преемником Бломберг и Гитлер желали видеть генерала фон Рейхенау: он был известен как национал-социалист, вхож в имперскую канцелярию как по служебным, так и личным делам, считаясь там своим человеком. Это вызывало неудовольствие тогдашнего майора Хоссбаха, 1-го военного адъютанта Гитлера, сохранившего при этом и должность начальника группы Р1 в управлении кадров сухопутных войск (генералы и старшие офицеры); таким образом, он оставался в подчинении начальника генштаба.

По своей должности начальника организационного отдела (Т2) я два или три раза до осени [19]33 г. был допущен к военному министру Бломбергу, но только один раз имел с ним беседу наедине. Это произошло после того, как я впервые с 30.1.[19]33 г.⁹² председательствовал на заседании Комитета имперской обороны. Бломберг дал мне указание хранить в строжайшей тайне все эти вопросы, опасаясь за судьбу наших переговоров на конференции по разоружению⁹³.

---

⁹⁰ Это высказывание подтверждается воспоминаниями 1-го военного адъютанта Гитлера, тогдашнего полковника Хоссбаха. — См.: Friedrich Hossbach. Zwischen Wehrmacht und Hitler. Hannover, 1949. С 2.8.1934 г. он стал адъютантом Гитлера по сухопутным войскам и одновременно начальником группы кадров при начальнике управления личного состава сухопутных войск, в дальнейшем преобразованного в управление общих дел.

⁹¹ «Глас народа — глас рогатого скота!» (лат., нем.)

⁹² День прихода Гитлера к власти. — Прим. пер.

⁹³ См. письмо Кейтеля отцу от 1.5.1933 г. Предположительно, в нем тоже имеется в виду указанное заседание Комитета имперской обороны.

Последний раз перед моим переводом в войска я вместе с Гаммерштейном посетил Бломберга для доклада о плане «обновления деятельности окружных командований» на территории рейха. Я предложил, чтобы эти командования занимались тремя вопросами: 1) мобилизация, 2) военная служба, 3) трудовая повинность (как подготовительная ступень к военной службе) под началом офицеров «черного рейхсвера»⁹⁴. После долгих колебаний Бломберг все-таки решил попробовать добиться согласия Гитлера. Гаммерштейн всячески поддерживал меня.

Вместе с тем это стало моей «лебединой песней». Я попросил направить меня на командную должность в пехоту (в Потсдам), и через месяц (1.10.[19]33 г.) это произошло. Что же касается моего предложения, то оно вошло в силу только с 1.10.[19]33 г., после того как мой преемник отказался от включения Имперской трудовой службы в состав военных округов.

Летом 1933 г., учитывая мое предстоящее в будущем фронтовое использование, я провел три месяца на учебных стрельбах 5-го артиллерийского полка в Графевёре, состоя непосредственно при командире этого полка.

Осенние учения я, по традиции, как уже бывало дважды, провел в штабе командующего 2-й группой в Касселе генерала пехоты Райнхарда (последнего военного министра бывшей прусской армии в 1918 г., являвшегося брауншвейгским полковником и одновременно комиссаром по демобилизации). Меня связывала с ним дружба еще с 1917 г., когда во время одного крупного оборонительного сражения во Франции он командовал моей армией. Бломберг тоже был Ia [начальником оперативного отдела штаба], а сам я в качестве преемника Бломберга являлся офицером 19-й резервной дивизии. На этих маневрах я очень многому научился у Райнхарда; его преждевременная смерть явилась большой потерей для армии, хотя в [19]18—[19]19 гг. его считали проводником социал-демократических тенденций. Таковым он, разумеется, никогда не был.

---

⁹⁴ «Черный рейхсвер» — полулегальные и замаскированные военные формирования, существовавшие в Германии после Первой мировой войны вопреки Версальскому договору. — *Прим. пер.*

1.10.[19]33 г. я вступил в должность командующего территориальными войсками Потсдамского округа. Таким образом, я стал начальником гарнизона Потсдама, в который тогда входили 9-й пехотный полк (командир — будущий фельдмаршал Буш⁹⁵, 4-й кавалерийский полк, дивизион 3-го арtpолка и некоторые другие части. Тогда, в Потсдаме, я весьма многому научился у полковника Буша, который считался лучшим командиром полка во всей армии.

Для приобретения собственного опыта я не раз руководил маневрами, ибо в части Потсдамского гарнизона нередко навещалось начальство из министерства — уж очень оно любило его инспектировать! Я был счастлив, что наконец-то выбрался из-за письменного стола и снова нахожусь в войсках...

* * *

В мае [19]34 г. от апоплексического удара скончался [в возрасте 80 лет] мой отец.

В Потсдаме в предназначенной мне служебной квартире до самой весны 1934 г. все еще проживал мой предшественник генерал-майор барон фон Вейхс⁹⁶. Поэтому мы с женой остались в Берлине и занимали в доме №16 по Альт-Моабит бывшую казенную квартиру командира гвардейского корпуса. Я ежедневно ездил на городской электричке в Потсдам и уже через три четверти часа оказывался в своем служебном кабинете, который находился в принадлежавшем ранее 9-му гвардейскому пехотному полку здании неподалеку от старинной гарнизонной церкви. Весной 1934 г. мне дали понять, что я должен сформировать в Потсдаме новую дивизию.

---

⁹⁵ Эрнст Буш, тогда — командир одного из верных прусским традициям 9-го гвардейского пехотного полка; в 1938—1939 гг. — генерал пехоты, командир 9-го армейского корпуса в Бреслау (ныне — Вроцлав). Во время Второй мировой войны — командующий армией и группой армий, в конце ее — командующий фронтом Северо-Запад.

С 1.12.1943 г. — генерал-фельдмаршал. Умер в английском плену 17.7.1945 г.

⁹⁶ Барон Максимилиан фон унд цу Вейхс ан дем Клон (1881—1942), тогда еще не генерал, а только полковник, под конец жизни — генерал-фельдмаршал, командовал группой армий «Б» на Восточном фронте.

<...> Мос первое служебное выступление перед общественностью состоялось по случаю национального праздника 1 Мая на спортивном стадионе Потсдама, где партия, государство и вооруженные силы собрались, чтобы выслушать транслировавшуюся через мощные громкоговорители из Берлина, с летного поля аэродрома Темпельгоф, речь фюрера. Было так жарко, что роте почетного караула 9-го полка пришлось снять каски, так как солдатам становилось дурно, — весьма неприятная, а потому и незабываемая картина.

В начале мая состоялась поездка фюрера в Бад-Наухайм на военную игру Большого генерального штаба. Она впервые проходила под руководством нового командующего сухопутными войсками генерал-полковника барона фон Фрича, который 1.4. [19]34 г. сменил на этом посту фон Гаммерштейна⁹⁷.

Хочу только добавить, что Бломберг пытался поддерживать перед президентом кандидатуру Рейхенау на этот пост, даже грозя в случае отказа своей отставкой. Но старый Гинденбург отверг обоих и назначил Фрича, даже не обратив внимания на усилия Гитлера. Таким образом, первая попытка отдать сухопутные войска в руки «национал-социалистического генерала» сорвалась. Когда я немедленно нанес визит Фричу, чтобы поздравить его, он сказал мне, что я — первый, кто явился к нему с поздравлением, и его радует наша старая дружба.

По пути на крупную встречу командного состава в Бад-Наухайме я хотел посетить отца и побыть дома дня два-три. Я нашел, что отец выглядит лучше и бодрее, чем раньше: он даже мог, хотя и с трудом, читать газеты. Отец много говорил со мной на прогулках о своих планах улучшения имения. На второй день я уехал несколько успокоенный и полный прекрасных воспоминаний о Бад-Наухайме и прибыл к месту назначения экспрессом вместе с другими берлинскими участниками.

На следующий день вечером меня срочно позвали к телефону. Звонил д-р Дурлах, только что приехавший из Хельмшпероде. Он сообщил, что отец находится при смерти из-за тяжелого

---

⁹⁷ Во время этой поездки Гитлера состоялось одно или несколько совещаний насчет конфликта армии с СА. Фрич 7.5.1934 г. дал войскам указание оказывать энергичное сопротивление штурмовикам при столкновениях с ними.

инсульта, и просил меня срочно приехать. Я выехал туда самым ранним утренним поездом и прибыл в Хельмшереде в полдень 8 мая. Состояние отца было безнадежно... <...>

Теперь вновь вернемся к Потсдаму и 1934 году.

Мои служебные обязанности командующего территориальными войсками правительственного округа Потсдам, естественно, сводили меня с сельскими кругами, с тайно возникавшими местными органами командования и многими гражданскими учреждениями. Мы располагали в этом районе и тайными складами оружия, сохраненного «черным рейхсвером». В самом Потсдаме я поддерживал в порядке конюшни полка бывшего гвардейского корпуса, а также имел и тайные оружейные мастерские, которые ремонтировали старые винтовки и собирали новые из прежних запасов.

Группа СА Берлин-Бранденбург, возглавляемая обер-группенфюрером СА Эрнстом⁹⁸ (бывшим учеником офицанта, служившим во время Первой мировой войны, будучи 16-летним добровольцем, в качестве велосипедиста и посыльного), развивала бросающуюся в глаза деятельность в своем территориальном районе и стремилась повсюду устанавливать контакты с рейхсверовскими органами. Эрнст несколько раз побывал у меня, но я еще не догадывался о том, что скрывалось за этим. Летом [19]34 г. он повернул разговор на секретные склады оружия в моем округе, считая, что они недостаточно хорошо охраняются, и пожелал взять их охрану на себя. Я поблагодарил его, но отказался, однако сразу же перевел некоторые из них в другие места, боясь, как бы он не добрался до них.

Офицер моего штаба фон Ринтелен⁹⁹ да и я сам чувствовали: здесь дело нечисто! Мы питали недоверие как к самой местной группе СА, так и к ее сомнительной дружбе с нами. Ринтелен прошел хорошую подготовку в качестве офицера абвера под на-

---

⁹⁸ Карл Эрнст (1904—1934) был расстрелян 30 июня 1934 г. в связи с «путчем Рёма».

⁹⁹ Энно фон Ринтелен, тогда майор генерального штаба. Во время Второй мировой войны — германский полномочный генерал при Верховном командовании итальянских вооруженных сил. — См. его воспоминания: Enno von Rintelen. Missonlini als Bundesgenosse. Tubingen-Stuttgart, 1951.

чалом полковника Николаи¹⁰⁰. Я предоставил ему полную свободу действий для использования его искусства в «обществе», а сам предпочел наблюдать из-за кулис. Он для вида согласился с определенными предложениями людей Эрнста, после того как мы приняли необходимые меры для охраны наших тайных оружейных складов. Болтливость людей Эрнста помогла раскрыть некоторые их тайны. Не имея никакого представления о планах Рёма, мы все же знали, что на конец июня СА для какой-то акции в Берлине потребуется оружие и его можно будет получить с тайных оружейных складов вооруженных сил.

Сначала Эрнст все ходил вокруг да около, а потом опять завел речь о складах оружия, убеждая меня доверить их охрану СА в тех населенных пунктах, где нет войск; у него, мол, есть сведения, что эти склады известны коммунистам, и он боится, что они захватят их. Я сделал вид, будто согласен, назвал ему три небольших склада в сельских населенных пунктах, которые я уже передислоцировал. Практическое решение этого вопроса должен был разработать мой начальник штаба и сообщить Эрнсту. Обергруппенфюрер СА попрощался со мной, сообщив, что в конце месяца отправится на пароходе в свадебную поездку за границу, и назвал фамилию своего заместителя.

Майор Ринтелен в тот же день выехал в Берлин к Рейхенау, чтобы сообщить тому имеющиеся у нас данные о плане путча. Ведь примечательный визит Эрнста еще сильнее подтвердил наши подозрения. Ринтелена принял сам Бломберг, которому это дело показалось весьма серьезным. Позже министр рассказывал мне, что в тот же день он проинформировал Гитлера. Тот ответил: сегодня он будет говорить с Рёмом — тот последнее время всячески избегает его из-за очень резкой критики за свои идеи создания «народной милиции» вместо вермахта.

Однако 30 июня [1934 г.] никакого путча не произошло. Только и всего, что Гитлер выехал из Годесберга, где до него дошли сведения о том, что Рём собрал своих сообщников в баварском курортном городке Бад-Висзее. А потому Гитлер срочно вылетел в Мюнхен. Приземлившись в баварской столице на рассвете,

---

¹⁰⁰ Вальтер Николаи, в Первую мировую войну — подполковник генерального штаба действующей армии, начальник III отдела абвера (шпионаж и контрразведка).

Гитлер незамедлительно выехал в Бад-Виссее. Там он лично уничтожил гнездо заговорщиков. Тем самым план Рёма был сорван еще до того, как начал осуществляться. Рём даже не успел отдать приказа: до этого дело не дошло. Согласно изъятым документам Рёма (Гитлер сразу же довел их до сведения Бломберга), путч был направлен именно против армии, т.е. против бывшего рейхсвера и его офицерского корпуса. Рём считал, что якобы не сделанный Гитлером революционный шаг теперь должен быть навестан. Гитлеру надлежало остаться рейхсканцлером, Бломберг и Фрич подлежали отстранению, а пост одного из них Рём собирался занять сам¹⁰¹.

План Рёма был известен фон Шлейхеру. Ведь Рём намеревался заменить ограниченную Версальским диктатом армию многочисленной народной милицией по швейцарскому образцу. Он хотел превратить СА с их революционным и антирейхсверовским командным корпусом (по большей части из бывших отставных и озлобленных офицеров сухопутных войск¹⁰²) в народное войско милиционного типа. В этом Рём никогда не шел

---

¹⁰¹ Сколь ни интересны данные, приведенные Кейтелем насчет планов обергруппенфюрера СА Эрнста (они служат по меньшей мере доказательством все же вызывающих сомнение намерений высших фюреров штурмовиков), автор воспоминаний следует принятой тогда официальной версии. Переданные Гитлером Бломбергу захваченные приказы Рёма нам неизвестны. Учитывая методы Гитлера, возможно и то, что он пустил в ход фальшивки, дабы не допустить возникновения у министра рейхсвера сомнения в необходимости вооруженного вмешательства последнего в события 30 июня 1934 г. Сегодня мы с уверенностью можем сказать лишь одно: на этот день никакого немедленного путча Рём не планировал. Какие соображения имелись у него на будущее, мы точно сказать еще не можем. Весьма основательный анализ событий в канун и во время так называемого путча Рёма см. в кн.: K. Bracher, Sauer, Schultz. Nationalsozialistische Machtergreifung. В ней высказывается точка зрения, что и в дальнейшем Рём никаких путчистских планов не вынашивал. С другой стороны, фактом является значительная напряженность, которая возникла между СА и рейхсвером до 30 июня 1934 г. и приводила даже к физическим действиям штурмовиков против офицеров рейхсвера (например, в Штеттине).

¹⁰² К сожалению, до сих пор нет серьезного исследования идей реформаторов армии из числа фюреров СА. Среди большинства расстрелянных 30 июня 1934 г. было немало и одаренных военных, которые воспринимали эту идею вполне серьезно.

вместе с рейхсвером, а действовал только против него, стремясь уничтожить армию. Рём знал, что Гитлер эту идею неизменно отвергал, но хотел вынудить фюрера сделать это, поставив его перед лицом свершившихся фактов. Шлейхер тоже был замешан в этой игре: он был и остался той кошкой, которая никак не могла выпустить из своих когтей политическую мышь. Поэтому гестапо намеревалось арестовать фон Шлейхера так же, как и генерала фон Бредова¹⁰³, которого он направил в Париж для передачи французскому правительству предложения Рёма. Оказали ли они оба вооруженное сопротивление при их убийстве, мне лично неизвестно, но в это я сегодня не верю¹⁰⁴.

---

¹⁰³ Курт фон Бредов (1884—1934), генерал-майор в отставке, начальник войскового управления в министерстве рейхсвера. Убит 1 июля 1934 г. Утверждение Кейтеля соответствует распространенной тогда официальной версии, а отнюдь не фактам. Но Бредов знал некоторые неприятные для Гитлера вещи, относившиеся еще ко временам до его прихода к власти.

¹⁰⁴ Несомненно заслуживает внимания реакция на события 30 июня 1934 г. со стороны Сталина, который, несмотря на внешнюю вражду, относился к Гитлеру с уважением и симпатией и уже тогда вынашивал стремление к союзу с ним против демократических держав Запада. Известный советский дипломат В.М. Бережков, лично встречавшийся с Гитлером в качестве переводчика на переговорах Молотова с нацистским лидером в Берлине в ноябре 1940 г., свидетельствует:

«[Сталин] уже давно был готов восхвалять Гитлера. Их соперничество вовсе не исключало взаимного восхищения. Когда в 1934 году Гитлер уничтожил своего соратника, руководителя штурмовых отрядов Эрнста Рёма и других командиров штурмовых отрядов СА, Сталин дал этой кровавой бойне высокую оценку. Микоян рассказывал мне, что на первом же после убийства Рёма заседании Политбюро Сталин сказал:

— Вы слышали, что произошло в Германии? Гитлер, какой молодец! Вот как надо поступать с политическими противниками!

То было лето 1934 года. А в декабре был убит соратник Сталина Киров, и, как мы теперь знаем, нити этого преступления ведут к «вождю народов». Затем начались жестокие репрессии против ленинской гвардии, уничтожение высших кадров Красной армии, технических специалистов, представителей интеллигенции. Кровавый террор охватил миллионы ни в чем не повинных людей...

Здесь в поведении Сталина и Гитлера тоже много общего. Рём был объявлен «врагом», «предателем» и заклеен позором. А вот Роммель, которого Гитлер вынудил покончить самоубийством, похоронен с почестями. Сталин расстрелял Бухарина, «любимца партии», по вы-

Персональный список расстрелянных во время «путча Рёма» хранился в личном сейфе Бломберга. В нем были фамилии 78 человек. Заслуживает сожаления, что свидетели на Нюрнбергском процессе (в том числе и Юттнер¹⁰⁵) умолчали об истинной цели Рёма или же не сказали о ней достаточно четко. В акции Рёма участвовали или были посвящены в нее только самые высшие фюреры СА. Рядовые же штурмовики и даже старшие чины вплоть до штандартенфюрера (что соответствовало общевойсковому полковнику. — *Прим. пер.*) не имели о том никакого представления; более того, предполагалось, что об этом они так никогда и не узнают.

Но до сих пор остается верным именно то, что высказал фон Бломберг в своей благодарственной телеграмме¹⁰⁶ Гитле-

---

ражению Ленина, объявил его «врагом народа». А, например, своего друга Серго Орджоникидзе вынудил застрелиться, а потом произнес прочувствованную речь у его гроба и нес на своих плечах урну с его прахом, так же как и урну с прахом Кирова». (Валентин Бережков. Как я стал переводчиком Сталина. М., 1993. С. 13—14). — *Прим. пер.*

Советский разведчик, резидент ОГПУ-НКВД в Западной Европе Вальтер Кривицкий еще в конце 30-х гг. писал в изданной тогда за рубежом книге «Я был агентом Сталина» (М., 1996): «Как нельзя более кстати [для Сталина] оказалась кровавая чистка Гитлера в ночь на 30 июня 1934 г. На Сталина произвело большое впечатление то, как Гитлер расправился со своей оппозицией. Он скрупулезно изучал каждое секретное донесение от наших агентов в Германии, связанное с событиями той ночи». — *Прим. пер.*

¹⁰⁵ Макс Юттнер, группенфюрер СА, принадлежал к узкому кругу командования штурмовых отрядов. На процессе он ничего не сказал о путчистских планах Рёма, зато сообщил многое о попытке последнего установить контакт с иностранными дипломатами, например с французским и итальянским послами.

¹⁰⁶ Кейтель ссылается на благодарственную телеграмму Бломберга, текст которой неизвестен. Однако сохранился приказ Бломберга по вооруженным силам от 1.7.1934 г., где говорилось: «Фюрер с солдатской решимостью и примерным мужеством сам атаковал и разгромил предателей и бунтовщиков».

Насколько военнослужащие рейхсвера разделяли ложные представления, будто путч Рёма действительно имел место, свидетельствует высказывание на Нюрнбергском процессе генерал-полковника Йодля (в то время он был майором, начальником отдела обороны страны (L) управления вооруженных сил): Рём будто бы был революционером и «путчистом в мундире». Той же точки зрения придерживался и будущий

ру: решительное вмешательство фюрера в Виссее и его крутые меры позволили загасить огонь прежде, чем он разгорелся и превратился в настоящий пожар, в пламени которого сгорело бы в сотни раз больше жертв. Почему виновные не были преданы военному суду, а были просто расстреляны, остается неизвестным¹⁰⁷.

* * *

После смерти отца у меня возникли всякие житейские трудности, которые косвенно отразились и на моих служебных делах. Еще находясь в Хельмшереде, я получил личное письмо от генерал-полковника Фрича, в котором он выражал мне соболезнование. Вернувшись в Берлин, я явился к нему, чтобы поблагодарить, а одновременно и поставить вопрос о моей отставке. Он настойчиво призывал меня не делать поспешных шагов... Но меня всем сердцем тянуло в Хельмшереде, и я не знал, как лучше поступить.

В июле [19]34 г. меня вдруг вызвали в министерство для обсуждения плана передислокации ряда частей и соединений. Согласно этому плану, 31-я кавалерийская дивизия рейхсвера подлежала переводу из Потсдама во Франкфурт-на-Одере, а мне предстояло формировать в Лигнице 12-ю дивизию.

генерал-фельдмаршал Манштейн (тогда — начальник штаба III военного округа). — См.: E. Manstein. Aus dem Soldatenleben. Bonn, 1958.

¹⁰⁷ Это замечание характерно для здравого мышления Кейтеля. Составной частью политики, проводившейся генералом фон Рейхенау и одобрявшейся министром фон Бломбергом, являлся принцип: при столкновении Гитлера с СА рейхсвер должен держать винтовку к ноге. Применение же полевого судопроизводства (трибуналов) означало бы прямо противоположное. Однако ни Бломберг, ни Кейтель, с другой стороны, не понимали в 1934 г., что Гитлер де-юре как рейхсканцлер просто-напросто не мог приказать продолжать расстрелы, ибо это означало бы вопиющее попрание права. Они видели лишь опасность возникновения представлявшегося им в совершенно расплывчатых чертах «государства СА» во главе с Рёмом. Манштейн писал так об этом: «Чем дальше мы отделяемся от тех дней, тем больше склонны превращать в пустяк ту угрозу, которую представляли тогда собой СА под главенством такого человека, как Рём, причем не только для рейхсвера, но и в еще большей степени для государства».

Мое решение уйти в отставку было твердым, и потому 1.10.1934 г. я подал рапорт. Затем я был вызван по этому вопросу к начальнику управления кадров генералу Шведлеру¹⁰⁸. По поручению главнокомандующего сухопутными войсками генерала фон Фрича он предложил мне на выбор другую дивизию: в Ганновере, Бремене или Мюнстере (Вестфалия). От Ганновера я наотрез отказался (моя жена не переносила местного климата) и попросил время подумать. В конце концов я сделал выбор в пользу Бремена. Когда я сообщил об этом Шведлеру, тот остался недоволен: сам он уже решил по-другому. Но я настаивал на Бремене и категорически заявил: если меня не направят туда, немедленно уйду в отставку. Тогда мне приказали явиться к Фричу, и он после некоторых колебаний все-таки согласился на Бремен, а я свой рапорт об отставке забрал назад. Так решилась моя судьба.

Летом [19]34 г. я был сильно занят подготовкой к формированию 1-й дивизии в Потсдаме и часто ездил оттуда в Берлин. <...> При моем расставании с Потсдамом (я думал тогда, что покидаю его и Берлин навсегда) много времени отнимали у меня ежедневные прощальные визиты, главным образом представительского характера. Ведь я был постоянно вхож к принцу Оскару Прусскому¹⁰⁹ и был хорошо знаком с его любезной супругой. С кронпринцем Вильгельмом¹¹⁰ я встречался только дважды: докладывая о моем прибытии к месту службы и при прощальном визите. Вращаться в кругах элитного гвардейского полка мне всегда было трудно.

Переезд в Бремен состоялся уже в первых числах октября. <...> Разница между Потсдамом и Бременем была огромна. В Потсдаме царила среда старых, консервативных, обедневших офицерских семей, а здесь задавали тон поездившие по белу свету весьма богатые коммерсанты, ведущие заморскую торговлю, и надменно-горделивые выходцы из старинных патрици-

---

¹⁰⁸ Виктор фон Шведлер (1885—1954) занимал эту должность с 1.10.1933 г. до 4.2.1938 г. Уволен во время кризиса из-за Фрича.

¹⁰⁹ Оскар принц Прусский, полковник в отставке (1886—1958), пятый сын императора Германии и короля Пруссии Вильгельма II.

¹¹⁰ Кронпринц Германской империи и Пруссии Вильгельм Прусский (1882—1942), генерал-лейтенант в отставке, старший сын Вильгельма II.

анских родов, а противоречия и параллели проявлялись с поразительной остротой. <...>

Моим начальником в Бремене был командующий местным военным округом генерал фон Клюге¹¹¹, мой многолетний сослуживец по 46-му артиллерийскому полку. Он был человек весьма образованный. До начала октября [19]34 г. командовал старой 6-й дивизией, а значит, как и я, был здесь новичком. Он навестил меня в Бремене и позавтракал у нас. В результате моя жена констатировала: он совсем не изменился со своей лейтенантской поры, а остался таким же воображалой, таким же претенциозным и заносчивым — словом, типичный кадет! <...>

В середине марта [19]35 г. под моим руководством прошло первое публичное мероприятие по случаю вновь обретенной Германией свободы вооружения¹¹², чем мы были совершенно обескуражены. Устроителем митинга явились вооруженные силы, но на нем присутствовали представители партии и государства. <...> Я приказал провести «полевое богослужение» и, как было предписано, дал произнести проповеди обоим духовным пастырям [протестантской и католической конфессий], а затем зачитал прокламацию и провозгласил «Зиг хайль!»¹¹³, в честь фюрера и Верховного главнокомандующего вермахтом. Это было, пожалуй, первое массовое мероприятие в войсках с участием партии и с богослужением. Впоследствии этот ритуал приказом военного министра был изменен и использовался также при принятии рекрутами присяги (причем религиозную

---

¹¹¹ Гюнтер фон Клюге (1882—1944) после службы командиром батареи артиллерийского полка в 1913 г. был откомандирован в генеральный штаб. В 1940 г., после французской кампании, стал генерал-фельдмаршалом. Командовал группой армий «Запад». 19.8.1944 г. смещен со своего поста как замешанный в заговоре 20 июля 1944 г. Покончил жизнь самоубийством, приняв яд. (В 1934 г. Клюге формировал будущий 6-й армейский корпус.) Взаимная неприязнь обоих фельдмаршалов объяснялась их психологической несовместимостью.

¹¹² 16 марта 1935 г. в Германии были провозглашены всеобщая воинская повинность и создание новых сухопутных войск, состоящих из 36 дивизий, а также авиации (люфтваффе — воздушного оружия) как самостоятельного вида вооруженных сил.

¹¹³ «Да пребудет с нами святая победа!» (нем.) — введенное тогда фашистское приветствие наряду с «Хайль Гитлер!» («Да снизойдет на Гитлера Божья благодать!»). — *Прим. пер.*

часть следовало четко отделять от государственного акта, а участие в богослужении объявлялось добровольным).

Восстановление всеобщей воинской повинности открыло путь к окончательному созданию вооруженных сил — сначала увеличением числа сухопутных дивизий более чем в три раза (с 7 до 24), а с [19]36 г. их должно было стать уже 36.

В тот же день я переименовал свою дивизию в 22-ю, хотя под моим командованием фактически находились всего один артиллерийский дивизион и шесть пехотных батальонов. Затем последовали большая организационная работа, совершенствование полевых позиций, изменение методов обучения личного состава с целью ликвидации прежних недостатков, возникших из-за нехватки вооружения и дефицита унтер-офицерского состава. <...>

В моих батальонах царили тот же дух и те же методы обучения и командования, что и во всех сухопутных войсках в целом. Генерал фон Клюге при инспектировании в последний день сказал мне: «Теперь вы из трех командиров полков имеете одного хорошего, одного посредственного и одного никуда не годного, но тем не менее ваши батальоны на высоте и совершенно одинаковы по своей боевой подготовке, — и спросил: — Как вам удалось добиться всего этого?» Я объяснил ему свой метод.

Поздней осенью мне пришлось подумать и о новом замещении должностей, а потому я возобновил контакт с начальником управления кадров генералом Шведлером. <...> Из одной беседы с ним мне стало ясно: меня, видимо, собираются с начала октября [19]35 г. использовать в самом министерстве, однако есть сильные конкуренты.

Поразмыслив, я понял, что меня, очевидно, хочет взять к себе сам Бломберг. Я чувствовал себя прямо-таки несчастным оттого, что моему пребыванию в должности командира дивизии, с которой я уже вполне освоился, суждено так быстро закончиться, и уже опять стал подумывать: а не подать ли мне в отставку, вручив Шведлеру рапорт. Жена была то за, то против, потому что совместное с моей матерью хозяйничанье в Хёльмшероде ввиду сложившихся между ними взаимоотношений было для нее неприемлемым. <...> Не оставалось ничего иного, как ждать. Однако Бломберг так ничего мне и не сказал... даже во время нашего совместного присутствия на спуске с бременских ступеней быстроходного лайнера «Пейзснау», предназначенного для рейсов в Восточную Азию.

Это событие надолго запомнилось мне, ибо привело, хотя и ко временному, конфликту между Клюге и мною. Он тоже был приглашен на спуск судна на воду, но, однако, его не позвали, как Бломберга и меня, на праздничный завтрак в ратушу, который давался прежде всего в честь военного министра. Несмотря на все попытки исправить это недоразумение, Клюге был возмущен и разговаривал с Бломбергом при мне довольно дерзко. Результатом явилось его полное упреков в мой адрес письмо, полученное мною. Клюге упрекал меня в тщеславном стремлении играть в Бремене первую скрипку и в неуважении к его должности. Я ответил ему, правда, не очень холодно, но все-таки отверг эти упреки как совершенно несобоснованные: ведь приглашение на официальный завтрак и вообще в Бремен — вне моей компетенции. Инцидент этот был типичен для Клюге, отличавшегося болезненным самолюбием и вечно считавшего, что ему не оказывают достаточного почтения, — словом, опять же рецидив его поступков лейтенантских времен¹¹⁴.

В конце [1935 г.] Клюге сообщил мне о своем желании встретиться со мной в автомашине на дороге где-нибудь в нейтральном пункте: ему надо кое-что со мною обсудить. Я выехал на полигон Ордурф, мы встретились поблизости от него и поговорили тет-а-тет. Клюге вел себя весьма по-товарищески и постарался преодолеть отчуждение, возникшее между нами в результате его грубого письма. Затем он открыл мне истинную причину встречи: с 1 октября я становлюсь пресмником фон Рейхенау на посту начальника управления вооруженных сил при Бломберге. Кандидатура моего конкурента фон Фитингофа¹¹⁵ была отклонена.

Я был этим потрясен и не скрывал того. Клюге заявил, что инициатором оказанного мне предпочтения был Фрич, а это

---

¹¹⁴ Будущий генерал-фельдмаршал Клюге, очень одаренный офицер, был сыном произведенного во дворянство в 1913 г. генерал-майора Макса Клюге, командира 22-й бригады полевой артиллерии. Вероятно, в этом и следует искать причину его повышенной амбициозности, ибо, как свежее испеченный аристократ, он считал себя ущемленным в положенных ему почестях. Начальником штаба VI военного округа был тогда будущий начальник генерального штаба сухопутных войск (с сентября 1938 г. до сентября 1942 г.) генерал-полковник Франц Гальдер.

¹¹⁵ Генрих фон Фитингоф-Шеель (1887—1952) — с 1945 г. — генерал-полковник, командующий группой армий «Юго-Запад» (Италия).

означает большое доверие как с его стороны, так и Бломберга. Я попросил Клюге предпринять все возможное, дабы сообщить Фричу о моем желании оставаться и впредь командиром дивизии — это для меня большое счастье, а лезть в политику у меня желания нет. Он пообещал. На этом мы расстались. <...>

Период моего командования дивизией достойно завершился осенними учениями в Мюнстере. Они закончились большим парадом, который принимал сам фюрер, а Бломберг и Фрич побывали на полигоне Мюнстерлагер. <...>

Вечером в офицерском собрании состоялся торжественный ужин, на котором перед старшими офицерами выступил с речью фюрер. Она была посвящена войне Италии против Абиссинии [Эфиопии] ¹¹⁶.

Фюрер оправдывал Муссолини и не хотел присоединяться к санкциям против Италии. Напротив, он желал Муссолини полного успеха. В своей речи он дал понять, что однажды мы будем в состоянии не допустить вмешательства других государств в осуществление наших справедливых требований¹¹⁷. Сегодня я знаю, что именно он имел в виду, но тогда его точка зрения — как единственного аутсайдера в Европе — поразила меня.

Через несколько дней после возвращения в Бремен пришла телеграмма от Бломберга: я должен сопровождать его на имперский съезд НСДАП¹¹⁸ в Нюрнберг, а потому мне следует срочно явиться в его штаб-квартиру в одном из нюрнбергских отелей.

---

¹¹⁶ 2—3 октября 1935 г. Италия совершила неспровоцированное нападение на королевство Абиссиния (Эфиопия). Это была последняя колониальная война старого типа, закончившаяся захватом северо-восточной части Абиссинии. Она вызвала значительные изменения в Европе. Лига Наций решила ввести санкции против Италии как нарушителя мира. Принятые на конференции в Стресе в 1935 г., они разрушили возникший незадолго до того англо-французский единый фронт против рейха, привели к сближению итальянской политики с германской.

¹¹⁷ Одно из до сих пор неизвестных выступлений Гитлера, которое отчетливо показывает, насколько сильно фюрера и рейхсканцлера уже тогда занимала мысль о возможном военном столкновении, несмотря на то что официально он провозглашал политику мирной ликвидации Версальского договора.

¹¹⁸ Речь идет о VII съезде НСДАП (10—16.1935 г.), получившем название «Партсъезда свободы» и печально прославившемся провозгла-

Я тогда впервые присутствовал на съезде нацистской партии в Нюрнберге. Должен сказать, что он произвел на меня просто огромное впечатление: всевозможные парады, массовые митинги, факельные шествия НСДАП и ее формирований.

Но самым великолепным было чествование фюрера политическими лидерами: оно происходило темной ночью и сопровождалось феерическими световыми эффектами. <...>

По окончании съезда я с женой отправился в Берлин — нам надо было окончательно решить квартирный вопрос. Мы осмотрели несколько прекрасных вилл в [берлинских районах] Далем и Розенэкке, но Бломберг требовал такой квартиры, чтобы я мог явиться по вызову в министерство не позже чем через 15 минут пешего хода. Поэтому мы выбрали дом № 6 на Кильганштрассе. Это был вместительный дом на одну семью, с небольшим садом, в тихом переулке неподалеку от площади Ноллендорфплац. <...>

* * *

Передача мне дел Рейхенау как бывшим начальником управления вооруженных сил была просто комедией¹¹⁹. Он заявился в последних числах октября всего на несколько минут, да притом в теннисном костюме, и очень спешил. Последним его служебным актом явилось соглашение с начальником штаба генерального уполномоченного по военному хозяйству Вольтатом¹²⁰ о разделении дел между этим штабом и штабом военной экономики во главе с полковником Томасом¹²¹. Вот тогда-то я и познакомился с Вольтатом и его сферой деятельности.

шением знаменитых «Нюрнбергских законов об имперском гражданстве», которые означали диффамацию еврейских граждан Германии. Кейтель явно смещает хронологическую последовательность: съезд НСДАП состоялся до осенних учений.

¹¹⁹ Кейтель официально вступил в эту должность 1.10.1935 г.

¹²⁰ Гельмут Вольгат, министерский-директор (начальник главка министерства). Генеральным уполномоченным по военной экономике являлся имперский министр авиации, премьер-министр Пруссии и главнокомандующий военно-воздушными силами рейха Герман Геринг.

¹²¹ Георг Томас (ум. в 1946 г.) — первоначально полковник генерального штаба, а под конец — генерал-лейтенант, начальник управ-

Тогдашнее управление вооруженных сил являлось детищем Рейхенау. Со времен Бломберга (1.2.[19]33 г.) оно было передано в ведение военного министерства, а до того министр рейхсвера имел в своем распоряжении только собственное политическое управление и адъютантуру.

При передаче мне этого управления я получил:

— одного адъютанта;

— секретаршу фройляйн Кэте Шиминг; регистратуру с начальником канцелярии; отдел обороны страны (L), начальник — полковник Йодль;

— отдел «Заграница», начальник — полковник Рёрихт¹²² абвер [разведка и контрразведка], начальник — контр-адмирал Канарис¹²³;

— внутригерманский отдел, начальник — генерал Рейнике¹²⁴;

— юридический отдел, начальник — министриаль-директор Розенберг;

— финансовый отдел, начальник — министриаль-директор Тишбайн;

— штаб военной экономики, начальник — полковник Томас.

Бломберг (не особенно-то избалованный Рейхенау) любил сам давать указания начальникам отделов и вызывать их на доклад, а особенно часто — Томаса и Тишбайна. Я как начальник управления все ту же натягивал вожжи по сравнению с моим предшественником. Во многом мой штаб все еще не являлся тем, к чему стремился Бломберг, — его оперативным органом как министра.

Созданию оперативного штаба вермахта прежде всего противились выступавшие против объединения трех видов вооруженных сил главнокомандующие каждого из них. Они никак

ления военной экономики ОКВ. После провала заговора 20 июля 1944 г. смещен.

¹²² Эдгард Рёрихт, впоследствии генерал пехоты, с 1944 г. — командир 59-го армейского корпуса.

¹²³ Вильгельм Канарис (1887—1945) — адмирал, в 1938—1944 гг. — начальник управленческой группы «Заграница» и абвера. После 20 июля 1944 г. арестован и в 1945 г. убит в концентрационном лагере Флоссенбург.

¹²⁴ Герман Рейнике, впоследствии генерал пехоты, начальник управления общих дел ОКВ.

не хотели расставаться с их бывлой большой самостоятельностью по отношению к военному министру, который обрушивал на них теперь целый водопад неподготовленных решений и предложений. При 100-тысячной армии и небольшом военноморском флоте это было еще как-то терпимо, но никак не способствовало созданию новых вооруженных сил и формированию новой люфтваффе, тем более что авиация имела собственное министерство, а ее главнокомандующий [Геринг] сам был министром.

Бломберг вполне осознавал это зло и связанное с ним противостояние. Он хотел ликвидировать такое положение, но со стороны Рейхенау, который вообще перебивался из кулька в рогожку, никакой поддержки не получал. Это стоило и времени, и труда, а для настоящей работы Рейхенау никогда не оказывалось на месте; он, как сам говорил мне, боялся трудностей, возникавших в связи с намерением Бломберга.

Таким образом, мне пришлось энергично взяться за эту проблему; я присутствовал при всех докладах, высказывая свои возражения, и настаивал на всестороннем анализе положения вместе с другими видами вооруженных сил.

Бломберг издал распоряжение о предварительном согласовании с ними спорных вопросов, но получить подписи соответствующих начальников, находившихся под контролем самого министра, было делом довольно затруднительным. Все это вызывало у участников большое раздражение, недовольство и даже враждебность, но в конце концов необходимость данных мер осознавалась всеми. <...>

Наибольшее и упорнейшее сопротивление оказывалось со стороны генерального штаба сухопутных войск. Осуществление его желаний означало бы в значительной мере отстранение люфтваффе и военно-морского флота от стратегического и оперативного руководства вооруженными силами в целом, а также во многом исключало бы вмешательство и самого Бломберга как министра в решение этих, а также военно-политических вопросов. По этой проблеме я написал (не обнаруженную в бумагах фельдмаршала. — *В.Г.*) памятную записку¹²⁵.

---

¹²⁵ Тем самым было положено начало конфликта по вопросу о будущей структуре высшего командования вермахта. Однако Кейтель

Тот, кто, подобно Йодлю, пережил бурю возмущения со стороны генерального штаба сухопутных войск, когда в июне 1935 г. Бломберг издал первую, общую для всех видов вооруженных сил директиву о сосредоточении и развертывании войск на случай войны, а также тот, кто помнит о самом резком отрицательном отношении к совместным маневрам вермахта в январе 1936 г. и осенью 1937 г., знает, с каким сопротивлением пришлось бороться «министру сухопутных войск» [Бломбергу], как его называли, за роль «главнокомандующего всеми вооруженными силами».

Лично я вел эту борьбу по убеждению, а не ради тщеславия. Правда, я мог бы избежать многих неприятностей и проявлений враждебности, если бы не поддерживал законное притязание Бломберга на действительное, а не формальное высшее военное руководство вермахтом¹²⁶.

Одним из типичных примеров невыносимых условий в военном секторе являлось создание инженерного корпуса люфтваффе. Необходимое распоряжение захотел дать на подпись министру авиации Герингу его статс-секретарь Мильх¹²⁷. (Получив

чересчур заостряет требования главнокомандующего сухопутными войсками и его генерального штаба. Начальник этого штаба (тогда еще генерал-лейтенант) Бек в своей памятной записке (или меморандуме) от 9.12.1935 г. требовал: «а) участия генштаба в решении всех важных вопросов обороны страны, а также подготовки к войне; б) права являться первыми и единственными советниками главнокомандующего вооруженными силами (Бломберга) во всех основных вопросах ведения наземных военных действий в период как мира, так и войны». — См.: Wolfgang Forster. Generaloberst Ludwig Beck. Sein Kampf gegen den Krieg. München, 1953. S. 35, u. a.

¹²⁶ До сих пор (книга вышла в 1961 г. — Прим. пер.) в западногерманской исторической литературе считалось, что наиболее ревностным сторонником новой структуры высшего руководства являлся Йодль (см., например, W. Erfurth. Generalstab, S. 199 со ссылкой на кн.: P. Vog. Gespräche mit Haider. S. 115 ff.). Гальдер рисует Кейтеля трудолюбивым, добросовестным, умеренным, но не очень твердым в отстаивании своих целей. Вместе с тем он характеризует Кейтеля как в общем и целом неплохого человека в моральном отношении. Ныне утверждается, что Йодль не мог отстаивать свои взгляды без согласия и поддержки Кейтеля.

¹²⁷ Эрхард Мильх (род. в 1892 г.) — статс-секретарь имперского министерства авиации, генерал авиации, генеральный инспектор люфтваффе. С 1940 г. (после завершения Французской кампании) — генерал-фельдмаршал; после самоубийства генерал-полковника Удета

согласие военного министра через меня по телефону, он, однако, даже не счел нужным сообщить мне содержание этого распоряжения.) Я решительно отказался и категорически потребовал представить мне проект данного распоряжения. Оно было продиктовано совершенно неприемлемыми намерениями и привело бы к созданию аналогичного инженерного корпуса также для военно-морского флота и сухопутных войск. <...> У меня произошло крупное столкновение с Мильхом, которое потом пришлось улаживать Бломбергу, но я все же никакой дезорганизации не допустил¹²⁸.

Так обстояло дело и в других областях, причем каждая составная часть вермахта стремилась создать для себя привилегированные условия, что вело к полному разброду.

Мои личные отношения с Бломбергом хотя по форме и были дружественными, на самом деле являлись прохладными и личного характера не носили. Мы очень хорошо уживались друг с другом, у нас никогда не возникало никаких конфликтов или даже какого-либо взаимного недовольства. Тем не менее между нами отсутствовал тот личный контакт, который возник у нас еще в 1914 г. и в совместно проведенные военные годы (1914—1917) в 10-м резервном корпусе. Этот личный контакт сохранился и в Ганновере, а потом был так естествен в имперском военном министерстве в результате постоянного делового соприкосновения. После смерти жены Бломберга весной 1932 г. я постоянно наталкивался на его отчужденность и замкнутость. Мало что изменила в этом и дружба наших дочерей. Доверенным человеком именно в личных делах Бломберга являлся его военно-морской адъютант фон Фридебург¹²⁹, кото-

---

(1941 г.) — генерал-флюгцойгмайстер (генеральный начальник самолетостроения).

¹²⁸ Недостаточное подчинение Геринга и возглавлявшейся им люфтваффе (которая с 1935 г. стала самостоятельной частью вермахта) представляло собой труднейший гандикап в развитии единого централизованного руководства вооруженными силами со стороны имперского военного министра. Геринг (тогда еще генерал) как главнокомандующий авиацией был подчинен Бломбергу, но как имперский министр авиации занимал равнозначный пост в качестве члена правительства.

¹²⁹ Ганс Георг фон Фридебург (1895—1945), тогда — капитан 3-го ранга, с 1937 г. находился при штабе командующего подводным флотом, а с 1943

рый мог добиться от министра чего угодно. Фридебург был в 1937 г. заменен капитаном 3-го ранга фон Вангенхаймом — тем самым офицером, который после скандального второго брака фон Бломберга (о чем пойдет речь ниже) убедил его уехать из Германии и даже пытался вложить ему в руку пистолет. Именно я не допустил тогда самоубийства Бломберга. Думаю, Фридебург мог бы помешать этому второму браку. Мне же отношения Бломберга с его будущей новой женой были совершенно неизвестны до самого дня их официального бракосочетания, на котором в качестве свидетелей фигурировали лично Гитлер и Геринг. Меня на эту церемонию не пригласили; я даже никогда не был официальным гостем в доме новобрачных.

Мои отношения с главнокомандующим сухопутными войсками бароном фон Фричем, напротив, с самого начала и до самого конца оставались дружескими, откровенными и доверительными. Я ежедневно посещал его; порой это была просто непринужденная беседа, а поговорить о чем у нас всегда находилось. Нередко я бывал гостем барона в вечерние часы; мы без обиняков говорили обо всем за бокалом доброго вина. Фрич был старым холостяком и мало с кем общался. Я же охотно бывал у него. Даже если наши взгляды в чем-то и расходились, все равно наше общение проходило в товарищеском духе и никогда не принимало оскорбительного оттенка.

Нередко мне приходилось играть роль добросовестного посредника между Бломбергом и Фричем и улаживать напряженные ситуации или грозящие конфликты. Это было возможно потому, что я воздерживался от высказывания политических разногласий, которые, разумеется, имели место.

Бломберг отстаивал ту точку зрения, что вооруженные силы обязаны придерживаться национал-социалистического мировоззрения, служащего основой нового государства. Он считал, что как

до 1945 г. командовал подводным флотом, а с 2 до 8.5.1945 г. являлся главнокомандующим военно-морским флотом в звании генерал-адмирала. Покончил жизнь самоубийством при аресте 23.5.1945 г. германского правительства во Фленсбурге во главе с гросс-адмиралом Дёницем.

Будучи национал-социалистом, он активно способствовал приходу Гитлера к власти, а также содействовал контактам рейхсфюрера СС Гимmlера с Бломбергом. Генерал-полковник фон Фрич видел в нем помеху сотрудничеству Бломберга с генеральным штабом сухопутных войск.

старая армия кайзеровской Германии, далекая от благоволения или ненависти к ней политических партий, зиждилась на монархическом принципе, так теперь и новая армия должна стоять на базе нацизма. Он видел в национал-социализме, в идее «фюрерства» своего рода выборную монархию вместо наследственной.

Между тем Фрич «железно» держался за политически нейтральные вооруженные силы, ибо именно такая позиция была присуща Второму рейху (созданному в 1871 г. после победы во Франко-прусской войне и просуществовавшему до Ноябрьской революции 1918 г. — *Прим. пер.*). Он хотел держать армию так же далеко от национал-социализма в качестве политической партии, как это имело место с рейхсвером по отношению к коммунистической идее. Иными словами, Фрич желал, чтобы армия стояла «вне политики» любого толка, ибо рассматривал национал-социализм как переходный период, в глубине души рассчитывая на реставрацию Гогенцоллернской монархии. Фрич оставался монархистом и верил в эволюционное развитие по английскому образцу. Роспуск прежних политических партий он приветствовал как огромное счастье и считал Гитлера выдающимся деятелем. Тот был ему гораздо желаннее в качестве рейхсканцлера, нежели главы государства. <...>

Противоположные воззрения Бломберга и Фрича гораздо резче проявлялись во внутривластной области, в вопросах руководства вооруженными силами. Бломберг, по мнению Фрича, должен был являться министром, но именно «министром», а не главнокомандующим вермахта. По этому вопросу я написал специальную памятную записку [для своего защитника в Нюрнберге] д-ра Нельте¹³⁰.

Тем не менее моим долгом было разделять взгляды Бломберга и отстаивать его законные права. Одно из двух: или он — Верховный главнокомандующий вооруженными силами (со всеми вытекающими отсюда правами), или же — только декоративная фигура, которой, по мнению армии, заказано осуществлять оперативно-стратегическое руководство ею и (не столь явно) — военно-морским флотом.

---

¹³⁰ Предположительно, речь идет о рукописи Кейтеля от 8.12.1945 г. «Положение начальника ОКВ», в которой рассматривается тема «Солдат и политика».

Помочь осуществлению обоснованных притязаний Бломберга на руководство вооруженными силами в целом было для меня вопросом принципа, а отнюдь не честолюбия или личной карьеры¹³¹. Я очень хорошо отдавал себе отчет в том, что у меня для роли, так сказать, начальника генерального штаба всех вооруженных сил рейха не хватает не только способностей, но и соответствующего образования¹³². Им был призван стать самый лучший профессионал из сухопутных войск, и таковой в случае необходимости всегда имелся под рукой¹³³.

Время — лучший советник. Тогда мы о руководстве войной еще не думали, но моим долгом являлось в рамках имеющихся возможностей превратить ОКВ в орган оперативного руководства вермахтом и создать предпосылки для обретения такого инструмента. А для этого прежде всего было необходимо счи-

---

¹³¹ Тем самым опровергаются многочисленные утверждения, квинтэссенцией которых являлось то, что Кейтель в этой мутной воде ловил рыбку для самого себя! (Например, так считает К.Х. Абсхаген в кн.: К.Н. Abshagen. *Canaris. Patriot und Weltburger*. Stuttgart, 1949. S. 179).

По его мнению, Кейтель вел свою собственную игру, которая в случае успеха сулила ему пост главы ОКВ!

Весьма отрицательно отзываясь о Кейтеле бывший главнокомандующий военно-морским флотом гросс-адмирал Редер в своих записках, составленных во время интернирования адмирала в Москве в 1945 г. Редер обвиняет Кейтеля в стремлении выдвинуть себя самого на первый план, о чем он заявил представителю советского обвинения полковнику Покровскому, а тот зачитал этот документ при допросе гросс-адмирала на Нюрнбергском процессе (документ СССР-460, IMT-Prozess, Bd. XIV, S. 243).

¹³² Тем самым Кейтель (не предчувствуя этого) сам подтвердил сентенцию фельдмаршала Манштейна: «Никто — наверняка и сам Кейтель — не ожидал от него обладания хоть каплей того бальзама, который, по Шлиффену, необходим любому полководцу». Манштейн свидетельствует, что Кейтель — хороший начальник организационного управления и пригоден для дела организации военного руководства. Но Кейтель в состоянии представить себе только такого «начальника генерального штаба всех вооруженных сил», который выдвинут из рядов сухопутных войск. Хотя Кейтель и признает особое положение военно-морского флота, делать это в отношении люфтваффе он не желает. Однако именно единство всех трех видов вооруженных сил и есть критерий трехмерной структуры высших органов вооруженных сил в руководстве ими в ходе войны.

¹³³ Во время Второй мировой войны у Кейтеля возникали соображения о создании поста начальника генерального штаба вермахта и о назначении на эту должность фельдмаршала Манштейна.

таться с тем, что должен все-таки найтись такой человек, который призван осуществлять руководство во время войны.

Таким человеком, с моей точки зрения, являлся выходец из рядов ОХЛ еще со времен Первой мировой войны 1914—1918 гг. генерал Гейер¹³⁴ — один из талантливейших умов в области оперативного искусства, какого я вообще знал. Он справедливо говорил: «Если структура руководящих военных органов не будет создана и признана в мирное время, во время войны сделать это не удастся». Я понял, насколько он был прав.

Как начальник Т1 Гейер, а также и я как начальник Т2 с [19]29 до [19]33 г. боролись за окончательное определение структуры высшего руководства вооруженных сил¹³⁵. Но тогда этот вопрос так и остался нерешенным. Теперь я захотел его решить, ибо обнаруженное мною состояние дел в данном отношении было не только неудовлетворительным, но и нетерпимым, а для Бломберга — и невыносимым. Нечего и говорить, что мое стремление натолкнулось на бескомпромиссное сопротивление генерального штаба сухопутных войск, олицетворявшегося генералом Бек¹³⁶. Поэтому между ним и мною неизбежно возник конфликт¹³⁷.

---

¹³⁴ Герман Гейер (1882—1946), в 1914—1918 гг. — капитан генерального штаба в оперативном управлении ОХЛ; в 1929—1931 гг. — начальник организационного отдела (Т2) сухопутных войск в войсковом управлении; в 1934—1939 гг. — командир 5-го армейского корпуса. В 1946 г. покончил жизнь самоубийством.

¹³⁵ В Веймарской республике высшей военной инстанцией был президент как Верховный главнокомандующий всего рейхсвера (включая сухопутную армию и имперский военно-морской флот). Следующим по старшинству шел министр рейхсвера. Вопрос о должности начальника управления сухопутных войск для рейхсвера конституцией урегулирован не был. Военно-морское командование министру рейхсвера не подчинялось.

¹³⁶ Людвиг Бек (1880—1944), генерал-полковник. В 1935—1938 гг. — начальник генерального штаба сухопутных войск. Уволен с этого поста по собственному желанию 31.10.1938 г. и с тех пор на военной службе больше не использовался. После двукратных неудачных попыток вечером 20 июля 1944 г. в связи с провалом заговора покончить жизнь самоубийством пристрелен одним унтер-офицером. — См. W. Forster. *Generaloberst Ludwig Beck*, а также: Ludwig Beck. *Studien*. Hrsg. von Hans Speidel. Stuttgart, 1955.

¹³⁷ Свидетельство генерал-полковника Гальдера об этом многолетнем ожесточенном споре между ОКХ и ОКВ см. в кн.: P. Vog. *Gesprache mit Haider*, S. 77.

Этот конфликт вышел на поверхность, когда в июне 1937 г. Йодль разработал первую директиву о сосредоточении войск и ведении войны, а тем самым документально зафиксировал, что в дальнейшем Верховный главнокомандующий вермахта будет давать основополагающие стратегические директивы всем трем составным частям вооруженных сил, и это является его прерогативой. В результате глубокого возмущения генерального штаба сухопутных войск директива эта исчезла в бронированных сейфах организационного отдела и осталась без всякого внимания¹³⁸. Таковы факты. Они показывают, какая силовая борьба велась тогда и за кулисами, и на самой военно-политической сцене, в центре которой ввиду определенных обстоятельств оказался я. <...>

Поэтому вполне логично и естественно, что еще в [19]36 г. я, пусть и шаг за шагом, все же начал организовывать штаб Верховного главнокомандующего вооруженными силами рейха первоначально в виде управления ими. Передо мной стояли следующие задачи:

а) заложить ядро оперативно-стратегического «руководящего штаба» для всего вермахта;

б) осуществить на высшем уровне координацию трех составных частей вооруженных сил.

Девизом служило: «Никакого сверхминистерства, никакой рахитичной надстройки!» Надо привлечь к этому делу первоклассных профессионалов, которым следует использовать уже имеющиеся специальные органы трех видов вооруженных сил, а особенно обладающий соответствующим опытом аппарат главнокомандования сухопутных войск. Многократно внушавшие мне идеи центрального министерства для всего вермахта я отвергал точно так же, как и стремления армии и военноморского флота к созданию своих самостоятельных министерств. «Направлять», «координировать», «констатировать», а вовсе не подменять существующие в трех видах вооруженных

---

¹³⁸ Этот вердикт Кейтеля не вполне оправдан. Не разработанной генеральным штабом сухопутных войск осталась только операция «Отто» (план вступления в Австрию в случае восстановления монархии). Эрцгерцог Отто Габсбургский являлся легитимным претендентом на трон австрийского императора.

сил органы и отнюдь не подчинять их себе — такова была моя цель.

Мой опыт подтверждал правильность такого решения. Все, что не требовало подобной унификации, надо и можно было оставить в компетенции составных частей вермахта. Уже по одному тому и для осуществления данного процесса они должны были сохранить свои специальные органы. Для этого я стремился укомплектовать подчиненные мне центральные инстанции наилучшими специалистами из всех составляющих вермахт видов вооруженных сил, которые могли обеспечить требующуюся надпартийность и отстаивание своих специфических интересов.

Первым новым «творением» явился центральный отдел по подбору персонала самого штаба, а также по обработке направляемых министру жалоб. Затем последовало создание абвера, задачи которого вполне закономерно расширялись в интересах всего вермахта. Отдел внутригерманских дел подразделялся на три подотдела:

- а) внутриполитические вопросы (жалобы со стороны партий);
- б) административные дела и вопросы;
- в) служба обеспечения, забота об увольняемых в запас и отставку военнослужащих.

Из этого крупного отдела с его разнообразными функциями впоследствии образовалось управление общих дел ОКВ («малое военное министерство»).

Штаб военной экономики в 1937 г. пришлось расширить (это было связано с созданием инспекций по вооружению), и он превратился в управление военной экономики и вооружений.

Дальнейшие подробности интересны лишь постольку, поскольку постоянно приходилось резко противодействовать стремлению к саморасширению и включать в эту сферу все новые и новые области. Искушение делать это, как известно, всегда велико. <...>

. * * *

Год 1936-й принес мне производство в генерал-лейтенанты. Он был до предела наполнен работой по созданию новых вооруженных сил. Этот год ознаменовался также и занятием ремили-

таризованных западногерманских областей, на которое Гитлер решился всего за несколько дней до осуществления намеченных мер¹³⁹. Акция эта являлась весьма рискованной, ибо опасность санкций со стороны Франции была чрезвычайно велика. Резкий протест западных держав вынудил Бломберга¹⁴⁰ предложить Гитлеру отвести назад те единственные три батальона, которые уже перешли через Рейн и продвигались в направлении Ахен, Кайзерслаутерн и Саарбрюккен. В столицу Саара вступил 2-й батальон 17-го пехотного полка. Он строевым шагом промаршировал по центральной улице города в то самое время, когда на него уже были нацелены французские пушки. Гитлер приказал батальоны не отводить, а в случае вражеской атаки начать боевые действия, но только ни в коем разе не отступать.

Серьезнейшие опасения выдвинули и находившиеся в Лондоне три наших военных атташе¹⁴¹. Фрич и Бломберг снова сделали свои представления Гитлеру, но он отверг любое проявление слабости перед лицом угроз держав-победительниц. Министерство иностранных дел получило из Лондона ноту, требовавшую заверения германского правительства, что западнее Рейна нами не будет воздвигаться никаких крепостных укреплений. <...> В тот же день Бломберг (вопреки моему мнению) вылетел в Бремен. Фюрер в отсутствие Бломберга приказал Фричу, Нейрату¹⁴² и мне немедленно явиться в имперскую канцелярию. В тот день я впервые (не считая моего первого представления ему вместе с другими генералами) стоял перед фюрером¹⁴³. Он потребовал от Фрича и Нейрата, а под конец

---

¹³⁹ Демилитаризованная по Версальскому договору Рейнская область была занята германскими войсками 7 марта 1936 г.

¹⁴⁰ Фрич и Бек тоже разделяли точку зрения Бломберга, хотя и не запаниковали так, как имперский военный министр.

¹⁴¹ Военные атташе трех видов вооруженных сил (от армии, люфтваффе и военно-морского флота). Особенно сильно предостерегал от продолжения этой операции армейский атташе полковник барон Гейер фон Швеппенбург. См.: Geug von Schweppenburg. Erinnerungen eines Militarattachees. Stuttgart, 1949.

¹⁴² Барон Константин фон Нейрат (1873—1956), с 1932 г. до 1938 г. — имперский министр иностранных дел.

¹⁴³ Судя по письму жены Кейтеля своей матери, Гитлер еще в июне 1933 г. подробно беседовал с будущим фельдмаршалом.

и от меня предложений насчет ответа западным державам. До этого момента я лишь молча слушал. В ответ на адресованный мне вопрос я предложил ответить так: пока мы никаких перманентных укреплений строить не будем. Мы можем спокойно сказать это, ибо технически такие меры все равно осуществимы лишь не ранее чем через год. Фюрер выслушал меня спокойно, но ответил уклончиво: мол, мы изучим это требование, но пока таких намерений даже не рассматривали, ибо в настоящее время потребности в том не видим. Впрочем, никто лучше самих французов не знал, какую ни к чему не обязывающую нас оговорку мы ищем. Ведь строительство укреплений на Западе уже шло полным ходом, после того как оно было включено в долгосрочную программу, рассчитанную до 1950 г.¹⁴⁴

Нейрат получил соответствующее поручение, а Фрич и я были отпущены. Это была моя первая служебная встреча с Гитлером.

Напряжение постепенно спало: Гитлер свою опасную игру с огнем выиграл — он не взял на себя никаких обязательств, которые бы противоречили совету военных. Показал, что нервы у него крепкие и он обладает политическим чутьем. Чего же удивляться, что наше уважение к нему возросло! <...>

О моей повседневной работе я здесь особенно распространяться не буду. Ежедневно отправлялся на доклад к Бломбергу, ибо всегда надо было что-то обсудить. К фюреру я обычно являлся на доклад вечером и всегда один. Бломберг записывал в свой дневник решительно все, даже самые второстепенные вопросы, которые, по моему разумению, мог бы решить и сам, а Гитлера только информировать постфактум. На другой день мне приходилось просто-таки выуживать из Бломберга все требующие срочного решения вопросы, так как обычно в рассказах о своих беседах с Гитлером он был очень скуп на слова и информировал меня весьма скудно. Так как адъютант фюрера подполковник Хоссбах¹⁴⁵ почти всегда присутствовал на этих беседах,

---

¹⁴⁴ Уже с 1934 г. на Западе шло строительство неармированных каркасных укреплений в Шварцвальде, Оденвальде, Веттергау и на Рейне.

¹⁴⁵ Фридрих Хоссбах, с августа 1934 г. до 28.1.1938 г. — адъютант фюрера и рейхсканцлера по сухопутным войскам. В ходе «дела Фрича» (о котором будет рассказано ниже) снят с этой должности. В 1944—

мне нередко приходилось обращаться за информацией к нему. Он обещал позднее допускать меня на доклады к фюреру в качестве сопровождающего Бломберга, как это имело место при Рейхенау. Но Хоссбах отнесся к своему обещанию несерьезно¹⁴⁶, да и Бломбергу это не очень-то нравилось. Я был от этих бесед по сути дела отстранен, а потому так и не получил возможности узнать Гитлера получше; впрочем, так же, как и он меня.

В осенних маневрах [1936 г.] я участвовал только как зритель, сопровождая Бломберга. Руководил ими Риттер фон Лееб¹⁴⁷, а проходили они севернее Бад-Наухайма. Будучи в данном случае «бездельником», я наблюдал за «битвой» со стороны и наслаждался прекрасными ландшафтами той местности, по которой мы ежедневно проезжали на учения, а потом возвращались на свои квартиры в прелестном старинном замке, принадлежавшем сыну графа Цеппелина. <...>

Обычно же я сопровождал Бломберга во время его весьма частых посещений войск (которые он предпочитал совершать на самолете) очень редко, ибо кто-то должен был оставаться в «лавке». Страсть к перелетам и его личный самолет «Юнкерс-52» с бравым экипажем я тоже унаследовал от Бломберга.

О состоявшейся в тот год Берлинской олимпиаде могу сказать только то, что это были величайшие для Германии дни в глазах всего мира, который получил возможность узнать новый рейх и восхититься им.

Здесь, на стадионе, на трибуне для почетных гостей, в так называемом помещении для фюрера, Гитлер принял в свое время решение об активном участии германского вермахта (а особенно люфтваффе) в испанской гражданской войне¹⁴⁸ на сторо-

---

1945 г. — генерал пехоты, командующий 4-й армией в Восточной Пруссии.

¹⁴⁶ Это зависело не от Хоссбаха, а от самого Гитлера, о чем Кейтель, видимо, здесь забывает.

¹⁴⁷ Кавалер Вильгельм фон Лееб (1876—1956), командующий 2-й группой армий (Кассель). Во время войны против СССР командовал в 1941—1942 г. группой армий «Север», имевшей задачей захват Ленинграда.

¹⁴⁸ Ошибка фельдмаршала! Гражданская война в Испании началась 17.7.1936 г. Генерал Франко, позднее ставший в качестве каудильо главой государства, возглавил путч после того, как первоначально

не Франко. Он сделал это после того, как транспортные самолеты с африканскими маврами — лейб-гвардией Франко — уже перелетели на территорию Испании. Именно тогда, в перерыве между спортивными соревнованиями на имперском стадионе в Берлине, он отдал приказ сформировать легион «Кондор». Первым главой германской военной миссии в Испании стал генерал Варлимонт (заместитель начальника штаба оперативного руководства вермахта — Йодля. — *Прим. пер.*).

Легион «Кондор» представлял собой основную часть всего воздушного флота, его дополняли соединения сухопутных и танковых войск. Началась непрерывная переброска военных материалов и боеприпасов. Общая стоимость германской военной помощи Франко составила более 1,5 млрд марок, которые в бюджете вермахта были отнесены за счет испанского долга. Личный состав задействованных в Испании частей люфтваффе в ходе военных действий многократно заменялся. Это помогало германским летчикам приобрести боевой опыт и использовать его в своих частях на родине. Это казалось тем более важным, что в боях в испанском небе участвовали добровольческие советские части.

В начале сентября 1936 г. мне довелось вторично побывать на имперском партийном съезде НСДАП. На сей раз я впервые присутствовал на нем в качестве официального гостя вместе с женой.

На зиму 1936/37 г. Бломберг назначил военную игру вермахта. Она предназначалась для обучения руководству вооруженными силами в войне путем практического опробования ролей и должна была организационно решить те проблемы, которые являлись скрытым камнем преткновения в отношениях между нами и генеральным штабом сухопутных войск. Генерал Йодль как начальник отдела обороны страны (L) возглавлял руководящий штаб в тесном контакте со мной. Не только Бломберг,

---

предусматривавшийся для этого генерал Санхурхо погиб в авиационной катастрофе. Гитлер находился в Байройте (родина композитора Рихарда Вагнера. — *Прим. пер.*), когда до него дошли первые призывы Франко о помощи, и тогда же он решил оказать ее путчистам. Об опасениях, которые возникли в имперском военном министерстве в связи с интервенцией в Испании ввиду дефицита собственных военных материалов, Кейтель не упоминает.

но и мы оба желали внести ясность в противостоящие взгляды, вполне сознавая притом, что можем обжечь руки, хватаясь за горячее железо, и получить от генштаба отнюдь не благодарность, а ненависть. Особенно я, поскольку, будучи ответственным начальником, фокусировал на себе всю его враждебность как зачинщик этого дерзкого покушения на традиции.

Итоги военной игры, которые Бломберг доложил Гитлеру в присутствии генералов и адмиралов вермахта, я обобщил в памятной записке, находящейся сейчас в распоряжении моего защитника.

Эффект всего произошедшего был потрясающий — грандиозное возмущение генерального штаба сухопутных войск! Еще бы — кошку выпустили из мешка! Когда Гитлер в сопровождении Браухича покинул зал, Фрич чуть ли не с кулаками набросился на меня: подобные мысли о роли генштаба недопустимы! Пожалуй, то был единственный случай, когда он в приступе негодования излил на меня свое постоянное недовольство. В дальнейшем же мы никогда не заговаривали об этом инциденте¹⁴⁹. То, что «министр сухопутных войск» притязал на руководство, в глазах генерального штаба являлось просто нонсенсом: он этого не признавал да и слышать не желал ни о чем подобном. Я был слишком честен, наивен и объективен, чтобы осознать: своим казавшимся мне само собою разумеющимся решением данного вопроса я наживаю себе множество врагов и навешиваю себе на шею массу трудностей. <...> Все это резко подорвало мои прежде дружеские отношения с Беком.

Ничего не могли изменить здесь и мои дальнейшие усилия, направленные на то, чтобы перед принятием каких-либо распоряжений и приказов от имени Бломберга предварительно (зачастую в ходе многочасовых обсуждений) добиваться от министра соответствующих санкций, а также учета высказанных замечаний. Так произошло, к примеру, с проектом первой директивы о сосредоточении войск, изданной Бломбергом в окончательном

---

¹⁴⁹ Правда, в июне 1937 г., вследствие изданной Бломбергом 24.6.1937 г. директивы о руководстве вооруженными силами в войне, состоялась беседа Кейтеля и Фрича, в которой последний вновь высказал свое недовольство методами, приказами и директивами имперского военного министра и защищал монопольную роль генштаба в военном руководстве.

варианте летом [19]37 г. <...> Замечания Бломберга носили скорее формальный характер, но отражали скрытое раздражение тем, что кто-то пытается давать армии какие-то указания.

Когда же Бломберг сказал мне, что генеральный штаб никоим образом не примет никаких подготовительных мер указанного в директиве характера, которые по настоянию Гитлера (несомненно, в результате оценки последним политического и военно-стратегического положения) он хотел потребовать, я самолично заменил слово «подготовить» на «продумать». То был весьма жалкий компромисс, который Бломберг при проведении данной директивы в жизнь явно проигнорировал. Йодль и его Ia (начальник оперативного отдела. — *Прим. пер.*) Цейтцлер¹⁵⁰ тогда открыто возмущались моей «капитуляцией» перед Беком¹⁵¹.

Фактом является то, что генеральный штаб сухопутных войск просто-напросто похоронил эту «директиву» в своем бронированном сейфе и не сделал ровным счетом ничего предписанного в ней¹⁵². На Нюрнбергском процессе она сыграла выдающуюся роль, а мое и Йодля изложение событий вызвало лишь сострадательное недоверие. В действительности же никакой операции «Отто», как и никаких операций «Грюн» и «Рот», не было. Имела место лишь слабая пограничная охрана на Востоке и Западе, а также подготовка к уходу из областей за Рейном и Одером.

Вот чего мы (в том числе и Бломберг) искренне боялись, так это ставших известными из-за войны Италии против Абис-

---

¹⁵⁰ Курт Цейтцлер (1895—1963), тогда — подполковник генерального штаба в отделе обороны страны (L), впоследствии — генерал-полковник, начальник генерального штаба сухопутных войск с 25.9.1942 г. до середины июня 1944 г. Официально снят с этой должности 21.7.1944 г.

¹⁵¹ О подробностях разногласий между Беком и Кейтелем (носивших принципиальный характер!) до сих пор ничего не известно. До нас дошла лишь памятная записка (меморандум) Бека о верховном командовании вооруженных сил от 9.12.1935 г. («Главкомандующий сухопутными войсками и его первый советник»), воспроизведенная в кн.: W. Forster. *Generaloberst Ludwig Beck*, S. 34 ff.

¹⁵² Как уже указывалось, эта констатация Кейтеля в такой форме неправильна. Директива Бломберга от 24.6.1937 г. включает в себя отданный Беком еще в 1935 г. приказ о сосредоточении войск на границе в случае осуществления плана «Рот».

синии «санкций»! Они нависали над нами, как дамоклов меч, пока разоружение все еще увязало в организационном болоте, а мы все еще не имели боеготовной семидивизионной армии, которая должна была бы послужить кадровым ядром для развёртывания 36-дивизионных сухопутных войск. С 1.10.1935 г. они подлежали размещению по всей территории рейха.

Наши соседи могли в любую минуту, без более или менее серьезных боев и вновь осуществленного вооружения, продиктовать нам свои условия! Армия не имела ни полного комплекта вооружения, ни танковых войск и тяжелой артиллерии; военно-морской флот никакой серьезной роли не играл, а люфтваффе пока находилась в процессе мучительных родов. Любая иностранная интервенция оказалась бы для противника детской игрой. А потому никто не мог лучше Гитлера нацелить свою политику против этой опасности.

Следующий шаг с целью взять руководство вооруженными силами в свои руки Бломберг предпринял, дав мне задание подготовить маневры вермахта с участием военно-морского флота и люфтваффе. Вместе с Йодлем как начальником руководящего штаба Бломберг определил задачи предстоящих маневров. Когда позже я докладывал об этом Фричу, тот с сочувствием улыбнулся: условная исходная обстановка маневров и проведение их в районе Мекленбурга показались ему неподходящими. Я попросил утвердить составы руководящего штаба для сухопутных войск и рекогносцировочных команд. Фрич согласился и с тем и с другим, а начальником руководящего штаба маневров назначил генерала Гальдера, в то время начальника отдела боевой подготовки¹⁵³.

По моему мнению, эти маневры доказали, что обойтись без генерального штаба сухопутных войск управление вооруженных сил никак не могло. Это свидетельствует о глубине разногласий, когда я и Йодль делали все возможное для отстранения генштаба от руководства вооруженными силами в целом. Бек был персоной слишком важной, чтобы лично содействовать заранее объявленному им ошибочным делу. Поскольку лично я в трудоемкой подготовке маневров участвовал слишком мало,

---

¹⁵³ Франц Гальдер в то время был генерал-лейтенантом, а ранее командовал 7-й пехотной дивизией (Мюнхен).

судить о результатах их не мне. Главная заслуга принадлежит здесь Йодлю.

По приглашению Бломберга на маневры прибыли высокие гости: начальник британского генерального штаба генерал Айронсайд со свитой, итальянский военный министр и глава правительства Муссолини со свитой, военные миссии других государств, а также все аккредитованные в Берлине военные атташе. Мы впервые показали здесь военно-морской, а особенно наш подводный флот в атаке на Свиномюнде (ныне — Свиноеушьце в Польской Республике. — *Прим. пер.*), а также напу авиацию (действия бомбардировщиков над морем и сушей, высотные и пикирующие полеты). Впрочем, была показана и довольно слабая танковая дивизия с танками, вооруженными лишь ручными пулеметами (более мощных танков у нас еще не было). <...>

Эта первая попытка совместных маневров всех видов вооруженных сил прошла без помех. Поставленная трудная задача была выполнена превосходно и способствовала успеху нашего дела.

Единственный диссонанс внесло неожиданное появление на стороне «синих» большой группы военных корреспондентов¹⁵⁴. Начальник штаба, командующий «синими» [Рундштгедт], генерал Гёпнер¹⁵⁵ встретил их такими крепкими словами, что они, сочтя себя оскорбленными, даже собрались ретироваться. Мне пришлось срочно выехать на место и улаживать конфликт; мир с Гёпнером был восстановлен, а в прессе появились положительные материалы о маневрах. <...>

Визит Муссолини закончился после маневров его поездкой в Берлин, где он был гостем фюрера. В его честь на имперском стадионе состоялся военный парад, а вечером огромная демонстрация. Сначала Гитлер, а потом дуче (на немецком языке) выступили перед почти ста тысячами участников манифестации.

---

¹⁵⁴ На этих маневрах были впервые опробованы так называемые «роты пропаганды», созданные возглавлявшимся Геббельсом имперским министерством пропаганды.

¹⁵⁵ Генерал-лейтенант Эрих Гёпнер впоследствии, уже будучи генерал-полковником и командуя 4-й танковой армией на Восточном фронте, был за «неповиновение» (самовольное отступление от Москвы) изгнан Гитлером из армии. Как участник неудачного заговора 20 июля 1944 г., он был 8.8.1944 г. приговорен к смертной казни и повешен.

Однако из-за начавшегося проливного дождя все были вынуждены разойтись.

Так возникли штаб оперативного руководства, управление военной экономики и вооружений, управление разведки и контрразведки (абвер) с тремя отделами: I — разведка, II — саботаж и диверсии, III — контрразведка. Абверу подчинился иностранный отдел. И, наконец, из различных управленческих групп (под общим наименованием «внутригерманский отдел» (генерал Рейнике) я сформировал управление общих дел. Во главе вновь созданных управлений встали генералы, которым были предоставлены важные полномочия и большая самостоятельность.

Все это было первым шагом к формированию позднее возникшего ОКВ, для которого я создал тогда предпосылки по совсем иным мотивам. Я хотел (впрочем, вполне в духе Бломберга и с его согласия) к 1.4.1938 г. в известном смысле более четко разграничить задачи руководства вооруженными силами и министерские дела, причем примерно так: Верховный главнокомандующий всеми вооруженными силами должен иметь при себе в качестве высшего руководящего органа Верховное главнокомандование вермахта (ОКВ), а военный министр — играть роль своего рода министерского статс-секретаря. Он обязан отдавать свои приказы и распоряжения на двух отдельных служебных бланках — на одном должен стоять штамп «Верховный главнокомандующий вермахта», а на другом — «Имперский военный министр». Во всех не имеющих принципиального значения вопросах ему следует возлагать их решение на меня (мне же при этом выпадает роль, так сказать, статс-секретаря министерства), что еще сильнее подчеркивает его командные функции¹⁵⁶.

---

¹⁵⁶ Приведенное сообщение Кейтеля о реорганизации высших командных органов в тех конкретных условиях объясняет, откуда у Гитлера во время связанного с «делом Фрича» кризиса в военных кругах появилась идея, которая воплотилась в форме ОКВ с министерскими функциями и введением поста Верховного главнокомандующего вооруженными силами. Мы знаем, что смещенный при этом имперский военный министр фон Бломберг на прощальной аудиенции у Гитлера 27.1.1938 г. рекомендовал фюреру самому стать главнокомандующим вермахта. Бломберг лично подтвердил это после войны. Поскольку

Вот теперь, когда штаб оперативного руководства вермахта получил своего собственного начальника, который стоял рядом со мной, а я избавил Верховного главнокомандующего вооруженными силами от массы чисто министерских функций, действительно можно было вести войну! Я и по сей день считаю это решение правильным. Впрочем, во время войны главнокомандующий сухопутными войсками тоже действует подобным образом, назначая, скажем, являющегося весьма самостоятельным командующего армией резерва (эрзац-армия), который принял на себя основной груз управленческих задач сухопутных войск.

Я был убежден в том, что главнокомандующий вермахтом должен иметь при себе не большой, но весьма высокоценный штаб оперативного руководства, а выбор его начальника — дело явно личностное и связанное с доверием. В любом случае сделать это надо до начала войны. Сам я занять этот пост не стремился, для этого я не прошел соответствующего жизненного пути и не имел необходимых предпосылок. Бломберг и я придерживались в этом вопросе единого мнения. Почему эта реорганизация так и не прошла при Бломберге, достаточно хорошо известно. Название моей должности было для меня делом второстепенным. Я думал тогда о наименовании «начальник ОКВ» или же «генерал-квартирмейстер вермахта».

***

По службе мои отношения с иностранными военными атташе были довольно неопределенными, и я редко вступал с ними в контакт — это входило в компетенцию отдела атташата ОКХ. Я был рад, что они не обременяли меня своими служебными посещениями. Присутствия начальника этого отдела я требо-

---

он знал и одобрял реорганизаторские и реформаторские планы Кейтеля, позволительно выдвинуть следующую гипотезу. Во время этой последней беседы с Гитлером в Имперской канцелярии Бломберг сообщил фюреру свои соображения по данному вопросу. О ходе «дела Бломберг—Фрич» см.: Graf von Kielmannseg. Der Fritsch-Prozess 1938. Hannover, 1949; F. Hossbach. Zwischen Wehrmacht und Hitler; Hermann Foertsch. Schuld und Verhangnis. Stuttgart, 1951.

вал только в самых необходимых случаях. Один лишь Осима¹⁵⁷ вполне непринужденно нередко посещал меня; я охотно принимал его, чтобы узнать новости о событиях на Китайском театре военных действий. Кстати, во время официального визита по случаю Рождества [19]37 г. Осима сказал мне, что, по его мнению, как только будет взят Нанкин (а его скорое падение уже было предрешиено), можно будет закончить войну против Китая компромиссом на все времена. Он был прав, но на деле получилось иначе: ведь Токио придерживался другого взгляда и не осознавал, что война на гигантских просторах Китая окажется бесконечной, если победитель не образумится, а будет ставить перед собой еще более далеко идущие цели. <...>

Как только началась японо-китайская война¹⁵⁸, Гитлер окончательно покончил с проводившейся Бломбергом и Рейхенау политикой в отношении Китая¹⁵⁹ и отозвал из этой страны германскую военную комиссию. Зимой [19]35/36 г. Бломберг добился от него посылки в Китай Рейхенау. Посредником в проведении этой политики в отношении Китая являлся некий Кляйн (бывший банкир) — доверенное лицо фирмы «Отто Вольф»¹⁶⁰. Он обделывал в Китае крупные дела с сырьем, а также со строительством заводов по производству боеприпасов, стрелкового оружия и по организации мастерских для ремонта артиллерийских орудий. Рейхенау собирался посетить пребывавшего в Китае генерала фон Секта и маршала Чан Кайши¹⁶¹, а также подписать подготовленные Кляйном договоры. Для Рейхенау все это было чем-то вроде политической спекуляции. Хотя генерал Сект и являлся первым военным советником некоронованного

---

¹⁵⁷ Осима, генерал-майор, японский военный атташе в Берлине, а позже — посол императора Японии. Представитель тех кругов японской армии, которые стремились к союзу с Германией.

¹⁵⁸ Япония объявила войну Китаю 7.6.1937 г. после инцидента на мосту Марко Поло.

¹⁵⁹ Среди отстаивавших такую «китайскую политику» следует назвать и генерал-майора Георга Томаса — начальника штаба военной экономики в управлении вооруженных сил.

¹⁶⁰ Отто Вольф фон Камеронген (1881—1940) — крупный германский промышленник и коммерсант в области металлургии.

¹⁶¹ Чан Кайши, маршал и глава Китайского государства с 1929 г. до 1949 г. Затем возглавлял националистический Китай на о. Тайвань.

императора Китая, по состоянию здоровья он был вынужден поселиться в одиночестве среди гор, и вскоре его заменили генералом фон Фалькенхаузен¹⁶², весьма энергичным фактическим руководителем германской военной миссии. <...>

Договора Кляйна и соглашения Рейхенау, заключенные последним в качестве уполномоченного имперского военного министра (а тем самым — правительства Германии), так и остались на бумаге, хотя и обеспечили нам получение нескольких морских транспортов с яичным порошком и другими продуктами питания, а также всего каких-то 1000 т недостававших нам цветных металлов.

Фюрер потребовал сжечь все мосты в отношениях с Китаем, включая даже отправку на родину сына Чан Кайши, который служил офицером в мюнхенском пехотном полку и квартировал у Рейхенау (тот командовал тогда VII военным округом, что открыло путь к германо-японскому сближению, к чему стремился теперь Гитлер).

Мне было поручено вместе с имперским министром финансов [граф Шверин фон Крозиг] компенсировать за счет бюджетных ассигнований на вермахт потерянные инвестиции. По этому случаю я во время поездки вместе с Бломбергом в Китай был награжден высоким китайским орденом — это явилось как бы наследием нашей прежней политики в отношении Китая.

Осенью [19]37 г.¹⁶³ Бломберг поручил мне посетить генерала фон Секта после его возвращения из Китая с целью сообщить ему об отзыве оттуда нашей военной миссии¹⁶⁴. Сект принял меня молча, но в конце высказал свою точку зрения на положение в Китае и сообщил о планах Чан Кайши прекратить латентную гражданскую войну. Он заявил: Чан Кайши — злейший враг коммунизма, этого нельзя не видеть. Такова была моя последняя встреча с Сектом. При этом он заметил, что Бломберг

---

¹⁶² Александр фон Фалькенхаузен, генерал пехоты. В 1938 г. отозван из Китая, где был военным советником: в 1940—1944 гг. — командующий германскими войсками в Бельгии и Северной Франции.

¹⁶³ Автором допущена хронологическая ошибка: Сект умер 27.12.1936 г., а потому это могло происходить только в 1935 г.

¹⁶⁴ В данном случае тоже хронологическая ошибка. Деятельность германских военных советников в Китае при Чан Кайши была прекращена только в 1938 г.

избегает бесед с ним. Примерно через год мы с почестями похоронили его на Кладбище инвалидов в Мюнхене. <...>

* * *

Примерно в середине декабря [1937 г.] после тяжелой болезни умер Людендорф¹⁶⁵. Фюрер приказал устроить ему государственные похороны и обязал Бломберга произнести надгробное слово. Самого Бломберга Гитлер торжественным актом осенью [19]37 г. произвел в генерал-фельдмаршалы и вручил ему фельдмаршальский жезл перед собравшимися на этот акт в Большом зале здания военного министерства высшими офицерами рейха.

Поездку в Мюнхен я совершил в небольшом специальном поезде вместе с самим новым фельдмаршалом в только что подаренном ему фюрером современном салон-вагоне. Мы, предназначенные для сопровождения фельдмаршала высшие офицеры, должны были забрать его из Оберхофа [Бавария], а на обратном пути из Мюнхена вновь доставить его туда. Мы даже и помыслить не могли, что это станет его последней поездкой в подаренном салон-вагоне, а уж сам-то он и давно не предчувствовал своей судьбы...

Дело в том, что после смерти своей жены Бломберг захотел жениться снова. Он в доверительной форме сам подтвердил мне это свое намерение сразу после нашего возвращения в Берлин, сказав, что, не привлекая к этому внимания, хочет жениться в январе [1938 г.]. Правда, дама его сердца — из простого общества, но это его не смущает: он уже окончательно решился на такой шаг. Ведь, говорил он мне, в национал-социалистической Германии иметь женой «дита народа», как он выразился, — вовсе не позор; ну а пересуды так называемого светского общества ему совершенно безразличны. Он, мол, созвал своих детей и откровенно поговорил с ними, они его вполне поняли и ника-

---

¹⁶⁵ Эрих Людендорф (1865—1937), генерал пехоты в отставке. В 1916—1918 г. — 1-й генерал-квартирмейстер генерального штаба действующей армии (ОХЛ), возглавлявшегося Гинденбургом. Торжественные похороны Людендорфа состоялись 24 декабря 1937 г. в Мюнхене. (9 ноября 1923 г. Людендорф участвовал под началом Гитлера в неудавшемся «пивном путче» в Мюнхене против правительства Веймарской республики, возглавлявшегося Гинденбургом. — *Прим. пер.*).

ких трудностей ему чинить не станут. Вот и все, что моя семья и я сам узнали из его собственных слов. Итак, безымянное «дитя народа»! Странные мысли одолевали меня, но спросить Бломберга я не решился, раз сам он (все равно, из каких побуждений) молчал...

От своих адъютантов я узнал (это было примерно в середине января¹⁶⁶, что гражданское бракосочетание состоится в самом узком кругу, а свидетелями пожелали стать Гитлер и Геринг. Я на этот официальный акт (венчание в церкви не предусматривалось) приглашения не получил. Присутствовали, если не ошибаюсь, только трое адъютантов военного министра и друг семьи — бывший адъютант от военно-морского флота фон Фридебург. Вечером Бломберг с молодой женой отправился в свадебное путешествие, о котором пресса опубликовала фотографию из Лейпцига или Дрездена, где супружеская пара была снята в зоологическом саду прямо у клетки с обезьянами. Какая безвкусица!

Поездку внезапно пришлось прервать: мать Бломберга, проживавшая с дочерью в Эберсвальде, серьезно заболела, и ей грозила смерть. Не знаю, потряс ли ее так позор этого мезальянса, но родная сестра Бломберга, после кончины матери часто посещавшая мою жену, хранила на сей счет полное молчание, и поэтому было неизвестно, знает ли она какие-либо подробности ее смерти. Я поехал на погребение старой фрау Бломберг и на кладбище в Эберсвальде впервые увидел новобрачных у открытого гроба. Молодая супруга прятала лицо под густой вуалью. Прозвучали обычные в таких случаях соболезнования, и супруги удалились первыми. Но я все-таки успел выразить новоявленной фрау Бломберг свое соболезнование.

Примерно к концу месяца¹⁶⁷, после настойчивых просьб о приеме, в моем кабинете появился полицей-президент Берли-

---

¹⁶⁶ Бракосочетание состоялось 12 января 1938 г. В связи с этим Йодль записал в своем дневнике 12.1.1938 г.: «Генерал-фельдмаршал обескураживающе внезапно женится на некоей фройляйн Грун». Вторая жена фон Бломберга Эрна (в девичестве Грун) была дочерью масажистки из берлинского района Нойкёльн.

¹⁶⁷ По всему ходу событий, полицей-президент Берлина обергруппенфюрер СА, ротмистр в отставке граф Карл Гейнц фон Хельддорф (1896—1944) посетил Кейтеля 23 января 1938 г. Бломберг же вернулся

на граф Хельдорф. Он был очень возбужден и сразу же спросил меня, как выглядит эта молодая женщина — новая жена фельд-маршала.

Он просто никак не хотел поверить, что я (не считая панихиды в Эберсвальде) вообще не видел молодых. В конце концов он вытащил из кармана заполненный регистрационный бланк полицейской прописки с фотографией некоей фройляйн Евы Кун¹⁶⁸, переданный ему в полицейском участке в связи с тем, что она особа не прописалась по новому месту жительства — Тирпицштрассе, где в казенной министерской квартире проживал фон Бломберг.

Сначала Хельдорф пожелал узнать, идентична ли фотография на полицейской регистрационной карточке с вышеозначенной Евой Кун. На этот вопрос я ответить не смог. Хельдорф стал уговаривать меня немедленно поехать к Бломбергу и без обиняков спросить его о том, ибо очень важно внести в этот вопрос полную ясность. Я был так обескуражен, что сразу же позвонил в приемную министра и спросил, можно ли с ним поговорить. Получил отказ: министр уехал в Эберсвальде, чтобы уладить дела с наследством матери. Хельдорф этот телефонный разговор слышал, но ничего мне не объяснил.

Наконец Хельдорф «раскололся»: фройляйн Ева Кун, которая, став супругой Бломберга, выписалась со своего прежнего места жительства, имеет судимость за свое слишком легкое поведение. О подробностях, которые я сам мог уяснить из регистрационной полицейской карточки, умалчиваю из чувства порядочности.

Теперь-то я понял, отчего так взвинчен Хельдорф! Я высказал предположение, что Бломберг наверняка расторгнет этот неблагоприятный брак, если идентичность будет подтверждена. Стали обсуждать, что же делать? Я выразил готовность на следующий день показать Бломбергу опознавательную карточку

в Берлин из Эберсвальде 24.1.1938 г., т. е. в тот самый день, когда началось «дело Бломберга — Фрича».

¹⁶⁸ «Ева Кун», правильно: Эрнст Грун (хотя имя Ева тоже встречается в посвященной этой истории литературе). О кризисе из-за «дела Бломберга — Фрича» см.: Johann Adolf Graf Kielmannsegg. *Der Fritsch-Prozess*. Hamburg, 1949; F. Hossbach. *Zwischen Wehrmacht und Hitler*; H. Foertsch. *Schuld und Verhängnis. Die Fritschkrise*. Stuttgart, 1951.

зарегистрированной девицы легкого поведения, хотя и умолчал, что мне, как будущему свекру его дочери, вся эта история крайне неприятна. Хельдорф оставить мне опознавательную карточку до завтра не захотел: он немедленно выяснит все сам! Я же посоветовал ему обратиться к Герингу, который, будучи свидетелем на бракосочетании, не только видел эту молодую женщину, но и познакомился с нею¹⁶⁹. Хельдорф сразу же ухватился за такое решение. Я по телефону доложил о нем Герингу, и полицейский-президент Берлина незамедлительно выехал к нему. От всего этого у меня просто голова шла кругом: я думал, что мне все-таки удастся избежать тягостного объяснения с Бломбергом. Ведь сомневаться не приходилось: Ева Кун с опознавательной карточки — это и есть молодая жена фельдмаршала!

Вечером позвонил Хельдорф: Геринг мгновенно признал полную идентичность. Это — катастрофа! Завтра Геринг будет говорить с Бломбергом. Я мог только благодарить судьбу, что она случайно избавила меня от такого разговора с фельдмаршалом...

Ну а Геринг тем же вечером отправился к Гитлеру и ввел его в курс дела. Фюрер поручил ему на следующий день открыть Бломбергу глаза на прошлое этой дамы. Если тот сразу же расторгнет брак, можно будет найти способ избежать публичного скандала: полицейские чиновники по приказу Геринга поклялись молчать.

Аннулировать брак, как это предписывал приказ фюрера, Бломберг отказался. Он любит эту женщину сверх всякой меры, и, если Гитлер и Геринг действительно хотят помочь ему, в «своём положении» он это пережить сможет. Но Гитлер и Геринг не поверили Бломбергу, будто он ничего не знал о прошлом своей избранницы и потому невольно «влип» в эту авантюру. Оба они — а особенно фюрер! — были вне себя от ярости, что оказались свидетелями на бракосочетании. Насколько я знаю и того и другого, они были убеждены в том, что именно таким образом

---

¹⁶⁹ Это (кстати, в общем, приемлемое) объяснение Кейтелем своих действий резко критикуется в западногерманской военно-исторической литературе. Так, Г. Фёрч в упомянутой выше книге «Вина и рок» пишет: «Кейтель не сохранил документ у себя, а также не известил о нем старшего по рангу после Бломберга начальника — генерал-полковника барона фон Фрича и вернул документ графу Хельдорфу, который тут же положил его на стол Герингу».

Бломберг хотел заставить их держать язык за зубами и пресечь все нежелательные последствия своего марьяжного шага. <...>

Я смог поговорить с Бломбергом только в полдень после возвращения от Геринга, а затем от фюрера¹⁷⁰. Бломберг был совершенно потрясен и близок к роковым поступкам. Он заявил, также и лично фюреру, что расторгнуть свой брак не желает. Затем, разумеется, произошел долгий разговор с Гитлером о его неизбежной отставке.

Бломберг вменял мне в вину деловой контакт с Герингом: если бы тот не надеялся стать его преемником на посту министра, всю эту скандальную историю можно было бы прикрыть мантией романтической любви. Да, о том, что его теперешняя жена вела прежде легкомысленный образ жизни, он знал, но ведь это в конечном счете вовсе не причина, чтобы оттолкнуть ее навсегда! Ведь она вот уже долгое время служит машинисткой в одном из имперских учреждений и зарабатывает себе на жизнь честным трудом, хотя мать ее — гладильщица и гладит чужое белье¹⁷¹.

Фюрер заговорил с Бломбергом и о его преемнике.

Кстати, Фричу тоже придется уйти, так как против него возбуждено судебное дело (по обвинению в гомосексуализме. — *Прим. пер.*); об этом фюрер скажет мне сам. Он же, Бломберг, предложил в качестве своего преемника Браухича¹⁷². Правда,

---

¹⁷⁰ Разговор, очевидно, имел место 26.1.1938 г. Йодль записал в своем дневнике: «26 января, 12 часов. Кейтель сообщает мне под честное слово, что генерал-фельдмаршал повержен наземь».

¹⁷¹ Почему Бломберг в данном случае выдает свою тещу за «гладильщицу», понять трудно. Вероятно, он хотел избежать двусмысленного (по крайней мере в тогдашних берлинских условиях) выражения «хозяйка массажного салона». Полицейские материалы о прошлом второй жены Бломберга до сих пор не обнаружены; видимо, они утеряны.

¹⁷² Вальтер фон Браухич (1881—1948), тогда, в 1938 г. — генерал пехоты, командующий 4-й группой армий (Лейпциг), а ранее, с 1.2.1933 г. — преемник Бломберга на посту командующего 1-м военным округом (Восточная Пруссия) и командир 1-й дивизии 1-го армейского корпуса. То, что Бломберг предложил Гитлеру именно кандидатуру Браухича, он сам подтвердил на Нюрнбергском процессе бывшему защитнику Фрича адвокату графу фон дер Гольцу. Он, Бломберг, в конце концов посоветовал Гитлеру самому занять пост имперского военного министра, после того как тот отклонил кандидатуры Фрича и Геринга под тем предлогом,

к концу беседы Гитлер перешел с Бломбергом на сердечный тон и заявил: если рано или поздно настанет час, когда ему придется вести войну, он снова захочет видеть фельдмаршала рядом с собой.

У меня сразу же сложилось впечатление, что Бломберг с надеждой ухватился за эти слова Гитлера, ибо все-таки увидел пристойный выход для себя из создавшегося положения. Фюрер добавил, что, по старой прусской традиции, тот как фельдмаршал всегда остается «на службе» и будет получать свое жалованье полностью, даже если окажется обреченным на бездействии. Я снова стал настойчиво добиваться от Бломберга ответа на вопрос, намерен ли он развестись с женой. Я упрекал его в том, что прежде чем сделать этот шаг, он не посоветовался со мной: ведь я намного моложе его и смог бы еще до того разузнать о прошлом этой дамы. Он защищался тем, что не мог этого сделать из-за наших детей (как уже указывалось, намечалась женитьба сына Кейтеля на дочери Бломберга. — *Прим. пер.*), я должен это понять! Мысль о разводе он с возмущением отверг: у них глубочайшее взаимное влечение. «Скорей пушцу себе пулю в лоб!» — воскликнул он. Со словами, что в 13 часов ему приказано явиться к фюреру в штатском, он оставил меня стоящим в его кабинете, а сам, со слезами на глазах, поспешно удалился.

Я был так потрясен этой ситуацией, что сначала даже присел на стул. Я знал, что Бломберг — твердолобый упрямец, если что-нибудь вбил себе в голову, переубедить его — дело безнадежное.

А тут еще и вторая беда — с Фричем! Что все это может значить? Растерянный и расстроенный, я отправился домой переодеться в штатское. Жене я ничего путного сказать не смог. Мне уже звонил сам Геринг; я должен как можно скорее зайти к нему. Я ответил согласием и поехал к нему на квартиру.

Геринг пожелал знать, что же именно сказал мне Бломберг после разговора с фюрером и кто будет его преемником. «Речь

что о первом не может быть и речи, поскольку он уходит в отставку, а второй для этого поста непригоден. В своем сообщении фон дер Гольцу Бломберг также утверждал, что только от Геринга узнал насчет слухов о своей второй жене. Это опять же противоречит версии Кейтеля. Насколько возможно, кажется твердо установленным, что Бломберг рекомендовал Гитлеру самому стать имперским военным министром, независимо от того, что ранее предлагал на этот пост других лиц.

может идти только о вас, — сказал я. — Ведь какому-нибудь генералу сухопутных войск вы подчиняться не захотите!» Он сразу же согласился со мной: об этом и говорить нечего!¹⁷³ Меня не покидала мысль о деле Фрича: кто мог бы за этим делом стоять? Затем Геринг признался мне, что о намерении Бломберга жениться вторично он знал уже довольно давно. Сама же эта дама тогда хотела выйти замуж за некоего другого мужчину. Геринг, по желанию Бломберга, лично помог фельдмаршалу откупиться от этого человека за отказ от брака и даже был готов предоставить последнему хорошо оплачиваемую должность за границей. Дело шло прекрасно, соперник тем временем уже покинул Германию. Геринг хорошо знал и все подробности бурной прошлой жизни избранницы фельдмаршала и рассказал мне решительно все, но я и по сей день из соображений приличия держу это в тайне.

Ровно в 17.00 я доложил в Имперской канцелярии о своем прибытии. Меня тотчас же провели в рабочий кабинет Гитлера.

Я лишь однажды имел с ним до этого краткий разговор, когда непосредственно после вступления в [демилитаризованную] Рейнскую зону побывал у него вместе с Нейратом и Фричем. Кроме того, я дважды сопровождал к Гитлеру Бломберга: первый раз — вместе с другими статс-секретарями на заседание кабинета по вопросу реформы уголовного права, а второй — при обсуждении с имперским министром финансов — президентом Рейхсбанка Шахтом¹⁷⁴ проблемы финансирования нового вооружения Германии. И то и другое было в 1935 г. При этом я и рта не раскрывал, а сидел позади Бломберга и вел для него запись обсуждения. Гитлер знал меня лично только по донесениям, а также по маневрам 1935 г., когда я командовал моей дивизией¹⁷⁵.

---

¹⁷³ Сведения Кейтеля опираются на версию тогдашнего личного адъютанта Гитлера капитана в отставке Фрица Видемана, согласно которой Геринг в 1938 г. действительно стремился занять пост главнокомандующего вермахтом, чтобы целиком и полностью стать «вторым человеком» в рейхе.

¹⁷⁴ Ялмар Шахт (1877—1970) министром финансов никогда не был. С января 1933, до 1939 г. он являлся президентом Рейхсбанка, — а с 1934 г. до 1937 г. был одновременно и имперским министром экономики.

¹⁷⁵ О том, что Кейтель никакой важной персоной для Гитлера не являлся, свидетельствует его фраза: «Я хочу переговорить с фон Кейтелем». Между тем Кейтель дворянином не являлся.

Полковник Хоссбах как адъютант фюрера старательно избегал допускать меня к Гитлеру — видимо, чтобы избежать возникновения такого положения, какое сложилось при Рейхенау, который сам докладывал о себе или просто-напросто оказывался за обеденным столом фюрера (что имели обыкновение делать некоторые министры и зарубежные партийные лидеры). Я тоже впоследствии не раз пользовался этим обычаем, но только после недвусмысленного приглашения самим фюрером¹⁷⁶.

Итак, сначала я смог только констатировать, что дело Бломберга и Фрича глубочайшим образом потрясло фюрера¹⁷⁷, однако «нервного срыва» у него не вызвало. Фюрер говорил о своем всегда почтительном отношении к Бломбергу и о своей благодарности ему, но не скрывал, как сильно травмировало его то, что оказался сам впутанным в эту скандальную историю в качестве свидетеля при бракосочетании. Он спросил меня, смирится ли офицерский корпус с этим немыслимым браком, обстоятельства которого утаить невозможно. Я вынужден был дать ответ отрицательный: ведь я знал, что в сухопутных войсках Бломберга и прежде не любили, а потому никто не прольет по нему ни единой скупой слезы. Он [Гитлер] преподнес Бломбергу в качестве свадебного подарка кругосветное путешествие и предоставил ему оплаченный годичный отпуск вне Германии. Бломберг этот подарок принял. Он, Гитлер, хочет теперь обсудить со мной вопрос о преемнике Бломберга и услышать, что я ему на этот счет скажу.

Первым я назвал Геринга¹⁷⁸ и высказал аргументы в пользу такого назначения. Гитлер мое предложение с порога отверг:

---

¹⁷⁶ Воспоминания генерала Хоссбаха о временах его адъютантской службы при Гитлере не содержат никаких упоминаний о недоверии к Кейтелю. Но тот, не без оснований, считал тогдашнего полковника Хоссбаха сильной личностью и приверженцем взглядов Бека, стремившимся укрепить свое положение в ближайшем окружении Гитлера.

¹⁷⁷ См. описание Фрицем Видеманом реакции Гитлера на новый брак Бломберга. Совершенно убитый этим известием, Гитлер сказал примерно так: «Ну если такое происходит с германским фельдмаршалом, тогда в этом мире возможно решительно все!»

¹⁷⁸ Учитывая широко распространявшиеся разнообразные предположения, которые высказывались тогда насчет истинных причин и закулисных организаторах «дела Бломберга — Фрича», рекомендация Ге-

об этом не может быть и речи! Ведь он же отдал Герингу четырехлетний план (развития военной экономики. — *Прим. пер.*), да к тому же тот должен сохранить за собой и люфтваффе, поскольку лучшего человека для этого дела не найти. Кроме того, Геринг как заранее предусмотренный преемник фюрера обязан быть в курсе всех государственных дел.

Следующим я предложил Фрича. Тогда фюрер подошел к письменному столу и протянул мне обвинительный документ, подписанный лично имперским министром юстиции Гюртнером¹⁷⁹. Согласно этому документу, Фричу инкриминировалось нарушение § 175 (Уголовного кодекса, предусматривавшего тюремное наказание за официально запрещенный в Германии гомосексуализм. — *Прим. пер.*). Гитлер заявил: донесение о совершенном Фричем правонарушении уже довольно давно находится у него в руках, но он его придерживал, не веря в это. Теперь же, когда вопрос о преемнике Бломберга стал актуальным, дело подлежит расследованию, ибо при нынешних обстоятельствах замалчивать его больше нельзя. Кроме Гитлера, о деле Фрича осведомлен и Геринг.

От всего сказанного Гитлером я пришел в ужас. Со своей стороны, я не мог поверить, что Гюртнер проявил здесь небрежность, а с другой — никак не мог допустить, что все это — правда. Я сказал: Фрича, верно, с кем-то спутали или же это просто клевета! Ведь я хорошо знаю Фрича и считаю подобное его поведение просто невозможным. Фюрер запретил мне где-либо говорить о данном деле! Завтра он лично поговорит с Фричем наедине. Неожиданно задаст ему этот вопрос и по реакции Фрича сразу же определит, есть ли тут что-то такое. Ну а там посмотрим¹⁸⁰.

Потом Гитлер спросил меня насчет преемника Фрича. Сначала я назвал Рундштедта. Гитлер ответил: он взял бы его без

ринга на пост имперского военного министра служит доказательством политического простодушия Кейтеля.

¹⁷⁹ Франц Гюртнер (1881—1941), с 1932 г. — имперский министр юстиции в кабинетах Папена, Шлейхера и Гитлера.

¹⁸⁰ Разговор Гитлера с генерал-полковником бароном фон Фричем состоялся по настоянию полковника Хоссбаха еще вечером 26.1.1938 г.

всякого сомнения, ибо очень высоко ценит, хотя тот и относится к национал-социализму отрицательно. Но это ему, фюреру, никогда бы не помешало. Однако для такого поста Рундштедт слишком стар, жаль, что ему не лет на 5—10 меньше — уж тогда его выбор был бы твердым.

Тогда я назвал фон Браухича. Фюрер помолчал, потом спонтанно спросил: «А почему не Рейхенау?» Я сразу же привел свои доводы: несолиден и нетрудолюбив, слывет каким-то придурком, слишком поверхностен, мало любим как солдат, склонен удовлетворять свое тщеславие в политической, а не в военной области. С последним возражением Гитлер согласился. В остальном же мою характеристику Рейхенау счел слишком резкой.

Тогда я опять порекомендовал Браухича: он — только солдат, умелый мастер организации, специалист по боевой подготовке и руководству войсками, армия его ценит. Гитлер сказал, что хочет сам поговорить с Браухичем, а наше обсуждение следует держать в полной тайне. Но сначала он все-таки завтра побеседует с Фричем. Мне он приказал явиться к нему снова на следующий день. Решение было принято только об отставке Бломберга. <...>

Когда на следующий день я вошел к Гитлеру, он был в состоянии крайнего возбуждения, Фрич уже посетил его и, разумеется, отрицал все вменяемое ему в вину, но при этом произвел впечатление человека, подавленного случившимся и нервного. Кроме того, субъект, донесший на него, был привезен из тюрьмы, поставлен у входа в Имперскую канцелярию для опознания Фрича и «узнал» его¹⁸¹. Субъект уверял, что это именно тот самый офицер и он его знает. Итак, над Фричем нависло серьезное обвинение, он больше не мог оставаться главнокомандующим сухопутными войсками, а пока, заявил фюрер, ему надлежит находиться под домашним арестом. Затем Гитлер выплеснул все свое возмущение на Хоссбаха. Тот, мол, просто

---

¹⁸¹ Здесь Гитлер явно не придерживался истины. В его и Геринга присутствии генерал-полковнику была устроена очная ставка с (по выражению Хоссбаха) «прожженным» свидетелем обвинения — неоднократно судимым гомосексуалистом-шантажистом. К такой ситуации аристократ Фрич с моноклем в глазу морально готов не был.

гнушно подвел его как личный адъютант: несмотря на его, фюрера, строгий запрет, заранее проинформировал Фрича о предъявленном обвинении. Хоссбах обманул его доверие, он больше не желает видеть его никогда. Я должен лично сказать все это Хоссбаху и немедленно найти ему замену.

Поскольку я еще несколько месяцев назад по поручению Бломберга должен был обдумать вопрос о назначении одного майора генерального штаба, который предназначался для замены Хоссбаха ввиду его предстоящего использования в войсках, я после долгих размышлений остановился на кандидатуре майора Шмундта. Хорошо зная его по отделу Т2 и как полкового адъютанта в Потсдаме, я предложил его Гитлеру, и он согласился. Шмундт должен был вступить в должность через несколько дней. Объявить Хоссбаху без всяких предупреждений о его смещении стало моей неблагоприятной задачей¹⁸².

Когда я снова попытался побудить Гитлера сделать военным министром — преемником Бломберга — Геринга, ибо иного решения я не знал, тот возразил: он уже решил взять главнокомандование вооруженными силами на себя, а я должен остаться начальником его штаба, поскольку не смею и не хочу бросить его в этой ситуации на произвол судьбы. Если бы он не считал меня незаменимым на этом посту, он сделал бы главнокомандующим сухопутными войсками именно меня, но я должен остаться в своей прежней должности¹⁸³. Я без колебаний согласился.

---

¹⁸² Ср. это с описанием Хоссбаха, согласно которому его смещение носило не формальный характер, а было произведено самим Гитлером, причем после резкого спора.

¹⁸³ См. запись от 27.1.1938 г. в дневнике Йодля: «Кейтелю приказано в 13.00 явиться к фюреру в штатском. Тот выкладывает Кейтелю все, что у него накипело, и говорит о той тяжести, которая навалилась на него. Он становится все более одиноким. <...> Он говорит Кейтелю: «Я полагаюсь на вас. Вы должны выстоять вместе со мной. Вы — мой доверенный человек и единственный советник по вопросам вермахта. Единое и сплоченное руководство вооруженных сил для меня — дело святое и неприкосновенное; я при вашей помощи приму его на себя лично. Сухопутные войска для Германии — решающий фактор».

См. также отражение всей этой истории в письмах Лизы Кейтель из Берлина к матери. Сообщив ей 21.1.1938 г. о помолвке своего сына с Доротеей фон Бломберг, Лиза Кейтель пишет, что молодую жену Бломберга никто не знает и оценить ее можно будет только после личного

Вечером я посетил Фрича, чтобы предоставить себя в его распоряжение. Он принял меня внешне спокойно, но с озлобленностью, вызванной гнусной клеветой. Показал мне лежавшее на столе прошение об отставке: в нем выдвигалось требование разбирательства дела в военном суде. Я мог лишь признать его действия правильными: другого способа избавить себя от позора не было. Ведь без судебного решения осталось бы молчаливое признание предъявленного обвинения. Гитлер поначалу, казалось, придерживался иного мнения, но потом согласился со мной и приказал провести следствие согласно моим предложениям¹⁸⁴.

Судьями были назначены три главнокомандующих трех составных частей вермахта под председательством Геринга; к ним добавили двух профессиональных судей. Решения об отставке Фрича Гитлер пока не принимал, хотя восстановление его на прежнем посту больше не предусматривалось. Одного лишь подозрения оказалось достаточно, чтобы дискредитировать

знакомства. 30.1.1938 г. она сообщает, что фельдмаршал фон Бломберг продолжил свое прерванное из-за смерти матери свадебное путешествие по Италии. Только 10.2.1938 г. Лиза Кейтель позволяет себе намекнуть: «Эти старые мужчины со своими юношескими чувствами чем только не соблазняются! Подумай об английском короле!» (Речь идет об Эдуарде VIII, лишившемся трона из-за морганатического брака с незнатной и к тому же разведенной американкой и взамен королевского получившего титул герцога Виндзорского. — *Прим. пер.*)

Йодль тоже пишет в своем дневнике 26.1.1938 г.: «Невольно напрашивается параллель с английским королем и его супругой».

¹⁸⁴ О рассмотрении «дела Фрича» военным судом см. указанную выше книгу графа фон Кильманзегга. Там упоминается и первое сошествие Кейтеля с начальником юридического отдела управления вооруженных сил министерства-директором Розенбергом. Последний указывает на то, что по кодексу военных законов председатель суда (в данном случае — Гитлер как Верховный главнокомандующий) признается виновным в случае, если он покрывает ставшие известными ему наказуемые действия или проступки своего подчиненного. Гитлер однажды уже «прикрыл» ставшее ему известным «дело Фрича». Кейтель возражает на это: «С точки зрения наших прусских и германских традиций порядочности, они вполне правы. Но — следует задуматься над тем, что эти люди [нацисты] обязаны своим возвышением [национал-социалистической] революции и к ним надлежит подходить с иными мерками, нежели наши. Или вы, быть может, сомневаетесь, что эта революция — самая крупная в истории?»

заслуженного генерала и избавиться от него несправедливым способом. Этого было достаточно и для того, чтобы не дать ему стать преемником Бломберга. Привлечение Гюртнером Фрича к уголовной ответственности было явно инспирировано гестапо: обвинение это вполне годилось быть теперь вытасненным на свет Божий, после того как оно некоторое время пролежало под сукном¹⁸⁵.

В ближайшие затем дни фюрер принял генералов Бека и фон Рундштедта, а также гросс-адмирала Редера¹⁸⁶, дабы и с ними обсудить вопрос о преемственности. Я ежедневно проводил у него целые часы. Однако я хорошо заметил, что от идеи насчет Рейхенау он никак отделаться не мог. Но я, что называется, железно отстаивал мое убеждение и в конце концов добился своего. Браухич просидел уже два дня в отеле, прежде чем я привел его к фюреру. Я самолично доставил его из Лейпцига, где он командовал находившейся в процессе формирования 4-й группой армий, что привело к моему крупному столкновению с генералом Бекем, который чувствовал себя представителем главнокомандующего сухопутными войсками, а потому запретил мне «самовольничать» подобным образом. Спор уладил фон Рундштедт. Мы вели втроем бесконечные совещания. Браухич открыто выразил свою приверженность национал-социализму, поддержал идею комплектования и смены офицерского корпуса и т.д.¹⁸⁷.

---

¹⁸⁵ Этот пассаж автора дает возможность предположить, что Кейтелю тоже приходила в голову мысль о кознях гестапо. Йодль записал в своем дневнике 4.2.1938 г. высказывание Шахта, что все это в целом — интриги СС против вермахта. Но никаких выводов отсюда Йодль не делает.

¹⁸⁶ Начальник генерального штаба сухопутных войск генерал Бек по инициативе Хосса был вызван в ночь с 20 на 21.1.1938 г.; к Гитлеру. При этом выяснилось, что Бек лишь с трудом понимает, что же здесь, собственно говоря, разыгрывается. Он был обескуражен этой интригой не менее Кейтеля.

¹⁸⁷ Согласно Г. Фёрчу в его упоминавшейся выше книге «Вина и рок», Браухич заявил Гитлеру 29.1.1938 г., что готов принять на себя главнокомандование сухопутными войсками. Но по дневнику Йодля и рукописи Рундштедта, как Геринг, так и сам Рундштедт выступали против кандидатуры Рейхенау и высказывались в пользу Браухича

Кейтель не упоминает и о том факте, что Браухич как раз находился в процессе развода со своей первой женой Элизабет, урожд. Карштедт

Наконец после третьей беседы (во второй половине дня 6.2.1938 г.) Гитлер встал, протянул руку Браухичу и утвердил его назначение, а тем самым — отставку Фрича. Мне было поручено временно замещать последнего.

Одновременно начальник Имперской канцелярии д-р Ламмерс¹⁸⁸ уже трудился в своем кабинете над формулировкой указа о введении новой должности «начальник ОКВ» — об этом я мог судить по неоднократным телефонным звонкам.

Наконец все мы вместе отправились к Гитлеру, чтобы он, внося некоторые поправки, незадолго до вечернего заседания кабинета подписал этот документ. Гитлер в кратком выступлении представил Браухича и меня членам правительства, а также сообщил о прочих изменениях в составе кабинета (Нейрат и др.). Затем он попросил Ламмерса зачитать указ¹⁸⁹. Никакого обсуждения кабинетом не было.

(1881—1952). Брак с нею был расторгнут 8.4.1938 г., а уже 23.9.1938 г. Браухич вступил в новый брак с Шарлоттой Рюффер, дочерью одного крупного судейского чиновника. Йодль записал 1.2.1938 г.: Геринг хочет приняться за выяснение семейных дел Браухича, а тот, вероятно, получит денежную дотацию для их урегулирования.

¹⁸⁸ Ганс Генрих Ламмерс (1879—1962), доктор юриспруденции, статс-секретарь и начальник Имперской канцелярии с 1933 г., имперский министр без портфеля. См. его показания на Нюрнбергском процессе [Trial of the Major Criminals for International Military Tribunal, vols. 1—XXXXII, Nurnberg, 1945—1947 (далее: IMT-Prozess), Bd. XI, S. 37 ff.] о формировании ОКВ, в которых он цитирует Гитлера: «Я и в будущем не желаю иметь никакого главнокомандующего вермахтом, который стоял бы между мною как Верховным главнокомандующим всеми вооруженными силами и главнокомандующими их составных частей». Ламмерс поясняет, что в связи с этим было создано ОКВ в качестве «военного штаба» под непосредственным главенством самого Гитлера. Йодль же в своем дневнике записал 4.2.1938 г.: «Сообщение Ламмерса. Ф[юрер] отвергает наименование должности “начальник генерального штаба вермахта” как слишком незначительное и вводит наименование: “начальник ОКВ”».

¹⁸⁹ Имеются в виду крупные изменения в составе имперского кабинета, во внешней политике, а также связанные с генеральным штабом сухопутных войск. Барон Константин фон Нейрат был заменен на посту имперского министра иностранных дел Иоахимом фон Риббентропом (до этого — посол в Лондоне) и назначен председателем так и оставшегося фиктивным тайного правительственного совета.

После заседания Гитлер выехал в Берхтесгаден в свою резиденцию Бергхоф, не сказав на прощание ни единого слова о своих политических планах ни Браухичу, ни мне, ни членам кабинета. Единственное, на что он намекнул нам обоим: уход Бломберга и Фрича может произвести плохое впечатление, особенно за границей; с еще большими переменами связано и назначение Нейрата главой тайного правительственного совета; надо позаботиться, чтобы это не привело к мысли об изменении курса во внешней политике.

С Бломбергом я еще раз встретился на другой день после его ужасной отставки¹⁹⁰. Он передал мне ключи от сейфа и вручил два больших запечатанных конверта с документами. В первом находился секретный указ о преемнике Гитлера, а во втором — памятная записка с документом о руководстве вермахтом, которую он представил после военной игры весной 1937 г.¹⁹¹. Возникший тогда между обоими сильный конфликт, во время которого Бломберг грозил своей отставкой, если Фрич представит эту памятную записку фюреру в качестве основы директивы, привел ко взаимному отказу от нее. Бломберг ни устно, ни письменно не сообщил или не передал мне ничего подобного.

Бломберг сказал мне о своем предстоящем путешествии с женой по Индийскому океану; до того он хотел провести несколько недель в Италии, но не может же он ездить целый год! Он будет мне писать, чтобы попросить согласия Гитлера разрешить ему поселиться в своем домике в Бад-Висзее. На свадьбу дочери с моим сыном он даст половину требующейся суммы, откладывать свадьбу больше не стоит...

Я описал столь подробно весь этот ход событий, чтобы дать хотя бы одно его письменное изложение. Распространявшиеся в генеральских и партийных кругах слухи и утверждения, будто гестапо имело свою руку в деле Бломберга, — лживы. Что касается Фрича, то сегодня я считаю, что обвинение в гомосексуализме являлось гнусной интригой с целью сделать его непри-

---

¹⁹⁰ Так как последний раз Бломберг побывал у Гитлера 27.1.1938 г., указанный разговор мог состояться 26.1.1938 г.

¹⁹¹ В данном случае речь может идти только о памятной записке тогдашнего обер-квартирмейстера генерального штаба генерал-лейтенанта фон Манштейна.

смыслом для высокого военного поста. Можно предположить, что здесь замешаны были Гиммлер или его злой дух Гейдрих. Ведь и СС и армии было известно, что Фрич был ожесточенным противником милитаристских амбиций СС, после того как СА потеряли свое влияние в результате кровавой расправы с ними 30 июня 1934 г.

В дни свержения Бломберга и вплоть до 4 февраля 1938 г. я все еще никак не мог осмыслить мое наименование «начальник ОКВ» и уразуметь, какой «дар данайцев» преподнесен мне. Лаконичные дневниковые записи Йодля показывают, что я все-таки просветил его на сей счет.

Пожалуй, заслуживает внимания еще и краткая речь Гитлера, обращенная к генералам перед заседанием кабинета. Он в тактичной форме ознакомил генералитет с произошедшими событиями, а затем сделал из них соответствующие выводы. Выводы эти были таковы: принятие на себя практического главнокомандования вермахтом и образование ОКВ во главе со мной. Единственным, кто решился задать вопрос, был генерал Манштейн. Он спросил, а не лучше ли было бы учредить пост «начальник генерального штаба вермахта», на что Гитлер молниеносно ответил: в соответствующее время путь к этому открыт...¹⁹²

Все остальное написанное мною на эту тему находится на хранении у моего защитника адвоката д-ра Нельге в виде специальных документов.

Конечно, я знал тогда, что мне предстоит тяжкий путь «послушника в монастыре» и что я вступаю на совершенно непаханую целину. Но, с другой стороны, меня утешало то, что в доверенном мне ОКВ я найду опору для выполнения должным образом той задачи, которая передо мной поставлена. Насколько неразрешимой она будет, а также и то, что я стану мишенью безудержного диктаторства Гитлера, не мог тогда предвидеть ни один человек на свете.

Для осуществления своих, неизвестных нам планов Гитлер нуждался в бессильных орудиях, которые не должны и не могли

---

¹⁹² Генерал фон Манштейн, который был 4.2.1938 г. снят с должности 1-го обер-квартирмейстера генерального штаба и переведен на должность командира дивизии, в своих воспоминаниях этой сцены не подтверждает.

ему мешать и которые бы в традиционном солдатском духе повиновались и оставались ему верны. Как легко критиковать тем, кто находился, так сказать, вдали от выстрелов и не должен был изо дня в день непосредственно противостоять такому демону! <...>

Наверняка и я допускал ошибки; вероятно, я даже упустил тот час, когда мог бы остановить роковой ход событий. В такой войне, в которой поставлено на карту абсолютно все, сделать это было вдвойне трудно. Мое святое убеждение: никакому другому генералу, будь он даже более тверд, более критичен и более умен, чем я, не удалось бы не допустить этого пути в бездну горя и бедствий.

Почему этого не сделал фон Браухич? Почему генералы, которые называли меня послушным и ни на что не способным, вечно говорящим «да» (Ja-Sager), не добивались моего смещения? Нет, этого не бывало ни разу, никто и никогда не проявлял готовности занять мое место, ибо каждый знал: он тоже потерпит здесь поражение¹⁹³.

При свойственной Браухичу откровенности ему бы не составило никакого труда преподнести меня Гитлеру в дурном свете или пожаловаться на меня, ибо недоверие у фюрера к людям возникало очень быстро: в этом отношении он был весьма восприимчив. Я знаю от самого Браухича, что в 1939 г. статс-секретарь Мильх¹⁹⁴ котировался как замена мне.

Армия наверняка попробовала бы убрать меня, найдись хоть один смельчак, готовый занять эту изобилующую терниями должность. Куда удобнее было ругать меня, приписывать мне

---

¹⁹³ См. в «Бумагах Нельге» показания вице-адмирала Леопольда Бюркнера, начальника отдела «Заграница» абвера ОКВ: «Ни один офицер, готовый добровольно занять усеянное шипами место начальника ОКВ, за всю войну мне ни разу не встречался».

¹⁹⁴ См. показания генерал-фельдмаршала Эрхарда Мильха на Нюрнбергском процессе (IMT-Prozess, Bd. IX, S. 105 ff) о персональных заменах в руководстве вермахта. Он считал Бломберга единственным солдатом старшего поколения, который мог противостоять Гитлеру и зачастую действительно поступал так. «Это сопротивление не могло сохраниться у тех людей, которыми Гитлер в дальнейшем окружил себя. Они были для этого слишком слабы. Вероятно, по данной причине он и брал их к себе». Мильх, однако, всегда заявлял: никаких возможностей при Гитлере подать в отставку ни у кого из генералов не имелось; выходом из положения могло служить только самоубийство, о чем и зашла речь, когда однажды Герингу он сказал о своей вероятной отставке.

всю ответственность. Но не нашлось никого, кто поспешил бы мне на помощь, кто поддержал бы меня! Это я сам трижды советовал Гитлеру заменить меня фон Манштейном: первый раз — осенью [19]39 г., перед Французской кампанией; второй — в декабре [19]41 г., когда ушел Браухич, и третий — в сентябре [19]42 г., когда у фюрера возник конфликт с Йодлем и со мной.

Несмотря на частое признание выдающихся способностей Манштейна, Гитлер явно боялся такого шага и его кандидатуру постоянно отклонял. Было ли это ему комфортно или же являлось результатом каких-то сдержек, мне неизвестно. Никто не знает, каким несчастным я зачастую чувствовал себя на своем посту. Пожалуй, в какой-то малой мере это было известно только одному Йодлю¹⁹⁵.

Сказанное мною в конце моего последнего слова на Нюрнбергском процессе говорит обо всем. Для меня оно — конечный вывод мудрости земной¹⁹⁶.

Себе самому и моей семье я желал бы порядочной, почетной солдатской смерти. Почему судьба отказала мне в ней 20 июля 1944 г. при покушении на фюрера?¹⁹⁷

В. Кейтель

Написано в Нюрнберге в сентябре 1946 г.

---

¹⁹⁵ В данном под присягой заявлении Йодля о Кейтеле, а также в его показаниях при допросе в качестве свидетеля по делу последнего (IMT-Prozess, Bd. XI, S. 420 ff) Йодль сообщает о крупном конфликте фельдмаршала с Гитлером в октябре 1941 г. Тогда Кейтель написал рапорт об отставке и положил перед собой на стол пистолет.

¹⁹⁶ Слова из «Фауста» И. В. Гёте. — *Прим. пер.*

¹⁹⁷ При взрыве бомбы, подложенной полковником графом Клаусом Шенком фон Штауффенбергом в картографическом бараке ставки фюрера «Волчье логово», Кейтель был контужен. — *Прим. пер.*

ДОКУМЕНТЫ О РУКОВОДСТВЕ ВОЙНОЙ И СТРУКТУРЕ ВЫСШИХ КОМАНДНЫХ ОРГАНОВ ВЕРМАХТА

Руководство вермахтом в период войны

Директива 1937 г.¹⁹⁸

Совершенно секретно

24.6.1937 г.

Имперский военный министр и
Верховный главнокомандующий
вооруженными силами

Отдел обороны страны (L), (1a)

По вопросу: директива на 1937/38 г.

Прилагаемая директива о «единой подготовке вермахта к войне» вступает в силу с 1.7.1937 г. Одновременно следует с сопроводительным письмом вернуть до 10.7. [19]37 г. в отдел обороны страны (L) потерявшую свою силу директиву о единой подготовке к возможной войне. Ваши соображения, относящиеся к части III данной директивы, прошу представить мне до 1.9. [19]37 г.

ф[он] Бломберг

ПРИЛОЖЕНИЕ

Директива о единой подготовке вермахта к войне

(вступает в силу 1.9. [19]37 г. и действует, предположительно, до 30.9. [19]37 г.)

---

¹⁹⁸ Публикуемый документ представляет собой (неполную в отношении военно-морского флота и авиации) копию документа С175 (касающегося обвинения в заговоре и агрессивной войне) из материалов Нюрнбергского процесса и находится в фонде «Бумаги Нельте» (защита генерал-фельдмаршала Кейтеля). Все выделенные шрифтами заголовки и слова в тексте соответственно подчеркнуты в машинописном немецком оригинале.

Как и в остальных случаях, все неоговоренные сноски принадлежат немецкому издателю Вальтеру Гёрлицу.

Содержание:

Часть I. Общие руководящие указания.

Часть II. Вероятные случаи военных действий (сосредоточения и развертывания войск).

Часть III. Особые военные приготовления.

Часть I

Общие руководящие указания

1. *Общая политическая обстановка* оправдывает предположение, что Германии не приходится ожидать никакого нападения с какой-либо стороны. В пользу такого предположения говорит (наряду с отсутствием желания воевать у почти всех народов, а особенно западных держав) также недостаточная готовность к войне ряда государств, преимущественно России.

Столь же малым является намерение Германии развязать войну в Европе.

Тем не менее не исключаящая лабильных и неожиданных инцидентов обстановка в мире требует постоянной готовности германского вермахта к войне с целью:

- а) в любой момент отразить нападение;
- б) обеспечить возможность использования для военных действий любого политически благоприятного случая.

Все это должно быть учтено при подготовке вермахта к предположительно возможной войне в мобилизационный период 1937/38 г.

Эти подготовительные меры следует предпринимать с прицелом на различные возможности и подразделить следующим образом:

- а) подготовительные меры общего характера (см. пункт 2);
- б) разработка в форме планов сосредоточения и развертывания войск наиболее вероятных случаев войны (см. пункт 3);
- в) особые приготовления в форме аналитических материалов и соображений (однако только в общем виде и лишь внутри главнокомандования [видов вооруженных сил]) (см. пункт 4).

2. *Подготовительные меры общего характера* включают:

- а) постоянную мобилизационную готовность германских вооруженных сил, которую следует обеспечить еще до оконча-

ния программы вооружения и до обеспечения полной готовности к войне;

б) проработку командными инстанциями проведения мобилизации без ее официального объявления, с тем чтобы вермахт был в состоянии по своей силе и боеспособности ошеломляющим образом начать войну нападением;

в) отправку главных сил действующих сухопутных войск из Восточной Пруссии в рейх;

г) подготовительные меры на тот случай, если суверенная территория Германии неожиданно и с враждебными намерениями будет нарушена каким-либо иностранным государством.

В указанном случае следует оказать сопротивление силой оружия без особого приказа.

Посему составные части вооруженных сил должны дать своим компетентным командующим на границах рейха полномочия при таких обстоятельствах принять необходимые для отражения вражеского нападения меры самостоятельно, невзирая на то, существуют ли для того законные предпосылки или нет.

Однако ни в коем случае не допускается без моего на то разрешения переходить или перелетать германскую имперскую границу, а также нарушать территориальный суверенитет иностранных государств. <...>

3. К вероятным случаям войны, подлежащим разработке с точки зрения сосредоточения и развертывания войск, принадлежат:

I. Война на два фронта с направлением главного удара на Запад (план сосредоточения «Рот»).

II. Война на два фронта с направлением главного удара на Юго-Восток (план сосредоточения «Грюн»). Подробнее см.: часть II директивы.

4. *Особые меры подготовки* следует принять для следующих случаев:

I. Вооруженная интервенция против Австрии (особый план «Отто»¹⁹⁹).

II. Втягивание вермахта в военные действия в Красной Испании (особый план «Рихард»²⁰⁰).

---

¹⁹⁹ Вторжение в Австрию в случае возвращения на габсбургский трон эрцгерцога Отто.

²⁰⁰ Участие в Гражданской войне в Испании (1936—1939).

III. В войне против нас участвуют Англия, Польша, Литва (особый план «Грюн-Рот»). Подробно см. часть III директивы.

При разработке этих особых приготовлений и формулировании соображений по ним необходимо принимать во внимание следующее. Если мы (при нынешней обстановке тоже) можем рассчитывать только на одного или нескольких союзников, то при разработке планов соответствующих операций следует принципиально исходить из того, что поначалу мы будем вынуждены воевать одни.

5. Директива имеет целью только *единую подготовку* к войне и определение тех общих стратегических задач, которые должны соблюдаться в ситуации *начала* военных действий.

На основании данной директивы все составные части вооруженных сил должны дополнить или же разработать вновь свои планы сосредоточения и развертывания собственных войск, поддерживая между собою контакт, чтобы устранить возможные противоречия, а при необходимости прибегнуть к решению, вынесенному мною лично.

Директива *по ведению самой войны* и *обозначение* конкретной цели войны (а это зависит от политического и тем самым от военного и экономического положения к моменту начала войны) будет дана фюрером и Верховным главнокомандующим и доведена до сведения вооруженных сил мною.

ф[он] Бломберг

Часть II

Вероятные случаи войны (сосредоточения войск)

В основу разработки вероятных случаев войны (сосредоточения войск) положить следующие предпосылки, задачи и задания.

I. Война на два фронта с направлением главного удара на Запад

План сосредоточения войск «Рот»

1. Предпосылки

На Западе нашим противником является Франция. Бельгия выступит на стороне Франции либо немедленно, либо позже, либо не выступит вообще. Возможно также, что предположи-

тельный нейтралитет Бельгии и вполне определенный нейтралитет Люксембурга будет нарушен Францией.

На Востоке, по всей вероятности, следует ожидать враждебную позицию России и Чехословакии. Можно предположить, что Польша и Литва останутся нейтральными.

От Австрии, Италии, Венгрии и Чехословакии как минимум ожидается благожелательный нейтралитет. Позиция Англии будет неясной (см. часть III директивы).

Начало войны предположительно произойдет в виде носящего характер нападения наступления французских сухопутных войск и французской авиации на Германию, а также частных операций французского военно-морского флота. На Востоке можно рассчитывать на временную бездеятельность Чехословакии до тех пор, пока она под политическим давлением России не окажется вынужденной перейти к преждевременным действиям, прежде всего усиленной, благодаря России, авиации. Вероятны операции русских военно-морских сил.

2. *Задача германского вермахта* — провести свои приготовления таким образом, чтобы главные силы его можно было бы использовать против Франции, а на Востоке нами первоначально осуществлялась бы только оборона, причем самыми незначительными силами.

3. *В рамках этой задачи отдельные составные части вермахта осуществляют следующие действия.*

а) *Сухопутные войска*

Направление главного удара в наземной войне — Запад. Первая задача наших сухопутных сил — начать военные действия как можно ближе к границе и не допустить наступления противника в направлении Рейна (особенно — перехода через него), а также — Шварцвальда и как можно дольше удерживать территорию по западному берегу Рейна севернее р. Мозель.

При нейтралитете Бельгии особое значение приобретает овладение Эйфелем в качестве фланговой позиции и операционной базы наших действий против северного крыла французских войск.

Необходимо использовать любую благоприятную ситуацию для эффективных частных ударов по французским сухопутным войскам.

Обеспечение восточной и южной границы рейха можно первоначально предоставить Пограничной охране и дивизии ландвера (ополчение 1-й очереди. — *Прим. пер.*).

Восточную Пруссию следует оборонять. Однако в зависимости от политической обстановки надлежит считаться с необходимостью переброски части или даже главных сил действующих войск из Восточной Пруссии в рейх морским путем. <...>

II. Война на два фронта с направлением главного удара на Юго-Восток

План сосредоточения войск «Грюн»

1. Предпосылки

Для отражения предстоящего нападения превосходящих сил противника война на Востоке может быть начата внезапной операцией вермахта против Чехии. Политические и международно-правовые предпосылки для подобного рода действий должны быть созданы заранее.

Следует ожидать, что Польша и Литва, предположительно, сначала будут вести себя нейтрально или же по меньшей мере выжидательно, а Австрия, Италия и Югославия займут позицию благожелательного нейтралитета. Венгрия же, как можно предполагать, рано или поздно присоединится к выступлению Германии против Чехии. Франция и Россия, вероятно, начнут военные действия против Германии, причем Россия — первоначально лишь военно-морскими и военно-воздушными силами. Нейтралитет Англии, являющийся необходимой предпосылкой плана «Грюн», есть та цель, к которой всеми силами стремится руководство германской политикой.

2. *Задача германского вермахта* — осуществить свои приготовления таким образом, чтобы главные силы его смогли вторгнуться в Чехию быстро, неожиданно и всей своей мощью, а на Западе предусматривалось бы только тыловое прикрытие этой наступательной операции минимальными силами.

Смыслом и целью этого нападения германского вермахта должно быть следующее: разгромом вражеских вооруженных сил и захватом Богемии и Моравии заранее устранить угрозу нашим войскам с тыла со стороны Чехии, а также лишить русскую авиацию значительной части ее оперативной базы в этой стране.

3. Задачи составных частей вермахта

а) Сухопутные войска

Использовать для нападения на Чехию главные силы действующей армии.

Момент начала этой операции будет зависеть от силы и готовности германских сухопутных войск, от уровня наших военных приготовлений, а также от позиции Польши. В процессе подготовки следует учесть, что германские войска могут быть сосредоточены на австрийской территории в ожидании того момента, когда политическое руководство создаст для того надлежащие предпосылки. Начало операции должно по времени совпасть с действиями авиации.

Конечная цель состоит в том, чтобы в ходе планомерно подготовленного еще в мирных условиях стратегического нападения на Чехию внезапно овладеть всеми ее укреплениями. Военная предпосылка для этого нападения должна быть создана полным оснащением и боеготовностью танковых соединений. <...>

Часть III

Особые приготовления

Нижеследующие особые случаи надлежит реализовать в общем и целом без участия внешних инстанций.

I. Особый случай «Отто»

Вооруженная интервенция против Австрии, если она восстановит монархию.

Цель этой интервенции — силой оружия заставить Австрию отказаться от реставрации монархии.

Для этого следует, используя внутривнутриполитический раскол австрийского народа, вступить на территорию Австрии и, ломая всякое сопротивление, продвигаться в общем направлении на Вену.

Части люфтваффе вводить в бой для непосредственной поддержки сухопутных войск. Любое более массированное использование боевых соединений люфтваффе требует моего решения.

При разработке особого случая «Отто» предусмотреть:

а) акцию без одновременного сосредоточения войск на других фронтах;

б) сосредоточение войск в рамках плана «Рот».

Не предусматривать особый случай «Отто» и сосредоточение по плану «Грюн» в качестве одновременной акции. Если политические предпосылки для обоих вариантов возникнут в одно и то же время, особый случай «Отто» следует отложить до завершения акции по плану «Грюн».

Надлежит считаться с возможностью того, что из особого случая «Отто» возникнет случай «Грюн». Включить этот вопрос в сферу теоретической разработки.

II. Особый случай «Рихард»

«Втягивание в войну с Красной Испанией»

Гражданская война в Испании таит в себе опасность того, что в результате случайных или преднамеренно спровоцированных инцидентов между Германией и Красной Испанией возникнут такие конфликты, которые могут привести к состоянию войны между правительствами обеих стран.

Военно-морской флот должен лишь представить свои соображения на сей счет. Сухопутным войскам, как и прежде, следует ограничиваться только военно-технической и кадровой поддержкой Белой Испании. В дальнейшем может встать вопрос о подчинении частей люфтваффе военно-морскому флоту.

Особый случай расширения планов «Рот-Грюн»

Принятое за основу исходное положение по планам «Рот» и «Грюн» может обостриться в результате того, что либо Англия, Польша или Литва, либо все три вышеназванные страны с началом войны перейдут на сторону наших противников. Тем самым военная обстановка может ухудшиться до невыносимой степени, стать для нас бесперспективной. Поэтому политическое руководство будет предпринимать все возможное, дабы эти страны (прежде всего Англия) остались нейтральными.

Несмотря на это, следует уже теперь приступить к дополнению планов сосредоточения войск «Рот» и «Грюн» на тот случай, если осуществить указанное намерение политического руководства не удастся. В основу соображений по данному вопросу положить следующие предпосылки:

а) Англия

Англия использует против нас все находящиеся в ее распоряжении экономические средства. Она первым делом поддержит

Францию своими военно-морскими и военно-воздушными силами, а в конечном счете попытается заполучить в качестве своей базы Бельгию, а эвентуально и Голландию.

б) Польша

То, что Польша в начале войны против нас примет в ней участие (возможно, даже на стороне России), при нынешней политической обстановке более чем невероятно. Если же дело все-таки дойдет до этого, Польша сосредоточит против Германии свои войска в уже достаточно известной нам форме, чтобы первоначально заполучить Восточную Пруссию, а затем, во взаимодействии с Чехией, и Силезию.

Она примет участие своей авиацией (наряду с использованием своих частей против Восточной Пруссии) в чешско-русском нападении на рейх, а на море вместе с русским военно-морским флотом будет стремиться прервать морскую связь между Восточной Пруссией и остальным рейхом.

в) Литва

Литва будет прежде всего служить выдвинутой вперед базой для русских военно-воздушных сил. Следует принять во внимание, что наступление на суше может быть предпринято ею только во взаимодействии с Польшей или же после вступления в войну русских сухопутных войск.

Верховный главнокомандующий вермахтом

Отдел обороны страны (L), 1а

Совершенно секретно

7.12.[19]37 г.

1. Дополнение к директиве о единой подготовке вермахта к войне

Директива от 24.6.[19]37 г. с нижеследующим дополнением 1 остается в силе до 30.9.[19]38 г. и служит, таким образом, основой для разработки к 1.4.[19]38 г. директивы о сосредоточении люфтваффе.

1. Дальнейшее развитие внешнеполитической обстановки все больше отодвигает по степени вероятности своего осуществления случай «Рот» на второй план по сравнению со случаем «Грюн».

2. Если в течение 1938 г. общее политическое положение не изменится коренным образом в неблагоприятную для нас сто-

рону, оставляю за собой право после окончания для сухопутных войск мобилизационного плана 1937/ 38 г. отменить операцию «Рот» (с направлением главного удара на Запад).

Однако до этого момента план «Рот» подлежит разработке командными органами люфтваффе, как и прежде, согласно директиве главнокомандующего вермахтом от 26.6.[19]37 г.

3. Политические предпосылки для начала осуществления операции «Грюн» изменены по указаниям фюрера и рейхсканцлера, которые расширяют цели войны такого рода <...>²⁰¹.

Памятная записка генерал-полковника фон Фрича о структуре высшего руководства вооруженных сил и управлении ими в ходе войны²⁰² (август 1937 г.)

Вопрос о структуре высшего руководства вооруженных сил возникает каждый раз, как только при составлении различных планов или издания директив о стратегическом сосредоточении и развертывании затрагивается проблема руководства войной.

На основании опыта деятельности в качестве главнокомандующего сухопутными войсками в течение почти трех с половиной лет я позволю себе со всей откровенностью высказаться по данной проблеме.

1. Предварительные соображения

Вопрос о структуре высшего военного руководства, а также его целесообразное решение являются в данное время предметом обсуждения и поисков всех великих держав.

---

²⁰¹ На этом копия обрывается. Как показывает добавление от 7.12.1937 г., здесь сказывается воздействие упоминавшегося выше «Протокола Хоссбаха» (он содержит высказывания Гитлера 5.11.1937 г. перед главнокомандующими составных частей вермахта, а также представителями имперского военного министерства и имперского министерства иностранных дел), знакомство с которым фон Бломберг, будучи свидетелем на Нюрнбергском процессе, пытался отрицать, а Кейтель — оспаривать.

²⁰² Представлена имперскому военному министру генерал-фельдмаршалу фон Бломбергу в августе 1937 г.

Здесь и в отдельных случаях русский текст оперативно-стратегических документов высшего военного руководства цит. по: В.И. Дашичев. Банкротство стратегии германского фашизма. М., 1973. Т. 1 и 2.

До сего времени ни одна из указанных держав не пришла к единому мнению по этому вопросу, что доказывает не только различие в потребностях отдельных стран, но и говорит о том, что этот вопрос все еще не снят и проблема все еще остается нерешенной.

Совершенно очевидно, что окончательное решение, годное на все времена и для всех условий, найдено быть не может. С такой же уверенностью можно, однако, сказать, что война неуверенно покажет каждому государству, верно или неверно оно решило для себя этот вопрос.

Поэтому долг каждого органа, входящего в высшее военное руководство, вновь и вновь проверять собственное решение: по-прежнему ли оно отвечает тем надеждам, которые возлагались на него при его принятии, верны ли были те предпосылки, на которых оно основывалось, сохраняют ли они и поныне свою силу?

При этом следует отдавать себе полный отчет в том, что наряду с чисто деловыми соображениями, которые, если подходить к вопросу чисто теоретически, только одни и должны были бы иметь определяющее значение, практически приемлемое решение требует учета сложившейся в данный момент обстановки. Но никоим образом не следует, цепляясь за ныне существующее положение, а также в угоду престижу отдельных личностей допускать возникновение ложных построений. С другой стороны, жизнь тоже не должна слишком сильно вторгаться в логические умозаключения чисто теоретического характера.

II. Возникновение вопроса о руководстве вооруженными силами

Вопрос высшего военного руководства в ходе войны не представлял собой никакой проблемы, а являлся лишь вопросом о личности руководителя до тех пор, пока король-полководец был в состоянии один справиться со всеми делами. Если же он не чувствовал в себе призвания полководца, ему было достаточно найти такого среди своих генералов. Для первого случая примерами успешного решения служат Фридрих Великий и Наполеон. Для второго же случая история знает лишь ограниченное число удачных решений в сравнении с количеством войн.

С начала XIX века, когда даже гению стало не под силу охватить во всех деталях совокупность политического и военного

руководства и командовать армией, руководство войной превратилось в вопрос о приоритете политического или военного руководств, а тем самым — в вопрос организации государственного руководства.

Что касается периода, который для Германии закончился мировой войной, истории известно лишь одно-единственное полноценное решение, а именно прусское 1866—1870 гг. Только в этом единственном случае Провидение даровало государству сразу и гениального государственного мужа, и гениального полководца²⁰³, поставив над ними суверенного самодержца²⁰⁴ и вместе с тем создателя собственной армии, авторитет которого был достаточно велик, чтобы предоставить обоим гениям свободу действий и, несмотря на это, установить компромисс между политическим и военным руководством. Ныне этот вопрос — по крайней мере, для авторитарных государств — решен. Вместо него послевоенное развитие выдвинуло новый.

С превращением авиации из рода войск в самостоятельный вид вооруженных сил возникла проблема руководства вооруженными силами, которая не стояла и не будет стоять в такой мере во взаимоотношениях между сухопутными войсками и военно-морским флотом, так как эти виды всегда действуют на разных театрах войны.

Поскольку необходимым предварительным условием успешного ведения войны стала организация не только сухопутных войск, авиации и флота, но и использование и организация всех сил страны — как людских, так и материальных, к задаче военного руководства добавилась задача организации сражающейся нации.

Таким образом, мы стоим сегодня перед задачей организации руководства вооруженными силами, которая включает в себя стратегическое руководство вооруженными силами и их видами, организацию вооруженных сил и военную организацию борющейся нации.

---

²⁰³ Имеются в виду Отто фон Бисмарк и Гельмут фон Мольтке-старший. — *Прим. пер.*

²⁰⁴ Прусского короля Вильгельма I, ставшего в 1871 г. кайзером Германской империи (Второго рейха). — *Прим. пер.*

Эта задача никоим образом не является только персональным вопросом, т.е. вопросом выбора полководца и его ближайших помощников. Она не является также лишь вопросом разграничения областей компетенции между руководством всеми вооруженными силами, сухопутными войсками, авиацией и флотом. Выходя за эти рамки, она является вопросом такой организации высших командных органов, которая служит залогом слаженного взаимодействия целого ряда высших военачальников, четкой концентрации всех сил для достижения общей цели, несмотря на неизбежную самостоятельность составных частей. <...>

III. Германское решение

Найденное в Германии решение вопроса организации руководства вооруженными силами, а именно:

а) объединение трех видов вооруженных сил под единым командованием одного главнокомандующего, который одновременно сосредоточивает в своих руках функции имперского военного министра;

б) четкое разграничение трех видов вооруженных сил при их полной независимости друг от друга и равноправии является по сравнению с принятыми в других государствах самым радикальным, и по крайней мере теоретически, ясным и последовательным.

Тем не менее тот факт, что данная система организации функционирует отнюдь не безупречно, становится очевиден каждый раз, лишь только возникает необходимость уточнения вопроса руководства войной (в связи с военными учениями вермахта, разработкой различных оперативных планов, составлением директив по стратегическому сосредоточению и развертыванию).

Разногласия, возникавшие между Верховным главнокомандующим вооруженными силами и главнокомандующим сухопутными войсками в связи с разработкой этих вопросов, являются основанием для того, чтобы на случай войны подвергнуть пересмотру существующую структуру руководства вооруженными силами. Вместе с тем эти разногласия указывают на то, в чем именно состоит ошибка в организации руководства, ибо следует категорически подчеркнуть, что возникшие трения имеют своей причиной отнюдь не идею единого руковод-

ства вооруженными силами как таковую. Еще менее их можно объяснить виной какого-либо лица или, скажем, стремлением одной из сторон придерживаться старых принципов. Они порождены тем, что организация руководства базируется на двух неверных предпосылках.

А. Организация руководства германскими вооруженными силами основывается на фикции существования не только трех самостоятельных, но и якобы равноправных видов вооруженных сил. Несостоятельность этой фикции очевидна.

Б. Нынешняя организация руководства вооруженными силами исходит из того, что, кроме объединения всей командной власти в руках Верховного главнокомандующего и имперского военного министра, возможно и сосредоточение в руках одного органа подготовительной работы по осуществлению вытекающих отсюда функций, а также что наряду с этим могут существовать самостоятельные командующие видами вооруженных сил.

Первое есть недооценка требований, предъявляемых к этому органу, второе — ошибка.

IV. К пункту А

Утверждение, будто руководство германскими вооруженными силами способно осуществлять командование равными по значению видами вооруженных сил, на чем основываются нынешние взаимоотношения руководства вермахта с тремя видами вооруженных сил, является в данной абсолютной форме фикцией, не соответствующей истине.

Эта констатация не означает никакого вывода о ценности отдельных видов вооруженных сил. Каждый из них полностью сохраняет свое значение для ведения войны и потому имеет равную ценность, а также равное право на учет своих интересов.

Тем не менее невозможно отрицать тот факт, что каждая великая держава решающее значение придаст какому-либо одному виду вооруженных сил. Какому именно — этот вопрос может решаться в отдельных государствах по-разному. <...>

Для Германии, говоря честно, несомненно, что в конечном счете ее победа базируется на сухопутных войсках, сколь необходимыми для окончательного успеха ни остаются при этом успешные боевые действия как авиации, так и флота.

Германский флот всегда останется призванным выполнять задачу, необходимую для того, чтобы выстоять в войне: как можно шире держать открытыми пути морского подвоза, в отдельных случаях не давать противнику перебрасывать с заморской территории подкрепления, а также прикрывать морские коммуникации между империей и Восточной Пруссией. Однако разгромить какую-либо из окружающих нас континентальных держав он никогда не будет в состоянии. Нанести смертельный удар на море ни Франции, ни России, ни Польше невозможно, так же как и их морской блокадой обречь на гибель от голода.

Поставить на колени с помощью превосходящего флота, действующего совместно с сильной авиацией, можно было бы только одну Англию. Однако, ввиду заключенного с Англией военно-морского соглашения и существующих в Европе военно-политических условий, такой перспективы для германского флота пока не вырисовывается.

Сколь несомненно то, что мы не можем вести войну против какой-либо великой державы без сильнейшей авиации, столь же непреложен и тот факт, что авиация не в состоянии добиться сама решающей победы даже над значительно уступающим в силе противником. Кроме того, авиация необходима для защиты военной промышленности. В будущей войне, которая, вероятно, будет являться для нас войной на два или несколько фронтов, авиации придется прилагать все свои усилия, для того чтобы выполнять эту задачу в обстановке особенно высокой уязвимости с воздуха, обусловленной положением, структурой и узостью территории нашей страны. Однако ни одного из наших предположительных противников она, посредством воздушной войны, разгромить не сможет, ибо они либо слишком сильны (Англия, Франция, Россия), либо слишком малоуязвимы с воздуха (Россия, Польша, Франция). Даже Чехословакию возможно разгромить только путем захвата страны, чего ни авиация, ни флот сделать не могут.

Одни только сухопутные войска — пусть и не без помощи других видов вооруженных сил — в состоянии защитить германскую территорию от захвата противником и тем самым сохранить базу для действий других видов вооруженных сил.

Одни сухопутные войска могут окончательно разгромить противника, захватив его страну и тем самым парализовав его

власть. Будучи континентальной державой, мы в конечном счете должны одержать победу на суше. И до тех пор, пока цели германской победы заключаются в завоеваниях на Востоке, только одни сухопутные войска захватами на Востоке и сдерживанием на Западе могут принести конечное решение исхода войны, ибо ни одно восточное государство смертельно поразить ни с воздуха, ни на море невозможно.

Сколь ни неоспоримо право авиаций и флота получить все средства, необходимые для выполнения этих трудных задач и быть в этом отношении равноправными с сухопутными войсками, столь же неоспоримо существует приоритет сухопутных войск, ибо только они могут принести победный исход войны. Сухопутные войска — пехота вооруженных сил!

Этот приоритет виден уже хотя бы в одном том, что сухопутные войска составляют 0,8, а оба других вида вооруженных сил, вместе взятые, лишь 0,2 всех вооруженных сил.

Оставляя в стороне вопрос об их решающем значении и численности, сухопутные войска и по другой причине тоже являются решающим фактором ведения войны.

На долю военно-морского флота в рамках ведения войны в целом выпадает, как правило, в основном обособленная задача, решаемая на собственном морском театре военных действий. Главная его задача — обеспечение путей морского подвоза — будет решаться независимо от операций, приносящих действительное решение исхода войны. Эпизодическое взаимодействие с сухопутными войсками или авиацией является оперативным или тактическим частным действием. Влияние же ведения войны на море на ведение войны в целом в основном отстывает на задний план, за исключением оказываемой военно-морскими силами поддержки путем обеспечения морского подвоза и удержания вражеских сил вдали от германской территории. Во всяком случае, операции, определяющие исход войны, не зависят от боевых действий флота (за исключением защиты его баз).

Авиации, правда, придется взаимодействовать с другими видами вооруженных сил, особенно с сухопутными войсками. Однако свобода от трудностей, которым подвержено ведение войны на суше, незначительная роль, которую играют время и пространство для боевых действий авиации, снимают с руко-

водства всей войной обязанность приспособлять наземные операции к условиям ведения войны в воздухе. Действуя с баз, хотя и подверженным частым изменениям, но в общем и целом остающихся постоянными, и будучи в состоянии каждый день наносить удары в любом направлении, авиация настолько ничем не связана в своих боевых действиях, что приспособление ведения войны в целом к условиям воздушной войны необходимо только в двух случаях: при объявлении войны и для обеспечения достаточной базы для военно-воздушных сил.

Благодаря своей независимости авиация может приспособиться по времени и пространству к любой операции. В остальном же ее задача — защита территории страны — является длительной, постоянной, и, хотя при ее выполнении направление тактических действий меняется, сама по себе эта задача никакого влияния на ведение операций не оказывает.

С другой стороны, задача наступательной борьбы против авиации противника или вражеских энергетических источников обуславливает изменения в использовании сил авиации, в ее тактических методах и в объектах обороны. Однако эта задача, как правило, не требует приспособления к авиации операций других видов вооруженных сил.

Совершенно иначе дело обстоит с сухопутными войсками. Армия, в отличие от авиации, не в состоянии в любое время наносить удары в любом направлении.

Мобилизация сухопутных войск требует по сравнению с другими видами вооруженных сил гораздо более длительного времени. Прежде чем нанести удар, армия должна сосредоточиться. Она не может начать действовать непосредственно из своих гарнизонов и ведет бои не с постоянной, а с непрерывно меняющихся баз.

Распределение сил и средств сухопутных войск не может быть изменено в один момент, а начатая операция против самостоятельного противника не может быть внезапно прекращена. Сухопутные войска не могут сегодня вести наступление против Франции, а завтра — против Чехословакии.

Сколь бы огромны, значительны и изменяемы ни были бы цели оперативных действий в воздухе, они все же являются целями, против которых наши силы сегодня могут быть использованы так, а завтра по-другому. Между тем сухопутные вой-

ска — будучи совершенно иначе зависимы от времени и пространства — должны вести свои операции целыми неделями в ежедневной изменяющейся, вечно неопределенной обстановке, против одного или нескольких самостоятельных противников.

Если учесть, что руководство флотом (за исключением выполнения первой основной задачи) в значительной мере остается особой обязанностью данного вида вооруженных сил; что руководство авиацией — почти не зависящее от времени и пространства — имеет своей постоянной задачей противовоздушную оборону страны, а воздушная война в оперативном отношении, по существу, является распределением целей с изменяющимся направлением главного удара; что, с другой стороны, операции сухопутных войск всегда будут подчинены особым условиям, — то становится ясно: если речь идет о едином руководстве вооруженными силами, ведение войны на суше является решающим для всей войны в целом.

Итак, подводя итог, следует констатировать: с одной стороны, каждый из трех видов вооруженных сил призван выполнять свою жизненно важную задачу и потому обладает равными правами на удовлетворение своих неотъемлемых требований. Однако, с другой стороны, сухопутные войска, являющиеся по условиям и задачам своих боевых действий наиболее связанным видом вооруженных сил, должны быть решающим фактором ведения войны.

Организация руководства вооруженными силами, не учитывающая этого, а полагающая, что руководство войной должно стоять над тремя требующими равного внимания видами вооруженных сил, основывается на ошибочном положении. Мы считаем, что не может быть руководства вооруженными силами, если оно не основывается на руководстве со стороны сухопутных войск.

V. К пункту Б

Нынешняя организация руководства вооруженных сил исходит из предположения, что объединение всей командной власти в одних руках — Верховного главнокомандующего вооруженными силами или имперского военного министра — обуславливает и объединение всей работы в одном центральном органе, подчиненном одному начальнику. Она исходит также из того, что

такое сосредоточение, возможно, и оставляет простор для действий самостоятельных главнокомандующих видами вооруженных сил, являющихся вместе с тем первыми советниками Верховного главнокомандующего вооруженными силами. В теории это выглядит хорошо, особенно если, как первоначально и было задумано, при Верховном главнокомандующем вооруженными силами будет небольшой оперативный штаб, а не центральный орган. На практике же все выглядит совсем по-другому. Прежде всего любой, поначалу созданный скорее с информационными, нежели с рабочими целями штаб неизбежно разрастется в орган со все более и более расширяющимися задачами. Такова человеческая натура. К тому же это обуславливается силой обстоятельств. Практика и в этом случае показала, насколько быстро происходило расширение сферы деятельности управления вооруженных сил; куда ведет такой ход событий, видно каждому.

Насколько целесообразно объединение всей командной власти в одних руках высшей инстанции в лице Верховного главнокомандующего вооруженными силами и имперского военного министра (который, однако, должен принимать лишь самые необходимые решения), настолько же мало возможно объединение всей работы в одном органе, под ответственностью одного начальника. Достаточно пояснить это лишь на примере многообразия и объема тех функций, за которые несет ответственность Верховный главнокомандующий вооруженными силами.

В лице Верховного главнокомандующего вооруженными силами и имперского военного министра объединяются три функции и сферы ответственности:

а) право отдачи приказов во время войны, т.е. собственно командная функция;

б) организация сражающейся нации, т.е. мобилизация и использование в военных целях всех людских и материальных сил империи, обеспечение взаимодействия всех министерств для ведения войны (имперский комитет обороны), обеспечение в военном отношении потребностей ведения войны (организация военной экономики). Это — функция имперского министра обороны;

в) военная администрация и надзор, т.е. функция военного министра в той степени, в какой она не подлежит выполнению видами вооруженных сил.

При рассмотрении объема ответственности и работы в этих трех областях сразу же становится ясно, что, хотя высшая инстанция, до которой будут доходить только самые важные вопросы, не сможет принимать решений общего характера, однако никакой орган, никакое управление с обработкой этих вопросов справиться не сумеет. Даже самый дельный человек, назначенный на пост начальника этого управления, окажется подавленным такой массой наваливающихся на него вопросов. Нельзя быть (претендуя при этом на действительное руководство) в одно и то же время и начальником генерального штаба вооруженных сил, и первым советником имперского министра обороны, и руководителем военной экономики, и, наконец, начальником штаба министерства вооруженных сил и военного министерства.

Ни один человек не способен детально охватить и знать эти области в такой степени, в какой это необходимо для действительной работы и для того чтобы с полной ответственностью являться советником своего главнокомандующего вооруженными силами. В конечном счете этот начальник окажется вынужденным полагаться на доверие к своим сотрудникам. Однако поскольку эти сотрудники находятся не внутри отдельных видов вооруженных сил, а над ними, они не будут обладать знанием тех основных данных, которые необходимы для действительно правильных предложений.

Если до сих пор эти недостатки не стали достаточно ясны, то потому, что важнейшая функция — осуществление командной власти в войне — в мирное время почти совершенно не проявляется; а также потому, что принятие на себя руководством вооруженных сил функций военного министерства пока еще находится в зачаточном состоянии.

Но ясно одно: до тех пор пока существует нынешнее сосредоточение трех функций в управлении вооруженных сил, первым и практически единственным советником Верховного главнокомандующего вооруженными силами является начальник этого управления, а не главнокомандующие видами вооруженных сил.

Будучи начальником этого готовящего решения органа вооруженных сил, он вынужден представлять своему главнокомандующему предложения по тем областям, которые сам он лично обозреть более не в состоянии и в которых подчиненные ему органы

не располагают для своей работы знанием действительного положения дел, ибо это относится к области каждого из трех видов вооруженных сил. Тем самым, как только речь будет заходить об этих видах или о руководстве ими, ответственность будет перекладываться на другую инстанцию, которая нести ее не сможет, или же возникнут трения, которые становились заметны уже в мирное время, как только возникал вопрос о руководстве войной.

VI. *Выходы из положения*

Учитывая оба ошибочных вывода, на которых базируется нынешняя организация руководства вооруженными силами, представляются необходимыми изменения в следующих двух направлениях.

1. Прежде всего нужно подвергнуть разделению сосредоточение всех названных функций — не в руках Верховного главнокомандующего вооруженными силами и имперского военного министра, а в его рабочем органе. Один начальник, один орган не может одновременно и готовить операцию, и выполнять функции общего военного министерства и организации сражающейся нации. Один орган, один начальник, силы которых будут предельно поглощены военно-министерской деятельностью, необходимостью вести повседневную борьбу за использование всех средств нации до последней возможности и которые при этом должны оказывать влияние на все области государственной жизни, не смогут, наряду с этим, во всех деталях знать ежедневно меняющуюся обстановку, дабы действительно участвовать в руководстве операциями.

а) Само собою разумеется, все относящееся к задаче имперского министра обороны, т.е. организация сражающейся нации, должно по-прежнему сосредоточиваться в управлении вооруженных сил. Сюда входит все относящееся к сфере деятельности имперского комитета обороны, т.е. обеспечение взаимодействия всех областей государственной жизни для достижения поставленных военных целей, мобилизации и организации всех сил на ведение войны. Сюда же относится и организация военной экономики.

б) Функция руководства, напротив, должна быть от этого ведомства отделена. Каким образом она может выполняться в соответствии с фактическими условиями, будет показано в п. 2.

в) Наконец, следует решить, надлежит ли, и в каком именно объеме, руководству вооруженных сил выполнять функцию военного министерства. <...>

Продумывание всех этих вопросов до конца приводит к следующему выводу:

или — сосредоточить все функции военного министерства в отношении вооруженных сил в одних руках, низвести командования корпусных округов в мирное время до уровня генеральных инспекций, а во время войны — чисто командных органов. Этот путь означает не что иное, как создание колоссальной организации, что неизбежно приведет к учреждению поста особого военного министра как высшего военно-административного органа.

Или — что и предлагается — оставить функции министерства видам вооруженных сил и, в качестве естественного следствия этого, предоставить решение общих задач сухопутным войскам, на которых и так падает 0,9 всего объема работы. <...>

2. Руководство войной.

Такое урегулирование вопроса о руководстве вооруженными силами во время войны, которое учитывало бы фактические условия, а не только чисто организационные теории, не может игнорировать соображений, изложенных в разделе IV настоящей памятной записки.

Приоритет сухопутных войск — без ущерба для роли и равных прав других видов вооруженных сил на удовлетворение их жизненно необходимых нужд — для Германии объективно неустраим. Этот приоритет основан на незыблемом факте решающего значения сухопутных войск, а также на трудностях, которым их руководство подвержено в большей степени, чем других видов вооруженных сил.

Руководство вооруженных сил определяет задачи отдельных видов вооруженных сил, распределяет между ними средства борющейся нации и регулирует их взаимодействие, если таковое не вытекает из поставленной задачи само по себе. Распределение средств различного назначения между видами вооруженных сил исходит из целеустановки и является прерогативой руководства вооруженных сил. В остальном же оно является функцией имперского министра обороны, идентичного главнокомандующему вооруженными силами.

Определение задач отдельных видов вооруженных сил покажет уже в самом начале войны, что это — вопрос, касающийся не только сухопутных войск, но и в не меньшей степени авиации и флота.

Задача военно-морского флота, а именно — держать открытыми пути заморского подвоза, — в ходе войны едва ли изменится. Если же флот будет привлечен к совместным с сухопутными войсками операциям, то, вероятно, сам этот приказ, но отнюдь не его выполнение, явится компетенцией руководства вооруженных сил. В остальном же в ведении войны на море роль будут играть политические вопросы (подводная война), представляющие собой особую область собственно военного руководства вооруженных сил.

Часть задачи авиации, а именно — защита территории страны, само выполнение этой задачи является оперативным или стратегическим делом лишь самой авиации. Другая же часть — наступательные действия по подавлению противника — собственно говоря, больше никакого вмешательства со стороны руководства вооруженных сил не требует, как только оно отдало приказ, какого противника следует атаковать в первую очередь и по каким целям, насколько это позволяют условия боевых действий, должен наноситься главный удар. Все остальное будет затем закономерно вытекать из той суровой необходимости, что авиация, дабы уцелеть, должна длительное время бороться с авиацией противника и сможет устремиться на другие цели лишь после того, как он даст ей передышку.

Руководство вооруженными силами проявляется, таким образом, в отношении авиации только в случае отдачи таковым приказов о ее взаимодействии с сухопутными войсками (или с флотом). Однако в таком случае руководство общими операциями должен осуществлять именно тот вид вооруженных сил, который является ведущим в данной конкретной операции.

Совершенно иначе выглядят отношения между руководством вооруженных сил и руководством сухопутных войск. В то время как авиация непрерывно обеспечивает защиту тыла как свою твердо определенную задачу, а в остальном ее наступательные действия требуют лишь распределения целей и определения направления главного удара, сухопутные войска ведут операции, успех или неуспех которых решает вопрос и о бази-

ровании других видов вооруженных сил, а в конечном счете и исход войны.

Эти операции зависят от времени, пространства и сил, но прежде всего от замыслов и действий противника. Руководство вооруженных сил может поставить строго определенную задачу флоту, приказать авиации сегодня атаковать Францию, а завтра — Чехию, но в отношении сухопутных войск оно зависит от их практических возможностей.

Условия, в которых находятся сухопутные войска (продолжительность мобилизации, потребность во времени для сосредоточения и развертывания, а также состояние предназначенных для этого районов), окажут определяющее влияние на принятие решения о развязывании военных действий. Однако возможности сухопутных войск будут задавать тон в ходе всей войны. Во-первых, потому, что только сухопутные войска решают исход войны вообще (сухопутные войска — пехота вооруженных сил), ибо только они могут захватить территорию, т.е. окончательно разгромить противника. Во-вторых, потому, что только возможность или невозможность, а вместе с ними — успех или провал операций сухопутных войск способны решить вопрос о сохранении собственной базы, жизненной основы для всех видов вооруженных сил.

Таким образом, существование руководства вооруженных сил, не зависящего от руководства сухопутных войск, немислимо. Следует обеспечить тесную связь между ними.

Необходимость отделить руководство вооруженных сил в войне (когда речь идет о подготавливающем решения органе, а не о личности главнокомандующего) от функций имперского военного министра показана нами уже достаточно ясно. Каким образом надлежит обеспечить единство руководства вооруженными силами и сухопутными войсками?

Решение создать генеральный штаб всех вооруженных сил, стоящий над генеральными штабами отдельных видов вооруженных сил, как это явствует из вышесказанного, для германских условий неприемлемо.

Генеральный штаб вооруженных сил, даже если он не подменит генеральные штабы их отдельных видов, ни в коем случае не будет располагать для своей работы теми знаниями основных данных, которые необходимы для действительного руко-

водства. Однако это не снимает необходимости подготовки в военных академиях таких офицеров, которые были бы знакомы с существом действий всех трех видов вооруженных сил в целом.

Создание генерального штаба вооруженных сил привело бы далее к возникновению в ходе войны непрерывной цепи разногласий. Поскольку флот после получения им основного задания, по существу, в дальнейших приказах не нуждается, а руководство авиацией, как правило, решения оперативных задач в себя не включает, практически объектом деятельности генерального штаба вооруженных сил, если только он не намерен ограничиваться ролью пассивного наблюдателя, остаются лишь сухопутные войска. Кто из них — генеральный штаб сухопутных войск или генеральный штаб вооруженных сил — обеспечен более светлыми умами, это — дело удачи, но несомненно то, что генеральный штаб сухопутных войск более компетентен во всех вопросах, касающихся их операций.

Как бы то ни было, руководить операциями сухопутных войск, которые, в свою очередь, должны служить основой общих операций вооруженных сил, два главнокомандующих одновременно не могут. Поэтому исключено, чтобы главнокомандующий вооруженными силами с состоящим при нем в качестве совещательного органа генеральным штабом вооруженных сил отдавал приказы по проведению операций генеральному штабу сухопутных войск, который отвечать за эти операции не сможет. Авторитет и повиновение, несомненно, для военного руководства неотъемлемы. Однако в рамках высшего военного руководства, решения которого зависят исключительно от оценки действий противника (т.е. от совершенно независимой и неопределенной величины) и собственных возможностей, нельзя командовать просто так. Можно, не спрашивая их, дать команду отдельному пехотинцу, приказ подразделению. Но нельзя требовать, чтобы командующий сухопутными войсками просто-напросто получал готовые приказы по ведению военных действий, не предоставив ему возможности предварительно высказать свою точку зрения по данному вопросу. Если же решение будет принято вопреки его мнению (что всегда является правом высшего начальника), то в таком случае, если речь идет об основополагающих вопросах, может последовать уход в

отставку прежнего и назначение нового главнокомандующего сухопутными войсками.

Поскольку же руководство сухопутных войск и вооруженных сил практически неразделимо, вызывать такое разделение созданием в качестве руководящего органа для вооруженных сил собственного генерального штаба нельзя. Уже сейчас практика показала, что разделение руководящих органов путем создания собственного оперативного штаба вооруженных сил ведет к конфликтам при решении большинства вопросов именно потому, что отдел обороны страны управления вооруженных сил не может с достаточной полнотой давать Верховному главнокомандующему вооруженными силами советы по вопросам действий сухопутных войск. <...>

VII. *Подводя итоги*, я прихожу к выводам, что необходимо следующее:

1. Сохранение объединения всей командной власти в руках Верховного главнокомандующего вооруженными силами и имперского военного министра.

2. Сосредоточение функций имперского военного министра, иначе говоря, задач организации сражающейся нации, т.е. обеспечение взаимодействия всех областей общественной жизни в военных целях, охват и использование всех людских ресурсов и материальных средств народа для ведения войны; осуществление исполнительной власти, после того как в период войны она будет передана военному министру; распределение сил и средств между видами вооруженных сил на основе поставленных перед каждым из них задач как исключительная прерогатива имперского военного министра в рамках всех вооруженных сил, которая может осуществляться также непосредственно подчиненным ему управлением вооруженных сил, которому подчинены военно-экономические инспекции.

3. Оставление видам вооруженных сил функций военного министерства. Ограничение функций руководства вооруженных сил военно-политическими вопросами и директивами по единому воспитанию и обеспечению солдат. Осуществление исполнительной власти во время войны тыловыми запасными командованиями корпусов или органами имперского военного министра.

Разработка всех вопросов пополнения, как и прежде, органами сухопутных войск при участии представителей военно-воздушных сил и военно-морского флота.

Тем самым — отказ от особой должности Верховного главнокомандующего вооруженными силами.

4. Установление полной согласованности между оперативным руководством всей войной и руководством сухопутных войск путем возложения на главнокомандование сухопутных войск разработки предложений по ведению всей войны в целом.

Компетенция главнокомандующего военно-морским флотом в области войны собственно на море настоящим не затрагивается.

Обеспечение противовоздушной обороны тыла остается исключительным делом главнокомандующего военно-воздушными силами.

*Барон фон Фрич*²⁰⁵

Начальник имперского генерального штаба или ОКВ?

О памятной записке
главнокомандующего сухопутными войсками
генерал-полковника
барона фон Фрича²⁰⁶
ОКВ
Берлин 22 марта 1938 г.
Только для командования

---

²⁰⁵ Публикуется по копии, датированной: Берлин, 17 мая 1941 г. Копия микрофильма и фотокопия — собственность немецкого издателя. Предположительно, речь идет об упомянутой генерал-лейтенантом фон Манштейном и разработанной им памятной записке. Причины, по которым в 1941 г. была снята машинописная копия с документов ОКВ, неясны.

²⁰⁶ Оригинал находится в National Archives Washington D. C. bei OKW Akten (OKW/1502, Mikrokopy No T-766, Serial Roll 776). Копия микрофильма и фотокопия — собственность немецкого издателя. Документ представляет интерес, поскольку воспроизводит резко расходящиеся взгляды генерального штаба сухопутных войск и ОКВ по проблеме организации высшего руководства вооруженных сил рейха как в мирное время, так и при ведении войны.

Точка зрения сухопутных войск

Три основополагающих утверждения армии:

а) Объединение в рамках одного высшего органа как военного руководства во время войны, так и организации обороны рейха нецелесообразно.

б) Для достижения конечного успеха в войне любая страна отводит решающую роль одному виду вооруженных сил. В Германии это — сухопутные войска. Руководство, осуществляемое данным видом вооруженных сил, не наносит никакого ущерба полному равноправию их трех составных частей.

в) Сохранять самостоятельность видов вооруженных сил под главенством одного несущего ответственность за всех них главнокомандующего (если над ними будет стоять не только он, но и еще один центральный орган) практически невозможно.

Точка зрения ОКВ в отношении основополагающих утверждений сухопутных войск

а) Организация обороны рейха зависит во всех своих деталях от предусмотренной организации вооруженных сил и руководства ими. Это руководство должно точно знать те источники силы, которые открывает или призвана открыть ему организация обороны рейха под единым командованием. Поэтому «руководство вооруженных сил» и «организация обороны рейха» должны быть теснейшим образом связаны между собой в рамках одного штаба.

б) Повышенное значение сухопутных сил в ведении войны Германией оспариваться не может.

Однако нельзя не видеть того, что в случае войны с государством, не имеющим общей сухопутной границы с Германией (к примеру, Англия, Россия), центр тяжести руководства войной может переместиться в военно-морской флот или люфтваффе. Существенным колебаниям подвержено и значение отдельных видов вооруженных сил в ходе самой войны. Так, наличие у обеих воюющих сторон сильных крепостных укреплений способно парализовать операции на суше. Поэтому заранее передать тому или иному виду вооруженных сил руководство ведением войны в целом недопустимо.

Только Верховное главнокомандование всеми вооруженными силами сможет наилучшим образом учесть значение того или иного вида или присущие таковому функции.

В Англии в последней [мировой] войне военными действиями руководили не военный министр и не главнокомандующий сухопутными войсками (маршал Хэйг) по отдельности, а военный министр совместно с начальником имперского генерального штаба и своим собственным штабом.

в) Согласно старому военному принципу, войной руководит только сам главнокомандующий, а не его штаб. Тем не менее, не имея штаба, ответственного только лично перед ним, не может руководить ни один главнокомандующий.

Чрезмерно развившийся в последней войне и накануне ее генштабовский метод руководства военными действиями противоречит всем военным принципам, а также принципу фюрерства.

Обоснование сухопутных сил по пункту а).

1. Объединение командной власти в одном лице целесообразно, но разработка всех военных операций в одном органе и под руководством одного начальника невозможна. Такой орган и его шеф не будут в данном случае иметь общего представления и необходимых сведений для разработки конкретных операций.

2. Такого органа, а тем более такого его начальника, который смог бы выполнять все функции руководства вооруженными силами в войне и организации обороны, в природе нет. Такой военачальник оказался бы совершенно погребенным под грудой частных вопросов, потерял бы общее представление о ходе событий или же стал зависимым от своих подчиненных.

Позиция ОКВ в отношении утверждений сухопутных войск

По пункту 1.

Объединение командной власти в одном лице целесообразно. Но этому военачальнику требуется собственный штаб, иначе руководство делается теньвым. Поскольку ОКВ сможет сохранить общее представление об обеих главных функциях руководства вооруженными силами, то же самое сможет сделать и его начальник. Если же этот орган и его начальник такое общее представление потеряет, то это не просто ошибка в организации, а следствие ложного понимания сферы их деятельности.

По пункту 2.

Если начальник погрязнет в массе бесчисленных частных вопросов, значит, свою сферу деятельности он понимает неправильно. Знание таким начальником подробностей — необя-

зательно. ОКХ во время войны всех подробностей действий армий и корпусов не знает тоже.

Обоснование сухопутных сил по пункту б).

1. Руководство сухопутных войск в подобных условиях испытывает такие затруднения, которые должны обязательно приниматься во внимание главным руководством войной в целом.

Сухопутные войска в любом случае следует сделать достаточно мобильными. Им надо предоставить достаточное время на сосредоточение. Они не могут бросать свои силы сегодня на один фронт, а завтра — на другой. Они призваны вести длительные операции, между тем как люфтваффе каждый день действует по меняющимся целям. Поэтому ритм общего ведения войны на суше должен соответствовать временным и пространственным условиям действий сухопутных войск. Люфтваффе же ими в той же степени не связана.

2. Флот всегда ведет военные действия на своем театре войны более или менее самостоятельно. Условия его боевых действий в определенной степени не зависят от стратегии на суше.

3. Люфтваффе, благодаря своей мобильности и скоростным данным, может наносить удары сегодня на одном, а завтра — на другом фронте. Не испытывая в этом отношении никаких затруднений, она может вступить в борьбу и в мирное время. Авиация требует от общего руководства военными действиями лишь сохранения своих оперативных баз.

4. Отсюда следует, что параллельное существование руководства вооруженными силами и руководства сухопутными войсками неприемлемо. Этим обстоятельством и объясняются трения, имевшие место в прошлом.

Точка зрения ОКВ по пункту б).

К пункту 1.

Все это известно и Верховному главнокомандующему вооруженными силами, и его рабочему штабу, который, как правило, комплектуется из офицеров, в прошлом служивших в генеральном штабе сухопутных войск. Однако ритм общего руководства войной определяется не только сухопутными войсками, но и другими факторами. К ним принадлежат поставленные главой государства политические требования, экономическое положение рейха и т.п. Взаимное согласование этих факторов — одна

из основных задач Верховного главнокомандующего вооруженными силами с его рабочим штабом.

К пункту 2.

Речь идет не только об условиях боевых действий военноморского флота, а о всеобъемлющем руководстве войной на море. Это вполне может предъявлять требования к другим видам вооруженных сил, как и последними — к нему. Привести эти взаимные требования к компромиссу может только Верховный главнокомандующий вооруженными силами, который стоит над всеми их видами и советники которого не отстаивают специфических интересов одного из видов.

К пункту 3.

Утверждение, будто руководство воздушной войной не предъявляет к руководству всей войной никаких специфических требований, кроме сохранения базы для использования люфтваффе, ошибочно.

Руководство войной в целом находится в постоянной взаимосвязи с руководством войной как на суше, так и на море. Оно выполняет и такие функции военного руководства, как, например, обеспечение безопасности авиационных баз, переброска авиационных частей и соединений в район операций сухопутных войск, использование наземных транспортных путей при передислокации люфтваффе и т.п. Все это может приемлемым образом согласовать лишь стоящий над всеми видами вооруженных сил Верховный главнокомандующий вместе со своим штабом, в состав которого входят независимые друг от друга советники от всех составных частей вермахта.

К пункту 4.

Параллельное существование руководства вооруженных сил и руководства сухопутных войск столь же малоприемлемо, как и параллельное руководство армии и корпуса. Верховный главнокомандующий вооруженными силами руководит войной и несет за это ответственность. Стоящие под ним (а не рядом с ним!) главнокомандующие видами вооруженных сил, в свою очередь, руководят, соответственно, войной на суше, в воздухе и на море, отвечая притом за вверенный им сектор.

Если этот руководящий принцип будет осознан так же, как он является само собою разумеющимся в каждом из видов вооруженных сил, никаких трений больше не будет.

Обоснование сухопутных сил по пункту в).

1. Если Верховное главнокомандование вооруженных сил встанет промежуточной инстанцией между Верховным главнокомандующим и главнокомандующими видами вооруженных сил, ответственность последних будет ущемлена в недопустимой мере.

2. Ответственность, которую несут главнокомандующие видами вооруженных сил, столь тяжела, что интересы этих видов должны отстаиваться непосредственно перед Верховным главнокомандующим вермахта.

3. Взаимосвязь министерских полномочий при такой инстанции, как Верховный главнокомандующий вооруженными силами, поневоле приведет к тому, что главнокомандующие отдельными видами в большей или меньшей степени будут низведены до уровня генерал-инспекторов своего рода оружия.

4. Объединение министерских полномочий в руках Верховного главнокомандующего вермахта означает неимоверное скопление различных дел и приведет к двойной организации, ибо виды вооруженных сил все же не могут быть лишены своих соответствующих органов.

Точка зрения ОКВ по пункту в).

К пункту 1.

Верховное главнокомандование вермахта (ОКВ) — отнюдь не промежуточная инстанция между Верховным главнокомандующим и главнокомандующими трех составных частей вермахта. Оно лишь дает им возможность единого руководства.

Руководят не штабы, а главнокомандующие отдельными видами вооруженных сил, которые дают директивы и указания своим штабам. Главнокомандующие не только опираются на свои штабы, но и прислушиваются к рекомендациям вышестоящих офицеров.

К пункту 2.

Ответственность главнокомандующих за структурное построение своих видов вооруженных сил и за руководство ими и впредь остается незыблемой. Они, как и ранее, должны являться ответственными советниками Верховного главнокомандующего вермахта по делам своего сектора, а это значит: за руководство войной на суше, на море и в воздухе.

К пункту 3.

Министерские полномочия нужны вермахту только для организации сражающейся нации и для военного законодательства. В любом случае полномочия эти должны принадлежать Верховному главнокомандованию вермахта (ОКВ). Исключения представляют собой лишь полномочия имперского министерства авиации, которые требуются люфтваффе в делах противовоздушной обороны и для гражданской авиации.

Если полномочия имперского военного министерства будут раздроблены между видами вооруженных сил, то другие министерства станут получать не единые установки, а разнообразные указания отдельных видов вермахта. Тогда государственные учреждения смогут в своих ведомственных интересах противопоставлять один вид вооруженных сил другому. Может случиться и так, что какое-нибудь гражданское министерство будет принимать решения, касающиеся имеющих различный характер требований отдельных родов оружия.

Таких прецедентов, когда командующие видами вооруженных сил были бы низведены на положение генерал-инспекторов своего рода оружия, до сих пор не было и не будет впредь; это никак не в интересах Верховного главнокомандующего вермахта или его штаба.

К пункту 4.

Деятельность прежнего управления вооруженных сил все не приведет к «неумолимому нагромождению дел». Работы могут выполняться по-прежнему относительно небольшим штабом.

Двойной организации удастся избежать именно благодаря тому, что все относящееся к организации сражающейся нации будет объединено в рамках ОКВ.

II. Три предлагаемых главнокомандованием сухопутных войск способа выхода из затруднительного положения:

а) Разделение задач:

во время войны (имперский начальник генерального штаба);

организация сражающейся нации (имперский военный секретариат).

б) Обеспечение единства руководства вооруженными силами и руководства сухопутными силами во время войны.

в) Сохранение прямой ответственности главнокомандующих видами вооруженных сил перед Верховным главнокомандующим вермахта.

Позиция ОКВ по данному вопросу

По пункту а).

Разделение задач на «руководство во время войны» и «организацию сражающейся нации» означает шаг назад и ведет к существовавшему во время [Первой] 1 мировой войны злосчастному дуализму между генеральным штабом сухопутных войск и военным министерством. Это было невыносимо уже в прошлой войне, а в войне будущей, которая в еще большей мере, чем прежде, охватит весь народ, всю нацию, всю экономику, возымеет еще более катастрофические последствия.

По пункту б).

В предстоящей войне дело будет не в том, чтобы обеспечить единство руководства вермахта и руководства сухопутных войск, а в том, чтобы гарантировать единство ведения войны на суше, в воздухе и на море, а также войны идеологической и экономической с использованием источников силы нации (организации сражающейся нации). Но для этого необходим один главнокомандующий вооруженными силами, который стоит над тремя их видами и непременно должен иметь свой собственный штаб.

По пункту в).

Прямая ответственность главнокомандующих тремя видами вооруженных сил должна и обязана сохраниться. Каждый из них несет ответственность перед Верховным главнокомандующим вермахта.

Дальнейшие возражения главнокомандующего сухопутными войсками по пункту а).

Задачи организации ведения войны передаются имперскому военному министру. Ему подчинены: управление обороны страны (для осуществления деятельности имперского комитета обороны); управление военной экономики (для организации таковой); управление по вопросам, подлежащим совместному урегулированию всеми тремя видами вооруженных сил; главное управление имперской безопасности — РСХА (только во время войны в качестве исполнительного органа). Имперский секретарь по военным делам тыла тем самым должен стано-

виться командующим тылом и подчиняться командованию соответствующего запасного военного округа.

Позиция ОКВ по данным вопросам

В теперешнем ОКВ имеются: управление военного руководства; управление военной экономики. Предусмотрено: общее военное управление.

Эти органы будут полностью соответствовать тройной задаче Верховного главнокомандующего вермахта: «ведение войны силой оружия», «направление идеологической и экономической войны на цели вооруженной борьбы» и «организация сражающейся нации для поддержки вооруженной борьбы».

Подчинения Главного управления имперской безопасности Верховному главнокомандующему вермахта не требуется. За безопасность внутри страны (до тех пор, пока он в состоянии делать это своими средствами) несет ответственность рейхсфюрер СС и начальник германской полиции. Исполнительную власть осуществляет фюрер и рейхсканцлер; при необходимости он делегирует ее другим органам.

Дальнейшие возражения сухопутных войск

Стратегическое руководство войной следует передать имперскому начальнику генерального штаба как советнику Верховного главнокомандующего вермахта по вопросам совместного ведения войны всеми тремя видами вооруженных сил.

Обоснования:

1. Генеральный штаб по руководству вермахтом ни в коем случае не должен существовать наряду с генеральным штабом по руководству сухопутными войсками. Такое сосуществование приведет к постоянным конфликтам, параллелизму и дублированию, а в конце концов — к противостоянию различных органов руководства.

2. От главнокомандующего сухопутными войсками нельзя требовать, чтобы он побеждал по чужому плану.

3. Руководство вооруженных сил, которое в то же время не возглавляет сухопутные войска, не может в полной мере осуществлять руководство ими.

4. Руководство вооруженных сил и руководство сухопутных войск при ведении войны на суше никоим образом разделять нельзя. Ответственные за ведение войны в целом Верховный

главнокомандующий или его советники должны одновременно держать в своих руках руководство сухопутными войсками.

5. Начальнику имперского генерального штаба, стоящему над главнокомандованием сухопутных войск, придется либо быть нулем, либо так сузить руководство ОКХ, что во главе этих войск оказалось бы сразу два ответственных лица. Однако должен быть кто-то, кто дает им основные направления для составления их планов и предохраняет от того, что эти планы разойдутся друг с другом на 180° и таким образом поставят под угрозу общую победу.

По пункту 3.

Отклоняемое тремя видами вооруженных сил Верховное главнокомандование вермахта вполне способно овладеть спецификой руководства ими, поскольку располагает способными офицерами-генштабистами из этих трех составных частей. Однако предварительным условием любого руководства служит то, что составные части вермахта должны постоянно и добросовестно ориентировать его.

По пункту 4.

Кроме сухопутной войны существуют еще морская, воздушная, идеологическая и экономическая, которые должны постоянно координироваться Верховным главнокомандующим вооруженными силами.

Если ответственный за ведение войны в целом Верховный главнокомандующий или его советник одновременно является и главнокомандующим сухопутными войсками, другие составные части вермахта или оказываются предоставленными самим себе, или (это относится преимущественно к люфтваффе) используются в целях сухопутных войск, а тем самым закономерно низводятся до уровня вспомогательного для армии рода оружия.

Только стоящий над тремя составными частями вермахта Верховный главнокомандующий с его независимым советником может судить о том, какие именно задачи являются в тот или иной момент первоочередными для каждой из этих частей в рамках общего руководства и могут быстро привести к конечной победе.

По пункту 5.

Над главнокомандованием сухопутных войск, согласно предложениям ОКВ, стоит отнюдь не имперский начальник ге-

нерального штаба, а Верховный главнокомандующий всеми вооруженными силами со своим штабом и его начальником. При этих предпосылках следующая фраза должна была бы читаться так: «Верховный главнокомандующий вооруженными силами, стоящий над главнокомандующим сухопутными войсками, мог бы быть только нулем или же сузил руководство сухопутными войсками до такой степени, что во главе их стояли бы два ответственных лица».

Разъяснение ОКХ

Общее руководство войной не является вмешательством в дела составных частей вермахта. Оно не может издавать приказы изо дня в день. Оно должно ограничиваться следующим:

1. Постановкой задач для всего вермахта.

При этом задача военно-морского флота, а именно — держать открытыми пути подвоза, является раз и навсегда определенной.

Задачи люфтваффе, учитывая ведение собственно воздушной войны, а особенно защиту тыла страны, в значительной мере также определены заранее, и в этой области авиация совершенно самостоятельна.

2. Урегулированием взаимодействия в ходе операций.

Это относится прежде всего к сухопутным войскам и авиации. При этом условия действий сухопутных войск противостоят свободе действий люфтваффе, а следовательно, в конечном счете вызывают необходимость взаимодействия.

Позиция ОКВ в отношении выводов ОКХ

С этим можно вполне согласиться. В данном смысле понимал свои задачи и прежний Верховный главнокомандующий вермахтом со своим управлением вооруженных сил.

Однако неправильным является утверждение, будто задачи флота раз и навсегда определены и что задачи люфтваффе тоже в значительной мере уже определены, хотя условия сухопутных войск и свобода действий люфтваффе требуют взаимодействия между ними. Отсюда, следовательно, вытекает, будто военно-морской флот не нуждается в дальнейшем руководстве со стороны Верховного главнокомандующего вермахта.

В ходе войны постоянно возникают все новые ситуации, когда сухопутная, морская и воздушная войны вновь и вновь должны согласовывать свои действия друг с другом, а виды воо-

руженных сил тоже обязаны опять взаимно согласовывать свои действия, т.е., иначе говоря, им будет необходимо руководство со стороны Верховного главнокомандующего вермахта. То, что это руководство должно осуществляться стоящим над тремя видами вооруженных сил Верховным главнокомандующим со своим независимым советником и что оно более пригодно для того, чем его осуществление главнокомандующим или советником, одновременно принадлежащим к той или иной составной части вермахта, совершенно очевидно.

Дальнейшие возражения ОКХ

1. Самостоятельность составляющих вермахт частей можно четко осуществить передачей полномочий военного министра Верховному главнокомандованию, причем также и в отношении тех задач, которые являются ведущими для всего вермахта.

2. Главкомандующие видами вооруженных сил несут полную ответственность за готовность своего рода оружия к войне.

3. В крупных вопросах, касающихся вермахта в целом, между Верховным главнокомандующим вооруженными силами и главнокомандующими их видов не должна стоять какая-либо промежуточная инстанция.

Таковыми вопросами являются: общая организация вермахта; осуществляемое в общем и целом сбалансирование сил и средств составляющих его частей; военно-политическое начало войны; определение военных целей ведения войны в целом, а также задач видов вооруженных сил.

В таких вопросах Верховный главнокомандующий вермахта может пользоваться советами главнокомандующих этими видами. С данной целью следует создать военный совет. В него должны войти:

— главнокомандующий сухопутными войсками (он же — начальник имперского генерального штаба);

— главнокомандующий военно-морским флотом;

— имперский министр авиации и главнокомандующий люфтваффе;

— имперский секретарь по военным делам (только по специальным вопросам и без права решающего голоса).

4. Во время войны для облегчения деятельности фюрера и Верховного главнокомандующего вермахта может быть назна-

чен генералиссимус. В предрезанной ему сфере он выступает в качестве заместителя Верховного главнокомандующего вооруженными силами.

Позиция ОКВ по данному вопросу

По пункту 1.

«Образование трех министерств» обсуждению не подлежит. Вопрос этот решен указом фюрера от 4.2 [1938 г.]²⁰⁷.

По пункту 2.

Можно согласиться.

По пункту 3.

ОКВ не является промежуточной инстанцией между Верховным главнокомандующим вермахта и главнокомандующими видами вооруженных сил. Оно служит рабочим штабом Верховного главнокомандующего вермахта.

Главнокомандующие составных частей вермахта обладают правом доклада фюреру. Кроме того, они являются членами имперского военного совета и тайного правительственного совета. Таким образом, они имеют право в любое время отстаивать перед фюрером свои взгляды и воззрения. Для введения специального военного совета никаких оснований нет.

Если необходимы какие-либо решения по другим связанным с этим вопросам, таковые принимаются Верховным главнокомандующим вермахта. То, что для этого более пригоден самостоятельный штаб вермахта (ОКВ) с независимым начальником, нежели зависимый от составных частей вооруженных сил, никаких обоснований не требует.

Начальник ОКВ должен постоянно находиться в ближайшем окружении главы государства.

Однако главнокомандующий сухопутными войсками обязан руководить ими, поддерживая личный контакт и постоянную связь с ними и высшими штабами; он должен появляться в горячих точках наземных операций и использовать огромный вес своей личности. Уже по одним этим причинам главнокомандующий сухопутными войсками и начальник имперского генерального штаба не могут быть представлены в одном и том же лице.

---

²⁰⁷ Имеется в виду указ Гитлера от 4 февраля 1938 г. об образовании штаба Верховного главнокомандования вермахта (ОКВ).

По пункту 4.

Назначение Верховного главнокомандующего вермахта для облегчения бремени фюрера станет необходимым в случае грозящей опасности войны. Он будет нести полную ответственность за ее ведение. Его штабом будет ОКВ²⁰⁸.

**Памятная записка ОКВ
«Проблемы организации руководства войной»²⁰⁹**

Начальник штаба
Верховного главнокомандования
вооруженных сил
№ 647/38
Берлин, 19 апреля 1938 г.

---

²⁰⁸ Подпись под документом отсутствует. В сущности, он представляет собой анализ памятной записки ОКХ для публикуемой далее контрзаписки ОКВ. Вопреки мнению Кейтеля, памятная записка ОКХ, представленная новому главнокомандующему сухопутными войсками генерал-полковнику фон Браухичу, отнюдь не воспроизводит памятную записку Фрича от августа 1937 г. Хотя основные идеи ее те же, в своих требованиях она выходит за рамки последней. Можно с уверенностью сказать, что она составлена не без ведома и участия начальника генерального штаба сухопутных войск генерала Бека. Анализ, данный ОКВ, как можно полагать, был подготовлен начальником отдела обороны страны (L) подполковником Йодлем и, как обычно, тщательно изучен самим Кейтелем. Примечательно, что наряду с упорным отстаиванием ОКХ прерогативы традиционного генерального штаба выдвигается требование создать подчиненное военному командованию Главное управление имперской безопасности. В результате СС и полиция оказались бы под военным контролем. Впрочем, принимая во внимание характер Гитлера и его недоверие к любой военной власти, это требование являлось утопичным.

Заслуживает внимания далее то, что оба контрагента — ОКХ и ОКВ — придерживаются одинаковой точки зрения, что во время войны руководить ведением боевых действий должен «генералиссимус», а не лично фюрер и рейхсканцлер Гитлер. ОКВ выступает здесь как подлинный штаб, а не как имперский военный секретариат Гитлера, в качестве органа совершенно иного характера, чем мечталось тогда, в марте 1938 г., генеральному штабу сухопутных войск.

²⁰⁹ Фотокопия документа L. 211. Оригинал находится в материалах процесса в Международном военном трибунале, а также, в видеоизменной форме, — в «Бумагах Нельге».

Совершенно секретно
Только для командования

Заключение штаба Верховного главнокомандования вооруженных сил на докладную записку главнокомандующего сухопутными войсками по вопросу «Организации руководства вермахтом».
(Докладная записка командующему сухопутными войсками от 7 марта 1938 г. № 93/38)

Содержание:

- А. Организация руководства войной.
- Б. Организация руководства вооруженными силами.
- В. Руководство вооруженными силами в других ведущих военных государствах.

Приложение. Какой представляется война будущего?

А. Организация руководства войной

Приложение 1. В круг вопросов руководства войной входят следующие задачи:

а) Политическое руководство войной.

б) Руководство народом в войне.

Осуществляется фюрером и рейхсканцлером.

в) Руководство вооруженной борьбой.

г) Ведение идеологической и экономической войны в целях вооруженной борьбы.

д) Организация сражающейся нации на поддержку вооруженной борьбы.

Осуществляется генералиссимусом (Верховным главнокомандующим вермахта) по директивам фюрера и рейхсканцлера.

е) Ведение идеологической войны.

Осуществляется имперским министром народного просвещения и пропаганды.

ж) Ведение экономической войны.

Осуществляется генеральным уполномоченным по военной экономике.

Основным принципам тотальной войны будущего противоречит представление, будто возможно независимое друг от друга решение таких важных задач, как «руководство военными действиями», «согласование военной пропаганды и военной

экономики с целями войны» и «организация сражающейся нации в целях поддержки военных операций».

Наоборот, эти проблемы должны быть как раз теснейшим образом связаны между собой и решаться не только одним генералиссимусом, а единым штабом, т.е. штабом Верховного главнокомандования вооруженных сил. В противном случае генералиссимус будет представлять собой лишь призрачно олицетворение верховного военачальника, подобно кайзеру в последнюю войну.

Приложение 2. Принятие Верховным главнокомандующим вооруженными силами стратегических решений зависит не только от оценки военной мощи обеих сторон, но и от учета других факторов, имеющих значение для ведения войны. Тот, кто отдает стратегические директивы или подготавливает их, должен иметь у себя в штабе все исходные данные, на основе которых принимаются решения в области ведения войны, ибо в будущей войне отпадает понятие о чисто военной стратегии.

Верховный главнокомандующий вооруженными силами должен быть в состоянии судить:

— о военном положении на суше, на море и в воздухе как собственной страны, так и противника (путем установления частых личных контактов с главнокомандующими отдельными видами вооруженных сил);

— о военно-политическом положении и связанных с ним возможностях нажать себе боевыми операциями новых врагов или завоевать на свою сторону союзников;

— о вопросах военного и международного права; о внутри-политическом положении противника, собственной страны и союзников;

— об источниках силы противника и собственной страны, особенно — о положении экономики и военного производства и возможностях его улучшения или ухудшения в результате боевых действий. Кроме того, он обязан:

— централизованно обобщать данные разведывательной службы;

— распределять между отдельными пользователями в соответствии с общими стратегическими планами людские ресурсы, лошадей, средства связи и транспорта, продукцию промышленности и сырье;

— координировать действия всех высших имперских органов при выполнении задач государственной обороны.

Основные задачи противовоздушной обороны Верховный главнокомандующий вооруженными силами должен решать не только с военной точки зрения, но и с учетом интересов экономики и военного производства страны.

Верховный главнокомандующий обязан согласовывать идеологическую и экономическую войну с военными целями, а при ведении коалиционной войны добиваться единства в стратегическом руководстве войной и не допускать его нарушения.

В объединении всех этих функций в лице одного военачальника, а также в подчиненном ему и ответственном только перед ним штабе — основа единого руководства войной будущего.

Всякая попытка отделить стратегическое руководство войной и одновременное руководство операциями главнокомандованием сухопутных войск (имперский начальник генерального штаба), с одной стороны, от мобилизации народа на поддержку боевых операций (имперский военный министр) — с другой, снова приведет к пагубному дуализму генерального штаба и военного министерства.

Необходимость согласования мобилизации народа и страны в целом со стратегическими планами Верховного главнокомандования побудила генерала Людендорфа в последнюю войну вмешаться в управление страной, что, однако, не дало положительных результатов и привело к губительным последствиям именно потому, что не было осуществлено организационного слияния этих двух тесно связанных между собой функций ни в довоенное время, ни в последовавшие за тем годы войны.

Предпринятое в этом отношении министерством воздушно-го флота и главнокомандующим ВВС кратковременное разделение функций статс-секретаря и начальника генерального штаба не может служить образцом при организации высших органов руководства страной. Через несколько недель это разделение функций было признано главнокомандующим ВВС негодным, и от него отказались.

В докладной записке говорится, что нельзя одновременно заниматься организацией сражающейся нации и попутно решать вопросы стратегии и что одновременное существование

Верховного главнокомандования вооруженными силами и главнокомандования сухопутных войск немислимо.

Мне представляется, однако, возможным заниматься в главном органе управления (именно с помощью штаба оперативно-го руководства при Верховном главнокомандовании вооруженных сил) вопросами стратегии в полном значении этого слова и вместе с тем с помощью других управлений штаба Верховного главнокомандования крепить и поддерживать мощь вооруженных сил, а также координировать усилия сражающейся нации с действиями вооруженных сил. Верховный главнокомандующий вооруженными силами и его штаб должны решать крупные вопросы и принимать важные решения; они не могут быть обременены обширным руководящим аппаратом, необходимым для руководства операциями сухопутных войск.

Наличие Верховного главнокомандования над главнокомандованием сухопутных войск не только мыслимо, но является столь же необходимым, как и главнокомандования сухопутных войск над командованием фронтов и групп армий. Никому ведь не придет в голову возложить на командование группы армий, ведущей бой на главном направлении, еще и командование другими группами армий.

Однако если выдвигается возражение, что нельзя требовать от главнокомандующего сухопутными войсками победы по «чужой концепции», то позволительно в таком случае напомнить, что все мы, солдаты, обязаны добиваться победы согласно принятой политической концепции главы государства.

Стратегические директивы, отданные ранее, и те, которые будут отдаваться впредь, предоставляют главнокомандующему сухопутными войсками достаточно широкие возможности для ведения операций по своему усмотрению и под личную ответственность; однако эти директивы не дают права разрабатывать собственные политические и стратегические планы. Оные должны составляться централизованно для вооруженных сил в целом по указаниям фюрера и рейхсканцлера. В этом — их смысл и назначение.

Б. Организация руководства вооруженными силами

С начала существования генерального штаба сухопутных войск он и его начальник руководили войной и подготавлива-

ли ее не только в оперативном, но и в стратегическом отношении. Такое положение оставалось нормальным до тех пор, пока военно-морской флот не играл еще существенной роли и не имелось авиации.

Но уже в ходе последней большой [Первой мировой] войны не удалось согласовать действия на море в стратегическом отношении с общими требованиями войны в целом. В морском генеральном штабе в силу организационной системы главнокомандования того времени единственным авторитетом в вопросах общего руководства войной считался кайзер, а не генеральный штаб сухопутных войск (главнокомандование сухопутных войск). Так как кайзер не руководил и не мог без штаба руководить военными действиями, создалось положение, когда велись две войны: одна — на суше и другая — на море. Единого стратегического руководства не было.

Так как при географическом положении Германии военные действия на суше и море, как правило, не находились в такой тесной зависимости, как война на суше и в воздухе, существовавшее положение казалось, на худой конец, терпимым, хотя и приводило к весьма серьезным военным упущениям.

С созданием самостоятельных военно-воздушных сил организация единого руководства вооруженными силами стала совершенно необходимой.

Сухопутные войска как самый важный и мощный вид вооруженных сил требуют передачи этого руководства именно им.

Конечно, для Германии успехи и неудачи сухопутных войск, как правило, будут оказывать определяющее влияние на исход войны. Но было бы ошибочно не учитывать, что в случае войны со страной, не имеющей общих границ с Германией (например, Англия, Россия), главную тяжесть боевых действий могут нести военно-морские или военно-воздушные силы. В ходе войны значение вида вооруженных сил может претерпеть существенные изменения. Так, к примеру, мощная оборона с обеих сторон может остановить операции на суше, выявить решающее значение боевых действий в воздухе или на море.

Однако необходимое перенесение основных усилий в ведении войны может осуществить лишь Верховный главнокомандующий, которому подчинены все три вида вооруженных сил и который имеет собственный штаб. Немыслимо возложить об-

щее руководство на один из видов вооруженных сил или позволить ему оказывать решающее влияние на руководство войной только потому, что в мирное время существует представление о решающей роли этого вида вооруженных сил в будущей войне. Невозможно также переключать руководство войной с одного вида вооруженных сил на другой или предоставлять одному из них решающее влияние на руководство в зависимости от хода военных событий.

Согласно изложенной в разделе «А» точке зрения, тот, кто отдает по вооруженным силам директивы стратегического характера, должен одновременно и руководить нацией, ведущей войну.

Но не может же начальник имперского генерального штаба наряду с обязанностями, определяемыми потребностями сухопутных войск, руководить подготовкой к войне в целом и осуществлять руководство ею, заниматься организацией сражающейся нации и одновременно выполнять возложенные на него задачи по организации боевой подготовки, вооружению, материально-техническому обеспечению и руководству вооруженными силами; представляется невозможным, чтобы в таких условиях начальник генерального штаба мог систематически лично консультировать главу государства, т.е. продолжительное время находиться непосредственно при нем, и вместе с тем по должности поддерживать необходимый контакт с подчиненными ему войсками и командными инстанциями, личным присутствием на важнейших направлениях фронта оказывать необходимое влияние на действия командования и войск.

Точно так же нельзя представить себе, что главнокомандующий каким-либо видом вооруженных сил найдет у других видов вооруженных сил достаточное доверие к объективному с его стороны руководству вооруженными силами в целом, которое должно стоять выше интересов его собственного вида вооруженных сил. Между тем наличие этого доверия является одной из главных предпосылок повиновения.

Трудно ожидать от человека такой беспристрастности, чтобы при распределении им людских и материальных ресурсов его собственный инструмент войны оказался в равном положении с другими.

Это было бы еще терпимо, имей мы всё в изобилии и будь в состоянии удовлетворить потребности всех видов вооруженных

сил в личном составе и материальных средствах, в обеспечении связи, в финансах и сырье.

Если же надо из многих зол выбирать меньшее, если «одеяло всюду коротко» и невозможно полностью удовлетворить требования и запросы вооруженных сил ни по одной статье, то поручение одной из основных заинтересованных сторон роли арбитра или даже советника вызвало бы несравненно больше разногласий, чем ранее.

Такое решение вопроса несомненно свело бы военно-морские и военно-воздушные силы на положение вспомогательного вида вооруженных сил, а если бы даже Верховный главнокомандующий вооруженными силами воспротивился этому, между ним и начальником генерального штаба постоянно возникали бы разногласия.

Подчинение в 1914 г. на правом крыле сухопутных войск одной немецкой армии другой привело к исключительно тяжелым последствиям, и этого нельзя забывать²¹⁰.

В докладной записке говорится, что общий ритм ведения войны определяется во времени и пространстве боевых действий сухопутных войск. Подразумевается, по-видимому, что руководство войной определяется в значительной степени, но не всегда и не всецело, ритмом сухопутной войны.

Общее руководство войной — прерогатива фюрера и рейхсканцлера. «Война, — говорил Клаузевиц, — есть орудие политики, она неизбежно должна носить характер последней; ее следует мерить политической мерой. Поэтому ведение войны в своих главных очертаниях есть сама политика, сменившая перо на меч, но от этого не переставшая мыслить по своим собственным законам».

Этому основополагающему положению как нельзя лучше отвечает решение от 4 февраля 1938 г., определяющее, что только Верховное главнокомандование вооруженных сил, непосредственно подчиненное фюреру и рейхсканцлеру, уже в мирное время должно заниматься вопросами подготовки к войне. Это

---

²¹⁰ Имеется в виду заключительная фаза битвы на Марне в сентябре 1914 г., когда на крайнем правом фланге 1-я немецкая армия, предназначенная для окружения противника, была подчинена командованию 2-й армии, действовавшей на средней внутренней линии того же фланга.

решение вызвало самое горячее одобрение в народе и офицерском корпусе. Его должны были признать и главнокомандующие видами вооруженных сил.

Следует полностью согласиться с выраженной в докладной записке точкой зрения, что единое руководство вооруженной борьбой не означает вмешательства в прерогативы главнокомандующих отдельными видами вооруженных сил и не заключается в том, чтобы изо дня в день направлять вниз приказы. Это руководство предусматривает отдачу директивных указаний на длительный срок.

Именно так, а не иначе, понимал и выполнял свои обязанности Верховный главнокомандующий вооруженными силами. Все, что обусловлено политикой или могло бы иметь политические последствия, а также все, что касается стратегического взаимодействия армии, военно-морских и военно-воздушных сил, должно оставаться в ведении общего руководства вооруженных сил.

Нельзя в теории соглашаться с необходимостью единого руководства вооруженными силами, а на практике отвергать это условие. Для любого военного руководства необходим не только начальник, но и штаб. Если отвергнуть этот штаб, придать его генеральному штабу сухопутных войск, то общее руководство вооруженными силами ляжет на сухопутные войска. Этот факт не удастся завуалировать ссылкой на независимость от сухопутных войск оперативных целей военно-морских и военно-воздушных сил.

По моему мнению, из всех возможных вариантов существующая в настоящее время форма организации военного руководства вооруженными силами является наилучшей и наиболее логичной для авторитарного государства. Дело лишь в том, чтобы признать эту схему и пользоваться ею в гармоническом взаимодействии.

Всякий прогресс в мире требует жертв. Не было бы единого Германского государства, если бы отдельно взятые немецкие земли не отказались от своего суверенитета. Не может быть также единых германских вооруженных сил, если армия, флот и люфтваффе не будут считать себя лишь частью единого целого и с готовностью не отдадут Верховному главнокомандованию все, что ему необходимо для создания единства в организации и руководстве.

В часы опасности такие жертвы дадут положительные результаты.

В. Руководство вооруженными силами в других ведущих военных государствах²¹¹

Проблема организации руководства вооруженными силами существует во всех крупных в военном отношении государствах и как таковая в настоящее время повсюду имеет актуальное значение.

Она решена следующим образом.

а) Германия

В Германии после овладения властью [нацистами] состоялось назначение Верховного главнокомандующего вооруженными силами, а в 1934 г. ему был придан рабочий аппарат, подчиненный начальнику штаба (управление вооруженных сил).

В дальнейшем руководство вооруженными силами Германии продолжало непрерывно совершенствоваться. Это вызывалось возникновением постоянно расширявшегося круга вопросов, выходявших за пределы интересов одного вида вооруженных сил и требовавших централизованного решения вышестоящим органом, а также выявившейся необходимостью единой подготовки к тотальной войне. Примеры:

1. Издание Верховным главнокомандующим вооруженными силами Директивы о единой подготовке вооруженных сил к войне.

Ранес существовали только оперативные планы сухопутных войск и военно-морского флота. Затем такие планы стали вырабатываться по директиве Верховного главнокомандующего на единой основе для всех трех видов вооруженных сил. Это предупреждает возможность разнобоя в подготовке к войне.

2. Проведение Верховным главнокомандующим вооруженными силами военных учений.

Военные учения, в которых, кроме представителей видов вооруженных сил, принимали участие основные гражданские министерства, позволили решить важные вопросы, касающиеся

---

²¹¹ Завуалированное оправдание взглядов смещенного имперского военного министра генерал-фельдмаршала фон Браухича!

ся подготовки к тотальной войне. Эти учения вместе с тем наглядно доказали необходимость единства действий в подготовке войны.

3. Проведение Верховным главнокомандующим вооруженными силами военных маневров.

В 1937 г. впервые были проведены маневры, имевшие своей целью выявить организацию взаимодействия трех видов вооруженных сил в случае войны.

4. Включение в состав управления вооруженных сил имперского комитета обороны²¹².

Секретариат имперского комитета обороны был передан в состав управления вооруженных сил; тем самым обеспечивалось единство действий во всей подготовке страны к обороне.

5. Создание военной академии.

В 1935 г. была основана Академия вооруженных сил. В задачу академии входит не только подготовка наиболее способных старших офицеров трех видов вооруженных сил, но и высших чинов других государственных органов по вопросам тотальной войны, а также разработка проблем строительства и использования вооруженных сил.

6. Создание штаба военной экономики.

С организацией в составе управления вооруженных сил штаба военной экономики было обеспечено единство в вопросах военной экономики и вооружений.

7. Создание финансового отдела вооруженных сил.

Этот отдел занимался вопросами финансовых потребностей вооруженных сил и согласования требований их отдельных видов.

---

²¹² Стало проблематичным с 1936 г., когда (в соответствии с гитлеровскими правительственными максимумами) произошло дробление компетенций. Генерал-полковник Геринг (имперский министр авиации, главнокомандующий люфтваффе и премьер-министр Пруссии) стал уполномоченным по осуществлению «четырёхлетнего плана» (а тем самым — руководителем обеспечения сырьем, а также строительных мероприятий внутри военной промышленности). В результате начальник управления военной экономики генерал-майор Томас лишился центральных областей своей деятельности. — См. показания Кейтеля о генерале Томасе — аффидевит (письменное показание под присягой. — *Прим. пер.*) от 28.4.1946 г. в «Бумагах Нельте».

8. Учреждение должности инспектора связи вооруженных сил. <...>

9. Создание юридического отдела вермахта.

Образование этого отдела обеспечивает необходимое единообразие в решении правовых вопросов внутри трех видов вооруженных сил.

10. Составление наставления «Руководство войной», которое рассматривает вопросы тотальной войны во всех ее сферах.

Благодаря этим и другим наставлениям и подобным нормативным мерам развивается идея единого руководства вермахта. В результате чего Германия оказалась в данном отношении впереди всех других государств.

Решение от 4 февраля 1938 г. продолжает в теоретическом отношении предшествовавший ход развития.

На практике же, однако, кажется, что в вопросе четкого руководства вооруженными силами начинается движение вспять. Отсутствие в данный момент Верховного главнокомандующего вооруженными силами и имперского министра кажется сухопутным войскам и военно-морскому флоту подходящим моментом, чтобы освободиться от обременяющих их оков, которые единое военное руководство всегда будет представлять для них даже при самом лояльном и тактичном его осуществлении.

б) Франция

В 1936 г. учрежден пост министра национальной обороны. Он должен обеспечивать единство трех видов вооруженных сил преимущественно в вопросах их применения, составления и реализации планов вооружения и мобилизации промышленности на военные нужды.

В 1938 г. сфера деятельности министра национальной обороны была расширена, и он получил следующие полномочия:

— служит высшей решающей инстанцией для всех трех видов вооруженных сил в области мер по подготовке и применению вооруженных сил;

— осуществляет контроль за выполнением принятых решений, визирует приказы о назначении начальников генеральных штабов видов вооруженных сил и членов высших военных, военно-морских и военно-воздушных советов.

Одному из начальников этих трех генеральных штабов поручено ведение текущих дел для всех видов вооруженных сил.

Другой генерал назначен председателем административного совета по вопросам обороны страны. Начальники штабов сухопутных войск, военно-морского флота и военно-воздушных сил назначены заместителями председателя этого совета.

Как сообщил устно военный атташе в Париже²¹³, в дальнейшем (после подготовки в специально созданной академии офицеров для генерального штаба вооруженных сил) предусматривается создать их собственный генеральный штаб по общему руководству вооруженными силами.

Об осознании во Франции решающего значения этого вопроса свидетельствуют публикации маршала Петена. Приведем выдержку из них:

«Необходим третейский судья, который мог бы выносить решения относительно намерений различных видов вооруженных сил, дабы в вопросах обороны страны царило единство взглядов. <...> Речь идет о том, чтобы выиграть войну в воздухе, на суше и на море. Поскольку только авиация всеми присутствующими ей средствами способствует успеху, ее следует держать в постоянной боевой готовности, чтобы она могла воздействовать на два других вида вооруженных сил, что предполагает (о том, собственно, и идет речь) наличие такого высшего органа, который определяет степень актуальности различных задач и очередность их решения. Этим органом не может быть главнокомандующий ни военно-морским флотом, ни воздушными силами, ни сухопутными войсками».

Далее маршал Петен приходит к выводу, что место министра обороны должен занять начальник штаба обороны страны со своим штабом из наиболее пригодных для того офицеров от всех частей вооруженных сил.

в) Италия

Италия имеет при дуче уже в мирное время независимого от видов вооруженных сил начальника генерального штаба с его небольшим аппаратом. Он должен являться советником главы правительства по вопросам обороны страны, представлять ему главные линии общего оперативного плана и обеспечивать взаимодействие родов оружия, а также представлять дуче про-

---

²¹³ Подполковник фон Хорн или его предшественник — генерал-лейтенант Колегиталь.

екты их совместных маневров, осуществляя контроль за их проведением.

Во время войны все вооруженные силы страны возглавит лично дуче²¹⁴.

г) *Англия*

Англия весной 1935 г. создала министерство по обеспечению взаимодействия трех видов вооруженных сил. Насколько можно констатировать, задачи его лежат преимущественно в области военной промышленности.

д) *Россия*

Россия имеет единого Верховного главнокомандующего всеми видами вооруженных сил в лице народного комиссара обороны. На случай войны предусмотрено назначение начальника генерального штаба вооруженных сил.

* * *

Подводя итог, можно сказать, что Германия показала пример в области организации руководства вооруженных сил и убедила другие страны в необходимости такой организации. В результате данные страны идут в решении этого вопроса аналогичным путем, несмотря на то что они в силу их парламентско-демократического государственного устройства принципиально отвергают централизованную систему руководства.

Неужели получится так, что Германия, показав пример другим европейским странам в централизации руководства и боевых средств, сама пойдет на ослабление единого военного руководства?

---

²¹⁴ Номинально в случае войны Верховным главнокомандующим всех вооруженных сил являлся итальянский король [Виктор-Эммануил III]. Во время Второй мировой войны эту роль играл Муссолини. Генерал-фельдмаршал Кессельринг в своих «Мыслях о Второй мировой войне» (Albert Kesselring. Gedanken zum Zweiten Weltkrieg. Bonn, 1955) писал: итальянская система высших военных органов с ее «Commando Supremo» [Верховным главнокомандованием] являлась более четкой, чем германская.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Какой представляется война будущего?

В абсолютной форме война — это насильственное разрешение спора между двумя или несколькими государствами всеми имеющимися средствами.

Несмотря на все попытки запретить войну, она продолжает оставаться законом природы, который можно ограничить, но нельзя устранить совершенно, ибо война служит делу сохранения нации и государства или обеспечивает его историческое будущее.

Эта высокая моральная цель придает войне отличительный признак и служит ее нравственным оправданием.

Она ставит войну выше политического акта и выше военного поединка из-за экономических выгод.

Использование военной мощи, военная добыча и потери приобретают невиданные доселе размах и значение. В итоге проигранная война угрожает государству и народу не только ущербом, но и уничтожением.

В связи с этим современная война приобретает характер бедствия для всего государства, борьбы каждого человека в отдельности за свое существование.

Поскольку в такой войне каждый человек может не только обрести всё, но и лишиться всего, он должен отдать войне все силы.

Тем самым понятие всеобщей воинской повинности приобретает значение всеобщего участия в войне.

Это означает прекращение на время войны всякой только частной деятельности и подчинение всех форм проявления государственной и частной жизни одному руководящему принципу: «Все для победы».

На смену индивидуальной или общественной деятельности вступает в силу военное руководство.

Руководство войной придерживается немногих основополагающих, вечных законов. Однако средства, которыми оно пользуется, изменяются и множатся.

Изменениям подвергаются также формы и методы ведения войны.

К сухопутным войскам и военно-морскому флоту добавился третий вид вооруженных сил — авиация. Дальность действия авиации значительно расширяет понятие театра военных действий.

В зависимости от геополитического положения отдельных стран, война может распространиться непосредственно на всю территорию государства, вовлечь в сферу военных действий все население страны.

Война ведется всеми средствами: не только силой оружия, но также средствами пропаганды и экономического воздействия.

Война направлена против вооруженных сил противника, против источников его мощи и морального духа народа. Лейтмотивом ее ведения должен быть принцип: «Нужда не знает слова “нельзя”».

Тем не менее важным средством достижения победы остается сила оружия. Поэтому требованиям вермахта обеспечить достижение победы должно быть предоставлено преимущество перед всем остальным.

С уничтожением вооруженных сил противника, как правило, выводятся из строя или становятся неэффективными другие его средства ведения войны.

Для Германии победа или поражение сухопутных войск будет в большой степени решать общий исход войны.

Но на победу или поражение сухопутных войск могут оказывать решающее влияние успех или неуспех морской или воздушной войны.

Чем продолжительнее будет вооруженная борьба и чем заметнее станут уравниваться силы противников, тем все более решающим фактором для исхода войны может оказаться идеологическая и экономическая война.

Если все эти средства ведения войны окажут разлагающее воздействие на вражеское население или парализуют источники мощи врага, то разгром не сплоченного внутриполитически и зависимого от заграницы противника, может быть осуществлен и без решительных побед над его вооруженными силами или станет возможным именно в результате использования этих средств борьбы.

Формы развязывания войны и открытия военных действий с течением времени меняются.

Государство, его вооруженные силы и население приводятся в состояние возможно более высокой мобилизационной готовности еще до опубликования приказа о мобилизации.

Фактор внезапности, как предпосылка для быстрых и крупных первоначальных успехов, часто будет вынуждать начинать боевые действия до окончания мобилизации и даже до завершения развертывания сухопутных войск.

Объявление войны уже не во всех случаях будет предшествовать началу военных действий.

В зависимости от того, насколько международные нормы ведения войны выгодны или невыгодны для воюющих сторон, последние будут считать себя в состоянии войны или в состоянии мира с нейтральными странами.

Только единство и сплоченность государства, вооруженных сил и народа обеспечивают успех в войне.

Сохранение этого единства в условиях необычайно высоких требований, предъявляемых войной ко всем гражданам, является важнейшей и самой трудной задачей государственного руководства. Наш тыл должен пойти на любые жертвы, чтобы обеспечить вооруженным силам победу в войне.

Но вооруженные силы своими корнями уходят в народ. Из него они черпают свои материальные и духовные силы.

Так, тесно переплетаясь между собой, наш фатерланд, его вооруженные силы и народ сливаются в одно неразрывное целое²¹⁵.

---

²¹⁵ IMT-Prozess, Bd. XXXVIII, S. 311. Руководящую роль в составлении этой памятной записки сыграл отдел обороны страны (L) ОКВ, возглавлявшийся тогдашним подполковником Йодлем. Правка отдельных абзацев, подчеркивания и шрифтовые выделения говорят о том, что его дорабатывал сам Кейтель. Это подтверждает его манеру и метод тщательно отрабатывать документы, исходившие из его ведомства. Ход мыслей отражает также некоторые созвучия с исследованием генерал-полковника в отставке Эриха фон Людендорфа о тотальной войне. Взгляды, противоречившие представлениям о войне Людендорфа и Гитлера и отстаивавшиеся особенно упорно бывшим начальником генерального штаба сухопутных войск генерал-полковником в отставке Людвигом Бекем, нашли свое отражение в его докладе, сделанном в Берлине в июне 1942 г. в военно-историческом обществе. Бек выступал против тезиса Людендорфа, что политика должна служить войне и пролагать путь войне тотальной. Правда, с такой резкостью эта мысль в памятной записке ОКВ

КЕЙТЕЛЬ: СОЛДАТ И ПОЛИТИКА

«Положение начальника ОКВ»

Попытка предоставить или даже указать солдату его место в игре сил на политической арене предпринимается не только в собственном лагере, но и в лагере противников именно тогда, когда можно зафиксировать поражение. Тогда ссылаются на тезис Клаузевица, что «война есть продолжение политики иными средствами», и упрекают солдата в том, что он не понимал или же неправильно видел и использовал политическую обстановку. Когда генерал Людендорф в последней фазе Первой мировой войны вторгся в сферу германской политики, он оказался вынужденным столь сильно оправдывать ее в своих «Воспоминаниях» именно потому, что тем самым германский солдат подался в ту область деятельности, которая, по сути своей, никогда не являлась солдатской и вела лишь к появлению «политического генерала» и к политизации вооруженных сил. Показать опасность этого и на будущие времена — такова была важная цель высказываний Людендорфа...

Он ставит вопрос о том, как сформировались те условия, которые господствовали в 1920—1933 гг. Не вдаваясь в подробности, следует констатировать: руководство рейхсвера — независимо от чисто политических военных министров (Носке, Гесслер, Грёнер²¹⁶) — послужило прототипом «политических генералов» — фон Секта (внешняя политика) и фон Шлейхера (внутренняя

не формулируется, но сама записка выходит за рамки тезиса Клаузевица, что война — это только средство политики. В то время как Бек принципиально подвергает сомнению утверждение, что тотальность есть новая форма войны, авторы памятной записки ОКВ придерживаются противоположной точки зрения: в век существования трех видов вооруженных сил и необходимости общего руководства ими сам облик войны и ее методы, включающие все сферы жизни народа, принципиальным образом изменились.

²¹⁶ Речь идет о министрах рейхсвера: социал-демократе Густаве Носке (1919—1920), Отто Гесслере (Демократическая партия, 1920—1928) и генерал-лейтенанте в отставке, бывшем имперском министре путей сообщения Вильгельме Грёнере (беспартийный, 1928—1932).

политика)²¹⁷. Но оба они резко препятствовали любому распространению этого явления в своей командной сфере.

Какова была ситуация в 1933 г.? Имперский военный министр являлся имеющим решающий голос членом имперского правительства; ему — наряду с имперским министром иностранных дел — предназначалось второе место в кабинете рейхскамплера. Нет сомнения: имперский военный министр был фигурой политической и по меньшей мере мог сказать свое веское слово в области внешней политики рейха. Поскольку после его ухода в январе [19]38 г. пост министра, ответственного за вооруженные силы в целом, больше занят не был, политическое представительство вермахта в имперском правительстве заглохло. Яркую выраженную политическую роль в нем играл только имперский министр авиации Геринг, который не раз выполнял политические миссии (Польша, Италия, Испания, Швеция и т.д.) и наряду с министром иностранных дел был доверенным лицом фюрера в данной области.

В противоположность этому, главнокомандующие сухопутными войсками и военно-морским флотом от своего влияния на формирование внешней политики сознательно воздерживались и ограничивались лишь тем, что в рамках развития внешнеполитических событий и отношений делали из них в каждом отдельном случае вытекающие отсюда выводы и при определенных обстоятельствах обсуждали их с самим фюрером.

Усилия сухопутных войск и восстановление большого генерального штаба (наряду с возрождением власти над всеми вооруженными силами в целом) с полной очевидностью диктовались стремлением вновь приобрести хотя бы такое влияние на внешнюю политику рейха, чтобы она была оправдана с политической точки зрения. Как известно, министр отказывался от этого намерения неоднократно, а фюрер отбросил его окончательно.

Вот так мы в 1938 г. и вступили в период тех военно-политических акций (не считая коротких интервалов), которые следовали почти без передышки, сменяя одна другую. Ответ-

---

²¹⁷ Еще будучи начальником войскового, а затем управления общих дел министерства рейхсвера, Шлейхер постоянно занимался внутривластными делами.

ственной же перед имперским правительством инстанции вооруженных сил (военного министра) более уже не существовало, после того как фюрер сам принял на себя ее прежние функции, а мне приказал возглавить те министерско-административно-управленческие дела, которые я был обязан вершить по его поручению, будучи связан его директивами. Таким образом, никакой самостоятельной ответственности мне предоставлено не было. Я отвечал только за осуществление требуемых мер, согласием на проведение которых должен был предварительно заручиться у фюрера. Без этого я полномочий не имел и не был в состоянии добиться чего-либо от главнокомандующих составными частями вермахта и от имперских гражданских министерств.

Мои попытки в данном направлении срывались, так как фюрер (если только он, с деловой точки зрения, заранее не принимал категорического решения в мою пользу) с ними не считался.

Моя готовность взять ответственность на себя терпела крах из-за отсутствия у меня права добиваться своего, т.е. приказывать! Право отдавать приказы фюрер оставил исключительно за собой...

Но это сознательное и желаемое [фюрером] ограничение моих компетенций я во все возрастающей мере воспринимал как гнетущее и крайне мешающее. Тем не менее, как «представитель вооруженных сил», я принадлежал к непосредственному окружению фюрера (вопреки своему желанию и выходя за рамки своей, самой по себе ограниченной, сферы военной деятельности). Постепенно я оказался втянутым во всякие дела и события, которые лишь совсем косвенно затрагивали или же вообще никак не касались меня. Стоило только возникнуть какому-нибудь так или иначе связанному по времени и характеру с военным руководством делу, как меня попросту захлестывал этот поток, из которого я не мог выбраться.

Добавим к сему совершенно чуждый солдату неупорядоченный стиль работы фюрера, пренебрегавшего всяческими компетенциями и разделением задач и по собственному произволу отдававшего приказы с требованием их немедленной передачи дальше, не считаясь с тем, кто же именно в служебном порядке отвечает за их осуществление.

Ликвидация самостоятельных функций военного министра как гаранта политических и государственно-правовых основ воо-

руженных сил создала тот вакуум, который обеспечил фюреру желанную свободу действий, а меня поставил перед неразрешимой задачей. Проблемы и задачи отнюдь не стали решенными оттого, что были уничтожены органы, призванные заниматься ими.

Как ни противился я внутренне и внешне использованию меня за пределами функций моей должности начальника чисто военного штаба, я просто не мог ничего поделать с этим. Хотел я или нет, я почти автоматически — уже в силу одного только своего присутствия — оказывался вовлеченным в водоворот разных дел, зачастую даже и не предчувствуя и не зная, о чем вообще идет речь. При этом меня ни о чем не спрашивали, и никакой возможности высказаться я не имел, а был просто немым свидетелем происходившего. А для общественности и непосвященных в обычаи ставки фюрера я и внутренне, и внешне являлся «политическим генералом».

Но я был только солдат, и как таковой — повиновался... Единственным извинением мне могут служить моя недостаточная проницательность, а также сила той личности, которой я оказался противопоставлен и противостоять которой был не в состоянии: я подчинился ее диктаторской воле. И тут равным счетом ничего не меняет мое внутреннее несогласие, мои частые попытки с глазу на глаз высказывать серьезные опасения и просьбы о моей отставке. Я не устоял и поступков своих оправдать не могу. В лучшем случае — могу их только объяснить...²¹⁸

---

²¹⁸ Для оценки позиции и ответственности начальника ОКВ см. также «Рукописные заметки Кейтеля по вопросу об ответственности отдельной личности» от 24.10.1945 г. в «Бумагах Нельте».

В этих заметках фельдмаршал высказывается по следующим вопросам:

а) (Расхождения с Гитлером.) «Когда он, как обычно, начинал свои высказывания в более широком кругу, никто, кроме него самого, не мог произнести ни слова. Даже и в этом кругу я, как начальник штаба, высказать собственное мнение не рискнул ни разу. Однако наедине он с уговорами и даже увещеваниями выслушивал изложение иных политических намерений и обстоятельств, добавляя, что сознательно утрировал сказанное лишь с одной целью — преодолеть нестойкую позицию генералов...»

б) (О собственном самоубийстве.) «Самоубийство! Да, я не раз серьезно размышлял о нем и в конце концов от этой мысли полностью отказался. Ведь таким образом (как доказало множество подобных случаев) я ничего бы не улучшил, ничего бы не изменил, а только ока-

ЧАСТЬ III

ВОЙНА

ВОСПОМИНАНИЯ ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛА ВИЛЬГЕЛЬМА КЕЙТЕЛЯ 1938—1945

От Австрии до конца Французской кампании

Начато в Нюрнберге. 7.9.[19]46 г.

Вечером 4.2.[19]38 г. после разговора в Имперской канцелярии (во время которого говорил почти только он один) Гитлер отбыл в Бергхоф. Его сопровождал майор Шмундт, только что

зался бы обвиненным вермахтом, которому я всегда был заступником и помощником, в дезертирстве с поля боя и в трусости».

в) (О самоубийстве Гитлера.) «Своей смертью Гитлер ушел от ответственности передо мною, перед генерал-полковником Йодлем и перед ОКВ. Не сомневаюсь, что он восстановил бы в отношении нас справедливость и выдал бы мои упущения по службе за свои. То, что он (как я узнал постфактум) самоубийством избежал своей последней личной ответственности (которую всегда так подчеркивал и на которую единолично претендовал) вместо того, чтобы предстать перед противниками, и что он таким образом предоставил своим подчиненным отвечать за его автократические, самовластные действия, — навеки останется для меня непостижимым и означает для меня последнее в жизни разочарование».

удачно занявший новую должность — предложенную мною и утвержденную фюрером должность «шеф-адъютанта» при фюрере, т.е. начальника военной адъютантуры. Потому вскоре была введена и специальная должность адъютанта по сухопутным войскам, на которую был назначен капитан Энгель²¹⁹. Это отвечало особому желанию фон Браухича, поскольку тот хотел таким образом обеспечить себе прямой и отчасти личный доступ через своего адъютанта к Верховному главнокомандующему. Кроме того, имелись адъютант по военно-морскому флоту — капитан 3-го ранга Альбрехт²²⁰ и по люфтваффе — капитан фон Белов²²¹ — все трое были подчинены Шмундту. Таким образом, двойное подчинение, в каком находился, к примеру, Хоссбах²²² при начальнике генерального штаба, на будущее исключалось.

Однако Браухич не последовал совету и желанию Гитлера, заняв пост главнокомандующего сухопутными войсками, взять с собой новых лиц, пользовавшихся его персональным доверием, как это правильно сделал Дёниц в 1943 г.²²³ Гитлер настоял на изменении лишь в одном вопросе: на замене начальника генерального штаба сухопутных войск [генерала Бека]. В процессе продолжительных споров в моем присутствии Браухичу удалось добиться, чтобы Бек оставался на своем посту хотя бы до осени [19]38 г. для разработки последних задач и подготовки текущих приказов главнокомандования сухопутных войск (ОКХ).

---

²¹⁹ Герхард Энгель в 1938 г. был переведен из пехотного полка в адъютантуру вермахта. Занимал до 1941 г. должность адъютанта по сухопутным войскам. Под конец войны в звании генерал-лейтенанта командовал пехотной дивизией.

²²⁰ Действительным адъютантом по ВМФ являлся ставший позже контр-адмиралом Карл Йеско фон Путткамер.

²²¹ Николаус фон Белов оставался на этой должности до 1945 г., став полковником. См. его воспоминания «Я был адъютантом Гитлера. 1937—1945», выпущенные на русском языке в 2000 г. издательством «Русич» в переводе Г. Рудого.

²²² Полковник генерального штаба Фридрих Хоссбах одновременно был начальником отдела генштаба сухопутных войск.

²²³ Карл Дёниц (1892 г. рожд.) с 30.1.1943 г. — гросс-адмирал и главнокомандующий военно-морским флотом. О совершенной по его приказу «смене караула» см. воспоминания: Karl Donitz. Zehn Jahre und zwanzig Tage. Bonn, 1958. S. 366 f. (См. также сб.: Откровения и признания. М., 1996. — *Прим. пер.*).

Сегодня я убежден в том, что Браухич совершил свою первую ошибку как в отношении своего личного окружения²²⁴, так и в том смысле, что не решился подобрать себе людей, полностью пользующихся его доверием, которые, несмотря на насильственное назначение нового главнокомандующего сухопутными войсками, относились к нему без предубеждений. Однако тогдашние требуемые Гитлером перемещения, которые произошли уже 4.2. [19]38 г. одновременно с назначением Браухича на этот пост, не только не достигли своей цели в интересах нового главнокомандующего сухопутными войсками, но и послужили первым препятствием на пути Гитлера к доверию и к нему, и ко мне.

Добавилось еще и то, что Браухич в качестве преемника начальника управления кадров взял (прежде всего по моей рекомендации) моего брата²²⁵, которого он хорошо знал. Но все это были полумеры, которые постоянно приносили больше вреда, чем пользы. Они сразу же вызвали критику со стороны основной части генералов. Браухичу досталось тяжелое наследство, ибо никто не знал лучше него, каким безграничным почитанием и признанием пользовался [бывший командующий рейхсвером генерал-полковник] фон Фрич. Известно ему было и о том возмущении, которое вполне обоснованно испытывал Фрич в связи с бесстыдным подозрением в гомосексуализме. Бек и командиры армейских корпусов денно и нощно настаивали на том, чтобы Браухич вступился за своего предшественника и добился его немедленной реабилитации и восстановления на прежнем посту, а также чтобы он потребовал от Гитлера производства Фрича в фельдмаршалы. Они даже недвусмысленно давали Браухичу понять, что доверие к нему зависит от осуществления их ожиданий.

---

²²⁴ Произведенные Гитлером перестановки действительно были значительны. Заменены были начальник управления кадров сухопутных войск, 1-й квартирмейстер генштаба генерал-лейтенант фон Манштейн, адъютант от вермахта полковник Хоссбах. Уволены в отставку командиры корпусов барон фон Лееб, фон Клейст и барон Кресс фон Крессенштайн, а также ряд других генералов, которые не гарантировали осуществления предъявленного Гитлером требования как можно быстрее сблизить вермахт с национал-социализмом.

²²⁵ Речь идет о генерал-майоре Бодевине Кейтеле, начальнике управления личного состава сухопутных войск с 1.3.1938 г. до 27.9.1942 г.

Процесс против Фрича, как и ожидалось, закончился его оправданием. Это — исключительно заслуга Геринга²²⁶, заставившего свидетеля обвинения (того самого уголовного, который был объявлен в Имперской канцелярии опознанным гомосексуальным партнером Фрича) путем искусного и жесткого допроса признать, что лично он с генералом не знаком, а просто перепутал его фамилию; действительным же партнером этого уголовного являлся некий отставной ротмистр фон Фриш (Frisch), а отнюдь не Фрич (Fritsch). Таким образом, приговор гласил: оправдан ввиду доказанной невиновности. Но все-таки более глубокая цель дискредитации и смещения Фрича теми, кто организовал или же использовал этот представившийся случай, была достигнута²²⁷.

Против Браухича поднялась целая буря: от него требовали немедленно добиться от Гитлера очевидной для всех реабилитации Фрича, повышения его в чине и т.п.²²⁸. Семь раз отмерь, один отрежь — так оценивал я тогда ситуацию, ибо Гитлеру было трудно признать самого себя жертвой обмана или даже интриги. Все усилия Браухича переубедить Гитлера остались безрезультатными. В конце концов Гитлер назначил Фрича командиром 12-го артиллерийского полка и разрешил ему носить форму этого полка. Генералитет был неудовлетворен²²⁹.

---

²²⁶ Такое утверждение, пожалуй, является незаслуженным комплиментом Герингу. Главная заслуга в оправдании Фрича принадлежит его мужественному адвокату графу фон дер Гольцу.

²²⁷ Второе утверждение относится и к самому Адольфу Гитлеру, чего автор в 1946 г. не осознавал.

²²⁸ Эти требования были сведены воедино генералом Беком, адмиралом Канарисом и полковником Хоссбахом. В них предусматривалась: открытая эффективная реабилитация Фрича с указанием причин его отставки; порицание командования СС и руководства гестапо; немедленное увольнение Генриха Гимmlера, Гейдриха и других лиц, которым было поручено вести следствие по его делу; наказание конкретных гестаповских чиновников. — См.: *W. Foertsch. Generaloberst Ludwig Beck.*

²²⁹ См.: *H. Foertsch. Schuld und Verhangnis.* S. 129 ff, где излагается выступление Гитлера перед генералами и адмиралами 13.6.1938 г. на аэродроме Барт в Форпоммерн относительно дела Фрича. «Все это в целом представляется ему (Гитлеру) истинной трагедией». Хотя оправдание произошло еще 18.3.1938 г., Гитлер только 30.3 направил Фричу

Я убедился в том, что Браухич ставил на карту свой аванс доверия Гитлера, однако вовсе не привлек этим генералов на свою сторону. Я обратил его внимание на данное обстоятельство и посоветовал не подвергать и дальше риску свой престиж у Гитлера в этом деликатном деле. Но генерал, идейный лидер оппозиции, никак не успокаивался. Он был подстрекателем, он стал злым духом своего нового шефа, однако генералы все-таки охотно слушали его. Куда же подевался девиз: «Le roi mort, vive le roi!»? ²³⁰ Такогого тогда в сухопутных войсках не слышалось, и это не осталось без роковых последствий.

Адмирал Дёниц в 1943 г. тоже получил тяжелое наследство как преемник Редера; в военно-морском флоте противостояли друг другу два различных мировоззрения. Но Дёниц, невзирая ни на что, сделал правильные выводы и окружил себя людьми, пользовавшимися его доверием, причем сделал это со 100-процентным успехом! Для меня несомненно, что генерал Бек со времени отстранения Фрича являлся виновником серьезнейшего ухудшения отношений между Браухичем и Гитлером. Бек служил воплощением представления о большом генеральном штабе: тогда его начальник [Гельмут фон Мольткестарший. — *Прим. пер.*] был духовным «вождем» армии, «верховным руководством», а главнокомандующий сухопутными войсками — лишь генеральным инспектором и осуществлял то, что считало нужным это «верховное руководство» во главе с начальником генштаба. Какими мотивами руководствовался Бек, уже тогда делая первый шаг на пути в лагерь движения Сопротивления, приведший его к государственной измене, я не знаю! Было ли это поначалу уязвленное самолюбие, или же его собственное притязание на пост главнокомандующего сухопутными войсками, мне неизвестно²³¹.

ничего не говорящую записку от руки, на которую тот ответил 7.4: восстановление своей чести он предоставляет ему (фюреру).

²³⁰ «Король мертв, да здравствует король!» (*фр.*)

²³¹ Присущему Кейтелю пониманию солдатской верности неприемлемо, чтобы офицер, занимающий ответственный пост, следуя голосу собственной совести, мог стать в оппозицию к своему начальнику! Мотивы поведения Бека видны из его знаменитого первоначально устного доклада Браухичу 16.7.1938 г. по поводу грозящей войны против Чехословакии. В нем Бек говорил: «Это означает недостаточное пони-

Несомненно одно: никто не нанес Браухичу такого ущерба в глазах Гитлера, как Бек вместе с сильно ожесточившимся полковником Хоссбахом²³² и 1-м адъютантом главнокомандующего сухопутными войсками полковником Зивертом²³³. Это была старая гвардия Фрича — оба они являлись защитниками его интересов. Браухич служил для них средством достижения цели; несмотря на предостережения, он не желал делать ничего иного. Я всегда прикрывал Браухича при встречах с фюрером не столько из чувства воинского такта и приличия, сколько из собственных эгоистических соображений. Ведь я всегда чувствовал себя в отношении Гитлера ответственным за его выбор. Из товарищеских чувств я помог Браухичу окончательно порвать с его первой женой и обеспечить ее материально, хотя лично меня это не касалось. Генералитет же никогда не обожествлял Браухича так, как прежде Фрича. Но когда генералы потеряли и Браухича²³⁴, они поняли, кого имели в его лице.

Браухич испытывал честное стремление служить Гитлеру, и [Нюрнбергский] процесс главных военных преступников не должен затушевывать эту истину. Он желал всего наилучшего также и самому Гитлеру, но так и не сумел правильно повести себя по отношению к тому. Я считаю вправе обвинять именно себя или мою слабость по отношению к Гитлеру, ибо я имел больше причин и больше права обвинять фюрера и говорить о нем подобное; нам по меньшей мере нечего упрекать себя за это.

Добрую неделю после моего вступления в должность длилось совещание в Бергхофе без указания причин. Когда я одним

мание масштаба задачи, когда солдат, занимающий высший пост в такое время, видит свой долг и свои задачи лишь в ограниченных рамках своих военных поручений... Необычные времена требуют необычных действий».

²³² Считая Хоссбаха, испытывавшего глубокую тревогу, сторонником идей Бека, Кейтель воспринимал его как противника и добивался устранения из окружения Гитлера.

²³³ Карл Зиверт к 1944 г. стал генерал-лейтенантом и командиром 56-й пехотной дивизии.

²³⁴ Генерал-фельдмаршал фон Браухич был по собственной просьбе смещен Гитлером с поста главнокомандующего сухопутными войсками 19.12.1941 г. в связи с кризисом во время битвы за Москву. Главнокомандующим этими войсками стал тогда сам Гитлер.

февральским утром [12.2.1938 г.] доложил о своем прибытии на виллу Гитлера, тот сказал мне: через полчаса у него назначен визит австрийского федерального канцлера Шушнига²³⁵; ему надо с ним серьезно поговорить, ибо взаимоотношения между обоими братскими народами требуют разумного решения и разрядки. Он пригласил меня для того, чтобы Шушниг увидел в ближайшем окружении фюрера и военных; придут еще Рейхенау²³⁶ и Шперрле²³⁷. Это должно произвести впечатление на визитера. Однако мы, генералы, в самом совещании участия не принимали и за весь день до отъезда Шушнига так и не узнали, каковы вообще были предмет и цель переговоров в более узком смысле слова, а потому безумно скучали. Нас пригласили только к обеду и вечернему кофе, во время которых состоялась непринужденная беседа. Это подтвердил на [Нюрнбергском] процессе и австрийский министр иностранных дел Гвидо Шмид.

Разумеется, в течение этого дня я понял, что вместе с двумя другими генералами уже самим фактом своего присутствия служил средством достижения поставленной цели и первый раз в своей жизни играл какую-то роль²³⁸.

Когда Гитлер вошел в кабинет, из которого только что вышел Шушниг, на мой вопрос, каковы будут его приказания, он бросил: «Никаких. Садитесь!» Последовала короткая индифферентная беседа; через десять минут Гитлер разрешил мне идти.

Какое неизгладимое впечатление произвела эта встреча на Шушнига, показал [Нюрнбергский] процесс²³⁹.

---

²³⁵ Карл Эдлер Шушниг (1897 г. рожд.) — федеральный канцлер Австрии с 1934 г. до 1938 г.

²³⁶ Генерал фон Рейхенау до 4.2.1938 г. — командир 7-го армейского корпуса, командующий 4-й группой войск (Лейпциг).

²³⁷ Генерал авиации Гуго Шперрле, прежде — командир легиона «Кондор» в Испании, намечался на пост командующего 4-м воздушным флотом (Мюнхен).

²³⁸ Тем самым Кейтель хочет сказать, что здесь он играл, как на сцене, определенную роль, а именно — роль статиста.

²³⁹ См. показания Кейтеля на процессе в Международном военном трибунале, а также мемуары Фрица фон Папена, где дано описание этой сцены. Папен писал как бывший посланник в Вене: «Когда Шушниг покинул его (Гитлера) кабинет, из открытой двери донесся крик: «Генерал Кейтель! Куда запропастился этот Кейтель?.. Пусть не-

Ночь я, впервые за все эти годы, провел в доме фюрера, а на рассвете покинул его, чтобы немедленно осуществить вместе с Йодлем и Канарисом [начальник абвера] приказанный обманный маневр²⁴⁰. В действительности никаких мер военного характера в результате достигнутого соглашения не последовало, и речь о них не заходила. Сам фюрер тогда о военном конфликте не думал — во всяком случае именно так мне было поручено проинформировать главнокомандующего сухопутными войсками.

Тем неожиданнее стало полученное 10 марта требование Гитлера осуществить вооруженное вступление в Австрию. Я был вызван в Имперскую канцелярию и кратко информирован об этом намерении фюрера, поскольку Шушниц только что объявил о проведении народного голосования относительно соглашений с Гитлером. Фюрер рассматривал это как разрыв соглашений и приказал ускорить действия Шушница военной интервенцией.

Я предложил немедленно вызвать главнокомандующего сухопутными войсками и начальника его генштаба, чтобы Гитлер смог отдать свои приказы непосредственно им. Мне было совершенно ясно, что Бек просто-напросто заявит о ее невозможности, но докладывать подобное я фюреру никогда не смогу! Поскольку Браухич находился в служебной командировке, я вместе с Бекком поехал в Имперскую канцелярию. Возражения Бека Гитлер сразу же решительно отверг, и тому не осталось ни-

---

медленно явится ко мне!»». См. по этому вопросу: Einstadt. Von Dolfuss zum Hitler, S. 364 f.

²⁴⁰ Лейтмотивом этого маневра была мысль о вторжении, но при этом самого вторжения не готовить. См. показания Кейтеля на Нюрнбергском процессе (IMT-Prozess, Bd. X., S. 556 f.): «Могу дать здесь показания только о том, что пережил я, когда Гитлер послал меня к командованию сухопутными войсками и когда генерал Бек вошел в кабинет, я сказал ему, что фюрер требует немедленно явиться к нему и доложить о ходе подготовки, необходимой для эвентуального вступления в Австрию. На это он ответил мне: «Мы ничего не готовили. Не произойдет ничего, равным счетом ничего!» О позиции Браухича по вопросу о вступлении в Австрию см. показания Йодля на Нюрнбергском процессе. Он (Йодль) в ночь с 11 на 12 марта 1938 г. встретил Браухича в совершенно расстроенных чувствах; тот явно боялся конфликта с Италией или Чехословакией... «Так или иначе, он был очень подавленным».

чего другого, как повиноваться, а через несколько часов доложить, какие именно войска будут готовы выступить 12-го рано утром и войти в Австрию. 11. 3. [1938 г.] вечером, после того как этот приказ временно был отменен, Браухич покинул Имперскую канцелярию с окончательным приказом на выступление.

Только в 20 часов (т.е. вечером 11.3.1988 г.) я вернулся домой, где меня уже ожидали заранее приглашенные на прием гости. Среди них случайно находились, наряду с разнообразным обществом в штатском и в военных мундирах, австрийский посланник и австрийский военный атташе. Дело в том, что приглашения на прием были разосланы за три недели вперед — никто не думал и не помышлял тогда, что 12 марта 1938 г. станет историческим днем первостепенного значения. Я очень быстро заметил, что австрийские гости вели себя непринужденно и явно не знали, что произойдет уже в ближайшие часы. Этот светский раут послужил лучшей и притом непреднамеренной маскировкой вступления в Австрию.

Наступившая ночь стала для меня сущим мучением. Один за другим раздавались звонки из генерального штаба сухопутных войск — от Браухича, а около четырех часов утра — от тогдашнего начальника штаба оперативного руководства вермахта генерал-лейтенанта Фибана²⁴¹. Все они заклинали меня побудить фюрера отказаться от выступления. Конечно, я и не думал задавать фюреру хоть один-единственный вопрос по этому поводу, однако обещал. Но уже спустя какое-то короткое время сообщил им отрицательное решение. Фюрер так никогда и не узнал об этом, иначе его оценка командования сухопутных войск явилась бы уничтожающей, а именно этого я и хотел не допустить.

12.3 [1938 г.] в 6 часов утра фюрер и я вылетели из Берлина; он хотел лично присутствовать при триумфальном вступлении [вермахта] на свою родину [Австрию] и сопровождать войска. Мы прежде всего отправились на командный пункт генерала фон Бока²⁴², который доложил о действиях и маршрутах продвижения войск, поскольку фюрер пожелал нагнать и лич-

---

²⁴¹ Макс фон Фибан (1888—1980), генерал-лейтенант, с 5.2 до апреля 1938 г. — начальник управленческой группы руководящего штаба.

²⁴² Федор фон Бок, тогда генерал пехоты, командующий 8-й армией, предназначенной для вступления в Австрию.

но приветствовать их. Отсюда состоялся памятный разговор с Муссолини, которому фюрер с курьером, вылетевшим самолетом ранее, послал написанное от руки описание своих действий. Муссолини подтвердил получение и поздравил Гитлера с успехом. В ответ на это Гитлер произнес свои знаменитые слова: «Дуче, я никогда не забуду этого!»²⁴³

В полдень мы при нескончаемом ликовании населения медленно проезжали через Браунау — город, где в 1889 г. родился Гитлер. Он показал нам школу, где учился²⁴⁴.

Хотя нам постоянно приходилось задерживаться из-за обгона движущихся войск и из-за восторженных толп народа в каждой деревне и каждом населенном пункте, вечер мы все же провели во втором отчем городе Гитлера — Линце. Было уже темно, когда мы вместе с подсевшим к нам в машину у въезда в город Зейсс-Инквартом²⁴⁵ въехали в Линц. Гитлер произнес перед собравшейся на рыночной площади толпой речь с балкона ратуши. Людская масса была в неопишемом восторге; ничего подобного мне до сих пор видеть не доводилось. Разумеется, ни о какой стрельбе при наступлении наших войск я и не думал, но такого приема никак не ожидал.

Следующий день (воскресенье) мы пробыли там же; он [Гитлер] был очень занят правительственными делами (аншлюс). После полудня прошел короткий парад германских и австрийских войск перед нашим отелем [«Вайнцингер»].

---

²⁴³ Здесь Кейтелем допущена явная ошибка. 11.3.1938 г. Гитлер говорил со своим «курьером» — принцем Филиппом Гессенским, зятем итальянского короля Виктора-Эммануила III. Принц передал из Рима согласие Муссолини с аншлюсом Австрии, на что Гитлер ответил теперемонтными заверениями, что он никогда не забудет этого одобрения со стороны дуче. 13.3.1938 г. он послал Муссолини телеграмму с приведенными выше словами. О каком-либо телефонном разговоре Гитлера с Муссолини ничего не известно.

²⁴⁴ В действительности Гитлер никогда не учился в школе г. Браунау. Его отец, королевско-императорский австрийский таможенник Алоиз Гитлер, был переведен оттуда через год после рождения будущего фюрера.

²⁴⁵ Артур Зейсс-Инкварт в течение двух дней до аншлюса (11—12.3.1938 г.) — австрийский федеральный министр. В 1940—1945 гг. — имперский комиссар Нидерландов. Вместе с Кейтелем был подсудимым на Нюрнбергском процессе, казнен по приговору суда.

На следующий день состоялось грандиозное вступление наших войск в Вену. До глубокой ночи в отеле (к сожалению, мой номер выходил окнами на улицу) было не до сна. Плотной сбившаяся в кучу масса без усталости вопила: «Мы хотим видеть нашего фюрера!» Навсегда запомнился исторический митинг на Бургплац, где фюрер закончил свою речь словами: «Возвещаю немецкому народу о возвращении моей австрийской родины в Великогерманский рейх!» Затем был парад германских и австрийских войск.

Вечером мы вылетели из Вены в Мюнхен. Этот полет в лучах заходящего солнца — самое яркое переживание и самый яркий спектакль в моей жизни... Увидев мой восторг, Гитлер со слезами на глазах сказал мне всего несколько слов: «И вот все это снова стало германским!»

По прибытии [в Берлин] я на следующее утро вызвал к себе начальника центрального управления майора Кляйнкампа. Он доложил мне, что в гостевой комнате, которую я приказал оборудовать в квартире Бломберга после его выезда оттуда, заперся генерал фон Фибан, начальник оперативного управления. Я сразу же попросил к себе Йодля, который, со своей стороны, тоже хотел переговорить со мной об этом.

Генерала Фибана особенно настойчиво рекомендовал фюреру генерал граф фон дер Шуленбург²⁴⁶ — бывший командующий (в Первой мировой войне) армией, а потом группой армий «Германский кронпринц». Фюрер, считаясь с рекомендацией Шуленбурга, не раз советовал мне взять Фибана в штаб оперативного руководства. Сам генерал Шуленбург был близок к [нацистской] партии и являлся одновременно обергруппенфюрером СА и СС. Поскольку должность начальника штаба оперативного руководства вермахта была вакантной, я выполнил желание фюрера (Йодль занимал ее тогда по совместительству как начальник отдела обороны страны). Поначалу это казалось мне разумным решением; я надеялся, что оно поможет преодолеть напряженность между мной и Бекком, так как Фибан был дружен с Бекком. Мне казалось, что он может оказать равно-

---

²⁴⁶ Граф Фридрих фон дер Шуленбург (1865—1935), генерал кавалерии в отставке, был владельцем крупного поместья в Мекленбурге, состоял в НСДАП с 1931 г. и был удостоен высокого звания в СС.

вешивающее воздействие. Но я ничего не смог поделать с этим загадочным для меня человеком, а Йодль — еще менее. В результате ночных заклинаний Фибана непосредственно перед вступлением в Австрию я просто не знал, что предпринять с ним. В мое отсутствие он устраивал Йодлю дикие сцены. Я был рад снова работать только с одним Йодлем²⁴⁷.

Конец марта принес с собой оправдательный приговор на процессе Фрича²⁴⁸. Барон отправился в оборудованный для него в свое время загородный дом на полигоне Берген (около Юльцена), чтобы пожить в полном одиночестве, подальше от людей и крупных городов. Об этом фюрер лично сообщил берлинскому генералитету в своем выступлении в Имперской канцелярии. В заключение он сказал, что приказал расстрелять свидетеля обвинения за его бессовестную ложь, породившую такие чудовищные дела. Через несколько недель Канарис сообщил мне, что гестапо приказа о расстреле не выполнило. Мне стало ясно: свидетель этот — продажное орудие других, — тех, кто заплатил ему за его грязное дело спасением от расстрела.

Я потребовал от Канариса выяснения всех обстоятельств, так как должен был доложить фюреру. Канарис попросил меня никоим образом не использовать его информацию: он только лишь слышал от других, но немедленно выяснит все у Гейдриха (начальник Главного управления имперской безопасности. — *Прим. пер.*). Через несколько дней он доложил мне, что приказ фюрера уже приведен в исполнение, и выразил свое удовлетворение этим. Сегодня я убежден, что первое сообщение Канариса было верным и что он отказался от него только из страха перед Гейдрихом и моего доклада Гитлеру²⁴⁹. Мое доверие к Канарису обошлось мне впоследствии куда дороже.

---

²⁴⁷ После своей отставки генерал-лейтенант фон Фибан получил тяжелый инфаркт. Полковник Йодль возглавил штаб оперативного руководства вермахта (официально это название — *Wehrmachtführungsstab* — было введено только 8.8.1940 г.).

²⁴⁸ Генерал-полковник барон фон Фрич, как уже указывалось, был оправдан 16.3.1938 г.

²⁴⁹ По признанию Кейтеля, адмирал, в сущности, всегда оставался для него «загадкой и книгой за семью печатями». Но Канарису удалось на сей раз восстановить уменьшившееся доверие Кейтеля: главный

Осуществленное по приказу Гитлера немедленное включение австрийской армии (бундесхеер), формирование двух корпусов, двух пехотных и одной горнострелковой дивизии, а также одной танковой дивизии из крупных национальных групп рейха поставили перед главнокомандованием сухопутных войск (ОКХ) новые широкие организационные задачи, а таким образом, само собою разумеется, первый выход за рамки программы, предусматривавшей наличие в германских вооруженных силах 36 дивизий. Гитлер лично объехал несколько мест дислокации соответствующих частей в новой Остмарке²⁵⁰, он приветствовал формирование новых намеченных соединений и призыв рекрутов. Вопросом высшего честолюбия для него было в рамках старо-прусской системы и под руководством избранных немецких офицеров рейха создать здесь за короткое время образцовые соединения — не без прицела на Чехословакию, которая не только была обескуражена решением австрийского вопроса, но и никак не могла быть заинтересована в нем.

20 апреля [1938 г.] я впервые, вместе с главнокомандующими трех составных частей вермахта, принял участие в церемонии поздравления фюрера с днем его рождения.

Геринг (он после отставки Бломберга был произведен в генерал-фельдмаршалы и, таким образом, стал самым старшим по званию офицером вермахта) в своей краткой речи высказал от имени вооруженных сил наилучшие пожелания, затем последовали обычные рукопожатия, после чего все отправились на парад в Тиргартен, в котором участвовали специально выделенные части. Днем мы узким кругом побывали в гостях у фюрера.

Вечером [20 апреля], незадолго до отъезда фюрера в Бергесгаден, я был вызван к нему в Имперскую канцелярию. Здесь он дал мне неоднократно упоминавшуюся на [Нюрнбергском] процессе директиву приступить к предварительной генштабовской разработке [плана военных действий] на случай конфликта с Чехословакией. Как и всегда, он произнес целую речь,

---

свидетель обвинения действительно был расстрелян; правда, без суда и следствия, т. е. опять же в нарушение закона.

²⁵⁰ Ostmark (Восточная марка) — нацистское наименование присоединенной Австрии. — *Прим. пер.*

в которой изложил свои мысли насчет того, что проблема эта рано или поздно должна быть решена. Во-первых, ради проживающих там немцев, тягчайшим образом угнетаемых чешским государством, а также ввиду неприемлемого для нас стратегического положения в условиях предстоящего огромного столкновения на Востоке — не только с Польшей, но и прежде всего с большевизмом. Его самое святое убеждение: отсюда рейху грозит величайшая опасность; Чехия послужит тогда трамплином для Красной Армии и ее авиации; враг быстро окажется у Дрездена и в центре рейха. Хотя он и не намерен по собственной инициативе развязывать войну против Чехии, но может возникнуть такая расстановка сил, когда действовать придется молниеносно.

Данные мне инструкции, которые я выслушал молча и не без опасений, зафиксированы в так называемом документе Шмундта²⁵¹. Своими глазами я их так никогда и не видал. На следующий день я обсудил полученную мною директиву с Йодлем, и мы решили сначала отложить это дело, но все же подготовить «директиву» в требуемом духе. Имеющиеся [на Нюрнбергском процессе] материалы, а также дневниковые записи Йодля свидетельствуют об этом. Примерно через четыре недели я, по требованию Шмундта, направил проект «директивы» для ОКХ²⁵² в Бергхоф, сопроводив его часто упоминавшейся здесь

---

²⁵¹ «Документ Шмундта» представляет собой протокол совещания Гитлера с Кейтелем от 21.4.1938 г. по вопросу о плане «Грюн» (действия против Чехословакии или конфликт с нею). Основные положения: внезапное стратегическое нападение неприемлемо; начало военных действий после некоторого периода дипломатической напряженности; молниеносный удар под предлогом какого-либо инцидента (например, убийство германского посланника в Праге в связи с анти-немецкой демонстрацией); в политическом и военном отношении решающими являются первые четыре дня военных действий; если же больших успехов достигнуть не удастся, наверняка разразится европейский кризис.

²⁵² Гитлер получил проект своей директивы «Грюн» 20.5.1938 г. См. показания Кейтеля на Нюрнбергском процессе (IMT-Prozess, Bd. X, S. 569 f.) о протоколе Шмундта и высказываниях Гитлера: «Ведь вполне может случиться, что посланник будет убит!» На это я, как мне помнится, спросил: «Какой посланник?» Гитлер: «Началась же война в 1914 г. с убийства в Сараево [австрийского эрцгерцога Фердинанда]. Ведь такие

преамбулой от имени фюрера: «Я не намерен в обозримый период времени нападать на Чехословакию. <...>»

Йодль и я предусмотрительно утаили это от генерального штаба сухопутных войск, чтобы, как мы думали, избежать ненужного возбуждения. Просочилось ли тем временем что-нибудь об этом деле, или же фюрер сам высказал Браухичу аналогичные мысли, не знаю. Во всяком случае, возникла пространная памятная записка с военно-политической первой частью и анализирующей соотношение вооруженных сил — второй. Первая часть содержала оперативные соображения на случай вмешательства Франции (на основе заключенного ранее ею пакта о взаимопомощи) в чешский конфликт.

Браухич пригласил меня, чтобы совместно обсудить у Гитлера представленный документ. Ввиду резкого отклонения Гитлером проекта генштаба «Руководство вермахтом во время войны», который Браухич представил фюреру вскоре после своего вступления в должность, он теперь стал осторожнее. Это была та самая памятная записка, которая впервые была представлена Фричем еще при Бломберге в 1937 г. после маневров вермахта зимой 1937/38 г., а затем отозвана. Потом во время кризиса из-за Бломберга²⁵³ она была лично передана Бекком фюреру и в дальнейшем пережила свое третье возрождение уже при Браухиче²⁵⁴. Составленная мною и Йодлем по приказу фюрера па-

---

инциденты вообще-то могут происходить!» Далее Кейтель признал, что в этом крайне авантюристическом высказывании он не усмотрел никакого провокационного намерения. Кейтель также показал в Нюрнберге, что учитывая соотношение вооруженных сил [Германии и ее возможных противников], он считал военную акцию невозможной.

²⁵³ Кейтель ссылается здесь на составленную по собственной инициативе памятную записку Бека от 5.5.1938 г. «Соображения относительно военного положения Германии», чистовой экземпляр которой был 7.5.1938 г. вручен Верховному главнокомандующему. Но при этом Бек не имел ясного представления о соображениях Гитлера. В ней Бек, ввиду позиции Англии, характеризовал политическую договоренность относительно Чехословакии как возможную, предостерегал от военных действий и заявлял, что Германии европейскую войну никогда не выиграть.

²⁵⁴ Речь идет о памятной записке, первоначально составленной генералом фон Манштейном и затем поданной фюреру Браухичем 7.3.1938 г.

мятная записка²⁵⁵ вызвала сильное раздражение [у Браухича и Бека]. Ныне она находится в документах (Нюрнбергского суда), но, к сожалению, без того проекта ОКХ, который вызвал такой гнев Гитлера, расценившего этот проект как выпад лично против себя, от которого Браухич не сумел удержаться.

После того как памятная записка Бека относительно военных возможностей и перспектив Германии в случае войны с Чехословакией была бегло просмотрена Браухичем, я посоветовал ему ни в коем случае не представлять фюреру ее первую часть, ибо эти военно-политические соображения будут немедленно отвергнуты Гитлером, а вторую часть он вообще читать не станет. Мы сошлись на том, что Браухич представит фюреру только вторую часть, которую тот должен будет проштудировать. Так и было сделано, но это вызвало у Гитлера самый резкий протест: мол, данные необъективные, соотношение сил обрисовано слишком благоприятно для противной стороны (например, насчет французских танков и т.п.)²⁵⁶.

К этому добавилось тогда и еще одно крупное недовольство. К вполне обоснованному возмущению главнокомандования сухопутных войск, Геринг пожелал лично ознакомиться с состоянием строительства укреплений и посмотреть их, т.е., вернее сказать, проинспектировать. Доклад Геринга фюреру явился сплошным обвинением в адрес ОКХ: там, мол, ничего нет, а имеющееся совершенно неудовлетворительно, не построено даже ни одного самого примитивного полевого укреп-

---

²⁵⁵ Документ озаглавлен «Памятная записка о военном руководстве как организационной проблеме», был датирован 19.4.1938 г. и ссылался на памятную записку Браухича от 7.3.1938 г.

²⁵⁶ Меморандум генерала Бека состоял из трех частей. Часть 1-я содержала обзор военно-политического положения. Часть 2-я рассматривала возможное вмешательство Франции, а также Англии в случае германской агрессии против Чехословакии. Часть 3-я давала картину слишком слабого германского потенциала и завершалась прогнозом, что рейх длительную войну вести не сможет. Если Бек в перспективе был прав, то мнение Гитлера о недостаточной воле Франции начать войну в данный момент было более правильным. Бек о количестве танков и пр. не говорил, но Гитлер, весьма любивший блистать знанием цифр о военном производстве, именно этим аргументом и возразил Кейтелю.

ления. Пусть это даже преувеличено, но строительство оборонительных сооружений действительно еще находилось в самом зачатке. С согласия Бломберга, план постройки бетонированных укреплений и крупных опорных пунктов был рассчитан на 20 лет до его завершения. Правда, строительные работы уже начались (как Бломберг и я констатировали во время многодневной автомобильной поездки вдоль линии фронта), но все это и в самом деле находилось еще в начальной стадии, и лишь на отдельных участках, хотя и имелись готовые планы, которые были продемонстрированы нам на местности. Фюрер был крайне разочарован и обрушился на генштаб, который якобы саботирует его требования, с самыми резкими упреками, пригрозил, что передаст строительство укреплений Тодту²⁵⁷, поскольку штабы саперных войск бездельничают, и т.п. <...>

После того как Чехословакия столь же неожиданно, сколь и беспричинно 20 мая 1938 г.²⁵⁸ объявила (правда, затем отмененную) мобилизацию своей армии, что могло быть направлено только против Германии, Гитлер вернулся в Берлин с новыми планами и решениями. Заявив, что не намерен еще раз молча и безнаказанно проглотить такую провокацию (со стороны Чехословакии), он потребовал наиболе быстрого приведения войск в боевую готовность. Это нашло свое выражение в измененной им «директиве»: «Мое не подлежащее никакому изменению решение — разгромить Чехословакию при первом же представившемся случае»²⁵⁹.

---

²⁵⁷ Фриц Тодт (1891—1941), доктор инженерных наук, генерал-майор авиации, с 1933 г. — генеральный инспектор германских дорог. В 1938 г. ему было поручено возглавить строительство Западного вала. В 1940 г. был назначен министром вооружения и боеприпасов.

²⁵⁸ Точная дата: 21.5.1938 г. Начальник генерального штаба чехословацкой армии генерал Крейчи объяснил германскому военному атташе в Праге полковнику Туссену этот шаг — фактически не имевшей места — концентрацией германских войск в Саксонии.

²⁵⁹ См. документ 388-Р: директива «Грюн» от 3.5.1938 г., где содержится дословная формулировка Гитлера: «Моим непоколебимым решением является разбить Чехословакию в ближайшем будущем путем проведения военной кампании. Дело политического руководства — выждать или создать подходящий для этого момент, выгодный в политическом и военном отношении». — Цит. по: *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма: Исторические очерки, до-

Главкомандующий сухопутными войсками Браухич медленно получил соответствующий устный приказ, который был затем подтвержден вышеупомянутой «директивой».

Одновременно строительство укреплений на Западе под названием «Западный вал» было поручено генеральному инспектору дорожного дела Тодту, который получил приказ, в соответствии с военно-тактическими планами и указаниями штабам саперных войск максимально ускорить при помощи руководства дорожного строительства постройку укреплений. Цель — возвести за полтора года 10 тыс. бетонных сооружений, от бункеров до мощнейших укреплений, в том числе до осени — по изготовленным самим Гитлером чертежам — 5 тыс. блиндажей минимального масштаба, обеспечивающих безопасность от обстрела мортирами и снарядами крупного калибра; главный участок: Ахен-Карлсруэ.

Отдав все важные приказы, вызвавшие у представителей ОКХ лишь скептическое покачивание головой и ругань по адресу ОКВ, Гитлер посетил в Ютербоге опытные стрельбы по бетонным укреплениям из тяжелых полевых гаубиц и мортир, чтобы затем уточнить объем необходимого для строительства бетона и толщину плит. Он требовал, чтобы они устояли перед ожидаемым усовершенствованным оружием массового воздействия. В заключение он в офицерской столовой выступил перед присутствовавшими на опытных стрельбах командирами армейских корпусов²⁶⁰.

кументы и материалы. М., 1973. Т. 1. Подготовка и развертывание нацистской агрессии в Европе, 1933—1941. С. 256. — *Прим. пер.*

²⁶⁰ Кейтель нечетко датирует это событие. Описание его дано в памятной записке от 16.7.1938 г., которую Бек в присутствии Браухича прочел командирам корпусов в начале августа. Бек указал на то, что воинское повиновение имеет свои границы, и в случае необходимости высшие командиры вермахта должны иметь возможность подать в отставку со своих постов, если к их советам и предостережениям не прислушиваются. 16.7.1938 г. Бек попытался устно убедить Браухича в том, что задуманная коллективная памятная записка генералитета должна быть расширена с целью восстановления «нормального правового порядка, выяснения конфликтной ситуации с СС и с бюрократией».

Таким образом, речь идет здесь не о памятной записке от S.S.1938 г., а о третьей памятной записке Бека в его борьбе с агрессивными планами Гитлера. Вторая памятная записка от 3.6.1938 г. содержит резкую

Целью выступления Гитлера было ослабить, как он мне сказал, пораженческое воздействие памятной записки Бека относительно нашего потенциала и потенциала предполагаемого противника, подвергнув ее самой резкой критике. Друг Гитлера фон Рейхенау, все еще поддерживавший с ним личный контакт, сообщил ему, что Браухич зачитал эту памятную записку командирам армейских корпусов на одном совещании генералитета, и она произвела на генералов весьма неблагоприятное впечатление. Это, разумеется, было выстрелом Рейхенау, произведенным из засады по главнокомандующему сухопутными войсками. Следовательно, и здесь — интриги против армии, в которых Рейхенау и Гудериан²⁶¹ стремились превзойти друг друга в своем отрицательном отношении к Браухичу.

Выступление Гитлера было построено весьма искусно, оно убедительно вскрыло определенные слабые стороны памятной записки; во всяком случае, это была острая критика генерального штаба и его начальника, которая привела последнего к решению о своей отставке на том основании, что он «более не чувствует себя в состоянии руководить обучением офицеров генерального штаба». Беку была предоставлена «временная отставка»; его обязанности стал исполнять [генерал-полковник] Гальдер.

Предложение главнокомандующего сухопутными войсками поставить Бека во главе одной из групп армий фюрер категорически отклонил. Он видел в Беке «сверхумничающего» начальника генштаба, неисправимого пораженца, а тем самым — препятствие на пути осуществления своих планов и, не в последнюю очередь, возмутителя спокойствия в его [Гит-

---

критику политически близорукого и в военном отношении безосновательного поведения Гитлера. (Такую оценку Бек дал после произнесенной фюрером 25.5.1938 г. речи перед представителями вермахта, государства и партии. В ней Гитлер откровенно заявил, что хочет разбить Чехословакию.) Бек заявил, что даже если кампания против Чехословакии будет успешной, большую войну Германия проиграет, и резко выступил против «анархии» в руководстве вермахтом.

²⁶¹ Гейнц Гудериан (1888—1953), генерал танковых войск. В его мемуарах (*Heinz Guderian. Erinnerungen eines Soldaten. Heidelberg, 1951*) об особенных кознях против Браухича ничего не говорится, но они предполагаются со стороны Рейхенау.

лера] с Браухичем отношениях, не раз усложняя их. Я был согласен с Гитлером только в последнем пункте, причем исходя из собственного опыта.

Я отнюдь не проливал слез по Беку ввиду его бесстыдного обращения со мной²⁶², однако его выдающиеся способности признавал всегда. В то, что он еще в 1938 г. участвовал в изменнических происках и с того времени будто бы являлся их идейным лидером, я, зная его, не верю. Только озлобленное честолюбие и его глубочайшая ненависть к Гитлеру смогли привести к тому, что этот прежде безупречный служака вступил в сговор с врагом и оказывал ему поддержку в ожидании того переворота, для осуществления которого сам оказался слишком слаб. Он не был лидером по натуре, доказав это своим жалким поведением в качестве заговорщика, когда у него еще имелось время действовать и когда покушение на Гитлера (20 июля 1944 г. — *Прим. пер.*), пусть и неудачное, потребовало от него быть настоящим мужчиной, а не кунктатором, каковым он являлся. Это показывает и его тщетная попытка, сидя в кресле, вогнать в себя смертельную пулю²⁶³.

Лето 38-го было для ОКХ и ОКВ весьма трудным ввиду предварительной подготовки чешской операции (названной «Грюн»). Трудности носили организационный характер. Как при наличии всего 40 небоеспособных дивизий (включая Остмарк) подготовить силы и наступательные средства таким образом, чтобы не предпринимать никаких мобилизационных мер, стро-

---

²⁶² Негодование против Бека, которому Кейтель дает здесь выход, предположительно имело две причины. Первая: раздражение, вызванное тем фактом, что, по мнению Кейтеля, тот никогда не воспринимал всерьез составленные им и Йодлем планы формирования верхушки вермахта. Второе: Бек мог весьма хладнокровно и обдуманно излагать то, что не раз не сумел высказать сам Кейтель. — См. «Протокол Хос-сбаха», а также рукописи защитника Кейтеля д-ра Нельте (письменные показания под присягой — аффидэвит). Согласно этому аффидэвиту, Кейтель, при всей своей внешней солидности, был человеком чувствительным к своей личности и с весьма несложным характером.

²⁶³ После провала заговора генерал-полковник Бек, как уже отмечалось, вечером 20 июля 1944 г. (в здании на Бендлерштрассе. — *Прим. пер.*) дважды пытался застрелиться; во второй раз он нанес себе тяжелое, вероятно, смертельное, ранение. По приказу генерал-полковника Фромма он был пристрелен унтер-офицером.

жайше запрещенных Гитлером? Важнейшим средством для того являлось следующее: крупные маневры в Силезии, Саксонии и Баварии; привлечение нескольких сменных контингентов резервистов; формирование дивизий на войсковых учебных полигонах; сосредоточение подразделений Имперской трудовой службы для занятия позиций на Западе. Приходилось использовать все мыслимые незаметные хитрости, к числу которых относилась и имитация движения транспортных колонн. В целях маневров проводились переброски войск — они маскировались созывом очередного съезда НСДАП.

Задним числом можно только удивляться всему проделанному тогда сухопутными войсками. Их генеральный штаб во главе с Гальдером осуществил то, что казалось невозможным, и сумел скрыть то, что стояло за этими «маневрами». Дух изобретательства был просто непревзойденным! Гитлер лично проявлял инициативу в некоторых случаях и приказал главнокомандующему сухопутными войсками постоянно держать его в курсе дела.

В августе во время одной морской поездки по поводу инспектирования военно-морского флота Гальдер в моем присутствии доложил по карте фюреру конкретный оперативный план. Фюрер задал множество вопросов, но четкой позиции не занял, а потребовал карту с нанесенной группировкой войск и краткую пояснительную записку о намеченном ходе военных действий. Его особенно интересовали пункты прорыва пограничных укреплений, значение которых и сопротивляемость он досконально изучил. По этому вопросу имелись разногласия, особенно насчет применения тяжелой артиллерии, которой у нас было немного, а также насчет танковых войск и воздушной операции. Доклад Гитлеру закончился без однозначного «да» или «нет», он [Гитлер] пожелал все это проштудировать в спокойной обстановке. Гальдер оказался столь же умен, как и прежде, и немедленно передал карту и записку фюреру с просьбой как можно скорее принять решение, поскольку необходимо отдать приказ по армиям.

Возвратившись в Берлин, фюрер ознакомил меня со своей точкой зрения, которую я должен был сообщить Браухичу. После нескольких бесед со мной, выразив в общем и целом свое согласие, он возразил против принципиально неверного ис-

пользования танковых войск, которое пожелал исправить путем их массированного применения для прорыва с юго-запада через Пльзень в направлении Праги. Гальдер в разговоре со мной отказался внести в план эту поправку: нехватка тяжелой артиллерии вынуждает его к рассредоточению танковых сил для обеспечения прорыва пехоты в главных пунктах. Я не смог считать Гальдера неправым, но он был обязан настаивать на выполнении моего поручения, полученного мною лично от Гитлера, а потому попросил Браухича переговорить с фюрером, чего тот, впрочем, не сделал...

Во второй половине августа фюрер переместился в Берхтесгаден. В это время, 15 сентября, в Бергхофе состоялся первый исторический визит Чемберлена к фюреру. Вместе с имперским министром иностранных дел [Риббентропом] был приглашен и я. Этот визит премьер-министра мировой Британской империи показался мне тогда событием совершенно необычным. Я, как и всегда при переговорах по политическим поводам, присутствовал на встрече и проводах, не участвуя в самих переговорах; это казалось мне совершенно излишним даже при всем желании познакомиться с ведущими деятелями Европы, увидеть их и обменяться с ними обычными светскими любезностями.

Сразу же после отъезда Чемберлена я покинул Бергхоф. Гитлер результатом этого визита был явно неудовлетворен.

В первой половине сентября [1938 г.] [в Нюрнберге], как и ежегодно, состоялся имперский партийный съезд; он служил вместе с тем маскировкой уже начатого сосредоточения войск в районах маневров, расположенных так, что войска должны были двигаться то к чехословацкой границе, то в противоположном направлении.

Незадолго до того я передал фюреру в его мюнхенской квартире точный график операции «Грюн», содержащий все подготовительные меры, марши войск, отдачу приказов и т.д., отсчитываемые в обратном порядке для армии и авиации от «дня X». Этот график имел две характерные черты. Он должен был дать ответ на вопросы:

1. С какого именно момента передвижения войск нельзя будет больше держать в тайне и, соответственно, маскировать?

2. До какого последнего момента будет еще возможно остановить движение войск?

Это был поденный календарь, которым Гитлер мог руководствоваться в своих политических мерах, согласуемых по времени с ходом реализации военного плана. Я доложил ему об этом, подчеркнув, что Йодль разработал график по материалам, представленным видами вооруженных сил и в тесном взаимодействии с ними. Гитлеру было достаточно назначить «день X», и весь план стал бы автоматически прокручиваться, как кинофильм; можно было ежедневно видеть, что должно произойти в каждый день. Такой «план игры» в высшей степени удовлетворил Гитлера. Это был, пожалуй, единственный случай, когда я побывал в его весьма скромной квартире. После непродолжительного завтрака в расположенном поблизости ресторане я и [прикомандированный ко мне майор Лоссберг] вечером того же дня вернулись по имперской автостраде в Берлин. То был примечательный день!

Во время имперского партсъезда, на который мне и в этом году было приказано явиться, Гитлер спросил меня, изменил ли генеральный штаб план операции в соответствии с его желанием. Я позвонил Гальдеру, тот ответил отрицательно: изменить уже ничего невозможно — приказы отданы. Я попросил у Гитлера разрешения вылететь в Берлин, чтобы лично переговорить с Браухичем, ибо ради сохранения военной тайны нельзя было воспользоваться телефоном. Я решил ни в коем случае не возвращаться в Нюрнберг без результата. Разговор с Браухичем состоялся наедине; он осознал ситуацию, в которой находились и я, и он сам, и пожелал немедленно переговорить с Гальдером в том же духе. Через два часа я получил его ответ: любое изменение плана он отклонил как невозможное. И вот это-то я и должен был теперь доложить фюреру!

Я уже поближе познакомился с Гитлером и знал, что он будет недоволен — так оно и вышло. Браухича и Гальдера вызвали в Нюрнберг на следующий день. Совещание началось в отеле «Дойчер хоф» незадолго до полуночи и продолжалось несколько часов. Докладу об обстановке, о применении «современной боевой кавалерии» — танковых войск — и приводившиеся фюрером с первоначальным спокойствием соображения должны были убедить этих упрямец, которым я предложил весьма приемлемый компромисс. Я сожалел о потере столь драгоценного времени и ночных часов, ибо предвидел, что все это сопротив-

ление никак не оправдывает такого несгибаемого упорства и закончится для обеих сторон поражением. Около 3 часов утра так оно и произошло. Гитлер потерял терпение и в конце концов приказал им в соответствии с его требованием стянуть все танковые соединения и массированно использовать их для прорыва через Пльзень. Холодно и раздраженно он попрощался с обоими господами.

Когда мы утоляли в холле жажду после проигранной битвы, крайне возмущенный Гальдер спросил меня: «Чего он, собственно, хочет?» Это так разозлило меня, что я ответил: «Мне очень жаль, если вы этого до сих пор не поняли»²⁶⁴.

Мне все-таки удалось урезонить Браухича. Измененный приказ был сформулирован и теперь полностью отвечал требованиям Гитлера. Под конец, когда Гальдер писал приказы, я сказал Браухичу: «Зачем вы боретесь с ним, когда поле боя вами заранее потеряно? Ведь все мы не верим в то, что дело действительно дойдет до войны, а потому все это не стоит такого ожесточения, такого сопротивления. Вы только теряете свои козыри там, где делать этого не стоит. И, как всегда, в конце концов вынуждены капитулировать, а когда речь пойдет о том, быть или не быть, у вашей необходимой оппозиции не хватит авторитета».

Я столь подробно привел этот эпизод потому, что он, в таком отнюдь не решающем вопросе, дает характерный пример, симптоматичный для тех условий, в которых мы работали с Гитлером. Если он что-нибудь взял себе в голову, ни один человек на свете не мог отговорить его; он осуществлял свою волю если не вместе со своими советниками, то вопреки им.

---

²⁶⁴ Гитлер проявил себя ревностным приверженцем тезисов генерала Гудериана о будущей роли танковых войск как средства решения исхода сражения и об их массированном применении. По вопросу общей ситуации см. дневниковые записи Йодля от 7.9.1938 г. Германский военный атташе в Праге полковник Туссен выразил ему свое удивление по поводу наблюдающегося в чехословацком офицерском корпусе желания воевать. Йодль отмечает смятение Кейтеля, вызванное тем, что Браухичу не удалось улучшить отношение генералитета к Гитлеру. Йодль считает «весьма печальным», что Гитлера «поддерживают все, кроме ведущих генералов. Они все еще видят в Гитлере ефрейтора, а не величайшего германского государственного деятеля».

Во второй половине сентября [22—23.9.1938 г.] последовал второй визит Чемберлена; встреча произошла в Годесберге-на-Рейне. Браухич придал мне в качестве наблюдателя генерала Штюльпнагеля²⁶⁵ (в то время — 1-го обер-квартирмейстера) на тот случай, если потребуются военные меры. Я мог хотя бы поразвлечься с ним во время многочисленных политических совещаний, на которых нам, военным, присутствовать не полагалось. Однако к вечеру возникла напряженная обстановка.

Пока я созванивался с Йодлем, приказав выяснить этот вопрос с военным атташе в Праге, Гитлер диктовал письмо британскому премьер-министру, в котором заявлял: он считает себя полностью свободным в своих действиях и намерен в случае необходимости обеспечить германские интересы военными средствами, если нынешние переговоры станут беспредметными в результате чешской мобилизации²⁶⁶. К счастью, данное сообщение было опровергнуто Йодлем и самим Чемберленом, а потому на следующий день переговоры были продолжены и, хотя и не принесли решения, все же создали приемлемые предпосылки для того, чтобы избежать войны. Вечером мы в темноте вылетели в Берлин, стараясь не попасть в разразившуюся грозу. Незабываема картина электрических разрядов и мелькавших рядом с нами молний, наблюдаемая с высоты примерно в 3 тысячи метров. <...>

Известно, что вмешательство Муссолини послужило последним толчком к Мюнхенской встрече государственных деятелей четырех держав, которая состоялась в конце сентября [29.9.1938 г.] в здании на Кёниглихерплац. Во время приветствия участников [Мюнхенской] конференции я познакомился с [французским премьер-министром] Даладье, с которым у меня при посредничестве Франсуа-Понсе²⁶⁷ во время фуршета

---

²⁶⁵ Карл Генрих фон Штюльпнагель, генерал-лейтенант. Поддерживал тесную дружбу с Бекком и уже тогда был посвящен в его тайные планы силой не дать Гитлеру начать войну. См.: *W. Foerster. Generaloberst Beck; Helmut Krausnick. Vorgeschichte und Beginn des militärischen Widerstandes gegen Hitler. München, 1956.*

²⁶⁶ Далее Кейтель дает весьма общее освещение переговоров, ведущихся в Годесберге.

²⁶⁷ Андре Франсуа-Понсе, посол Франции в Германии. — См. его воспоминания о пребывании в Берлине (Mainz—Berlin, 1947).

состоялся краткий разговор. На самой конференции я не присутствовал, но в ней участвовал Геринг. Итог известен. Но мало кто знает, что именно Даладье сумел преодолеть упорное сопротивление английского премьера такими словами: «Мы не потерпим войны, пусть чехи уступят; мы просто заставим их принять эту аннексию [Судетской области]!» Слова его записал [шеф-адъютант вермахта при фюрере] Шмундт.

На совещании послов, которое должно было определить границу подлежащей аннексии территории, ОКВ тоже имело своих представителей, поскольку установление стратегической границы и включение в нее чешских пограничных укреплений играло значительную роль в военном отношении. Такова была полученная мною инструкция, которую я через моего наблюдателя довел до сведения представителей в качестве основной линии. Историческим фактом является выдающаяся роль в этом деле Франсуа-Понсе с его произнесенной в юмористическом тоне угрозой: «Давайте-ка заканчивайте! Старик (Гитлер) уже отправился в обратный путь к себе в Берлин!» Ради этих восточных вопросов Франция новой войны вести никак не хотела. Гитлер сознавал это, и его твердая вера во Францию, которой он неоднократно обещал никогда не воевать с нею из-за Эльзас-Лотарингии, к сожалению, стала роковой при решении польского вопроса, ибо Англия после Мюнхена мыслила иначе и вынудила встать на свою сторону противившуюся тому Францию.

Я убежден, что развернутое с лета 1938 г. с огромным использованием рабочей силы и материалов строительство западных укреплений оказало сильнейшее влияние на позицию Франции в отношении дружественной ей Чехословакии. Это строительство не могло укрыться от глаз французов, хотя и произвело на них впечатление гораздо большее, чем была действительная оборонная ценность этих укреплений осенью [19]38 г. Ведь в нашем распоряжении там имелось совсем немного дивизий, дополненных 300 тыс. человек из Имперской трудовой службы и импровизированными резервными формированиями с совершенно недостаточным вооружением и оснащением. Все это можно было назвать гигантским блефом. Премиями, введением ночных смен обеспечивался огромный успех, и на строительстве укреплений достигались наивысшие результаты. Каж-

дую неделю Тотт был обязан докладывать о количестве готовых блиндажей, и таким образом их число (вместе с недостроенными) на 10.10.[19]38 г. составляло 5 тысяч.

Еще в мае мне довелось сопровождать фюрера при инспектировании ведущихся тогда еще лишь сухопутными войсками строительных работ. Руководство осуществлялось командованием 2-й группы армий (Кассель). Генерал Адам, до того занимавший пост начальника Военной академии в Берлине, являвшейся детищем Бломберга, по моему предложению был назначен вместо генерала кавалера фон Лееба²⁶⁸ и 1.4.[19]38 г. стал командующим этой группой армий. Я считал тогда, что такой способный и высокоодаренный генерал (до Бека он был начальником генерального штаба) не должен и дальше стоять в стороне от дел в качестве начальника Военной академии, и перевел его в распоряжение Браухича. Как командующий группой армий «Запад» Адам приветствовал фюрера и сделал вступительный доклад из расчета обещанных ему ОКХ контингента войск с учетом тогдашнего состояния укреплений. Его доклад соответствовал взглядам начальника генштаба Бека и — как сказал мне позднее Адам — имел ярко выраженную тенденцию возможно резко подчеркнуть слабость того сопротивления наших войск западнее Рейна, которое они будут способны оказывать всего несколько дней. Это в первую очередь отвечало намерению в любом случае удержать Гитлера от осуществления вызывавших страх, хотя уже и не совсем не известных планов войны против Чехословакии.

Генерал Адам, предположительный командующий Западным фронтом, как это делает любой командующий, охотно воспользовался случаем «выбить» существенное усиление его несомненно недостаточных сил (никогда не вредно иметь войск побольше) и выразил это желание в такой свойственной ему прямолинейной форме, которую никак нельзя было назвать дипломатичной.

Это вызвало сильное раздражение Гитлера, и он резко отклонил просьбу Адама; возникла весьма неприятная ситуация сильнейшей надвигающейся грозы. Фюрер бросил лаконичное

---

²⁶⁸ Лееб в процессе кризиса из-за «дела Фрича» был временно отпущен в резерв.

«спасибо», оборвал Адама на полуслове и разрешил ему идти. Тут ему подвернулся под руку я, и он сказал мне, что генерал Адам крайне разочаровал его и потому должен быть снят: генералы, которые заранее не верят в выполнимость поставленных перед ними задач, ему не нужны! Все мои попытки уговорить Гитлера, что это вовсе не является убеждениями Адама и генерал способен на гораздо большее, что он — один из одареннейших командиров сухопутных войск, не помогли. Браухичу пришлось выслушать то же самое, и этого выдающегося генерала отправили на пенсию!²⁶⁹

Затем мы большими бросками объехали на автомашинах всю линию фронта. Она была проложена во многих местах по приказу Гитлера как политическая граница — например, у Ахена, Саарбрюккена и т.п. Гитлер повсюду вмешивался в вопросы оборудования позиций и объявлял взгляды генштаба неправильными и ошибочными. С данными им на месте приказами следовало ознакомить Браухича.

В конце августа я сопровождал Гитлера в его второй поездке на ускоренно строящиеся укрепления. С нами был генерал Вицлебен²⁷⁰. Он получил ряд конкретных указаний о дальнейших улучшениях оборонительных сооружений, приказ о кото-

---

²⁶⁹ Историю с Адамом см. в показаниях Кейтеля на Нюрнбергском процессе, цит. в кн.: *IMT-Prozess, Bd. XX, S. 622*. Там Адам приводит ставшее ему известным высказывание Гитлера на совещании начальников штабов крупных соединений: «Генерал Адам сказал, что Западный вал можно удержать только три дня. Я же говорю вам, что его можно удерживать три года, если на нем будут сражаться настоящие немецкие солдаты». Во время второй поездки Гитлера на Западный вал снова произошла его стычка с Адамом. Йодль записал в своем дневнике в конце августа 1938 г. слова Гитлера: «Тот, кто не удержит эти позиции, — просто каналья!» Генерал Адам сам подал в отставку и больше на действительной службе не использовался. К тому же ему припомнили его прежнее отрицательное отношение к национал-социализму.

²⁷⁰ Эрвин фон Вицлебен (1881—1944), генерал пехоты (позднее — генерал-фельдмаршал, командир 3-го армейского корпуса в Берлине, затем [после 31.10.1938 г.] преемник Адама в качестве командующего 2-й группой армий. Во время сентябрьского кризиса был глубоко посвящен в планы государственного переворота против Гитлера. После провала заговора 20 июля 1944 г. повешен. Если только Кейтель не допускает ошибки, Вицлебен предназначался тогда на пост командующего группой армий «Запад».

рых был незамедлительно дан Тодту. За сухопутными войсками оставались лишь тактические рекогносцировки, указания мест постройки и определение характера укреплений. Вместе с тем эта поездка послужила пропаганде с целью запугивания Франции.

Уже вскоре после Мюнхена мне стало ясно, что Гитлер, хотя и вполне довольный тем политическим успехом, которого он добился в отношении Англии, должен был все же отказаться от стратегического решения чехословацкой проблемы. А потому он хотел либо договорными обязательствами, либо если это не удастся, то и силой заставить Чехословакию пойти на военное сотрудничество с Великогерманским рейхом и стать зависимой.

После того как бесперспективность планов приобретения Чехословакии мирным путем весьма скоро стала явной ввиду единодушной поддержки этой страны европейскими державами, уже в конце октября [19]38 г. стал принимать конкретные очертания новый план: при ближайшей же okazji военным путем устранить это рассматриваемое в качестве противника государство, ослабленное потерей своих пограничных укреплений. Таким образом, уже в конце октября родились подготовительные «указания» ОКВ о сохранении боевой готовности к тому моменту, когда так или иначе появятся такие политические предпосылки, для реализации которых можно будет использовать стремление Словакии к своей независимости.

Окончательное урегулирование чешского вопроса было заморожено. Генерал Йодль в конце октября [1938 г.] покинул ОКВ, чтобы занять свой пост командующего артиллерией в Вене²⁷¹. Верь я в возможность предстоящей войны, то последовал бы его примеру. После истории с генералом Фибаном я отказался от идеи назначить на должность начальника штаба оперативного руководства вермахта нового человека и передал его дела по совместительству полковнику Варлимонту — начальнику отдела обороны страны — Л.

Величайший интерес вызывали не только у военных, но и, разумеется, у самого Гитлера чешские пограничные укрепления.

---

²⁷¹ Йодль, тогда в звании генерал-майора, был назначен командиром 64-го артиллерийского полка в Штаммсдорфе около Вены.

Они были сооружены по образцу французской линии Мажино под руководством французских инженеров-фортификаторов. Мы были просто поражены мощностью крупных заградительных фортов и артиллерийских укрепленных позиций. В присутствии фюрера были произведены опытные обстрелы из наших орудий. Нас потрясла пробивная способность наших 88-миллиметровых зенитных орудий, снаряды которых прямой наводкой полностью пробивали обычные блиндажи с расстояния до 2000 метров. Ведь именно такую задачу фюрер предварительно ставил их применению: значит, он был прав, когда отдавал приказ об их использовании.

В начале ноября [1938 г.], после того как ОКВ получило директиву разработать план возвращения Данцига (ныне — Гданьск. — *Прим. пер.*) и Мемельской (Клайпедской) области²⁷² на тот случай, если однажды возникнет подходящая для этого расстановка сил, я предпринял поездку с целью инспектирования укреплений на восточной границе. Он [Гитлер] заявил мне, что хочет убедиться в силе крепостных сооружений против Польши. Ведь никак нельзя знать, не возникнет ли из операции с Данцигом, возврат которого в рейх является его незыблемой целью, конфликт с Польшей.

Я попросил Браухича подготовить такую инспекционную поездку. Я сказал ему: совершенно немыслимо, что он, как во время обеих поездок [фюрера] на Запад, снова уклонится от своего личного участия и предоставит мне передать дальше критические замечания и указания фюрера, а сам так никогда и не получит возможности сейчас или в будущем влиять на ход этих дел. Его метод постоянно уклоняться путем своего отсутствия, когда надо собственным вмешательством расчистить путь или же не допустить «вмешательства» фюрера, уже давно стал мне ясен и обременителен. А потом он будет спорить со мной и приписывать мне, что именно я не отстаивал интересы сухопутных войск! Мое предположение было бы более чем оправданным, если бы генерал саперных войск Фёрстер не отстаивал так отважно по большей части уже построенные крупные укрепления

---

²⁷² Согласно директиве от 24 октября 1938 г. и дополнительной директиве о захвате Данцига (посредством внезапного нападения при благоприятной обстановке) от 24 ноября 1938 г.

на дуге Одер — Варга и можно было избежать некоторых ошибок. Эти крупные сооружения представляли собой не имевшие никакой ценности ловушки для людей, лишённые всякой огневой силы, ибо имели всего-навсего одну-две жалкие пулеметные башни и т.п. Результаты стрельб привели к снятию генерала Фёрстера. Стоило немалых усилий и моего заступничества перед фюрером, чтобы тот назначил его командиром 6-го армейского корпуса.

Между тем Восточный вал так сильно занимал мысли Гитлера в ту зиму, что некоторое время спустя он сам совершил инспекционную поездку по фронту Одера от Бреслау (ныне — Вроцлав. — *Прим. пер.*) до Франкфурта-на-Одере, на сей раз без меня. Видимые противнику издалека береговые укрепления вызвали его недовольство, как это уже однажды имело место в моем присутствии на Верхнем Рейне. Позже война против Франции и здесь подтвердила правоту Гитлера, ибо французские береговые сооружения на противоположном берегу наши 88-миллиметровые орудия при стрельбе прямой наводкой разрушали с первого попадания.

Во всяком случае, интенсивные занятия восточными укреплениями (причем Восточная Пруссия играла здесь особую роль) порождали у всех нас надежду на то, что в обозримое время рассчитывать на войну с Польшей не приходится, если только мы не подвергнемся нападению с ее стороны. Это, разумеется, на взгляд Гитлера, не было исключено, если Польша придет на помощь Чехословакии.

Так весной 1939 г. возникла новая директива ОКВ «О сосредоточении войск и боевых действиях», которая в действительности должна была служить только для оборонительных действий на тот случай, если Польша, опираясь на помощь западных держав, начнет активно действовать против нас, пусть даже по поводу или во взаимосвязи с данцигским вопросом²⁷³.

---

²⁷³ В оригинале рукописи слово «оборонительных» подчеркнуто. Имеется в виду Директива вооруженным силам на 1939/40 г. от 3.4.1939 г. и 11/4.1939 г. Часть II касается плана «Вайс», имеющего целью с 1.8.1939 г. быть готовыми, как только изменятся условия в Польше, разгромить «польскую ударную силу», т. е. предполагает весьма наступательную оборону!

Со времени моего вступления на пост начальника ОКВ я перестал быть свободным человеком, ибо всякая моя свобода располагать своим временем и устраивать свою семейную жизнь согласно собственным желаниям должна была уступить место постоянной зависимости от Гитлера и его не поддающихся предвидению задач и поручений. Зачастую я вынужден был неожиданно прерывать свой отдых в конце недели, когда уезжал в Хельмшереде или на охоту в Померанию, чтобы — скорее по прихоти Гитлера, чем по необходимости — срочно явиться к нему. Правда, он охотно давал мне разрешение убыть в отпуск или утверждал мою срочную командировку, но тут же бесцеремонно отказывался от своего разрешения и запросто требовал моего немедленного возвращения. Не знаю, сам ли я своим чересчур явным чувством долга был отчасти виной этому или же адъютантура Гитлера не решалась спустить дело на тормозах? Для чего именно меня вызывали, я, к сожалению, узнавал только по прибытии. Часто это случалось по воскресеньям и по делам, к которым я не имел никакого отношения, но, как правило, это бывало что-нибудь неприятное.

Мог ли я когда-нибудь спокойно посвятить себя моей жене или моим детям? Этого не случалось даже тогда, когда еще никакая война не обязывала меня находиться в ставке. Моя жена удивительным образом мирилась с этим. <...>

Первое время Бломберг регулярно писал мне, и я охотно делал для него некоторые вещи. Через несколько недель после его отъезда я получил от него телеграмму с просьбой немедленно оформить его сыну Акселю²⁷⁴ заграничный паспорт для выезда из Германии с целью важных переговоров между нами и снабдить его валютой. Я вызвал Акселя к себе (он был тогда лейтенантом люфтваффе) и отправил к отцу. Вернувшись через восемь дней, он привез мне письмо от Бломберга, которое тот написал после продолжительных бесед с сыном. В письме он просил меня передать Гитлеру, что хочет расстаться со своей женой, однако ставит осуществление этого намерения в зависимость от того, обретет

---

²⁷⁴ Аксель Бломберг, второй сын фельдмаршала, погиб в звании майора люфтваффе в боевых действиях у Багдада в начале лета 1941 г.

ли он вновь благоволение фюрера и будет ли возвращен на свой прежний пост. Я попросил Гитлера лично прочесть это письмо. Как я и ожидал, фюрер выдвинутые Бломбергом условия категорически отверг: ведь он же советовал ему еще тогда немедленно объявить этот брак фиктивным! Но раз Бломберг еще раньше отклонил этот совет как невысказанный, все и пошло своим путем, а теперь ничего уже изменить нельзя. Я постарался как можно деликатнее сообщить это Бломбергу, но тот так и остался при своем мнении, будто это именно я отговорил Гитлера. <...>

Как бы многообразны и интересны ни были официальные приемы и встречи для моей жены и меня тоже, это всегда являлось службой, отнимавшей у нас многие вечера, которые мы по своему вкусу провели бы совсем иначе и теплее с точки зрения наших взаимоотношений. Мы встречались в третьих местах или же принимали официальных гостей, и это было все. У моей жены имелась репутация человека, из которого много не вытянешь, и даже более того, искусной молчаливицы и притворщицы. Ее называли ускользающей от расспросов подобно угре, а потому прекращали попытки сближения и выяснения. Для дипломатического корпуса я был неинтересен, представлялся ему каким-то сфинксом и полной противоположностью моему предшественнику Рейхену, который на этом светском паркете играл первую скрипку.

Уже в феврале [19]39 г. чешское колесо стало раскручиваться все быстрее. Пресса помещала сообщения о пограничных инцидентах и эксцессах против немецкого меньшинства в Богемии [Чехии] и Моравии. В Прагу были направлены ноты. [Германский] посланник [Фридрих Айзенхольц], а также военный атташе²⁷⁵ — вызваны в Берлин.

Фюрер вновь неоднократно заявлял: он сыт всем по горло и больше спокойно взирать на это не намерен. Мне стало ясно: предстоит так называемое урегулирование вопроса об оставшейся части Чехии. Хотя фюрер окончательного намерения не высказывал и какой-либо даты не называл, я позаботился о том, чтобы ОКХ — если это вообще понадобится — обеспечило готовность к быстрому, ошеломляющему вступлению [в Чехию]. Фюрер в моем присутствии вызвал Браухича, обрисовал

---

²⁷⁵ Адольф Туссен, полковник генштаба, в 1944—1945 гг. — командующий военным округом Богемия — Моравия, генерал пехоты.

становившиеся все более невыносимыми условия для немецкого меньшинства в Чехии и заявил, что готов к военной интервенции. Он охарактеризовал ее, как «освободительную акцию», которая ни в коем случае не потребует применения вооруженных сил, выходящего за рамки уже отданных осенью [19]38 г. приказов. Поскольку мы, военные, в том числе и я, так ничего и не узнали насчет политической игры между Прагой и Берлином (хотя военный атташе постоянно докладывал мне), нам приходилось ограничиваться предположениями и считаться с возможностью таких дипломатических неожиданностей, какие нам уже несколько раз доводилось переживать. <...>

12 марта [1939 г.] последовал предварительный приказ армии и авиации быть готовыми к предположительному вступлению 15 марта в 6.00, однако не приближаться ранее этого срока к границе на расстояние менее 10 километров. Никто из нас, военных, не знал, какими именно обстоятельствами должно быть вызвано это нападение.

Когда я в полдень 14 марта явился к фюреру в Имперскую канцелярию, чтобы получить инструкции для вермахта (готовность которого, согласно приказу, требовалось обеспечить на следующий день), тот лишь бегло сообщил мне, что вчера его попросил о беседе насчет напряженного положения [президент] Гаха²⁷⁶; он ожидает его прибытия в Берлин еще сегодня вечером. Я попросил согласия немедленно поставить вермахт в известность о том, что в данных условиях вступление пока откладывается. Гитлер это решительно отверг и заявил: его намерение вторгнуться на следующий день остается в силе при всех условиях — совершенно независимо от результата беседы с президентом Чешского государства. Но я должен с 21 часа находиться в Имперской канцелярии в его распоряжении, чтобы иметь возможность передать его приказы для ОКХ и ОКЛ²⁷⁷, т.е. окончательный приказ на вступление.

---

²⁷⁶ Эмиль Гаха (1872—1945), до 1938 г. — председатель Верховного суда по административным делам, в 1938—1939 гг. — президент Чехословакии. После Мюнхенской конференции с 1939 г. до 1945 г. — председатель правительства протектората Богемия и Моравия. 1.6.1945 г. скончался в Пражской тюрьме.

²⁷⁷ ОКЛ (OKL) — аббревиатура от нем. das Oberkommando der Luftwaffe — Главно командование военно-воздушных сил (люфтваффе).

Когда я в 21.00 явился в Имперскую канцелярию, Гитлер закончил ужин; все собрались в музыкальном салоне, чтобы посмотреть кинофильм «Безнадежный случай». Фюрер пригласил меня занять место рядом с ним: Гаха прибудет только около 22 часов. В этой среде и при данных обстоятельствах я чувствовал себя совершенно не в своей тарелке. Через 8—10 часов, вероятно, заговорит оружие, и это больше всего волновало меня в тот момент. Как можно сидеть вот так и смотреть фильм! Мысленно я был совсем не здесь и думал только о войсках, которые, находясь в местах своего расположения, еще не знали, что предстоит им утром.

В 22 часа Риббентроп²⁷⁸ сообщил о прибытии Гахи во дворец Бельвю. Фюрер пожелал, чтобы старый господин часа два отдохнул с дороги; он просит его к себе к 24 часам. И это тоже было непостижимо: к чему все это? Разве мог Гаха не понимать, что положение это — самое решающее для его народа и что оно, как я видел, не терпит ни минуты отсрочки? Что это: расчет или политическая тактика?

Гаха даже и не представлял себе, что с наступлением темноты еще вечером 14 марта личный полк СС Гитлера вторгся в Моравско-Оставский выступ, чтобы заранее обезопасить витковицкие металлургические заводы от захвата поляками. Донесений о результатах еще не поступило.

В 24 часа появился Гаха, сопровождаемый своим министром иностранных дел [Хвальковским] и чешским посланником в Берлине [Маетны]. Фюрер в присутствии большой свиты принял его в своем кабинете в новой Имперской канцелярии. Кроме Геринга, там был и я. После вступительной беседы, во время которой Гаха подробно распространялся насчет своего прошлого на государственной службе в Австрии (эту ситуацию я постичь не мог), Гитлер перебил его словами: ввиду позднего часа пора перейти к тем политическим вопросам, которые привели Гаху сюда! Во время спора государственных деятелей (насколько помню, присутствовали Риббентроп и ведущий протокол начальник личного штаба министра иностранных дел посланник Хевель) мне два раза пришлось вступать в разговор. Первый —

---

²⁷⁸ Иоахим фон Риббентроп, с 1938 г. до 1945 г. — имперский министр иностранных дел. Казнен 16.10.1946 г. в Нюрнберге.

для краткого сообщения, что Витковицы без боя заняты лейбштандартом СС. Гитлер удовлетворенно кивнул. Во второй раз я был вынужден предупредить о том, что время истекает, поскольку армия требует окончательного приказа: вступать или же нет. Недолго думая, меня отпустили: сейчас только 2 часа ночи; приказ будет отдан еще до 4 часов утра.

Спустя некоторое время Геринга и меня позвали снова; господа стояли вокруг стола, и Гитлер заявил Гахе: тот должен наконец решить, чего же он хочет! Пусть Кейтель подтвердит, что войска уже сосредоточены, и в 6 часов утра граница будет перейдена. Теперь все только у него одного [Гахи] в руках; от него одного зависит: прольется ли кровь или же оккупация пройдет мирно. Гаха просил отложить ответ: он должен накоротке переговорить со своим правительством в Праге, ему желательно связаться по телефону. Пусть Гитлер задержит вступление. Гитлер отказался: Кейтель подтвердит, что это уже невозможно, войска сейчас подходят к границе. Прежде чем я смог или захотел что-либо сказать, вмешался Геринг и заявил: его люфтваффе на рассвете появится над Прагой, вернуть бомбардировщики он уже не сможет. От Гахи зависит, упадут ли бомбы на город или нет. Под этим массивным давлением Гаха заявил: кровопролития он ни в коем случае не хочет. Он даже обратился ко мне с вопросом: как ему немедленно известить свои гарнизоны и пограничные войска о германском вступлении и довести до них приказ не открывать огня?

Я предложил незамедлительно подготовить проект соответствующей радиограммы для передачи в Прагу всем командующим [чешскими] войсками и начальникам гарнизонов. Геринг выхватил текст у меня из рук и проводил Гаху к телефону: для него уже была установлена связь. Я просил фюрера самым быстрым образом дать окончательный приказ ОКХ на вступление, но с категорическим запретом на ведение огня, как то приказано и чешской армии. Если же, несмотря на это, сопротивление будет оказано, следует немедленно начать переговоры и применять силу оружия только в самом крайнем случае.

Этот приказ сухопутным войскам был дан около 3 часов утра, т.е. для его исполнения повсюду оставалось еще три часа. У нас, военных, словно камень упал с сердца.

Тем временем Гаха передал в Прагу свои указания. Я увидел его совершенно обессиленным в кабинете фюрера, где д-р Мо-

рельс хлопотал над ним²⁷⁹. С чувством большого сострадания к этому старому человеку я подошел к нему и сказал: убежден в том, что с немецкой стороны не раздастся ни единого выстрела, соответствующие приказы уже даны, к тому же я не сомневаюсь, что чешское командование тоже будет соблюдать запрет на ведение огня и прикажет сложить оружие. Тем временем министры иностранных дел составляли протокол соглашения, для выполнения которого потребовалась новая встреча в кабинете Гитлера.

Получив подтверждение передачи в войска приказов ОКХ (как помнится, это сделал лично Браухич), я попросил у Гитлера разрешения удалиться, чтобы своевременно явиться завтра до полудня для его сопровождения. Сопровождать меня в поездке я приказал подполковнику Цейтцлеру (впоследствии — начальник генштаба сухопутных войск. — *Прим. пер.*) из штаба оперативного руководства вермахта. Приказывать мне больше было нечего, ибо общее руководство операцией по оккупации находилось исключительно в компетенции ОКХ, донесения которого периодически собирал и докладывал фюреру Цейтцлер.

С границы мы длинной автоколонной выехали по широкому шоссе в Прагу. Очень скоро мы оказались в походных колоннах наших войск. Было по-зимнему холодно, мела метель, повсюду — гололед, так что кавалерийские части, особенно повозки и артиллерия на конной тяге, преодолевали величайшие трудности, тем более когда наша автоколонна пыталась обогнать их.

С наступлением рассвета одновременно с авангардами войск мы въехали в Прагу, а затем, эскортируемые моторизованной ротой, отправились в Градчаны, где и расквартировались. Так как мы ничего не захватили с собой съестного, холодный ужин был закуплен в городе; пражская ветчина, булочки, масло, сыр, фрукты и пильзенское пиво — всё было преотлично и очень вкусно.

Около полудня [16 марта] Гитлер принял чешское правительство для вручения оным заявления о своей преданности рейху. Возглавлял членов кабинета сам президент Гаха, всего

---

²⁷⁹ Доктор медицины Тео Морель, специалист по кожно-венерическим болезням, личный врач Гитлера. Другими сопровождающими фюрера врачами были д-р Брандт и д-р фон Хассельбах.

несколькими часами позже нас вернувшийся специальным поездом из Берлина в собственный дворец в Праге, где ему сразу же доложили, что фюрер уже обосновался в другом флигеле его резиденции.

Вечером наша поездка через всю Чехию закончилась в Вене, где перед отелем «Империал» повторились овации марта [19]38 г. Внизу в вестибюле я встретил барона фон Нейрата, приглашенного к фюреру для назначения его на пост протектора Богемии и Моравии. Я узнал об этом от него самого, и у меня сложилось впечатление, что он не очень-то воодушевлен этим назначением.

В Вене находилась делегация нового правительства независимого Словацкого государства²⁸⁰, в которую входили его президент Тисо, министр внутренних дел Дурчанский, а также министр иностранных дел, он же военный министр Тука. Фюрер решил, что Риббентроп должен подписать с ними «статут охранной зоны», а я — отстаивать положенные в его основу статьи военного характера. Риббентроп и я поздно вечером — время уже близилось к полуночи — встретились со словацкими господами в служебном кабинете имперского наместника в Вене. В соответствии с данными мне Гитлером указаниями я изложил цель и значение этой собственноручно нанесенной фюрером на карту и подлежащей занятию германскими войсками «охранной» от Чехии зоны. Она включала пограничную полосу шириной примерно 20—25 километров на словацкой территории по обе стороны от р. Ваг, с большим учебным полигоном и современным подземным военным заводом, принадлежавшим бывшему чехословацкому правительству.

Мне было нелегко втолковать этим господам, вполне понимавшим значение данной пограничной зоны для обороны их собственной страны, что германский вермахт хочет держать в ней контингент своих сухопутных войск и свою авиацию только для того, чтобы защитить Словакию. Но в ходе переговоров, изобиловавших трудными и критическими контрвопросами, я должен был ловко опровергнуть своими аргументами их возражения.

---

²⁸⁰ Словакия вышла тогда из Чехословацкого государственного союза, объявила себя независимой и одновременно поставила себя под защиту рейха.

И хотя я и не убедил их до конца, но согласия от них добился. За это я благодарен прежде всего старому Туке, который боготворил фюрера и помог устранить недоверие двух других министров.

Пока Риббентроп занимался вместе со словацкими господами формулированием соглашения, я вернулся в отель, чтобы сообщить Гитлеру о положительном результате и передать, что господа придают большое значение тому, чтобы быть принятыми по этому делу самим фюрером. Сначала он отказывался: уже далеко за полночь, он тоже устал и т.п. Но пообещав Тисо и Туке добиться этого, я настаивал на том, чтобы он принял словаков сегодня на 10 минут, и все-таки получил его согласие. Риббентроп, однако, появился гораздо позже, так что прием состоялся после 2 часов ночи. Фюрер устранил еще некоторые опасения этих господ, и через четверть часа прием закончился; договор о защитной зоне был обеспечен и в ту же ночь подписан Риббентропом и словаками.

* * *

День рождения Гитлера в 1939 г. [20 апреля] отмечался по обычной программе: прием для высшего генералитета — как перворазрядная военная демонстрация. Затем длившийся свыше трех часов парад всех видов вооруженных сил. Грандиозная картина!.. По ясно выраженному желанию Гитлера были продемонстрированы новейшие тяжелые орудия, первые пушечные танки, современная зенитная артиллерия, прожекторные части люфтваффе. В то же самое время многочисленные истребительные и бомбардировочные эскадрильи пролетали над площадью по оси Бранденбургских ворот. Президент Гаха в сопровождении имперского протектора [Богемии и Моравии] фон Нейрата присутствовал на параде в качестве высшего государственного гостя фюрера, и ему были оказаны все почести как главе государства. Присутствовал и весь дипломатический корпус. <...>

Однако моя надежда на то, что решение чехословацкого вопроса наконец-то даст вермахту столь часто и торжественно обещанное время до 1943 г. для органически и внутренне обоснованного построения вооруженных сил²⁸¹, не сбылась. Ар-

---

²⁸¹ Согласно так называемому «Протоколу Хоссбаха» (знакомство с которым Кейтель в Нюрнберге оспаривал), в беседе с имперским мини-

мия — это не импровизация. Воспитание и формирование командного и унтер-офицерского корпуса — вот тот фундамент, на котором только и может быть создана такая армия, какую мы имели в 1914 г. Гитлеровское представление, будто национал-социалистическим мировоззрением можно возместить нехватку военной техники, т.е. мощи армии, оказалось обманчивым. Конечно, воодушевление и фанатизм могут совершить весьма многое. Но точно так же, как в 1914 г. сформированные из студентов полки бессмысленно истекали кровью при Лангенмарке, начиная с 1943 г. элитные соединения СС добились лишь незначительных успехов, заплатив за них дорогую цену большой кровью. Им не хватало хорошо обученного офицерского и унтер-офицерского состава, который погиб и уже не мог быть восстановлен.

Уже в апреле 1939 г.²⁸² до меня стали доходить высказывания Гитлера, что польская проблема категорически требует своего разрешения. Просто несчастье, что умный маршал Пилсудский²⁸³, с которым он мог бы обо всем договориться, ушел из жизни так рано! То же самое может случиться и с ним, Гитлером. А потому он должен как можно скорее урегулировать не-

---

стром иностранных дел, имперским военным министром и главнокомандующими видами вооруженных сил вермахта 5.11.1937 г. Гитлер обозначил период 1943—1945 гг. как кульминационный пункт германского вооружения. — См.: *Fr. Hossbach. Zwischen Wehrmacht und Hitler*. S. 212.

²⁸² 4.4.1939 г. Кейтель имел в Инсбруке (не упоминаемую здесь) беседу с помощником статс-секретаря итальянского военного министерства и начальником генерального штаба итальянских сухопутных войск генералом Альберто Парияни о совместных военных действиях в случае войны. Итальянский генерал говорил о возможности итало-французской войны, в которой Италия рассчитывает на германскую помощь военными материалами. Кейтель спросил, каким образом мыслится возникновение этой войны. Парияни изложил итальянские цели в Египте и Французской Северной Африке. Кейтель подчеркнул, что в таком случае неизбежно разразится «европейская война». Тогда станет необходимо вырвать инициативу из рук врага. На это Парияни ответил, что тогда уж лучше сразу ударить совместно. В ответ Кейтель дал понять, что думать об этом можно будет только через несколько лет. — См. *Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik. Serie D. Bd. VI. S. 932 ff.*

²⁸³ Йозеф Пилсудский (1867—1935), маршал Польши, наиболее авторитетный руководитель польской внешней и внутренней политики с 1926 г.

выносимое для будущего Германии положение, при котором Восточная Пруссия отделена от рейха, и задачу эту он не смеет отложить на дальнейшее или оставить своему преемнику. Посмотрите, как зависит политика от разума одной личности! Ведь нынешние правители Польши весьма далеки от продолжения курса маршала, что показали переговоры с польским министром иностранных дел Беком²⁸⁴. Тот надеется на помощь Англии, но ведь нет никакого сомнения, что та не имеет в этом чисто внутреннем германском вопросе никакого экономического, а потому и политического интереса. Англия уберет свою руку из Польши, как только осознает нашу решимость ликвидировать нынешнее немыслимое на долгий срок состояние, порожденное Версальским договором. Сам он вовсе не желает войны с Польшей из-за Данцига и коридора, но тот, кто хочет мира, должен быть готов к войне, иначе никакой успешной политики не сделать!

В то время как нити политики вели в Варшаву, Лондон и Париж, зрело решение фюрера в деле с Данцигом однажды поставить мир перед свершившимся фактом. Это никак не послужит для великих держав причиной вмешаться в пользу Польши и допустить ее вооруженные действия против нас. Тем не менее, считал Гитлер, наш само собой разумеющийся долг — подготовиться к нападению Польши при использовании ею этого повода.

Так в мае [19]39 г.²⁸⁵ появилась директива фюрера о подготовке операции «Вайс», содержащая его требование разработать план приведения вооруженных сил в боевую готовность, а также оперативный план для сухопутных войск и авиации с целью нанесения контрудара по неуступчивой Польше не позднее сентября того же года. Как и в истории с Чехословакией, действовал приказ тщательно избегать любой мобилизации, а также обойтись без вытекающего из мобилизационного плана состояния полной готовности. Итак, все должно базироваться на наличном составе армии мирного времени и имеющихся в этих рамках возможностях.

---

²⁸⁴ Йозеф Бек (1894—1944), полковник польского генерального штаба. Занимал пост министра иностранных дел Польши в 1932—1939 гг.

²⁸⁵ В течение мая 1939 г. директива «Вайс» («Белая») от 11.4.1939 г. была дополнена новыми указаниями.

После того как фюрер дал свои указания главнокомандующим (сухопутных войск, авиации и военно-морского флота. — *Прим. пер.*) сначала непосредственно и устно, а затем вышеупомянутой основополагающей директивой, он, как обычно, возвратился в свою домашнюю резиденцию Бергхоф. Это, естественно, затруднило работу ОКБ, ибо все документы теперь приходилось посылать с курьером либо передавать через военную адъютантуру Гитлера, а зачастую делало необходимыми мои поездки в Берхтесгаден. Как правило, я совершал полет туда и обратно за один день.

В противоположность этому Имперская канцелярия, руководимая д-ром Ламмерсом, имела в Берхтесгадене свое постоянное местопребывание, а Партийная канцелярия (во главе с Гессом. — *Прим. пер.*) постоянно находилась в Мюнхене. Геринг тоже имел на вилле «Бергхоф» свои апартаменты; имперский министр иностранных дел [Риббентроп] распоряжался предоставленной ему Гитлером резиденцией в Фушле (около Зальцберга). Только у ОКБ в то время отсутствовало подобное рабочее помещение, но с лета 1940 г. оно, по моему настоянию, было оборудовано частично в Имперской канцелярии, а частично — в берхтесгаденской казарме. Таким образом, ОКБ поневоле, с чисто территориальной точки зрения, оказалось отделенным от действительного правительственного центра. Личное общение с авторитетными лицами стало затруднительным. Впрочем, это состояние давало желанный стимул стремлению Гитлера сосредоточить в своих руках принятие любых решений и воспрепятствовать всякой коллективной работе.

Это, разумеется, отрицательно сказывалось на моей работе в ОКХ. Так, о переговорах с Польшей, с Лондоном по вопросу о Данциге и коридоре, а также об их результатах мне не становилось известно почти ничего, если только Гитлер при моих посещениях его в Бергхофе для доклада не проявлял инициативы сам или же я не сообщал ему те высказывавшиеся мною и ОКХ величайшие опасения, которые вызывала у нас возможность вооруженного конфликта с Польшей при тогдашнем состоянии наших сухопутных войск. Но Гитлер каждый раз уверял меня, что он ни в коем случае войны с Польшей не желает и никогда не допустит такого положения, при котором следовало бы опасаться вмешательства Франции в этот конфликт в духе ее

восточных договоров. Ведь он же сделал Франции самые далеко идущие предложения и при этом даже публично высказался за отказ [Германии] от Эльзас-Лотарингии! А это ведь такое заверение, за которое ни один государственный деятель, кроме него, не смог бы взять на себя ответственность перед немецким народом, ибо только он один обладает авторитетом в народе и его согласием на такой шаг!

Да, дело зашло так далеко, что Гитлер потребовал от меня не передавать его установку ОКХ, ибо ему приходится опасаться, что подготовка к операции против Польши не будет тогда вестись с той серьезностью и интенсивностью, которые для него служат средством его политики, поскольку для Польши в полной тайне и не замеченным ею то, что делается нами скрытно, не останется.

Зная менталитет ОКХ и добросовестность генерального штаба лучше, чем он, я не почувствовал себя связанным этими требованиями. Я верил Гитлеру и находился под воздействием убеждающей силы его слов, а потому рассчитывал на политическое решение — однако под давлением военной угрозы²⁸⁶.

Таким образом, летом [19]39 г. в генеральном штабе сухопутных войск шла лихорадочная работа по постройке Западного вала. Для форсирования были привлечены, кроме строительных фирм и Организации Тодта (ОТ), почти вся Имперская трудовая служба и несколько дивизий (они вели земляные работы, установку проволочных заграждений, заливку бетона и т.п.). Естественно, последние инспекционные поездки Гитлера в августе [19]39 г., в которых я сопровождал его, служили как целям пропаганды, так и анализу самого процесса строительства. О его ходе я постоянно докладывал Гитлеру по карте со всеми нанесенными на нее готовыми или еще строящимися блиндажами. Эти карты фюрер штудировал столь основательно, что во время поездки со-

---

²⁸⁶ После «Протокола Хоссбаха» Гитлер на уже упоминавшемся совещании 23.5.1939 г. в своем кабинете в новой Имперской канцелярии менее туманно высказывался на тот счет, что кампания против Польши, вероятно, приведет к большой войне. Если же она разразится, надо планировать гораздо шире. Для войны против Англии потребуются также захват бельгийско-голландских авиационных баз и т. п. Судя по протоколу, Кейтель принимал участие в этом совещании, но здесь он об этом не упоминает.

вершенно точно знал, что еще предстоит сделать и где именно находятся объекты на местности. Можно просто поражаться его блестящей памяти и силе воображения. <...>

Летом [19]39 г. я считал своим долгом не оставлять у Гитлера никакого сомнения в том, что высший генералитет и генштаб испытывают величайшее опасение насчет войны не только потому, что у них еще сохранилось пугающее воспоминание о войне как таковой и они считают армию неготовой к ней, но и особенно потому, что видят опасность войны на два фронта, в которой мы в любом случае окажемся побежденными. По моему мнению, он должен знать об этом факте, хотя я и признавал, что в результате его недоверие к генералитету еще более возрастет. Поэтому Гитлеру пришла в голову мысль провести в конце августа²⁸⁷ в Бергхофе совещание начальников штабов (без главнокомандующих), чтобы выступить на нем с речью, в которой он намеревался изложить свои идеи. Мне представился прекрасный случай наблюдать за ее воздействием в качестве наблюдателя со стороны. Я пришел к выводу о неудаче этого совещания. Правда, только один генерал фон Витерсгейм²⁸⁸ своими вопросами показал, что он отнюдь не придерживается той же точки зрения о существовании «железной фаланги», которая внутренне противостояла этой, ощущавшейся как сугубо пропагандистская, речи фюрера.

Гитлер никогда не высказывал мне своей оценки этого совещания, но он сделал бы это, если бы был удовлетворен им. Для него это явилось разочарованием, которое давало себя знать даже во внешнем обострении отношений каждый раз, когда ге-

---

²⁸⁷ Здесь память изменяет Кейтселю. В действительности совещание у Гитлера состоялось 10.8.1939 г.

²⁸⁸ Генерал-майор фон Витерсгейм был начальником штаба 2-й группы армий. Согласно дневнику Йодля, он повторил слова своего командующего генерала Адама: западные укрепления могут быть удержаны максимум три недели. В ответ Гитлер весьма возбужденно выкрикнул: «Тогда вся армия ни к черту не годится! И я говорю вам, господа генералы, эта позиция может удерживаться не три недели, а три года!» Йодль указывает затем причины широко распространившегося в генштабе сухопутных войск «малодушия»: в конечном счете там не верят в «гений фюрера», его «сравнивают со (шведским) королем Карлом XII». Эти нытики наносят невероятный политический вред (документ PS—1780 IMT-Prozess, Bd. XXVIII. S. 374.).

неральный штаб выражал свое неприятие и вел себя надменно, как «каста».

Тем сильнее было впечатление от той речи, с которой Гитлер 22 августа 1939 г.²⁸⁹ обратился к созванным в Бергхоф (в Оберзальцберге) генералам, когда войска Восточного фронта уже изготовились к нападению на Польшу. Гитлер был исключительно одаренным оратором, мастерски умевшим приспособлять свои слова к тому кругу слушателей, перед которым он выступал. Я уверен, что из своего неудачного выступления перед начальниками штабов он извлек для себя урок, что метод и тенденция противопоставить свои мысли начальникам штабов явились его психологической ошибкой. Другие положения этой речи страдают субъективностью. Это, в частности, показывает запись адмирала Бёме, которого следует считать не принадлежащим ни к какой стороне²⁹⁰.

24 августа [19]39 г. Гитлер прибыл в Берлин — 26-го должно было начаться наступление на Польшу. То, что происходило в Имперской канцелярии в эти дни вплоть до 3 сентября, имеет такое всемирно-историческое значение, что связанное исследование и отвечающее истине описание их должно быть представлено более сведущему человеку, ибо я могу рассказать лишь немного из собственного опыта и, к сожалению, не имею сейчас в своем распоряжении каких-либо записей, которые смогли бы подкрепить мою память.

24 августа (а не 25-го, как указывал Риббентроп) я около полудня впервые был вызван к фюреру в Имперскую канцелярию.

---

²⁸⁹ Перевод этой речи см. в кн.: Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «Третьего рейха» против СССР: Секретные речи. Дневники. Воспоминания. М., 1996.

²⁹⁰ Имеется в виду запись адмирала Германа Бёме, позднее гросс-адмирала и командующего военно-морскими силами в Норвегии. Примечательно, что Кейтель ни одним словом не упоминает о сенсационном сообщении Гитлера в этой речи о том, что он намерен заключить с Советским Союзом пакт о ненападении. Тем самым Польша изолировалась, и потому это сообщение произвело на генералитет огромное впечатление. См. также замечание Бломберга в его тюремном дневнике от 8.12.1945 г.: «Я по телефону поздравил [Риббентропа], знавшего о моем отношении к России, с заключением пакта Сталин — Гитлер. Он ответил мне довольно длинным письмом, смысл которого был таков: «Ну вот, теперь Ваши желания исполнились».

Гитлер через [итальянского] посла Аттолико получил личное письмо Муссолини, из которого он прочел мне несколько абзацев. То был ответ дуче на строго конфиденциальное письмо Гитлера, посланное из Бергхофа несколькими днями раньше. В письме фюрера говорилось об ожидаемом столкновении с Польшей и сообщалось о его решимости, если Польша или выступающая на ее стороне Англия окажутся неуступчивыми, добиться решения назревшего вопроса о Данциге силой оружия. Гитлер назвал дату возможного начала операций против Польши на несколько дней более позднюю [чем намечалось] — как он сам сказал, сделав это по следующим причинам.

Гитлер рассчитывал на немедленную передачу содержания письма в Лондон через свое столь «заслуживающее доверия» министерство иностранных дел. По мысли Гитлера, это должно было показать всю серьезность его намерения, а с другой стороны, не выдать действительную дату начала военных действий. Иначе говоря, хотя Польша и была бы предупреждена, намеченная тактическая внезапность все равно обеспечивалась. И, наконец, [фактическим] переносом даты вперед Гитлер хотел ускорить желаемое английское вмешательство с целью побудить Польшу избежать войны — на это вмешательство он определенно рассчитывал и ожидал, что найдет в том поддержку со стороны Муссолини²⁹¹.

Реакция Муссолини явилась для Гитлера первым крупным разочарованием в этой игре; он твердо полагался на само собою разумеющуюся помощь Италии, поскольку та была безоговорочно обязана оказать такую помощь в договорном порядке. Гитлер

---

²⁹¹ Датировка Кейтеля ошибочна. Гитлер написал письмо Муссолини утром 25.8.1939 г., а посол Аттолико передал ответ дуче вечером того же дня. Немецкий текст письма Гитлера к Муссолини см.: *Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik. Serie D. Bd. VII. S. 236*. Кейтель скорее приводит оценку Гитлером письма от Муссолини, чем излагает его содержание. Муссолини сообщил, что одобряет соглашение с Россией (о котором Гитлер поставил его в известность постфактум), гарантировал свою политико-экономическую помощь при локализованном конфликте с Польшей. Однако дуче ясно сказал при этом: Италия никакой «инициативы» в случае «контрнаступления» Польши и ее союзников не проявит. Об отказе итальянского короля Виктора-Эммануила III подписать ордер на проведение мобилизации (это является фактом) в письме Муссолини, разумеется, нет ни слова из престижных соображений.

надеялся найти у Муссолини такую же «верность Нибелунгов», какую он в свое время продемонстрировал Италии в истории с Абиссинией [Эфиопией], не получив никаких выгод для себя. Таким образом, письмо Муссолини означало для Гитлера суровый удар, ибо дуче писал, что, к сожалению, не сможет соблюсти пакт о взаимопомощи, так как король отказывает ему в приказе о мобилизации, а против этого принадлежащего монарху права он ничего поделать не в состоянии. Впрочем, Италия к войне и не готова, ей не хватает снаряжения, оружия и боеприпасов. И хотя она и располагает военно-промышленными мощностями, но испытывает недостаток сырья: меди, марганца, стали, резины и т.д. Если бы в этом отношении она получила ощутимую германскую помощь, то, коли дело дойдет до войны, позиция Италии была бы пересмотрена.

После этого отказа фюрер сразу же вызвал меня, чтобы узнать, сможем ли мы при случае дать Италии требуемое сырье. Он попросил Аттолико немедленно запросить Рим, в каких именно размерах ей необходимо недостающее сырье. Мне он поручил определить, какие поставки мы сможем осуществить²⁹².

Но только после того выяснилась причина его разочарования по поводу «предательства» Муссолини. Он сказал примерно так: «Само собою разумеется, Лондон уже давно получил известие, что Италия действовать вместе с нами не хочет, ну а теперь позиция Англии решительно окрепнет, и она окажет поддержку Польше. Политический эффект моего письма — полная противоположность моим ожиданиям».

Возмущение Гитлера было для меня совершенно очевидным, хотя внешне он держал себя в руках: считал, что теперь Лондон пойдет на пакт взаимопомощи с Польшей, поскольку отпадает поддержка нас Италией.

В первой половине дня я вернулся в военное министерство, чтобы выяснить у генерала Томаса, сможем ли мы и в каких именно количествах предположительно предоставить Италии требуемое ею сырье сверх текущих поставок. Вскоре меня снова срочно вызвали в Имперскую канцелярию. Теперь Гитлер

---

²⁹² Италия требовала 6 млн т угля, 2 млн т стали, 7 млн т нефти, а к тому же 150 зенитных батарей.

производил впечатление человека еще более возбужденного. Он сказал мне: на столе у него лежит депеша имперского шефа печати [Отто Дитриха], согласно которой подписание англо-польского пакта о взаимопомощи последует еще сегодня. Подтверждения от министерства иностранных дел пока нет, но, как известно по опыту, дипломаты действуют гораздо медленнее, чем телеграфные агентства; он полагает, что полученная депеша верна. Гитлер спросил, можно ли немедленно остановить всякое продвижение войск: он хочет выиграть время для переговоров, хотя на помощь Италии больше не рассчитывает.

По моему распоряжению Шмундт принес временной график, в котором указывались все меры и степени боевой готовности на каждый день вплоть до даты нападения — «дня X». 23 августа Гитлер приказал считать «днем X» 26 августа 1939 г., т.е. в тот момент шел только второй день после разрешения на передвижения войск к польской границе. Эти передвижения координировались таким образом, чтобы после марша в темное время суток боевые действия были начаты 26-го рано утром. Фюрер приказал мне немедленно дать предварительный приказ: «“День X” отложен, дальнейшие приказы последуют» и велел срочно вызвать к нему Браухича и Гальдера.

Браухич явился через полчаса; Гальдер, отдав предварительные приказы о приостановке выдвижения войск, приехал из Цоссена (командный пункт ОКХ). В моем присутствии состоялось продолжительное совещание с господами из ОКХ о последствиях этой приостановки, возможности обнаружения противником предшествовавших перебросок и т.п. Фюрер сообщи о своем намерении 25 августа, ознакомившись с обстановкой, принять дальнейшее решение о «дне X».

26 августа в первой половине дня меня неожиданно вызвали в Имперскую канцелярию, показавшуюся мне настоящим муравейником. Фюрер стоял с Риббентропом в зимнем саду, а Аттолико ждал в музыкальном салоне разговора с Гитлером. С минуты на минуту ожидалось прибытие [английского посла сэра Невилла] Гендерсона.

Фюрер весьма взвинченным тоном сказал мне: «И вот Риббентроп приносит телеграмму посольства в Лондоне: пакт о взаимопомощи с Польшей подписан прошлой ночью. Разве не говорил я вам тогда, что только одна Италия виновата в этом?

В ответ на известие из Рима о позиции Италии в конфликте с Польшей Англия сразу же ратифицировала пакт о взаимопомощи. Сейчас же окончательно прекратить всякую переброску войск! Мне нужно время для переговоров. Немедленно вызовите ко мне Браухича и Гальдера! А затем сразу отправляйтесь в музыкальный салон на совещание с Аттолико, у него имеется ответ из Рима».

Когда я, дав все необходимые указания, явился на совещание с Аттолико, фюрер в присутствии Риббентропа показал итальянские требования насчет сырья. Они были настолько громадны²⁹³, что о таких размерах и речи идти не могло. Фюрер даже иронически спросил Аттолико: уж не ослышался ли он и нет ли здесь какой-то ошибки при передаче — ведь цифры невероятно велики! Он попросил Аттолико немедленно еще раз сделать запрос: цифры наверняка переданы неправильно. Но Аттолико заверил (я слышал это собственными ушами!), что цифры безусловно верны. Я получил задание лично через нашего военного атташе генерала фон Ринтелена выяснить у начальника итальянского генерального штаба [Кавальеро], каковы крайние требования итальянского военного руководства. Сообщение генерала фон Ринтелена показало правильность этого предположения, ибо он подтвердил требуемые Аттолико поставки, чем дуче обеспечил себе свободу рук.

Совместно с главнокомандующим сухопутными войсками и начальником его генерального штаба «день X» был перенесен на 31.8.[1939 г.], т.е. отодвинут на пять дней. Перед тем эти господа заверили Гитлера, что уровень развертывания войск пока еще не привел к их демаскировке. Отдача последнего приказа была назначена на 30 августа не позднее 17 часов, что обеспечивало своевременное прохождение приказов на выступление 31 августа.

Хотя я и в последующие дни ежедневно находился в Имперской канцелярии, мне только всего три раза довелось разговаривать с Гитлером, так как он постоянно присутствовал на политических совещаниях²⁹⁴.

---

²⁹³ Итальянский министр иностранных дел граф Чиано, зять Муссолини, цинично записал потом в своем дневнике: «Они смогли бы уложить быка на месте, умей бык читать».

²⁹⁴ По вопросу о сложившейся ситуации см. запись в дневнике генерала Гальдера от 28.8.1939 г. (Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik,

Первый раз — когда он в зимнем саду (это было, верно, 29 августа) зачитал продиктованные им (кажется, в виде семи пунктов) свои крайние требования. Самыми важными из них были:

1. Возвращение Данцига рейху.

2. Передача под германский суверенитет части польского коридора через Восточную Пруссию для прокладки железной дороги и автострады.

3. Передача [Германии] 75 % населенных фольксдойче²⁹⁵ областей бывшей Германской империи (кажется, это было сформулировано именно так).

4. Проведение на территории польского коридора под международным контролем народного голосования о возвращении в рейх²⁹⁶.

Гитлер спросил, что я думаю об этом. Я ответил: «Нахожу это весьма умеренным». Тогда он сказал, что хочет обнародовать

Serie D, Bd. VII. S. 470 ff). Полковник Остер (начальник центрального отдела абвера) сообщил ему через министра финансов Пруссии Поппца следующее высказывание Гитлера: «Те, кто снова хочет нанести нам удар в спину, пусть поостерегутся!»

Далее в дневнике Гальдера говорится: «В 17.30 совещание в Имперской канцелярии. Присутствуют: представители рейхстага, несколько видных лиц партии, фюрер вместе с Гиммлером, Гейдрихом (начальник РСХА. — *Прим. пер.*), Вольфом (начальник личного штаба рейхсфюрера СС Гиммлера. — *Прим. пер.*), Геббельсом и Борманом. Фюрер заявляет: положение весьма серьезно. Он полон решимости так или иначе покончить с восточным вопросом. Минимальное требование — возвращение Данцига, решение проблемы с коридором. Если это минимальное требование выполнено не будет — тогда война. Причем жестокая! Он сам пойдет в первой шеренге... Война — очень тяжелая, может быть, даже бесперспективная. «Но, пока я жив, — о капитуляции ни слова! Пакт с Советами во многом понимается партией неверно. Надо стремиться к пакту хоть с самим сатаной, с дьяволом!» Личное впечатление [о Гитлере]: бледен от бессонницы, исхудал, голос срывающийся, сам — рассеянный...»

²⁹⁵ По нацистской геополитической терминологии: этнические немцы, проживавшие вне границ рейха. — *Прим. пер.*

²⁹⁶ Изложенное Кейтелем соответствует в целом той последней программе из 16 пунктов, которую Гитлер в конечном счете передал через Риббентропа ночью 31.8.1939 г. британскому послу Гендерсону как сформулированную фюрером программу для переговоров.

это в Лондоне в качестве минимальной основы для переговоров с Польшей.

Во второй раз — когда я 30 августа доложил ему о своем прибытии, Гитлер сказал, что у него для меня времени нет, он как раз диктует ответ Даладье на письмо, в котором тот обращается к нему как к старому фронтовику с призывом ни в коем случае не доводить дело до войны. Он должен потом еще раз перечитать письмо Даладье; не говоря о его человеческой стороне, оно показывает, как думают во Франции, и свидетельствует о том, что там войны из-за коридора не хотят.

Третий раз — 30 августа во второй половине дня, когда я явился вместе с Браухичем и Гальдером, «день X» был еще раз отложен на 24 часа и назначен на 1 сентября, т.е. армия еще раз была остановлена на занятых к 31 августа исходных позициях. Гитлер обосновал это следующим: он ожидает 31 августа прибытия из Варшавы полномочного представителя польского правительства или же получения польским послом в Берлине [Липским] полномочий на ведение окончательных переговоров. Этот срок он должен выждать. Гитлер добавил: о дальнейшем переносе позже 1 сентября не может быть и речи — это возможно только в случае принятия Варшавой его ультимативных требований.

Однако у нас сложилось впечатление, что сам он больше уже не верит в это, хотя до того момента наша надежда избежать войны по большей части связывалась с германо-русским секретным протоколом к договору от 23 августа 1939 г., согласно которому Сталин заявил о своей готовности в случае войны с Польшей к ее разделу с установлением демаркационной линии между областями германских и русских интересов, а тем самым — к свосму военному вмешательству. Мы считали, что в таком положении Польша войны не допустит, и твердо верили тогда в стремление Гитлера избежать войны.

Несмотря на это, я на всякий случай — то было 23.8.[1939 г.], после выступления Гитлера перед генералами в Бергхофе, — телеграфу вызвал Йодля в Берлин²⁹⁷. На основании своего моби-

---

²⁹⁷ В дневнике Йодля (IMT-Prozess, Bd. XXVIII, s. 389 говорится: «23.8. По приказу ОКВ я явился в Берлин и принял на себя обязанности начальника штаба оперативного руководства вермахта. 11—12.30 — со-

лизационного предписания он должен был стать начальником штаба оперативного руководства ОКВ. Йодль прибыл в Берлин 26-го или 27.8. Разумеется, он не был в курсе дела и был ознакомлен с обстановкой мною и полковником Варлимонтом. Он еще в июле или начале августа получил от меня подтверждение, что его желание быть назначенным командиром вновь сформированной 2-й горнострелковой дивизией будет удовлетворено. Это еще раз подтверждает, насколько мало я тогда думал о предстоящей войне. Йодль был впервые представлен мною Гитлеру в ночь со 2 на 3 сентября в его специальном поезде, в котором мы сопровождали фюрера на Восточный фронт.

1 сентября [1939 г.] войска, предназначенные для действий на Востоке, планомерно перешли в наступление; люфтваффе на рассвете произвела первые налеты, обрушив бомбы на железнодорожные узлы, а особенно на аэродромы Польши. Никакого объявления войны не последовало: вопреки нашему предположению, Гитлер счел его излишним. <...>

Ни тогда, ни позже Гитлер не давал никому из нас, военных, понять, намерен ли он и при каких именно условиях прекратить войну и не допустить ее распространения на западные державы. Нас уверяли, что объявление войны (ультиматум) Англией и Францией есть их неправомерное вмешательство в наши восточные дела, которые были исключительно германо-польской проблемой и в которых ни Англия, ни Франция не могли иметь никаких экономических или прочих интересов, поскольку это не затрагивало их европейских дел. Мы, военные, увидели, что наши опасения насчет возникновения фронта на Западе оказались необоснованными. Конечно, Англия, только что заключив пакт о взаимопомощи с Польшей, должна была сделать явный жест, но она не в состоянии была осуществить военное вмешательство ни на море, ни тем более на суше, а Франция не желала из-за английских обязательств, данных Польше, вести войну, к которой даже не подготовлена. Все это, считали мы, — вооруженная и, по существу, задуманная не всерьез демонстрация

вещание в ОКВ...» В мирное время Йодль предназначался на должность командира 4-й (а не 2-й, как ошибочно указывает Кейтель) горнострелковой дивизии. Начальником штаба оперативного руководства должен был стать генерал фон Зоденштерн.

напоказ всему миру; он [Гитлер] не позволит врагам блефовать таким методом. Такowymi или подобными были ежедневные высказывания Гитлера главнокомандованию сухопутных войск, а также во время наших фронтовых поездок.

Несмотря на наши серьезные опасения, нам почти казалось, что и в этой ситуации чутье Гитлера снова окажется безошибочным, ибо в ежедневных донесениях с Запада говорилось только о стычках боевых охранений и о военных действиях во французском предполье между линией Мажино и нашим Западным валом. Наши слабые гарнизоны отражали их контрударами, без каких-либо крупных боев, нанося противнику большие потери. Можно было и впрямь считать это вооруженными демонстрациями, нацеленными больше на то, чтобы связать наши силы на Западном фронте и разведкой боем определить как наши силы, так и нашу готовность к обороне. С чисто военной точки зрения, эти сковывающие боевые действия французской армии были для нас совершенно необъяснимы, если только французы — что маловероятно — не преувеличивали значительно силу наших западных войск или же, как утверждал Гитлер, были не готовы к войне. Это противоречило всем принципам ведения войны: бездейтельно взирать на разгром польской армии и не использовать то благоприятное положение, которое имелось у французского военного руководства, пока наши главные силы были связаны нападением на Польшу. С оперативной точки зрения, мы, военные, стояли перед загадкой: неужели Гитлер опять прав и западные державы не продолжат войну после разгрома Польши?

С полигона Гросс-Борн, места постоянной стоянки нашего спецпоезда, мы каждый второй день отправлялись в армейские и корпусные штабы действовавших в Польше войск, где фюрер требовал докладывать ему обстановку и по этому случаю встречался несколько раз с главнокомандующим сухопутными войсками, который бывал заранее проинформирован о цели нашей поездки. В ведение операций Браухичем фюрер вмешивался мало. Мне припоминаются только два случая такого вмешательства, а именно: требование Гитлера как можно скорее усилить северный фланг путем выдвижения танковых соединений из Восточной Пруссии с целью укрепления и расширения восточного крыла для окружения Варшавы восточнее Вислы.

Вторым случаем было вмешательство в операции армии Бласковица²⁹⁸, которыми фюрер был серьезно недоволен. Обычно же он ограничивался высказыванием своих замечаний и беседами с главнокомандующим сухопутными войсками, а также некоторыми инициативами, не прибегая, однако, к командной власти. В отношении люфтваффе это имело место гораздо чаще: здесь он в интересах наземных операций лично давал указания и каждый вечер говорил с Герингом по телефону.

Доклады фюреру о положении на фронте, имевшие место в специальном вагоне для отдачи приказов, я перепоручил Йодлю, которому был придан в помощь технический персонал (по одному офицеру связи от всех трех видов вооруженных сил; они считались офицерами связи между своими главнокомандующими и фюрером). Для большего по количеству персонала в поезде фюрера места не было²⁹⁹. <...>

25.9.[1939 г.] в Берлине перед Галерсей поминовения павших героев состоялся государственный траурный акт памяти погибшего на фронте генерал-полковника барона фон Фрича³⁰⁰. Погода была совершенно нелетная, и фюреру пришлось отказаться от участия в государственных похоронах. Тем не менее я вылетел в Берлин, но долетел только до Штеттина, так как берлинский аэродром Темпельгоф был закрыт туманом. Мы больше часа ожидали летной погоды, но мой пилот Функ все-таки посадил самолет недалеко от Берлина на военном аэродроме Штакен. Таким образом, я все же поспел на похороны и от имени фюрера возложил венок на гроб Фрича. Браухич и я приняли участие в бесконечной траурной процессии, в которой шли в большин-

---

²⁹⁸ Иоганнес Бласковиц, генерал пехоты, командовал (до Паулюса. — *Прим. пер.*) 6-й армией, входившей в группу армий «Юг» (командующий — генерал-полковник фон Рундштедт).

²⁹⁹ Далее Кейтель подробно описывает свои опущенные нами выезды на фронт в штабы частей и соединений. — *Прим. пер.*

³⁰⁰ Бывший главнокомандующий сухопутными войсками генерал-полковник запаса барон фон Фрич, командовавший в Польской кампании 12-м артиллерийским полком, 22.9.1939 г. выехал на встречу с командующим 3-й армией генералом фон Кюхлером и попал под ружейно-пулеметный огонь польской пехоты. Пулеметная пуля пробила ему главную бедренную артерию, и он умер в тот же день. Гитлер находился совсем близко — в варшавском предместье Прага.

стве своем военные. В ней участвовал также дипломатический корпус. Фрич был похоронен на Кладбище инвалидов.

Генерал-полковник барон фон Фрич сопровождал 2-ю дивизию и 12-й артиллерийский полк, командиром которого он был назначен, всю Польскую кампанию. Фюрер долго колебался, не дать ли ему командовать группой армий или отдельной армией «Восточная Пруссия», о чем просил Браухич, активно поддерживаемый мною. Но потом фюрер решил отказаться от этого, мотивируя тем, что тогда надо будет вернуть и Бломберга, а на это он решиться не может. Основанием же для возвращения Бломберга служило то, что в свое время предполагалось использовать его в случае войны. Поскольку Гитлер не смог сдержать своего обещания, он отклонил и назначение Фрича на высокий военный пост, ибо нанес бы тем самым тяжелый удар Бломбергу. Широко распространенный слух, будто Фрич от обиды искал смерти, является (по рассказу офицера, в моем присутствии доложившему фюреру о смертельном ранении Фрича) ложным. Генерал-полковника сразила шальная пуля в тот момент, когда он беседовал с офицерами штаба, в котором находился; через несколько минут он скончался.

Война против Польши завершилась парадом в частично разрушенной Варшаве, на который фюрер со своей свитой прилетел из Берлина.

Перед отлетом фюрера в Берлин на аэродроме должен был состояться завтрак в его честь. Но, увидев накрытый в одном из ангаров стол в виде огромной подковы, он вдруг повернулся к Браухичу и сказал, что ест только вместе с солдатами, стоя, из полевой кухни. Затем направился к самолету и приказал немедленно вылетать. Я счел такое поведение бестактным по отношению к Браухичу.

Но поступок Гитлера не был продиктован недобрыми намерениями. Во время полета раздражение фюрера улеглось, и он, казалось, раскаивался в своем поступке. Когда я через несколько дней рассказал Браухичу об этом, он ответил, что завтрак и без фюрера прошел очень мило.

Уже вскоре после падения Варшавы мы начали перебрасывать первые дивизии на Западный фронт, хотя до тех пор никакого обострения обстановки (то там, то здесь возобновлялись лишь бои местного значения) в предполье нашего Западного

вала не произошло. Первые части и соединения были направлены на северное крыло, в район Ахена. Это было сделано потому, что фюрер считал нашу жалкую, всего только импровизированную, пограничную охрану от Бельгии и Голландии слишком слабой, просто-таки провоцирующей противника на обход Западного вала с севера и на прорыв в незащищенную Гурскую область. Но западный противник тогда еще слишком робел перед нарушением нейтралитета Бельгии, король которой (как мы узнали позже через Рим) из-за своего династического родства [с итальянской монархией] отказал в проходе французской армии через его страну.

Еще в то время, когда операции в Польше шли полным ходом, стали раздаваться жалобы на превышение власти полицейскими органами Гимmlера, присвоившими себе право устанавливать «спокойствие и порядок», как они это называли, в тыловых оккупированных районах. Если поначалу речь шла о злоупотреблениях властью только в отдельных случаях, то теперь полиция арестовывала по всей Польше тех людей, которые числились в качестве угнетателей немецкого меньшинства и как таковые были поименно зарегистрированы в списках, ведущихся уже ряд лет. Но поскольку дело этим не ограничивалось и вообще не поддавалось контролю, армия заявила решительный протест против всех полицейских эксцессов, которые совершались не по приказу командующих войсковыми соединениями. Ведь вся исполнительная власть принадлежала главнокомандующему сухопутными войсками и по его уполномочию должна была осуществляться командующими армиями, которые и чувствовали себя ответственными за это.

В интересах сохранения престижа вермахта фон Браухич по праву отклонил ответственность исполнительной власти за действия органов полиции. Уже с конца сентября [1939 г.]³⁰¹ по

---

³⁰¹ В конце сентября 1939 г. в оккупированной немцами Польше была создана военная администрация во главе с генерал-полковником фон Рундштедтом и бывшим юридическим советником Гитлера д-ром Гансом Франком. 26.10.1939 г. Франк в качестве «генерал-губернатора» принял на себя все управление Польшей — той ее частью, которая была оккупирована рейхом, но не вошла в его состав. В качестве высшего органа вермахта в этом «генерал-губернаторстве» был учрежден пост «главнокомандующего Ост» — им стал генерал Бласковиц. О его

представлению главнокомандующего сухопутными войсками, которое он направил, однако, прямо для доклада фюреру, мне удалось передать с 17 октября [1939 г.] военную администрацию под начало гражданского генерал-губернатора.

Со времени падения Варшавы шла переброска сухопутных войск на Запад при полном использовании пропускной способности железных дорог. Как только войска прибывали на перевалочный пункт, частично после продолжительных маршей, их сразу направляли дальше. Но при этом ОКХ меньше всего думало об осенней или зимней кампании на Западе. Примерно 22 сентября мне в руки попал приказ начальника генерального штаба о частичной демобилизации сухопутных войск. Я вызвал тогда генерала Гальдера и объявил этот приказ недопустимым, поскольку он отдан без согласия фюрера; приказ должен быть приостановлен или же затем изменен, так как опыт войны против Польши требует для возможной войны на Западе различных реорганизаций.

Уже вскоре стало ясно, сколь велика была оппозиция ОКХ идее Гитлера еще в октябре [19]39 г. привести сухопутные

памятной записке против террора полицейских частей в Польше (массовые убийства поляков и евреев) и его обращении в адрес главнокомандующего сухопутными войсками от 15.2.1940 г. (Док. СХХХV1-15) Кейтель не упоминает. Протесты Бласковица привели к снятию его с должности. См. также док. 864-PS (IMT-Prozess, Bd. XXVI, S. 377) о беседе Гитлера с Кейтелем 17.10.1939 г. о Польше. Польша, заявил Гитлер, должна остаться самостоятельной. Администрация должна быть тоже польской и управляться поляками. Но не допустить создания никакой новой интеллигенции и руководящего слоя. Снять ответственность с ОКХ. Кейтель информировал об этом ОКХ в тот же день. При этом фюрер добавил, что как старая, так и новая территория рейха должна быть очищена от «евреев, поляков и прочего сброда». В рукописных материалах д-ра Нельте «Ужасы в России» имеется реплика Кейтеля на донесение адъютанта главнокомандующего сухопутными войсками адъютанту ОКВ капитану Энгелю в Берлин о расстреле под командованием одного штурмбаннфюрера СС евреев и поляков. Кейтель написал на этом донесении: «Таким образом, обошли ОКВ и меня лично. <...> Обязанность самим докладывать о таких вещах фюреру! Хотят избежать этого, ибо на это у них не хватает мужества, но совесть свою, видимо, хотят облегчить. Почему сразу-де не отдают этого штурмбаннфюрера СС под суд и не сообщают о начале процесса против него? [Кейтель]» (Док. Ju K-38).

войска в состоянии готовности к наступлению на Западе. ОКХ точно так же, как и большинство ведущего генералитета армии, в том числе Рейхенау, обосновывало свою точку зрения не только военными, но и политическими соображениями, которые разделял и я.

Наряду с тем, что их пугали воспоминания о Первой мировой войне и мысли о мощи линии Мажино, против которой разрушающего оружия у нас тогда не было, они считали армию после Восточной кампании еще небоеспособной для наступательных действий без восстановления ее сил, без увеличения ее численности путем мобилизации, без совершенствования боевой подготовки и различных военно-технических улучшений. Особенно отвращала у них война зимой, с ее туманами и дождями, короткими днями и длинными ночами, при которых мобильную войну вести нельзя. Из того факта, что французы не использовали хорошее время года и основательную слабость нашей обороны на Западе, тоже делался вывод, что там серьезно войны не хотят, а наше наступление лишь помешало бы мирным переговорам или же сделало их совсем невозможными. Была ясность и насчет того, что линия Мажино заставит вести наступление через Северную Францию, Люксембург и Бельгию, а возможно, и через Голландию, со всеми теми последствиями, которые пришлось пережить в войне 1914—1918 гг.

Тем не менее Гитлер видел в каждом потерянном дне гораздо больший стратегический ущерб, чем риск нарушения нейтралитета, отрицательные стороны которого в той же мере затрагивают противника, но гораздо ощутимее для немецкого солдата. Главным для Гитлера был выигрыш противником времени для своего вооружения, для усиления своих войск, особенно для увеличения числа английских десантных дивизий за упущенные семь месяцев до мая [19]40 г. в пять раз — с 4 до 20 дивизий. Но самое решающее значение имела тревога за Рейнско-Вестфальскую [Рурскую] промышленную область — сердце германского вооружения. Ее потеря была бы равнозначна проигрышу войны. Прорыв (как считал Гитлер) сильной моторизованной франко-английской армии из Северной Франции через Бельгию в Рурскую область был возможен в любое время, но, можно полагать, был бы осознан слишком поздно для того, чтобы суметь эффективно воспрепятствовать ему.

Обе эти точки зрения противостояли тогда, в октябре [19] 39 г. Я в то время придерживался такого же взгляда, что и ОКХ. Это привело к первому тяжело и открыто проявившемуся кризису доверия Гитлера ко мне. Когда я с чувством долга вполне откровенно высказал ему свое мнение, он обрушился на меня с самыми резкими упреками: я веду против него обструкцию и вступил в заговор с генералами против его планов; он требует от меня, чтобы я целиком принял его точку зрения и безоговорочно отстаивал ее перед ОКХ. Я попытался вставить, что его хорошо известную мне оценку положения и его взгляды я не раз старался доказать Браухичу, но Гитлер несколько раз повторил глубоко оскорбившее меня обвинение, будто я поддерживаю оппозицию генералов против него.

Я был крайне взволнован и обсудил эту ситуацию со Шмундтом. Он попытался успокоить меня и рассказал, что в полдень у фюрера побывал приглашенный на обед генерал фон Рейхенау, который потом долго беседовал с ним с глазу на глаз. Затем Гитлер в крайнем возбуждении сообщил Шмундту, что Рейхенау тоже изложил ему принципиальные взгляды ОКХ. Фюрер был очень взвинчен этим, что, видимо, и послужило поводом к тому, что вечером он обрушился на меня с такими нападками.

Я потребовал от Шмундта сказать фюреру, что ввиду его столь сильного недоверия ко мне прошу о переводе меня на другую должность, так как при сложившихся обстоятельствах предпосылок для моей работы больше нет. Как справился Шмундт с такой задачей, не знаю: в Имперскую канцелярию я не поехал и ждал, не вызовут ли меня туда для разговора. Этого не произошло и на следующий день. Тогда я от руки написал Гитлеру письмо, в котором в связи с выраженным мне недоверием просил использовать меня на фронте. Письмо отдал Шмундту для передачи Гитлеру³⁰².

---

³⁰² Документов об этом (о первом прошении Кейтеля об отставке) до сих пор не обнаружено. Они могли быть уничтожены Гитлером вместе со всей его личной перепиской при самоубийстве в 1945 г. О повторных прошениях Кейтеля на Нюрнбергском процессе упоминал не только Йодль, но и офицер штаба оперативного руководства вермахта полковник Лоссберг, сказавший при этом о Кейтеле: «Он отнюдь не был тем офицером, который энергично отстаивал собственное мнение».

Затем последовал разговор Гитлера со мной. Он заявил, что мою отставку отклоняет; таких рапортов он читать не желает: только он один имеет право, когда захочет, сказать мне, что снимает меня. Я обязан исполнять свою службу на том посту, на который он меня поставил. Мое письмо — признак сверхчувствительности: ведь он же не сказал мне, что лишил меня своего доверия! Затем фюрер перешел к деловым соображениям, оценке положения и с возмущением заговорил о Рейхенау: пусть тот, вместо того чтобы печься о политике, займется-ка лучше быстрейшим приведением в боевую готовность своей танковой группы, а не объявляет ее не готовой действовать ввиду износа моторов, гусениц и т.п.

В заключение мне было велено пригласить к нему Браухича. Одновременно я узнал, что он уже имел — без меня — беседу с Браухичем, который изложил ему точку зрения ОКХ. Гитлер сказал ему, что ОКХ не должно заниматься политическими проблемами; не дело генерального штаба тратить на это энергию, необходимую для восстановления боеспособности сухопутных войск после короткой войны с Польшей. Когда есть доброе желание привести танковые части в порядок — это не проблема.

Я должен был присутствовать при новом разговоре с Браухичем. Он [Гитлер] весьма основательно продумал свое решение и в ближайшее время направит главнокомандующим [трех видов вооруженных сил] собственноручно написанную памятную записку о проблеме мировой войны, в которой изложит свои взгляды.

Следующая беседа с Браухичем состоялась — это было, верно, на другой день [5.11.1939 г.] — в моем присутствии. Браухич и я молча слушали подробные соображения Гитлера насчет известной позиции ОКХ.

Затем Браухич изложил причины своей точки зрения, отклоняющейся от точки зрения Гитлера.

1. Пехота показала себя в польской войне безразличной и лишенной боевого наступательного духа; ей не хватало именно боевой подготовки и владения наступательной тактикой, также и ввиду недостаточного умения младших командиров.

2. Дисциплина, к сожалению, очень упала: в настоящее время царит такая же ситуация, как в 1917 г.; это проявилось в алкогольных эксцессах и в распушенном поведении при перебро-

сках по железным дорогам, на вокзалах и т.п. У него имеются донесения об этом, в том числе и военных комендантов железнодорожных станций, а также ряд судебных дел с приговорами за тяжкие дисциплинарные проступки. Армия нуждается в интенсивном воспитательно-боевом обучении, прежде чем она сможет быть двинута против отдохнувшего и хорошо подготовленного противника на Западе.

После этих слов главнокомандующего сухопутными войсками Гитлер в крайнем возбуждении вскочил и выкрикнул примерно следующее: ему совершенно непонятно, как это на основании некоторых фактов недисциплинированности главнокомандующий поносит собственную армию и выставляет ее в дурном свете! Ни один командующий на фронте ни разу не говорил ему о недостаточном боевом духе пехоты. И это он слышит теперь, после уникального победоносного похода армии против Польши! Такие упреки по адресу сухопутных войск он, как Верховный главнокомандующий вермахтом, должен решительно отвергнуть. В заключение Гитлер даже сказал, что потребует немедленного предъявления ему судебных дел для ознакомления с ними. Затем, громко хлопнув дверью, вышел, оставив нас обоих стоять. Мне было ясно: этот инцидент означает внутренний разрыв Гитлера с Браухичем. Доверие было окончательно подорвано.

Я ежедневно стал получать запросы насчет требуемых судебных дел. Лично я видел только одно, которое Гитлер швырнул мне на стол³⁰³. От Шмундта я узнал, что в результате этой ужасной сцены Браухич попросил отставки, был вызван к Гитлеру, и рапорт его отклонен.

Несколько дней спустя³⁰⁴ — это было, верно, в середине октября — генерала Гальдера вызвали к фюреру для доклада

---

³⁰³ Большие потери унтер-офицерского состава в Польской кампании доказывают, что поначалу было трудно заставить непривычные к боевым действиям войска переходить в наступление. По мере успехов вера в собственные силы росла. О том, что дисциплина не была на высоте, говорили первые приказы против дезертирства, грабежей и т. п.

³⁰⁴ По смыслу: «несколькими днями ранее». 9.10.1939 г. датирована директива Гитлера № 6 о ведении войны. Ядром ее являлось требование возможно быстрого осуществления наступления на Западе. 15.10.1939 г. Йодль записывает в своем дневнике: «Разговор с Гальде-

оперативного плана «Запад». Присутствовали Йодль и я. Хотя Гитлер и перебивал докладчика различными репликами, но в заключение сказал: от высказывания своей позиции он воздержится до тех пор, пока Гальдер не вручит ему карту с планом операции. Когда Гальдер удалился, Гитлер заявил нам примерно следующее: ведь это же старый план Шлиффена с сильным правым крылом на Атлантическом побережье; такие операции дважды безнаказанно не проходят! Я же придерживаюсь совсем иного взгляда и в ближайшие дни скажу вам [Йодлю и мне] об этом, а потом сам поговорю с ОКХ.

Из-за нехватки времени не хочу здесь рассматривать вытекавшие отсюда оперативные вопросы, а ограничусь констатацией: именно лично Гитлер требовал прорыва танковых групп через Седан к побережью Атлантики у Абвилля, с тем чтобы охватить с тыла и отрезать пробивающуюся сюда, как можно было предвидеть, франко-английскую моторизованную армию³⁰⁵.

У меня имелись опасения, что эта гениальная операция может не удался, если только французская армия не окажет нам такую любезность: не обрушится автоматически через Бельгию на наш правый фланг, а будет бездейтельно стоять на месте до тех пор, пока не осознает запланированную Гитлером операцию по прорыву. Йодль разделял мои опасения столь же мало, как и Гитлер!

ром. 1. Мысли фюрера... Мы выиграем эту войну, даже если она стократно противоречит доктрине генштаба» (IMT-Prosess, Dok. PS-1811). Кейтель строго конфиденциально открыл полковнику Варлимонту, что Гитлер хочет начать наступление на Западном фронте, если завершение Польской кампании не даст никакой возможности достигнуть взаимопонимания с Англией.

³⁰⁵ Эта формулировка звучит недопустимой апологетикой Гитлера. Хотя тот еще ранее развивал свою идею создать в центре фронта вторую наступательную бронетанковую группу с направлением удара через Арденны примерно на Седан, окончательный вид весь этот план получил лишь в проекте вышколаенного и одаренного генштабиста генерала фон Манштейна, начальника штаба группы армий «А». Гитлеру при этом выпала роль исполнителя, он осуществил «план Манштейна» в качестве «своего собственного», убедив в том своих приближенных, в том числе и Кейтеля. Обо всем этом комплексе см. основополагающую работу Ганса Адольфа Якобсена: *Hans Adolf Jacobsen. Fall Gelb. Der Kampf um den deutschen Operationsplan zur Westoffensive 1940.* Wiesbaden, 1957.

Здесь следует упомянуть о том, что однажды, несколько позднее, фюрер, с выражением радости на лице, сообщил мне, что в отношении этого оперативного плана у него состоялся личный разговор с генералом фон Манштейном. Тот, единственный среди генералов сухопутных войск, придерживается той же точки зрения, и это доставило ему [Гитлеру] большое удовлетворение³⁰⁶. Манштейн был тогда начальником штаба группы армий «Центр» (командующий — фон Рундштедт), которая действительно превратила этот план в подавляющий успех. Однако только в течение зимы, прежде всего в результате новых вмешательств Гитлера, из первоначально слишком слабых танковых войск был сформирован корпус под командованием Гудериана³⁰⁷, а затем и настоящая танковая армия во главе с генералом фон Клейстом³⁰⁸ и начальником штаба Цейтцлером. Это следует приписать исключительной настойчивости и негибкой воле фюрера.

Наступление было назначено на 25 октября [1939 г.]³⁰⁹, хотя Гитлер и сомневался, удастся ли соблюсти эту дату. Однако он хотел тем самым оказать давление [на ОКХ] в целях максимального использования короткого времени на подготовку и развертывание войск. В действительности же до того еще не удалось произвести необходимые ремонтные работы в танковых частях; особенно не хватало запасных моторов, редукторов и гусениц. Кроме того, погодные условия были крайне неблагоприятными. Неизбежно возникали и другие трудности, ибо только одно решение было у Гитлера твердым: он хотел выступать при устойчивой хорошей погоде, обеспечивающей надежные условия для авиации, ибо намеревался полностью ввести в дело люфтваффе. Так миновали ближайшие сроки в ноябре, пока Гитлер не решил дожидаться более продолжительной ясной

---

³⁰⁶ 27.2.1940 г. генерал-лейтенанту Манштейну (ирония судьбы — после отставки со своего поста!) представился случай изложить Гитлеру свой план. — См.: E. Manstein. *Verlorene Siege*. S. 119 f.

³⁰⁷ Гейнц Гудериан, генерал танковых войск, командир 19-го армейского корпуса.

³⁰⁸ Пауль Людвиг Эвальд фон Клейст, генерал кавалерии, командующий танковой группой, подчиненной группе армий «А».

³⁰⁹ Ошибка автора. Самой ранней датой наступления, даже на взгляд Гитлера, являлся период между 15 и 21 ноября 1939 г.

морозной погоды зимой. Весь этот период главный метеоролог люфтваффе Дезинг каждый раз, давая прогноз погоды или выходя с совещания по обсуждению обстановки, от страха покрывался красными пятнами или обливался холодным потом, боясь дать неоправданный прогноз.

Разумеется, зима 1939/40 г. была для меня и ОКВ целиком заполнена работой, а также богата внутренними событиями.

В январе [19]40 г. Гитлер, поскольку надежда на ясную морозную погоду казалась исчезнувшей, принял решение отодвинуть наступление на почти застывшем Западном фронте на май 1940 г. <...>

С октября [19]39 г. на повестку дня встал важный для военно-морского флота вопрос о значении военно-морских и авиационных баз в Норвегии для дальнейшего ведения войны на тот случай, если англичане закрепятся там и таким образом установят свое господство над проливом Скагеррак и над маршрутами германского надводного и подводного флота, включая морской путь из Балтийского моря в Атлантику³¹⁰, а также поставят под угрозу английской авиации германские военные порты.

В декабре [19]39 г., после того как были установлены отношения с норвежским военным министром Квислингом³¹¹, выкристаллизовался смелый план овладеть норвежскими портами на морском пути. Штаб оперативного руководства вермахта создал особый штаб, и началась генштабистская подготовка совместно с военно-морским флотом. Ввиду протяженности маршрута до Нарвика (более 2000 км), а также значительного превосходства английского флота над германским, этот план можно было назвать умеренным. Данное обстоятельство сознавали и сам фюрер, и главнокомандующий военно-морскими силами Редер. Поэтому Гитлер активнейшим образом включился в подготовку операции, причем план этот держался в тайне от сухопутных

---

³¹⁰ Об операции против Норвегии см. основополагающую работу Вальтера Губача: *Walter Hubatsch. Weserübung. Die deutsche Besetzung von Danemark und Norwegen 1940. 2. Aufl. Gottingen, 1960.*

³¹¹ Видкун Квислинг — премьер-министр правительства Норвегии, позже — во время немецкой оккупации — при германском имперском комиссаре. Имя Квислинга стало синонимом коллаборационизма.

войск и люфтваффе³¹². ОКВ же впервые выполняло при разработке общего театра военных действий для военно-морского флота, авиации и сухопутных войск свою прямую функцию штаба оперативного руководства Гитлера.

То, как ОКВ в этой операции, отстранив от ее разработки генеральные штабы сухопутных войск и люфтваффе, объединило центральное руководство в руках штаба оперативного командования вермахта, является в данном отношении образцовым. При этом за военные действия по транспортировке войск и их снабжение отвечало командование военно-морского флота, между тем как высадившиеся в Норвегии сухопутные войска и люфтваффе находились под прямым руководством ОКВ. Сама операция началась 9 апреля 1940 г.

Почти регулярно в Имперской канцелярии проходили ежедневные совещания по обсуждению обстановки или же полуденные доклады Гитлеру. Кабинеты Йодля и мой располагались рядом со старым залом заседаний имперского правительства. Там же находились помещения для адъютантов и машбюро. Каждый день около полудня мы выезжали из военного министерства в Имперскую канцелярию, а я иногда задерживался там до полуночи. Все это время Йодль из-за нехватки рабочих площадей на Бендлерштрассе³¹³ выполнял функции начальника штаба оперативного руководства вермахта, практически работал только в здании Имперской канцелярии, и, таким образом, если фюрер чего-либо желал, всегда находился у него под рукой. Тем самым укрепились и его отношения с Гитлером, росло признание способностей Йодля, что я только приветствовал. Хотя я и желал всегда быть в курсе дела, а не стоять в стороне, мое сотрудничество с Йодлем никогда ни на йоту не омрачалось, ибо ничто не было мне так чуждо, как ревность, и ничто не могло быть для меня более немислимым, чем связывать задачи по руководству вермахтом только с собою. Ведь сам я ничего решать не мог, фюрер оставил лично за собой это право даже во второстепенных вопросах.

---

³¹² Преувеличенная формулировка. Хотя ОКХ и не был включен в разработку и осуществление плана, без участия ОКЛ это было невозможно.

³¹³ Улица в Берлине, на которой помещалось имперское военное министерство. — *Прим. пер.*

Одним из самых неприятных инцидентов явилась вынужденная посадка на бельгийской территории двух офицеров люфтваффе с оперативными документами³¹⁴. Оба офицера приземлились во время полета из Мюнстера в Кёльн из-за неисправности мотора. При них, вопреки всем предположениям, находились основные оперативные приказы, а также планы двух авиадесантных операций, которые, таким образом, попали в руки противника. Авиационный начальник, разрешивший этот полет и тем самым допустивший разглашение военной тайны, был отправлен в отставку³¹⁵. Тогда и возник ставший знаменитым «Основополагающий приказ фюрера № 1» о сохранении военной тайны. Что же касается наземных и воздушных операций, то они, само собой разумеется, могли быть изменены только распоряжением Гитлера.

19 и 20 апреля [1940 г.] у меня произошло второе тяжкое столкновение с фюрером из-за того, что он захотел отстранить вермахт от управления оккупированной норвежской территорией (по моему мнению, это являлось преимущественной задачей местного главнокомандующего) и передать гражданскую администрацию под начало гауляйтера Тербовена³¹⁶. Я решительно запротестовал против этого и, когда Гитлер одернул меня на глазах всех участников обсуждения обстановки, вышел из зала докладов фюреру. Йодль записал в своем дневнике 19.4.[1940 г.]: «Новый кризис командования. Начальник ОКВ после резкого обмена репликами с фюрером в крайнем возбуждении выходит из зала»³¹⁷.

---

³¹⁴ О так называемом Мехеленском инциденте — вынужденной посадке двух офицеров люфтваффе на территории Бельгии 10.1.1940 г. около города Мехелен на р. Маас см.: *H.A. Jacobsen. Fall Gelb. S. 93 ff.*

³¹⁵ Это был генерал авиации Гельмут Фельми, начальник штаба 2-го воздушного флота. Его отставка была в высшей степени несправедливой, так как он не имел к данному полету никакого отношения. Кроме того, один из этих двух офицеров, майор авиадесантных войск, имел при себе не план всей операции, а лишь материалы о запланированной высадке парашютистов в районе Намюра. Ему удалось частично документы сжечь.

³¹⁶ Йозеф Тербовен (1898—1945), по профессии банковский служащий, гауляйтер Эссена, с 1940 г. до 1945 г. — имперский комиссар Норвегии. В 1945 г. покончил жизнь самоубийством.

³¹⁷ Свободное изложение записи Йодля. В действительности она гласит: «Снова кризис... Начальник ОКВ покидает зал, возникает

После того как по данным метеорологов, казалось, можно было надеяться на период хорошей погоды, был отдан приказ на наступление, которое должно было начаться 10 мая 1940 г.

10 мая в 6 часов утра королеве Нидерландов должно было быть вручено с курьером письмо имперского правительства: обстановка сделала неизбежным проход [германских войск] и через голландскую территорию, а потому просьба к королеве разрешить этот проход, дабы избежать кровопролития, причем самой остаться в стране. Несмотря на тщательнейшую подготовку и наличие паспортной визы голландского посольства в Берлине, курьер министерства иностранных дел был при переходе границы 9 мая арестован, а секретное послание у него отобрано³¹⁸. Значит, в Гааге были информированы о предстоящем начале войны, а теперь там имели в руках и подтверждение. Канарис направил тогда подозрение [в государственной измене] на господина фон Штеенграхта из министерства иностранных дел, но убедительно просил Гитлера и Риббентропа ничего не говорить об этом. Сегодня мне ясно, что Канарис был изменником.

О позиции Голландии и Бельгии, которые вот уже несколько месяцев лицемерно изображали свою нейтральность, мы информированы почти не были. Насчет Бельгии знали только от Италии, благодаря родству королевских семейств, о Голландии — благодаря задержанию в районе Венло одного агента ее секретной службы, которого ловко вовлекла в свои сети СД. На самом же деле оба эти государства отказались от своего нейтралитета тем, что молчаливо терпели нарушение их суверенного воздушного пространства английской авиацией, летавшей через него.

9 мая [1940 г.] в полдень мы, с соблюдением величайшей военной тайны, покинули Берлин с небольшой железнодорожной станции в Груневальде, выехав при свете дня в направлении

угроза хаоса в руководстве, поскольку налицо вмешательство [фюрера] во все, даже в мелкие дела».

³¹⁸ Эти данные Кейтеля относятся к так называемой миссии Кивеца. Вернер фон Кивец, германский дипломат, майор запаса, должен был в качестве посла по особым поручениям вручить королеве Нидерландов Вильгельмине послание имперского правительства в то время, когда немецким парашютистам уже предстояло захватить Гаагу. Кивец арестован не был, но голландское правительство не дало 9.5.1940 г. разрешения на его въезд в страну.

Гамбурга (о приезде туда фюрера было официально объявлено на следующий день). Затем, с наступлением темноты, наш поезд повернул [на запад], и в 3 часа утра мы прибыли в Ахен. Еще темной ночью, когда небо было чудесно покрыто звездами, мы на автомашинах выехали в ставку фюрера «Фельзеннест» («Скалистое гнездо»), построенную Организацией Тодта вдали от населенных пунктов (в Мюнстерэйфеле) в виде бункерного лагеря. Я занял в бункере фюрера соседнее помещение с бетонными стенами, без окон, с искусственным освещением; рядом со мной расположился Йодль, на другой стороне — военные адъютанты. В этих бетонированных помещениях была невероятная слышимость, я даже мог слышать, как фюрер читал вслух газету.

В пяти минутах ходьбы по лесной дороге находились деревянный барак с дневным светом, небольшое лагерное и несколько подсобных помещений, а также уютная спальня для офицера генштаба при Йодле, который постоянно жил там. Я очень завидовал тому, что в его комнатухе есть свежий воздух; ему жилось куда лучше, чем мне в бункере. В часе езды по лесной дороге располагалась ставка главнокомандующего сухопутными войсками, примыкавшая к одному лесничеству, где жил он сам.

Оба лагеря были так замаскированы и изолированы от внешнего мира, что вражеская авиация не могла их обнаружить, и их нельзя было выдать. Правда, на железнодорожную станцию Ойзкирхен было совершено два воздушных налета, но они не были нацелены специально на нас.

В первую сводку ОКВ от 10 мая [1940 г.] я вставил фразу: «Верховное главнокомандование действующими на Западе войсками вермахта принял на себя лично фюрер». Пожалуй, целых полчаса мне пришлось побороться с ним за его согласие на публикацию этой формулировки; он заявил, что хочет оставаться анонимным и не желает преуменьшать военной славы своих генералов. Но я не уступал, ибо однажды надо было все-таки сказать, кто же в действительности осуществлял военное руководство и кто был полководцем этой войны. В конце концов Гитлер уступил.

Это и на самом деле было так: Гитлер неоднократно оказывал влияние на постановку задач и на ход операций, знал цели на каждый день и подробности планов осуществления их до самых

мелочей. В конце октября [1939 г.] все командующие группами армий и армиями были обязаны поодиночке детально доложить Гитлеру окончательный план начала и ведения операций. Со всеми он говорил о подробностях, порой задавал каверзные вопросы и показывал свою необычайную информированность насчет особенностей местности, естественных преград, в т.ч. на основе тщательного изучения карты. Его критические оценки и советы различного рода доказывали генералам, что он весьма глубоко вникал в суть отдаваемых приказов и отнюдь не был дилетантом. Так, он возмущался поверхностными решениями своего друга Рейхенау, когда тот однажды публично опозорился. В то же время он с похвалой отзывался о детальной отработке и предварительной штабной игре [4-й] армии фон Клюге при прорыве через Арденны.

Наибольший интерес Гитлер проявлял к танковой группе фон Клейста, которой предстояло осуществить его идею прорыва в Арденнах. Он вновь и вновь указывал на то, что выигрыш идеальной местности для танкового сражения — первая и наикрупнейшая задача и ее надо выполнять, не оглядываясь ни налево, ни направо. Тщательная подготовка подвоза горючего, которой занимался Цейтцлер как начальник штаба группы, удостоилась его особой похвалы. Самое большое внимание он уделял задаче [16-й] армии Буша, с которым лично обсуждал все фазы обеспечения южного фланга для прикрытия беспрепятственного прорыва танковой группы, всем сердцем придавая удачному выполнению этой задачи решающее для исхода войны значение.

Итак, не преуменьшая выдающейся работы генерального штаба сухопутных войск, следует подчеркнуть, что Гитлер оказывал свое личное влияние как полководец. Поэтому, на мой взгляд, надо перед лицом всего немецкого народа признать, что он сам осуществлял военное руководство и нес за него ответственность, ибо это было именно так.

За всю Западную кампанию, длившуюся 43 дня (10 мая — 22 июня 1940 г.), Гитлер только четыре или пять раз вылетал в районы боевых действий для встреч с фронтовыми командующими. Летать через театр военных действий при хорошей погоде, а также ввиду обстановки на фронте, на транспортном самолете было бы делом рискованным. Тем чаще он встречался с

главнокомандующим сухопутными войсками для чисто оперативных совещаний, которые протекали, однако, без открытой конфронтации и вполне мирно. Ведь Гитлер имел все основания признавать заслуги командования в осуществлении своих главных желаний, хотя, к сожалению, и редко высказывал это.

Мне приходилось еще чаще (особенно в первой фазе, до июня) отправляться в путь-дорогу на моем бравом «Ю-52». В большинстве случаев мы летели на небольшой высоте, а потому вражеские бомбардировщики и истребители были для нас менее опасны.

Первое утро в «Скалистом гнезде» прошло в крайнем возбуждении... Всех нас волновал один вопрос: удалась ли тактическая внезапность или же нет? Сам Гитлер лихорадочно дождался донесений о своей особой операции против сильного и современного бельгийского заградительного форта Эбен-Эмаль, который предназначалось захватить мгновенной комбинированной наземной и воздушно-десантной атакой (с применением грузовых планеров). Гитлер лично вместе с участвующими в операции командирами воздушно-десантных и саперных батальонов до мельчайших деталей проработал ее на макете.

Я упоминаю об этом только для того, чтобы показать, как фюрер с его ни с чем не сравнимым даром предвидения вникал во все подробности практической реализации собственных идей и всегда смотрел в корень, когда что-либо предпринимал. Мне приходилось снова и снова констатировать это во всех областях моей служебной сферы. Таким образом, и высшие командиры, и мы, в ОКВ, были вынуждены пользоваться этим основательным методом работы. Фюрер без устали задавал вопросы, делал замечания и давал указания, стремясь ухватить самую суть, до тех пор, пока его неопишуемая фантазия все еще видела какие-то пробелы. По всему этому можно представить себе, отчего мы зачастую целыми часами докладывали ему и обсуждали различные дела. Это являлось следствием его метода работы, который так сильно отличался от наших традиционных военных навыков, приучивших нас передавать решение о проведении в жизнь отданных приказов самим нижестоящим органам и штабам. Хотел я или нет, мне приходилось приспособливаться к его системе.

В нашем небольшом бараке Гитлер ежедневно появлялся около полудня и к вечеру для ознакомления с боевой обста-

новкой. Докладывать о ней было обязанностью Йодля. Кроме Западного фронта ОКВ имело еще и тяжелый, крайне угрожаемый театр военных действий в Норвегии, который доставлял нам много забот, пока англичане и французы не отказались от мысли вновь захватить ее.

В принципе я находился в пути каждый второй день, чаще всего в полосе группы армий Рундштедта «Север», которая проводила решающую операцию фюрера — прорыв с поворотом на север. Начальником ее штаба стал в конечном счете генерал фон Зоденштерн, мой сослуживец по войсковому управлению в 1926—1933 гг., с которым меня связывала старая дружба. С ним я мог совершенно откровенно говорить обо всем, в том числе и об особых пожеланиях фюрера, не боясь, что он сообщит ОКХ (Гальдеру) о «вторжениях» высшего командования. Это опять бы привело к раздражению генштаба в мой адрес.

Точно так же и умный генерал фон Рундштедт уже тогда узнал все трудности моего положения и моей должности и с пониманием отнесся к воспринимаемым мною с тактичной сдержанностью «инициативам», исходившим, однако, не от меня, а от самого Гитлера. Посещения его штаба, которые в те решающие дни, благодаря успешному прорыву, являлись ежедневными, постоянно проходили в атмосфере максимального взаимопонимания. Я заблаговременно забирал для Гитлера карты с нанесенными на них самыми последними данными. <...>

Единственное столкновение между Гитлером и мною вызвало опубликованное по инициативе кронпринца и обошедшее всю мировую прессу сообщение о героической смерти его сына³¹⁹ и перевозке тела принца в Потсдам. Гитлер запретил использование на фронте отпрысков бывших царствующих династий; он не желал, чтобы княжеские дома приносили кровавые жертвы. Я этого не понимал и отстаивал точку зрения, что во время войны — это долг каждого немца, а потому нельзя отказывать принцам в этом праве, иначе они становятся как бы людьми второго сорта, не имеющими того права, которым пользуется любой немецкий рабочий или простой крестьян-

---

³¹⁹ Принц Вильгельм Прусский (1906—1940), подполковник запаса, служивший в 1-м пехотном полку, был тяжело ранен 23.5.1940 г. под Валансьеном и через три дня умер.

ский парень. Но воля Гитлера была иной. Несмотря на это, я настаивал на своем: принцев из прежде правивших династий надо срочно вернуть на фронт.

Я считал точку зрения Гитлера не только несправедливой, но и дискредитирующей молодых принцев, которые стремились выполнить свой само собою разумеющийся воинский долг и многие из которых в офицерских чинах уже давно принадлежали к вермахту. Мне не помогло ничто, и я был вынужден передать этот приказ Браухичу. Я договорился с ним и с начальником управления кадров, что принцы должны быть отозваны с передовой в штабы, ибо отправлять их домой приказа Гитлера не было. Если Гитлера (как он давал понять) пугали международные родственные связи принцев, когда их пребывание в высших штабах, где можно услышать очень многое, было еще опаснее, то все это обнаруживало болезненное недоверие фюрера. Я считал это постыдным. По этому поводу кронпринц написал мне письмо, на которое я, само собою разумеется, ответил, попытавшись объяснить это решение; насколько мне удалось — не знаю.

Вступление в войну Италии явилось для ОКВ скорее обузой, нежели поддержкой. Фюреру не удалось удержать Муссолини хотя бы еще на какое-то время. Мы были существенно заинтересованы в этом, ибо содействие намеченному [итальянскому] прорыву французского фронта в Альпах с его укреплениями требовало поддержки со стороны нашей авиации и вынуждало нас ослабить и раздробить в пользу итальянцев применение ее в воздушных боях на подступах к Парижу и в боях за него. Несмотря на нашу помощь и слабость Альпийского фронта французов, итальянское наступление очень быстро приостановилось. Этому новому союзнику, столь внезапно вспомнившему о своих союзнических обязательствах, суждено было стать для нас в войне величайшим «даром данайцев», ибо ничто не причинило такого вреда сотрудничеству и взаимопониманию с Францией уже осенью, чем необходимость считаться с итальянскими амбициями, которые фюреру приходилось тоже отстаивать.

Кульминационной точкой моей карьеры начальника ОКВ явилось заключение перемирия с Францией в Компьенском лесу 22 июня (1940 г.). Подлежащие предъявлению Франции условия уже в предвидении ее краха были составлены штабом оперативного руководства вермахта, и при поступлении французской просьбы

[о перемирии] выработаны мною в казавшейся лично мне подобающей форме. Вообще же мы с этим делом не спешили, поскольку фюрер хотел предварительно достигнуть некоторых оперативных целей — например, выйти на швейцарскую границу.

Когда день и место подписания перемирия были установлены, фюрер приказал дать ему мои заготовки и взял себе один день на переработку и многочисленные переформулировки, сочтя мое предложение хотя и правильным по существу, но еще не имеющим окончательной формы. Преамбула явилась идеей Гитлера и вышла из-под его пера.

Торжественный акт состоялся в Компьенском лесу, на том самом историческом месте³²⁰, где в 1918 г. Германия попросила перемирия; теперь оно оказалось пощаженым фурией войны. Сам этот акт подействовал на меня чрезвычайно сильно. Чувство свершающегося в этот час возмездия за Версаль слилось у меня с гордым сознанием беспримерного победоносного похода, а также с необходимостью уважать и щадить воинскую честь побежденного.

На следующий день³²¹ французы использовали переговоры для попытки внести новые предложения даже и после того, как я, с согласия Геринга и Гитлера, пошел на некоторые уступки по вопросу о разоружении французской авиации. По данным службы подслушивания, Петен³²² требовал дальнейших послаблений, которые Хюнтцигер, учитывая мою бескомпромиссную позицию и метод ведения переговоров, охарактеризовал как безнадежные.

Поэтому я решил в 17 часов вручить французской делегации, которая вновь удалась на совещание, ограниченный сроком до 18.00 письменный ультиматум, что и сделал посланник Шмидт³²³. Когда французы сразу же вернулись с но-

---

³²⁰ Церемония подписания перемирия проходила в бывшем салон-вагоне маршала Фоша. Главой французской делегации был генерал Шарль Хюнтцигер.

³²¹ Ошибка памяти: переговоры были закончены 22.6.1940 г. См.: *Paul Schmidt. Statist auf diplomatischer Buhne. Bonn, 1949. S. 487 ff.*

³²² Анри-Филипп Петен, маршал Франции, в то время — премьер-министр нового французского правительства в Виши.

³²³ Пауль Шмидт, посланник, шеф-переводчик министерства иностранных дел.

выми требованиями (которые, вероятно, исходили от Петена), я заявил: ни на какие дальнейшие переговоры я идти не готов и прерву переговоры как безрезультатные, если французская делегация не проявит до 18 часов готовности объявить о своем намерении осуществить договор в его теперешней форме. Тогда французы опять удалились на последнее совещание. Несколькими минутами позже 18 часов они закончили свой последний телефонный разговор, и Хюнтцигер сообщил мне: он уполномочен договор подписать.

Когда церемония подписания перемирия была закончена, я попросил всех ее участников удалиться и остался наедине с главой французской делегации генералом Шарлем Хюнтцигером. В солдатских выражениях я сказал ему, что целиком понимаю его положение и ту тяжкую задачу, которая была на него возложена. Я отдаю должное его поведению как офицера побежденной французской армии и высказываю ему свое личное глубокое уважение. Затем я протянул ему руку. Он ответил, что просит извинения за то, что в волнении однажды вышел за рамки предписанной сдержанности. Но мое уточнение незадолго до подписания, что соглашение о перемирии приобретает обязательную силу только после того, как соответствующее соглашение будет подписано и Италией, глубочайшим образом задело его. Франция побеждена германскими вооруженными силами, но итальянскими — никогда! Резко отдав честь, он вышел из салон-вагона.

Вечером состоялась небольшая дружеская встреча в офицерском зале столовой фюрера. После сигнала «Отбой!» был исполнен хорал «Возблагодарите Господа нашего». Я произнес несколько слов в честь фюрера как победоносного полководца; затем последовало всеобщее чествование. Гитлер лишь молча протянул мне руку и так же молча вышел из зала. Этот день был высшей точкой моей жизни воина...

В то время как основные силы Западной армии совершали крупнейшее захождение своим крылом на юг, в Северной Франции и Бельгии произошла капитуляция бельгийского короля и морская эвакуация [экспедиционных] войск англичан у Дюнкерка. Правда, катастрофа, которая могла быть подготовлена этим нашим маневром, осуществилась не полностью, хотя следы бегства по дорогам, ведущим к Дюнкерку, представляли со-

бой самую опустошительную картину, какую только я мог себе представить. Если же несмотря на это основной массе английских солдат удалось добраться до судов и спасти свою жизнь, то произошло это из-за того, что неверная оценка сил противника и особенности местности помешали танковой группе Клейста кратчайшим путем овладеть Дюнкерком с запада.

В интересах исторической истины хочу кратко изложить здесь то, что известно мне об обстоятельствах этого решения, ибо генеральный штаб и главнокомандующие видами вооруженных сил — как я услышал на этом процессе — несправедливо приписывают неправильное решение Гитлеру. Я присутствовал при том определяющем докладе ОКХ. Решения данного вопроса ОКХ требовало именно от фюрера, ибо боялось само взять на себя ответственность за возможный неуспех операции. Сколь ни неохотно эти господа чувствовали в остальном свою зависимость от Гитлера и принимали его советы, столь же охотно здесь они переложили свою ответственность на него.

Каждый из них вспоминал о затоплении Фландрской низменности в районе Брюгге и Диксмунда — об обстоятельстве, заставившем в 1914 г. остановить северный фланг германской армии и затруднившем его движение. Такие же условия местности имелись южнее и юго-западнее Дюнкерка, где обширная низменность, пересеченная тысячами рвов, лежит ниже уровня моря. Перед этим низменным районом и остановилась танковая группа Клейста, подошедшая с запада и готовая преодолеть эту зону по двум или трем трассам. <...>

Данная обстановка была доложена фюреру с указанием на то, что эта низменность изобилует рвами и каналами, поэтому танковые части привязаны к дорогам, а следовательно, при серьезном сопротивлении противника и его заградительных мерах, с наличием которых приходится считаться, не будут иметь возможностей для развития своей ударной силы. Это может, в случае принятия противником соответствующих мер (о чем, естественно, никто заранее знать не мог), в данных условиях привести к затяжным боям и обходу непроходимой местности с неизбежной потерей времени. Так фюреру подсунули решение, и так он, поистине не заслуживающий упрека в недостаточной отваге, решил не идти на риск этого рейда, а предпочел использовать более надежную, но и весьма узкую береговую полосу и

потому высказался за обходный путь. Нет никакого сомнения: в конечном счете приказ фюрера был ошибочным³²⁴.

Гитлер так никогда и не признался нам, военным, что после разгрома Франции вообще надеялся на скорое окончание войны с Англией. Я знаю, что предпринимались попытки соответствующего зондажа, хотя на мой вопрос по этому поводу Гитлер ответил: за исключением своей речи в рейхстаге 19 июля [1940 г.] он никаких прямых попыток к переговорам с Англией не предпринимал. О том, что это отвечает истине, однажды возвестят всему миру английские архивы.

На необычное заседание рейхстага 19 июля мы в середине июля прилетали в Берлин из ставки фюрера в Шварцвальде. Никогда ни раньше, ни позже генералитет германского вермахта не был представлен на трибунах столь полно. Мне было отведено место на правительственных скамьях позади министров, а также мест Редера и Браухича; Геринг же как председатель рейхстага восседал в председательском кресле. При входе в зал фюрер был встречен нескончаемым ликованием, точно так же, как по прибытии в Берлин и проезде через Бранденбургские ворота.

Чествование вермахта на этом заседании рейхстага было, пожалуй, самым незабываемым событием в моей жизни война. Оглашение грамот о присвоении чинов и наград командующим высшего ранга, особенно сухопутных войск и авиации, а также вручение этих наград (Геринг стал рейхсмаршалом и получил Большой крест Железного креста) превосходило все мыслимое. Мне это показалось даже слишком щедрым, так как одними только «полководцами» не ограничились, ибо сам я себя никак не мог сравнивать ни с одним из произведенных в фельдмаршалы генералов. Я не понимал, что могло оправдать производство

---

³²⁴ О многократно дискутировавшейся в исторической литературе проблеме «остановке у Дюнкерка» см. исследование Г.А. Якобсена: *Hans Adolf Jacobsen. Dünkirchen Ein Beitrag zur Geschichte des Westfeldzuges 1940. Neckargemund, 1958. S. 94 ff.* Согласно его выводам, ответственность за нее ложится на командующего группой армий «А» генерал-полковника фон Рундштедта. Однако Гитлер, полководческие данные которого так восхваляет Кейтель, не исправил эту ошибку главным образом из-за чрезмерно растянутого южного фланга танкового клина.

в такой чин статс-секретаря министерства авиации³²⁵ или меня, как начальника ОКВ. Ведь я не был никаким полководцем и не командовал никакими войсками. Не понимал я и того, что генералы авиации не были произведены в маршалы авиации. Но я солгал бы, если бы сказал, что эти почести не обрадовали меня, хотя я искренне испытал чувство стыда, когда Гитлер, назвав в конце списка мою фамилию, под аплодисменты всего зала выразил мне свое особое одобрение.

По этому случаю Гитлер охарактеризовал штаб оперативно-го руководства вермахта как «мой личный штаб вооруженных сил». Он сказал мне это незадолго до заседания рейхстага и произвел начальника штаба оперативного руководства ОКВ Йодля в генералы артиллерии, минуя чин генерал-лейтенанта.

Вскоре после этого заседания рейхстага фюрер перенес свое местопребывание в Бергхоф. Через некоторое время и я вместе с Йодлем и несколькими сотрудниками тоже отправился в Берхтесгаден.

В конце июля я во время 10-дневного отпуска встретился с моими друзьями на охоте в Померании. То были мои последние беззаботные и вольные дни... В последний раз я почувствовал себя целиком и полностью сельским хозяином, а это было мечтой всей моей жизни...

Против России. 1940—1941

В. Кейтель

Господину адвокату д-р у Нельте!

25.9.[19]46 г.

Передаю вам требуемые дополнения к моему допросу на процессе, касающиеся моих показаний о начале войны про-

---

³²⁵ Имеется в виду генерал-полковник авиации Эрхард Мильх, заместитель Геринга и его фаворит, тесно связанный с авиационными и военно-промышленными концернами. Поскольку Мильх одно время подвергался нападкам расистов за свое полуеврейское происхождение, Геринг в ответ безапелляционно заявил: «Я сам знаю, кто у меня еврей, а кто нет!» Тем не менее Мильх с помощью фиктивных документов пытался доказать, что родился в результате супружеской измены матери-немки его официальному отцу-еврею с одним дворянином. — *Прим. пер.*

тив России: предыстория, приступ к делу и начало — с осени [19]40 г. по [19]41 г.

*В. Кейтель*³²⁶

Когда я 10 августа 1940 г. вернулся из отпуска в Берхтесгаден, я еще никакого представления о новых планах Гитлера не имел, за исключением того, что знал: всякая надежда на окончание войны с Англией бесперспективна³²⁷. <...> За нею стояла Америка со своими неограниченными ресурсами. Поскольку вторжение³²⁸ даже после отказа от него осенью [19]40 г. пока все еще откладывалось до весны [19]41 г., необходимо было изучить вопрос, как иным образом заставить Англию пойти на мир. Я получил от фюрера задание, встретившись с маршалом Бадольо, начальником генерального штаба итальянских вооруженных сил, обсудить с ним вопрос о поддержке нами североафриканской войны Италии против Англии и, учитывая то, ставшее нам известным, положение, в которое маршал

---

³²⁶ Причину, по которой д-р Нельте (за три недели до приведения смертного приговора в исполнение) запросил от Кейтеля все эти воспоминания, ныне установить невозможно. Однако дата этого письма позволяет с уверенностью сделать вывод, что воспоминания, относящиеся к 1943—1944 гг., так и не были написаны; имеются только публикуемые далее о 1941—1942 гг., а также «Последние дни при Гитлере».

³²⁷ Для былых надежд Кейтеля на заключение мира с Англией в решающие дни Западной кампании характерно письмо жены фельдмаршала Лизы Кейтель своей матери. 20.5.1940 г. она писала из Берлина: «На днях я снова говорила с Вильгельмом и с тех пор испытываю такое беспокойство! Он был так оптимистически настроен. Все еще надеюсь на 23 мая (предсказание — мир), хотя рассудок и говорит мне: это невозможно. Тогда он сказал, что в ближайшие три дня будут приняты по меньшей мере весьма важные решения. Ну уж если он дает понять это... Только представь себе, что скоро наступит мир...»

³²⁸ Имеется в виду операция «Морской лев» — высадка в Англии. (По этому вопросу см. основополагающее исследование: *Karl Klee. Das Unternehmen Seelowe. Gottingen. 1955. S. 215 ff.*) Согласно приведенным в этой работе данным, возникает оправданное сомнение в том, действительно ли Гитлер еще продолжал серьезно думать об осуществлении этой операции в более поздние сроки.

Грациани³²⁹, командующий войсками в Триполитании, на границе итальянской колонии, попал в результате действий англичан, предложить ему с этой целью две немецкие танковые дивизии.

Йодль и я пробыли в Инсбруке полтора дня, ведя эти переговоры, которые, естественно, затронули и другие вопросы ведения Италией войны, особенно связанные с вооружением, максимальной активизацией зенитной обороны, военных заводов в Северной Италии, снабжения горючим и т.д.³³⁰

Встреча закончилась отказом Бадольо³³¹ от предложенных немецких танковых дивизий якобы по той причине, что танки в песках пустыни теряют свое преимущество в виде их высокой маневренности. Единственным конкретным результатом встречи стала ветчина, которую Бадольо предложил Йодлю в нашем номере отеля, содействуя нашему пропитанию.

---

³²⁹ Маркиз Родольфо Грациани, маршал Италии; в 1940—1941 гг. — командующий итальянскими войсками в Ливии, являлся преемником на этом посту сбитого по недоразумению собственной зениткой маршала Итало Бальбо.

³³⁰ Переговоры проходили 14—15.11.1940 г. в австрийском городе Инсбруке. Обсуждалось запланированное нападение германских специально подготовленных войск на Гибралтар после вступления Испании в войну и без итальянской поддержки (о чем Кейтель здесь не упомянул), а также данные Италии рекомендации ограничить развязанную ею на Балканах войну лишь захватом Греции. См.: *Helmuth Greiner. Oberste Wehnnachtführung. S. 189, 203* (Гельмут Грайнер до 1943 г. вел военный дневник штаба оперативного руководства вермахта).

³³¹ Однако иную версию этого разговора дает в своих воспоминаниях германский военный атташе в Риме генерал фон Ринтелен в книге: «Муссолини как союзник». Согласно ему, Кейтель (в присутствии самого Ринтелена и его итальянского коллеги в Берлине генерала Марраса) начал разговор с утверждения, что англичане войну уже проиграли; вопрос лишь в том, как скоро они это заметят. Ринтелен считает, что это высказывание принадлежит Гитлеру. Затем Бадольо пришлось оправдывать «экс-тур» с Грецией, и он заявил, что Муссолини запретил преждевременно вводить немцев в курс дела. Кейтель пока отказался от участия немецких танковых дивизий: вопрос об этом будет рассмотрен снова после захвата Мерса-Матрух. Ринтелен отмечает дружеский и непринужденный тон вне рамок переговоров: «Кейтель показал себя любезным хозяином».

Несолоно хлебавши мы вернулись в нашу ставку в Берхтсгадене. На совещании была лишь согласована посылка в Северную Африку только специального штаба для использования там танков. Его возглавил полковник барон фон Функ³³².

В качестве дальнейшей меры против Англии фюрер и Муссолини договорились о переброске в Южную Италию крупных военно-воздушных сил. Они предназначались для борьбы с английским судоходством в Средиземном море и действий против английской авиационной и военно-морской базы на острове Мальта, а также должны были защищать от англичан и без того уже терпевшие большой урон средиземноморские связи Италии с Триполи. К сожалению, этого нельзя было сделать без серьезного ослабления действующих против Англии военно-воздушных сил.

Зато Муссолини удалось уговорить фюрера направить итальянские подводные лодки для борьбы с англичанами в Атлантику. Это тоже было большим «даром данайцев», как и совершенно неудачное использование итальянской авиации в Северной Африке против английской метрополии. Фюрер считал, что не может отказаться ни от одного, ни от другого, дабы не обидеть Муссолини, да к тому же мы желали направить наши подводные лодки в Средиземное море.

И наконец, фюрер планировал потихоньку, в строгой тайне от Италии, захватить Гибралтар — разумеется, при терпимом отношении к этому Испании. Но для этого еще предстояло провести дипломатический зондаж и военные рекогносцировки, которые вскоре и начались.

Больше всего меня тогда беспокоила идея фюрера о предположительно возможной войне против Советского Союза, о чем он в первый же день после моего возвращения из отпуска подробно говорил с Йодлем и со мной наедине³³³. Это было про-

---

³³² Барон Ганс фон Функ, генерал-майор, командир 5-й легкой дивизии. После того как его дивизия была предназначена служить «заградительным соединением» в Северной Африке, отбыл туда 15.1.1941 г.

³³³ 31 июля 1940 г. у Гитлера состоялось совещание с участием Кейтеля, Йодля, Браухича, Гальдера и Редера. Согласно дневнику Гальдера (запись от 31 июля 1940 г.), здесь было принято решение весной 1941 г. «покончить» с Россией. Таким образом, Кейтель, вопреки своим показаниям на Нюрнбергском процессе, мог уйти в отпуск не ранее этого дня.

должением тех бесед, которые он, по его словам, вел с Йодлем с конца июня. Как я узнал, уже полным ходом и неоднократно изучался вопрос о значительном ускорении отправки дивизий из Франции [на Восток]. Оказалось, Гитлер лично уже поручил главнокомандующему сухопутными войсками сосредоточить большое число дивизий в генерал-губернаторстве, а также произвести расчет времени, необходимого для развертывания войск против сконцентрированных в Прибалтике и в [Северной] Буковине значительных русских контингентов, внушавших фюреру сильное подозрение насчет советских планов³³⁴.

---

³³⁴ Свои намерения в отношении СССР и их обоснование Гитлер по-фактум обрисовал в беседе с Мартином Борманом 15 апреля 1945 г.: «Нам не оставалось никакого иного выбора, как устранить из европейского силового поля фактор России... Нашим единственным шансом победить Россию было упредить ее нападение, ибо оборонительная война против Советского Союза являлась для нас не подлежащей обсуждению. Мы никоим образом не имеем права предоставить Красной армии территориальное преимущество, дать ей воспользоваться нашими автострадами для натиска красных танков, нашими железными дорогами — для переброски ее войск и техники... Уже с этого момента я знал, что Сталин рано или поздно отпадет [от нас] и перейдет в лагерь [западных] союзников. Должен ли я был выжидать и дальше, чтобы получше вооружиться?.. Мы дорого заплатили бы за отсрочку [нашего нападения] на неопределенное время. Нам пришлось бы уступить большевистским попыткам оказать [на нас] вымогательское давление в отношении Финляндии, Румынии, Болгарии и Турции. Об этом не могло быть и речи». — Цит. по: *Hugh R. Trevor-Roper. Hitlers politisches Testament. Die Bormann Diktate von Februar und April 1945. Munchen, 1981. S. 78 f. — Прим. пер.*

Немецкий исследователь проф. Вернер Мазер в своей выпущенной в 1994 г. в Мюнхене книге «Вероломство: Гитлер, Сталин и Вторая мировая война» (*Werner Maser. Der Wortbruch. Hitler, Stalin und der Zweite Weltkrieg. Munchen, 1994.*) приводит аутентичную факсимильную копию написанного от руки в единственном экземпляре (не позднее 15 мая 1941 г.) тогдашним начальником оперативного управления Генерального штаба РККА генералом (впоследствии Маршалом Советского Союза) А.М. Василевским проекта плана стратегического сосредоточения войск Красной Армии на случай войны против Германии и ее союзников. Документ написан на бланке Народного комиссариата обороны Союза ССР и на нем заделаны (сами подписи отсутствуют) подписи Маршала Советского Союза С. Тимошенко и начальника Генерального штаба КА генерала армии Г. Жукова. Имеется входящий штамп Главного оперативного управления Генштаба Вооруженных Сил СССР от 31.8.1948 г.

Я сразу же привел контрдовод: 40—50 дивизий и крупные силы нашей авиации заняты в Норвегии, Франции и Италии,

(до этого документ, по имеющимся данным, хранился в личном сейфе А.М. Василевского). Документ адресован «Председателю Совета Народных Комиссаров СССР тов. Сталину» и снабжен грифами: «Особо важно. Только лично. Экземпляр единственный]». Однако никакой резолюции Сталина на документе нет, что, предположительно, означает, что военно-политическое официальное решение им принято не было.

В документе говорится: «Докладываю на Ваше рассмотрение соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками.

I. В настоящее время Германия имеет развернутыми около 230 пехотных, 22 танковых, 20 моторизованных, 10 (исправлено: 13) воздушных и 4 кавалерийских дивизий, а всего около 286 (исправлено: 287) дивизий.

Из них на границах Советского Союза, по состоянию на 13.5.41 г., сосредоточено до 94 (исправлено: 96) пехотных, 13 танковых, 12 моторизованных и 1 кавалерийской дивизий, а всего 123 (исправлено: 120) дивизий.

Предполагается, что в условиях политической обстановки сегодняшнего дня Германия в случае нападения на СССР сможет выставить против нас до 144 (исправлено: 137) пехотных, 20 (исправлено: 19) танковых, 18 (исправлено: 15) моторизованных, 2 (исправлено: 4) кавалерийских, а всего до 189 (исправлено: 180) дивизий. <...>

Вероятнее всего, главные силы немецкой армии в составе 76 пехотных, 10 (исправлено: 11) танковых, 10 моторизованных и 5 воздушных, а всего до 100 дивизий будут развернуты к югу от Демблина для нанесения удара в направлении Ковель, Ровно, Киев.

Этот удар, по-видимому, будет сопровождаться ударами на север из Восточной Пруссии на Вильно, Ригу, а также короткими концентрическими ударами со стороны Сувалки и Бреста на Волковыск, Барановичи. <...>

Вероятные союзники Германии могут выставить против СССР: Финляндия — 15 пд, Румыния — до 25 пд.

Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отоблизванной, с развернутыми тылами, она имеет возможность ПРЕДУПРЕДИТЬ нас в развертывании и нанесении возможного удара.

Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию, УПРЕДИТЬ противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск. <...>

II. Первой стратегической целью действий войск Красной Армии поставить — разгром главных сил немецкой армии, развертываемых южнее линии Брест, Демблин, и выход к 30 дню операции на фронт

и мы не можем высвободить их оттуда, следовательно, нам будет не хватать их для войны с Востоком. Без них же мы окажемся для этой войны слишком слабы. Гитлер немедленно возразил: это не причина, чтобы не предотвратить грозящую опасность; он уже приказал Браухичу удвоить число танковых дивизий. В заключение фюрер добавил: я создал сильную армию не для того, чтобы она оставалась неиспользованной для войны. Сама собой война не закончится; англичан он весной 41-го года сухопутными войсками атаковать уже не сможет, и высадка в Англии тогда станет неосуществимой. Поскольку вслед за тем Гитлер продолжил разговор с Йодлем, я промолчал, желая сначала получить от последнего информацию о том, что обсуждалось и, видимо, было решено в мое отсутствие.

На следующий день я попросил у фюрера короткой аудиенции, намереваясь задать ему вопрос насчет причин, заставляющих его оценивать положение с Россией как угрожающее. Он, если обобщить, сказал, что никогда не упускал из вида неизбежность столкновения между обоими крайне противополо-

---

Остроленка, р. Нарев, Лович, Лодзь, Крейцбург, Опфельн, Оломонц, для чего:

а) главный удар силами Юго-Западного фронта нанести в направлении Краков, Катовицы, отрезая Германию от ее южных союзников;

б) вспомогательный удар левым крылом Западного фронта нанести в направлении Седлец, Демблин с целью сковывания Варшавской группировки и содействовать Юго-Западному фронту в разгроме Люблинской группировки противника.

в) вести активную оборону против Финляндии, Восточной Пруссии, Венгрии и Румынии. <...>

Прошу:

1. Утвердить представленный план стратегического развертывания войск для боевых действий на случай войны с Германией.

Своевременно разрешить последовательное проведение скрытого от мобилизации и скрытого сосредоточения, в первую очередь, всех армий Резерва Главного Командования и авиации». <...>

По этому вопросу см.: Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? Незапланированная дискуссия. Сб. материалов. М., 1995; А. Мерцалов, Л. Мерцалова. Сталинизм и война. М., 1998; Л. Гинзберг. Спрос на небывлицы. «Ледокол» Виктора Суворова дрейфует на отечественных телеэкранах. — Известия, 11.2.2000; Г. Заславский, В. Анфилов. Дай Бог, чтобы не последний [миф]. Независимая газета, 12.2.2000. — Прим. пер.

ложными мировоззрениями, что в возможность уклониться от этого столкновения не верит, а потому лучше, чтобы эту трудную задачу он взял на себя, а не оставил своему преемнику. В целом же, как он считает, имеются все признаки того, что Россия готовится к войне с нами, поскольку она далеко вышла за рамки соглашений, касающихся Прибалтики и Бессарабии, пользуясь тем, что наши войска связаны на Западе. Пока он намерен осуществить лишь меры предосторожности, чтобы не оказаться застигнутым врасплох, а решение примет не ранее, чем его подозрения подтвердятся.

На мое возражение, что наши силы уже заняты на других театрах войны, Гитлер ответил: он хочет переговорить с Браухичем о перераспределении сил и средств, а также о замене частей во Франции. На этом разговор закончился, так как фюрера пригласили на обсуждение обстановки.

Особенно интересным и дававшим богатый материал для выводов было поведение Советского Союза в войне против Польши. Само собою разумеется, после начала нашего наступления Гитлер по дипломатическим каналам призвал Сталина немедленно начать действовать и принять участие в Польской кампании. Это было тем более понятно, что мы были в огромнейшей степени заинтересованы в быстром ходе данной кампании, в «блицкриге», ввиду угрозы нашим западным границам. Сталин же хотел как можно скорее бескровно получить свою плату за раздел Польши и известил фюрера, что будет готов к наступлению самое раннее через три недели, ибо его армия не подготовлена и не отобилизована. Военный атташе в Москве, заранее информированный ОКВ о положении, по дипломатическим каналам продолжал настаивать на этом, но из Москвы в ответ было слышно одно и то же: быстрее выступить не готовы!

Однако, когда на юге мы перешли Сан и Варшава оказалась в пределах района наших операций, Красная Армия вдруг начала свое продвижение в Польшу, чтобы напасть с тыла на польские корпуса, взять их в плен и оттеснить их сильные части в Румынию. До соприкосновения наших войск с войсками Красной Армии дело нигде не дошло. Советские войска остановились на почтительном расстоянии от демаркационной линии, происходил лишь обмен самыми необходимыми данными.

Все это настолько сильно занимало мои мысли, что я решил изложить свои соображения по данной проблеме сам, т.е. не привлекая к этому делу штаб оперативного руководства вермахта, а потому и без точных цифровых расчетов. Так, без ведома Йодля, во второй половине августа [19]40 г. возникла моя памятная записка. Я посетил министра иностранных дел фон Риббентропа, желая привлечь его на свою сторону с целью во что бы то ни стало отговорить фюрера, прежде чем тот поручит ему заняться этим делом. Мне удалось сделать это: во время беседы с глазу на глаз Риббентроп обещал поддержать мое мнение с политической точки зрения. Мы условились ничего не говорить Гитлеру о нашей беседе, дабы нас не обвинили в заговоре против него.

Несколько дней спустя я после обсуждения обстановки передал написанную от руки памятную записку фюреру; он пообещал по ознакомлении с нею переговорить со мной. Напрасно прождав несколько дней, я напомнил ему и был приглашен на послеобеденное время. Разговор свелся к весьма односторонней нотации Гитлера, заявившего, что мои соображения его никоим образом не убедили, а моя оценка стратегической обстановки — неправильна. Неверна и моя ссылка на прошлогодний [1939 г.] разговор с Россией: Сталин так же, как и он сам, не станет больше соблюдать его, если положение изменится и предпосылки для того исчезнут. Ведь Сталин заключил этот договор для того, чтобы при разделе Польши обеспечить свою долю, а во-вторых, чтобы побудить нас к войне на Западе, рассчитывая, что мы там крепко вгрыземся в землю и понесем тяжелые кровавые жертвы. Этот выигрыш времени и израсходование нами своей силы Сталин хочет использовать против нас, чтобы тем легче поставить Германию на колени.

Я был весьма обескуражен суровой критикой и тем тоном, каким все это мне выговаривалось, и сказал: в таком случае лучше заменить меня другим начальником [ОКВ], способность которого к стратегическим оценкам он считает выше моей. Поэтому я чувствую себя не на высоте своего положения и прошу использовать меня на фронте. Гитлер самым резким тоном отказался сделать это. Только он один вправе заявить мне, что мое суждение неправильно, и он категорически запрещает генералам подавать в отставку, когда их ставят на место. Прошлой осенью ему пришлось то же самое сказать Браухичу. Мы

оба встали, я молча вышел, памятная записка осталась у него в руке. Она наверняка исчезла в его бронированном сейфе; вполне возможно, что она была сожжена; вполне может быть и то, что черновик ее сохранился в бумагах штаба оперативно-го руководства вермахта; во всяком случае, Йодль и Варлимонт утверждают, что читали его³³⁵.

Дальнейшее развитие наших отношений с Советским Союзом³³⁶, визит Молотова в Берлин в начале ноября [1940 г.], решение Гитлера дать директиву о подготовке похода на Восток я здесь не рассматриваю <...>³³⁷.

---

³³⁵ О местонахождении этой, пожалуй, самой важной памятной записки фельдмаршала ничего не известно. Можно предположить, что она сожжена вместе с личными бумагами Гитлера или документами штаба оперативного руководства вермахта. См. показания Кейтеля в IMT-Prozess, Bd. X, S. 590 ff.: «Я тогда (об этом кратко упомянул министр иностранных дел) лично написал памятную записку, чтобы, так сказать, независимо от занимающихся этим органов генерального штаба и штаба оперативного руководства изложить мои мысли, и хотел представить эту памятную записку Гитлеру. Я решил прибегнуть к такому методу из-за того, что для Гитлера стало типичным обрывать собеседника на второй же фразе и начинать говорить самому...» На вопрос своего защитника, д-ра Нельте, вернул ли Гитлер ему эту памятную записку, Кейтель ответил: «Нет, назад я ее не получил. До сих пор я все еще предполагал, что она найдена среди бумаг Шмундта, но, очевидно, это не так. Он мне ее не вернул. Она осталась у него». Судя по рукописным документам д-ра Нельте, Кейтель сообщил ему о своем тогдашнем твердом решении обобщить в этой памятной записке свои опасения насчет похода против СССР. Разговор с Риббентропом состоялся в конце августа или начале сентября 1940 г. Памятную записку Кейтель вручил Гитлеру в первой половине сентября 1940 г. При этом Гитлер заявил: ему еще не все ясно, он хочет спокойно прочесть. Кейтель выдвинул идею личного разговора Гитлера с «господином Сталиным». В памятной записке Кейтеля выделялись три главных пункта: 1. Германский потенциал слишком слаб. 2. Распыление сил (Запад, Норвегия, Африка). 3. Вести войну на два фронта длительное время невозможно. Советский Союз как новый противник — облегчение для Англии; следует также опасаться вступления в войну Америки.

³³⁶ Против плана войны с Россией, согласно их показаниям на Нюрнбергском процессе, высказывались также Геринг, фельдмаршал Мильх и главнокомандующий военно-морского флота гросс-адмирал Редер.

³³⁷ В оригинале воспоминаний Кейтель особо подчеркивает: германское нападение 22 июня 1941 г. показало, что количество советских

Мои отношения с Гитлером после конфликта из-за войны на Востоке неизбежно стали снова в общем и целом сдержанными; при рассмотрении восточного вопроса он не раз прерывал меня репликами; наши разногласия сделались непреодолимыми.

Правда, после начала нашего превентивного нападения [на СССР]³³⁸ я вынужден был признать, что он [Гитлер] в оценке предстоящего русского наступления все же оказался прав. Однако, исходя из моих впечатлений от пребывания в Советском Союзе в качестве гостя Красной Армии на военных маневрах 1932 г., я оценивал русский военный потенциал иначе, чем Гитлер. Он постоянно исходил из того, что Россия находится в состоянии построения собственной военной промышленности и еще отнюдь не справилась с ним, а также из того, что Сталин уничтожил в 1937 г. весь первый эшелон высших военачальников, а способных умов среди пришедших на их место пока нет³³⁹. Он был одержим идеей: столкновение так или иначе, но обязательно произойдет, и было бы ошибкой ждать, когда противник изготавится и нападет на нас. Одна лишь оценка советской военной промышленности и ее мощностей (даже без Донбасса) была тяжким заблуждением Гитлера; русское танкостроение настолько опередило наше, что мы так никогда и не смогли наверстать это отставание.

Однако я должен со всей четкостью констатировать, что за исключением разработок генштаба сухопутных войск в штабе оперативного руководства вермахта никакой подготовки к войне на Востоке до декабря [19]40 г. ОКВ не велось, кроме улучшения, в соответствии с приказами, железнодорожной сети и

войск и вооружения оказалось большим, чем германских наступательных сил, что решительно оспаривается советской историографией.

³³⁸ В примечании к этому утверждению Кейтеля Вальтер Гёрлиц решительно присоединяется к обоснованному документами мнению другого видного западногерманского специалиста по истории Второй мировой войны — проф. Г.А. Якобсена о том, что речь идет в данном случае о неспровоцированной Советским Союзом агрессии со стороны Германии, а отнюдь не о ее «превентивной» войне. См. его указанную выше книгу 1959 г. — Прим. пер.

³³⁹ Имеется в виду казнь маршала Тухачевского и ряда других высших офицеров, которые в большинстве своем ранее тесно сотрудничали с рейхсвером и были уничтожены в июне 1937 г., а также в ходе последующей «чистки» командного состава Красной армии.

расширения перевалочных возможностей для переброски войск к восточной границе на бывшей польской территории.

Правда, в связи со своими восточными планами и восточными заботами Гитлер решил в сентябре встретиться с Петеном и Франко. С правительством Петена, находящимся в Виши, т.е. в не оккупированной части Франции, со времени перемирия поддерживались оживленные отношения. Петен желал, в частности, переезда своего правительства в Париж. Гитлер согласился рассмотреть этот вопрос в перспективе, но тоже хотел встретиться с Петеном.

В конце сентября³⁴⁰ я сопровождал фюрера в его особом поезде во Францию. Встреча с Петеном и (премьер-министром правительства Виши. — *Прим. пер.*) Лавалем состоялась южнее Парижа, на станции Монтуар. Я встретил престарелого маршала перед зданием вокзала, приветствовал его во главе почетного караула, когда он вышел из лимузина. Он был в маршальской форме, ответил на приветствие по-военному и обошел строй почетного караула, не глядя на солдат; за ним шествовали Риббентроп и Лаваль. Мы молча прошли через здание вокзала, напротив входа в который стоял салон-вагон фюрера.

Увидев Петена, выходящего из здания вокзала, фюрер покинул салон-вагон и направился навстречу, обменялся с ним рукопожатием и лично проводил к себе. В самом совещании, как и всегда при политических встречах, я не участвовал; после бесед обоих глав государств и почти сердечного прощания я вновь перед строем салютующего почетного караула проводил маршала к его машине. Прежде чем сесть в нее, он произнес несколько слов благодарности за ведение мною переговоров о перемирии с французской делегацией, возглавлявшейся генералом Хюнтцигером. Не подав мне руки, он сел в машину и уехал.

О встрече я знаю со слов самого Гитлера только то, что маршал держался по форме безукоризненно, но в деловом отношении — сдержанно. Петен хотел знать, как сложатся будущие отношения Франции с Германией и каковы будут в целом условия мира. Гитлер же стремился выяснить у Петена, насколько Франция будет согласна пойти на удовлетворение территориальных требований Италии, если Германия гарантирует сохранение (за

---

³⁴⁰ Правильно: в конце октября 1940 г.

исключением Туниса) французской колониальной империи. Результат встречи оказался, однако, весьма скуден, решающие вопросы остались открытыми.

Мы продолжили поездку к испанской границе через Бордо до пограничной станции, название которой я точно не помню³⁴¹, куда вскоре прибыл Франко со своим министром иностранных дел Сунье и свитой. Кроме меня присутствовал Браухич. После обычного церемониала встречи много часов продолжались затяжные переговоры в салон-вагоне фюрера. Мы, военные, разумеется, в них не участвовали. Вместо ужина был объявлен перерыв для совещаний обеих сторон; мы скучали невероятно.

С фюрером мне удалось переговорить только накоротке, он очень возмущался позицией испанцев, даже хотел прекратить переговоры. Особенно разозлило его влияние Сунье, державшего Франко «в кармане». Конечный итог во всяком случае был очень мал <...>³⁴².

На обратном пути имела место еще одна беседа Гитлера наедине с Лавалем; она служила продолжением первой, состоявшейся несколько дней назад. Я постоянно сознавал, что французские государственные деятели стремились к выяснению обязательств Франции и проявляли мало понимания того, что мы отстаиваем требования Италии, хотя сами они себя ее должниками не считали.

Когда мы возвращались через Францию, нас настигла весть, что Муссолини хочет выступить с оружием против Греции, поскольку греки отказывают ему в отделении тех областей, которые он пожелал включить в Албанию. Пружиной всей этой акции являлся итальянский министр иностранных дел граф Чиано. Оба эти итальянских деятеля представляли себе все так (и в этом их еще больше укрепил губернатор Албании), будто демонстрация военной силы сразу побудит греков уступить³⁴³.

---

³⁴¹ Встреча Гитлера с Франко произошла 23.10.1940 г. на испанской границе.

³⁴² Кейтель утверждает, что содержание переговоров ему неизвестно. Предметом их являлись вступление Испании в войну в начале 1941 г. после заключения союза с рейхом, а также операция по захвату Гибралтара.

³⁴³ Письмо Муссолини Гитлеру о намерениях в отношении Греции было получено им 25.10.1940 г. около Намора. Главной пружиной был,

Фюрер объявил экстра-выходку нашего союзника сущим безумием и решил немедленно ехать через Мюнхен на встречу с Муссолини. Поскольку у меня были неотложнейшие дела в Берлине, я покинул поезд фюрера и вылетел в столицу рейха, с тем чтобы вернуться к отправке его поезда из Мюнхена. <...> Мне удалось вскочить в поезд в самую последнюю секунду, когда он уже медленно тронулся.

Намеченная встреча состоялась на следующий день³⁴⁴ во Флоренции. Муссолини приветствовал Гитлера примечательным возгласом: «Фюрер, мы выступаем!» Остановить беду было уже невозможно. Само собой разумеется, в результате предварительных дипломатических переговоров Муссолини узнал намерение Гитлера удержать его от этого шага. Поэтому он и действовал как можно быстрее, чтобы поставить нас перед свершившимся фактом.

Во Флоренции шли многочасовые беседы вчетвером (с участием обоих министров иностранных дел). От скуки я разговаривал с нашим военным атташе и [начальником оперативного руководства верховного командования итальянских вооруженных сил] генералом Гандином — единственным итальянцем, говорившим по-немецки. В полдень состоялся завтрак в узком кругу у дуче, я тоже был в числе приглашенных. Шла непринужденная беседа. Когда садились за стол, дуче принесли военное донесение из Албании. В нем говорилось о первых успехах начатой на рассвете операции. Он прочел ее Гитлеру и мне вслух — разумеется, на немецком языке, который постоянно был языком переговоров с дуче.

Сразу же после завтрака мы отправились в обратный путь. Я приказал нашему военному атташе передавать нам, т.е. ОКВ, ежедневные сводки с Албано-греческого театра войны и сообщать только не приукрашенную правду. В поезде Гитлер бурно возмущался этой авантюрой, как он уже тогда называл ее³⁴⁵.

однако, не Чиано, а сам Муссолини. См., в частности, воспоминания генерала Ринтелена, согласно которым Кейтель в ответ на его предупреждения сказал, что хочет просить Гитлера еще раз внушительным образом подействовать на Италию. Гитлер же предпочел лично встретиться с дуче.

³⁴⁴ Т.е. 28.10.1940 г. — в тот самый день, когда итальянцы напали на Грецию.

³⁴⁵ В ставших нам частично известными лишь во французской записи «застольных» [«бункерных»] беседах Гитлера (имевших место

Ведь он же серьезнейшим образом предостерегал дуче, что это дело не такое легкое: просто безумие — двумя-тремя дивизиями³⁴⁶, да еще в такое время года, атаковать греческие горы, когда одна погода сама по себе заставит очень скоро остановиться! Он считал, что это может обернуться катастрофой, но Муссолини обещал ему немедленно перебросить в Албанию еще несколько дивизий на тот случай, если наступление такими слабыми силами успеха не принесет. Однако, по собственным расчетам, Муссолини потребуется несколько недель для выгрузки новых дивизий в [двух] примитивных албанских портах. Если уж он, Муссолини, считал Гитлер, захотел вести войну против этой жалкой Греции, то почему уж он не напал тогда на Мальту или Крит? Это хотя бы имело смысл для войны в Средиземном море против Англии, особенно если учесть, каким незавидным является положение итальянцев в Северной Африке. Единственно положительное во всем этом, что дуче все-таки попросил одну немецкую танковую дивизию для Северной Африки, после того как наш генерал Функ доложил ему, что маршал Грациани очень просил об этом и возможности для боевого использования этой дивизии имеются³⁴⁷.

Боюсь, что столь недвусмысленно, как он мне об этом сам рассказывал, Гитлер с Муссолини не говорил, опасаясь обидеть этого тщеславного дилетанта в военном деле³⁴⁸ и необычным

в 1945 г.) он охарактеризовал экстра-выходку Муссолини просто-напросто как причину проигрыша войны, с которой начались все бедствия. — См.: *Le testament politique de Hitler. Notes recueillies par Martin Bormann.* Paris, 1959.

³⁴⁶ Первоначально против Греции была брошена группа армий «Албания» под командованием генерала Себастьяно Висконти Праска (командира 26-го корпуса) в составе 9 дивизий, две из которых приняли на себя охрану границы с Югославией.

³⁴⁷ Кейтель несколько неточно излагает ход событий. В качестве военного специалиста по боевому использованию танков сначала в Ливию был направлен генерал Риттер фон Тома. По его предложению, Гитлер первоначально 4.11.1940 г. отказался от посылки туда немецких танковых частей; правда, подготовительные меры для проведения операции «Зоненблуме» («Подсолнечник») продолжались.

³⁴⁸ Дилетантами в военном отношении, разумеется, были оба — и Гитлер и Муссолини. Но если второй имел более основательное образование в области прежде всего литературно-философской, то перво-

для себя образом шадил его — к сожалению, нередко в ущерб совместному ведению войны. Хотя и слишком поздно, я ясно понял: Муссолини использовал фюрера, где только можно, и дружба эта была односторонней со стороны Гитлера, который взирал на дуче, как на какой-то золотой кубок.

Все, что предвидел Гитлер, к сожалению, случилось уже через несколько недель. Итальянские войска, предприняв наступление слишком слабыми силами и без достаточных резервов, не только застряли, но и оказались в отчаянном положении в результате контрудара, да к тому же при отвратительной погоде и на трудной местности. Посыпались просьбы о помощи, ибо при состоянии портов в Албании сражающиеся войска оказались без снаряжения и было невозможно подбрасывать подкрепления. Гитлер хотел послать горнострелковую дивизию, но она не могла быть отправлена ни морем, ни через Югославию. Мы оказали помощь последними немецкими транспортными судами, имевшимися на Средиземном море, а также эскадрильями транспортной авиации. Если бы приближающаяся зима не помешала греческому наступлению и не лишила греческую армию в конце концов наступательной силы, крах этой авантюры произошел уже через шесть недель.

Из понимания этого факта и нежелания бросать на произвол судьбы союзника (как это, однако, не раз делал сам Муссолини) возник план Гитлера — оказать ему весной эффективную помощь посылкой армии через Венгрию и Болгарию в надежде, что Италия до тех пор, по крайней мере, продержится в Албании³⁴⁹. Естественно, возникала мысль вступить в Югославию, чтобы кратчайшим сухопутным путем перебросить эти соединения с целью непосредственной помощи. Но фюрер отказался даже рассматривать это предложение военных, поскольку ни в коем случае не желал поставить под угрозу нейтралитет Югославии, отвечавший интересам Италии.

му в начальной стадии войны часто приходили в голову лучшие, порой даже гениальные идеи по ведению войны, хотя Гитлер, ввиду отсутствия у него подлинно солдатской выучки, никогда не был в состоянии сам, в одиночку, осуществить их. Лучший пример тому — «план Манштейна».

³⁴⁹ Операция «Марита» (директива Гитлера № 20 от 13.12.1940 г.), для проведения которой предназначалась 12-я армия.

Пожелай я рассмотреть всю подготовку к осуществлению начавшейся весной [19]41 г. войны на Балканах, мне потребовалось бы написать целый военно-исторический труд. Соответствовавшая нашим планам политическая позиция Венгрии, Болгарии и Румынии объяснялась совершенно различными мотивами. Так, принципиально политика Венгрии была проанглийской, но помощь со стороны Германии в Венском арбитраже³⁵⁰, приведшая к значительной корректировке границы в пользу Венгрии, обязывала имперского регента [Хорти]³⁵¹ быть признательным ей. Румыния стала ориентироваться на Германию, после того как король был изгнан³⁵² и роль руководителя государства взял на себя Антонеску³⁵³. Уже с 1940 г. мы имели в Румынии сильную военную миссию с учебными войсками, по желанию Антонеску, который, как и Гитлер, одновременно был главой государства и верховным главнокомандующим румынскими вооруженными силами. Весьма дружественные отношения существовали с болгарским царем Борисом³⁵⁴. Он был почитателем Гитлера и гордился своей службой в германской армии во время войны 1914—1918 гг.

В той степени, в какой речь шла о военных мерах, я вел основные переговоры с венгерским военным министром [генералом Барта], с Антонеску и болгарским военным министром [генералом Даскаловым]. Военные атташе в этих странах стали позже посредниками и, как в случае с Италией, «полномочны-

---

³⁵⁰ Венский арбитраж по вопросу о границе между Венгрией и Румынией состоялся 30.8.1940 г. См. о нем запись в дневнике Чиано: «У Муссолини на сей счет никаких ясных идей нет, и он предоставил мне полную свободу действий. Он был полностью поглощен своим проектом нападения на Египет и говорит, что и Кейтель тоже считает захват Каира важнее, чем Лондона. Мне же Кейтель ничего об этом не говорил».

³⁵¹ Миклош Хорти, адмирал, регент королевства Венгрия.

³⁵² 6 сентября 1940 г. король Румынии Кароль II отрекся от престола в пользу своего сына Михая.

³⁵³ Ион Антонеску, генерал (позже маршал), начальник румынского генерального штаба. 4 сентября 1940 г. был назначен государственным лидером (кондукатуролом) Румынии. Сохранял этот пост и при короле Михе I до 23 августа 1944 г.

³⁵⁴ Борис III (1894—1943) — царь Болгарии, зять итальянского короля Виктора-Эммануила III.

ми генералами германского вермахта» со всеми вытекающими отсюда задачами и компетенциями (кроме Румынии, где наряду с военным атташе роль полномочного генерала играл генерал Хансен³⁵⁵).

Мои личные отношения с регентом Хорти и болгарским царем Борисом были особенно хорошими и, насколько это возможно, почти дружескими, что во многих случаях являлось весьма благоприятным фактором и очень многое мне облегчало. С Антонеску мне установить более тесный контакт так и не удалось; он был истинный солдат, строго деловой, откровенный и прямолинейный, но довольно посредственный и зачастую весьма критически настроенный. Ему явно было трудно иметь дело с прогнившим и коррумпированным в политическом («Железная гвардия») и военном (чиновничество и армия) отношениях государственным организмом. Антонеску искал советов фюрера, но не следовал им, так что политически был одинок; хотел опираться на армию, но она никуда не годилась. Этому неподкупному человеку и отличному солдату просто не хватило времени, чтобы добиться своего.

Подготовка кампании против Греции, о которой Гитлер глубочайшим образом сожалел, занимала штаб оперативного руководства и ОКВ всю зиму.

В конце ноября [1940 г.] мы покинули Берхтесгаден, и я наконец-то воссоединился с ОКВ в Берлине. Однако разросшийся за это время штаб оперативного руководства вермахта находился в столь стесненном положении в смысле своего размещения, что я решил перевести его в Крампниц (около Потсдама), где в здании кавалерийско-танкового училища имелось достаточно большое помещение для его работы. Сам же генерал Йодль обосновался на оборудованном еще Бломбергом малом командном пункте, устроенном в одной квартире в берлинском районе Далем, и поселился там со своей женой³⁵⁶. Работал он

---

³⁵⁵ Эрих Хансен, генерал кавалерии, начальник миссии германских сухопутных войск в Румынии, с 1943 г. — одновременно германский генерал при верховном командовании румынских королевских вооруженных сил.

³⁵⁶ Ирма Йодль (1890—1946), урожд. графиня фон Буйон, жена Альфреда Йодля, дочь отставного полковника баварской королевской армии.

или дома, или же целыми днями в Имперской канцелярии, где ему, как уже упоминалось, было предоставлено помещение рядом со старым залом заседаний кабинета.

Итак, наступило самое время после длительной разлуки с мая [1940 г.] вновь территориально быть вместе с моими управлениями и службами, ибо иначе сильно страдало мое личное влияние на их деятельность. Ведь хорошо сработавшиеся за ряд лет начальники этих органов в мое отсутствие вынуждены были общаться со мной только письменно или по телефону.

Нельзя упускать из виду и то, что моя деятельность чисто оперативного характера (вместе с фюрером и Йодлем) являлась лишь частью моих задач и что мои министерские функции, особенно во время военных кампаний, частично даже прекращались, но тем не менее числились за мной, а отложенные дела потом приходилось наверстывать. Их накапливалось множество, и без моего согласия или участия сделать их было невозможно. Даже если я и не ощущал это как тяжкое бремя, отдыха и отпуска у меня все равно не было; я годами не знал ни воскресных, ни праздничных дней, непрерывно сидел за работой с утра до поздней ночи. Моим отдыхом были лишь многочисленные поездки в поезде фюрера в Италию, Венгрию, Румынию, Болгарию и т.д. Во время этих поездок дозвониться до меня было нельзя. Однако моя авторация принимала радиogramмы и в пути. <...> Я всегда захватывал с собой в продолжительные поездки кучу дел, ибо тогда мог поработать более спокойно, чем в своем служебном кабинете с многочисленными докладами подчиненных и множеством неизбежных помех.

В начале ноября [12—13.11.1940 г.] по просьбе фюрера состоялся визит русского министра иностранных дел Молотова в Берлин для обсуждения политического положения. Я участвовал в приеме русских гостей Гитлером в Имперской канцелярии. После приветствий был дан завтрак в апартаментах фюрера, во время которого я сидел в непосредственной близости от сопровождавшего Молотова г-на Деканозова³⁵⁷. Беседа наша оказа-

---

³⁵⁷ В.Г. Деканозов — специальный уполномоченный советского правительства по включению Литвы в состав СССР, последний полпред СССР в Германии (до 22 июня 1941 г.), расстрелян вместе с Берией в декабре 1953 г.

лась невозможной, ибо рядом не было переводчика. Потом был и обед, данный министром иностранных дел в отеле, где я опять сидел рядом с г-ном Деканозовым и при помощи переводчика даже смог побеседовать с ним на общие темы. В частности, я говорил о своей поездке в Москву и на маневры Красной армии в 1932 г. и вспоминал те дни: так что хотя и вымученный, но разговор все-таки состоялся.

За исключением прощального визита русских господ фюреру после последней, явно самой важной беседы, когда я тоже явился попрощаться, на переговорах я не присутствовал и ничего об их содержании не слышал. Само собой разумеется, я спросил Гитлера об их результатах — он назвал их неудовлетворительными. Тем не менее решения о подготовке войны против СССР он все еще принимать не хотел, ибо намеревался дожидаться реакции на эти переговоры в Москве у Сталина. <...> Мне, однако, было ясно: мы взяли курс на войну с Россией, и я не знаю, принял ли во время переговоров Гитлер все меры, чтобы не допустить ее. Ведь это было возможно только при его отказе от отстаивания интересов Румынии, Болгарии и Прибалтики. Вероятно, он и на сей раз был прав, ибо как только Сталин через год-два оказался бы готовым к нападению на нас, тут же наверняка последовали бы дальнейшие требования со стороны России; ведь для осуществления своих целей в Болгарии, на Дарданеллах и в финском вопросе он оказался достаточно силен уже к [19]40 г. Сталин хотел выиграть время, после того как разгром Франции всего за шесть недель сорвал его график. Я не стал бы выдвигать такой гипотезы, если бы наше превентивное нападение в [19]41 г. не доказало уровень русских агрессивных намерений³⁵⁸.

Естественно, задаешь себе вопрос: как все это произошло или же могло и должно было бы произойти по-другому? Продумаем такую ситуацию. Допустим, Гитлеру удалось предотвратить безответственную войну против Греции, если нам так уж не повез-

---

³⁵⁸ Вальтер Гёрлиц вновь подчеркивает в своем примечании, что это — «недоказуемая гипотеза фельдмаршала». Он отмечает, что наряду с уже упоминавшимся Г.А. Якобсеном и другой известный тогда западногерманский исследователь, профессор А. Раух, в своей книге «История большевистской России» категорически отвергает тезис о «превентивной войне» со стороны Германии. — *Прим. пер.*

ло и Италия влезла в эту войну, а не осталась благожелательно нейтральной. Сколь многого мы бы избежали, если бы не наша помощь Италии, оказанная в этой бессмысленной войне на Балканах! Тогда Югославия, по всей вероятности, не совершила бы, к удовольствию Англии и Советского Союза, переворота с целью не допустить ее вступления в войну на стороне держав «оси». Насколько по-иному сложилось бы соотношение наших сил в войне против Советского Союза, особенно учитывая результат выигрыша Россией двух месяцев в [19]41 г! Надо только представить себе, что мы оказались бы в 30 километрах от Москвы, окруженной с севера, запада и юга, не в конце ноября³⁵⁹, увязая в снегу и при морозе до 40 градусов, а двумя месяцами раньше, до начала этой inferнальной стужи, которая, кстати, в последующие годы ни разу не повторялась с такой суровостью!

Поистине, здесь оправдывается изречение: с судьбой вечного союза не бывает! Конечно, государственный муж и полководец, идущий на риск, должен считаться с ее величеством Непредсказуемостью: так случилось, по моему разумению, когда Югославия объявила в Вене о своем присоединении к Тройственному пакту³⁶⁰. В противном случае могло рассматриваться только одно решение: предложение мира Англии любой ценой, ценой отказа от плодов всех достигнутых к тому времени побед. Но пошла бы на это Англия, которая после потери своего союзника — Франции вновь протянула свои щупальца к Москве? Учитывая ее традиционную политику против своего сильнейшего противника в Центральной Европе, я не верю и никогда не верил в то, что Англия когда-либо выпустила нас из той ловушки, в которой она, находясь в союзе с Америкой и полностью доверяя Москве, держала бы нас.

В начале декабря [19]40 г. Гитлер принял окончательное решение готовить войну против Советского Союза³⁶¹ с таким

---

³⁵⁹ Сильное преувеличение Кейтелем ситуации в зимней битве за Москву (в декабре 1941 г.).

³⁶⁰ 25 марта 1941 г. югославский премьер-министр Цветкович подписал документ о присоединении Югославии к пакту трех держав: Германии, Италии и Японии.

³⁶¹ См. директиву Гитлера от 18 декабря 1940 г. «План Барбаросса». Рус. пер. в кн.: *В.И. Дашичев*. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 2. С. 86—89. — *Прим. пер.*

расчетом, чтобы иметь возможность, начиная с марта [19]41 г., в любой момент дать приказ о планомерном сосредоточении войск на восточной границе, — это было равнозначно началу нападения в начале мая. Предпосылкой являлось беспрепятственное функционирование железнодорожного транспорта на полную мощность. Если бы таким образом в соответствии с отданными приказами свобода принятия решений сохранялась до середины мая, то, как мне было ясно, только совершенно непредвиденные события еще могли бы изменить решение начать войну.

В рождественские праздники [1940 г.] я целых десять дней был сам себе хозяин, чего мне не доводилось переживать вот уже многие месяцы. Фюрер, подобно тому, как он год назад выезжал на Западный фронт и Западный вал, на сей раз отправился на побережье Ла-Манша и Атлантики, чтобы провести Рождество со своими солдатами... Днем он посещал оборонительные сооружения, артиллерийские позиции и другие укрепления на Атлантическом валу. <...>

Таким образом, я наконец смог провести рождественские дни и встретить новый, 1941 год, в кругу своей семьи. Это было не только первое, но и последнее Рождество, когда вокруг меня собрались все мои дети...

Уже с начала декабря [1940 г.] мы с величайшим усердием приступили к подготовке наземного и воздушного нападения на Гибралтар с суши, с испанской территории³⁶². Испанцы, а особенно находившийся в дружеских отношениях с фельдмаршалом Рихтгофеном³⁶³ (люфтваффе) испанский генерал Вигон³⁶⁴, который пользовался доверием Франко и обладал большими полномочиями, не только допустили тактическую рекогносцировку Гибралтарского утеса с испанской границы, но и оказали благожелательное содействие. План нападения тщательно,

---

³⁶² Операция «Феликс», о которой говорилось в директиве Гитлера № 18 от 12 ноября 1940 г. и в директиве № 19. 7 декабря 1940 г. адмирал Канарис встретился в Мадриде с генералом Франко. Однако уже 11 декабря 1940 г. поступило указание ОКВ: «Операцию “Феликс” не проводить!»

³⁶³ Барон Вольфрам фон Рихтгофен, в то время — генерал авиации, командир 8-го авиационного корпуса.

³⁶⁴ Генерал Вигон, начальник испанской секретной службы.

со всей требовательностью и во всех даже мельчайших деталях, был разработан командующим горнострелковыми войсками и в начале января [19]41 г. доложен в моем присутствии Гитлеру³⁶⁵.

Необходимые войска стояли наготове во Франции, люфтваффе наметила район выброски воздушного десанта в Южной Испании. Оставалось лишь преодолеть критический пункт — побудить нейтральную и обоснованно боявшуюся Англии Испанию разрешить транспортировку через свою территорию артиллерийских групп силой примерно до корпуса, а также тяжелой артиллерии и противотанковых орудий.

В начале января³⁶⁶, по моему предложению, адмирал Канарис был послан к своему другу Вигону, чтобы добиться от Франко, до сих пор молча терпевшего все подготовительные меры по линии генштаба и секретной службы, согласия на проведение этой операции. Было обещано, что после удавшегося нападения Испания получит Гибралтар назад, как только намеченное нами закрытие Гибралтарского пролива (которое мы, разумеется, провели бы в военном отношении сами) больше не будет диктоваться потребностями войны. Фюрер воспринял доклад Канариса спокойно и сказал, что тогда вынужден отказаться от намеченного, ибо не желает хотя и возможной, но насильственной транспортировки германских войск через территорию Испании, против которой Франко смог бы с возмущением протестовать. Он боится возникновения нового театра войны, если затем Англия с таким же правом высадит, возможно, через Лиссабон, свои войска, как это было в Норвегии. <...>

Был ли Канарис человеком, пригодным для этой миссии (тем более что, как выяснилось впоследствии, он являлся в течение многих лет изменником), сомневаюсь. Сегодня я предполагаю, что он и не пытался всерьез привлечь Испанию на нашу

---

³⁶⁵ Руководство операцией «Феликс», т. е. Испанской кампанией, было поручено командованию 49-го армейского корпуса во главе с генералом пехоты Кюблером и авиационному корпусу Рихтгофена. Главное командование должен был осуществлять фельдмаршал фон Рейхенау. Основная подготовка проводилась ОКВ и штабом оперативного руководства вермахта. 7.1.1940 г. Кюблер и Рихтгофен в присутствии Браухича и Рейхенау доложили Гитлеру о состоянии подготовки операции.

³⁶⁶ Правильно: в декабре 1940 г.

сторону для этой операции, а, наоборот, отговорил испанских друзей³⁶⁷. Для меня нет никакого сомнения, что захват Гибралтара при терпимом отношении Испании и при слабой обороне с суши — удался бы, а тем самым все Средиземное море оказалось бы для Англии закрыто. Вопрос о том, какие последствия это имело бы для дальнейшего ведения боевых действий в Средиземноморском бассейне, заслуживает особого рассмотрения. Именно Гитлер и никто иной осознал этот факт со всеми вытекающими отсюда последствиями не только для Англии и морских сообщений с Ближним Востоком, но и особенно — для довольно слабоватой Италии.

Таким образом, после отказа от Гибралтарской операции все наши мысли вновь обратились к проблеме Востока. Видимо, во второй половине января [19]41 г. начальник генерального штаба сухопутных войск Гальдер в моем и Йодля присутствии во всех деталях доложил о сделанных тем временем выводах относительно положения врага, о текущих пограничных инцидентах на демаркационной линии и о предусмотренной переброске войск по железной дороге для сосредоточения. Последнее интересовало фюрера особенно в связи с подводом [к границе] танковых соединений в качестве последнего эшелона развертывания войск, перебрасываемых из мест их постоянной дислокации в Средней Германии, где за зиму они были заново оснащены и укомплектованы и где были созданы новые танковые формирования. Доклад Гальдера дал совершенно неожиданную картину степени русских приготовлений к войне, постоянно усиливающегося сосредоточения русских дивизий, обнаружение которых явилось результатом действий фронтовой разведки и поэтому было несомненным. Готовились ли русские к нападению на нас или же только к обороне, сказать определенно в то время не мог никто. Лишь германское наступление должно было приподнять эту завесу. <...>

---

³⁶⁷ Адмирал наверняка не уговаривал их. Но Испания вообще не могла вести войну, и никто не знал это лучше, чем сам каудильо генерал Франко. И поскольку Гитлер требовал не только, как предполагает Кейтель, прохода германских войск, но и военного союза между Испанией и рейхом, для испанцев было просто заповедью государственной мудрости не ввязываться в эту аферу. Именно это и дал Франко ясно понять адмиралу Канарису 7.12.1940 г.

В середине марта³⁶⁸ состоялся первый сбор предназначенных для Восточного фронта высших офицеров трех видов вооруженных сил; его проводил Гитлер в Берлине, в Имперской канцелярии. Я добился того, что на выступлении фюрера смогли присутствовать и начальники управлений ОКВ. В небольшом зале-кабинете были, как для лекции, установлены ряды стульев и кафедра. Гитлер говорил очень серьезно и произнес органично построенную, хорошо подготовленную речь.

Исходя из военного положения рейха, стремлений западных держав — Англии и Америки, он обосновал свою точку зрения: война против Советского Союза стала неизбежной, и любое выжидание лишь еще более ухудшило бы наше положение. Он откровенно говорил: промедление только изменит потенциал сил не в нашу пользу; в распоряжении наших противников — неограниченные средства, которые к данному времени даже приблизительно еще не исчерпаны, между тем как наши кадровые и материальные силы мы больше значительно увеличить не сможем. Поэтому решение его неизменно и твердо: как можно раньше упредить Россию и ликвидировать исходящую от нее опасность.

Затем последовали его очень весомые высказывания о столкновении двух крайне противоположных мировоззрений. Он знает: столкновение это так или иначе произойдет, и лучше, если он возьмет его на себя теперь, чем закрывать глаза на грозящую Европе опасность и оставить решение данной проблемы на более позднее время или же предоставить своему преемнику. Ведь никто после него не будет обладать в Германии таким авторитетом, чтобы принять на себя ответственность за превентивную войну; не найдется и другого такого человека, который один еще сможет сломить мощь большевизма, прежде чем Европа падет его жертвой! Он, как никто в Германии, знает коммунизм с его разрушительными силами по той борьбе, которую лично вел за спасение рейха.

После продолжительных высказываний, основанных на собственном опыте, Гитлер охарактеризовал эту войну как борьбу, в которой решается вопрос — быть или не быть Германии, а потому потребовал отказа от всех традиционных понятий о ры-

---

³⁶⁸ Выступление Гитлера состоялось 30 марта 1941 г. в Берлине.

царской войне и от общепринятых правил и обычаев ведения войны, от чего сам большевизм давно избавился. Этот факт коммунистическое руководство доказало своим продвижением в Прибалтике, Финляндии и Бессарабии, а также отказом признавать Гаагскую конвенцию о военнопленных и рассматривать в качестве обязательного для себя Женевское соглашение о них. Затем он потребовал не считать комиссаров солдатами и рассматривать их не как военнопленных, а как самых опаснейших элементов физического сопротивления и потому немедленно убивать или расстреливать на месте. «Комиссары, — говорил он, — это стеновой хребет коммунистической идеи; это гарантии Сталина против собственного народа и против собственных солдат; они наделены неограниченной властью над жизнью и смертью людей. Ликвидировать их — значит сберечь германскую кровь в борьбе на поле боя и в тылу».

Теми же мотивами определялись и дальнейшие высказывания Гитлера о применении военной подсудности к собственным войскам при допущении ими эксцессов против сопротивления населения или же против самого населения. Применение этой юрисдикции он оставлял на усмотрение самих командующих войсками в зависимости от потребностей усмирения оккупированных областей. Гитлер заявил, что запрещает перевозить советско-русских военнопленных на территорию рейха, ибо, по его мнению, их использование в качестве рабочей силы представляет опасность: во-первых, ввиду их политического влияния, от которого он уже избавил германский промышленный рабочий класс, а во-вторых, из-за угрозы саботажа.

Гитлер, вне всякого сомнения, понял, какое впечатление его высказывания произвели на аудиторию: никто не возразил ни слова, да в этом кругу и не мог. Закончил он свое незабываемое выступление словами: «Я не требую, чтобы генералы меня понимали, но я требую, чтобы они повиновались моим приказам».

Тогда и возникли в качестве подтверждения высказываний Гитлера «Особые указания»³⁶⁹ по административному управле-

---

³⁶⁹ Ход событий был сложнее. В марте 1941 г. Гитлер заявил Кейтелю, что задачи в оккупированной России будут столь трудны, что решение их нельзя возложить только на армию. В ответ на это начальник ОКВ 13.3.1941 г. издал «Указания» (Документ Нюрнбергского процесса

нию подлежащими оккупации территориями Советского Союза; они служили дополнением к принципиальной директиве³⁷⁰ по подготовке войны на Востоке. Наряду с компетенциями Геринга и главнокомандующего сухопутными войсками они содержали также те полномочия рейхсфюрера СС и шефа германской полиции [Гимmlера], против которых так настойчиво и упорно боролся я. Я видел в этом, учитывая опыт Польши, а также совсем неизвестные мне стремления Гимmlера к власти, огромную опасность, поскольку считал, что тот злоупотребит теми полномочиями, которыми Гитлер наделил его для обеспечения покоя и порядка за линией фронта. Мое сопротивление было и осталось напрасным. Несмотря на неоднократные протесты и поддержку Йодля, я потерпел поражение!

Только через несколько дней я смог побеседовать с Браухичем насчет его впечатлений от речи [Гитлера]. Он откровенно сказал, что генералы внутренне отвергают эти методы ведения войны, и спросил, последуют ли письменные приказы ОКВ по этому поводу. Я ответил: без категорического указания Гитлера я, со своей стороны, их ни при каких обстоятельствах не представлю, поскольку считаю таковые не только излишними, но и опасными, а потому сделаю все, чтобы избежать их. Ведь все же своими ушами слышали, что именно он сказал. Я решительно против всяких бумаг в этих крайне скользких делах.

Но, к сожалению, я, видно, Браухича не убедил, ибо в мае ОКХ представило одобренные Гитлером проекты приказов по восточным войскам армии. Так возник пресловутый «приказ о комиссарах», который хотя и был известен всем командующим, но текста его, как кажется, в наличии уже нет, а также приказ «О подсудности на советско-русской территории». Первый из них явно издан ОКХ после одобрения Гитлером, а второй — юридическим отделом ОКВ после обработки предложения ОКХ, и под ним стоит моя подпись (по поручению фюрера). Оба приказа послужили на Нюрнбергском процессе тяжелейшим обви-

---

ND-147-PS). За ними 31.3.1941 г. последовала директива Гитлера о единообразном проведении всех мероприятий на Востоке.

³⁷⁰ Имеется в виду директива Гитлера № 21 «Операция Барбаросса» от 18 декабря 1940 г. Ее смысл: быстрый разгром советской России даже до окончания войны против Англии.

нением, в особенности еще и потому, что были изданы за шесть недель до начала войны и, таким образом, еще отнюдь не были обоснованы или оправданы событиями самой этой войны. Поскольку их единоличный инициатор Гитлер мертв, именно я и стою сейчас перед этим судом³⁷¹.

С середины марта началось развертывание войск для войны на Востоке. Днем «X» должно было стать 12 мая, хотя приказ о наступлении отдан еще не был. Таков был метод Гитлера: не устанавливать окончательной даты перехода границы как можно дольше, до самого крайнего момента, ибо никто не знал, какие именно непредусмотренные события, требующие свободы действий, могут еще произойти в эти недели и даже последние часы.

Одновременно осуществлялись переход через Дунай и продвижение армии Листа в Болгарию, но из-за все еще неблагоприятной погоды и плохих дорог дело тормозилось. В то же самое время шли и политические переговоры о присоединении Югославии к Тройственному пакту. Между тем итальянским войскам в Албании грозило новое поражение. Одновременно началась переброска первых германских войск в Триполи. Гитлер постоянно требовал усиления оккупационной армии в Норвегии и применения 200 дополнительных береговых батарей всех калибров.<...>

В конце марта [1941 г.] я сопровождал Гитлера в Вену, где во дворце Бельведер с соответствующей церемонией состоялось подписание Югославией Тройственного пакта.

Когда вечером я был приглашен к фюреру на беседу наедине, он высказал большое удовлетворение, испытывая явное облегчение и радость по поводу того, что от Балкан больше не придется ждать неприятных неожиданностей. Затем фюрер прочел мне свое только что продиктованное письмо к Муссолини, содержавшее несколько военных советов, и прежде всего требование навести порядок на морских путях в Африку. Для этого он предложил снять вооружение со старых миноносцев и крейсеров и использовать их в качестве быстроход-

---

³⁷¹ Как в случае с приказом о комиссарах, так и с приказом о подсудности, речь совершенно определенно идет о приказах возглавлявшегося Ксйтелем ОКВ.

ных транспортных судов, которым меньше угрожают подводные лодки. Гитлер хотел знать, нет ли у меня каких-либо опасений, что он дает дуче такие радикальные предложения; я решительно отрицал это. Если кто-либо и может сказать что-нибудь Муссолини, так это только он [Гитлер], и он должен дать дуче ясно понять: дальше дело так не пойдет, поскольку и немецкие войска тоже зависят от подвоза. Ночью мы особым поездом выехали в Берлин.

Через два дня в Белграде были свергнуты правительство Цветковича и регент [принц] Павел — почитатель фюрера и убежденный сторонник прежней внешней политики. Внешним поводом для офицерского мятежа послужил Пакт четырех. Я был заранее вызван в Имперскую канцелярию и прибыл одновременно с Йодлем. Войдя в зал для докладов, фюрер показал нам телеграмму из Белграда и заявил: с этим он никогда не примирится! Он все равно разгромит Югославию, совершенно независимо от того, как новое правительство объяснит ему все это; он позорнейшим образом обманут, а заявление о лояльности — всего лишь маневр с целью выиграть время. Он уже вызвал Риббентропа и главнокомандующего сухопутными войсками и, когда все соберутся, отдаст свои приказы. Речь может идти только о концентрированном наступлении с севера и востока (армия Листа) из Болгарии. Немедленно пригласить венгерского посла! Венгрия тоже должна участвовать в акции, если хочет сохранить для себя Банат!³⁷² Мы еще увидим, как старик Хорти загорится этим делом!

Я заметил, что дату начала войны на Востоке переносить нельзя, так как сосредоточение войск по максимально уплотненному графику уже идет полным ходом, и мы не сможем взять оттуда никаких сил; армия же Листа одна против Югославии слишком слаба, а на Венгрию положиться никак нельзя. Именно потому [ответил Гитлер] он и вызвал Браухича и Гальдера: выход должен быть найден! Он хочет покончить со всем этим делом на Балканах — надо знать его натуру! Сербия издавна была пугачистским государством, этому надо положить конец раз и навсегда и т.д. и т.п. Он, как говорится, вошел в раж.

---

³⁷² Банат — плодородная долина в Южной Венгрии, главный город Тимишоара. — *Прим. пер.*

Когда все вызванные [министр иностранных дел, представители ОКХ] явились, Гитлер в хорошо известной мне манере изложил обстановку и намерения. Это, как всегда, было сделано в приказной форме: наступление на Югославию, и как можно скорее; армия Листа должна повернуть вправо и, атакуя с востока, сильным северным крылом продвигаться на Белград с юго-востока; германские и венгерские соединения обязаны с севера, форсировав Дунай, взять Белград, а одна новая армия из второго эшелона сосредоточенных для действий на Востоке войск будет введена здесь из Остмарка. ОКХ и ОКЛ немедленно представить свои предложения. Все необходимое в отношении Венгрии он предпримет сам и сегодня же пошлет посла в Будапешт. Предложение Йодля все-таки немедленно направить новому югославскому правительству ограниченный сроком ультиматум фюрер наотрез отверг. Он даже не дал сказать ни слова министру иностранных дел. Браухич получил согласие на замедление темпов переброски [на Восток] предназначенных для сосредоточения войск, чтобы не слишком сильно нарушать работу всего остального транспорта.

На этом обсуждение закончилось, и Гитлер покинул зал вместе с министром иностранных дел для беседы с венгерским послом, который уже ждал их внизу. Для нас же с Гальдером и Йодлем теперь действовал лишь один девиз: «За дело!»³⁷³

Если принять во внимание, что все предыдущие планы сосредоточения войск против России, Греческая кампания и помощь Италии были отброшены в сторону и приходилось на ходу импровизировать по поводу новых диспозиций, переброски войск, перегруппировки, соглашения с Венгрией, прохода германских войск и организации всего материально-технического снабжения и что, несмотря на все это, через девять дней последовало вторжение в Югославию в сочетании с воздушным

---

³⁷³ См. об этом: *P. Vor. Gespräche mit Haider*. S. 180. Согласно Гальдеру, Гитлер встретил вызванного с совещания в Цоссене начальника генштаба словами: «Я решил разгромить Югославию... Сколько времени вам потребуется, чтобы выступить против Югославии?» Гальдер экспромтом развил следующий план: действовать из Болгарии и австрийской земли Штирия. Начавшееся в полдень 27.3.1941 г. совещание продолжалось, по Гальдеру, два часа.

налетом на Белград³⁷⁴, то действия ОКВ, ОКХ и ОКЛ следует охарактеризовать как непревзойденный шедевр германской генштабовской работы, большая заслуга в которой принадлежит, однако, генеральному штабу сухопутных войск. Никто не знал и не признавал этого в глубине души так, как фюрер; я пожелал бы лишь одного: чтобы он высказал такую достойную оценку вслух, ведь генштаб заслужил ее, хотя Гитлер столь часто изображал его камнем преткновения.

Регент Хорти к участию Венгрии отнесся весьма сдержанно: в период весеннего сева он мобилизацию провести не может, как и лишить крестьянина лошадей и рабочей силы. Эта позиция возмутила фюрера. Но затем переговоры между генеральными штабами привели, пусть даже к частичной, мобилизации, в результате которой венгерское командование все же поставило под ружье для вторжения в Банат довольно слабую армию, чтобы все-таки урвать свой кусок, с почетом пропуская германские войска вперед и творя месть за их спиной³⁷⁵.

Фюрер направил Хорти письмо: хотя венгерские войска и должны вписаться в совместные операции, он будет лично руководить ими и сам координировать военные действия с Хорти как главнокомандующим венгерскими войсками таким образом, чтобы не умалять его суверенной командной власти. Формально подводный камень коалиционной войны был преодолен, и тщеславие сего старого господина не пострадало. Трений не возникло и в ходе операций. Благодаря политической ловкости фюреру удалось тогда еще умело вырвать Хорватию из вражеского фронта и побудить к саботажу югославского приказа о мобилизации, для которого созрело настроение в стране³⁷⁶. <...>

---

³⁷⁴ Согласно директиве № 25 (операция «Марита»), кампания германских войск против Югославии и Греции началась 6.4.1941 г.

³⁷⁵ См. об этом воспоминания адмирала Миклоша Хорти «Жизнь за Венгрию» (Бонн, 1953). С точки зрения Венгрии, ситуация выглядела иначе. Ей пришлось отказаться от проводимого Хорти курса на невмешательство в войну. 8.4.1941 г. венгерский премьер-министр Телеки решился пойти на это, не видя другого выхода, хотя и не желал нарушать существовавший между Венгрией и Югославией пакт о ненападении.

³⁷⁶ Не вполне ясно, что именно подразумевается здесь, ибо в случае с Хорватией Гитлер продемонстрировал самую неловкую политику.

Поскольку ставка фюрера еще не была и не могла быть оборудована всего за несколько дней, особый поезд Гитлера и являлся ею в самом прямом смысле слова; он был поставлен на узкоколейной ветке в лесу вблизи Земмеринга, неподалеку от небольшой гостиницы. Там, в весьма неприхотливых условиях для жизни и работы, разместился штаб оперативного руководства вермахта. Я же и Йодль с самыми необходимыми сотрудниками жили в поезде, и рабочим помещением нам служил вагон, в котором отдавались приказы. Хорошая работа узла связи являлась заслугой начальника службы связи вермахта генерала Фельгибеля и его заместителя генерала Тиле³⁷⁷, которые в техническом отношении оказались на высоте, и жаловаться на связь мне не приходилось.

Здесь, в поезде фюрера, мы находились в течение югославского и греческого походов, вплоть до капитуляции обоих государств всего за неполных пять недель. В памяти моей живо запечатлелись наиболее яркие события.

К ним относится и визит Хорти, который, само собой разумеется, состоялся в тесноте особого поезда. Он проходил, естественно, в сердечнейшей обстановке полной гармонии, ибо фюрер проявил весь свой блестящий шарм, чему любой гость всегда поддавался. Такая атмосфера царила еще и потому, что Хорти, разумеется, спал и видел осуществление своего вождьленного плана: возвращения под его регентство Баната — одной из прекраснейших и плодороднейших провинций бывшего венгерского королевства. На данном в честь Хорти завтраке я сидел рядом с ним, когда он в самом приподнятом настроении застольного разговора потчевал нас множеством небольших историй из своей жизни: как он был морским офицером, занимался сельским хозяйством, разводил беговых лошадей и владел конюшнями. Я даже подтолкнул его на охотничьи рассказы, хотя и знал, что Гитлер эту тему не любил. Фюрер постоянно говорил: охота — это трусливое убийство, ибо дичь — прекраснейшее творение природы — не может защищаться. Тем не менее он превозносил охотника как превосходного солдата — из таких солдат он хотел бы сформировать элитные батальоны.

---

³⁷⁷ Оба генерала после провала заговора 20 июля 1944 г. были казнены как его участники.

После того как [17 апреля 1941 г.] капитуляция Югославии была завершена фельдмаршалом Листом по поручению фюрера и согласно указаниям ОКВ, Гитлер оказал личное влияние на заключение перемирия с Грецией. Считаясь со своим союзником и щадя честолюбие Муссолини, а также для обеспечения итальянских интересов он послал туда генерала Йодля. В принципе фюрер желал для греческой армии почетных условий капитуляции, учитывая ее храбрые действия. <...>

Особая глава — вступление победителей в Афины. Щадя честь греков, Гитлер хотел дать возможность занять Афины германским героям Фермопил. Но Муссолини потребовал триумфального вступления итальянских войск, которые пришлось спешно подводить к городу, так как они на несколько дневных переходов отстали от немцев, преследовавших англичан. Фюрер уступил итальянским настояниям, и германские войска вступили в Афины вместе с итальянскими. В глазах греков этот спектакль, разыгранный честно разбитым ими нашим союзником, выглядел горчайшей издевкой.

Принимая во внимание тревогу насчет обеспечения и снабжения наших находившихся в Северной Африке под командованием Роммеля³⁷⁸ войск, постепенно усиленных до одной полностью укомплектованной танковой дивизии, фюрер пожелал улучшить коммуникации через Средиземное море вопреки английским военно-морским силам. В то время как Роммель наиболее смелым вмешательством устранил опасность для Триполи, у Гитлера созрел план отобрать у ослабленных поражением англичан Крит или Мальту. Это можно было сделать только посредством воздушно-десантного маневра, который должен был сопровождаться одновременными или последующими перебросками войск морским путем; помощь итальянцев в этом деле представлялась довольно проблематичной. Гитлер, верно, хотел также показать Муссолини, к чему шло ведение войны в Средиземном море. <...> Я поддержал операцию против Мальты, которую мы с Йодлем считали стратегически более важной и опасной морской базой англичан. Поскольку выбор

---

³⁷⁸ Эрвин Роммель, генерал танковых войск, командующий германским Африканским корпусом, состоявшим из одной легкой моторизованной и одной танковой дивизий.

был предоставлен люфтваффе, Геринг, прислушавшись к советам фельдмаршала Кессельринга, командовавшего германскими военно-воздушными силами в Италии³⁷⁹, предпочел нападение на Крит, несомненно, потому, что оно показалось ему более легким. Гитлер согласился.

Тем временем фюрер определил в качестве нового «дня X» середину июня. Это означало быстрое высвобождение задействованных на Балканах соединений сухопутных войск и продолжение сосредоточения войск на Востоке. Следствием этого явилось лишь очень поверхностное умиротворение югославской территории, на которой по открытому призыву Сталина и при его энергичной поддержке стала оживляться война, ведущаяся бандами. Небольшие охранные части, к сожалению, оказались не в состоянии задуть эту малую войну в зародыше, в результате чего со временем возникло положение, потребовавшее даже привлечения новых сил, ибо самонадеянные итальянцы, которые могли бы снять с нас эти заботы, повсюду оказывались непригодными и лишь укрепляли этим власть предводителя бандитов — некоего Тито, воспользовавшегося их [трофейным] оружием.

Россия и Англия, со своей стороны, делали все для того, чтобы постоянно разгорались все новые очаги беспокойства и германские войска оказывались там связанными; между тем новое Хорватское государство, преисполненное недоверия к своему «протектору» — Италии, видело в укреплении нами внутреннего порядка помехи со стороны ревнивой по отношению к нам Италии. Фюрер вместе с нами наблюдал эту трагедию, не высказывая открыто своих симпатий к хорватскому народу в связи с тем, что Муссолини явно терпимо относился к этим интригам. Он не мешал этой опаснейшей игре, чтобы сохранить у союзника хорошее настроение, так как, видимо, куда важнее ему казались другие вещи или ранее данное согласие.

Примерно в начале июня мы вернулись из Берхтесгадена в Берлин. Наконец-то я смог — пусть и всего на несколько недель — собрать все ОКВ под моим началом.

---

³⁷⁹ Генерал-фельдмаршал Кессельринг в то время этими задачами не занимался. Он командовал 2-м воздушным флотом, действовавшим на побережье Ла-Манша. Этот флот был переброшен в Италию только в конце 1941 г.

Ведь не мог же я разорваться! А потому я был вынужден поневоле находящемуся в Берлине (за исключением штаба оперативного руководства) ОКВ предоставить во многих вещах гораздо большую свободу действий, хотя, естественно, делал это через курьеров и по телефону. Таким образом во время моего отсутствия я поддерживал с ОКВ постоянную связь. Но, пожалуй, я все-таки совершил ошибку. Мне не сразу удалось внушить Гитлеру мысль, что центр тяжести моей работы находится в Берлине. Ведь живое общение и информированность о принятых там приказах и решениях являлись не только насущной потребностью, но и вообще предпосылкой руководства штабом Верховного главнокомандующего вермахта в условиях войны. Без такого общения, приспособляющегося к возникающим ситуациям, ОКВ оказалось бы обречено на какое-то странное существование. При методе работы Гитлера это было бы совершенно невозможно. Не говоря уже о том, что он не отпускал меня от себя и приказывал возвратиться, если я отсутствовал больше двух дней.

Именно поэтому невозможно было провести внутри ОКВ разграничительную линию между штабом оперативного руководства (командование) и остальным штабом (военное министерство); связующее звено являлось неотъемлемой необходимостью, и тут меня заменить не мог никто. Если бы я после принятия своего поста имел время выработать для условий войны другую организационную форму, какой-то выход все-таки нашелся бы.

Если до 1941 г. периоды моего отсутствия в Берлине были еще коротки и терпимы, то продолжительность их во время войны на Востоке, при всей моей работоспособности, поставила меня перед проблемой, решить которую было трудно. В 1944 г. я захотел с этой целью сделать Варлимонта начальником моего штаба и моим постоянным представителем в Берлине; однако из-за его многомесячной инвалидности после покушения на Гитлера (20.7.1944 г.) мне это так и не удалось³⁸⁰.

---

³⁸⁰ О методах работы ОКВ, в частности, управлений военной экономики, общих дел, центрального и др., говорится в рукописных материалах д-ра Нельге. Среди них — аффидевит судьи в звании генерал-полковника (юридический отдел ОКВ) д-ра Рудольфа Немана. В этом документе, в частности, дается оценка Кейтеля как начальника ОКВ; отмечаются его верность долгу, добросовестность, умение концентрировать свои силы, невероятное прилежание, хорошая память, большой

В середине июня [1941 г.]³⁸¹ фюрер в последний раз перед войной на Востоке собрал всех высших офицеров Восточного

руководящий опыт. Леман пишет о Кейтелс: «Однако он слишком много занимался мелочами да и вообще не был человеком крупного масштаба. К тому же у него всегда был комплекс неполноценности в отношении к такой личности, как Гитлер, и опущение слабости своего положения. Он просто погряз в гигантски раздутой административной сфере». Леман также полагает, что Кейтель зачастую наверняка чувствовал себя «глубоко несчастным», но считал непорядочным охаивать перед своими подчинёнными главу рейха. Из обусловленного этим комплекса отношения к Гитлеру, которого фельдмаршал боялся, вытекают и такие его высказывания, как сделанное начальнику внутригерманского отдела ОКВ генерал-майору Циглеру: в его сфере нет ни одной личности, ради которой он вступил бы в конфликт с политическими органами. Во время своих посещений Берлина Кейтель на совещаниях высшего состава ОКВ обычно делал общий обзор положения на фронтах и предостерегал от всяких слухов и фронтовой болтовни. После Сталинградской битвы это приобрело большое значение. Кейтель постоянно подчеркивал: пессимистам и пораженцам нет места в ОКВ! Он не намерен никого защищать от доносов, связанных с такими высказываниями. Генерал Винтер (ставший постоянным представителем Кейтеля в Берлине) неоднократно настаивал на том, чтобы фельдмаршал отвечал на отдельные возникающие вопросы в связи с неблагоприятными оценками Гитлером военного положения: о слухах насчет Паулюса, о генерале фон Зайдлице (который стал председателем созданного летом 1943 г. в СССР из числа военнопленных антифашистского Союза немецких офицеров. — *Прим. пер.*), об отставке гросс-адмирала Редера, об «измене» Италии и т. п. На совещаниях в ОКВ ничего не говорилось об истреблении евреев силами гестапо, депортациях, об отношении к церквям (католической и протестантской). Адмирал Канарис [начальник абвера] никогда лично на этих совещаниях не присутствовал; его обычно представляли начальники отделов вице-адмирал Бюркнер или генерал-майор Остер (впоследствии — участник заговора 20 июля 1944 г. — *Прим. пер.*).

³⁸¹ Точнее, 14.6.1941 г. В кн.: *H. Greiner. Oberste Wehrtrichführung. S. 390* об этом говорится так: «В первой половине дня 12 июня Гитлер после пятидневного пребывания в Бергхофе вернулся в столицу рейха. Через два дня он собрал в Имперской канцелярии высший генералитет вермахта, командующих вместе с их начальниками штабов, на последнюю встречу перед началом войны. В довольно длинной речи он еще раз изложил причины нападения на Советский Союз и высказал надежду, что разгром России заставит Великобританию уступить. После этого он заслушал доклады командующих армиями и танковыми группами, а также командующего военно-морским флотом в Балтий-

фронта для доклада об их задачах, в котором вновь с огромной проникновенностью изложил свою точку зрения на предстоящую «войну мировоззрений». Он указал на сильное сопротивление при освобождении Балкан — следствие слишком мягкого и потому истолкованного как слабость обращения с населением, что дает фору бунтовщикам. Он, мол, изучил те методы, к которым постоянно приходилось прибегать старым дунайским монархиям, чтобы придать властям предержавшим должный авторитет. Со стороны натравливаемого на нас под кнутом [в рукописи неразборчиво: комиссаров?] [населения] нам придется встретиться с тем же, а вероятно, и с еще более упорным сопротивлением. Поэтому следует заранее понять: самый твердый кулак — в конечном счете самый милосердный. Террор можно сломить только контртеррором. Он сам сломил террор КПП³⁸² в Германии не с помощью законности, а грубой силой своих СА.

Именно тогда я пришел к тем осознанным выводам, которые изложил в одной из своих памятных записок для моего защитника. Гитлер целиком проникся идеей, что его миссия — уничтожить коммунизм прежде, чем тот уничтожит нас. Он считал совершенно невозможным долгое время быть заодно с коммунизмом в России и считал: Германию постигнет экономический крах, если он не сумеет разорвать то железное кольцо, которое Сталин в любой день, когда того пожелает, может сомкнуть вокруг нас в союзе с западными державами. Он с презрением отвергал мир любой ценой с западными державами и ставил всё на одну карту — на войну! Он знал: весь мир будет против нас, если карта против России окажется битой. Он знал, что такое война на два фронта! Он взял на себя эту войну потому, что недооценил большевизм и государство Сталина, и тем сам разрушил созданный им «Третий рейх»!

Но летом [19]41 г. казалось, будто колосс на Востоке вот-вот рухнет под мощными ударами германской армии, ибо первые и, пожалуй, самые лучшие советские полевые войска, понеся чудовищные потери в людях и технике, были к осени действи-

---

ском море о выполнении ими поставленных задач». Текст этой речи пока неизвестен.

³⁸² Коммунистическая партия Германии. — *Прим. пер.*

тельно почти истреблены³⁸³. Тысячи орудий и танков грудой металла валялись на полях сражений после первых битв на окружение, а число военнопленных давно перевалило за миллион. Спрашивается, какая еще армия в мире смогла бы преодолеть такие уничтожающие удары, не приди ей на помощь бесконечные пространства, людские резервы и русская зима?³⁸⁴

Гитлер уже в конце июля считал, что разбита не только левая Красная Армия, но и сама военная мощь [СССР] подорвана настолько, что никакое ее восстановление, ввиду невероятных потерь в технике, уже не сможет спасти ее от полного уничтожения. Так, он еще в конце июля или начале августа приказал (и это в высшей степени примечательно в историческом плане) перепрофилировать значительную часть производства вооружения для сухопутных войск, за исключением танков, на производство военной продукции для военно-морского флота (подводных лодок) и авиации (самолетов и зенитных орудий) с целью запланированной интенсификации войны против Англии³⁸⁵. В то же время на Востоке армия должна была держать разгромленного противника, взорвав его единый фронт обороны, под угрозой полного поражения наличными силами при удвоенном числе танков.

* * *

Только в ночь на 22 июня [1941 г.] специальный поезд фюрера с самым узким кругом сопровождающих лиц (в том числе Йодль

---

³⁸³ 3.7.1941 г. Гальдер записал в своем дневнике: «Итак, не будет преувеличением, когда я утверждаю, что поход против России выигран за 14 дней. Разумеется, этим он еще не закончен. <...>»

³⁸⁴ Справедливость требует добавить: а также удивительная способность советско-русского государственного руководства к перевооружению и новому вооружению.

³⁸⁵ В речи, произнесенной 3.10.1941 г. в берлинском «Спортпаласте» по случаю открытия кампании «Зимней помощи», Гитлер признал, что решение начать войну против России — труднейшее из всей его предыдущей жизни: «Каждый такой шаг открывает дверь, за которой скрываются тайны». Но противник сломлен, он уже никогда не поднимется. Он [Гитлер] все так предусмотрел, что даже посреди этой «гигантской битвы техники и материалов» может сократить или перепрофилировать производство в крупных масштабах.

и я с нашими адъютантами) прибыл в лесной лагерь в районе Растенбурга [Восточная Пруссия], где была оборудована ставка Гитлера «Вольфешанце» («Волчье логово»). Примерно в 20 километрах от нее, в огромном лесу, расположилась штаб-квартира ОКХ. Главнокомандующий люфтваффе Геринг поставил свой особый поезд в Иоганнесбургском бору, так что все трое главнокомандующих могли в любую минуту поддерживать между собою и ОКВ устную связь и не позже чем через полчаса (а с помощью самолета «Шторх» и еще быстрее) явиться к фюреру.

Кроме лагеря фюрера, в собственном смысле слова (заградзона 1), был построен в километре от него и специальный лагерь для штаба оперативного руководства вермахта. Мне неоднократно приходилось летать в лагеря различного ранга, однако точно определить их местонахождение с воздуха я никак не мог. Удавалось различить только железнодорожную однопутку, закрытую для всего остального транспорта. Примерно в 3—4 километрах был оборудован аэродром, на котором стояли самолеты фюрера, эскадрильи воздушной связи, а также самолеты ОКВ. Как правило, я в [19]41—[19]44 г. вылетал именно оттуда. Мне известен только один-единственный несчастный случай на этом аэродроме: в январе [19]42 г. по невыясненным причинам разбился самолет «Хейнкель-111» министра вооружения и боеприпасов Тодта...

Ежедневно в полдень у фюрера проходило обсуждение обстановки на основе утренних сводок главнокомандующих видами вооруженных сил, которые, что касалось ОКХ, основывались на итоговых вечерних сводках групп армий. Только командующие войсками в Финляндии, Норвегии и Северной Африке докладывали непосредственно ОКВ и одновременно, в порядке информации, — ОКХ. Обстановку докладывал генерал-полковник Йодль и только потом — главнокомандующий сухопутными войсками со своим начальником генерального штаба Гальдером (обычно же или в его отсутствие — последний). После того как Гитлер с 19 декабря [19]41 г. сам стал главнокомандующим сухопутными войсками, его начальник генерального штаба был обязан ежедневно докладывать ему о положении на Восточном фронте и лично получать или выслушивать от него приказы (а при напряженной обстановке — даже и еще раз вечером, около 24 часов). Или же такие доклады в более узком кругу

каждый день делал генерал-полковник Йодль. Давасмые при этом фюрером указания в ту же ночь передавались по телеграфу или, предварительно, устно по телефону штабом оперативного руководства соответствующим инстанциям и штабам.<...> Во время докладов фюрер отдавал приказы, причем не только по оперативным, но и другим вопросам, так или иначе связанным с ведением войны.

Поскольку Гитлер в таких случаях не знал меры и по собственной инициативе затрагивал и другие вопросы, которые ставились перед ним, обсуждение обстановки продолжалось днем в среднем три часа, а вечером — не меньше часа, хотя оперативные и тактические вопросы отнимали, как правило, только часть этого времени. Потому и мне тоже (хотя я сам утром и вечером предварительно получал информацию об обстановке от Йодля или его штаба) никак не удавалось уклониться от этих поглощавших уйму времени докладов фюреру. Каждый раз возникали всяческие вопросы, давались Гитлером распоряжения или требовались какие-либо новые меры, причем все это было далеко от стратегии и политики. И ради всего этого Гитлер не отпускал меня как начальника его личного военного штаба, хотя затронутые вопросы и не входили в мою компетенцию.

Совершенно неупорядоченный метод мышления и работы этого автократа выражался и в том, что он постоянно стремился восстановить друг против друга различные ветви военного командования или же господствовать над ними по принципу «разделяй и властвуй!».

Таким образом, я был втянут почти во все сферы деятельности государственного и партийного аппарата, но, ввиду моей перегруженности работой, ни в одном случае инициатив от меня не исходило. Видит Бог, у меня было достаточно своих дел, чтобы держаться вдали от всего, что не являлось моими прямыми обязанностями. Мои адъютанты и я сам могли бы назвать бесчисленное множество случаев, когда ко мне обращались посетители, забрасывали меня письмами и не давали мне покоя телефонными звонками, оправдывая это стереотипными словами: «Фюрер велел мне обратиться к вам», или: «При моем докладе фюреру он сказал, что это касается и вермахта», или: «Не хотели бы вы довести это до сведения вермахта?», или: «К кому в ОКВ я должен обратиться по данному вопросу?», а

также пользовались и многими другими предложениями и поводами. От всех абсолютно инстанций на меня наваливались дела, которые меня совершенно не касались. Вермахт в их понимании был равнозначен ОКВ или ОКХ, а это для них значило одно: Кейтель! То же самое сказал моему защитнику и начальнику юридической службы вермахта д-р Леман.

Или, может быть, я должен был на обсуждении обстановки, когда фюрер в присутствии 25 человек давал мне подобные поручения, встать и заявить: «Мой фюрер, это меня не касается, скажите это вашему секретариату»? Или же те, кто приходил на доклад к Гитлеру, получив его указание сначала переговорить со мной, должны были отвечать ему: «Этого мы сделать не можем, ибо Кейтель выпшвырнет нас вон»?

Разве мог я знать все это, когда появилось на свет сие нелепое творение под названием «начальник ОКВ»? Разве дали мне после 4.2. [19]38 г. хоть немного времени, чтобы сгладить организационные недостатки этой конструкции, которая на самом деле предназначалась для объединения в руках самого Гитлера власти вообще и командной в частности? Обстоятельства не благоприятствовали мне в моих начинаниях, и вовсе не мое добродушие или глупость были виновны в том: виновата была сама система.

Сажать на этот пост настоящего фельдмаршала в духе прусской королевской традиции было слишком жаль, да и сама по себе должность — слишком скромна для такого высокого звания. Со времени моей последней и прекрасной службы в качестве командира дивизии я превратился в «кабинетного генерала». В Первую мировую войну я почти два года прослужил начальником оперативного отдела штаба дивизии и был горд вместе с моими командирами делить, по тогдашним понятиям, ответственность за наших храбрых солдат. Во Вторую мировую войну я стал в конечном счете фельдмаршалом и мог, кроме самого ОКВ, командовать только моим шофером и моим денщиком!!!

И вот теперь я задним числом обязан [в Нюрнберге] отвечать за все, что приказывалось вопреки моему убеждению и моей совести! Хотя это и горько, но почетно, если я тем самым беру на себя ответственность за все ОКВ! Германский кайзер производил своих генерал-адъютантов не в фельдмаршалы, а в генерал-полковники. Гитлер же захотел иметь в своем самом близком

окружении представителя вермахта в чине фельдмаршала. После моего производства в этот чин генерал Шмундт сказал мне: тем самым фюрер хотел выразить свою благодарность за перемирие с Францией. Пусть так! Но принципы выпуждают меня сожалеть о том, что ранг фельдмаршала не остался только за теми полковниками, которые отличились на поле боя перед лицом врага³⁸⁶.

---

³⁸⁶ См. об этом в рукописных материалах Нельге (часть I, 1—7а). В данных под присягой письменных показаниях Геринга, озаглавленных «Характеристика генерал-фельдмаршала Вильгельма Кейтеля», от 14.2.1946 г., рейхсмаршал характеризует последнего как солдата старой школы, отмечает его сложный характер, считает одаренным организатором, владеющим аппаратом вермахта. Гитлер, которого Кейтель считал гением, использовал его в качестве «громоотвода». Кейтель жил в постоянном страхе перед своим хозяином; он явно не знал, насколько необходимым стал для Гитлера. «Главным мотивом его поведения, — пишет далее Геринг, — было: “Я лично этого приказа фюрера не понимаю, сам бы я его никогда не отдал, но раз фюрер требует сделать так, — это правильно!” В результате Гитлер всегда оказывался прав». Геринг указывает далее на то, что никто из высших генералов, которые теперь поносят Кейтеля, не смогли с успехом противостоять Гитлеру. Кейтель никогда не выносил «из избы» конфиденциальные дискуссии с Гитлером, а молча принимал любое неверное истолкование его собственной точки зрения.

См. также показания Кейтеля на Нюрнбергском процессе (IMT-Prozess, Bd. X, S. 543 ff). Он заявляет, что близких отношений с Гитлером у него никогда не было. Он, Кейтель, служил как солдат Вильгельму II, Эберту (социал-демократическому президенту Веймарской республики. — *Прим. пер.*), Гинденбургу и Гитлеру. Он считал это своим воинским долгом. Характерно для Гитлера, что в беседах с Кейтелем он утверждал, будто бы в конце Первой мировой войны стал лейтенантом баварского пехотного полка. Войну он прошел солдатом, сфрейтором, «может быть, даже унтер-офицером». Кейтель поражался его начитанности в военной литературе.

См. также показания Йодля на Нюрнбергском процессе о жизни в штаб-квартире Гитлера (IMT-Prozess, Bd. XV. S. 325 0: «Ставка фюрера представляла собою нечто среднее между монастырём и концентрационным лагерем... Из внешнего мира в эту святая святых не доходило почти ничего, кроме сводок об обстановке». Йодль сообщает, что минимум два раза в день докладывал обстановку Гитлеру. Недавно он был просто потрясен, подсчитав, что участвовал в 119 ее обсуждениях, а фактически участвовал в 5000 совещаниях. О возможности возражать Гитлеру Йодль 3.6.1946 г. высказался так: «Нельзя считать, чтобы это было невозможно в принципе. Я много, много раз возражал ему в са-

Вскоре после первых победоносных сражений [на Востоке] вновь возникли трения между Гитлером и командующим сухопутными войсками [Браухичем]. Стратегическая идея Гитлера отличалась от идеи ОКХ. В то время как оно всей концентрированной силой группы армий «Центр» преследовало цель захватить Москву и овладеть Валдайской возвышенностью, через которую поддерживалась связь с Ленинградом, Гитлер желал остановиться на общей линии Одесса, Орел, Смоленск, Чудское озеро (ослабив эту наиболее крупную группу армий за счет сокращения ее численности и танковых соединений) и сначала посредством значительного усиления группы армий «Юг» отобрать у противника Донецкий бассейн, нефтяные месторождения Майкопа и Грозного, а действиями усиленной группы «Север» взять Ленинград и установить коммуникации по суше с Финляндией. Но для решения этих задач обе группы армий (т.е. «Юг» и «Север») без их подкрепления были недостаточно сильны. Гитлер рассматривал эти цели на флангах прежде всего с экономической (Донбасс) и политической (Финляндия) точек зрения, а также и с точки зрения морской войны (Балтийское море). В стратегическом отношении ему был важен не многомиллионный город Ленинград, а военный порт с Кронштадтом и уничтожение морской крепости, угрожающей нашему транспорту и подготовке подводников на Балтийском море.

Вопреки этому, ОКХ было убеждено в том, что ключом [к быстрому окончанию войны на Востоке] служит его предложение. Фюрер отнюдь в этом уверен не был.

мой резкой форме. Но бывали такие моменты, когда действительно нельзя было сказать вопреки ему ни слова». Йодль свидетельствовал о фактах неоднократных крупных споров Кейтеля с Гитлером. Например, 19.4.1940 г. Кейтель швырнул свою папку с документами на стол и вышел из зала. Крупное столкновение произошло и осенью 1941 г.: Гитлер заявил, явно имея в виду Кейтеля, что имеет дело «с одними набитыми дураками» (IMT-Prozess, Bd. XV, S. 481). В ответ фельдмаршал пишет рапорт об отставке и намерен застрелиться, чтобы покончить с этим невыносимым положением. Йодль забирает у него лежащий на столе пистолет. По этому поводу Йодль сказал: «В конце концов мы находимся на войне, когда офицер не смеет сидеть дома и штопать носки». Причиной конфликта явились обвинения Гитлера в предоставлении Кейтелем ложного донесения о боеприпасах.

Он решил лететь в группу армий «Центр» (г. Борисов), куда приказал явиться командующим танковыми группами [армий] Готу и Гудериану³⁸⁷. Я сопровождал Гитлера и присутствовал на этом совещании с командующим группой армий «Центр» фон Бок³⁸⁸ и его танковыми генералами, которых фюрер первыми (во всяком случае одного из них) хотел повернуть к обеим соседним группам армий. Однако он натолкнулся на их единый фронт: они отказались, и дело дошло до того, что оба генерала объявили сроки соединения настолько выдохшимися, что те нуждаются в двух неделях отдыха для ремонта и переборки моторов танков, дабы снова стать боеспособными и готовыми к маршу. Мы, разумеется, это проверить не могли, ибо они (несмотря на награждение обоих Рыцарским крестом к Железному кресту) упорно стояли на своем и категорически отказывались от использования их соединений на каком-либо ином и к тому же отдаленном участке фронта. Фон Бок, ясное дело, не желал лишиться их и трубил в тот же рог. Все трое знали план ОКХ и видели в нем панацею. Любое ослабление группы «Центр», естественно, угрожало этой цели, которая притягивала их всех, как магнит.

Хотя фюрер и разглядел эту точку зрения (что, впрочем, было нетрудно), он все же не остановился перед тем, чтобы, невзирая на доклады обоих танковых генералов, приказать ОКХ перебросить их соединения, так как требуемая ими пауза стоила трех-четырёхнедельной потери времени для осуществления желаемой Гитлером операции. ОКХ, группа армий «Центр» и генералы-танкисты выступили против фюрера единым фронтом³⁸⁹. Он понимал, что они не поддерживают его план наступления, но принял их версию, будто они не могут выполнить его; фюрер сам признался мне в этом потом.

---

³⁸⁷ Командующие приданными группе армий «Центр» 2-й и 3-й танковыми группами — генерал-полковник танковых войск Гейнц Гудериан (впоследствии начальник генерального штаба. — *Прим. пер.*) и генерал Герман Гот.

³⁸⁸ Генерал-фельдмаршал Федор фон Бок командовал этой группой до 18 декабря 1941 г.

³⁸⁹ Овладение Валдайской возвышенностью являлось для левого крыла группы армий «Центр» предварительным условием для наступления на Москву.

Фюрер внутренне снова ожесточился против ОКХ, особенно против Браухича, но «проглотил» все это. Пришли к компромиссу, который, естественно, обрек стратегическую цель Гитлера на поражение — во всяком случае на севере (Ленинград). Зато фюрер запретил наступление на Валдайскую возвышенность³⁹⁰, объявленное им рудиментом устаревшей тактики генштаба на захват высот. Но все раздражение фюрера вывилось впервые тогда, когда для ограниченной операции группы армий «Центр» по обеспечению свободы действий ее южного крыла, необходимой в рамках осуществления плана наступления на Москву, танковая группа Гудериана была приведена в боеспособное состояние всего за несколько дней.

Теперь Гитлер счел нужным вмешаться, причем таким образом, что в результате на юге, во взаимодействии с группой армий «Юг», была дана битва на уничтожение [советских войск] восточнее Киева. Как часто приходилось мне слышать от Гитлера слова о непослушных, своевольничающих генералах, которые испортили его план! Между тем, несмотря на блестящий успех восточнее Киева, было (если принять во внимание приближающуюся глубокую осень и ожидаемый период осенней распутицы) потеряно столько времени, что Гитлеру самому пришлось отказаться от большого стратегического плана, ибо одни только перегруппировки войск стоили бы драгоценных недель.

Так он дал согласие на окружение советских войск двойным кольцом силами группы армий «Центр» под Вязьмой и Брянском. Это сражение являлось предварительным условием так никогда и не снимавшегося ОКХ плана еще до зимы окружить Москву. То, что операция эта застыла во льду и снегу и стала почти катастрофой в условиях самой свирепой зимы, не виданной в Центральной России с начала XIX в., достаточно известно. Но будет предметом одного из интереснейших военно-исторических исследований выяснить: какие же перспективы имела стратегия Гитлера и какие выводы могли быть сделаны из нее для Восточной кампании [19]41 г., особенно если действи-

---

³⁹⁰ Само по себе это правильно, но фельдмаршал, в отличие от ОКХ, видит ошибку в другом. Ошибка заключалась, по его мнению, в непродуманном плане всей кампании, в неясном представлении общей задачи: хотели найти решение в центре или же на флангах?

тельно верно то, что сказал мне один офицер русского Генерального штаба. Он заявил: советское командование считалось с возможностью проведения операции ОКХ осенью [19]41 г. и потому в течение нескольких месяцев стягивало к Москве все имеющиеся крупные резервы и дальневосточные дивизии.

Как эти меры отразились бы на плане Гитлера, не повысили бы они весьма значительно его шансы? Сегодня для меня это открытый вопрос, тут есть над чем подумать! Ошибку в стратегическом плане в ходе одной и той же войны не исправить. Тем самым я вовсе не хочу утверждать, что план ОКХ являлся ошибкой. Но, бесспорно, ошибкой было идти на компромисс, если только та пауза, к которой стремилась группа армий «Центр», не являлась повелительной насущной необходимостью для ударной силы ее войск. Ведь операция, задуманная фюрером, требовала утомительных маршей, и притом немедленно. Никогда не следует забывать слова полководца: «Моя армия наступать еще может, но совершить марш-бросок — уже нет!»

В течение лета [1941 г.] положение на всех театрах военных действий обострилось из-за непокорства гражданского населения, актов саботажа, нападений на военнослужащих и учреждения вермахта, причем совершаемых совершенно открыто. В то время как на Балканах, благодаря содействию Советов и Англии, бандитизм принимал наиболее угрожающие формы и вынуждал к проводимым по всем правилам частным операциям против бандитов, во Франции и Бельгии саботаж тоже приобретал внушающий ужас размах. Заброска с самолетов [агентов] и парашютистов из замаскированных диверсионных команд, покушения с применением взрывчатки, сброс оружия, боеприпасов, портативных ракет стали во многих местах повседневным явлением.

Нет никакого сомнения в том, что на Западе причиной всех этих явлений служила Англия. Она стремилась вызвать беспорядки подстрекательством населения к нанесению ущерба оккупационным властям, к разрушению промышленных предприятий и органов снабжения, а также железнодорожных сооружений. Она призывала население к пассивному сопротивлению и нарушению общественного порядка. Приходилось прибегать к репрессиям в отношении населения, а это создавало благоприятную питательную почву для возникновения движе-

ния Сопротивления. Так, если поначалу во Франции полиция энергично содействовала преследованию и обезвреживанию саботажников, то и здесь произошло существенное изменение, которое поставило под сомнение ее стремление бороться с этой малой войной против оккупационной державы.

Призыв к усилению охранных соединений и полиции звучал все настойчивее, насущная необходимость самозащиты вынуждала брать заложников и применять репрессии. Поскольку войска на Балканах нуждались в своем подкреплении, а для увеличивавшейся с каждым днем оккупированной территории Советского Союза войск безопасности уже давно не хватало, фюрер потребовал проведения драконовских репрессий и безжалостных, а также устрашающих действий, пока успехи Сопротивления еще не придали этому движению новых сил и положение не вышло из-под контроля оккупационных властей.

Так летом и осенью [19]41 г. появились первые приказы о борьбе с этими новыми формами малой войны, ведшейся тайными силами (*Secret service*)³⁹¹, преступниками, агентами и боящимся дневного света сбродом, к которым затем присоединились идеалисты, восхваляемые ныне в качестве «патриотов». К числу этих приказов относятся приказ о заложниках, указ фюрера «Мрак и туман», подписанный мною³⁹², а также различные варианты всех тех жестоких распоряжений, которые в 1942 г. преследовали цель дать оценку извращенным противником методам войны; последствия такого извращения могли быть осознаны только центральной инстанцией, куда сходились все донесения. Эти приказы должны были показать тем немецким офицерам, которые были воспитаны в духе представлений о «рыцарской войне», что при наличии таких методов хозяином положения сможет быть только тот, кто не останавливается перед самыми суровыми репрессиями, когда преступная «подпольная война во тьме» становится повсюду системой, беспощадным террором против оккупационной власти и населения страны. Именно потому, что такие методы английской секрет-

---

³⁹¹ Секретная служба (*англ.*).

³⁹² Приказ ОКВ от 7.12.1941 г. «Преследование уголовных преступлений против рейха или оккупационной власти» (IMT-Dok. L-090), введший за них в принципе смертную казнь.

Фельдмаршал Вильгельм Бодевин Йоханн Густав Кейтель

*Бодвин Кейтель, младший брат Вильгельма, в звании генерал-майора.
1939 г.*

Бенито Муссолини и Адольф Гитлер в Мюнхене в дни подписания Мюнхенского соглашения. На втором плане справа генерал артиллерии начальник ОКВ Вильгельм Кейтель. Сентябрь 1938 г.

*Военный парад в честь Дня вермахта.
На переднем плане генерал-полковник люфтваффе Эрхард Мильх,
генерал-полковник Вальтер фон Браухич, адмирал Эрих Редер,
генерал кавалерии Максимилиан фон Вейхс.
На заднем плане Кейтель. Нюрнберг. Сентябрь 1938 г.*

*Изучение карт в ходе одной из операций вторжения в Польшу.
Справа от генерал-полковника, начальника ОКВ Вильгельма Кейтеля,
командующий 10-й армией Вальтер фон Рейхенау
и личный адъютант Гитлера Карл Боденшатц. Сентябрь 1939 г.*

Гитлер в поездке по Судетской области после присоединения ее к Германии. Праздничный обед на природе. Слева от Гитлера рейхскомиссар Судетской области Конрад Гелейн и Кейтель. Справа командующий 4-й группой войск Вальтер фон Рейхенау и рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер. 3 октября 1938 г.

Гитлер и его генералы осматривают линию Зигфрида. Май 1939 г.

Кейтель с офицерами штаба проезжает по улицам оккупированной Лодзи. Сентябрь 1939 г.

На одном из военных совещаний. Гитлер, Муссолини, генерал артиллерии Альфред Йодль и Кейтель. 1940 г.

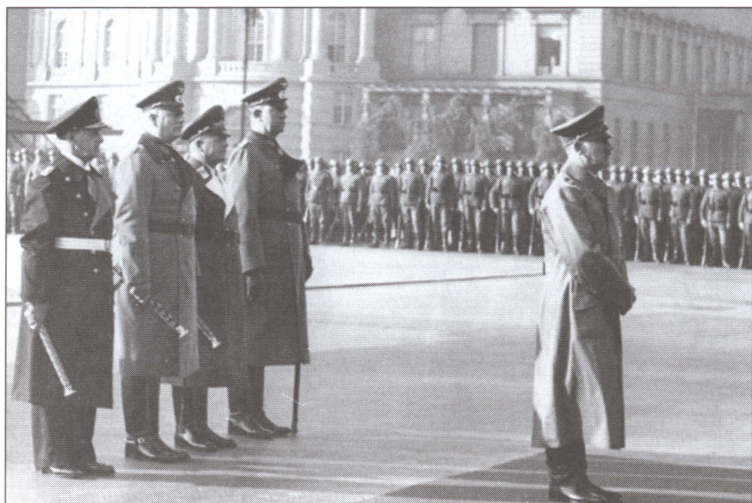

*Кейтель с представителями германского командования
в Компьенском лесу в день заключения Второго компьенского
перемирия. 22 июня 1940 г.*

*Кейтель подписывает один из документов Перемирия
в знаменитом железнодорожном вагоне маршала Фоша.
Компьенский лес. 22 июня 1940 г.*

Гитлер, гросс-адмирал Эрих Редер, фельдмаршал Кейтель, фельдмаршал Эрхард Мильх, генерал-полковник Фридрих Фромм на траурной церемонии прощания с адмиралом Адольфом фон Тротом. Берлин. 15 октября 1940 г.

Смотр войск во время официального визита премьер-министра Словакии Войтеха Туки. Рядом с Кейтелем министр иностранных дел Германии Иоахим фон Риббентроп. Берлин. Ноябрь 1940 г.

*Гитлер поздравляет Вильгельма Кейтеля
с 40-летием его военной службы. 9 марта 1941 г.*

Министр иностранных дел Японии Ёсукэ Матсуока беседует с Вильгельмом Кейтелем и немецким посланником в Токио Генрихом Штамером. 28 марта 1941 г.

Кейтель и фельдмаршал Вальтер фон Браухич на совещании у Гитлера в штабном вагоне. Апрель 1941 г.

Кейтель и Гитлер. Разговор с глазу на глаз

На оперативном совещании. Слева от Гитлера Кейтель, справа фельдмаршал Вальтер фон Браухич, у стены генерал-лейтенант Фридрих Паулюс. Октябрь 1941 г.

Гитлер, Кейтель и рейхсминистр вооружений и боеприпасов Альберт Шпеер в сопровождении генералов и офицеров штаба на прогулке. 20 марта 1942 г.

Гитлер со своим штабом. Слева от него Вильгельм Кейтель, справа генерал артиллерии Альфред Йодль и начальник Партийной канцелярии НСДАП Мартин Борман. «Фольфшанце», Восточная Пруссия. 1940—1942 гг.

*Гитлер у Карла Маннергейма в день его 75-летия.
Позади Кейтель. Финляндия. 4 июня 1942 г.*

Гитлер, Кейтель и рейхсминистр вооружений и боеприпасов Альберт Шпеер на полигоне во время показа новой техники. Апрель 1943 г.

Вильгельм Кейтель, командующий военно-морским флотом гросс-адмирал Дёниц, рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, фельдмаршал Ганс Клюге на траурном собрании, посвященном памяти генерал-полковника Ганса Хубе. Берлин. 26 апреля 1944 г.

Гитлер со своим ближайшим руководством. Он придерживает руку, поврежденную взрывом во время неудавшегося покушения 20 июля 1944 г. С ним Кейтель, рейхсминистр Министерства авиации Герман Геринг, начальник Партийной канцелярии НСДАП Мартин Борман

День подписания Акта о безоговорочной капитуляции. Слева от Кейтеля адмирал Ганс Георг фон Фридебург, справа генерал-полковник люфтваффе Ганс Юрген Штумпф. Карлсхорст, Берлин. 8 мая 1948 г.

Заседание Нюрнбергского трибунала. Нюрнберг. 1945—1946 гг.

*Обвиняемые на скамье подсудимых. Справа от Кейтеля —
Иоахим фон Риббентроп, Герман Гесс, Герман Геринг.
Нюрнбергский процесс. 1945—1946 гг.*

ной службы были не только чужды нам, немцам, но и далеки от нашего менталитета, являлись оправданными различные предостережения. Но было ли провозглашение лозунга «Террор сломить террором!» пригодной формой оповещения об этом, впоследствии справедливо подвергалось сомнению. Добродушный немец верит в опасность пожара только тогда, когда уже горит крыша над его головой. <...>

С началом военных действий на Востоке фюрер предпринял оперативное урегулирование командной власти на других театрах войны. В Финляндии, Норвегии, на Западе, в Северной Африке и на Балканах он принял ее на себя, т.е. передал ОКВ, чтобы таким образом разгрузить ОКХ. Боевые действия на этих театрах войны, находившихся в компетенции ОКВ, в 1941 г. велись, собственно, лишь в Финляндии, Северной Африке и на Балканах, а на других царил только война против саботажа и диверсий. Причиной этой меры фюрера служил тот факт, что на данных театрах военных действий (за исключением Атлантического побережья) имели место коалиционные войны, для ведения которых Гитлер из политических соображений взял на себя руководство или взаимодействие с нашими союзниками, чтобы сохранить в собственных руках общение с главами государств и их генеральными штабами.

Таким образом, на территории Советского Союза командовало ОКХ, или, вернее сказать, командовал сам Гитлер, отстранив от этого дела главнокомандование сухопутных войск. Подчеркнуть это — требование исторической истины, ибо Советский Союз — по крайней мере здесь, на Нюрнбергском процессе, — как кажется, исходит из того, что командная власть [на Восточном фронте] осуществлялась ОКВ³⁹³.

Из союзных и дружественных нам государств в походе против Советского Союза с первого же момента участвовали Румыния и Финляндия, а после начала войны [на Востоке] — Италия, Венгрия и Словакия; каждая имела задействованным скромный контингент: экспедиционный корпус, равный по силе слабому [германскому] корпусу, а Словакия — одну легкую дивизию.

---

³⁹³ Тем не менее остается фактом, что противоречащие международному праву приказы (например, приказ о комиссарах) Гитлер отдавал не через ОКХ, а через ОКВ.

С Антонеску, который охотно воспринял усиление учебных частей нашей военной миссии и сделал отсюда правильные выводы, Гитлер в моем присутствии заключил в Мюнхене последние соглашения. К их подписанию были привлечены предусмотренный в качестве командующего армией германских соединений генерал Риттер фон Шоберт³⁹⁴ и начальник военной миссии генерал кавалерии Ханзен. Возвращение Бессарабии было для Антонеску само собой разумеющейся целью, а тем самым и поводом для приведения наиболее сильных частей его армии в мобильное состояние; правда, намерение [Германии] осуществить нападение [на СССР] и дата самого нападения держались от него в тайне.

Сначалаником генерального штаба финской армии [генерал-лейтенантом] Хайнрихсом я в мае 1941 г., имея намеченный Гитлером маршрут, заключил в Зальцбурге основополагающее соглашение (которое затем было уточнено Йодлем в оперативном отношении) с целью допуска на территорию Финляндии армии «Норвегия» под командованием генерал-полковника фон Фалькенхорста. Ни я, ни Йодль даже и не предполагали, что наша миссия явилась всего лишь подтверждением предварительных переговоров ОКХ, которые за несколько месяцев до того вел в Цоссене с Хайнрихсом Гальдер.

Генерал Хайнрихс проявил полное понимание наших желаний и с готовностью сказал мне, а позже и Йодлю, что соответствующим образом доложит все маршалу Маннергейму³⁹⁵. Хайнрихс произвел на меня положительное впечатление, о чем я доложил фюреру. Финляндия не упустит случая исправить результаты зимней войны 1939/40 гг. Сразу же было принято ее предложение направить к маршалу Маннергейму (независимо от нашего военного атташе) генерала с широкими полномочиями. Им стал генерал Эрфурт³⁹⁶, превосходно зарекомендовавший себя.

---

³⁹⁴ Ойген Риттер фон Шоберт, генерал-полковник, командующий 12-й армией, убит 12.9.1941 г.

³⁹⁵ Барон Карл Густав Маннергейм, маршал Финляндии, главнокомандующий финскими вооруженными силами.

³⁹⁶ Д-р Вальдемар Эрфурт, генерал пехоты, 5-й обер-квартирмейстер генерального штаба сухопутных войск, с 13.6.1941 г. — начальник груп-

Любого рода предварительные переговоры политического характера, а также переговоры на уровне генеральных штабов с Венгрией и Словакией фюрер строго запретил, хотя ОКХ настойчиво добивалось этого с учетом прохода войск через их территорию и переброски по железным дорогам. Но Гитлер, несмотря на возможные отрицательные последствия, оставался негибким. Он боялся разглашения военной тайны, которое в результате предварительных соглашений свело бы на нет все его преимущества. Но существенного вреда все это не нанесло, хотя я и не знаю, насколько глубоко венгерский генеральный штаб был посвящен в определенные подготовительные меры.

Нападение 22 июня [1941 г.] явилось для Красной Армии тактической, но отнюдь не оперативной внезапностью. <...>

<...> Венгрия и Словакия по собственной инициативе (естественно, поскольку они имели в виду провести корректировку своих границ) после начала военных действий против СССР сформировали по экспедиционному корпусу и предоставили их в распоряжение ОКХ.

Однако уже в сентябре [1941 г.] меня посетил в ставке фюрера начальник венгерского генерального штаба и заявил: венгерская маневренная бригада (дивизия), вопреки желаниям ОКХ, должна быть отведена в тыл до форсирования Днепра, поскольку она не подготовлена к зимней кампании и до следующего военного года подлежит реформированию. <...>

Некоторые более чем язвительные реплики насчет командования и использования венгерской легкой дивизии вызвали у меня такое раздражение, что я вежливо, но недвусмысленно высказал ему свое мнение и посоветовал для начала хотя бы отучить свои войска от грабежа и перевозки награбленного домой. Заметив, что его вызывающая манера разговаривать здесь неуместна и дает противоположный ожидаемому результат, он стал очень любезен, начал рассыпаться в комплиментах командованию сухопутных войск и не переставал восхищаться фюрером, который произвел на него глубокое впечатление, когда в общих чертах показал ему на оперативной карте обстановку на всем фронте. Вечером он остался в качестве гостя ОКХ, чтобы

пы связи группы армий «Север» (Финляндия), полномочный германский генерал при верховном командовании финских вооруженных сил.

на следующий день вылететь обратно, после того как он договорился с Гальдером о компромиссном решении, предусматривавшем в дальнейшем отправку венгерских частей на родину.

В феврале или начале марта [19]42 г.³⁹⁷ я по поручению фюрера нанес начальнику венгерского генштаба визит в Будапешт. Задание мое было трудным: не более и не менее как добиться приведения в мобильное состояние всей венгерской армии и отправки, по крайней мере, половины ее на Восточный фронт для участия в запланированной летней операции 1942 г. Венгрия имела тогда (включая горнострелковые бригады и кавалерийские части) 23 бригады, которые находились в фазе превращения их в небольшие дивизии. Наряду с посещением регента Хорти, военного министра [фон Барта], премьер-министра [Ладислава фон Бордосси] и др. я участвовал в двух затяжных переговорах (продолжительные встречи втроем). В первый день все свелось к торгу о поставках венграм значительного количества германского оружия.

Разумеется, в этом вопросе я пошел навстречу, ибо без пехотных и противотанковых орудий, а также прочего полноценного оснащения венгерских соединений они мало чем могли помочь нам в борьбе против русских, вооруженных современным оружием. Доставляя меня в машине на большой генеральский банкет, начальник генштаба неожиданно спросил меня: сколько же легких дивизий я в конце концов требую? Я, не задумываясь, ответил: двенадцать! Он сказал, что рассчитывал примерно на такое число, и пообещал мне выставить на фронт девять легкопехотных и одну дивизию тяжелых танков, а вторую танковую дивизию сформировать позже при условии, что мы своевременно дадим ему эти танки, которые фюрер обещал лично регенту³⁹⁸. И, наконец, в распоряжении венгерского генштаба имелись еще и кавалерийские дивизии, которые Хорти ни при

---

³⁹⁷ Визит Кейтеля в Будапешт состоялся в конце января 1942 г.

³⁹⁸ Обещанные венгерским генштабом 9 легкопехотных дивизий и одна танковая дивизия (моторизованный корпус), сведенные во 2-ю армию под командованием генерал-полковника Густава Йеппи, действовали на южном крыле Восточного фронта с апреля 1942 г. до февраля 1943 г. Обещанное ОКВ вооружение (танки, зенитки и др.) так и не поступило, ибо германское военное производство никогда не отвечало потребностям своих войск.

каких условиях не хотел давать нам. Поэтому во время моего утреннего визита я просил его все-таки поддержать меня. Ведь сопротивление исходило только от военного министра и самого Хорти, который под влиянием премьер-министра опасался реакции со стороны Румынии и парламента. За эти короткие минуты, пока мы не вышли из автомашины перед подъездом отеля, и была достигнута договоренность с начальником венгерского генштаба. Я был доволен: пусть число дивизий будет меньше, но они будут лучше вооружены и обучены. Это ценнее, чем гораздо большее число дивизий, не имеющих достаточной боевой силы.

Хотя на следующий день заседаний нашей тройки снова возникли критические вопросы, по которым я противостоял двум другим участникам, что вызвало резкое столкновение (я даже пригрозил прекращением переговоров), мы все-таки пришли к зафиксированному в договоре соглашению. Оно в первую очередь касалось объема и сроков германских поставок техники и материалов.

Аудиенция у Хорти, вопреки моим ожиданиям, прошла благоприятно — его уже явно подготовили к ней оба мои партнера. Этот старый господин принял меня весьма предупредительно. Затем германский посланник в Будапеште³⁹⁹ дал завтрак, который особенно запомнился мне беседой тет-а-тет с премьер-министром Бардосси. Тот сказал мне: он вполне согласен с тем, что на Восточный фронт будут выставлены 10 венгерских дивизий (кроме постоянно усиливасмых охранных частей в оккупированном русском пространстве), но очень озабочен тем, как вообще сможет в парламенте успокоить венгерский народ на счет такого неожиданного участия в войне, которую ведет Германия. Ведь народ к этому идеологически совершенно не подготовлен... Никто и не думает о войне, если это только не война с Румынией. Я сказал ему: Европа должна сейчас бросить все свои силы на борьбу с большевизмом. Не понимаю, как в такой момент можно думать о сведении счетов с Румынией!

После обеда я вылетел в ставку фюрера. У меня осталось впечатление, что самый дальновидный человек из венгерских

---

³⁹⁹ Капитан 3-го ранга в отставке Дитрих фон Ягов; он был также обер-группенфюрером СА.

деятели — это начальник генштаба; он оказывал на регента наиболее авторитетное влияние...

После того как в августе [1944 г.] введенная в действие 11-я армия генерала Риттера фон Шоберта в ходе тяжелых боев вместе с румынскими соединениями установила непосредственный контакт с группой армий «Юг» и очистила от врага Бессарабию, в штабе этой группы, которой командовал фельдмаршал фон Рундштедт, состоялась встреча Антонеску с фюрером. После доклада об обстановке и беседы в узком кругу Гитлер лично, в моем и Рундштедта присутствии, наградил румынского маршала Рыцарским крестом, что тот воспринял как большую честь. Его чрезвычайно энергичные действия и его личное влияние на румынские войска были, по мнению командования группы армий «Юг», образцовыми, а все поведение этого главы государства [кондокатурула] характеризовалось истинно воинскими добродетелями, что признавали и все сопровождавшие его во многих случаях немецкие офицеры.

Разумеется, Муссолини не пожелал отстать от Венгрии и Румынии и предложил фюреру отправить на Восточный фронт итальянский (частично моторизованный) маневренный корпус, что должно было послужить эквивалентной компенсацией за танковый корпус Роммеля в Африке. Я был вне себя от этой незначительной помощи: отправка же корпуса при чрезвычайно тяжелом положении на железнодорожном транспорте летом того года являлась крайне обременительной, ибо сделать это вообще можно было только за счет самого необходимого снабжения войск.

Пока итальянские войска находились на марше к фронту, Муссолини по приглашению фюрера встретился с ним в подготовленной в Галиции второй ставке Гитлера. Оба особых железнодорожных состава остановились в специально построенном туннеле. Ранним утром мы на нескольких самолетах вылетели к Рундштедту в Умань. После общего доклада Рундштедта об обстановке и его рассказа о боевых действиях под Уманью все на машинах выехали приветствовать итальянскую дивизию.

Широко раскинувшиеся украинские черноземные поля, необъятные пашни, какие нам, немцам, и представить себе трудно, произвели на меня огромное впечатление. Зачастую на многие километры вокруг мы не видели в этом слабо колышущемся,

открытом, почти без единого деревца ландшафте ничего, кроме бесконечных рядов скирд пшеницы. Повсюду ощущалась девственная нетронутость и скрытая сила этой земли, не использованной и на треть. А потом опять и опять — большие площади неводеланной почвы, ждущей озимого сева⁴⁰⁰.

Прохождение парадным маршем итальянских частей — даже несмотря на их «*Evviva Duce!*»⁴⁰¹ — явилось для фюрера и для нас, немецких солдат, безмерным разочарованием. Особенно неутешительное впечатление произвели на меня совершенно выслужившие все мыслимые сроки офицеры, а в целом все это внушало крайне большие опасения насчет ценности столь сомнительных вспомогательных войск. Как смогут такие полусолдаты противостоять русским, если они спасовали перед пастушеским народом нищих греков? Фюрер верил в дуче и его революционное дело, но дуче был отнюдь не вся Италия, а итальянцы так и остались «итальяшками». Кому нужен такой союзник, который не только стоил нам дорого, не только бросил нас на произвол судьбы, но и предал нас? ⁴⁰²

Тяжелый удар еще раз, после потери сына, нанесла мне героическая смерть моего друга [полковника] фон Вольф-Вустервица, погибшего во время атаки во главе своего полка...

<...> После того как латентная напряженность в отношениях между фюрером и Браухичем снова смягчилась (по крайней мере внешне), после потрясающей победы группы армий «Центр» в битве на двойное окружение под Брянском и Вязмой, то последствия первых неудач ее возобновили. Такова была повадка Гитлера: искать виновника каждой неудачи и тогда, когда он осознавал, что причина лежала по меньшей мере в нем самом. Когда у Ростова-на-Дону и под Тихвином Рундштедт на юге и Лееб на севере⁴⁰³ в конечном счете оказались вынуждены

---

⁴⁰⁰ Далее в оригинале следуют рассуждения Кейтеля об Украине как о «зерновой житнице» и об ее использовании «с немецким усердием и немецким умением». — *Прим. пер.*

⁴⁰¹ «Да здравствует дуче!» (*ит.*)

⁴⁰² Следует решительно заметить, что данная Кейтелем оценка в высшей степени субъективна. Итальянские государственные деятели обеспечивали интересы Италии. Для аргументации же Кейтеля характерно представление о «верности Нибелунгов» и «предательстве».

⁴⁰³ Кавалер фон Лееб командовал группой армий «Север».

убрать вбитые самим Гитлером наступательные клинья, вину за это ни на ОКХ, ни на обоих командующих возложить было никак нельзя. Рундштедт возражал против навязанного ему ОКХ приказа об отводе войск на линию р. Миус. Посланную ему лично как командующему сухопутными войсками телеграмму с протестом, составленную в весьма крепких выражениях, Браухич взял да и показал фюреру, которому она отнюдь не предназначалась! Фюрер тут же сместил Рундштедта, но не из-за его протеста, а за то, что фельдмаршал, не зная, что за приказами ОКХ стоял сам Гитлер, заявил: пусть его снимут с должности, раз считают, что он командует не так, как надо!

Возомнив, что Рундштедт выступил лично против него, фюрер рассвирепел и тут же в ярости приказал отстранить его и назначить командующим группой армий «Юг» фон Рейхенау. Затем Гитлер вместе со Шмундтом полетел в Мариуполь, к командиру лейб-полка Зеппу Дитриху⁴⁰⁴, чтобы от этого своего приближенного узнать «правду», как он полагал, о неправильных действиях командных инстанций сухопутных войск. Но тот принял сторону своего командующего и сумел рассеять предубеждение фюрера. Поэтому на обратном пути Гитлер посетил штаб группы армий «Юг», побеседовал с Рундштедтом, и, хотя временное смещение его осталось в силе, доверие было восстановлено.

Гитлер был умиротворен, о чем он сам сказал мне по возвращении. Но тем сильнее оказалась критика им своего друга Рейхенау, который, уже приняв командование этой группой армий, в беседе с фюрером сделал ряд резких выпадов против ОКХ и других лиц высшего командования. Рейхенау решил использовать ситуацию для травли всех и вся, кто был ему не по нраву. Но эффект оказался прямо противоположным, иначе Гитлер не сказал бы мне вторично, что его оценка Рейхенау была правильной: на пост главнокомандующего сухопутными войсками он не годится. Теперь я уже наверняка знал, что Гитлер не назначит его на этот пост, если Браухичу придется уйти.

На севере в начале декабря фюрер, вопреки намерениям ОКХ, предпринял удар на Тихвин, но для противника он не явился внезапным и потому заранее был обречен на неудачу.

---

⁴⁰⁴ Йозеф (Зепп) Дитрих, группенфюрер СС и генерал войск СС, тогда командир танковой дивизии.

Даже если бы Тихвин удалось взять, удержать его было невозможно. От намеченной цели операции (а она заключалась в том, чтобы выходом к Ладожскому озеру перерезать связь Ленинграда с тылом и установить связь с финнами) пришлось отказаться. <...> Фельдмаршал фон Лсеб во время ряда телефонных разговоров, которые мне удалось услышать, просил фюрера предоставить ему свободу действий; он упорно, но безуспешно настаивал на своевременном отводе войск на этом участке за р. Волхов для сокращения линии фронта и сохранения сил в резерве. В результате враг взял обратно все, что нельзя было удержать. В конце концов Лсеб явился в штаб-квартиру фюрера и попросил отставки: слишком стар, да и нервы уже не выдерживают такой нагрузки. Он был снят по собственному желанию, поскольку это вполне устраивало Гитлера.

На самом же деле Гитлер принес в жертву командующих группами армий для того, чтобы иметь под рукой «виновников» первых поражений. Он не желал взять на себя действительный (собственный) грех с тайной надеждой, как мне известно, изобразить это дело для «истории» в благоприятном для себя свете.

Эти первые, хотя и имевшие важное значение, кризисы в те дни довольно бесшумно закончились ввиду неожиданного вступления в войну Японии и вызванного этим оптимизма⁴⁰⁵.

---

⁴⁰⁵ Как уже неоднократно отмечалось, писавший свои воспоминания в Нюрнбергской тюрьме без достаточных материалов, фельдмаршал порой нарушает хронологическую последовательность событий. Японская авиация и флот атаковали Пёрл-Харбор и американский Тихоокеанский флот 7 декабря 1941 г.; Германия и Италия объявили войну США 12 декабря. Кризис же командования на Восточном фронте начался 3 декабря снятием генерал-фельдмаршала фон Рундштедта с должности командующего группой армий «Юг». Все другие меры Гитлера были проведены уже после вступления Японии в войну: 16 декабря — так называемый «приказ стоять до последнего» (предписывалось «фанатическое сопротивление» на Восточном фронте), отставка «по состоянию здоровья» командующего группой армий «Центр» генерал-фельдмаршала фон Бока 18 декабря, смещение главнокомандующего сухопутными войсками генерал-фельдмаршала фон Браухича 19 декабря, отстранение командующего 2-й танковой армией генерал-полковника Гудериана 25 декабря, увольнение и наказание командующего 4-й танковой армией генерал-полковника Гёпнера 8 января 1942 г., смещение командующего группой армий «Север» генерал-

Я, как и прежде, категорически не согласен с домыслом, будто Гитлер знал об этом шаге Японии и оказал на нее какое-либо влияние. Так притворяться не смог бы даже и величайший актер — он верил в честность переговоров, ведущихся Японией в Вашингтоне, и Пёрл-Харбор его совершенно ошеломил.

Мы с Йодлем были в ту ночь очевидцами, как он (пожалуй, единственный раз за всю войну!) ворвался к нам с телеграммой в руках. У меня сложилось такое впечатление, что война между Японией и Америкой избавила фюрера от кошмара. Во всяком случае, ослабила то напряжение, которое мы испытывали в ожидании последствий уже существовавшего латентного состояния пребывания Америки в состоянии войны.

В ОКХ, даже прежде чем решились высказать это фюреру, уже не верили в то, что еще до полного наступления зимы удастся добиться главного, окончательного успеха — захвата [советской] столицы⁴⁰⁶. Давали себя знать не только усталость войск, не имевших со времени сражения под Брянском и Вязьмой никакого отдыха, но и постоянно усиливавшиеся холода, а также отсутствие зимнего обмундирования.

Браухич, справившись с сердечным приступом, сохранявшимся в секрете, отправился на несколько дней на фронт и, как я узнал позже, обсуждал вопросы, куда отвести линию фронта для зимней позиции, если наступление, как того опасались, уже не приведет к прорыву, и как создать резервы за сокращенной линией фронта — опять же на случай неотвратимости подобных мер⁴⁰⁷. По моему разумению, долг высшего командования — заблаговременно задумываться над такими вещами.

Новый сердечный приступ в сочетании с истощением нервной системы у Браухича, испытывавшего глубокую внутреннюю горечь, опять вынудил его несколько дней пролежать в постели.

фельдмаршала кавалера фон Лееба 16 января 1942 г. (Его заменил на этом посту генерал-полковник Георг фон Кюхпер.)

⁴⁰⁶ О кризисе во время зимней битвы за Москву см.: *Rudolf Hofmann. Schlacht von Moskau. Entscheidungsschlachen. Frankfurt a. M., 1960. S. 167 ff.*

⁴⁰⁷ В той же книге (с. 170) Рудольф Гофман пишет: «Главкомандующий ясно осознал эти опасности, когда 13 декабря [1941 г.] прибыл в штаб группы армий. Он дал себя убедить в том, что постепенный отход на зимние позиции неизбежен».

Само собой разумеется, Гальдер, ежедневно являвшийся к фюреру для доклада обстановки, информировал последнего о всех происходящих событиях. Было ясно, что и Гитлер тоже осознавал возникающий кризис, но тем не менее упрямо сопротивлялся оскорблениям ОКХ в том виде, в каком их докладывал Гальдер⁴⁰⁸.

Тем временем мороз все усиливался, что привело к значительному сокращению личного состава войск [из-за обморожений]. Гитлер предъявил ОКХ тяжелейшее обвинение в том, что оно не позаботилось заранее о своевременной выдаче зимнего обмундирования, окопных печек и т.п.⁴⁰⁹. А ведь он знал, что доставка на фронт [зимнего обмундирования и оснащения] в ходе непрерывного сражения, для которого уже не хватало боеприпасов и продовольствия, в условиях существующего кризиса... [была просто невозможна]. С каждым днем холода становились все сильнее, росло количество обмороженных, мы все больше теряли танков из-за размораживания системы охлаждения и т.п. Все это в конце концов заставило фюрера осознать: о продолжении наступления нечего больше и думать.

Тот, кто не пережил тех дней, не может представить себе состояние фюрера, сила воображения и военная проницательность которого позволили ему видеть надвигающуюся катастрофу (но вместе с тем он не желал внять предупреждениям о ней своих сотрудников), не способен представить себе и то, как Гитлер искал виновников, якобы забывших свой долг, не обеспечивших войска, и одновременно приводил [в свое оправдание] всевозможнейшие веские причины⁴¹⁰. И хотя истинные причины были очевидны: недооценка сопротивления против-

---

⁴⁰⁸ 16.12.1941 г. Гитлер дал приказ, в котором крупный отвод войск категорически запрещался, а солдаты обязывались удерживать занимаемые позиции, оказывая «фанатическое сопротивление».

⁴⁰⁹ Будущий фельдмаршал Паулюс в своей книге «Я стою здесь по приказу», изданной Вальтером Гёрлицем (*Friedrich Paulus. Ich stehe hier auf Befehl. S. 49 f.*), писал (он был в то время 1-м обер-квартирмейстером, т. е. начальником тыла генштаба сухопутных войск в звании генерал-лейтенанта), что всякое обсуждение вопроса о зимнем обмундировании войск было запрещено, ибо «никакой зимней кампании не будет».

⁴¹⁰ См. об этом в неоднократно упоминавшейся книге П. Бора «Разговоры с Гальдером», где приведено высказывание Гитлера о Браухиче: «Этот молчаливый генерал во время своих бесед на фронте, вместо того чтобы окрылить людей, действовал на них как холодный компресс».

ника и опасности оказаться в зимних условиях в конце предназначенного для наступления времени года, перенапряжение сил войск, которые с октября непрерывно вели бои при недостаточном снабжении, — все это замалчивалось.

Я был убежден: Браухич видел, что судорогам фронта, а также и конвульсивным движениям фюрера надо положить конец; ведь от него не могло укрыться, что ищут виновника и виновником этим никогда не назовут Гитлера. Превозмогая себя, он все-таки встал на ноги, как сам сказал мне в тот день, 19 декабря, и почти два часа говорил с Гитлером. Я не присутствовал, но знаю, что в ходе этого резкого разговора он попросил освободить его от занимаемого поста и в качестве причины — что, кстати, было его долгом — привел состояние своего здоровья⁴¹¹. Он еще раз на коротке посетил меня и сказал всего несколько слов: «Отправляюсь домой, он меня уволил, больше не могу». На мой вопрос «Что же будет?» Браухич ответил: «Этого я не знаю, спросите его самого». Он был явно очень взволнован и подавлен.

Через несколько часов меня вызвали к фюреру. Гитлер зачитал составленный вместе со Шмундтом приказ: командование сухопутными войсками он принимает на себя лично; приказ надлежит немедленно довести до войск. Второй приказ, внутреннего характера, регулировал подчинение генерального штаба непосредственно фюреру, а также передачу дел ОКХ мне, как высшей инстанции, но с тем ограничением, что я связан указаниями фюрера.

Этот приказ был передан начальнику генштаба Гальдеру и дальнейшему распространению не подлежал⁴¹².

---

⁴¹¹ Согласно показаниям Браухича на Нюрнбергском процессе о его отставке (IMT-Prozess, Bd. XX, S. 649), он подал Гитлеру рапорт об уходе с поста главнокомандующего сухопутными войсками 7 декабря 1941 г. Гитлер ответил, что подумает. Через десять дней Гитлер сообщил Браухичу о согласии на его отставку, которая и произошла 19 декабря 1941 г. На другой день Браухич вылетел на родину. В своих показаниях он добавил: «Гитлер был роком Германии, и рока этого было не избежать».

⁴¹² Об отставке Браухича и новом урегулировании вопроса о командовании и подчиненности см. в книге В. Эрфурта «История германского генерального штаба» (W. Erfuth. Geschichte des deutschen Generalstabes. S. 287ff.). Как сообщает автор, Геринг требовал тогда от Гитлера также и увольнения Гальдера, считая того, равно как и Браухича, «слабыми на голову» в военном отношении. См. показания Геринга

Пусть общественности даже не сообщили, будто фюрер расстался с главнокомандующим сухопутными войсками по взаимному согласию, все равно в данном случае было очевидно: виновник отступления армии и уже зримого, чудовищного кризиса, наступившего в ходе изобилующей огромными жертвами, кровопролитной битвы за Москву — всего в 25—30 километрах от ее ворот, — а также всех вытекающих отсюда последствий найден... хотя имя его и не названо⁴¹³.

о Гальдере на Нюрнбергском процессе (IMT-Prozess, Bd. IX. S. 484): «Я постоянно обращал внимание фюрера после начала войны на то, что он наконец должен завести себе такого начальника генштаба, который хоть что-то смыслит в этих делах». Гальдер в своей книге «Гитлер как полководец» сообщает, что тот 19.12.1941 г., в день отставки Браухича, сказал: «Кое-как разбираться в оперативном командовании может любой. Задача главнокомандующего сухопутными войсками — воспитывать армию в национал-социалистическом духе. Я не знаю ни одного генерала сухопутных войск, который мог бы выполнять эту задачу так, как я того требую. Поэтому я принял решение сам взять в свои руки командование сухопутными войсками». Начальнику ОКВ теперь передавались в подчинение все управления ОКХ, т. е. он принимал на свои плечи ответственность за осуществление всей командной власти ОКХ, но в случае возникновения трудностей обязан был запрашивать решение фюрера.

⁴¹³ Генерал-майор в отставке Бернхард Лоссберг (в то время — офицер генштаба при штабе оперативного руководства вермахта), тоже негодный Гитлеру, вспоминает о своем продолжительном разговоре с Йодлем во время ночной поездки в поезде из Берлина в Восточную Пруссию. Лоссберг предложил учредить должность начальника генерального штаба вермахта, имея в виду назначение на нее генерал-полковника фон Манштейна; Кейтель же должен «исчезнуть», а в случае необходимости ему можно дать в виде компенсации титул военного министра. В остальном же Лоссберг считал несложным своевременный отвод войск на Востоке на зимние позиции. Что касается Йодля, необходимость поста начальника генштаба вермахта ему была неясна, но в принципе он против этого не возражал, однако считал, что Гитлер не сможет работать с Манштейном: слишком уж они разные, да притом этот фельдмаршал «угловат».

Далее Лоссберг пишет: «Фельдмаршал Кейтель использовал уход Браухича в качестве повода заверить Гитлера, что начальник штаба Верховного главнокомандования вермахта и все его подчиненные безоговорочно поддерживают фюрера. На эту клятву верности Гитлер отреагировал вспышкой ярости против меня и выкрикнул Кейтелю, что в таком случае в ставке больше не должно быть и духа этого Лоссберга.

Россия. 1941—1943

В. Кейтель

Господину адвокату д-ру Нельте!

30.9.[19]46 г.

В дополнение к моей защите и в расширение моих показаний на процессе, а также для Вас лично в виде материала к моим устным разъяснениям прилагаю описание осуществившегося Гитлером командования армией в качестве главнокомандующего сухопутными войсками с 19 декабря 40-го до зимы 42/43 г.

В. Кейтель

Против тандема Гитлер — Гальдер (последний в роли ОКХ) у меня имелись значительные опасения, поскольку было ощущение, что они друг другу не подходят. Фюрер в нашем узком кругу часто высмеивал Гальдера и изображал его человеком ничтожным. Даже если не воспринимать трагически эту некрасивую манеру Гитлера превращать отсутствующего в мишень для насмешек — а он мало кого щадил, — я все равно сильно сомневался в том, что такая упряжка будет удачна. Поэтому я предложил Гитлеру назначить начальником генерального штаба Йодля, которого хорошо знал и уважал, а начальником штаба оперативного руководства ОКВ, т.е. генерального штаба вермахта, сделать генерала фон Манштейна, произведя заново разграничение его и моих, как начальника ОКВ, компетенций. Гитлер не отверг этого предложения сразу, а пожелал переговорить со Шмундтом и обдумать. Вскоре Шмундт сообщил мне, что фюрер хочет оставить Йодля в ОКВ и решил и дальше рабо-

---

Затем мне пришлось резко оборвать Шмундта, когда тот в широком кругу высказал совершенно дикое утверждение, будто “богоданный фюрер вынужден был выигрывать свои сражения вопреки бездарности своих фельдмаршалов и умничающего генерального штаба”. Кейтель сразу после этой сцены у Гитлера позвал меня к себе в кабинет и заявил мне, что в интересах моей собственной безопасности я должен как можно скорее скрыться. Не теряя времени на формальности, я немедленно выехал на отдаленный театр военных действий и был рад, что вышел из этой игры».

тать с Гальдером: дело наладится, так как тот, по крайней мере, честен, лоялен и послушен.

Мне было ясно (и Шмундт не возражал): сколь ни высоко Гитлер ценит Манштейна, он в определенной степени испытывал перед ним страх, боялся его самостоятельных идей и силы его личности. Так же посчитал и Йодль, когда я доверительно рассказал ему о своем предложении: с этим человеком у него [Гитлера] дело не выйдет! После принятия решения я не упускал случая, где и как только можно, укреплять положение Гальдера по отношению к фюреру, нацеливать его на мысли фюрера (если я заранее знал их) и давать ему добрые советы. Словом, делал все, что в моих силах, дабы создать между ними отношения доверия. Ведь в конце концов это было в моих интересах, ибо мне приходилось расхлебывать последствия латентных кризисов доверия. Постепенно я ощутил, что больше не в силах выслушивать ругань по адресу других, словно это моя вина, если нос того или иного генерала не нравится Гитлеру⁴¹⁴.

Погодные условия примерно с 10.12. [1941 г.] (после нашего возвращения в ставку с заседания рейхстага 11.12) всего за несколько дней изменились: период распутицы сменился адским холодом со всеми уже упоминавшимися последствиями для войск, имевших весьма скудное зимнее обмундирование. Но самое худшее состояло в том, что наряду с невозможностью использовать автотехнику полностью отказала и железная дорога: локомотивы (немецкие) замерзли так же, как и водокачки.

В этой ситуации первый приказ Гитлера по Восточному фронту гласил: стоять, ни шагу назад!⁴¹⁵ Это было правильно, ибо отступление — даже на несколько километров — являлось равнозначным утрате, прежде всего, тяжелого оружия, без которого войска неминуемо погибли бы, не говоря уже о том, что потеря орудий, противотанковых пушек и автомашин стала бы для армии невозможной. Значит, и на самом деле не могло быть никакого другого решения, кроме как стоять до последнего и сражаться. Иначе, лишившись оружия, армии пришлось бы пере-

---

⁴¹⁴ Фельдмаршал не упоминает здесь о, пожалуй, тяжелейшем конфликте между ним и Гитлером, когда в октябре 1941 г. он в полном отчаянии решил написать рапорт об отставке, а потом застрелиться.

⁴¹⁵ Уже упоминавшийся выше «стоп-приказ» («фанатическое сопротивление») (от 16 декабря 1941 г.).

жить отступление, подобное отступлению Наполеона в 1812 г. Но это, разумеется, не исключало хорошо подготовленного ограниченного улучшения позиций путем отхода, если бы только новые позиции твердо оставались в руках командования.

В то время как фронты — и наш, и противника — в общем и целом застыли западнее Москвы, на центральном участке группы армий «Центр» происходили местные кризисы.

Фельдмаршал фон Бок⁴¹⁶ ночью в моем присутствии лично позвонил фюреру и пожаловался ему на генерал-полковника Гёпнера⁴¹⁷, который, вопреки приказу фюрера, распорядился отвести назад линию фронта своей армии, что поставило под сильную угрозу северное крыло армии Клюге. Фюрер пришел в неистовую ярость и приказал немедленно отстранить Гёпнера от командования армией и изгнать его из рядов вооруженных сил за сознательное и преднамеренное неповиновение. Он буйствовал всю ночь и поносил на чем свет стоит всех этих непослушных генералов — он хочет дать показательный урок и приказом по войскам намерен объявить всем, как поступил с Гёпнером, дабы предостеречь тех, кто хоть еще раз осмелится действовать самоуправно, вопреки его категорическим приказам.

Аналогичный случай произошел между Рождеством и Новым [1942] годом с Гудерианом. Он командовал [2-й] танковой группой, которая двигалась на Москву с юга, через Тулу, и его

---

⁴¹⁶ Следует читать: генерал-фельдмаршал Клюге. (История с Гёпнером относится к рубежу 1941/42 г., а наказан он был 8 января 1942 г.). 18 декабря командование группой армий «Центр» перешло к Клюге, после того как 16 декабря Боку было предложено уйти в отпуск по причине подорванного здоровья.

⁴¹⁷ Эрих Гёпнер, генерал-полковник, командующий 4-й танковой армией (бывшая 4-я танковая группа) был 8 января [1942 г.] уволен из вермахта за отвод частей своих соединений, который стал необходимым, но произведен был без приказа свыше. Речь шла о спасении 20-го армейского корпуса. Считая, с профессиональной точки зрения, действия генерала правильными, Клюге одобрить их не пожелал, ввиду известной ему противоположной точки зрения Гитлера. Тем не менее Клюге выступил за справедливое отношение к Гёпнеру. Последний, оказавшись генералом в отставке, больше никогда на действительной службе не использовался. Рассмотрение дела военным судом, на чем тот настаивал, не состоялось из-за возражения Гитлера. Гёпнер принял активное участие в заговоре 20 июля 1944 г. и был казнен 8 августа того же года.

войска буквально замерзали. Группа армий «Центр» хотела, с разрешения фюрера, отвести его группу на запад, чтобы закрыть брешь южнее полосы 4-й армии [фон Клюге]. Гудериан же имел собственный план: он намеревался от рубежа к рубежу отходить вдоль своего маршрута продвижения, поскольку ему пришлось взорвать большинство своих танков, вмерзших в грязь. Фельдмаршал фон Бок⁴¹⁸ тщетно пытался повлиять на Гудериана, но тот отказался выполнить данный приказ как невозможный. Тогда фон Бок запросил его смещения, что фюрер немедленно и сделал. Гудериана вызвали в ставку к фюреру. Я присутствовал при разговоре Гитлера с Гудерианом⁴¹⁹. Гудериан упорно стоял на своем, утверждая, что действовал правильно. В конце концов фюрер, сохраняя на этот раз полное спокойствие, уступил и даже отпустил Гудериана с пожеланием ему привести свои нервы в порядок после чудовищной нагрузки. Тем самым Гудериан был до особого распоряжения снят с должности и очень страдал от бездействия.

Третий случай имел место в январе [19]42 г. с генерал-полковником Штраусом⁴²⁰, командующим 9-й армией, находившейся на левом крыле группы армий «Центр». Здесь командир 4-го корпуса генерал Фёрстер и командир одной из его дивизий, по-моему, просто не совладали со своими нервами, и их пришлось отправить домой. Подробностей этой тяжелой оборонительной битвы, а также прискорбных обстоятельств, при которых происходили указанные смещения с должностей, я здесь касаться не

---

⁴¹⁸ И здесь тоже речь идет в действительности о фон Клюге, командующем группой армий «Центр». Бок же находился в отпуске по болезни.

⁴¹⁹ См. об этом в книге Гудериана «Воспоминания солдата» (с. 240 и далее). Разговор состоялся 20.12.1941 г. Около 18 часов Гудериан был принят Гитлером, Кейтелем и Шмундтом. Беседа, прерванная ужином и просмотром еженедельного киножурнала, заняла 6 (!) часов. Рассматривался не только план командования 2-й танковой группы и 2-го армейского корпуса, которые, по мнению Гудериана, следовало отвести на линию р. Шуша, р. Ока. Гитлер сказал: «Нет, я запрещаю это!» Гудериан заговорил о «стоп-приказе», принесшем бессмысленные жертвы. На это Гитлер ответил: а не думает ли Гудериан, что гренадерам Фридриха Великого хотелось умирать?

⁴²⁰ Адольф Штраус, генерал-полковник, снят с должности «по болезни» 15 января 1942 г.

хочу. Во всяком случае, Гитлер, принимавший свои решения на основании донесений люфтваффе, был не прав⁴²¹.

Но противоречило бы истине, если бы я не констатировал здесь со всей убежденностью: катастрофы удалось избежать только благодаря силе воли, настойчивости и беспощадной твердости Гитлера. Если бы продуманный план поэтапного отступления в том виде, в каком его желала осуществить в своем узколомом, эгоистическом и диктуемом бедственной ситуацией ослеплении тяжело теснимая и страдающая от жутких холодов (этой причины апатии) группа армий «Центр», не был перечеркнут неумолимым, бескомпромиссным противодействием и железной энергией фюрера, германскую армию в 1941 г. неизбежно постигла бы судьба наполеоновской армии 1812 г.⁴²². Это я, как свидетель и участник событий тех страшных недель, должен сказать совершенно определенно! Все тяжелое оружие, все танки и все моторизованные средства остались бы на поле боя. Сознывая возникшую таким образом собственную незащитность, войска лишились бы также ручного оружия и, имея за своей спиной безжалостного преследователя, побежали бы⁴²³.

Под знаком этого тревожащего всех нас бремени забот безрадостно прошло и празднование Рождества в ставке. Я устроил небольшой праздник в столовой охранной части. Участвовали

---

⁴²¹ Командир 6-го армейского корпуса генерал саперных войск Фёрстер был своего рода персонa нон грата для Гитлера, который (также несправедливо) однажды, в 1938 г., снял его с должности инспектора укреплений на Западе. Кейтель этими словами подчеркивает несправедливость снятия Фёрстера с должности командира корпуса якобы за его несостоятельность.

⁴²² Западногерманская историография до сих пор (написана Вальтером Гёрлицем в 1961 г. — *Прим. пер.*) в общем и целом считает, что в данном случае Гитлер инстинктивно действовал правильно. Генерал Рудольф Гофман (во время битвы под Москвой — начальник штаба 9-й армии) высказывает мнение: отдав свой «стоп-приказ». Гитлер был безусловно прав, но приказ этот был действительным лишь условно. Он считает, что цена, которую он требовал и которую стоил этот приказ (а именно — фактическое истребление личного состава войск), в моральном отношении была не оправдана и слишком высока.

⁴²³ Это утверждение (например, по мнению Гудериана) «вполне естественно» отражает оторванную от фронтовой действительности аргументацию ОКВ, сидящего в далекой от фронта Восточной Пруссии!

унтер-офицеры, а также и офицеры вермахта. Я произнес небольшую речь, в которой воздал должное тяжело сражающемуся фронту и помянул о тяжелой жизни в тылу. На всех лицах лежала глубокая тень тревоги, когда мы в раздумье и печали запели «О тихая ночь, о святая ночь!»

К началу января [19]42 г. на всем Восточном фронте удалось изменить существовавшую до начала декабря группировку войск и создать более или менее упорядоченный фронт обороны. Но ни о каком зимнем покое не могло быть и речи. Русские проявляли себя крайне активно и переходили в наступление во многих местах чрезвычайно ослабленного потерями и удерживаемого чуть ли не одними боевыми охранениями, растянувшегося тонкой линией фронта. Инициатива находилась в руках врага — мы были вынуждены перейти к обороне и расплачивались за это опутимыми потерями.

В феврале [1942 г.] новый министр вооружения и боеприпасов Шпеер⁴²⁴ (ставший им после того, как д-р Толт погиб при взлете самолета с аэродрома ставки) добился принятия программы немедленного высвобождения 250 тыс. солдат сухопутных войск для нужд военной промышленности. Борьба за людей тогда только началась и уже больше никогда не прекращалась. Сухопутные войска потеряли за первые месяцы зимы более 100 тыс. человек, в декабре [19]41 г. и начале [19]42 г. — вдвое больше. Армия резерва отдала всех новобранцев, включая контингент [19] 22 г. рождения. На мое предложение не трогать хотя бы контингент [19] 23 г. рождения фюрер ответил полным согласием.

Но все эти меры уже не смогли хотя бы приблизительно восполнить понесенные сухопутными войсками потери на Востоке, так что состав дивизий неизбежно пришлось сократить с девяти батальонов до семи, одновременно значительно пополнив их за счет нестроевых и дивизионных тыловых служб и подразделений снабжения.

---

⁴²⁴ Альберт Шпеер, по-профессии архитектор (по его проекту была построена Новая имперская канцелярия. — *Прим. пер.*), генеральный уполномоченный фюрера по строительству; в 1942—1945 гг. — министр вооружения и боеприпасов. На Нюрнбергском процессе приговорен в 1946 г. к 20 годам тюремного заключения (после отбытия которого был выпущен на свободу. На русском языке вышли его воспоминания. — *Прим. пер.*).

С этой первой акции в февралe [19]42 г. и началось мое хождение по мукам в уже никогда не кончавшейся борьбе с гражданскими властями военной экономики за людей с целью сохранения боеспособности вермахта, в первую очередь — сухопутных войск⁴²⁵. Если сравнивать с ними, то потребность в пополнении у военно-морского флота и люфтваффе была незначительной, но зато что касается войск СС, она резко увеличивалась, как ненасытный насос выкачивая цвет немецкой молодежи. При содействии фюрера войска СС сумели явными и скрытыми, законными и незаконными средствами пропаганды и косвенного давления заманить в свои ряды самые ценные силы молодежи, лишив тем самым армию лучших элементов для подготовки ее будущих офицеров и унтер-офицеров.

---

⁴²⁵ О положении с резервами сухопутных войск как в отношении живой силы, так и техники, об опасениях Кейтеля и его напряженных отношениях с начальником управления вооружения сухопутных войск генерал-полковником Фроммом (позднее — одним из участников заговора 20 июля 1944 г. — *Прим. пер.*) дают представление дневники генерал-лейтенанта Карла Эрика Кёлера (начальника штаба при Фромме), хранящиеся (в виде фотокопий) в Мюнхенском институте современной истории. В них записано: «Фромм — генерал-фельдмаршалу Кейтелю. Итог: фюрер сильнее, чем прежде, осознал создавшееся положение. Кейтель боится, что Гальдер задействует на Восточном фронте все дивизии (войск СС. — *Прим. пер.*) «Валькирия» и «Рейнгольд» и потому он не получит никаких подкреплений для комиссариатов в России. Тогда станет невозможно убрать урожай и освоить оккупированные территории в экономическом отношении. Он [Кейтель] заинтересован в том, чтобы крупные части армии резерва были переброшены на Восток. Фромм отказывается. 22.3.1942 г. Кёлер записывает: «Командующий [Фромм] питает опасение, что крупномасштабная операция 1942 г., учитывая положение с боеприпасами и живой силой, неосуществима». 10.10.1942 г. Кёлер фиксирует опасения Фромма из-за состояния людских резервов в результате беседы с начальником управления общих дел ОКХ генералом пехоты Ольбрихтом (также впоследствии участником заговора 20 июля 1944 г. — *Прим. пер.*). Уже тогда взвешивалась возможность предоставить фюреру, отправить на Восточный фронт 12 школ военной подготовки из [тыловых] военных округов, 8 унтер-офицерских училищ и учебные дивизии «Брунхильда», находящиеся на территории рейха. Ольбрихт, как и автор дневника, настойчиво предостерегают от принятия такого решения. Ольбрихт: «Таким образом подрываются все возможности военного обучения и посылки подкреплений на Восточный фронт!»

Все мои представления на сей счет фюреру, который все же не мог оставаться полностью глухим к моим аргументам, результата не имели. Каждое подобное обсуждение приводило к вспышкам гнева совсем не по существу: он, мол, знает наше недоброжелательное и отрицательное отношение к «его» войскам СС, а ведь это они — элита, воспитанная в духе его мировоззрения, но вот это самое армия и отвергает! Его неизменная воля — давать войскам СС столько отборной молодежи, сколько ее пожелает в них вступить, а потому число добровольцев — не ограничивать. На мой упрек, что во многих случаях методы вербовки уязвимы и используют недозволенные средства — обещания, посулы и т.п. — Гитлер потерял самообладание и бурно потребовал от меня доказательств, разумеется, привести я их не смог, чтобы не подвергнуть моих свидетелей (большой частью отцов и учителей старшекласников) преследованиям гестапо⁴²⁶.

Неудивительно, что боевая ценность армии, уже давно потерявшей своих наиболее храбрых молодых офицеров и самых

---

⁴²⁶ Высказывания Кейтеля о генезисе указа Гитлера о войсках СС от августа 1940 г. см.: IMT-Prozess, Bd. X. S. 558 и в «Бумагах Нельте» док. № D665 «Мысли фюрера о войсках СС» от 6.8.1940 г. по записи генерала Шмундта. В этом указе Гитлер охарактеризовал войска СС как будущие «государственные полицейские войска» с фронтовым вооружением. Вермахт же никогда не должен применяться на территории Германии против внутреннего врага. С другой стороны, Великогерманский рейх должен охватывать и такие «народные организмы», которые относятся к нему недружественно. Поэтому следует создать такое полицейское соединение, которое никогда не станет браться с пролетариатом. Кейтель сообщает, что в свое время он, как и Шмундт, докладывал фюреру о недовольстве генералитета увеличением численности войск СС особого назначения, которые стали сейчас [в 1940 г.] фронтовыми войсками СС. Кейтель подчеркнул, что это подрывало доверие генералов к фюреру. Ведь Гитлер постоянно заверял, что вермахт — единственный «носитель оружия» нации! Кейтель предпринял этот шаг по настоянию Браухича, ибо Шмундт письменно довел до сведения ОКХ мысли, изложенные в указе Гитлера о войсках СС. Кейтель сообщает далее, что Гитлер сказал ему: он знает о его и ОКХ отрицательном отношении к данному документу. Генералы могут не понять того, что речь здесь идет вовсе не о конкуренции, а о «полицейском войске особого рода». Как сказал Кейтель д-ру Нельте, такое разъяснение фюрера его вполне удовлетворило: «Дальнейший ход развития я тогда не предвидел», — вспомним, что это говорилось в 1940 г.!

лучших унтер-офицеров, все более снижалась. Ведь она не получала полноценной замены, и пополнение ее поредевших рядов шло преимущественно за счет лишаемых брони рабочих военной промышленности, которые уже считали, что война с ее ужасами обошла их стороной, а также выздоравливающих и выписываемых из госпиталей, которые возвращались на фронт с весьма смешанными чувствами. Наряду с этим сухопутные войска черпали необходимое пополнение и из так называемых «прочесываний» в самом рейхе и внутри многочисленных формирований и учреждений фронтового тыла. О ценности всех этих пополнений говорить не приходится. Поэтому нечего удивляться тому, что боевой дух и готовность к самопожертвованию постоянно падали. Фюрер, как старый фронтовик [19]14—[19]18 гг., не мог не считаться с этими соображениями, но утешался тем, что и у противника дела пойдут точно так же, если не хуже.

Для справедливого решения проблемы продолжающегося изъятия людей из военной экономики с целью пополнения вермахта имелся только один выход: начать призыв на военную службу с самых молодых возрастов. Я без устали боролся за этот метод — вопреки всем ухищрениям министерства военной промышленности, но уши фюрера желали слушать только его доводы. В принципе он соглашался со мной, но дело с мертвой точки не двигалось!

Шпесер снова и снова добивался своего: работодатели военной экономики, включая государственные предприятия (железнодорожный транспорт, почта и т.п.), получили право высвобождать для военной службы только тех, с кем им было не жаль расставаться, а наиболее ценные кадры оставлять себе и лишь количественно (хотя бы приблизительно) предоставлять установленный контингент.

Заполнять бреши в военной экономике должен был Заукель⁴²⁷ — генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы за счет квалифицированных рабочих из рейха и из захваченных

---

⁴²⁷ Фриц Заукель (1894—1946)— в прошлом матрос и слесарь, затем после прихода нацистов к власти — имперский наместник и гауляйтер Тюрингии. В 1942 г. назначен генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы. В 1946 г. казнен в Нюрнберге.

областей. Не кто иной, как сам Заукель признавал правильными мои взгляды по этому вопросу и даже со всей откровенностью, весьма доверительно говорил мне: в этом «гешефте» вермахт всегда оказывается обманутым, а военная промышленность не только забирает себе бесценные для вооруженных сил кадры, но и скрывает многих квалифицированных работников, маскирует их от мобилизации, оставляет себе про запас. Заукель считал, что число этих неправоммерно избавленных от военной службы достигает по меньшей мере 500 тыс., в большинстве своем лучших солдат.

Что означали эти люди для армии, сражающейся на Востоке? Расчет очень прост: при наличии 150 дивизий пополнение каждой на 3 тыс. человек означает усиление ее боеспособности в размере половины численности ее рядового состава. Вместо этого сокращающиеся строевые части пополняли всякими обозниками и т.п., заменяя их русскими добровольцами из военнопленных.

Я постоянно сознавал, что не только сохранение, но и повышение уровня военного производства — высший закон, ибо замена использованного и обновление вооружения и военного имущества — это предпосылка обеспечения боеспособности войск. Ведь расход оружия и боеприпасов гигантски возрос! Чем дольше длится война, уподобляясь позиционной Первой мировой, тем все более фантастических цифр достигает этот расход. И все же я был и остаюсь убежден, что боец, который применяет оружие, — это всегда основной элемент боеспособности войск. Я отнюдь не намерен недооценивать в наш век стремительного развития военной техники в современной войне. Тот, кто не осознал этого, — дилетант в военном деле.

Для методов Гитлера было характерно достигать максимального результата тем, что он сталкивал друг с другом противоположные интересы. В данном случае интересы лично министра вооружения и боеприпасов и интересы начальника ОКВ, давая каждому из нас такие задания, о которых сам заранее знал, что они невыполнимы. Пусть поборются между собой! Мне нужны солдаты, а Шпесеру — работники военной промышленности. Я хотел пополнять все время сокращающиеся силы фронта, а Шпесер — не допускать снижения уровня военного производства.

И то и другое сразу, одновременно было недостижимо и несочетаемо, если бы Заукель только не поставлял рабочую силу.

Что ж удивляться тому, что Шпсер не получал той замены призванных в вермахт работников, которой он требовал, еще до того, как выполнить мои заявки.

Поскольку Шпсер имел обыкновение жаловаться Гитлеру на вермахт (обвиняя вооруженные силы в том, что они держат слишком много людей в тыловых службах, в дислоцированных в самой Германии частях, в люфтваффе, в госпиталях и выдвораживающих), фюрер внимал ему чуть ли не с аплодисментами. Когда же я говорил Гитлеру, что военное хозяйство оставляет у себя и укрывает множество людей, чтобы вводить дополнительные смены и получать побольше заказов, он обрушивался на меня с бранью: мол, я — дилетант и ничего в промышленном производстве не смыслю; лучше бы я почистил собственные тылы, вот там-то и отсиживаются сотни тысяч «тыловых героев» и т.п. Все это было бесконечным «перетягиванием каната»; тетива была настолько туго натянута, что рациональное использование кадров стало невозможно ни в вермахте, ни в военной промышленности, а потому максимального результата нельзя было достигнуть ни там, ни там. К этому добавлялись не только человеческая несостоятельность, но и эгоизм спорящих сторон.

Я мог бы написать об этой трагедии трех последних лет войны целую книгу, и все равно не исчерпал бы тему. Что означала нехватка живой силы в сухопутных войсках, показывают всего две цифры. Ежемесячные потери в обычное время (не говоря о крупных сражениях) в среднем составляли примерно 150—160 тыс.: из них заменены бывали (тоже в среднем) 90—100 тыс. Рекрутские ежегодные контингента в последние годы войны давали по 550 тыс., однако войска СС, по категорическому приказу фюрера, получали из них 90 тыс. добровольцев (но такое количество не всегда удавалось набрать), далее, 30 тыс. получала люфтваффе, а уже это одно равнялось трети всего контингента одного года рождения.

Только с периода весенней распутицы, или в начале апреля [19]42 г., осуществлявшиеся русскими по всему фронту частные наступления стали сокращаться. Они явно предпринимались для того, чтобы ни в коем случае не давать нам покоя, а атаками в различных пунктах, без четко различимой оперативной цели, создавать критические точки. <...> Собственно опасными были

только глубокие клинья южнее Орла и Демянский котел. Если последний пришлось сдать, то на юге, восточнее Полтавы, возникли шансы на успех сражения с целью охвата и уничтожения противника, тем более что погода и состояние почвы позволили начать здесь операции примерно на четыре недели раньше, чем на центральных и северных участках Восточного фронта. Кроме того, русские постоянным сосредоточением здесь своих сил для таких наступлений сами «услужили» нам: дали стоящую цель. Ввиду этого Гитлер решил предварить задуманную им лично крупную летнюю операцию независимой от нее, самостоятельной операцией против русского клина, нацеленного на Полтаву.

Выдвинутый Гитлером план этой операции⁴²⁸ (а ее идея принадлежала только ему одному!) после уже невозможного истощения сил и необходимости быть готовыми к обороне повсюду не мог быть более возобновлением генерального наступления по всему фронту. Поэтому он избрал целью операции прорыв на северном крыле группой армий «Юг», которой после смерти Рейхенау⁴²⁹ командовал фельдмаршал фон Бок. После танкового прорыва в направлении Воронежа группа армий на Дону, непрерывно укрепляя свое северное крыло, должна была смять русский фронт вдоль указанной реки и пробиться этим крылом до Сталинграда. В то же время южным своим крылом — достигнуть Кавказа, овладеть нефтяными районами на его северных склонах и захватить перевалы через Кавказский хребет. Между тем как сюда стягивались со всего Восточного фронта те силы (особенно танковые армии), без которых можно было обойтись в других местах, одновременно ставилась задача овладеть Крымом и оттуда, с Керченского полуострова, пробиться в кавказский нефтяной район. На это и были нацелены подготовительные меры ОКХ с начала марта 1942 г.

Целью и смыслом операции для фюрера было следующее: действуя на первом направлении наступления — на Воронеж, примерно на полпути между Москвой и районом Донецка, вве-

---

⁴²⁸ См. директиву Гитлера № 41 от 5.4.1942 г. о летнем наступлении — операция «Блау» («Голубая»).

⁴²⁹ Генерал-полковник Рейхенау скончался 17 января 1942 г. от апоплексического удара в штабе группы армий «Юг» в Полтаве.

сти русских в заблуждение относительно нашего замысла, дезориентировать их, внушить им впечатление о нашем намерении повернуть на север, на Москву, чтобы сковать там их резервы. Далее он хотел перерезать различные железные дороги (север — юг) между Москвой и промышленными и нефтеносными областями, неожиданным и наибо́льшим поворотом войск вдоль Дона, на юг, захватить Донецкий угольный бассейн, овладеть нефтеносным районом Кавказа и у Сталинграда преградить путь водному транспорту по Волге, по которой с помощью сотен танкеров шло обеспечение войск нефтью из Баку. Войска союзных с Германией государств (Румынии, Венгрии и Италии) должны были своими примерно 30 дивизиями прикрывать растянутый северный фланг войск, участвовавших в этой операции, вдоль служившего водной преградой Дона, где они казались защищенными от предполагаемых наступлений через него.

Еще во время моего визита в Бухарест в октябре [1941 г.] по случаю парада победы после взятия Одессы я подробно говорил с Антонеску насчет его помощи нашим войскам в [19]42 г. В атмосфере радости в связи с возвращением Бессарабии и захватом Одессы — давней мечты румын — договориться с ним было трудно. Само собой разумеется, не обошлось без мелочного торга насчет поставок оружия и боеприпасов. Болезненным пунктом для Румынии снова стало решение Венского арбитража о передаче во владение Венгрии (и притом большей части) Зибенбюргена (Трансильвании. — *Прим. пер.*). Поэтому Антонеску требовал, чтобы Венгрия выставила в [19]42 г. такой же контингент войск. Если она такого участия не примет, это будет опасно для Румынии, и тогда, по его мнению, придется свести счеты с Венгрией. Та держит на румынской границе сильную группировку войск, и он поступит так же в отношении к Венгрии, а это значительно ограничивает его возможности в войне против России. С моим мнением, что во время военного столкновения, освобождающего обе страны от гигантской угрозы большевизма, война между Румынией и Венгрией — безумие, он посчитаться не пожелал, хотя непосредственно угрожавшая им опасность была ликвидирована всего несколько недель назад.

Так или иначе, Антонеску обязался и дальше участвовать в войне на Востоке с контингентом примерно в 12 дивизий при условии, что мы гарантируем модернизацию и пополнение их

вооружения, на что я, разумеется, согласился, как трудно это ни было. Удовлетворить румынскую армию было легче еще и потому, что она была оснащена преимущественно оружием французского производства, и мы могли это запросто сделать за счет трофеев⁴³⁰. Кстати, в Бухарест мне пришлось отправиться потому, что Гитлер приглашение отклонил, а Геринг посхатать не пожелал, поскольку из-за недопоставок Румынией нефти у него с Антонеску сложились враждебные отношения.

Вот так мне и пришлось участвовать в параде победы румынских войск в качестве представителя вермахта. Как гостя меня поселили в королевском дворце юного короля⁴³¹. Там в присутствии главы государства Антонеску мне была дана аудиенция у короля и его матери — супруги изгнанного короля Кароля⁴³², который на долгие времена нашел замену власти в образе мадам Лупеску⁴³³. Король, которому исполнился только 21 год, был интересным молодым человеком, а королева-мать — все еще очень красивой, вполне светской дамой. Мой поверхностный разговор с нею прервал Антонеску, сославшись на то, что нам пора ехать на парад, а до этого еще предстоит церемония награждения орденами.

Антонеску несколько раз требовал от меня оценки парада, который, по немецким понятиям, был более чем жалким. Я объяснил ему, что по германским меркам о торжественном прохождении его войск судить нельзя, тем более что они прибыли непосредственно с фронта. Поэтому я предпочел говорить о том, с каким выражением лица солдаты взирали на своих высших начальников и что именно это и произвело на меня отличное впечатление.

---

⁴³⁰ Оснащение румынской армии современным немецким оружием в достаточном объеме так и не было осуществлено. Французская же техника показала себя во многом несоответствующей требованиям войны еще в 1940 г.

⁴³¹ Михай I, король Румынии, род. в 1921 г., правил с 6.9.1940 г. 30.12.1947 г. был принужден Советским Союзом отречься от престола.

⁴³² Елена, королева Румынии, род. в 1896 г., супруга отца Михая — короля Кароля II, брак с которым был расторгнут в 1928 г. После вступления сына на трон имела титул «королева-мать».

⁴³³ Елена Лупеску — с 1947 г.morganaticкая жена экс-короля Кароля II.

Муссолини, с его тщеславием, никак не мог перенести того, что Румыния и Венгрия на основании моей договоренности примут участие в кампании [19]42 г. в России. И вот он — без нашего обращения к нему — тоже предложил контингент в 10 дивизий, от которых фюрер отказаться, увы, не сумел. Это должны были быть, по оценке нашего уполномоченного в Риме генерала фон Ринтелена⁴³⁴, отборные дивизии, в том числе четыре или шесть альпийских — словом, лучшее, что имелось у итальянцев. Их переброска по транспортно-техническим причинам должна была осуществиться только летом, ибо прежде следовало перевезти немецкие войска для сосредоточения перед летним наступлением.

Положение на железнодорожном транспорте никогда не отвечало потребностям вермахта и военной экономики, хотя германские железные дороги не только использовали огромные средства для улучшения своей работы, но и привлекли к этому делу самых опытных железнодорожников. Зимой [19]42 г. ситуацию с железными дорогами можно было назвать не иначе как катастрофической. С декабря [19]41 г. до марта [19]42 г. оно было настолько критическим, что лишь создание специальной автотранспортной организации спасло от краха снабжение войск самым необходимым, чего удалось не допустить только самыми крайними мерами. 2 января 1942 г. имперский министр транспорта Дорпмюллер и его статс-секретарь Кляйнман с утра до ночи находились в ставке фюрера. Гитлер проводил многочасовые совещания в моем присутствии и при участии начальника железнодорожных сообщений вермахта генерала Герке. Положение требовало совершенно чрезвычайных мер для охраны локомотивов и водокачек, особенно от необычно сильного мороза, которого они не выдерживали. Бывали дни, когда из строя выходило до 100 локомотивов, ибо немецкие паровозы к такому климату оказались неприспособленными, к тому же приходи-

---

⁴³⁴ См.: *Enno von Rintelen. Mussolini als Bundesgenosse*, S. 150. Ринтелен пишет, что командующим новыми контингентами предполагалось назначить кронпринца Гумбера. Ринтелен спросил об этом Кейтеля, который отрезал: Гитлер предпочитает скорее отказаться от итальянской армии, чем видеть командующим армией итальянского кронпринца. Итальянцы направили на Восточный фронт 3 альпийские дивизии.

лось перешивать железнодорожные пути на немецкую колею, потому что русский строительный материал почти не удавалось захватить.

Начальник железнодорожных сообщений вермахта справедливо жаловался на управление имперских железных дорог за то, что оно отказывалось от замены ставших негодными локомотивов, поскольку их недостаточная защита от холодов не являлась его виной. Вечером под председательством фюрера было найдено единственно возможное решение: передать все транспортное дело в России, начиная от сопровождения составов охраной сухопутных войск до фронтовых пунктов назначения грузов, под ответственность имперских железных дорог, освободив от этого начальника железнодорожных сообщений вермахта.

Это было само по себе беспрецедентным и совершенно необычным решением, потому что все транспортное дело в оккупированных областях входило в его компетенцию. Генерал Герке был специалистом и достаточно умным, чтобы согласиться с этим решением фюрера, ибо у имперского министра транспорта имелись в распоряжении совсем другие средства для устранения ущерба, а кроме того, с генерала снималась ответственность. Министр был теперь обязан ежедневно докладывать непосредственно фюреру о положении дел с железнодорожным транспортом. С целью дать общее представление обо всем этом приведу некоторые цифры. Потребность одних только сухопутных войск (без авиации) равнялась 120 грузовым составам в сутки (если не учитывать крупные операции, когда резко возрастала потребность в боеприпасах). Но и эти обычные потребности удовлетворялись кое-как, и с трудом обеспечивалось 100 составов. Причем и здесь бывали большие колебания, ибо партизаны постоянно разрушали железнодорожные пути, порой производя до 100 взрывов за ночь.

Весенняя операция [1942 г.] в районе Полтавы началась в последний момент, когда русские глубоко вклинились в линию фронта, что грозило прорывом слабым, все еще растянутым оборонительным линиям. Фельдмаршал Бок хотел ввести в бой предоставленные в его распоряжения для контрудара и частично еще подбрасываемые силы там, где намечалась опасность прорыва противника в западном направлении. Фюрер же как главнокомандующий сухопутными войсками считал, что

контрнаступление следует предпринять на базе дуги вклинения, по хордовому направлению, чтобы таким образом отрезать противника, оказавшегося в мешке. Однако фон Бок боялся, что с этим маневром не успеет. Тогда Гитлер вмешался сам и приказал действовать в соответствии с его планом. Он оказался прав: в стадии наибольшего кризиса битва превратилась для русских в решающее поражение с неожиданно большим числом военнопленных⁴³⁵.

Ввиду недостатка времени я вынужден отказаться от описания той, проведенной по замыслу Гитлера операции, которая нашла свой конец на Кавказе и на Волге, в Сталинграде, и стала началом поворота в ходе Восточной кампании. Хочу зафиксировать здесь только несколько эпизодов.

Первым и совершенно необъяснимым тогда событием явилась публикация плана наступления <...> в прессе западных противников. Во всяком случае, одна из фраз основополагающей директивы фюрера была воспроизведена ею настолько точно, что никаких сомнений в предательстве быть не могло. Недоверие фюрера к тем штабам, которым была поручена предварительная разработка плана, получило новую пищу. Он снова всячески поносил генеральный штаб, который один только и мог служить источником измены.

Как выяснилось уже зимой, предателем оказался мобилизованный из запаса офицер штаба оперативного руководства главнокомандования военно-воздушных сил ОХЛ, служивший там в разведывательном отделе и имевший связь с органами вражеской разведки⁴³⁶. Удалось выйти на след действовавшей в

---

⁴³⁵ Эти высказывания относятся ко второму сражению под Харьковом в мае 1942 г., в котором попытка Советов вклиниться в боевые порядки сосредоточенных немецких войск окончилась тяжким поражением войск маршала Тимошенко. Но правильное решение здесь принял не Гитлер как командующий сухопутными войсками, а начальник его генерального штаба Гальдер.

⁴³⁶ Речь идет об обер-лейтенанте авиации Харро Шульце-Бойзене, который вместе со старшим правительственным советником Арвидом Харнаком возглавлял крупную, связанную с советской разведкой организацию антифашистского Сопротивления, известную под названием «Красная капелла». Члены этой организации своей разведывательной деятельностью сознательно помогали Советскому Союзу, поскольку видели в его лице главную силу, способную разгромить гитлеровский

Берлине организации государственных изменников, и в декабре 1942 г. в имперском военном суде состоялся процесс, на котором был вынесен ряд [смертных] приговоров. Хотя речь шла преимущественно о гражданских лицах (как мужчинах, так и женщинах), вышеназванный офицер, обер-лейтенант Шульце-Бойзен, вместе со своей женой были одними из тех, кто передавал противнику военные сведения. До тех пор пока они не были разоблачены, Гитлер, имевший предвзятое мнение, возводил поклёп на ни в чем не повинный генеральный штаб⁴³⁷.

Второй бедой стала вынужденная посадка в нейтральной полосе — между передовыми линиями — самолета с офицером штаба одной дивизии, взявшего основной боевой приказ об использовании в предстоящем крупном наступлении корпуса генерала Штумме. Произошло это за несколько дней до начала наступления. Злополучный офицер во время полета сбился с курса, вместе со всеми оперативными документами был схвачен русскими и убит на месте. Гитлер выразил невероятное возмущение замешанными в этом начальниками. В результате дело командира корпуса, начальника штаба и командира дивизии слушалось в имперском военном суде под председательством Геринга. Благодаря ему и при моем содействии все осужденные так или иначе были помилованы и затем использованы на других должностях⁴³⁸. Испытанный боевой генерал Штумме,

---

фашизм. Руководители организации были повешены, большинство участников — гильотинировано или повешено. После войны многие из них были посмертно награждены орденом Отчужденной войны. Подробно см. об этом: *К.Г. Бирнат, Л. Краусхаар*. Организация Шульце-Бойзена — Харнака в антифашистской борьбе. М., 1974. — *Прим. пер.*

⁴³⁷ Под присущим ему углом зрения и в меру своих знаний, Кейтель обрисовал здесь воздействие работы широко разветвленной коммунистической группы Сопротивления — так называемой «Красной капеллы». Жена Шульце-Бойзена, Либертас (урожд. Хаас-Гейс), являвшаяся внучкой князя Филиппа Ойленбурга, казнена.

⁴³⁸ 19 июня 1942 г. начальник оперативного отдела [1а] штаба 23-й танковой дивизии майор генерального штаба Райхсель на самолете «Шторьх» был сбит между линиями фронтов. Он вез приказы, предназначенные для первой стадии операции «Блау». Командир 40-го армейского корпуса генерал-полковник кавалерии Штумме, начальник его штаба полковник генерального штаба Франц и командир 23-й танковой дивизии генерал-лейтенант барон фон Бойнебург-Ленгсфельд

став заместителем Роммеля, погиб через несколько месяцев в Северной Африке.

После того как в ходе трехдневного сражения удался прорыв на Воронеж и бои теперь шли в самом городе за переход через Дон, проявилось первое недовольство Гитлера командованием группы армий фон Бока, поскольку она, на его взгляд, крепко вгрызлась в землю там, вместо того чтобы, не забываясь о судьбе Воронежа, а также за свои фланги и тылы, неудержимо поворачивать на юг и стремительно захватить территорию вдоль Дона.

Я видел, как в конфликте с Гальдером снова назревает кризис командования, и посоветовал фюреру самому полететь к фельдмаршалу Боку для ознакомления с обстановкой на месте. Мое предложение было принято. Я сопровождал фюрера в полете. Как и обычно, фюрер изложил фон Боку свою основную идею в дружеском тоне и обсудил желаемый ход продолжения операции. Царило настроение большой удовлетворенности, но я был разочарован: то, что фюрер, собственно, желал, а также и то, что днем раньше однозначно считал ошибочным, он теперь высказывал осторожными намеками. Это меня разозлило, и я, даже изменив своей обычной выдержке (исключительный случай!), прямо сказал Боку, чего именно желает фюрер. Я ожидал, что Гитлер заговорит более определенно. Момент оказался неудачным: все отправились завтракать. Но я воспользовался случаем и вполне четко дал понять начальнику штаба группы армий генералу фон Зодернштейну, ради чего фюрер явился собственной персоной и что же он хочет. После завтрака, прошедшего, как и совещание, в приподнятом настроении, мы вылетели обратно в ставку фюрера⁴³⁹.

На деле эффект оказался негативным, и уже на следующий день, когда Гальдер докладывал обстановку, Гитлер взорвался, обрушившись на якобы неповинующихся генералов и бездар-

---

были преданы суду. Приведенные фельдмаршалом Паулюсом в его воспоминаниях выдержки из дневника фельдмаршала фон Бока о его беседе с Кейтелем и Гитлером не позволяют предположить, что Кейтель в тот момент пытался воздействовать на решение их судьбы в смягчающем духе. Судя по его натуре, это могло случиться лишь позже.

⁴³⁹ Это посещение Гитлером штаба группы армий «Юг» имело место 4 или 5 июня 1942 г.

ное командование группы армий. А виноват был сам фюрер, ибо он, по моим наблюдениям, лишь ходил вокруг да около, вместо того чтобы четко сформулировать, что ему требуется. Нам — Гальдеру, Йодлю и мне — снова пришлось подчиниться.

Я упоминаю этот эпизод, чтобы показать часто наблюдавшуюся мной манеру Гитлера «вести парламентские переговоры» с чуждыми ему по духу генералами высокого ранга. У меня сложилось такое впечатление, что, испытывая определенную скованность или смущение в общении с ними, он проявлял неуместную сдержанность, в результате чего — правда, лишь изредка — возражавшие ему генералы даже не схватывали суть или серьезность ситуации. Во всяком случае, многим из них даже в голову не приходило, что тем самым они навлекают на себя подозрение, будто идут наперекор ему и не признают его, Гитлера, в качестве компетентного в военном деле фюрера и главнокомандующего. В этом отношении, не говоря уже о подозрительности, Гитлер был крайне чувствителен и обидчив. Мысль о смещении фон Бока, таким образом, у него уже зародилась, и через несколько дней его место занял фельдмаршал барон Вейхс⁴⁴⁰.

Для Кавказской операции предназначалась вновь сформированная группа армий «А»⁴⁴¹; был образован и ее штаб. Открытым оставался вопрос о подходящем командующем. Гальдер и я, независимо друг от друга, предлагали фельдмаршала Листа⁴⁴². Гитлер все никак не мог решить этот вопрос, не объясняя конкретно, что именно он имеет против Листа. Когда ждать больше стало нельзя, Гальдер и я наедине переговорили с Листом; после долгих колебаний он согласился. Но уже на первом этапе действия этой группы армий, которая должна была наносить удар через Ростов, а оттуда всеорообразно пробиваться в предкавказ-

---

⁴⁴⁰ Барон Максимилиан фон унд цу Вейхс ан дем Глон, тогда — генерал-полковник, командовал группой армий «Б» (бывшей «Юг») с 15 июля 1942 г. до 14 февраля 1943 г.

⁴⁴¹ Группа армий «А» не являлась новым формированием, а была образована из частей группы армий «Юг», 17-го армейского корпуса и (временами) 4-й танковой армии, а также румынских и словацких соединений.

⁴⁴² Вильгельм Герман Лист, генерал-фельдмаршал, командовал группой армий «А» с 15 июля по 9 сентября 1942 г.

скую изменчивость, привели к необоснованному обвинению Листа: он, мол, помешал танковому соединению СС ворваться в Ростов, выступил слишком поздно, атаковал чересчур вяло и т.п., хотя каждый из нас знал, что он действовал согласно данному ему приказу.

Через несколько дней Лист был вызван на доклад в Винницу, где находилась ставка фюрера⁴³; я остался в Берлине. <...> По возвращении мне пришлось выслушать упреки Гитлера в том, что именно я предложил этого непригодного человека, который произвел на него самое дурное и отрицательное впечатление⁴⁴. Мол, даже явился на доклад с картой неподходящего масштаба, без нанесенных на нее собственных войск и т.д. Когда я возразил Гитлеру, что он сам запретил брать с собой в полет карты с обозначенной на них группировкой наших войск, тот напал на меня; Геринг, присутствовавший при докладе Листа, был этим возмущен. Гитлер упрекал меня также и в том, что предпринятая по моему предложению инспекционная поездка в Норвегию тоже оказалась неудачной и его никак не удовлетворила, и т.д.

Новый кризис в верховном командовании породил тогда и неудачный полет Йодля в горнострелковый корпус, который вместе с главными силами на Кавказе вел бои за овладение горными проходами к Черному морю. Переговорив с командиром [49-го] горнострелкового корпуса [генералом горнострелковых войск] Конрадом и фельдмаршалом Листом о бедственном положении, Йодль по возвращении вечером доложил обстановку фюреру, присоединившись к точке зрения Листа, что поставленная задача невыполнима. Подробности, о которых лучше знает и расскажет здесь [на процессе] сам Йодль, я опушу. Этот доклад Йодля, выражавший взгляд Листа и его собственный,

---

⁴³ 16 июля 1942 г. Гитлер вместе со штабом оперативного руководства вермахта переместился в передовую ставку «Вервольф» («Оборотень»), располагавшуюся вблизи шоссе Винница — Житомир; ОКХ размещалось в самой Виннице. Лист явился на доклад в «Вервольф» 31 августа 1942 г.

⁴⁴ Отрицательное отношение Гитлера к генерал-фельдмаршалу Листу предположительно объяснялось тем, что тот примерно в 1931 г., будучи начальником пехотного училища в Дрездене, резко выступал против распространения национал-социалистических идей среди обучавшихся в нем будущих офицеров рейхсвера.

вывел фюрера из себя и вызвал у него неопиcуемый взрыв ярости⁴⁴⁵. И на сей раз это было проявлением скрытого кризиса доверия и плодом большого воображения. Гитлер вопил, что генералы устроили против него заговор и хотят жалкими увертками саботировать его приказы! Он вбил себе в голову идею: преодолеть западные отроги Кавказского хребта, захватить прибрежное шоссе вдоль Черного моря; генералы же не видят достоинств этой тактики и потому оппозиционны к ней. О том, что огромные трудности подвоза и снабжения по горным тропам эту операцию исключают, он и слышать не желал.

Таким образом, безудержный гнев Гитлера разрядился на Йодле и на мне, как инициаторе его поездки; мне было приказано вылететь на следующий день к Листу в Сталино и уведомить его, что от командования группой армий он отстранен и должен вернуться в распоряжение фюрера для дальнейшего прохождения службы⁴⁴⁶. Я так никогда и не узнал, кто же именно подстрекал фюрера против Листа, этого армейского военачальника высокой квалификации, который особенно показал себя во Франции и на Балканах. Полагаю, это пло от политической верхушки, от Гимmlера или Бормана⁴⁴⁷. Иначе все это — загадка!

Последствия для Йодля и для меня оказались таковы. Йодлю пришлось [на время] исчезнуть⁴⁴⁸, несмотря на мое заступничество как ответственного за его действия начальника; сам я потерял всякий кредит доверия, но в отставке мне было отказано,

---

⁴⁴⁵ Вероятно, за этой вспышкой гнева стояло гораздо большее: главное — осознание того, что захват кавказских нефтяных месторождений оказался невозможен. А ведь именно Гитлер со времени своего посещения группы армий «Юг» в Полтаве 1 июля 1942 г., т. е. перед наступлением, назвал его главной предпосылкой победы.

⁴⁴⁶ Фельдмаршал Лист нового назначения не получил. Группа армий «А» до 22 ноября 1942 г. находилась под личным командованием Гитлера как главнокомандующего сухопутными войсками, которое он осуществлял из своей ставки в Виннице.

⁴⁴⁷ Мартин Борман — начальник Партийной канцелярии НСДАП с 1941 г. по 1945 г.

⁴⁴⁸ На его место фюрер предполагал назначить командующего действовавшей под Сталинградом 6-й армии генерала танковых войск Паулоса, прежде занимавшего должности 1-го обер-квартирмейстера (начальника тыла) и заместителя начальника генштаба.

хотя Геринг и обещал добиться этого от фюрера. «Застольное общество» при трапезах [в ставке фюрера] распалось, теперь все встречи с нами постоянно стенографировались. 30 января [19]43 г.⁴⁴⁹ фюрер, здороваясь, впервые снова протянул мне руку. Гальдер тоже не остался не затронутым этой ссорой из-за Листа. Операция на Кавказе и севернее чрезмерных надежд Гитлера не оправдала.

Наступление русских против группы армий «Центр» западнее и юго-западнее Москвы, которое должно было облегчить положение находившегося под большой угрозой русского Южного фронта, тоже создало серьезную обстановку.

Гальдер справедливо оценивал общее положение как неудовлетворительное, несмотря на захват в результате нашей операции огромной территории. Так же, как Йодль и я, Гальдер, наряду с опознанными и опознаваемыми критическими точками, ожидал появления где-либо оперативных русских резервов, которые противник пока еще приберегал до поры до времени. Босвые действия русских во время крупного наступления на Юге приобрели новый характер; число захваченных военнопленных в сравнении с прежними битвами на окружение стало незначительным. Противник своевременно избегал грозящих охватов и в своей стратегической обороне использовал большой территориальный простор, уклоняясь от задуманных нами ударов на уничтожение. Именно в Сталинграде и в прилегающем к нему районе, а также на горных перевалах он оказывал упорное сопротивление, ибо больше не боялся оперативных охватов и обходов.

Хотя в результате использования войск наших союзников в полосе вдоль Дона вперемешку с отдельными немецкими дивизиями и удалось продвинуть главные силы 6-й армии вплоть до района Сталинграда, сил хватало только на бои местного значения в нефтеносных районах и под Сталинградом, куда теперь перемещался центр тяжести [боевых действий]. В остальном же широко растянутый фронт на наступление с целью прорыва [обороны врага] способен не был. Гальдер справедливо видел опасность на донском фланге, где южнее Воронежа стояли

---

⁴⁴⁹ День 10-й годовщины прихода Гитлера к власти в Германии. — *Прим. пер.*

венгры с примыкающими к ним итальянцами, в то время как на фланге западнее Сталинграда были введены румыны. Хотя фюрер всегда держал в поле зрения угрозу на донском фланге, а доверие его к новым союзникам было невелико, водную преграду Дон (по крайней мере, пока тот не замерзнет) он оценивал столь высоко, что был готов пойти на определенный риск.

Сотрудничество [Гитлера] с Гальдером держалось больше на рассудке, чем на доверии, а тем более взаимной симпатии, а потому по мере увеличивающейся напряженности положения все сильнее ощущалось отчуждение, выразившееся отчасти в резкой форме обращения, уничижительной критике со стороны фюрера, а подчас и в острой конфронтации. Так Гитлер выражал свое разочарование застрявшим наступлением, свое возмущение раздававшимися со стороны ведущей тяжелой оборонительные бои группы армий «Центр» призывами о помощи, на которых Гальдер как раз и акцентировал внимание.

Свое неудовольствие Гитлер должен был обязательно выместить на ком-нибудь. Уже в конфликте с Йодлем и со мной он показал неумение владеть собой. Впрочем, его невыносимая раздражительность во многом объяснялась и тем жарким континентальным климатом в Виннице, который он не выносил. Зной, как неоднократно говорил мне личный врач фюрера профессор Морель, ударял ему в голову. Лекарственные средства не помогали; даже постоянное поливание водой его бункера и помещения для докладов давали лишь временное облегчение. Да и сама эта ситуация вытекала из невысказанного осознания того факта, что огромный расход сил, который уже больше никогда не восполнить, ни в какой мере не отвечал сравнительно незначительному до сих пор расходу сил русскими. Гальдер почти ежедневно ожидал Гитлера с цифрами в руках, показывая, какие еще соединения имеются у противника в качестве оперативных резервов, сколько у того танков и как увеличивается число их [по материалам генерала Томаса⁴⁵⁰], и приводя данные о мощностях военной промышленности Урала и т.п. Это до крайности обострило противоречия между ним и фюрером.

---

⁴⁵⁰ Георг Томас, генерал пехоты, до 1 октября 1942 г. — начальник управления военной экономики ОКВ, находился в напряженных отношениях с министром вооружения и боеприпасов Шпсером.

Мне было запрещено докладывать «пораженческие» донесения генерала Томаса: это все, мол, его фантазии, он [Гитлер] не допустит этого и т.п. Прямо на глазах усиливалась критика Гальдера: он — нытик и пессимист, заражает командующих своими причитаниями и т.д. Мне стало ясно: мы опять пришли к тому же — ищут виновника, чтобы сделать его козлом отпущения.

Когда Гитлер в присутствии генерала Шмундта сообщил мне, что хочет избавиться от Гальдера⁴⁵¹, я все-таки нарушил свой твердый принцип — после истории с фельдмаршалом, Листом никаких персональных предложений не вносить — и, не желая пустить дело на самотек, энергично высказался за генерала Манштейна в качестве преемника Гальдера. Гитлер эту кандидатуру отклонил, на сей раз обосновав тем, что не может лишиться Манштейна как командующего.

После долгих колебаний я тогда настойчиво стал предлагать назначить генерала Паулкюса. Последовало категорическое «нет»: Паулкюс по завершении боев за Сталинград должен сменить генерала Йодля, это — дело решенное, ибо с Йодлем он [Гитлер] в дальнейшем работать не хочет: решение им уже принято и обговорено со Шмундтом. Тот завтра летит в Париж и привезет с собой оттуда генерала Цейтцлера [начальника штаба группы войск «Запад», которой командовал Рундштедт], он [Гитлер] желает сделать его начальником своего генерального штаба. Я заявил, что Цейтцлер совершенно незаменим на Западе, и настоятельно предостерег отзывать его оттуда в нынешнем положении; к тому же он не тот человек, какого ищет фюрер, могу судить об этом, поскольку очень хорошо знаю Цейтцлера, хотя и считаю его блестящим начальником штаба армии и группы армий. Ни одно мое персональное предложение успеха не имело; фюрер явно был заодно со Шмундтом, и тот свою миссию выполнил.

В тот же день, 24 сентября [1942 г.], Гальдер в моем присутствии был вызван к Гитлеру. Тот произнес длинную речь, в ко-

---

⁴⁵¹ Генерал-полковник Франц Гальдер был снят с должности начальника генерального штаба сухопутных войск 24 сентября 1942 г. и нового назначения не получил, а после неудачного заговора 20 июля 1944 г. был арестован.

торой объявил, что в дальнейшем работать с ним не может, а потому решил взять себе другого начальника штаба⁴⁵². Гальдер выслушал его молча, встал и вышел со словами: «Я убываю».

Через два часа началась эра Цейтцлера, действовавшего в тесном союзе со Шмундтом, который и был инициатором этого выбора. Цейтцлер по праву привлек к себе внимание фюрера. Он участвовал в Польской кампании начальником штаба корпуса, в Западном походе — начальником штаба танковой группы Клейста (прорыв через Седан на Абвилль), а особенно проявил себя как организатор береговой обороны на Атлантическом валу; внес значительный вклад в отражение попытки англичан летом [19]42 г. высадиться у Дьёпа [на юге Франции].

В конечном счете я был особенно заинтересован в выборе начальника генерального штаба сухопутных войск: наконец-то на этом влиятельном в армии посту оказался человек, пользующийся доверием Гитлера. Уже одно то, что мне теперь не придется ежедневно бороться с его недоверием, было ощутимым облегчением. Кроме того, Йодль и я надеялись на гармоничное сотрудничество с Цейтцлером, поскольку тот в течение ряда лет был у Йодля начальником оперативного отдела [1а] и не только знал, но и убежденно разделял основные идеи командования вермахта.

Нашим первым и тяжелейшим разочарованием явилось то, что произошло прямо противоположное! Цейтцлер не только отмежевался от нас, но и намеревался ни более ни менее как отстранить нас от принятия решений по Восточному фронту. Зачастую он докладывал [Гитлеру] обстановку с глазу на глаз, ибо явно считал Йодля лицом, односторонне заинтересованным в положении на других театрах войны, и боялся нашего влияния на фюрера.

В Северной Африке летом [19]42 г., несмотря на тропическую жару, победное шествие Роммеля⁴⁵³ с его двумя тан-

---

⁴⁵² Гальдер в своей книге «Гитлер как полководец» свидетельствует: однажды после его доклада о ежемесячном выпуске советских танков Гитлер набросился на него с кулаками. Во время последней беседы Гитлер дал ему понять, что постоянная борьба с начальником генштаба стоила ему половины нервных клеток, а дело того никак не стоит.

⁴⁵³ Эрвин Роммель, генерал-фельдмаршал, командующий танковой армией «Африка». После 20 июля 1944 г. за участие в заговоре он по

ковыми и одной легкой дивизиями при участии итальянских соединений и при отличной поддержке воздушным флотом [генерал-фельдмаршала] Кессельринга привело к неожиданным успехам. <...> Сам Роммель, всего за один год произведенный из генерал-лейтенантов в фельдмаршалы, срочно нуждался в восстановлении подорванного тропическим климатом здоровья и отправке на родину⁴⁵⁴, после того как он организовал оборону захваченного участка фронта [западнее Александрии]. Справедливо задают вопрос: что смог бы совершить этот удалой и осыпанный милостями танковый военачальник со своими войсками, действуй он там, где должна была решиться судьба Германии?

Новый начальник генерального штаба сухопутных войск [Цейтлер] получил тяжелое наследие. Упорные и малоуспешные бои на северных отрогах Кавказа, неустойчивое положение на слабом степном фронте между горами и Сталинградом, тяжелейшие бои в самом Сталинграде и вокруг него, огромные опасности на донском фронте для наших союзников. <...> Зловещим был вопрос; где же начнут русские отвлекающее наступление, где их оперативные резервы?

Борьба в Сталинграде притягивала одну дивизию за другой, как магнит. Хотя удалось достигнуть Волги севернее Сталинграда и внутри самого города, бои разгорались за каждый дом и за гигантские промышленные сооружения. С трудом осуществленное продвижение, блестящие успехи в оборонительных боях севернее города, между Волгой и Донской петлей, усиливали упорное стремление захватить последние городские кварталы, а также надежду завершить достижение поставленной задачи — близкой победы под Сталинградом. Честолюбие командования и войск армии Паулюса наверняка вдохновляло их тогда на то, чтобы закончить битву полным успехом. Вопрос

приказу Гитлера в октябре 1944 г. был принужден начальником управления кадров ОКХ генералом Бурдорфом покончить жизнь самоубийством, приняв яд. За это ему были устроены пышные государственные похороны. — *Прим. пер.*

⁴⁵⁴ Это должно было служить объяснением, почему генерал-фельдмаршал Роммель с начала британского наступления в октябре 1942 г. находился в Германии. Его преемник генерал кавалерии Штумме, как уже отмечалось, погиб в начале второй битвы за Эль-Аламейн.

о том, содействовало ли и насколько именно высшее командование возникшей позднее катастрофе, я оставляю открытым.

Правильно предпринятое с оперативной точки зрения отвлекающее советское наступление в декабре⁴⁵⁵ смело [3-ю] румынскую армию и тем обнажило глубокий фланг 6-й армии Паулюса в Сталинграде. Не допустить катастрофы могло только одно решение: сдача Сталинграда и отступление всей сталинградской [немецкой] армии на запад⁴⁵⁶. <...> Для меня нет никакого сомнения, что тогда в любом случае удалось бы спасти 6-ю армию и, вероятно, разбить русских, но только, повторяю, ценой сдачи Сталинграда и берега Волги. Все самое ужасное, что явилось следствием полного окружения армии Паулюса в районе Сталинграда в [декабре] 1942 г. и январе [19]43 г., а именно: запрещение прорыва, идти на который было уже слишком поздно; тщетные попытки осуществить снабжение по воздуху; запоздалое и предпринятое слишком слабыми силами контрнаступление с целью прорыва [из окружения] 6-й армии — все это принадлежит к моим самым кошмарным воспоминаниям. Я не могу обрисовать эту драму, для этого у меня нет здесь материалов. <...>

Сдача Сталинграда означала, разумеется, тяжкий ущерб для престижа, потерю целой армии, а в результате созданной этой потерей оперативной обстановки — такое отступление, которое было равнозначно проигранной кампании [19]42—[19]43 гг., сколь гениально она ни была задумана. Неудивительно, что оживились критики, а русские получили огромный стимул для продолжения войны. Наш последний козырь оказался битым.

Но совершенно независимо от спасения армии Паулюса или от ее потери, для предотвращения надвигающегося проигрыша всего Восточного похода имелся лишь один выход: стратегическое отступление на самую кратчайшую линию фронта, <...> — т.е. от Черного моря или Карпат до Чудского озера. Создать такой фронт как оборонительную позицию, укрепить и удерживать его всеми еще имеющимися в нашем распоряжении

---

⁴⁵⁵ Правильно: в ноябре! Советское контрнаступление в районе Сталинграда началось 19 ноября 1942 г.

⁴⁵⁶ Насколько известно немецкому издателю из устных свидетельств обсуждения обстановки в конце ноября 1942 г., фельдмаршал эту точку зрения тогда не высказывал!

средствами, в достаточной мере усиливая их резервами, было бы, как я считаю, достижимо⁴⁵⁷.

29.9.[19]46 г.

К.

ДОКУМЕНТЫ И ПИСЬМА. 1939—1945

Кейтель: положение и полномочия начальника ОКВ⁴⁵⁸

I

После ухода последнего военного министра⁴⁵⁹ 31.1.[19]38 г. фюрер принял лично на себя ранее принадлежавшую тому командную власть над тремя видами вооруженных сил в качестве Верховного главнокомандующего и непосредственно подчинил себе главнокомандующих сухопутными войсками, военноморским флотом и авиацией. Таким образом, «начальник ОКВ» никакой командной власти не имел. Ему подчинялось только само ОКВ как военный орган, который он возглавлял в качестве начальника военного штаба фюрера.

Решение всех вопросов, касавшихся вермахта в целом (структура, организация, численность, вооружение и оснащение), фюрер оставил исключительно за собой. Главнокомандующие тремя составляющими вермахт видами вооруженных сил только давали свои предложения или же вносили на его рассмотрение адресованные непосредственно ему различные вопросы относительно целей вооружения и сроков тех или иных операций.

Для прочих подлежавших повседневному и каждодневному урегулированию дел в рамках всего вермахта (управленческих, министерско-административных и специальных вопросов) существовал начальник ОКВ. Он являлся уполномоченным Вер-

---

⁴⁵⁷ На этом основная часть воспоминаний генерал-фельдмаршала Кейтеля обрывается. 1 октября 1946 г. был оглашен смертный приговор, а 16 октября 1946 г. он приведен в исполнение. За дни между 1 и 10 октября Кейтелем были сделаны лишь записи о последних неделях войны.

⁴⁵⁸ Из «Бумаг Нельте». Запись генерал-фельдмаршала Кейтеля (карандашная рукопись). Нюрнбергская тюрьма, 15.8.1945 г. Датировка собственноручная.

⁴⁵⁹ Иметсяя в виду генерал-фельмаршал фон Бломберг.

ховного главнокомандующего вермахтом в отношении остальных имперских учреждений, однако с таким ограничением:

а) все принципиальные дела в любом случае требуют принятия конечного решения или согласия фюрера;

б) все же текущие дела решаются им только в том случае, если между участвующими заинтересованными сторонами (например, главнокомандующими составных частей вермахта и начальником ОКВ) взаимного согласия достигнуто не было.

Итак, с этими ограничениями фюрер передал начальнику ОКВ административно-управленческие функции в той мере, в какой они не затрагивали его единоначальственного преимущественного права на командную власть. Таким образом, злосчастный дуализм между министерскими компетенциями и командной властью (в первом случае осуществлявшимися военным министром, а во втором — начальником генштаба прусской армии былых времен) фюрер решительно отверг. Поэтому Гитлер и упразднил пост военного министра (к тому же он не мог да и не хотел быть своим собственным военным министром).

II

Верховное главнокомандование вермахта (ОКВ) как военный штаб фюрера на его посту Верховного главнокомандующего вооруженными силами после многократных внутренних преобразований состояло из следующих подразделений:

1. Штаб (управление) оперативного руководства; начальник — генерал-полковник Йодль⁴⁶⁰.

2. Управление общих дел (включая отдел по делам военнопленных⁴⁶¹); начальник — генерал пехоты Рейнике.

---

⁴⁶⁰ Альфред Йодль занимал эту должность с 1938 до мая 1945 г. Казнен в Нюрнберге 16.10.1946 г.

⁴⁶¹ См. «Бумаги Нельте» (заполненная Кейтелем от руки анкета с ответами на заданные в письменной форме вопросы). Отсюда явствует, что, согласно мобилизационному плану, внутри управления общих дел ОКВ в сентябре 1939 г. был создан отдел по учету потерь вооруженных сил и по делам военнопленных. Согласно тому же мобилизационному плану, в ОКВ была введена должность «инспектор по делам военнопленных». До начала лета 1941 г. эту должность занимал генерал для особых поручений Эдмунд Глайзе фон Хорстенау (в 1946 г. покончил самоубийством в американском плену). Его преемником до осени

3. Управление зарубежной разведки (абвер «Заграница»); расформирован 1.3.1944 г. и переведен в РСХА⁴⁶²; до тех пор его возглавлял адмирал Канарис.

4. Управление военной экономики и вооружений, расформировано зимой 1940—1941 г. с передачей вопросов вооружения министру Тодту.

5. Управление военной экономики (оставшаяся часть прежнего управления); начальник — генерал пехоты Томас⁴⁶³.

1942 г. являлся генерал-лейтенант Винфренд фон дер Шуленбург (покончил самоубийством в 1945 г.). Задачи: инспектирование лагерей для военнопленных, использование их рабочей силы в промышленности и сельском хозяйстве, предотвращение побегов, надзор за соблюдением Женевской конвенции о военнопленных. Затем эта должность некоторое время оставалась вакантной. Отдел подчинялся начальнику управления общих дел.

С 1.1.1942 г. должность «начальник отдела ОКВ по делам военнопленных» была введена вновь. С 1942 г. до начала 1944 г. ее занимал генерал-майор Ганс фон Гравениц, а затем до конца войны — генерал-майор Адольф Вестхоф. После ряда конфликтов между Кейтелем, с одной стороны, и Гиммлером и Борманом — с другой (на счет якобы слишком мягкого обращения с военнопленными), по приказу начальника ОКВ в 1943 г. была введена должность «генеральный инспектор по делам военнопленных»; он подчинялся непосредственно Кейтелю. Его компетенция распространялась на все стационарные лагеря для военнопленных и на офицерские лагеря сухопутных войск, военноморского флота и люфтваффе как в тылу, так и в оккупированных вермахтом областях.

С 20 июля 1944 г. все вопросы по делам военнопленных были переданы назначенному командующему армией резерва — рейхсфюреру СС и начальнику германской полиции, имперскому министру внутренних дел Гиммлеру. В задачи генерального инспектора генерала пехоты Рёттига входило недопущение побегов военнопленных, наказание провинившихся охранников лагерей, ведение процессов в военных трибуналах. Начальник ОКВ мог осуществлять ковенное право надзора только через этого «генерального инспектора».

⁴⁶² Нсм. аббревиатура от: das Reichssicherheitshauptamt (RSHA) — Главное управление имперской безопасности, которое возглавлял обергруппенфюрер СС Эрнст Кальтенбруннер.

⁴⁶³ О генерал-лейтенанте Георге Томасе см. «Бумаги Нельте» (рукопись Кейтеля от 28.4.1946 г.). Томас, первоначально начальник управления военной экономики, обладая выдающимися способностями и профессиональными знаниями, занимал особое положение. По словам Кейтеля, Томас, ревностный почитатель генерала Бека, был необычай-

6. Управление резерва; начальник — генерал-майор Видеман.

7. Центральное управление вермахта (личный состав, ведение дел.); начальник — генерал-лейтенант Винтер.

8. Финансовый отдел; начальник — министерияль-директор д-р Типшбейн.

9. Начальник штаба сухопутных войск ОКВ (по вопросам вооружения армии) — лично ответственный перед фюрером генерал пехоты Вальтер Буле (занимал этот пост с января 1942 г.).

по талантливым в экономическом и организационном отношении, но вместе с тем — пессимистом и скептиком, притом человеком честолюбивым и весьма озабоченным высокой оценкой своей деятельности. Кейтель как начальник ОКВ считал его «незаменимым», однако боялся возникновения у Томаса трудностей из-за взаимоотношений с Гитлером (ввиду скептических взглядов генерала и его критических высказываний перед промышленниками насчет хозяйственных задач).

Управление военной экономики, по нашему мнению (В.Г.), постоянно испытывало дробление своих компетенций между другими органами и сокращение полномочий. С 1936 г. имперский министр авиации, он же главнокомандующий люфтваффе (в то время еще не рейхсмаршал, а генерал-полковник) Геринг одновременно стал уполномоченным по осуществлению четырехлетнего плана, а тем самым руководителем сырьевого обеспечения и генеральным уполномоченным по созданию тяжелой промышленности. В 1940 г. под руководством Томаса было сформировано специальное министерство вооружения и боеприпасов.

При преемнике Тодта имперском министре Альберте Шпеере пришлось пойти на компромисс: генерал Томас со своими инспекциями по делам вооружения был подчинен последнему, однако все же остался начальником управления военной экономики ОКВ. После столкновения со Шпеером из-за доклада Томаса относительно военного потенциала СССР и США полномочия последнего были ограничены военным хозяйством и обеспечением вермахта предметами потребления.

Начальником управления вооружений ОКВ во времена Шпеера стал генерал-лейтенант Вагнер. Томасу же в конце концов, по совету Кейтеля, предназначалось заняться написанием истории военной экономики. Будучи по складу своего характера уже давно фрондером, он после 29 июля 1944 г. подвергся аресту. В рукописи, написанной после провала этого заговора, он обвинял Кейтеля в этом, подчеркивая, что сам он, Томас, считал вооружение национальной задачей, а Гитлера, ведшего неправильную политику в отношении России и Китая, — национальным бедствием для Германии. По данному поводу Кейтель замечает на полях рукописи Томаса: «Нет, я считал Т[омаса] совершенно невиновным. К[ейтель]».

10. Штаб национал-социалистического руководства вермахтом⁴⁶⁴, с 1.1.1944 г. до 1.3.1945 г. начальник — генерал Рейнике, непосредственно подчиненный фюреру и действующий по его прямому заданию⁴⁶⁵.

Начальнику ОКВ фюрером, далее, были подчинены:

а) командующие тыловыми военными округами (одновременно они являлись и заместителями командиров соответствующих военных округам армейских корпусов и подчинялись командующему армией резерва)⁴⁶⁶;

б) командующие войсками в захваченных областях (Норвегия, Голландия, Россия), но начальник ОКВ не имел команд-

---

⁴⁶⁴ Об образовании этого штаба в составе ОКВ Гитлер еще 22.12.1943 г. издал специальный приказ «Национал-социалистическое руководство в вермахте». Начальником данного штаба был назначен, как уже указывалось, начальник управления общих дел генерал Рейнике. Первый приказ в указанном направлении Кейтель снабдил примечательной формулировкой: принимая на себя непосредственно обязанности главнокомандующего сухопутными войсками, фюрер «высказал мысль», что к решающим «судьбоносным вопросам» принадлежит безоговорочное совпадение основных взглядов государственного руководства со взглядами офицерского корпуса, особенно в области мировоззрения. Приказ подписан 1.6.1942 г. См.: (*Waldemar Besson. Zur Geschichte des nationalsozialistischen Führungsoffiziers. (Dokumentation in: Viertelsjahreshfte für Zeitgeschichte, 1/1961, S. 76 ff.)*)

⁴⁶⁵ Ситуация в данном отношении становится еще яснее, если воспользоваться свидетельством одного из адъютантов Кейтеля. В феврале или марте 1945 г. генерал Рейнике жаловался начальнику ОКВ на недостаток «веры» в победу Германии. Это, мол, идет от самого Кейтеля, поскольку тот не имеет в своем окружении ни одного офицера по национал-социалистическому воспитанию. Тогда Кейтель вызывает дежурного адъютанта и довольно резко спрашивает: «Есть у нас офицер по национал-социалистическому руководству или же такового у нас нет?» Адъютант же отвечает примерно так: «Нет, господин генерал-фельдмаршал, такового у нас не водится! Он нам вовсе и не нужен. Мы считаем им самого фюрера!»

⁴⁶⁶ Типичный пример труднообъяснимого дробления сфер компетенции различных инстанций, что объективно крайне мешало обвинителям на Нюрнбергском процессе установить, кто же из подсудимых в действительности нес ответственность за ту или иную сферу деятельности. Начальником вооружений в ОКВ и командующим армией резерва с 1.9.1939 г. до 21.7.1944 г. был генерал-полковник Фридрих (Фриц) Фромм.

ной силы над этими войсками — как, например, во Франции и Бельгии до весны 1944 г.;

в) полномочные генералы при союзных государствах (Италия, Румыния, Венгрия, Болгария, Финляндия, Словакия);

г) начальник военно-санитарной службы вермахта (генерал-полковник медицинской службы д-р Ханцлозер);

д) начальник транспортной службы вермахта (генерал пехоты Герке);

е) начальник связи вермахта генерал войск связи Прауг⁴⁶⁷.

III

С началом войны штаб оперативного руководства ОКВ занял совершенно господствующее и первостепенное положение в качестве «генерального штаба вермахта». Точно так же, как я постоянно и тесно был связан с фюрером, Йодль в качестве начальника этого штаба повсюду сопровождал его.

В то время как акции против Австрии и Чехословакии, а также Польская кампания проводились персонально только одним главнокомандующим сухопутными войсками под непосредственным руководством фюрера, ОКВ в лице своего штаба оперативного руководства стало впервые авторитетно функционировать в качестве руководящего органа самого фюрера при захвате Норвегии (он осуществлялся всеми видами вооруженных сил).

Во время Французской кампании 1940 г. и в процессе ее важнейших последствий на первый план уже твердо вышли влияние и сильная командная власть самого фюрера. Он уже не довольствовался только устным инструктажем командующих войсками, а в качестве главы единого и авторитарного командования и через ОКВ (штаб оперативного руководства) давал директивы, которые подтверждали и дополняли его устные задания и поручения.

Чем больше с течением времени укреплялось вполне оправданное доверие фюрера к начальнику этого штаба генерал-полковнику Йодлю, тем теснее и непосредственнее становились обмен мнени-

---

⁴⁶⁷ Он занял этот пост после 20 июля 1944 г., когда прежний начальник связи вермахта генерал Эрих Фельгибель был казнен в связи с провалом заговора.

ями и прямое общение Гитлера с ним. Йодль, как правило, лично докладывал обстановку фюреру в моем присутствии.

Присущее ему глубокое проникновение в суть дела, его стремление «докопаться» до самых истоков любого явления и вникнуть в мельчайшие детали той или иной операции, его точность и основательность, его непосредственное общение с «начальником генерального штаба вермахта» и с фюрером — все это было для меня большим облегчением. Фюрер вовсе не отстранял меня тем самым от участия в обсуждении того или иного вопроса. Наоборот, он желал, чтобы я присутствовал на каждом докладе обстановки или обсуждении назревших вопросов, даже если я и не произносил при этом ни единого слова. Он в принципе всегда рассчитывал на мое согласие. Мое отсутствие в ставке в течение нескольких дней по служебным причинам (например, когда мне требовалось уладить в Берлине самые неотложные дела) фюрер считал нежелательным, и мне приходилось ограничивать себя в своих служебных поездках.

Особенно серьезные и значительные вопросы или решения фюрер имел обыкновение предварительно обсуждать со мной, а в последний период, когда разгорелись боевые действия на так называемых театрах войны ОКВ, с привлечением Йодля. Фюрер не любил, чтобы такие обсуждения и ежедневные доклады обстановки проходили в широком кругу — скажем, в присутствии двадцати и более участников (среди них бывали постоянные представители министра иностранных дел, рейхсфюрера СС, главнокомандующего сухопутными войсками, люфтваффе и т.д.).

К тому же фюрер совершенно не выносил, чтобы я в этом кругу высказывал какие-либо противоречившие его собственным высказываниям взгляды: он явно воспринимал это как своего рода критику своих воззрений. Поэтому с отличающейся от его точкой зрения или оценкой я всегда приходил к нему один (после или до предстоявшей встречи), чтобы обсудить и обговорить дела с глазу на глаз. [Внешне это невольно создавало у участников обсуждения впечатление, будто никакого собственного взгляда на вещи у меня вообще нет или же я всегда априори согласен с фюрером]⁴⁶⁸.

---

⁴⁶⁸ Взятые в квадратные скобки слова в оригинале рукописи Кейтеля зачеркнуты.

IV

После того как фюрер непосредственно вступил в главнокомандование также и сухопутными войсками, т.е. после отстранения фельдмаршала фон Браухича в середине января [19]41 г., он руководил:

1. Как и прежде, всеми вооруженными силами с ОКВ — штабом оперативного руководства вермахта.

2. Сухопутными войсками, особенно действующими на Восточном фронте, вместе с начальником генерального штаба этих войск.

Фюрер сказал тогда, что именно в возникшем критическом положении хочет взять лично на себя ответственность за командование сухопутными войсками. Тем самым он в конечном счете связал все это в глазах народа и истории со своей личной судьбой.

В самих сухопутных войсках (насколько я знаю, за немногими исключениями в лице офицеров более старшего возраста) большинство приветствовало решение фюрера о командовании армией уже по одному тому, что офицерский корпус ожидал от него этого акта своего непосредственного представительства и стимулирования, а также видел в этом защиту от враждебных выпадов со стороны других видов вооруженных сил и тем более войск СС, стремившихся использовать ситуацию к собственной выгоде.

При всем уважении к этим, отнюдь не беспочвенным взглядам, решение фюрера, принимая во внимание его невероятную загруженность как главы государства, вождя партии и Верховного главнокомандующего всеми вооруженными силами, действующими на всех театрах войны, нельзя было воспринимать без опасений (во всяком случае, на длительный срок).

Мои предложения назначить нового главнокомандующего сухопутными войсками каждый раз заканчивались неудачей, ибо ни одна более или менее, с моей точки зрения, подходящая кандидатура из рядов генералитета армии не получала одобрения у фюрера: у него всегда находились возражения.

Поскольку, на мой взгляд, в тогдашнем положении (я имею в виду прежде всего Восточный фронт) ни одной личности, удовлетворявшей всем предъявляемым к ней требованиям, не

имелось, я перестал настаивать, тем более что мое поведение могло бы быть истолковано фюрером только как недоверие к нему лично⁴⁶⁹.

Будь генерал-фельдмаршал Рундштедт тогда лет на десять моложе, фюрер (пусть и не без колебаний) сделал бы его главнокомандующим сухопутными войсками, даже несмотря на то что по партийной линии у него имелись внутренние предубеждения против этого воина, воспитанного в духе старопрусской королевской традиции. Однако это обстоятельство, как выразился сам фюрер, никогда не помешало бы ему признать пригодность Рундштедта для такой высокой командной должности⁴⁷⁰.

---

⁴⁶⁹ Об этом характерном отношении Гитлера к Кейтелю см.: Excerpts from Testimony of Wilhelm Keitel. Keitels Analys of Hitlers Charakter and Traits. — Nazi Conspirasy and Aggression. Suppl. B. Washington, 1948. P. 1284 ff. Фельдмаршал говорит здесь о преобладающем недоверии Гитлера к нему. Гитлер неоднократно давал ему понять, что должен проявлять недоверие буквально к каждому: «Я просто-таки обязан быть недоверчивым». Ему, мол, надо полагаться на свой «нюх» или на какое-то шестое чувство. Он обязан не доверять ни одному выслушиваемому докладу, ни одному донесению с фронтов, ни одному сообщению о положении в самой Германии. Он обязан быть подозрительным решительно ко всем... Кейтель разъясняет допрашивавшему его представителю американского обвинения на Нюрнбергском процессе Томасу Дж. Додду: прежде чем какое-либо дело становилось ясным и урегулированным, Гитлер всегда недвусмысленно выражал свое недоверие. Додд спрашивает: был ли Гитлер пессимистом? Кейтель отвечает: напротив, фюрер был оптимистом, но всегда говорил ему о необходимости проявлять недоверие, ибо питал глубокую ненависть к приукрашиванию и к лакированным сообщениям; Кейтель всегда боялся любых попыток докладывать ему именно то, что Гитлер хотел бы услышать. Кейтель добавляет: у Гитлера существовало такое чувство, будто в лице своего военного окружения он имеет дело со старым буржуазным миром; вокруг него — не революционеры, а самые консервативные элементы, каких когда-либо рождала Германия. <...>

⁴⁷⁰ См. также допрос на Нюрнбергском процессе, где Кейтель цитирует Гитлера: он знает, что Рундштедт — старый пруссак королевской традиции и отнюдь не человек партии, но перед лицом истории хочет констатировать: данное обстоятельство никогда не помешало бы ему назначить этого выдающегося генерала главнокомандующим сухопутными войсками. Разумеется, он не назначит какого-нибудь

После того как фюрер, в результате своего личного и прямого вмешательства в ход событий, справился с тяжелым кризисом на Востоке зимой [19]41/42 г., он с величайшей энергией занялся подготовкой и проведением в 1942 г. операций на Восточном фронте. Делал он это в постоянном и повседневном непосредственном сотрудничестве с начальником генерального штаба сухопутных войск. Да и никакой главнокомандующий сухопутными войсками не смог бы заменить его в руководстве и использовании вооруженных сил союзников Германии (румынской, венгерской и итальянской армий), что по политическим причинам он связывал со своей личностью и авторитетом.

Когда назрел и наконец разразился кризис под Сталинградом, фюрер мог бы отказаться от личного командования сухопутными войсками на Восточном фронте как несовместимым с его престижем, особенно учитывая воздействие этого кризиса на наших союзников и на Турцию. Но даже и в таком положении Гитлер этого не сделал.

Только после ликвидации острой угрозы и укрепления Восточного фронта весной 1943 г., по моему разумению, для фюрера вновь пришла пора отказаться от выполнения им двойной функции, а также избавиться от вызванной этим огромной перегрузки. Но для этого требовалось найти приемлемую для фюрера личность на пост главнокомандующего сухопутными войсками. Прежний начальник генерального штаба сухопутных войск таковой фигурой, к сожалению, не являлся. (Гальдер был смещен еще осенью 1942 г. и заменен генералом Цейтцлером). На мой взгляд, выбор этот был неудачен, и я настойчиво, но безрезультатно предостерегал фюрера не делать этого⁴⁷¹.

Дать сухопутным войскам самостоятельного собственного главнокомандующего — выходца из их рядов (что было бы желательным и по ряду других причин) тогда (весной 1943 г.) не удалось. Это был, пожалуй, последний подходящий случай, удоб-
гауляйтера командиром корпуса, но не хочет и того, чтобы генерал стал гауляйтером.

⁴⁷¹ Речь идет о замене генерал-полковника Гальдера (снят 24.9.1942 г.) генералом пехоты Куртом Цейтцлером, которого Кейтель оценивает весьма критически.

ный и во внешнеполитическом отношении. Сделай мы тогда этот шаг, нам не пришлось бы бояться потери престижа⁴⁷².

Так все больше и больше развивался тот дуализм в руководстве сухопутными войсками и всеми театрами войны, при котором фюреру приходилось одновременно руководить:

а) как Верховному главнокомандующему вермахта — ведением войны на всех фронтах;

б) как главнокомандующему сухопутными войсками — их действиями, причем преимущественно на Восточном фронте.

На всех театрах войны (за исключением Восточного фронта) Гитлер использовал штаб оперативного руководства вермахта, являвшийся частью ОКВ. Таким образом он внедрил в практику понятие «театры войны ОКВ» — в противоположность Восточному фронту (кроме Финляндии и Балкан), влияние на который штаба оперативного руководства вермахта (за исключением отдельных случаев) он устранил сам путем непосредственного общения с начальником генерального штаба сухопутных войск. Тем самым фюрер сознательно и по собственному желанию пошел двояким путем. Он хотел даже вызвать этим определенное соперничество между видами вооруженных сил в области обеспечения войсками и боевыми средствами различного рода, дабы постоянно иметь личное представление о требованиях и запросах Восточного фронта, а также и «театров войны ОКВ». Это давало ему возможность самому принимать окончательные решения.

Само собою разумеется, ОКВ при наличии сознательно не ограниченного в своих функциях штаба оперативного руководства не могло отказаться от постоянной опеки сухопут-

---

⁴⁷² Здесь Кейтель (по сути своей, аполитичный офицер с традиционно мистическими взглядами) затрагивает вопрос, принципиальный характер которого (в том, что касается структуры плебисцитарного фюрерского государства) ему явно не ясен. Вопрос этот таков: мог ли закономерно следующий принципу аккумуляции власти народный трибун, который объединил в своих руках руководство партией, рейхом, администрацией, экономикой и вооруженными силами, вообще вновь делегировать кому-либо свои, зачастую с трудом добытые, полномочия без ущерба для своей собственной миссии? По нашему (В.Г.) мнению, он, если угодно, сам поставил себя перед выбором: жизнь или смерть, победа или поражение!

ных войск на всех театрах войны при помощи персонально пригодного для того и компетентного генштаба. Напротив, оно должно было быть в курсе всех их запросов в отношении живой силы и боевой техники, а также снабжения продовольствием и снаряжением. ОКВ приходилось добиваться здесь компромиссов и надзирать за всем этим делом. Начальник штаба сухопутных войск в ОКВ служил в данном случае связующим звеном с министерством вооружений и боеприпасов (Шпсер), генеральным инспектором танковых войск, командующим армией резерва и генерал-квартирмейстером сухопутных войск; он являлся передатчиком им требований и приказов фюрера⁴⁷³.

С января [19]42 г. мои стремления и усилия были направлены на то, чтобы в той мере, в какой это не касалось руководства вооруженных сил и персональных вопросов (их фюрер прочно закрепил за собой), своим влиянием на принятие решений добиться назначения [вместо Гитлера] главнокомандующего сухопутными войсками — разумеется, насколько это вообще допускали мои достаточно широкие полномочия. Тут я натолкнулся на сильнейшее противодействие со стороны начальника генерального штаба сухопутных войск, который был и хотел оставаться и впредь первым советником и представителем главнокомандующего этими войсками, хотя при своей загруженности и не мог полностью осуществлять это.

Наиболее ощутимо это своеобразие казалось мне проявившимся в области боевой подготовки на фронте и в тылу⁴⁷⁴.

---

⁴⁷³ Кейтель персонально перечисляет здесь следующих лиц: имперский министр Альберт Шпсер; начальник штаба сухопутных войск в ОКВ генерал-полковник Буле; назначенный 21.2.1943 г. генеральным инспектором танковых войск генерал-полковник Гудериан; командующий армией резерва и начальник управления вооружений сухопутных войск Фридрих Фромм; генерал-квартирмейстер сухопутных войск генерал артиллерии Эдуард Ватер. Последний после 20 июля 1944 г. покончил жизнь самоубийством, поскольку был замешан в заговоре. Гудериан 21.7.1944 г. был назначен начальником генерального штаба сухопутных войск, так как ранее предназначавшийся на эту должность генерал Буле был ранен при покушении на Гитлера 20 июля 1944 г. в ставке фюрера «Волчье логово».

⁴⁷⁴ Об этой ситуации и планах начальника ОКВ говорится в дневнике начальника штаба армии резерва генерала Кёлера: «7.1.[19]42 г.

К сожалению, настойчиво отстаивавшееся мною предложение учредить должность генерального инспектора сухопутных войск (ибо начальнику генерального штаба этих войск требуется поддержка) так и осталось несуществующим.

После этой неудачи я видел только один путь решительно уменьшить перегрузку фюрера функциями Верховного главнокомандующего вермахтом и одновременно главнокомандующего сухопутными войсками — следовало осуществить подразделение всех театров войны на отдельные, со своими главнокомандующими, вполне естественно обремененными расширенными полномочиями в отношении всех видов вооружен-

---

Беседа Буле с Кейтелем. Тот [Кейтель] отстаивает свою точку зрения: разделение функций ОКХ и ОКВ должно сохраняться и впредь. Буле считает своей задачей дать фюреру ясное представление о трениях внутри сухопутных войск и помочь их смягчению. Не хочет вмешиваться в персональные вопросы. Представитель генерального штаба заявляет: Фромм не должен сразу же обращаться к адъютанту [фюрера]. 21.3.[19]42 г. Командующий [Фромм] несколькими определяющими словами информирует о деятельности Канариса... Характеризует отдельные личности. Гальдер — внутренне сломленный, совершенно необщительный, недоверчив ко всем и ко всему. Хойзингер (начальник оперативного отдела ОКХ. — *Прим. пер.*) — главная опора; просил о своей отставке, ибо никто не говорит фюреру правды о положении. Йодль надорвался в ругани и брани по адресу сухопутных войск, которые не воюют, а, самое большее, пригодны для войн-«прогулок», как в Польше и во Франции. Уничтожающий приговор дурацкому застолью (Гитлера) и его сотрапезникам в ставке фюрера. Кейтель — никакого влияния не имеет. Мальчик для битвы, хотя и проявляет добрую волю, чего у него не отнять... 9.7.[19]42 г. Кейтель знает, что от руководства операциями он полностью отстранен Йодлем, а от решения всех вопросов вооружения — Шпеером. По всем другим вопросам ОКВ и сухопутных войск он полностью отвечает лично перед фюрером. Со стороны сухопутных войск его никто не ориентирует; докладывая фюреру, он плавает, и тот смотрит на него именно как на козла отпущения. [Кейтель] старается сохранять свое влияние на сухопутные войска или же расширить его за счет полномочий Фромма, ослабить положение последнего и подорвать его авторитет... Возникшая после ухода фельдмаршала фон Браухича напряженность между Кейтелем и Фроммом. Причина: двойственное положение Кейтеля как начальника ОКВ и одновременно представителя фюрера во всех делах сухопутных войск, но без права касаться самих операций. <...>

ных сил. Это и явилось бы тем самым новым путем, начало⁴⁷⁵ которому ОКВ, имевшее уже хороший опыт, положило на Западе, в Италии и на Балканах.

Практически это означало:

1. Учреждение поста главнокомандующего фронтом «Восток» (с полномочиями главнокомандующего вооруженными силами).

2. Расширение полномочий всех главнокомандующих фронтами.

3. Ограничение компетенций генерального штаба сухопутных войск исключительно его центральными задачами на всех фронтах.

4. Ограничение компетенций ОКВ (штаба оперативного руководства) ведением войны на всех военных театрах под общим руководством и командованием фюрера.

Это предложение неоднократно и самым настоятельным образом отстаивалось мною, а также и другой стороной⁴⁷⁶,

---

⁴⁷⁵ Ударение здесь следует сделать именно на слове «начало». Генерал-фельдмаршал Кессельринг, главнокомандующий фронтом «Запад» (группа армий «Ц» в Италии), один из этих квазиглавнокомандующих, видел в этом решении наилучший выход в рамках Второй мировой войны. Его рецепт гласил: начальник генерального штаба вермахта, сохранение военного министерства (сухопутные войска и военноморской флот) и министерства авиации, командный штаб с «группой планирования» при начальнике генерального штаба вооруженных сил; для каждого театра войны — свой главнокомандующий.

⁴⁷⁶ См. об этом дневники генерал-фельдмаршала Мильха (фотокопия — в Архиве по истории воздушной войны, Гамбург-Бланкензее), запись от 28.1.1943 г. В беседе с генералом Шмундтом Мильх предложил: пусть фюрер откажется от решения частных вопросов сухопутных войск и (как это сделано на Западе и Юге) назначит главнокомандующего вооруженными силами также и на Восточном фронте. В случае назначения при фюрере главнокомандующих фронтами надо создать генеральный штаб всех вооруженных сил. Шмундт отвечает Мильху: сам он придерживается примерно таких же взглядов, что и генерал-фельдмаршал фон Манштейн вместе с генерал-полковником фон Рихтхофеном (тогда — командующий 4-м воздушным флотом). Пусть Мильх лично изложит свою точку зрения в ставке фюрера. Мильх готов сделать это при первой же возможности «спокойного обсуждения» с фюрером, желательно в присутствии имперского министра Шпеера. Генерал-фельдмаршал фон Манштейн в

но натолкнулось на бескомпромиссное отклонение его фюрером. Впрочем, думаю, это было вопросом его доверия ко мне⁴⁷⁷. <...>

своих воспоминаниях «Утерянные победы» упоминает, что он трижды пытался изложить Гитлеру свой план реформы структуры высших органов: неотложное введение поста начальника генерального штаба вооруженных сил и назначение «главнокомандующего Восток», под его, фюрера, верховным руководством.

⁴⁷⁷ Гитлер, по словам Кейтеля в заключительной части его рукописи, после увольнения фон Бломберга уклонился от назначения нового имперского военного министра. Хотя начальник ОКВ и получил ранг министра — это был лишь титул без соответствующих полномочий. По своему рангу Кейтель соответствовал главнокомандующему одного из видов вооруженных сил. Но, кроме единственного случая 4.2.1938 г., он ни разу не присутствовал на заседаниях кабинета, которые, кстати, и не проводились. Зато в обязанности начальника ОКВ входило ведение переговоров с управлениями различных министерств. В заседаниях вновь созданного имперского совета обороны Кейтель участвовал всего два-три раза. В дальнейшем распоряжения ОКВ отдавались в обычной письменной форме.

Часть рукописи, судя по пометкам Кейтеля на полях (за исключением разделов о проблемах руководства), была передана Международному военному трибуналу в Нюрнберге. Рукопись являлась основой для показаний при предъявлении защиты своих доказательств (IMT-Prozess, Bd. XI, S. 355 ff). Документ «Кейтель-8» содержит его сделанное под присягой 8.3.1946 г. заявление о взаимоотношениях руководящих органов государства и вермахта. Кейтель показывает, что ОКВ имело в отношении вермахта функцию, аналогичную той, какую осуществляла Имперская канцелярия в отношении государственного аппарата. Во время войны ОКВ все более и более превращалось в посреднический орган. И здесь Кейтель тоже ссылается на вечно не исчезающее недоверие Гитлера: тот, мол, никогда не прислушивался к военным, у него к ним сердце не лежало...

Документ «Кейтель-9» содержит сделанное им совместно с Йодлем 29.3.1946 г. под присягой заявление об отношениях ОКВ с генеральным штабом сухопутных войск. Оба они заявили: на их взгляд, «принцип фюрера» не есть национал-социалистическое изобретение, а является требованием современного военного руководства, существование же генерального штаба было оправдано только в монархическую эру. Оба заявили не только о своей принадлежности к «генералитету старой школы», воспитанному на идеях Клаузевица и Мольтке-старшего, но и о своей приверженности нынешнему принципу руководства, присущему войне нового времени. Они не отрица-

Письма к жене в военные годы⁴⁷⁸

Ставка фюрера 3.8./19/43 г.

<...> Телефон непригоден, чтобы говорить о нашем положении и о той опасности, которой воздушная война грозит нашим городам. Гамбург⁴⁷⁹ — уже сейчас полная катастрофа, а в последние дни совершен новый крупный налет авиации. Того же самого следует ожидать и Берлину, как только ночи станут длиннее и благодаря этому дальность полета вражеской авиации увеличится. Поэтому я хочу, чтобы ввиду угрозы пожаров, которые куда опаснее фугасных бомб, ты как можно скорее уехала из Берлина. <...>

Я боюсь огромных пожаров, охватывающих целые районы, пылающих потоков нефти, врывающихся через окна и в подвалы, фосфора и т.п. Тогда выбраться из бомбоубежища будет трудно, к тому же жара станет нестерпимой. Это вовсе никакая не трусость, а просто осознание собственного бессилия против тех последствий, с которыми в городском массиве поделаться ничего нельзя. <...>

Больше мне особенно сообщать не о чем, все в движении, да надо еще поглядеть, как пойдут дела в Италии в новой ситуации. Бадольо⁴⁸⁰ заверил: он будет воевать и дальше и согласился

ли наличия патриотизма у придерживающихся традиций офицеров генерального штаба, но считали, что те стремились защитить свои старые привилегии.

⁴⁷⁸ По сообщению членов семьи фельдмаршала (в частности, его сына, подполковника в отставке К.Г. Кейтеля), Лиза Кейтель все находившиеся в ее распоряжении письма мужа уничтожила. В «Бумагах Нельте» (*В. Кейтель*. Оригиналы, личные письма) обнаружилось, однако, семь адресованных ей писем фельдмаршала, относящихся к 1938—1944 гг. Частично они написаны карандашом, частично — чернилами. Присущая Кейтелю корректность не позволила ему даже в личных письмах обсуждать деловые вопросы.

⁴⁷⁹ Речь идет о крупных воздушных налетах вражеской авиации на Гамбург в июле — начале августа 1943 г., означавших первое решающее поражение германской ПВО в борьбе за безопасность территории рейха.

⁴⁸⁰ Пьетро Бадольо, маркиз Саботино, герцог Аддисаббеский, маршал Италии. 25.7.1943 г. король Виктор-Эммануил 111 поручил ему сформировать новое правительство. О его действиях, первоначаль-

занять свой нынешний пост только на определенных условиях. Где Муссолини, никто не знает⁴⁸¹.

Ставка фюрера

29 августа 1943 г.

Когда именно в нашей жизни снова наступит блаженный покой, сказать не может никто. Пока же мы имеем войну — вот уже целых четыре года!! Никто не знает и того, когда же большевики станут на колени, а до тех пор ни о каком мире и речи быть не может!!

У тебя-то свободного времени порассуждать обо всем вполне хватает, а на меня отупляюще действует груз работы и куда большие заботы и неприятности. При всем при том мы идем еще и навстречу зиме; в такой холодный дождливый день это ясно каждому. В настоящее время на фронте творится черт знает что!⁴⁸² Остается рассчитывать только на передышку, когда наступит [осенняя] распутица (а это случится никак не раньше, чем через 4—6 недель, т.е. в середине октября). Я предполагаю тогда снова сменить свою [штаб] квартиру и податься куда-нибудь на юг⁴⁸³. <...> В середине недели состоится траурный акт в Софии⁴⁸⁴; я буду представлять там вермахт; вероятно, придется лететь...

но маскировавших подлинные намерения, см. в кн.: Pietro Bodoglio. *Italien im Zwellten Wfellokrieg. Leipzig-Munchen, 1947, S. 327.*

⁴⁸¹ Бенито Муссолини, дуче фашистской партии и королевский премьер-министр. После вотума недоверия, вынесенного ему Большим фашистским советом, 25 июля 1943 г. был по приказу короля смещен и арестован. После установления германской разведкой места его нахождения 12.9.1943 г. был освобожден командой парашютистов-диверсантов (во главе с обер-штурмбаннфюрером СС Отто Скорцени. См. об этом в кн.: Юлиус Мадер. *По следам человека со шрамами. М., 1963. — Прим. пер.*) из заключения в Гран Сассо (горный район Аббруццо): Затем создал в Северной Италии контрправительство, враждебное королю и Бадолью.

⁴⁸² Имеются в виду тяжелые арьергардные бои, особенно на Восточном фронте, отход германских соединений на линию Днестра в полосах групп армий «Юг» и «А» под командованием соответственно фельдмаршалов фон Манштейна и фон Клюге.

⁴⁸³ Т.е. в резиденцию фюрера «Бергхоф» около Берхтесгадена.

⁴⁸⁴ 28.8.1943 г. неожиданно, при загадочных обстоятельствах, скончался болгарский царь Борис III, поборник тесного сотрудничества с

Ставка фюрера

25.9.[19]43 г.

<...> В письмах и пожеланиях⁴⁸⁵, несмотря ни на что, 22-го недостатка не было, а нюансы не очень-то интересны. Однако заметно, как некоторые (а, пожалуй, могу сказать, многие) хотят сейчас показать себя дружелюбными и милыми; причем их гораздо больше, чем тех, кто довольствуется только вежливой формой поздравления. <...>

Рано утром — праздничный завтрак с адъютантами и комендантом [специального] поезда; подали яйца, жареную утку (холодную) — прямо-таки настоящее пиршество! В 11.00 я явился к фюреру принять его поздравление. Вечером, после возвращения с охоты⁴⁸⁶, был приглашен к фюреру на ужин. <...>

26.9.[19]43 г.

Столь загруженного работой периода, как последние недели и дни, у меня не было еще никогда. Мои адъютанты⁴⁸⁷ считают такую загрузку работой просто неопишуемой и удивляются, как это я все успеваю «переварить»⁴⁸⁸.

Поэтому приходится заниматься делами не только целый день, но и засиживаться вечерами допоздна, а то и до самого утра. Пока немного удается поспать, терпеть еще можно... Феликс Бюркнер⁴⁸⁹ прислал мне очень подробное письмо.

державами «оси» на Балканах. По официальному сообщению, смерть наступила вследствие инсульта, но вероятнее всего, царь был отравлен, впрочем, весьма кстати для Советов! Ввиду несовершеннолетия короля Симеона II власть в стране взял в свои руки регентский совет.

⁴⁸⁵ По случаю 61-летия фельдмаршала 22.9.1943 г.

⁴⁸⁶ Вылазка на охоту в районе восточнее Кёнигсберга, как можно полагать, была с 1940 г. первой и последней, которую за то время позволил себе фельдмаршал.

⁴⁸⁷ Майор Йон фон Фрейнд (по сухопутным войскам) и капитан Шимански (по люфтваффе).

⁴⁸⁸ Речь идет об особенно загруженном работой периоде после отпадения Италии 8.9.1943 г. от союза с Германией, что вызвало необходимость переработки старых и определения новых диспозиций вермахта в Италии и на Балканах.

⁴⁸⁹ Феликс Бюркнер, полковник в отставке — старый друг семьи Кейтеля, известный спортсмен-конник. Не был восстановлен на действительной военной службе, как можно предполагать, в связи с так

Он встретил какое-то непонятное сопротивление со стороны Шмундта, который ни за что не хочет дать ему должность. Но заявлять по этому поводу протест фюреру для меня — дело невозможное. <...>

Ставка фюрера

24.X./19]44 г.

Удастся ли мне дописать это письмо, сказать трудно, но начать все-таки нужно! Особенно сообщить не о чем, кроме того, что я вполне в добром здравии. Майор медицинской службы д-р Либерле измерил мне артериальное давление и остался доволен. Но с моим немного перевозбужденным, неврозным сердцем он ничего поделать не может. Однако органических изменений нет. <...> И всё-таки кое-что случилось! Во время автомобильной поездки на фронт погиб от смертельной травмы черепа Роммель⁴⁹⁰. Какая большая утрата, мы лишились полководца с искрой Божией!

называемым параграфом об арийцах, ввиду своего недостаточно безупречного расового происхождения.

⁴⁹⁰ Эрвин Роммель, генерал-фельдмаршал, к тому времени — командующий группой армий «Б» во Франции (фронт вторжения — Нормандия). Официально он 17.7.1944 г. при возвращении с передовой на автомашине был тяжело ранен в результате налета истребителей-бомбардировщиков. В действительности же, как указывалось выше, Роммель, замешанный в заговоре 20 июля 1944 г., по требованию Гитлера (переданному ему начальником управления кадров) 14.10.1944 г. покончил жизнь самоубийством. (См. Friedrich Ruge. Rommel und die Invasion. Stuttgart. 1959. S. 239.)

Таким образом, Кейтель в этом письме сознательно искажает истинные причины гибели Роммеля. Однако на Нюрнбергском процессе (см. «Бумаги Нельте» о Роммеле) он заявил, что лично с Роммелем никогда ничего общего не имел и никаким делом, связанным с гибелью фельдмаршала, не занимался.

В записке, предназначенной для д-ра Нельте, Кейтель лаконично зафиксировал: «Никакого сомнения. Роммель виновен в государственной измене. От него самого зависело: отвечать за содеянное перед судом или ради сохранения престижа покончить с собой. Он предпочел последнее. В знак признания его больших заслуг фюрер посчитал это сверпившимся возмездием и приказал похоронить со всеми воинскими почестями. (См. также: Nazi Conspiracy, Suppl. В. 1256 IT.)

А вчера в результате автомобильной катастрофы получил тяжкие телесные повреждения и Кессельринг. Подробностей пока не знаю: во всяком случае, он будет отсутствовать на фронте несколько месяцев, если вообще выживет. В темноте и на большой скорости он напоролся на орудие, получил рану головы и потерял сознание. Будем надеяться, что все обойдется! <...>

Теперь нам приходится вести бои на восточно-прусской земле, где русские прорвались с обеих сторон в Роминтерскую пустошь⁴⁹¹. Думаю, нам и на сей раз удастся все уладить, но сначала надо подкинуть туда побольше войск, что сейчас и делается.

Наше присутствие здесь действует на население весьма успешно. Русские просто не поверят, что мы — всё еще здесь, и это придает нам уверенности. Войск для защиты вполне достаточно! <...>

Ставка фюрера

1.11. [19]44 г.

<...> Этой ночью выезжаю в Торгау, в имперский военный суд, где должен ввести в должность нового председателя⁴⁹², да к тому же поговорить с этими господами, как их начальник. С Берлином соприкоснусь только на его дальней периферии при поездке назад. Вызову туда этих господ, они обязаны доложить мне о ходе своих дел, а потом в Фюрсгенвальде отпущу их восвояси.

После всех тягот особенно последних лет будем же и впредь надеяться на более счастливые дни! Ведь, собственно говоря, мы

По показаниям Кейтеля, данным 29.9.1945 г. на допросе американским полковником Джоном Аменом, Роммель по собственной инициативе поступил в соответствии с офицерскими традициями, сделав надлежащий вывод из своего поведения.

Для тщательного сохранения Кейтелем государственной тайны характерно, что даже своей жене действительных обстоятельств смерти Роммеля он не сообщил, а изложил лживую официальную версию.

⁴⁹¹ Речь идет об оборонительном сражении германских войск в Восточной Пруссии (октябрь 1944 г.) в районе Гумбинен-Гольдап, где 4-й армии под командованием генерала пехоты Хоссбаха удалось приостановить наступление 2-го Белорусского фронта.

⁴⁹² Генерал пехоты Ганс Карл фон Шееле.

пережили когда-то и Тридцатилетнюю войну (1618—1648 гг. — *Прим. пер.*), только с 1914 г., с некоторыми перерывами, у нас были времена беззаботные. Наше поколение и наши дети заслужили пожить и во времена с трудом добытого мира. <...>

Встреча в Тарвизе⁴⁹³

Запись беседы имперского министра иностранных дел с итальянским министром иностранных дел Гуариглья в присутствии генерал-фельдмаршала Кейтеля и генерал-полковника Амброзио 6 августа 1943 г.

В беседе участвовали Иоахим фон Риббентроп, генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель, министр иностранных дел Рафаэле Гуариглья (бывший посол в Турции) и генерал-полковник Витторио Амброзио (с 31.1.1943 г. начальник Верховного командования итальянских вооруженных сил). (См. об этом в указ. воспом. Бадольо. Согласно им, уже тогда были предприняты первые шаги к установлению контакта с западными державами.)

<...> Имперский министр иностранных дел фон Риббентроп открыл обсуждение констатацией: изменения, произошедшие в Италии, и «уход» дуче от власти возымели в Германии и произвели на фюрера «большое воздействие психологического и прочего рода». Он просил бы разъяснить положение и намерения нового правительства. Гуариглья подчеркнул: речь идет об исключительно «внутриитальянских» событиях. Поэтому король решил создать военное правительство во главе со старым солдатом маршалом Бадольо. Сам Бадольо первым делом заявил: Италия будет продолжать войну и «сдержит данное ею слово». Любое сомнение в верности этому слову глубоко бы ранило честь итальянцев.

Риббентроп ответил: у него нет желания сомневаться в заверениях Гуариглья. Однако многие события, произошедшие в Италии при смене правительства, вызывают опасения. Гуариглья еще раз попытался внести успокоение. Риббентроп подчеркнул опасности, которые возникли бы в результате возрождения ста-

---

⁴⁹³ Тарвиз — курортный городок в Австрии вблизи югославской границы. — *Прим. пер.*

рых партий, особенно коммунистической. Итальянский министр иностранных дел заверил: положение нормализовано и никакого зондажа в отношении вражеских держав не ведется.

[Далее цитируется текстуальная запись обсуждения.] <...> По настоянию имперского министра иностранных дел генерал-полковник Амброзио сообщил о военных планах правительства Бадольо. Он, прежде всего, подчеркнул: война [на стороне Германии] продолжается. Он подчеркнул далее и то, что в результате данных событий в Италии в военном отношении ничего не изменилось, поскольку военные круги как по своим склонностям, так и в смысле своего влияния полностью остались вне хода политического развития. Поэтому сотрудничество в военной области будет и дальше идти в точности так, как это согласовано. Однако итальянское Верховное командование весьма обескуражено тем, что многочисленные германские дивизии переброшены в Италию без предварительного уведомления, имевшего место прежде. Кроме того, оно удивлено и распределением этих дивизий на итальянской территории.

Амброзио пожаловался на то, что итальянцы зачастую перестают быть хозяевами в собственной стране. Он утверждал, что фюрер в своем двухчасовом выступлении в Фёльтре⁴⁹⁴ обрисовал директивы об обороне Италии с юга до севера и с севера до юга, которые больше не соблюдаются. Теперь [германские] дивизии направляются в Италию без предварительного уведомления, а частично даже продвигаются вперед с применением силы. Сосредоточение германских войск больше не отвечает интересам Италии, а проводится только в интересах Германии. В данной связи Амброзио упомянул также и о стягивании германских войск к Риму.

Фельдмаршал Кейтель ответил: он лично присутствовал в Фёльтре, когда фюрер заявил там, что Италия получит от Германии и в дальнейшем любую возможную помощь за счет отсрочки определенных военных действий на других театрах войны. Чрезвычайно обострившееся положение на Сицилии⁴⁹⁵ потребовало срочно привести в движение все еще имею-

---

⁴⁹⁴ Место около Вероны, где 19.6.1943 г. состоялось последнее перед переворотом Бадольо совещание Гитлера и Муссолини.

⁴⁹⁵ 9—10.7.1943 г. англо-американские войска высадились на о. Сицилия.

щиеся в нашем распоряжении войска, чтобы (после того как итальянские соединения показали себя несостоятельными) оказать соответствующую поддержку германским дивизиям на Сицилии. Ведь германские войска и так вынуждены нести на себе все бремя войны. Таким образом, сюда были переброшены германские соединения со всех театров войны — с Востока, Севера и Запада. Он, Кейтель, в беседе с Амброзио (во время обратной поездки из Фельтре на аэродром) лично дал согласие предоставить четыре дивизии — наверняка, а еще две дивизии — предположительно. А посему он крайне удивлен тем, будто многие дивизии прибыли в Италию без предварительного уведомления. Предварительные уведомления во всех случаях производятся на границе через местные итальянские органы, и, таким образом, всегда имеется возможность получить недостающие сведения о передвижении германских войск. [Далее слова неразборчивы.]

Ему, Кейтелю, странно слышать, что широко осуществляемая переброска соединений с Восточного фронта и вновь сформированных частей из Франции представлена Амброзио так, будто «Италия больше не является хозяином в собственном доме». Он [фельдмаршал] сожалеет, что дальнейшие усилия ОКВ вновь упорядочить обострившееся в результате внутривойсковых событий положение изображается таким образом, словно это делается против воли итальянского народа. Здесь — явное недоразумение, вызванное плохим состоянием итальянских железных дорог. Жалобы на поведение германских войск он готов рассматривать только в тех случаях, когда эти войска имели поводы для аналогичных жалоб на недопустимое отношение к ним самим.

Генерал-фельдмаршал Кейтель подробно остановился на вступлении германских соединений в Южную Италию и группы армий «Центральная Италия», а также на переброске как можно более крупных сил в Северную Италию. Все эти передвижения германских войск постоянно служат предметом обсуждения; к генералу Роатте⁴⁹⁶ трижды обращались с просьбой о согласии на это с итальянской стороны. Железнодорож-

---

⁴⁹⁶ Марио Роатта, генерал армии, начальник генерального штаба итальянских сухопутных войск.

ные эшелоны с перебрасываемыми дивизиями в данный момент растянулись от Бреннерского перевала до Калабрии. Это особенно относится к частям 20-й и 29-й танковых дивизий и части дивизий «Герман Геринг». Дальнейшие подкрепления могут быть переброшены на юг только после того, как будет обеспечено снабжение этих дивизий.

Когда генерал-полковник Амброзио стал слишком вдаваться в подробности, имперский министр иностранных дел предложил ему высказаться о дальнейшем ведении войны вообще. Он [Риббентроп] хотел бы заметить по этому пункту следующее...⁴⁹⁷ <...>

Кейтель о заговоре 20 июля 1944 г.

**Вопросы господину генерал-фельдмаршалу в отставке
В. Кейтелю от 20 июля 1944 г.⁴⁹⁸**

Вопрос: Каковы были, по вашему мнению, более глубокие причины путча 20 июля 1944 г.?

Ответ: Недовольство Гитлером, а также политической системой и ведением войны. Поскольку добровольный отказ Гитлера от власти казался исключенным, заговорщики решили

---

⁴⁹⁷ Далее Риббентроп выразил свою абсолютную уверенность в победе как над коммунистами, так и над англичанами и американцами. Он призвал Амброзио уточнить военные планы Италии. Но тот ограничился общими фразами. Во время продолжавшейся во второй половине дня 6.8.1943 г. беседы (см. фотокопию ее записи там же) выступили Риббентроп и итальянский министр иностранных дел. Риббентроп добивался для Гитлера личной аудиенции у короля Виктора-Эммануила III.

⁴⁹⁸ Вопросы были подготовлены немецким адвокатом д-ром Отто Нельте для допроса своего подзащитного Кейтеля в качестве свидетеля на заседании Международного военного трибунала в Нюрнберге (см. «Бумаги Нельте»). На оригинале имеются собственноручные пометки фельдмаршала, а также его многочисленные подчеркивания красным и синим карандашом, которые свидетельствуют о том, что он, по своей привычке, сделал их на машинописном тексте с целью основательнее подготовиться к перекрестному допросу. Документ публикуется нами для характеристики отношения Кейтеля к заговору 20 июля 1944 г., а также потому, что в его воспоминаниях он отсутствует.

устранить его. Тем самым они хотели одновременно освободить солдат и чиновников вермахта от присяги [фюреру]. Имелась ли и какая именно политическая система, считавшаяся ими приемлемой, мне неизвестно. В военной области, насколько я знаю, намерения закончить войну путем капитуляции не было. Имелся приказ Вицлебена⁴⁹⁹ как «Верховного главнокомандующего вооруженными силами», который был отвергнут всеми получившими его⁵⁰⁰.

Далее, аналогичные приказы были направлены командованиям отдельных военных округов, но также выполнены не были⁵⁰¹.

Вопрос: Были ли заметны заранее какие-либо признаки или имелись ли какие-либо сообщения, позволявшие предположить существование этого движения с целью государственного переворота?

Ответ: Для ОКВ и для меня — нет. Гитлер никаких сообщений или предупреждений на сей счет не получал. Со мной он об этом не говорил ни до, ни после покушения. В ходе след-

---

⁴⁹⁹ Эрвин фон Вицлебен, генерал-фельдмаршал; с 1942 г. по состоянию здоровья уволен с действительной военной службы. Заговорщики предполагали назначить его Верховным главнокомандующим вермахта при имперском наместнике, которым должен был стать генерал-полковник в отставке Людвиг Бек. Казнен 8 августа 1944 г.

⁵⁰⁰ Предположительно имеется в виду шифротелеграмма № 1 (FRR-НОКВ 02150 от 20.7.1944, 16.45, совсекретно). Согласно этой телеграмме, разосланной в войска под кодовым названием «Внутренние беспорядки», Вицлебен после узурпации им поста Верховного главнокомандующего вермахта передавал всю исполнительную власть на местах главнокомандующим фронтами «Запад», «Юго-Запад», «Юго-Восток», а также командующим группами армий на Восточном фронте. См. об этом документальную публикацию: E. Zimmermann, H.A. Jacobsen. 20. Juli 1944. Bonn, 1960.

По этому вопросу см. также: *Курт Финкер*. Заговор 20 июля 1944 г.: Дело полковника Штауффенберга. Перев. с нем. М., 1975; *Д.И. Мельников*. Заговор 20 июля 1944 года в Германии. М., 1962 и его же статью в журнале «Новая и новейшая история», 1984, № 4. — *Прим. пер.*

⁵⁰¹ Однако этот приказ был все же выполнен (кроме главнокомандующего войсками во Франции) заместителем командира корпуса XVII военного округа (Вена) генерал-полковником танковых войск Гансом Карлом Эзенбеком. В IX (Кассель) и XII (Нюрнберг) военных округах были приняты подготовительные меры для его осуществления.

ствия было установлено, что некоторые офицеры ОКХ и абвера (в Берлине) о намеченном покушении знали, но не донесли⁵⁰².

Вопрос: Я не хотел бы расспрашивать вас о подробностях путча, ибо для вашей защиты это несущественно. Скажите только: участвовал ли в путче хотя бы один командующий фронтом?

Ответ: Нет. Участвовал ли вообще какой-либо из командующих фронтами в планировании путча, остается невыясненным. Насколько мне известно, никто⁵⁰³. Попытка генерала Бека установить связь с ними не удалась⁵⁰⁴.

Вопрос: Какую роль играли в этом деле вы сами?

Ответ: Я присутствовал при взрыве бомбы в (картографическом) деревянном бараке ставки Гитлера «Волчье логово» при обсуждении обстановки (когда полковник Штауффенберг, подложив бомбу с часовым механизмом под бетонную плиту стола, быстро удалился и, преодолев несколько зон охраны, благополучно улетел в Берлин. — *Прим. пер.*) и по приказу фюрера, который продолжал без помех осуществлять свою правительственную и командную власть, отдал требовавшиеся распоряже-

---

⁵⁰² Только в одном Берлине в заговоре участвовали: начальник штаба армии резерва полковник граф Клаус Шенк фон Штауффенберг, начальник управления общих дел ОКХ генерал пехоты Ольбрихт, комендант города генерал фон Хазе, инспектор запасных формирований генерал танковых войск барон фон Тюнген и многие офицеры генерального штаба сухопутных войск.

⁵⁰³ В действительности же о плане государственного переворота знали, прежде всего, командующий группой армий «Юг» (Фронт вторжения) генерал-фельдмаршал Роммель (официально, как уже указывалось, погибший в результате авиационного налета 17.7.1944 г.), а также назначенный 11.7.1944 г. главнокомандующим фронта «Запад» (группа армий «Д») генерал-фельдмаршал фон Клюге, временно (с 19.7.1944) командовавший и группой армий «Б». После смещения (19.8.1944) Клюге покончил с собой, испугавшись, что за соучастие в заговоре будет привлечен к уголовной ответственности. Однако, как мы полагаем, начальник ОКВ фактически мог этого не знать, и это для него было необязательно.

⁵⁰⁴ Это относится к попытке «имперского регента» Бека установить контакт с группой армий «Север» и начать вывод войск из «Курляндского бастиона» (Латвия). См. об этом в воспоминаниях тогдашнего начальника штаба группы армий «Север» генерал-полковника Ганса Фризнера: Hans Friesner. Verratene Schlachten. Hamburg, 1956, S. 30 f.

ния всем составным частям вермахта и командующим военными округами⁵⁰⁵.

Вопрос: Я спрашиваю вас о 20 июля 1944 г. только потому, что на предварительном следствии вы обвинялись в том, что виновны в смерти фельдмаршала Роммеля или были причастны к ней⁵⁰⁶.

Ответ: Роммель был сильно скомпрометирован показаниями одного подполковника из штаба командующего войсками во Франции. Фюрер показал мне протокол допроса и велел вызвать к себе Роммеля через начальника управления лично-

---

⁵⁰⁵ В качестве примера воздействия Кейтеля на командующих военными округами можно привести свидетельство заместителя командующего II военным округом (Штеттин, ныне — Щецин в Польше. — *Прим. пер.*) генерала пехоты Вернера Киница (рукопись от 21-22.2.1953 г. из архива нем. изд.). Киниц вспоминает телефонный блиц-разговор с Кейтелем, который в весьма возбужденном состоянии сообщил ему из ставки фюрера: «Штауффенберг совершил покушение!» Затем фельдмаршал, весьма взвинченный, продолжал кричать в телефонную трубку: «Я вас всех выведу на чистую воду!» В ответ Киниц: «Господин фельдмаршал, не знаю, за что мне такое недоверие?» Кейтель извинился за свой резкий тон и приказал Киницу не выполнять распоряжения, поступающие из Берлина от заговорщиков. Генерал танковых войск барон фон Эзбек (XVI военный округ) тоже свидетельствует: немного позже 20-ти час: 20 июля 1944 г. после обрыва связи с берлинской Бендлерштрассе (где размещалось военное министерство. — *Прим. пер.*), там находился полковник Штауффенберг, ему позвонил начальник ОКВ и задал вопрос: что тот собирается делать? «Приказы из Берлина — фальшивка!» — заверил Кейтель (свидетельские показания Эзбека от 18.12.1960 г.).

⁵⁰⁶ См. по этому вопросу уже цитировавшийся нами выше протокол допроса Кейтеля представителем американского обвинения Эйменом. Этот тягостно дотошный допрос показывает, чего именно никак не мог уяснить себе американский офицер, поскольку ему, вполне естественно, был совершенно чужд прусский кодекс чести. Фельдмаршал же Кейтель исходит из привитого ему представления, что офицер, да еще занимающий высокий пост, сам должен сделать вывод из своих противоречащих (на взгляд начальника ОКВ) чести поступков и использовать для того любую возможность. На допросе Кейтель высказал восхищение воинскими успехами Роммеля и его храбростью. Но он явно считал яд гораздо лучшим средством покончить с собой, чем традиционная пуля в лоб, ибо опасался грандиозного скандала в случае, если бы стало известно о самоубийстве Роммеля или же вынесенном ему Народным трибуналом приговоре.

го состава⁵⁰⁷. Роммель явиться отказался, ибо был нетранспортабелен. Тогда фюрер приказал послать к Роммелю своего шеф-адъютанта с протоколом и письмом, которое я написал под диктовку Гитлера. В этом письме Роммелю предлагалось на выбор: если он чувствует себя невиновным, явиться к фюреру, в противном случае арест его неминуем, и ему, естественно, придется держать ответ перед судом. Пусть оценит ситуацию сам и сам же, надо полагать, сделает надлежащий вывод. После ознакомления с протоколом и письмом Роммель спросил, известен ли фюреру этот протокол, а затем попросил генерала Бургдорфа дать ему время на размышление. Бургдорф получил личное приказание не допустить самоубийства из пистолета и предложить Роммелю яд — это даст возможность связать официальную причину смерти фельдмаршала с черепной травмой при автокатастрофе и позволит устроить ему, ради сохранения престижа в народе, пышные похороны. Совместная поездка [Роммеля и Бургдорфа] к врачу в Ульме привела затем к смерти от отравления ядом. По категорическому желанию Гитлера, истинную причину смерти Роммеля следовало сохранить в тайне, и фельдмаршалу были устроены государственные похороны со всеми полагающимися почестями.

Кейтель: «Суд чести»

Судебный процесс над изменниками из рядов вермахта в связи с заговором 20 июля 1944 г.⁵⁰⁸

В день путча 20.7. [19]44 г. в ставке фюрера первоначально возникло впечатление, что покушение [на Гитлера] и сам заговор связаны только с сухопутными войсками, а военно-морской флот и люфтваффе к ним не причастны. Поэтому первым распоряжением фюрера явился прилагаемый декрет⁵⁰⁹, которым

---

⁵⁰⁷ Вильгельм Бургдорф, уже упоминавшийся генерал пехоты, шеф-адъютант по вермахту при Гитлере, а на 20.7.1944 г. — начальник указанного управления.

⁵⁰⁸ Рукопись фельдмаршала Кейтеля («Бумаги Нельте»). Оригинал — машинописный.

⁵⁰⁹ Согласно служебному дневнику начальника управления кадров, это был документ о назначении рейхсфюрера СС и шефа германской

все полномочия в отношении армии резерва и всех военных органов на территории Германии, включая ОКВ (кроме полномочий главнокомандующих военно-морского флота и люфтваффе), передавались рейхсфюреру СС Гиммлеру. С этими полномочиями Гиммлер во второй половине дня 20 июля вылетел в Берлин.

Фюрер как Верховный главнокомандующий и глава государства решительно стоял за то, чтобы в этом угрожающем положении, в возникновении которого участвовали и гражданские круги, Гиммлер использовал полицию. Тем самым ему как командующему армией резерва было отныне разрешено использовать полицию в качестве вспомогательной карательной организации.

На следующий день (когда стало известно, что главнокомандующий военно-морского флота распорядился арестовать как участников заговора или подозреваемых двух офицеров, а главнокомандующий люфтваффе — одного офицера) мною был получен приказ фюрера⁵¹⁰:

«Гестапо (СД) назвало главнокомандующим составными частями и вермахта фамилии военнослужащих, участие которых очевидно, т.е. почти доказано. Доложить мне, как фюреру и Верховному главнокомандующему, фамилии этих офицеров для бессрочного увольнения из Вооруженных сил и отправки их в гестапо».

Что касается сухопутных войск, фюрер, кроме того, распорядился создать для уже арестованных командующим армией резерва и находящихся в гестаповской следственной тюрьме офицеров специальный «суд чести» из генералов, которому вменялось в обязанность определить, каких именно подозреваемых лиц следует с позором изгнать из вермахта.

В состав «суда чести» вошли: генерал-фельдмаршал фон Рундштедт, генерал-фельдмаршал Кейтель, генерал-полковник Гудериан (начальник генерального штаба сухопутных войск), генерал-лейтенант Шпехт (начальник пехотного училища

полиции (а с 1943 г. — имперского министра внутренних дел) Генриха Гиммлера (1900—1945) начальником вооружения сухопутных войск и командующим армией резерва (Ersatzarmee).

⁵¹⁰ Предположительно, ссылка на декрет Гитлера от 20.9.1944 г. о наказании военнослужащих вермахта за политические преступления.

в Потсдаме) [в 1953 г. покончил жизнь самоубийством в советском плену].

На основе данных предварительного полицейского расследования «суду чести» надлежало представить фюреру предложение, которое могло содержать следующие альтернативы:

а) Изгнание из вермахта	}	Для осуждения Народным трибуналом
б) Временное увольнение с намерением в дальнейшем использовать вновь		
в) Дисциплинарное расследование	}	В тех случаях, когда действия или упущения по службе были незначительны
г) Немедленное освобождение		

Протоколы заседаний «суда чести» вел начальник управления кадров или его постоянный представитель генерал-майор Майзель.

Каждое отдельное дело тщательно изучалось. Принятое голосованием членов суда (почти всегда единогласно или же большинством) предложение передавалось фюреру на окончательное решение. Во всех случаях он использовал предложение суда в качестве основы своего решения, одобрял его и придавал ему законную силу.

Сначала фюрер согласился с моим предложением предать виновных Имперскому военному суду. Только после доклада имперского министра юстиции Тирака⁵¹¹, который, ввиду уже произведенного осуждения многих арестованных гражданских лиц, считал это пригодным методом и подчеркивал, что такие дела подлежат рассмотрению именно трибуналом (типа военно-полевого суда); фюрер, несмотря на мое возражение, все-таки решил оставить вынесение приговоров за Народным трибуналом.

---

⁵¹¹ Отто Георг Тирак, имперский министр юстиции с 1942 до 1945 г.; до того был председателем так называемого Народного трибунала. Покончил жизнь самоубийством в 1946 г.

Судопроизводство в отношении военнотружущих вермахта осуществлялось таким образом, что «суд чести» сухопутных войск представлял фюреру и главнокомандующему этими войсками лишь свои предложения. Таким образом, армия сама принимала решение об изгнании.

Для периода после 20.7.[19]44 г. было совершенно правильно и закономерно, что на основе предоставления Гиммлеру полномочий командующего армией резерва офицеры сухопутных войск подвергались аресту гестапо, а само предварительное следствие велось органами СД без привлечения к нему судейских чиновников вермахта.

Правильно далее и то, что «суд чести» сухопутных войск подходил к каждому отдельному случаю с точки зрения необходимости его судебного рассмотрения на основании полицейского расследования (если только офицеры-фронтовики не были уже арестованы на месте своими офицерами и военными судьями). Но судьбу офицеров и генералов решал отнюдь не «суд чести»: он только большинством голосов предлагал фюреру, как поступить в том или ином индивидуальном случае. Изучение дел проводилось с величайшей доброжелательностью, ошибок (как показал дальнейший ход событий) допущено не было. Итак, затем фюрер принимал свое решение об изгнании из вермахта и переадресовывал дело гестапо для передачи в Народный трибунал.

Насколько память мне не изменяет, Народным трибуналом было вынесено три или четыре оправдательных приговора. 32 человека приговорены к смертной казни. «Судом чести» было рекомендовано применить дисциплинарные наказания и увольнение из армии примерно в 20 случаях. Но даже и после 20.7.[19]44 г. право гестапо применять насильственные меры в отношении военнотружущих вермахта по подозрению в государственной измене оставалось ограниченным. В остальном же продолжали действовать общие для вооруженных сил преимущественные права вермахта в сравнении с полицией; права эти сохранялись и уважались, как и прежде⁵¹².

---

⁵¹² Генерал-полковник Гейнц Гудериан (генеральный инспектор танковых войск, с 20.7.1944 г. исполнявший обязанности начальника генерального штаба сухопутных войск) в своих «Воспоминаниях сол-

<...>

а) Генерал-полковник Бек. Вопрос о его замене на посту начальника генерального штаба сухопутных войск Бломбергом был решен Гитлером еще 4.2.[19]38 г. предварительно, а не позже осени того же года — необратимо.

Поэтому разработка плана «Гельб» (Чехословакия) с самого начала была передана фон Браухичу и Гальдеру. Бек был сильно оскорблен своим отстранением от этой разработки и сделал отсюда вывод о неминуемой и скорой отставке, ибо при данных обстоятельствах считал себя «не в состоянии возглавить подготовку офицеров генштаба» к предстоящей операции. Фон Брау-

---

дата» констатирует следующее. Сначала он, ссылаясь на перегрузку делами, попытался уклониться от включения в состав «суда чести», но это ему не удалось. На заседаниях суда он по большей части отсутствовал. По настоянию Кейтеля Гудериан на нескольких заседаниях все же присутствовал. Его глубоко потрясло, и он с гневом убедился в том, что уполномоченные вести предварительное следствие высшие чины — начальник Главного управления имперской безопасности Кальтенбруннер и начальник управления Государственной тайной полиции (гестапо, оно же — IV управление РСХА) обергруппенфюрер СС Генрих Мюллер — не только не проявляли никакого понимания мотивов действий офицеров и генералов вермахта, но и относились к ним с ненавистью и враждой, всячески демонстрируя свое превосходство над ними. «Присутствуя на этих мрачных расследованиях, — писал Гудериан, — невольно вступаешь в величайший конфликт с собственной совестью. Следует обдумать каждое сказанное тобой слово, если только не хочешь оправданием одного навлечь вину на другого, еще не опознанного и даже на уже арестованного товарища» (S. 313). А ведь надо учесть, что сам Гудериан был решительным противником государственного переворота 20 июля 1944 г.

⁵¹³ См. «Бумаги Нельге», рукопись Кейтеля от 25.4.1946 г. под заголовком «Свидетель д-р Гизевиус», написанная в качестве комментария к выдвинутым последним тяжким обвинениям в адрес начальника ОКВ Гансом Берндтом Гизевиусом (гестаповец, ставший в конце войны благодаря своим связям с Канарисом и кругами заговорщиков германским вице-консулом в Швейцарии. — *Прим. пер.*). В книге Hans Berndt Giseviuse. Bis zum bitteren Ende. Munchen, 1946 дается также подробная характеристика этого круга. Гизевиус выступал на Нюрнбергском процессе в качестве главного свидетеля американского обвинения (см. IMT-Prozess, Bd. XXII).

хич обсуждал этот инцидент с Гитлером, который соглашается с таким обоснованием замены Бека и отклоняет сначала предусматривавшееся назначение последнего командующим одной из групп армии⁵¹⁴.

б) Генерал Фридрих Ольбрихт еще со времени службы под началом Бска в Дрездене был близок с ним и признавал его авторитет⁵¹⁵.

в) Фельдмаршал фон Вицлебен поздней осенью 1941 г. по состоянию здоровья был по собственной просьбе отправлен в бессрочный отпуск. После его прощального визита Гитлер сказал о нем: такого столь обремененного болезнями человека вряд ли он когда-нибудь сможет использовать снова. Позже весьма обеспокоенный фон Вицлебен написал мне письмо⁵¹⁶. <...>

г) Генерал Ольбрихт — жертва графа Штауффенберга, являвшегося начальником штаба [армии резерва]. Ольбрихт был ревностным офицером-фронтовиком. Во время Польской кампании в числе немногих командиров дивизий был награжден Рыцарским крестом [Железного креста]. В результате своего озлобления, вызванного несправедливым выговором фюрера, дал Штауффенбергу воспользоваться этой обидой. Никаким революционером он не был, а был просто мягкотелым человеком (типичный саксонец!).

---

⁵¹⁴ В дополнениях к фрагментарно написанной рукописи Кейтель подчеркивает, что Бек и Вицлебен в 1944 г. не пользовались доверием в сухопутных войсках. «Каждый знал, что они — настоящие развалины». Но еще более важным являлось то, что они были совершенно неизвестны молодому поколению немцев.

⁵¹⁵ Фридрих Ольбрихт, генерал пехоты, начальник управления общих дел ОКХ.

⁵¹⁶ Далее в рукописи Кейтеля следуют сведения об отдельных участниках заговора 20 июля 1944 г., в частности, о генерал-полковнике в отставке Гёпнере, но опять же с ложным указанием на то, что тот по ходатайству командующего группой армий «Центр» генерал-фельдмаршала фон Бока в 1941 г. (во время разгрома немецко-фашистских войск под Москвой. — *Прим. пер.*) был «наказан» фюрером за «неповиновение», о чем уже говорилось. С другой стороны, в связи с инцидентом с генерал-фельдмаршалом Листом (которого Гитлер несправедливо сместил, что глубоко ожесточило против него этого заслуженного военачальника) Кейтель сказал, что считает своим долгом «уладить» это дело так же, как с генералом Гёпнером. Это говорит о том, что Кейтель сомневался, вправе ли Гитлер прибегать к таким наказаниям.

д) Полковник граф фон Штауффенберг был крепко связан догматами католической веры и наряду с религиозным ему был свойствен также и политический фанатизм. Он — действительный и активный заговорщик из всех этих нытиков-пессимистов, важную роль среди которых играл лишь весьма страдавший от своей отставки тяжело больной и тщеславный Бек, мнивший, будто он в качестве преемника Мольтке на посту начальника генштаба понимает и знает все лучше всех и обладает даром предвидения⁵¹⁷. <...>

---

⁵¹⁷ В дальнейших записях Кейтель распространяется (на основании показаний Гизевюса) о фельдмаршале Клюге, которого он никогда не ценил высоко, ибо «тот так и остался заносчивым кадетом до самой смерти». Кейтель свидетельствует: никто из военных заговорщиков не имел настоящей политической концепции, кроме, скажем, возврата к монархии или же Веймарской демократии. О Штауффенберге Кейтель отзывается так: «Идеалистом тот не был никогда, но всегда был безудержным религиозным фанатиком». К тому же Кейтель подвергает сомнению все сведения генерал-полковника Гальдера о существовании осенью 1938 г. плана государственного переворота. Гитлер будто бы сказал ему, Кейтелю, после отставки Гальдера: этого человека больше никогда не следует держать на военной службе.

ЧАСТЬ IV

КОНЕЦ

ВОСПОМИНАНИЯ ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛА ВИЛЬГЕЛЬМА КЕЙТЕЛЯ 1945

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ПРИ АДОЛЬФЕ ГИТЛЕРЕ

Как один из немногих, кто пережил эту драму внутри и вне Имперской канцелярии в апреле 1945 г. и остался в живых, я хочу изложить здесь некоторые воспоминания об этом, начиная с 20 апреля — последнего дня рождения Гитлера⁵¹⁸.

---

⁵¹⁸ Публикуемые ниже записи о последних неделях войны Кейтель сделал в период между вынесением ему смертного приговора 1 октября и приведением его в исполнение 16 октября 1946 г. — Здесь и далее, как и прежде, все неоговоренные примечания принадлежат немецкому издателю Вальтеру Горлицу. См. об этом также: *Nazi-Conspiracy and Agression. Office of United States Chief of Counsel of Axis Criminality. Washington, 1940. Suppl. B.*; *Franz Koller. Der letzte Monat: Die Tagebuchaufzeichnungen des ehemaligen Chefs des Generalstabes der deutschen Luftwaffe von 14. April bis 27. Mai 1945. Munchen, 1949*; *Joachim Schultz. Die letzten 30 Tage. Aus dem Kriegstagebuch des OKW. Stuttgart. 1951*; *Walter Ludde-Neurath. Regierung Donitz. Die letzten Tage des Dritten Reiches. Gottingen. 1958*; *Walter Baum. Der Zusammenbruch der obersten deutschen militärischen Führung 1945. — In: Wehrwissenschaftliche Rundschau (Mai 1960, H. 5).*

Берлин и восточные кварталы города уже находились под одиночным огнем русских дальнобойных орудий. Над восточной окраиной кружили отдельные вражеские бомбардировщики и разведчики, и число их с наступлением темноты и в ночное время увеличивалось. Однако наши зенитные батареи на башенных установках удерживали их на почтительном расстоянии. Наряду с уничтожением воздушных целей, они корректируемым огнем вели борьбу с русскими дальнобойными батареями и заставляли их быстро замолкать. В этих окраинных городских районах восточного Берлина уже начались бои, после того как позиции 9-й армии под командованием генерала Буссе были прорваны у Франкфурта-на-Одере и Кюстрина, а оборона по Одере пала.

Начальник ОКВ и начальник штаба оперативного руководства вермахта [Йодль] вместе с небольшим числом сотрудников штаба все еще работали на построенном уже в 1936 г. военным министром фон Бломбергом командном пункте в Далеме [улица Фюренвег]. Сам же штаб оперативного руководства размещался в бункерном лагере ОКХ в Вюнсдорфе [Цоссен], будучи теперь объединен [с генеральным штабом сухопутных войск]. Йодль и я имели там и запасные квартиры в доме бывшего боксера Шмелинга⁵¹⁹ на улице Фюренвег, 16.

20 апреля около полудня был совершен последний массированный налет английской и американской авиации на центр [правительственный квартал] Берлина. Вместе с моей женой, г-ном Дёнице⁵²⁰ и г-жой Дёниц, а также нашими адъютантами мы наблюдали за этим впечатляющим жутким зрелищем с небольшого пригорка возле служебной квартиры гросс-адмирала, который прошлой ночью из-за угрозы его командному пункту «Коралл» [в районе Эберсвальде] вернулся в Берлин. При этой последней крупной бомбардировке в ясный солнечный день в уже сильно поврежденную Имперскую канцелярию попаданий не было; некоторые эскадрильи истребителей, предназначенные для отражения налета, в бой над Берлином не вступили,

---

⁵¹⁹ Макс Шмелинг — чемпион мира по боксу во всех весовых категориях 1930—1932 гг.

⁵²⁰ Карл Дёниц, гросс-адмирал, командующий военно-морским флотом.

зенитные орудия, ввиду большой высоты полета бомбардировщиков, оказались неэффективными. Воздушный налет, продолжавшийся почти два часа, прошел словно на учениях мирного времени: боевой порядок самолетов сохранялся педантичным образом, а бомбы сбрасывались точно по команде.

С 4 часов дня я находился в Имперской канцелярии, куда был вызван в бункер фюрера для доклада обстановки. Когда мы с Йодлем вошли, то увидели, что фюрер в сопровождении Геббельса и Гимmlера направляется наверх, в рабочие помещения Имперской канцелярии. На приглашение одного из адъютантов присоединиться к ним я ответил отказом, так как до того у меня не было случая поприветствовать фюрера. Мне сказали, что там выстроили для награждения членов «Гитлерюгенд», отличившихся в несении службы ПВО при авиационных налетах, и фюрер сейчас вручит им награды за храбрость, в том числе несколько Железных крестов.

По возвращении фюрера в бункер Геринг, Дёниц, я и Йодль были в вышеназванном порядке приглашены поодиночке в небольшое жилое помещение рядом с отсеком для доклада обстановки. Со всеми остальными участниками обсуждения фюрер поздоровался за руку при входе в предназначенное для оперативных совещаний помещение; при этом о дне его рождения никто не заговаривал.

Стоя один перед фюрером, я почувствовал, что не в состоянии произнести ни слова. Я сказал только то, что Провидение столь милостиво пощадило его при покушении 20 июля [1944 г.], и то, что сегодня, в день своего рождения, в эти самые серьезные дни, когда существованию созданного им Третьего рейха грозит величайшая опасность, он все еще держит руководство в своих руках, дает нам уверенность, что он примет необходимые решения. Мое мнение: он должен действовать, не дожидаясь, пока столица рейха станет полем битвы. Я хотел продолжать, но он перебил меня: «Кейтель, я знаю, что я хочу, я буду сражаться перед Берлином, в нем самом или позади него!»⁵²¹ и явно разгадал

---

⁵²¹ О поведении Гитлера 20 апреля 1945 г. см. свидетельство надежного очевидца — адъютанта Дёница капитана 3-го ранга Людде-Нойрата: «Речь и глаза Гитлера — выразительнее, чем когда-либо. Его душевное состояние кажется прежним. Он отнюдь не “безумен” в обычном смысле этого слова. Но физически он производит впечатление разбитого

мою попытку возразить против этой идеи (дальнейшего пребывания Гитлера в Берлине. — *Прим. пер.*), которую я воспринял как девиз. Он протянул мне руку со словами: «Благодарю вас, позовите ко мне Йодля, мы еще поговорим потом!» и отпустил меня.

Доклады об обстановке [от ОКХ] генерала Кребса⁵²² о Восточном фронте и [от ОКВ] Йодля — о положении на остальных театрах войны протекали, как обычно, в угнетавшей тесноте бункерного отсека. Затем вместе со мной в жилое помещение вошел Геринг и заговорил о намерении перенести свой командный пункт «Курфюрст» в Берхтесгаден, так как «Каринхальц»⁵²³ находится под сильной угрозой, а Командный пункт штаба оперативного руководства люфтваффе «Кристалл» уже не оставался без связи. Сделать это было самое время, ибо пока еще надежно удерживалось всего одно большое шоссе Галле — Лейпциг, ведущее на юг. Я посоветовал Герингу поступить именно так и попросил у него разрешения, со своей стороны, предложить фюреру перенести и его командный пункт в Берхтесгаден.

Моя инициатива объяснялась прежде всего сложившейся у меня в то время твердой уверенностью, что фюрер со штабом оперативного руководства вермахта — как это было предусмотрено субординацией в отдаче приказов — тоже перенесет Верховное главнокомандование в Берхтесгаден, но либо сделает это, когда положение на подступах к Берлину станет более или менее прочным, либо в случае необходимости вылетит ночью. Самолеты для этого были постоянно наготове. Всё в Берлине, что не являлось безусловно необходимым для ставки фюрера, было уже отправлено в Берхтесгаден по железной дороге [спе-

---

и сломленного человека: с большими отеками на лице, сторбленный, бессильный и нервный». См. также: *Gerhard Boldt. Die letzten Tage der Reichskanzlei.* Hamburg - Stuttgart, 1947; *H.R. Trevor-Roper. Hitlers letzte Tage.* Zurich, 1948; *Michael A. Mussmanno. In zehn Tagen kommt der Tod. Augenzeugen berichten über das Ende Hitlers.* Munchen, 1951; (*W. Gorlitz, H. A. Quint. Adolf Hitler. Eine Biographie.* Stuttgart, 1952.

⁵²² Ганс Кребс, генерал пехоты, исполнял обязанности начальника генерального штаба сухопутных сил с 29 марта по 30 апреля 1945 г. Самоубийство или смерть в советском плену в мае 1945 г.

⁵²³ Загородная резиденция рейхсмаршала Геринга в Шорнхайде.

циальным составом] и автотранспортом. То же самое относилось и к ОКХ, и к ОКВ, которые были разделены на два командных звена — «Север» (для Дёница) и «Юг» — в Берхтесгадене. В северном районе командование всеми тремя видами вооруженных сил должен был принять на себя Дёниц, как только в результате военного взаимодействия американцев и русских южнее Берлина Средняя и Южная Германия окажутся отрезанными от Северной. Приказы на сей счет отдал лично Гитлер, сам же намереваясь находиться в южном районе и командовать оттуда, поддерживая связь с Дёницем по радио.

20 апреля, когда мы возвращались в Далем, я сообщил Йодлю свое решение заранее отправить 21-го самолетом все, без чего можно обойтись, поскольку мой специальный поезд выехал туда еще 18 апреля. Под командой моего адъютанта [майора] Шимонски мой личный самолет (среди улетающих были также генерал Винтер⁵²⁴, д-р Леман, фрау Йодль и моя жена) вылетел в Прагу, откуда пассажиры на ожидавших их автомашинах отправились в Берхтесгаден. Вечером самолет, вернувшийся в Берлин на аэродром Темпельсгоф, снова находился в моем распоряжении. Все это вызвало у нас чувство облегчения и служило подготовкой к предстоящему вскоре перемещению ставки фюрера в Берхтесгаден, которое, во всяком случае тогда, не подвергалось никакому сомнению.

21 апреля у фюрера для личного доклада обстановки побывал генерал-полковник Шёрнер⁵²⁵, командовавший крупнейшей и сильнейшей группой армий Восточного фронта, растянувшейся от Карпат почти до Франкфурта-на-Одере. Беседа проходила с глазу на глаз. Когда я во второй половине дня входил в бункер фюрера, Шёрнер как раз прощался с ним. Фюрер явно испытывал от этой беседы облегчение; он бросил несколько обнадеживающих реплик, которые тот подхватил, и призвал нас обоим пожелать счастья самому молодому фельдмаршалу.

Во время доклада обстановки мне стало ясно: Шёрнер явно вселил в фюрера доверие к своей группе армий и к себе как ко-

---

⁵²⁴ Пауль Винтер — генерал-лейтенант, начальник центрального управления ОКВ.

⁵²⁵ Фридрих Шёрнер, с 1 марта 1945 г. — генерал-фельдмаршал, командовал группой армий «Центр» (прежде группа армий «А») с 25 января по 8 мая 1945 г.

мандующему, и Гитлер, словно утопающий, ухватился за эту соломинку, хотя это был, если брать в целом, лишь один ограниченный участок фронта, который все еще не потерял способности к сопротивлению. На Западе и в Италии дело выглядело безнадежным. Русские стояли под Берлином.

Настроение фюрера поднялось в дальнейшем еще раз, когда совершенно неожиданно для нас к нему явился генерал Венк⁵²⁶ (которого фюрер назначил командующим вновь созданной 12-й армией), чтобы доложить состояние своих дивизий, свои оперативные замыслы и график предполагаемого внезапного удара по действующим в Гарце и продвигающимся к Эльбе войскам американцев. Поскольку генерал Венк попал в американский плен живым, я хочу (ибо не имею здесь ни карт, ни документов) предоставить ему самому описать свою задачу и свои намерения. Фюрер особенно высоко оценил Венка как энергичного и осмотрительного офицера генштаба, когда узнал его как следует; тот являлся ближайшим сотрудником начальника генерального штаба сухопутных войск Гудериана⁵²⁷, его правой рукой и постоянным представителем и был лично избран фюрером для назначения на должность командующего 12-й армией. Ей предписывалось своими действиями добиться решающего поворота в положении немецких войск между Среднегерманскими горами и Эльбой, разбить считавшегося слабым врага в районе Магдебург, Люнебург, Брауншвейг и соединиться с танковой группой, которая форсировала Эльбу и вела бои в районе Юльцена.

Ввиду формирования импровизированных соединений, разнообразия ситуации, повсюду сковывавших наши силы, а также низкой укомплектованности армии, я оптимизма фюрер-

---

⁵²⁶ Вальтер Венк, генерал танковых войск, начальник оперативного отдела, а затем «командной группы» ОКХ с 21 июля 1944 г. по 18 февраля 1945 г., с 10 апреля 1945 г. — командующий 12-й армией.

⁵²⁷ Гейнц Гудериан, генерал-полковник, являлся начальником генерального штаба сухопутных войск с 21 июля 1944 г. до 23 марта 1945 г., а затем после острого конфликта с Гитлером был смещен. В своих «Воспоминаниях солдата» упоминает о том, что Кейтель посоветовал ему для восстановления здоровья, как приказал Гитлер, отправиться на курорт Бад-Либенштайн. Гудериан сухо ответил: там уже находятся американцы. Кейтель в ответ: «Ну что ж, тогда в Бад-Захса в Гарце!»

ра и генерала Венка не разделял. Я был убежден, что и сам Венк честно не верил в большее, чем в лучшем случае местный успех, не говоря уже о воздействии на ход всей операции. Но и тогда самообман Гитлера, которому он явно предавался, стимулировался генералами, пользовавшимися его доверием, вселял в него роковые надежды⁵²⁸. Только тот, кто, как я, сотни раз бывал свидетелем, сколь немногие из высших чинов отваживались в таких ситуациях открыто перечить фюреру и говорить ему, что они думали и что считали возможным, имеет право отвергнуть любое брошенное окружению Гитлера обвинение в бессилии.

Йодль и я, как обычно, возвращаясь к себе в моей автомашине после доклада обстановки, удивлялись, насколько полным надежд кажется фюрер и с какой уверенностью говорит он о положении дел. Видно, Шёрнер и Венк вдохнули в него жизнь. Или он и впрямь не видел всей безнадежности положения? Нет, он видел, но не хотел признавать!

23 апреля мы снова в привычное время явились для доклада. Я сразу почувствовал, что настроение Гитлера изменилось, словно нависли свинцовые облака. Лицо его стало изжелта-серым и совершенно застывшим. Он был крайне нервозен, мысли его временами блуждали где-то далеко, и он дважды выходил в расположенное рядом личное помещение. Генерал Кребс (ставший вместо генерала Венка представителем отправленного в «отпуск» несколькими неделями раньше начальника генштаба сухопутных сил Гудериана. — *Прим. пер.*) еще в полдень, в наше отсутствие, доложил фюреру положение на Восточном фронте и сообщил об обострении событий в Берлине.

Теперь бои шли не только в восточных предместьях Берлина; русские после разгрома 9-й армии южнее столицы уже достигли района Ютербога, в результате чего под непосредственной угрозой оказался крупнейший центральный склад боеприпасов сухопутных войск; приходилось считаться с возможностью его по-

---

⁵²⁸ См. об этом высказывания Венка. Тот сначала считал, что при предпринятом соответствующем наступлении под Берлином еще можно добиться успеха, но все же оказался достаточно умен и опытен, чтобы через несколько дней понять: его задача — лишь открыть путь на запад окруженным остаткам 9-й армии. Однако в то же самое время Кейтель крайне энергично потребовал от него невыполнимой, ввиду сложившегося соотношения сил, деблокады Берлина.

тери. Но давление противника стало заметно и в северных пригородах Берлина, хотя по обе стороны Эберсвальде Восточный фронт под командованием генерал-полковника Хайнрици⁵²⁹ еще держался. Обо всем этом Йодль и я подробно узнали только в Имперской канцелярии. Комендант Берлина⁵³⁰ в полдень получил лично от фюрера приказы об обороне и обеспечении внутренних районов города, а также правительственного квартала.

Йодль сократил свой доклад насколько было можно. Группа армий «Запад»⁵³¹ уже была оттеснена из Западной Германии до самого сердца Тюрингии (бои шли в Веймаре, Готе, Швайнефурте и т.д.), а на севере — к Эльбе и в район южнее Гамбурга.

После доклада об обстановке⁵³² я попросил фюрера о беседе в присутствии Йодля. Должно же быть принято наконец какое-то решение: или предложение о капитуляции, прежде чем Берлин станет полем боя за каждый дом, или же вылет [фюрера] ночью в Берхтесгаден, чтобы оттуда немедленно начать переговоры! Я попросил всех удалиться из помещения, где проходило обсуждение обстановки, и остался наедине с фюрером, так как Йодля вызвали к телефону. Как это часто бывало, Гитлер не дал мне произнести и двух слов. Он сказал примерно следующее:

— Заранее знаю, что вы хотите сказать: сейчас должно быть принято окончательное решение! Это решение я уже принял: из Берлина я не уйду; я буду защищать город до последнего. Или я

---

⁵²⁹ Готтхард Хайнрици, генерал-полковник, командующий группой армий «Висла», действовавшей севернее Берлина на побережье Балтийского моря в Померании.

⁵³⁰ Военным комендантом Берлина 22 апреля 1945 г. еще являлся генерал-лейтенант Райман. Комендантом внутренней части города в эти дни был 30-летний, произведенный прямо из подполковников в генерал-майоры Эрих Беренфенгер, бывший высокий чин «Гитлерюгенд», который вскоре был убит. Кто именно подразумевается здесь, не вполне ясно.

⁵³¹ Имеются в виду соединения главнокомандующего группой армий «Запад» генерал-фельдмаршал Кессельринга.

⁵³² Генерал Коллер, начальник генерального штаба люфтваффе, в своих записках говорит об уже очевидном 22 апреля 1945 г. «внутреннем крахе» Гитлера и сообщает, что тот приказал сжечь свои личные бумаги. Однако Кейтель об этом не упоминает. О том же сообщает и вице-адмирал Фосс, представитель ОКМ при ставке фюрера. Возможно, что часть близкого окружения Гитлера не желала предавать гласности его душевное состояние.

прикажу вести эту битву за столицу рейха — пусть только Венк снимет с моей глотки американцев и прогонит их за Эльбу! — или же вместе с моими солдатами погибну в Берлине, паду в бою за символ рейха.

Я возразил:

— Это безумие! В такой ситуации я должен потребовать вашего вылета сегодня же ночью в Берхтесгаден, чтобы обеспечить руководство рейхом и вермахтом; в Берлине, если связь будет оборвана, что может произойти с минуты на минуту, сделать это невозможно.

Фюрер заявил:

— Ничто не мешает вам немедленно вылететь в Берхтесгаден. Я даже приказываю вам сделать это! Но сам я останусь в Берлине! Час назад я по радио сообщил об этом немецкому народу и столице рейха. Отступить от этого я не могу.

В этот момент вошел Йодль. В его присутствии я заявил, что ни в коем случае без него [Гитлера] не полечу, об этом не может быть и речи! Дело теперь идет не об обороне или потере Берлина, а о командовании всем вермахтом и всеми фронтами, которое отсюда, из Имперской канцелярии, при ухудшении положения обеспечить уже невозможно. Йодль энергично поддержал меня: линии связи с югом будут полностью нарушены, большой кабель [связи] в Тюрингском лесу уже перерезан, командование группами армий Шёрнера, Рендулича, на Балканах, в Италии и на Западе⁵³³ можно уже считать прекращенным, так как одной радиосвязи недостаточно. Необходимо немедленно разделить командные функции, а фюреру, как это предусмотрено, сохранить в своих руках руководство из Берхтесгадена.

Фюрер вызвал к себе Бормана⁵³⁴ и повторил всем нам троим приказ: в ту же ночь вылететь в Берхтесгаден; там я должен вме-

---

⁵³³ Имеются в виду группы армий: «Центр» (генерал-фельдмаршал Шёрнер); «Юг» (генерал-полковник Лотар Рендулич), «Юго-Восток», или «Б» (генерал-лейтенант Александер Лёр), действовавшая на Балканах (практически в северо-восточной Хорватии); «Юго-Запад», или «Ц» (генерал-полковник фон Виттинхоф-Шеель) и «Запад» (генерал-фельдмаршал Альберт Кессельринг).

⁵³⁴ После попытки прорваться из Имперской канцелярии и из Берлина 1 мая 1945 г. долгое время считался пропавшим без вести или погибшим. — *Прим. пер.*

сте с Герингом (как его представителем) взять на себя командование. Все мы трое заявили: сделать это отказываемся. Я сказал:

— За все семь лет не было такого случая, чтобы я отказался выполнить ваш приказ, но этот приказ я не выполню ни в коем случае! Вы не можете и не смеете бросать вермахт на произвол судьбы, тем более в таком положении.

Ответ был таким:

— Я остаюсь здесь, это твердо! Я намеренно без вашего ведома связал себя публичным заявлением. Теперь же надо вести переговоры с врагами, а Геринг сможет это сделать лучше меня. Или я выиграю битву за Берлин, или погибну в Берлине. Решение мое бесповоротно.

Видя, что продолжение разговора с Гитлером при том душевном состоянии, в каком он тогда находился, бессмысленно, я заявил, что немедленно выезжаю прямо из Имперской канцелярии на фронт к генералу Венку и, отменив все прежние приказы о его операциях, прикажу ему двигаться на Берлин и соединиться с действующими южнее города частями 9-й армии. Завтра же в полдень я доложу ему [Гитлеру] о положении и мерах Венка, а там посмотрим! Фюрер сразу одобрил это решение: для него оно явно послужило некоторым выходом из этого прямо-таки ужасающего положения, в которое он поставил себя и всех нас.

По его приказу мне выдали достаточное количество продовольствия. Перед выездом, за тарелкой горохового супа, я обсудил с Йодлем прочие необходимые меры. Он предложил мне принять подготовительные меры на тот случай, если фюрер действительно будет держаться своего только что поведенного нам в столь возбужденном состоянии решения. Мы пришли к единому мнению: из бункера фюрера в Имперской канцелярии командовать невозможно, и потому мы (хотя и не отправимся в Берхтесгаден и тем самым не покинем фюрера и не потеряем связь с ним) ни в коем случае сами в Имперской канцелярии и в Берлине не останемся и не допустим потери нашей связи с фронтами.

Исходя из этого, я уполномочил Йодля распорядиться, чтобы предназначенное для Берхтесгадена командное звено ОКВ и ОКХ немедленно перебросило туда свою оставшуюся часть во

главе с генералом Винтером⁵³⁵ и обеспечило там командование южным участком. Командование же «Север» еще сегодня вечером пусть передислоцируется в казарму Крампниц около Потсдама: там надлежит расположиться и нам обоим с нашим самым близким окружением. Вплоть до дальнейшего распоряжения общее командование во главе с самим фюрером должно находиться здесь, поддерживая постоянную связь с Имперской канцелярией и, как и прежде, ежедневно докладывая обстановку. Тем самым еще оставался открытым путь для предусмотренного окончательного решения, ибо оба мы твердо решили, чего бы нам ни стоило, отворотить фюрера от его безумной идеи предполагаемой гибели в Берлине. Йодль взялся известить генерала Венка, предположительно по радио, о моем прибытии к нему и намеченном приказе. На этом мы расстались.

Я выехал прямо из Имперской канцелярии; меня сопровождал мой офицер генерального штаба майор Шоттман, за рулем сидел мой никогда не падавший духом водитель Мёнх. После долгих блужданий в Науэн-Бранденбурге, который в результате недавней бомбардировки превратился в груды развалин, преграждавших прямой путь в штаб Венка, я незадолго до полуночи приехал к нему. Он со своим штабом располагался в одиноком особнячке, стоявшем в лесу [в провинции Бранденбург]. Мы попали туда только благодаря счастливому случаю: нам повстречался мотоциклист, который и сопровождал нас сначала в штаб корпуса Кёллера⁵³⁶. Генерал Кёллер дал мне сопровождающего, хорошо знавшего лесные тропы, и так мы добрались до штаба 12-й армии.

Оставшись наедине с Венком, я откровенно рассказал ему о той ситуации, которая возникла во второй половине дня в Имперской канцелярии, и разъяснил: моя последняя надежда вызволить фюрера из Берлина целиком и полностью зависит от

---

⁵³⁵ Август Винтер (1887—1979), генерал-лейтенант, в конце войны генерал горнострелковых войск. С ноября 1944 г. — заместитель начальника штаба оперативного руководства вермахта, принявший этот пост от генерала Варлимонта. С 24 апреля до капитуляции 8 мая 1945 г. — начальник штаба оперативного руководства группы армий «Юг».

⁵³⁶ Карл Эрик Кёллер (1895—1958), генерал кавалерии, командир 20-го армейского корпуса, располагался тогда со своим штабом в Визенбурге юго-западнее Бельцига.

его прорыва на Берлин и соединения с 9-й армией. Речь идет теперь о том, чтобы удалить фюрера из Имперской канцелярии — даже силой, если все-таки не удастся образумить его, а на это я после безрезультатного разговора прошлым вечером уже не рассчитываю.

Венк позвал своего начальника штаба; я по карте показал обстановку вокруг Берлина, известную мне на вчерашний день, а затем оставил их вдвоем. Пока я ужинал, Венк продиктовал свой новый приказ по армии, копию которого я забрал для фюрера. Примерно через час я с приказом Венка в полевой сумке выехал с намерением завезти его приказ [командиру 20-го армейского корпуса] генералу Келлеру, лично дать ему указания, а также в течение ночи побывать еще и в его дивизиях. Я хотел, используя личное влияние, внушить всем командирам сознание важности их задачи, разъяснить им, что она в конечном счете решает наши судьбы. Венк был единственным, кому я доверил мою самую сокровенную мысль — намерение вызволить фюрера, прежде чем судьба столицы рейха будет решена окончательно и бесповоротно.

Едва рассвело, я после трудных поисков приехал на командный пункт самой передовой дивизии, уже получившей приказ наступать на основе новой обстановки и целей. Командира дивизии я обнаружил далеко позади, в населенном пункте, между тем как шум боя уже доносился издалека. Я потребовал, чтобы он немедленно направился на передовую, в самый авангардный полк и лично воздействовал на солдат; кроме того, я хотел сам переговорить с этим командиром полка. Это была дивизия, недавно сформированная из Имперской трудовой службы и ее командного состава. Естественно, войско это было необстрелянное, хотя и командиры и рядовые были готовы решительно сражаться. Командиры, само собой разумеется, кадровые и имеющие военный опыт офицеры, сейчас более чем когда-либо должны были находиться во главе своих частей и подразделений, а не на удаленных от передовой командных пунктах: ведь благодаря их личному воздействию можно было хоть как-то компенсировать недостаток обучения и уверенности унтер-офицеров. После того как я своим обращением к собравшимся вокруг меня офицерам разъяснил значение поставленной перед ними задачи, на обратном пути в Крампниц я еще накоротке

посетил командный пункт генерала Хольсте⁵³⁷, корпусу которого было приказано не допустить перехода американцами Эльбы. Я обрисовал Хольсте, моему старому сослуживцу по 6-му артиллерийскому полку, пробивную силу и активность наших войск. Зная обстановку, я разъяснил ему важность его задачи. Ее выполнение послужило бы предпосылкой успеха действий 12-й армии, которой я его подчинил. Хольсте выразил полную уверенность в успехе, так как на основе различных донесений и данных разведки своих частей был убежден, что американцы еще не предприняли никаких мер для форсирования Эльбы и дальнейшего продвижения.

Около 11 часов утра [23.4.1945 г.] я, смертельно усталый, прибыл в Крампниц и после краткой беседы с Йодлем попросил приема у фюрера в Имперской канцелярии для доклада. Нам было приказано явиться в 14.00, так что я еще успел часа два поспать.

Я нашел фюрера, в противоположность прошлому вечеру, очень спокойным, и это вселило в меня новую надежду побудить его прислушаться к голосу разума и отказаться от своего злосчастного решения. Сначала генерал Кребс доложил обстановку на Востоке, которая несколько ухудшилась, а Йодль — на остальных фронтах. Затем я в узком кругу (присутствовали только Йодль и Кребс) рассказал о своей поездке на фронт. Прежде всего я вручил фюреру приказ Венка по [12-й] армии, который он внимательно прочел и оставил у себя. Хотя никаких замечаний он не высказал, у меня сложилось впечатление, что фюрер вполне удовлетворен. Я доложил все подробности моих совещаний с командирами частей и соединений и обрисовал впечатление, полученное на месте. В это время поступило донесение о продолжавшемся наступлении корпуса Кёллера в общем направлении на северо-восток (Потсдам). Фюрер спросил, установлена ли уже связь с 9-й армией, но ответить на этот вопрос я не смог. Не имел сведений от 9-й армии и генерал Кребс, хотя радиостанция в Имперской канцелярии прослушивала все ее радиogramмы. Кребс получил приказ вновь потребовать от 9-й армии установить взаимодействие с 12-й армией и разбить вражеские силы, действующие в полосе между этими армиями.

---

⁵³⁷ Речь идет о командире 31-го танкового корпуса генерал-лейтенанте Рудольфе Хольсте.

В заключение я снова попросил фюрера о беседе тет-а-тет. Однако Гитлер пожелал, чтобы присутствовали Йодль и Кребс. Причина стала мне ясна сразу: он хотел укрепиться в своем решении перед свидетелями! Мою новую попытку побудить его оставить Берлин фюрер категорически отверг. Но обсуждение на сей раз шло совершенно спокойно. Он заявил: именно его присутствие в Берлине и сознание этого побудит войска держаться до последнего и удержит население от паники. К сожалению, это — необходимая предпосылка удачи уже начатых операций по деблокированию [Берлина] и успешных боев за город. Лишь одно доверие к нему — вот что дает вообще какой-то шанс на все еще возможный успех, а потому эту борьбу за Берлин он доведет до конца лично сам! Восточную Пруссию удерживали только до тех пор, пока его ставка все еще находилась в Растенбурге, а когда он больше не смог поддерживать боевой дух войск своим личным присутствием, фронт был там прорван. Так получится и с Берлином, а потому он своего решения не изменит и своего обещания армии и населению не нарушит!

Все это было высказано с большой твердостью и без какого-либо видимого возбуждения. Затем он велел мне в тот же вечер снова выехать на фронт к Венку, Хольсте и др., чтобы ориентировать командиров и сказать им: фюрер ждет от вас защиты Берлина и своего освобождения! Он молча протянул мне руку, и мы вышли.

Мне все-таки удалось вскоре найти предлог еще раз поговорить с фюрером наедине. Я сказал ему, что наши (мои и Йодля) персональные контакты с ним могут каждую минуту оборваться, если русские с севера перережут связь между Крампницем и Берлином. Я хочу узнать, начал ли он переговоры с вражескими державами и кто именно будет их вести. Сначала он заявил: о капитуляции говорить еще рано, а потом стал объяснять, что переговоры можно вести только тогда, когда будет достигнут хоть какой-то успех, в данном случае — в Берлине. Я этим не удовлетворился, и тогда он сказал, что уже довольно давно разрешил вести переговоры с Англией в отношении Италии и немедленно даст Риббентропу указание насчет дальнейших шагов⁵³⁸ в этом вопросе. Тогда я сказал,

---

⁵³⁸ На самом деле — чистейшая ложь Гитлера! Об этой сцене известно следующее. Посол Хевель, представитель министра иностранных

что по возвращении с фронта снова доложу ему обстановку. Затем попрощался, не предчувствуя, что это — наша последняя встреча.

Вместе с Йодлем я вернулся в Крампниц. По дороге мы откровенно говорили о том, что нельзя больше мириться с таким положением вещей и мы должны выгнать фюрера из бункера Имперской канцелярии (возможно, даже силой!), а потому необходимо предусмотреть и это. Йодль сказал, что хотя он такой мысли вслух и не высказывал, она и ему пришла в голову еще вчера. Сегодня в бункере Имперской канцелярии он обдумал, как ее осуществить. Но план этот совершенно бесперспективен из-за сильной эсэсовской охраны и преданного Гитлеру окружения в лице Службы безопасности (СД), а без их содействия любая попытка сорвется. Против нас окажутся и такие люди, как генерал Бургдорф, военные адъютанты, Борман, адъютанты от СС. И мы от этой мысли отказались.

К тому же Йодль полагал, что нам надо еще подождать результатов акции Геринга. 24 апреля вечером он во всех подробностях проинформировал начальника генерального штаба ВВС генерала Коллера о событиях, произошедших в Имперской канцелярии во второй половине дня, а также о решении фюрера остаться в Берлине и либо победить, либо погибнуть там, и послал его к Герингу в Берхтесгаден как можно быстрее сообщить рейхсмаршалу о приближающейся катастрофе. Коллер утром вылетел к Герингу. Теперь только один Геринг может вмешаться, и только он один призван сделать это! Само собой разумеется, я согласился с Йодлем и поблагодарил его за инициативу, о которой сам я еще не подумал⁵³⁹.

дел Риббентропа, спрашивает Гитлера о приказах его министру. Гитлер отрицательно качает головой. Хевель: «Мой фюрер, до последнего удара часов осталось всего пять секунд. Если вы еще желаете достигнуть чего-нибудь с помощью политики, то теперь — крайний срок». Гитлер: «Политика? Я больше никакой политики не делаю! Меня от нее тошнит! Когда я буду мертв, вам еще достаточно придется позаниматься политикой». О переговорах с Англией в отношении Италии речь не заходила. Напротив, высший чин СС и германской полиции в Италии обер-группенфюрер СС Вольф начал переговоры с американской контрразведкой в Швейцарии на собственный страх и риск. Узнав об этом, Гитлер 18 апреля 1945 г. запретил Вольфу продолжать их. — См. *Walter Gornitz. Zweiter Weltkrieg, Bd. II. S. 537 f.*

⁵³⁹ См. дневник генерала Коллера (*Karl Koller. Der letzte Monat, S. 31*) о разговоре с Йодлем чуть позже полуночи 23.4.1945. Йодль сообщил

Когда мы прибыли в Крампниц, наш общий штаб, т.е. штаб оперативного руководства вермахта и Северного звена ОКХ, который Йодль преобразовал в подчиненное ему ОКВ-«Север», как раз передислоцировался. Комендант на основании еще не проверенного сообщения о русской кавалерии, продвигавшейся на Крампниц, уже приказал взорвать крупный склад боеприпасов, не имея на то приказа свыше, а также отдал распоряжения очистить казарму. К сожалению, мне некогда было взяться как следует за этого спятившего с ума типа, лишившего Берлин боеприпасов. <...> Я предоставил сделать это Йодлю, ибо мне надо было поскорее уезжать, если только я хотел безопасно выехать на шоссе через Науэн, прежде чем оно будет забито нашими колоннами или даже перерезано врагом.

Генерал Венк расположил штаб своей армии значительно дальше на север в одном лесничестве севернее Бранденбурга, куда я приехал незадолго до наступления темноты. Он попытался лично установить связь с подчиненной ему частью [танковой дивизии] «Клаузевиц» на другом берегу Эльбы, но это ему не удалось. Я настаивал на том, чтобы он полностью нацелил операцию на Берлин и пустил для этого в ход весь свой авторитет, ибо только эта операция, а отнюдь не танковый рейд на противоположный берег Эльбы, решает судьбу фюрера. Здесь меня уже ожидала телефонограмма от Йодля: ночью ему пришлось оставить Крампниц ввиду угрозы противника, которому он, к сожалению, кроме двух танковых рот ничего противопоставить не имел. Поэтому он перенес Штаб-квартиру ОКВ, т.е. наш командный пункт, в лесной лагерь Ной-Роофен (между Рейнсбергом и Фюрстенбергом), который был оборудован средствами связи и подготовлен для Гимmlера, но находился в нашем распоряжении, поскольку не был занят рейхсфюрером СС. Я, разумеется, дал согласие, но с условием, что будет обеспечена техническая связь также с Имперской канцелярией и обо всем будет доложено фюреру.

ему: Гитлер решил остаться в Берлине, руководить его обороной, а в последний момент застрелиться. Йодль согласился с решением Коллера немедленно лететь к Герингу. По записям Коллера, у Йодля была смутная идея, что главное — это сражаться еще только против Советов. Йодль повторил фразу Гитлера, что рейхсмаршал сможет повести переговоры лучше, чем он сам.

Мне, конечно, было ясно: ежедневные доклады обстановки в бункере фюрера прекратятся, если враг, предположительно на следующий день, преградит доступ в Берлин через Крампниц. Не оставалось ничего другого, как действовать.

Еще раз со всей убедительностью разъяснив генералу Венку серьезность положения и значение его задачи — вновь открыть доступ в Берлин, а также приказав ему лично докладывать в Имперскую канцелярию, я ночью выехал в штаб корпуса Хольсте, куда прибыл незадолго до полуночи. С Хольсте я обсудил его теперешнюю задачу: минимальными силами обезопасив свой тыл от американцев, которые явно отказались от форсирования Эльбы, бросить все силы на прикрытие северного фланга 12-й армии [Венка] от угрозы или воздействия со стороны русских. В то время еще имелась перспектива восстановить доступ в Берлин через Потсдам — Крампниц, если будут осуществлены:

1. Удар 12-й армии (Венк) с целью полного освобождения Потсдама и восстановления его связи с Берлином.

2. Установление связи между 12-й и 9-й армиями южнее Берлина.

3. Обеспечение в результате проводимого по личному приказу фюрера наступления танкового корпуса обергруппенфюрера СС Штайнера⁵⁴⁰, прорыва с севера до шоссе Берлин — Крампниц (на весьма неблагоприятной для применения танков местности, где противник может легко установить противотанковые заграждения).

Единственной трудностью для генерала Хольсте было наконец установить связь с группой армий Хайнрици и танковым корпусом Штайнера северо-западнее Берлина. Если бы это удалось, можно было бы закрыть брешь и, используя непроходимое Хавельленское торфяное болото, легко обеспечить оборону. Пообещав Хольсте дать соответствующий приказ группе армий Хайнрици, я выехал назад, при первых утренних лучах солнца миновал город Рейнсберг, производивший тихое, мир-

---

⁵⁴⁰ Феликс Штайнер, обергруппенфюрер и генерал войск СС, командующий 11-й танковой армией, а затем армейской группой «Штайнер». Он сам испытывал нехватку сил, и если раньше Кейтель питал чрезмерный оптимизм в отношении Венка, то теперь он возлагал все надежды на Штайнера.

ное впечатление, и около 8 часов, после мучительных поисков, прибыл в лесной лагерь Ной-Роофен, где только что расположился Йодль со своим передовым штабом. Лагерь был так хорошо замаскирован в лесу в стороне от населенных пунктов и шоссе, что провести в него мог только хорошо знающий местность проводник.

Сознание того, что я территориально отрезан от Имперской канцелярии и вынужден пользоваться только проводной и радиосвязью, укрепило мое стремление взять на себя ответственность за свои самостоятельные приказы, поскольку я уже не получал по телефону никаких решений из Имперской канцелярии. Мне все-таки с утра удалось дозвониться до Имперской канцелярии; я переговорил с одним из военных адъютантов, потом с генералом Кребсом и попросил связать меня с фюрером, если он пожелает говорить со мной.

Около полудня — это было уже 24 апреля — я по телефону доложил лично Гитлеру о моей последней поездке на фронт и благоприятном ходе наступления 12-й армии на Потсдам, а также мое намерение вечером сделать ему подробный доклад, прибыв для того в Имперскую канцелярию. Он запретил мне ехать в Берлин на автомашине из-за недостаточной безопасности, но согласился с тем, что я прилечу в Гатов (аэродром военного авиационного училища), откуда меня доставят в Имперскую канцелярию. Затем он передал трубку адъютанту от люфтваффе полковнику фон Белову, с которым я договорился о полете; приземлиться я должен был незадолго до полуночи. Я приказал моему бравому «Ю-52» прибыть из Рехлина на аэродром в Рейнсберге, откуда и должен был вылететь. После этого телефонного разговора состоялось первое обсуждение обстановки подмоим руководством. Генерал Детлефзен⁵⁴¹ (генштаб) доложил о положении на Восточном фронте, а Йодль — на остальных театрах войны. Повсюду имелась техническая связь, и, таким образом, как и прежде, все донесения были налицо. Йодль незамедлительно докладывал их фюреру по телефону и получал его согласие на уже одобренные мною предложения. В Имперской канцелярии находился заместитель начальника генштаба

---

⁵⁴¹ Эрих Детлефзен, генерал-лейтенант, начальник командной группы ОКХ с 23.3 до 24.4.1945 г.

сухопутных войск генерал Кребс, с которым Йодль непосредственно обменивался соображениями.

Во второй половине дня [24 апреля] я отправился на машине на расположенный значительно южнее командный пункт танкового корпуса Штайнера, чтобы получить информацию о положении и перспективах его наступления. К этому времени начала прибывать только одна из его пополненных в Нойбранденбурге танковых дивизий, вторая была еще на подходе⁵⁴². Хотя Штайнеру и удалось уже выйти из озерного дефиле, чтобы развернуть свои соединения, он тем самым привлек к себе внимание противника и в результате потерял шансы на ошеломляющий прорыв, который, несомненно, должен был бы ему удасться.

По возвращении в лагерь пора было отправляться для вылета в Гатов. Мои адъютанты уже все подготовили, когда до меня дозвонился полковник Белов и сообщил мне о запрете полета до наступления темноты, так как противник постоянно атакует в воздухе наши самолеты. Я отложил вылет до 22 часов. Но и он не состоялся; после чудесного весеннего дня опустился туман, и мой полет оказался невозможным. Тогда я перенес его на вечер 25.4.[1945].

В тот день я с самого утра выехал на передовую и прежде всего побывал на командном пункте генерала Хольсте. Он проин-

---

⁵⁴² В распоряжении генерала Штайнера находились: 25-я танковая гренадерская (мотопехотная. — *Прим. пер.*) и 7-я танковая дивизии (обе — из состава сухопутных войск), имевшие ограниченную боеспособность. Их обозначали как 3-й танковый корпус войск СС. Остатки этого прежнего штайнеровского корпуса были, однако, задействованы в районе Штеттина. Другие части 41-й танковой армии, которой он командовал, были переброшены под Берлин (18-я танковая гренадерская дивизия и 11-я танковая гренадерская дивизия войск СС «Нордланд», состоявшая из скандинавских добровольцев). Затем Штайнер располагал совершенно не имевшей боевого опыта дивизией морской пехоты и подразделениями люфтваффе, которые использовались для наземных действий, но были отосланы им в места своей прежней дислокации. (См.: *Felix Steiner. Die Freiwilliger. Idee und Opfergang. Gottingen, 1958*). Штайнера толкали наступать на Берлин, но он отказался, считая удар с целью деблокирования бесперспективным. Он показал: «Еще 22 апреля в 5 часов утра фельдмаршал Кейтель пытался переубедить меня, но делал он это без всякой своей внутренней убежденности и, пожалуй, только из привычного чувства долга».

формировал меня об обстановке, затем я переговорил по телефону с генералом Венком (тем временем он уже опять перенес свой командный пункт, а потом Йодль доложил мою оценку обстановки фюреру). Генералу Венку с его наступающей на Потсдам группой удалось (пусть и на очень узком участке фронта, подобном острому клину) пробиться до озер южнее города. Однако у него не было резервов и дальнейшей ударной силы, ибо более крупные части его армии оказались связанными постоянно усиливавшимися боями за переправы через Эльбу севернее Витгенберга, и он не мог их высвободить для наступления на Берлин и взаимодействия с 9-й армией, состоявшей из остатков войск. Для выполнения обеих этих задач 12-я армия была слишком слаба.

В этой обстановке я уполномочил генерала Венка, учитывая прежде всего опасность на линии фронта у Эльбы, выделить и высвободить по меньшей мере одну дивизию для решения главной задачи — наступления в направлении на Берлин — и, сославшись на меня, доложить это решение фюреру.

Когда я около полудня, возвращаясь, хотел проехать через небольшой городок [Ратенов], примерно на полпути между Бранденбургом и Науэном, мне преградили путь собственные войска: на этот населенный пункт наступают русские, и он находится под вражеским огнем. Поскольку никакого шума боя слышно не было, я проехал по совершенно пустой дороге прямо в него. На рыночной площади рота «фольксштурма» [ополчение] вырыла окоп глубиной в метр и заняла его: поле обстрела было всего каких-то 100 метров до противоположных домов. О каком-либо противнике ничего не было известно, хотя атака на город и ожидалась. Я объяснил командиру роты, насколько бессмысленны его меры, велел собрать всю роту, произнес краткое обращение и приказал ему провести меня к коменданту города.

По пути туда я видел в разных местах орудия всевозможного рода (полевые гаубицы, пехотные орудия, 37-миллиметровые противотанковые пушки), расставленные во дворах и замаскированные от обнаружения с воздуха, тягачи, а также солдат, толпившихся без дела. Одиночные выстрелы вражеских батарей казались нацеленными на окраины.

Я застал коменданта в отдаленно стоявшем доме; он как раз отдавал приказ собравшимся вокруг него 10—12 офицерам.

Один из них был кадровый саперный офицер, которого мое неожиданное появление не только удивило, но и повергло в смятение. Он доложил, что приказал только что отходить с моста на восточной окраине, так как враг собирается атаковать город. Я заорал на него: вы что, спятили? Удирать от нескольких выстрелов дальнобойных орудий? Где это он увидел противника? Где собственный командный пункт, что докладывают, выслана ли разведка боем и куда делись орудия, стоявшие во дворах? Я выгнал всю эту гоп-компанию из дома, дошел с ними до восточной окраины, где якобы должен был атаковать враг. Ничего подобного видно не было, только рвались одиночные снаряды. Под моим надзором был дан приказ обороняться, орудия поставлены на позиции, майор отправился на свой командный пункт, откуда мог наблюдать широкую открытую равнину, на которой не было видно никакого противника⁵⁴³.

Я предупредил его, что сдача города может стоить ему головы, и сказал: на следующий день приеду снова и надеюсь увидеть хорошо организованную оборону. Он обязан через связного мотоциклиста немедленно доложить генералу Хольсте о моем вмешательстве и полученных приказах. От этого «храбреца»-коменданта я поехал по улице, предназначавшейся им для отступления, и увидел там километровые колонны отходивших подразделений разного рода и обозы, длиннейшие колонны автомашин, доверху нагруженных винтовками, пулеметами, боеприпасами и т.п.; командовали несколько пожилых офицеров полевой жандармерии. Город этот, ввиду расположенных к востоку от него торфяных Хавельских болот и полностью открытой местности, серьезно атаковать с востока было излишне до тех пор, пока он не обойден с севера. Однако через него восточнее Эльбы шла связь с соприкасавшимися с севера частями корпуса Хольсте и с группой армий Хайнрици. До 29.4 Хольсте ежедневно докладывал: все попытки врага атаковать Ратенов отбиты. О дальнейшем ходе событий там я не информирован.

---

⁵⁴³ См. кн. Шульгца «Последние 30 дней» (с. 39), где упоминается о крутых мерах, принятых 27.4.1945 г. Кейтелем: «Всеми средствами должна была поддерживаться фикция, что генерал Хольсте будет еще наступать на Берлин. Но все это — акты отчаяния, которые в конечном счете никакого влияния на общее положение не оказали».

К концу дня я вернулся в наш лагерь Ной-Роофен и стал опять готовить мой полет в Берлин следующей ночью. Поскольку Йодль по телефону уже проинформировал фюрера, я решил насчет своего вылета в Берлин ему лично не звонить. Однако, как выяснилось, из Имперской канцелярии мне садиться на аэродром Гатов запретили, так как он уже находился под артиллерийским обстрелом противника.

Поэтому в Берлине на участке от Шарлоттенбургских до Бранденбургских ворот шоссе было оборудовано для взлета и посадки самолетов, и здесь с наступлением темноты приземлялись транспортные «Юнкерсы» с боеприпасами всех калибров и видов, которые были затребованы Имперской канцелярией или комендантом города. Кроме того, здесь должны были высадиться две роты СС, добровольно заявившие о своем стремлении оборонять Берлин. Посему мой прилет был назначен после полуночи, и я бы смог прилететь еще засветло. С 24 часов я ждал на аэродроме Рейнсберг сигнала к старту. Но вместо него последовал категорический отказ: в результате пожара в Берлине возник такой слой дыма и гари, что ни о какой посадке не может быть и речи. Не помог даже личный телефонный звонок: мне разъяснили, что из-за сплошной дымовой пелены несколько самолетов уже потерпели аварию, и сначала надо освободить посадочную полосу. Когда я вернулся в лагерь, мне передали личный запрет фюрера: накануне вечером, еще при дневном свете, при посадке был ранен генерал-полковник Риттер фон Грайм⁵⁴⁴.

Затем у меня состоялся подробный телефонный разговор с генералом Кребсом. Он сообщил мне, что Гитлер сместил Геринга со всех постов [в вооруженных силах, партии и государства] и лишил его права быть своим преемником за то, что тот попросил у фюрера полномочий на ведение переговоров с вражескими державами, 24-го из Берхтесгадена от Геринга поступила радиограмма, фюрер был совершенно вне себя от гнева и приказал своей эсэсовской охране в Бергхофе арестовать

---

⁵⁴⁴ Роберт Риттер фон Грайм, генерал-полковник, командующий 6-м воздушным флотом («Восток»). 26 апреля 1945 г. был доставлен в Берлин на самолете летчицей-асом Ханной Райч. Произведя его в фельдмаршалы, Гитлер назначил Грайма вместо Геринга главнокомандующим люфтваффе. Покончил жизнь самоубийством в мае 1945 г.

и немедленно расстрелять Геринга. От этой вести я пришел в ужас и только и смог сказать Кребсу: это какое-то недоразумение! Ведь фюрер сам сказал в моем присутствии: хорошо, что Геринг в Берхтесгадене, тот сможет вести переговоры лучше, чем он сам, фюрер. Борман явно прослушивал наш разговор с Кребсом, ибо вдруг в трубке раздался его голос: «Геринг, — сказал он, — смещен еще и с поста рейхсегермайстера» (главного лесничего рейха! — *Прим. пер.*). На эту циничную реплику я ничего не ответил: ситуация, видит Бог, была слишком серьезна! Я поспешил к Йодлю, чтобы обсудить с ним все эти события. Теперь мне стал понятен срочный вызов генерал-полковника Грайма как преемника Геринга на посту главнокомандующего люфтваффе.

Остаток ночи я не сомкнул глаз, ибо этот шаг фюрера наглядно показал мне ужасающую атмосферу, царившую в Имперской канцелярии, и дал представление о разрушительном влиянии Бормана. Только он один мог быть замешан в этой грязной игре и, воспользовавшись душевным состоянием фюрера, наконец-то одержать победу в интриге против Геринга. Что произойдет, если фюрер по собственной воле — а он, кажется, к этому и стремится — найдет свой конец в Берлине? Неужто он сознательно хочет в свой последний час увлечь за собой в объятия смерти и Геринга?

Но мое решение в любом случае вылететь вечером 26-го в Берлин оставалось твердым. То, что смог сделать Грайм, должно удасться и мне!

26 апреля [1945 г.] около полудня к нам в лагерь Ной-Роофен прибыл гросс-адмирал Дёниц⁵⁴⁵; он радиограммой пригласил ко мне и Гимmlера. Мы вместе обсудили положение, предварительно ознакомив своих гостей с обстановкой. Нам стало ясно: фюрер будет упорствовать в своем желании продолжать борьбу в Берлине, а потому наша задача — не бросать его в беде до тех пор, пока еще не исчерпаны все возможности вызволить его.

---

⁵⁴⁵ Гросс-адмирал Карл Дёниц в своих воспоминаниях «Десять лет и двадцать дней» (*Karl Donitz. Zehn Jahre und zwanzig Tage. S 438 f.*) упоминает только о беседе 28 апреля 1945 г. с Кейтелем и Йодлем. Речь шла вообще о вопросах командования. Можно с уверенностью сказать, что это и была та беседа, которую фельдмаршал ошибочно датирует 25 апреля.

Тот факт, что американцы пока не перешли Эльбу выше Магдебурга или, по меньшей мере, не предприняли к этому приготовлений, а также то, что фронт группы армий Шёрнера укрепился настолько, что он перебросил части с юга на свое северное крыло для противодействия окружению [Берлина] русскими, как это было приказано фюрером, позволяло считать положение (во всяком случае вокруг Берлина) еще не безнадежным, несмотря на всю его серьезность и катастрофичность в целом. Мы расстались...

Я был полон решимости той же ночью в последний раз поставить фюрера перед альтернативой: или покинуть Берлин, или передать командование в северном районе Дёницу, а в южном — Кессельрингу, в распоряжении которого уже находился штаб ОКВ во главе с генералом Винтером [заместителем начальника штаба оперативного руководства вермахта]. Но тогда следовало дать обоим главнокомандующим полную свободу действий — так, как сейчас, дело дальше идти не могло!

Когда я снова принял все меры для подготовки моего полета в Берлин, в последний момент и от этой попытки тоже пришлось отказаться. В эту ночь какой-либо полет в Берлин с посадкой прямо на шоссе был полностью исключен. Не только транспортные самолеты, но и истребители и разведчики поворачивали от Берлина назад; все было покрыто густой пеленой дыма, тумана и низких облаков; даже с небольшой высоты нельзя было сквозь них различить Бранденбургские ворота. Пришлось отказаться от полета и только что произведенному в фельдмаршалы генерал-полковнику фон Грайму.

В этой ситуации я по телефону предложил фюреру хотя бы разделить командование. Фюрер отклонил такую меру как необоснованную; он и не помышляет выпускать руководство из своих рук до тех пор, пока линии связи не перерезаны. Отклонил он и подчинение Восточного фронта (групп армий Шёрнера, Рендулича и Лёра) и Италии Кессельрингу — тому и так хватает дел со своим Западным фронтом. Берлин он будет удерживать, пока командует здесь сам, а я должен заботиться о снабжении боеприпасами, ничего большего он от меня не требует. На сей раз я воздержался от предложения, чтобы фюрер покинул Берлин; Гитлер и без того понял его, а по телефону я к этому вопросу возвращаться не решился.

После отъезда Дёница и Гимmlера⁵⁴⁶ я отправился к генерал-полковнику Хайнрици — командующему группой армий «Висла»⁵⁴⁷, чтобы иметь данные о положении с обороной по Одеру, которую он возглавлял от Шофхайде до Штеттина. Командование на всем этом участке до тех пор находилось в руках генерала Кребса и осуществлялось из Имперской канцелярии во взаимодействии с обороной Берлина (которая первоначально возглавлялась командованием данной группы армий, а затем была отделена и подчинена командующему войсками Берлина)⁵⁴⁸. Тот получал приказы непосредственно от фюрера.

Генерал-полковник Хайнрици вот уже несколько дней настойчиво требовал подчинить ему танковую группу Штайнера и особенно корпус Хольсте, чтобы, по крайней мере, использовать их для прикрытия своего фланга. Генерал-полковник Йодль снова отклонил это требование, причем по вполне понятным причинам: тогда армия Венка лишилась бы всякого прикрытия с флангов и тыла. Хайнрици и начальник его штаба генерал [-майор] Трота подробно доложили мне о положении, значительно обострившемся в результате прорыва русских южнее Штеттина, поскольку достаточных сил, для того чтобы отрезать прорвавшиеся соединения противника, под рукой не было. Я согласился еще раз вернуться к вопросу о возможности оказания нами помощи и с подробным обоснованием снова и на сей раз окончательно отклонил ходатайство Хайнрици о подчинении ему корпуса Хольсте. Я потребовал подчинения группы армий «Висла» непосредственно ОКВ и приказал непосредственно докладывать обстановку на наш командный пункт. Мы расстались в полном согласии как старые друзья.

Вечером Хайнрици позвонил мне и доложил о серьезном ухудшении положения в результате прорыва. Он запросил о передаче ему танковой дивизии из группы Штайнера. Я обещал ему принять решение, как только переговорю с Йодлем и

---

⁵⁴⁶ По датировке Кейтеля — 26 апреля, фактически — 28-го.

⁵⁴⁷ 29 апреля 1945 г. его по личному приказу Гитлера сменил генерал пехоты Курт фон Типпельскирх, до того командовавший 21-м армейским корпусом, переброшенным из Восточной Пруссии.

⁵⁴⁸ В эти последние дни им являлся генерал артиллерии Гельмут Вейдлинг, командир 55-го танкового корпуса. Умер в 1955 г. в советском плену.

Штайнером. Выяснилось, что Штайнер лишь предстоящей ночью собирается ввести в бой для приказанного ему наступления 7-ю танковую дивизию, еще находящуюся на подходе. Я приказал оставить эту дивизию в моем распоряжении в состоянии боевой готовности, чтобы в случае необходимости двинуть ее в другом направлении. Отказаться от наступления Штайнера, на которое фюрер возлагал свои самые большие надежды, было мне по-человечески особенно тяжело. Но и Йодль и я были убеждены, что ввиду положения у Хайнрици, где противник, возможно, через два-три дня выйдет в тыл Штайнера и южного фланга группы армий «Висла», необходимо бросить 7-ю танковую дивизию с юга на участок вклинения противника для удара во фланг русским. Поэтому я высвободил эту танковую дивизию для Хайнрици, однако категорически связав ее с направлением наступления и с целью при любых обстоятельствах использовать ее в качестве резерва. Приказ был подтвержден самим Хайнрици. Йодль доложил об этом фюреру, сколь ни разочаровывающим этот приказ явился для него.

В 6 часов утра 28.4.1945 г. я выехал к Штайнеру, надеясь при его помощи найти штаб 7-й танковой дивизии. Я хотел обсудить со Штайнером возможное проведение наступления и без участия 7-й танковой дивизии. Обнаружилось, что дивизия была перехвачена группой армий до ее прибытия в исходный район, где она должна была находиться согласно моему приказу, и никто за получением этого приказа к Штайнеру не явился.

После того как Штайнер сообщил мне, каким образом он после перегруппировки возобновит наступление и без 7-й танковой, я выехал по установленному мною маршруту ее продвижения, не встретив там ни одной души. Мне стало ясно: дивизия либо запаздывает, либо используется где-то в другом месте.

Когда я поехал по другому маршруту, мне повстречались в конном строю штабы артиллерии и пехоты. На мой вопрос о 7-й танковой дивизии и о том, что здесь происходит, я узнал: южное крыло группы армий Хайнрици вот уже вторую ночь, не имея никакого соприкосновения с противником, целиком отступает на запад через Шорнхайде и в течение 27.4 уже вышла в район по обе стороны Фюрстенберга, где артиллерия намерена встать на позиции.

Я думал: сейчас меня хватит удар! Ведь во второй половине вчерашнего дня Хайнрици ни единым словом не доложил мне о своем уже осуществляемом планомерном отступлении! Сама же 7-я танковая дивизия по настоянию Хольсте, требовавшего ее подчинения себе, находилась в другом месте.

В 8 часов утра я уже снова был на нашем командном пункте, где застал совершенно изменившееся положение лагеря, который в ближайшие дни мог беззащитным и ничего не подозревающим оказаться в руках русских. Я обсудил все это с Йодлем и приказал Хайнрици и генералу фон Мантейфелю⁵⁴⁹ встретиться севернее Ной-Бранденбурга и снова выехал туда. Тем временем Йодль весьма жестко сделал внушение начальнику штаба группы армий.

Во время моей поездки на север я наконец встретил 7-ю танковую дивизию и после долгих поисков нашел ее штаб. Там как раз находился и офицер связи из группы армий, старший офицер саперных войск, которому командир дивизии в тот момент показывал на карте маршрут дальнейшего отступления. Этого только недоставало! Пришлось и мне поневоле выслушать общий план отхода группы армий, о котором ни ОКВ, ни, самой собой разумеется, фюрер и генерал Кребс не могли иметь ни малейшего представления. Этот приказ был отдан вечером, после моего отъезда с командного пункта группы армий, т.е. уже тогда был делом решенным. Его отдача без утверждения ОКВ и лично фюрером явилась результатом моего откровенного разговора с Хайнрици, который заключил отсюда, что фюрер вмешаться в обстановку уже не в состоянии, а потому он может действовать по собственному усмотрению, намереваясь сдать свою группу армий американцам на Эльбе⁵⁵⁰. Правда, об этом я узнал позднее от преемника Хайнрици; сегодня мне известно, что его начальник штаба, генерал фон Трота, инициатор этого плана, был тоже смещен с должности в тот же вечер...

---

⁵⁴⁹ Хассо фон Мантейфель (1897—1978), генерал-лейтенант танковых войск, командующий 3-й танковой армией.

⁵⁵⁰ Преемником генерал-полковника Хайнрици на посту командующего группой армий «Висла» стал с 29.4.1945 г. генерал пехоты Курт фон Типпельскирх, до этого — командующий 21-й (бывшей 4-й) армией. Сам командующий 4-й армией и его штаб были доставлены из Восточной Пруссии.

Итак, 7-я танковая дивизия, согласно приказу, отправилась в район сосредоточения с целью только обороны, чтобы в течение дня облегчить отступавшим частям отрыв от противника. Такое использование танковой дивизии сильно возмутило меня к удивлению командира дивизии. К тому же я не принял невероятно трудного решения снова забрать эту танковую дивизию у корпуса Штайнера в тот момент, когда она была предназначена для решающего наступления на юг, на успех которого, учитывая достигнутое генералом Венком с его 12-й армией, не только фюрер, но и мы возлагали такие большие надежды. <...>

Приказав командиру 7-й танковой дивизии доложить мне обстановку, возникшую в результате отхода фронта (это было во время прорыва русских через Одер), я разъяснил ему, что чистая оборона для танкистов здесь неуместна и сила его — только в контрнаступлении. Он, само собой разумеется, видел это и сам, но считал, что занятие исходной позиции его дивизией потребует слишком много времени, а потому сегодня это большого результата не даст. Тем не менее я приказал ему действовать соответственно характеру его рода оружия, ибо все остальное — бессмысленно. <...>

В первые послеполуденные часы у меня состоялась встреча с генерал-полковником Хайнрици, на которой присутствовал и генерал фон Маншгейн⁵⁵¹. Беседа наша носила очень серьезный характер, ибо в крайне резкой форме я обвинил Хайнрици в том, что он утаил свой план отступления и от меня и от ОКВ. Он признал наличие такого плана, но объяснил отвод своего южного крыла через и за Шорнхайде, подчеркнув, что этот маневр и сокращение линии фронта он твердо держит в своих руках. Показанный мне в штабе 7-й танковой дивизии план служит лишь для введения в курс дела штабов саперных частей с предположительной целью установки заграждений и взрывов на случай отступления и т.п. После того как я проинформировал Хайнрици о положении 12-й армии (Венк), эсэсовского танкового корпуса Штайнера и корпуса Хольсте, а также обрисовал

---

⁵⁵¹ Описание этой встречи в весьма драматических тонах см. в кн. Юргена Торвальда «Конец на Эльбе» (*Jurgen Thorwald. Das Ende an der Elbe. Stuttgart, 1950*): фельдмаршал будто бы обвинил Хайнрици в «неповиновении и саботаже приказа фюрера», но «генерал-полковник не дал себя запугать».

крайне критическую обстановку севернее и северо-восточнее Берлина (сложившуюся в результате самоуправного отвода левого крыла, что угрожало с тыла Штайнеру), он обещал впредь следовать моим приказам и упорядочить общее руководство действиями подчиненных ему войск. Мы попрощались внешне корректно, при этом я напомнил ему о нашей старой дружбе и о данном мне слове.

Вечером [28 апреля] с наступлением темноты я вернулся в наш лагерь. Йодль считал, что положение на южном крыле, т.е. севернее Берлина, значительно ухудшилось. У меня состоялся продолжительный телефонный разговор с генералом Кребсом, находившимся в Имперской канцелярии; поскольку фюрер адресовал меня к нему, поговорить с Гитлером лично я не смог⁵⁵². Телефонная связь неоднократно нарушалась и прерывалась. Пока радиобашня как приемная и передающая радиостанция все еще находится в наших руках, а привязные воздушные шары действуют, можно будет восстановить и проводную связь с Имперской канцелярией, а также и поддерживать радиосвязь с бункером фюрера.

Йодль предложил мне на следующий день перенести наш командный пункт в другое место⁵⁵³. Сначала я решительно возражал, ибо никоим образом не желал без крайней необходимости еще больше удаляться от фюрера, что привело бы к отказу от радиосвязи с ним. Но о том, что нашему пребыванию здесь скоро наступит конец, говорил и грохот нашей артиллерии: батарея тяжелых орудий оборудовала свои позиции прямо у нас под носом и целыми ночами вела заградительный огонь. Вечером Йодлю удалось установить телефонную связь с фюрером: он доложил ему о моих решениях в отношении линии фронта у Хайнрици и получил его полное согласие с моими распоряжениями насчет прекращения дальнейшего отхода группы армий Хайнрици, приказав 7-й танковой дивизии начать контрнаступление.

Примерно в 24 часа до меня дозвонился генерал-полковник Хайнрици, пожаловался на слишком резкую отповедь Йодля его

---

⁵⁵² В ночь с 28 на 29 апреля 1945 г. Гитлер официально сочетался браком с Евой Браун и составил оба свои завещания.

⁵⁵³ Фактически ОКВ покинуло этот лагерь 29.4.1945 г. в 19.00 и лесными дорогами отправилось в Доббин (Южный Мекленбург).

начальнику штаба и заявил: в соответствии с обстановкой, которая после нашего разговора все же значительно ухудшилась, он приказал своей группе армий отступать и дальше. Я заявил: его поведение, для которого никакого серьезного оправдания нет, — это чистое неповиновение. Он возразил: в таком случае он личной ответственности за вверенные ему войска нести не может. Я сказал ему: он больше не является человеком, пригодным для командования группой армий, а потому я снимаю с него ответственность и приказываю немедленно передать командование ею старшему по званию командующему армией генералу фон Типпельскирху⁵⁴. Я сам сообщу фюреру о его смещении. На этом разговор закончился.

Вскоре вслед за тем ко мне зашел Йодль и, со своей стороны, пожаловался на начальника штаба группы армий Хайнрици как на человека совершенно неспособного, попросив меня вмешаться: терпеть такие методы мы больше не можем! Когда я сообщил ему об отстранении Хайнрици, он счел эту меру вполне оправданной. Я телеграммой доложил фюреру о смещении Хайнрици и изложил причины: ночью Кребс подтвердил ее получение для фюрера.

29.4.[1945 г.] в первой половине дня до нас стал доноситься гул боя восточнее нашего командного пункта. Йодль еще ночью вместе с начальником связи принял меры для подготовки нашей передислокации. Нам предстояло разместиться теперь на командном пункте Гиммлера в Мекленбурге, достаточно хорошо оборудованном средствами связи. Гиммлер сразу же заявил о своей готовности освободить его для нас и принять наших квартирьеров, вслед за которыми должны были прибыть и мы сами. В пути наша связь с Берлином временами отсутствовала. <...>

Прибыв на место, я при первой же возможности связался по телефону с Имперской канцелярией. К аппарату подошел командующий войсками Большого Берлина генерал артиллерии Вейдлинг, до этого назначения — командир корпуса на Восточном фронте в районе Кюстрина, фронт которого там был прорван. Это был тот самый генерал, на которого органы СС сделали

---

⁵⁴ Предполагалось передать командование группой армий «Висла» генерал-полковнику Курту фон Штуденту (лофтваффе), но ввиду невозможности его немедленного прибытия был назначен Типпельскирх.

фюреру ложный донос, будто он вместе со своим штабом сбежал в лагерь Добериц, в то время как его части вели тяжелейшие бои между Одером и Берлином. Фюрер, и без того подозрительный, в приступе ярости приказал Кребсу немедленно арестовать этого генерала и по приговору военно-полевого суда расстрелять за трусость. Генерал Вейдлинг, узнав об этом, тут же бросился в Имперскую канцелярию и потребовал разговора с фюрером. Как сообщил мне Кребс, разговор действительно состоялся. В результате фюрер, отстранив прежнего коменданта города, назначил именно Вейдлинга командующим войсками Большого Берлина с неограниченными полномочиями, выразив ему полное доверие. Я упоминаю об этом эпизоде в качестве примера тех методов, какими СС подрывали доверие фюрера к армейским генералам, а он, как правило, бурно реагировал на такие подозрения, исходявшие из темных эсэсовских источников информации. В данном случае, благодаря решительности самого генерала, удалось избежать чудовищной несправедливости.

Вскоре после моего разговора с Вейдлингом Йодлю удалось связаться по телефону лично с фюрером; я слушал их разговор через наушники. Фюрер был очень спокоен и деловит, снова признал правильными мои меры и после доклада Йодлем обстановки даже пожелал лично поговорить со мной. Но из-за сильного треска в телефонном аппарате говорить было невозможно, и разговор прервался. Через несколько минут появился наш начальник связи и доложил, что аэростат, с помощью которого поддерживалась телефонная связь, сбит русскими самолетами, другого не имеется, а потому связь восстановить невозможно. Сколь ни уничтожающим для нас было это открытие, оно облегчило мне решение сразу же с наступлением вечера предпринять рокадный марш, ибо на восстановление телефонной связи рассчитывать не приходилось, а поддерживать связь по радио можно было отовсюду. Я был просто вне себя, что мне так и не удалось потом снова поговорить с фюрером, хотя Йодль и обсудил с ним самое важное. Мы дали радиogramму о нашем перемещении и попросили направлять радиogramмы и приказы на наш новый командный пункт.

К полудню [29.4] противник активизировался, особенно его авиация, которая сбрасывала свои бомбы прежде всего в узел шоссе-ных дорог Рейнсберг и пикировала на забившие все до-

роги наши автомобильные колонны. Мы разделили ОКВ на отдельные маршевые группы и указали им их различающиеся маршруты. В 14 часов Йодль и я (последними) двинулись в путь, за нами должны были следовать оставшиеся подразделения связистов и рация. Мы старательно обходили забитые автомашинами дороги. Как мы узнали на следующий день, русские патрули прочесывали лес и через какой-нибудь час могли неожиданно обнаружить нас в лагере.

В солнечный весенний день мы лесными тропами, обходя населенные пункты, отправились в направлении Варена для встречи с генералом фон Типпельскирхом, чтобы обсудить с ним вопрос о дальнейшем командовании группой армий. Он требовал совершенно однозначного приказа о приеме этих войск, ибо всячески просил меня воздержаться от его назначения. Я разъяснил ему, что уже вызвал из Голландии генерал-полковника Штудента, назначенного командующим войсками этой группы, но до его прибытия эти обязанности должен исполнять он. <...>

Затем мы отправились дальше, на наш новый командный пункт в Доббине — усадьбе известного «нефтяного короля» Детердинга⁵⁵⁵.

Прибыв туда около 21 часа [29 апреля], мы еще застали там Гимmlера, он собирался завтра утром выехать оттуда со своим штабом, так что ночевать нам пришлось в большой тесноте. Но зато у нас была связь, и по радио нам были переданы срочные документы. На мое имя поступила радиограмма фюрера за его подписью. Она содержала пять вопросов.

1. Каково положение группы армий «Висла» (прежде — Хайнрици)?

2. Как обстоит дело с наступлением танкового корпуса Штайнера?

3. Что известно о 9-й армии? ⁵⁵⁶ Связи с ней здесь нет.

---

⁵⁵⁵ Имеется в виду голландско-английский нефтяной магнат сэръ Генри Детердинг (1866—1939), президент «Ройял датч шелл компани», который приобрел имение Доббин в Мекленбурге. Будучи убежденным противником большевизма, он издавна поддерживал Гитлера. Свое имение он предоставил в распоряжение имперского наместника и гауляйтера Мекленбурга Фридриха Хильдебрандта.

⁵⁵⁶ 9-я армия (командующий — генерал пехоты Теодор Буссе) обороняла линию фронта по Одере — Нейсе. Была окружена в районе

4. Где находится 12-я армия (Венк)? Когда начнется наступление через Потсдам?

5. Что делает корпус Хольсте?

За ужином я обсудил ответ с Йодлем и сам написал его первый вариант. Только после продолжительного обсуждения мы отправили свой ответ для передачи радиограммой.

В соответствии с истиной я, нисколько не приукрашивая, доложил о всей серьезности положения и о невозможности теперь освободить Берлин. Группа армий «Висла» в ходе отступления настолько отвела свое южное крыло на запад, что танковый корпус Штайнера оказался вынужден прекратить наступление и во взаимодействии с Хольсте взять на себя прикрытие южных флангов северо-западнее Берлина, иначе они были бы обойдены с тыла или же отрезаны. О 9-й армии нам известно только одно: примерно 10 тыс. человек без тяжелого оружия пробились через леса к восточному флангу 12-й армии. Они, разумеется, не могли служить никаким подкреплением для Венка, наступление которого захлебнулось непосредственно у Потсдама. Под донесением я приписал: «Деблокирование Берлина и создание вновь прохода с запада более невозможно; предлагаю прорыв через Потсдам к Венку, в ином случае — вылет фюрера в южный район [Германии]. Ожидаю решения».

Около полуночи ко мне в Доббин прибыл фельдмаршал фон Грайм, новый командующий люфтваффе; у него была перевязанная нога. 28 апреля он удачно вылетел из Берлина со своим шепилотом Ганной Райч и приземлился в Рехлине. Оттуда он поехал ко мне на автомашине, чтобы проинформировать меня о положении в Имперской канцелярии, где пробыл у фюрера несколько дней. Он сообщил мне о смещении Геринга и охарактеризовал ситуацию в Берлине как весьма серьезную, хотя фюрер был настроен уверенно и очень спокоен. У них состоялись длительные беседы, но, несмотря на старую дружбу⁵⁵⁷, ему не удалось убедить

Шпревальде; отдельным ее частям удалось пробиться на запад и соединиться с 12-й армией.

⁵⁵⁷ Генерал-фельдмаршал фон Грайм, будучи в Первую мировую войну летчиком, награжденным орденом «За заслуги», в марте 1920 г., во время Капповского путча, доставил Гитлера и нацистского поэта Дитриха Эккарта в Берлин, где они собирались войти в состав нового национального правительства.

фюрера покинуть Берлин. Он, Грайм, имеет задание установить со мной связь и обсудить обстановку, 30-го он полетит в Берхтесгаден, чтобы принять там командование люфтваффе.

29.4⁵⁵⁸ мы оставались в Доббине. Надежда на получение ответа от фюрера не оправдалась, хотя прием моей радиogramмы был подтвержден; следовательно, она правильно дошла до Имперской канцелярии, и ее вручили фюреру. Отсутствие ответа я должен был понимать как отклонение моего предложения, содержащегося в последней фразе. <...>

30.4.[1945 г.]⁵⁵⁹ в 4 часа утра мы оставили Доббин. Всего несколько часов провел я в кровати с белым бельем, мне даже удалось принять ванну. <...>

На 10 часов утра я назначил обсуждение обстановки в Висмаре: оно должно было состояться в казарме, где размещался фактический рабочий штаб (ОКВ + ОКХ) с 29.4. Затем я сразу принял в офицерской столовой генерал-полковника Штудента⁵⁶⁰, который прибыл в полдень на самолете. Я разъяснил поставленную перед ним задачу, особо подчеркнув важность сохранить доступ в порты на Балтике для прибывающих из Восточной Пруссии кораблей с войсками и беженцами. Йодль обсудил с ним самые необходимые приказы и нацелил его штаб на новые и видоизмененные задачи.

Штудент принял на себя командование с честным стремлением разрядить обстановку и затормозить возникновение неоправданной паники⁵⁶¹. <...>

К сожалению, во время нашей поездки в Висмар нам пришлось стать очевидцами чудовищной картины беспорядочной

---

⁵⁵⁸ Правильно: 30.5.1945 г.

⁵⁵⁹ ОКВ переместилось в Доббина, оказавшегося под угрозой советских войск, в Висмар (Мекленбург) в 4.30 1 мая 1945 г.

⁵⁶⁰ Курт Штудент, генерал-полковник авиации, с ноября 1944 г. до конца января 1945 г. командовал на Западе группой армий «Х» и с 10 до 20.4.1945 г. был командующим авиадесантной армией.

⁵⁶¹ Генерал-полковник Штудент был одним из самых способных и энергичных командующих во всем вермахте. Но и ему — в силу достаточно серьезных причин — уже не удалось поднять упавший боевой дух многочисленных соединений вооруженных сил в районе Мекленбурга. Кейтель едва ли был способен понять это, потому что слишком долго находился вдали от действительных фронтовых условий.

волны стремящихся уйти из своих родных мест беженцев. Повсюду их бесконечные колонны автомашин и обозы. Зачастую нам самим приходилось выходить из машин, потому что английская авиация на бреющем полете поливала шоссе и колонны пулеметным и пушечным огнем. Целыми часами мы были вынуждены вклиниваться в колонны в два-три ряда, которые сами преграждали себе путь. Со мной ехал впереди в открытой машине отлично действовавший полевой жандарм, который быстро наводил порядок и, как лоцман, открывал нам фарватер. <...>

В полдень 30.4⁵⁶² мы несколькими отдельными группами отправились в штаб-квартиру, предназначенную для главного командования «Север». Она находилась в Нойштадте, в военноморской казарме, где уже был оборудован узел связи. Мои ожидания встретить там гросс-адмирала Дёница не оправдались — он вместе со своим ближайшим окружением разместился в офицерском доме отдыха моряков в Плене. Я выехал туда из Нойштадта один, езды на машине было всего час.

В Плене гросс-адмирал как раз проводил совещание с фельдмаршалом Бушем⁵⁶³ — командующим береговым фронтом примерно (насколько я помню) от (исключительно) Киля до Голландии. Кроме Буша я увидел там Гимmlера, стремившегося установить контакт с Дёницей. Чего рейхсфюрер, собственно, хотел добиться, не знаю, но он явно выражал готовность к исполнению новой задачи и намеревался получить информацию о положении.

К вечеру я встретил у Дёница в Плене и фельдмаршала фон Грайма с его шеф-пилотом Ганной Райч; он отложил на день свой вылет на юг, чтобы обсудить пожелания люфтваффе и военноморского флота. От Ганны Райч я узнал: группенфюрер СС Фегеляйн был арестован в штатской одежде в ночном ресторане.

У меня произошел длительный разговор с Дёницей о безнадежном положении. Он показал мне радиограмму Бормана, в которой говорилось, что, согласно завещанию, фюрер назначил его своим преемником⁵⁶⁴; само же завещание уже послано гросс-

---

⁵⁶² Правильно: 1.4.1945 г.

⁵⁶³ Генерал-фельдмаршал Буш с 15 апреля командовал войсками группы армий «Северо-Запад».

⁵⁶⁴ Радиограмма Бормана «Завещание вступило в силу» была вручена гросс-адмиралу Дёницу 1 мая 1945 г. в 10.35. — См. *Karl Donitz*. Op. cit., S. 44.

адмиралу с вылетевшим к нему офицером. Мне сразу стало ясно: моя радиограмма о безнадежности положения из Дobbина в ночь с 29 на 30 апреля развеяла последние сомнения фюрера, и, таким образом, само завещание и предуведомление о нем Борманом явились ее следствием. Оба мы были убеждены в том, что в Берлине в любой момент может наступить развязка, хотя фельдмаршал фон Грайм, ознакомившись с обстановкой и несколько осмотревшись в столице, даже до вечера 28 апреля оценивал ход боев в Берлине в гораздо более благоприятном свете.

С очень большой тревогой в душе я вернулся в Нойштадт, но, к сожалению, уже незадолго до темноты, так как в пути меня несколько раз задерживали сильные авиационные налеты англичан на населенные пункты вблизи военно-морской казармы. Я серьезно опасался, что моя радиограмма, возможно, изобразила положение в слишком мрачных красках, а это и послужило причиной неправильных выводов. Но в конце концов я пришел к убеждению: любое приукрашивание было бы безответственным и мое правдивое донесение являлось правильным. Йодль придерживался того же мнения, когда я по возвращении поделился с ним своими мыслями и сообщил то, что узнал от Дёница.

Еще в ночь с 30 апреля на 1 мая я был вызван Дёницей на 8 часов утра и заблаговременно приехал из Нойштадта. Дёниц сразу же принял меня наедине и показал мне две новые радиограммы:

а) от Геббельса — со списком якобы назначенного фюрером имперского правительства, «рейхсканцлером» в котором должен был стать Геббельс. Она начиналась словами: «Фюрер скончался 30.4 в послеполуденные часы...»;

б) от Бормана — о том, что оговоренный случай произошел, и тем самым Дёниц становится преемником [фюрера] ⁵⁶⁵.

---

⁵⁶⁵ По воспоминаниям Дёница и его адъютанта Людде-Нойрата, радиограмма, цитируемая фельдмаршалом в пункте «б», была получена в Плёне, как уже указывалось, в 10 час 35 мин утра. Она была подписана Борманом, и в ней говорилось, что завещание Гитлера вступило в силу, а сам Борман попытается как можно скорее прибыть к Дёницу; до тех пор сообщение это не публиковать. Процитированная Кейтелем в пункте «а» и подписанная «Борман, Геббельс» радиограмма поступила в Плён 1 мая в 15 час 18 мин. Она начиналась словами: «Фюрер скончался вчера в 15.30. Завещание от 29.4 передает “вам пост прези-

Итак, свершилось! Судя по тексту радиограммы Геббельса, фюрер покончил жизнь самоубийством, иначе было бы сказано: «погиб», а не «скончался». Завещание, которое якобы было послано на самолете с офицером, так и не прибыло.

Дёниц сразу же заявил, что, как глава государства, он ни в коем случае не позволит навязывать себе состав кабинета. Я мог лишь поддержать эту точку зрения как совершенно справедливую. Я высказал мнение, что тут явно видна попытка Геббельса и Бормана поставить его, Дёница, перед свершившимися фактами. Еще сегодня же, во второй половине дня, будут готовы обращения нового главы государства к немецкому народу и вермахту. Приведение вермахта вновь к присяге в этой обстановке — совершенно неосуществимо, поэтому я предложил такую формулировку: присяга, данная фюреру, без всяких оговорок распространяется и на Дёница как на указанного самим фюрером главу государства.

В первой половине дня снова появился Гиммлер, он имел беседу с Дёницем наедине. Мне бросилось в глаза: в списке министров Геббельса он не назван. У меня сложилось впечатление, что он считает себя членом кабинета Дёница, будто это само собой разумеется. Но почему же он тогда не спрашивает, как относится к нему вермахт? Мне показалось, что он рассчитывает на пост военного министра. Я уклонился от обсуждения с ним этого вопроса, сказав, что такие вопросы пусть он решает с Дёницем, я же решения гросс-адмирала как Верховного главнокомандующего вооруженными силами предвосхищать не могу. И добавил, что буду просить Дёница освободить меня от моей должности, как только вопросы командования вермахтом будут им урегулированы, ибо сначала нужно назначить новых главнокомандующих сухопутными войсками и военно-морским флотом.

Узнав о присутствии Гиммлера, Дёниц еще раз попросил меня зайти к нему для беседы с глазу на глаз. Он сказал: Гиммлер по всей форме предоставил себя в его распоряжение, хотя, по-

---

дента” и содержит список членов правительства, согласно которому Геббельс должен был стать рейхсканцлером, Борман — министром по делам партии, а имперский комиссар Нидерландов Зейсс-Инкварт — министром иностранных дел.

видимому, еще несколько дней назад носился с мыслью самому стать преемником Гитлера. Затем Дёниц спросил меня, что я думаю о Гиммлере как члене нового кабинета. Я мог ответить только одно: считаю неприемлемым! Мы договорились хранить об этом полное молчание. Дёниц хотел, чтобы министром иностранных дел стал (прежний министр финансов. — *Прим. пер.*) граф Шверин фон Крозиг, и с ним он собирался обсудить состав нового правительства.

Когда воззвание было готово для передачи по радио, я покинул штаб-квартиру Дёница и поехал в Нойштадт, чтобы прибыть туда рано утром 2 мая. По возвращении я подробно обсудил с Йодлем создавшееся положение. Нами обоими владела только одна мысль: как можно скорее прекратить войну; пока еще возможно оставить Восточную Пруссию и спасти как можно большую часть войск, сражавшихся на Востоке. Мы собирались на следующий день обсудить это с Дёницем. В таком намерении нас укрепила полученная Дёницем вечером 1 мая в нашем присутствии длинная телеграмма фельдмаршала Кессельринга, в которой тот сообщал об уже произведенной им капитуляции группы армий «Италия». Он добавлял, что потрясен самовольными действиями генерал-полковника фон Фитингофа⁵⁶⁶, но принимает всю ответственность за это на себя. Итак, итальянский фронт развалился, группа армий на Балканах под командованием генерал-полковника Лёра оказалась под огромной угрозой, и надеяться на ее спасение больше не приходится.

С этим известием рано утром 2 мая я снова приехал к Дёницу в Плён; его радиоузел тоже получил донесение Кессельринга. Сам Дёниц был полон решимости как можно скорее закончить войну, с этой мыслью он и принял меня. Я предложил немедленно перевести к нему ОКВ «Север». Поскольку помещений для этого в Плёне не хватало, а надо было восстановить полную работоспособность высшего командования, Дёниц решил перенести резиденцию верховного руководства в Фленсбург, что и было сделано. Я вызвал Йодля вместе с нашим самым узким окружением в Плён, между тем как весь штаб ОКВ — ОКХ двинулся в Фленсбург. По прибытии Йодля мы оба долго совеща-

---

⁵⁶⁶ Командующий самовольно капитулировавшей группы армий «Юго-Запад».

лись с Дёницем, и выяснилось полное совпадение наших взглядов на существующее положение.

К вечеру Дёниц выехал в Рендсбург, куда он вызвал генерал-адмирала фон Фридебурга, чтобы лично сообщить тому о назначении его главнокомандующим военно-морским флотом.

Мы остались на ночь в прежней штаб-квартире Дёница, а на рассвете, в 4.30 [3 мая], последовали за ним в Фленсбург-на-Мюрвике. В Фленсбурге нам предоставили жилье и рабочие помещения в военно-морской команде. Йодль и я разместились в одном здании с гросс-адмиралом, наши кабинеты находились рядом с его кабинетом.

В штабе, возглавляемом Йодлем как начальником, полковник Мейер-Детеринг занимался подчиненными ОКВ театрами военных действий как начальник оперативного отдела, а генерал Детлефсен — задачами ОКХ. Подробности военной обстановки я здесь опускаю⁵⁶⁷. Оба эти офицера владели тогдашней ситуацией лучше меня; вероятно, они и сами написали подобные воспоминания. <...>

Могу сказать, что меры, вытекавшие из однозначных распоряжений гросс-адмирала и направленные на спасение как можно большей части беженцев, а также войск Восточного фронта путем перемещения их во внутренние области Германии, при-

---

⁵⁶⁷ Фельдмаршал обходит вопрос о разногласиях, возникших в связи с его дальнейшим пребыванием в должности начальника ОКВ. Так, один из генералов заявил Йодлю, что отказывается служить дальше под началом Кейтеля. Сначала Йодль резко оборвал его и приказал выйти из комнаты, но потом вернул и сказал, что понимает его поведение. Он, Йодль, сам достаточно «настрадался» за шесть лет совместной работы с фельдмаршалом. — См. аффидэвит Йодля о Кейтеле (Dok. Keitel-24, IMT-Prozess, Bd. XI, S. 420). В нем приводится высказывание уже упоминавшегося начальника юридического отдела вермахта д-ра Лемана, с которым он как будто бы согласен: «Кейтель настолько мужествен, что пойдет на льва с голыми руками, но против Гитлера он — беспомощен, как дитя». Йодль добавляет от себя: «Необычайная волевая энергия фюрера подчинила себе его [Кейтеля] достаточно развитую волю». Правда, в первые годы войны фельдмаршал оказывал фюреру «весьма энергичное сопротивление, а потом рефлексировал по поводу того, что Гитлер выходил из себя и не воздерживался от оскорблений». Как издатель этой книги хочу спросить: а разве сам Йодль не вел себя подобным же образом?

нимались незамедлительно и имели целью закончить войну. Нам было ясно: капитулировать от нас потребуют на том месте, где окажутся в тот момент войска. А значит, надо дать возможность насчитывающей еще более 3 миллионов человек основной массе войск Восточного фронта перейти в американскую оккупационную зону, чтобы защититься от русского плена.

Этой цели служили также начатые 3 или 4 мая гросс-адмиралом через генерал-адмирала фон Фридебурга переговоры с главнокомандующим английскими войсками Монтгомери⁵⁶⁸. За ними — после отклонения Монтгомери [желаемых нами] особых условий [капитуляции] — последовали начатые фон Фридебургом и законченные Йодлем в ставке Эйзенхауэра в Реймсе переговоры, результатом которых явились предварительные соглашения от 6.5.1945 г. Единственное послабление нам заключалось в предоставлении срока [для капитуляции] до полуночи с 8 на 9 мая. Йодль прислал мне из ставки Эйзенхауэра радиограмму, где, хотя и в замаскированной форме, дал понять, какие возможности предоставляет нам эта отсрочка⁵⁶⁹.

Гиммлер тоже старался примкнуть к гросс-адмиралу. После одного разговора с Дёницем я взял на себя его поручение просить Гиммлера уехать и от дальнейших посещений штаб-квартиры гросс-адмирала отказаться. Поначалу Гиммлер еще был облечен определенными полицейскими функциями, но потом был лишен и их. Гиммлер был для правительства Дёни-

---

⁵⁶⁸ Сэр Бернард Лэу Монтгомери, виконт Аламайнский — британский фельдмаршал, командующий 21-й группой армий, действовавшей в Северо-Западной Германии. О переговорах см. «Мемуары» Монтгомери (Мюнхен, 1958).

⁵⁶⁹ 6 мая 1945 г. президент гросс-адмирал Дёниц направил начальника штаба оперативного руководства вермахта генерал-полковника Йодля в штаб-квартиру союзных войск в Реймсе для переговоров с Верховным главнокомандующим (союзническими экспедиционными войсками. — *Прим. пер.*) генералом Дуайтом Д. Эйзенхауэром (США). Эйзенхауэр, вопреки предложению Йодля, потребовавшего предоставления четырех дней до вступления в силу безоговорочной капитуляции, согласился предоставить лишь два дня: до 00.01 9.5.1945 г. Йодль хотел тем самым выиграть время для отвода действовавших на Востоке немецких войск с целью и их капитуляции перед западными державами.

ца совершенно неприемлем, и именно это, по просьбе гросс-адмирала, я коротко и ясно и сказал ему⁵⁷⁰.

Сколь мало сам Гиммлер понимал политическую ситуацию и сознавал свою личную скомпрометированность, видно из такого эпизода. На неизвестной нам квартире он написал письмо Эйзенхауэру и через одного армейского офицера, который не принадлежал к его штабу и которого он теперь уволил, обратился к нам с просьбой передать это письмо адресату. Офицеру было разрешено ознакомиться с его содержанием. Короче говоря, Гиммлер предлагал Эйзенхауэру свои услуги, если тот пообещает ни в коем случае не выдавать его русским. Об этом своем намерении Гиммлер намекнул мне при нашем последнем разговоре с ним в присутствии Йодля. Поскольку офицер, которому было поручено передать нам письмо, к Гиммлеру не вернулся, тот так никогда и не узнал, что оно было уничтожено и к генералу Эйзенхауэру не попало. Кстати, Гиммлер через офицера связи просил меня сообщить Дёницу, что исчезнет из северного района и скроется; в течение ближайшего полугодия его никому не найти. Его произошедший через несколько недель арест и самоубийство после ареста известны⁵⁷¹.

Благодаря этому, я успел известить Восточный фронт и все еще находившуюся в Восточной Чехии группу армий Шёрнера и предоставить им для отступления на запад крайне ограниченное время — не более 48 часов. Эта директива была дана еще до полуночи 7 мая. В результате смелого полета полковника Мейер-Детеринга в штаб этой группы армий удалось еще до 6 мая дать ей ориентировку и подготовительные указания.

---

⁵⁷⁰ По воспоминаниям К. Дёница «Десять лет и двадцать дней», рейхсфюрер СС (хотя с этого поста он был смещен еще Гитлером), он же — имперский министр внутренних дел, начальник германской полиции и командующий армией резерва, был снят новым главой государства со всех должностей 6 мая 1945 г.

⁵⁷¹ Будучи случайно арестован английскими военными властями с фальшивой солдатской книжкой на имя ефрейтора Хитцингера, Гиммлер 23 мая 1945 г. на первом же допросе в Люнебурге отравился цианистым калием, раздавив спрятанную во рту ампулу. Такие ампулы эсэсовским чинам предписывалось иметь при себе на случай самоубийства, зашитыми в обшлаг воротника мундира или шинели. — *Прим. пер.*

Группа армий генерала Хильперта⁵⁷² в Курляндии [Прибалтика] была информирована майором де Мезьером⁵⁷³; ей было дано право отправить на родину последним морским транспортом из порта Либяу [Лиепая] всех больных и раненых. Де Мезьер передал мне последний привет от моего сына Эрнста Вильгельма, с которым он говорил еще до своего обратного полета в Фленсбург. Фельдмаршал Буш [Северо-Западный фронт] и генерал Бёме⁵⁷⁴ побывали у гросс-адмирала для личной информации. С фельдмаршалом Кессельрингом, который командовал в южном районе вместе с южным крылом, возглавлявшимся генерал-лейтенантом Винтером, до сих пор имелась ненарушаемая радиосвязь.

В Фленсбурге-на-Мюрвике собрались несколько членов правительства, среди них — новый министр иностранных дел граф Шверин фон Крозиг. Был там и министр вооружения и боеприпасов Шпеер, к которому демонстративно присоединился генерал фон Трота, ранее смещенный мною начальник штаба группы армий генерала Штудента [прежде ею командовал Хайнрици].

8 мая, после возвращения Йодля 7 мая из ставки генерала Эйзенхауэра в Реймсе, я по поручению гросс-адмирала как главы государства и Верховного главнокомандующего вооруженными силами с подписанным Йодлем и начальником штаба Эйзенхауэром предварительным актом [о капитуляции] на английском транспортном самолете вылетел в Берлин. Меня сопровождали: в качестве представителя военно-морского флота — генерал-адмирал фон Фридебург и представителя военно-воздушных сил — генерал-полковник авиации Штумпф⁵⁷⁵, являвшийся под конец командующим противовоздушной обороной Германии. Кроме того, я взял в качестве сопровождающих лиц вице-

---

⁵⁷² Карл Хильперт (1888—1948), генерал-полковник, командующий группой армий «Курляндия».

⁵⁷³ Ульрих де Мезьер, подполковник генерального штаба, начальник оперативного отдела (сухопутные войска) в объединенном командовании ОКВ — ОКХ.

⁵⁷⁴ Франц Бёме, генерал-лейтенант горнострелковых войск, командующий 20-й армией в Норвегии.

⁵⁷⁵ Ганс Юрген Штумпф, командующий военно-воздушным флотом «Рейх».

адмирала Бюркнера, начальника отдела «Заграница» в ОКХ, и подполковника Бём-Теттельбаха из [оперативного] отдела «1а-авиация» штаба оперативного руководства вермахта (причем последнего потому, что он не только свободно говорил по-английски, но и сдал экзамены на военного переводчика русского языка).

На английском транспортном самолете мы сначала полетели в Штендаль. Там была сформирована эскадрилья пассажирских самолетов под командой маршала авиации — полномочного представителя генерала Эйзенхауэра. После своего рода круга почета она приземлилась (мой самолет сел последним) на аэродроме Темпельгоф. Английская и американская делегации были встречены почетным караулом русских, гремел военный оркестр. Мы смогли издала, с места нашей посадки, наблюдать за этой церемонией. К нам был прикомандирован русский офицер; мне сказали, что он — обер-квартирмейстер генерала Жукова. Он ехал в машине со мной, за нами следовали остальные машины моего сопровождения.

Путь наш лежал через Бельльянсплац, через пригородные районы Берлина в Карлсхорст. Нас привезли в небольшую просторную виллу, рядом с казармой саперно-инженерного училища. Было примерно 13 часов. Нас оставили одних. Порой появлялся какой-нибудь репортер — нас фотографировали; иногда к нам заходил русский офицер-переводчик. Сказать, когда состоится подписание акта о капитуляции (немецкую копию которого мне, кстати, вручили еще на аэродроме), он не мог. Поэтому у меня было достаточно времени сравнить его с парафированным Йодлем предварительным актом⁵⁷⁶ и констатировать, что в текст его внесены лишь незначительные изменения. Единственно важным было добавление угрозы репрессивных мер в отношении тех войск, которые к предписанному сроку оружия не сложат и не сдадутся. Поэтому я потребовал через офицера-переводчика встречи с уполномоченным Жукова, поскольку не желал без оговорок подписывать это добавление.

---

⁵⁷⁶ Непонятно, почему фельдмаршал говорит о «предварительном» акте. Капитуляция германских вооруженных сил была произведена в союзнической ставке; Советы потребовали лишь повторения этого акта в Берлине.

Через несколько часов вместе с офицером-переводчиком появился русский генерал, он выслушал мое возражение; как я думаю, это был начальник штаба Жукова. Я объяснил ему причину своего возражения тем, что не в состоянии гарантировать своевременного получения войсками нашего приказа о сложении ими оружия, а потому командиры частей и соединений могут не подчиниться этому требованию. Я настоял на включении фразы, согласно которой сдача [капитуляция] вступила бы в силу только через 24 часа после поступления нашего приказа в войска, и лишь затем могли бы применяться репрессивные меры. Примерно через час генерал вернулся с решением, что генерал Жуков согласен на срок в 12 часов вместо 24. Он потребовал вручить ему мои письменные полномочия для ознакомления с ними представителей держав-победительниц; пообещав вскоре их вернуть, он добавил: подписание акта капитуляции состоится вечером.

Около 15 часов русская официантка подала нам обильный завтрак. Терпение наше подверглось первому испытанию. Часов в 17 нас перевели в другое здание и там устроили ленч; больше ничего не произошло. Мне вернули мои полномочия, заметив, что с ними все в порядке. Около 22 часов терпение мое иссякло, и я официально запросил: когда же состоится акт подписания. Ответ гласил: примерно через час. К вечеру я приказал принести наш скромный багаж; стало ясно: ожидаемый нами обратный вылет сегодня не состоится.

Незадолго до 24 часов — часа вступления капитуляции в силу — я был вместе с сопровождающими меня лицами препровожден в офицерскую столовую (казино) казармы. В тот самый момент, когда часы пробили полночь, мы вошли в большой зал через широкую боковую дверь. Нас сразу же провели к стоявшему поперек длинному столу с тремя стульями — для меня и обоих сопровождавших меня лиц. Зал был заполнен до самого последнего уголка и ярко освещен многочисленными «юпитерами». Поперечный и три продольных ряда стульев были плотно заняты сидящими. На председательском месте за торцовым столом сидел генерал Жуков, справа и слева от него — уполномоченные Англии и Америки. Когда начальник штаба Жукова положил передо мною Акт на трех языках, я потребовал разъяснения, почему в его текст не внесено требуемое мною ограни-

чение репрессивных мер. Он вернулся к Жукову, а потом, после краткого совещания с ним, которое я мог наблюдать, снова подошел ко мне и сказал: Жуков категорически обещает мне неприменение этих мер с продлением срока на 12 часов.

Торжественный церемониал начался несколькими вступительными словами. Затем Жуков спросил меня, прочел ли я Акт о капитуляции. Я ответил: «Да». Второй вопрос гласил: готов ли я признать его, поставив свою подпись? Я снова ответил громким «да». Сразу же началась процедура подписания, закончившаяся после того, как я первым поставил свою подпись. <...> По завершении ее я вместе с сопровождавшими меня лицами покинул зал через ближайшую дверь позади.

Нас опять привели в нашу небольшую виллу; здесь, в нашем первом месте пребывания во второй половине дня, стол установили закусками и различными винами, а в остальных комнатах устроили спальни — для каждого отдельная постель с чистым бельем. Офицер-переводчик сообщил о предстоящем приходе русского генерала, стол снова сервировали. Через полчаса явился обер-квартирмейстер Жукова и пригласил нас к столу, но сам просил извинить его, так как он должен удалиться. Блюда были гораздо скромнее, чем те, к которым мы привыкли, но пришлось довольствоваться этим. Тем не менее я не преминул заметить, что мы к такой роскоши и такому богатому столу непривычны. Он явно почувствовал себя польщенным этой репликой. Мы полагали, что заставленный закусками стол означает конец этого пиршества в гостях у палачей. Но когда мы уже достаточно насытились, вдруг подали горячие блюда, жаркое и т.п. А на десерт — свежемороженную клубнику, которую я ел первый раз в жизни. Этот десерт явно был из берлинского ресторана Шлеммера, да и вина были того же происхождения. После еды офицер-переводчик, очевидно, заменявший хозяина, ушел. Мы легли спать; предварительно я назначил обратный вылет на 6.00.

На следующий день нам в 5 часов утра подали простой завтрак. Когда я полшестого собрался выехать, меня попросили дожидаться прихода начальника штаба Жукова, который хочет поговорить со мной насчет обратного полета. Мы стояли перед готовыми двинуться машинами. Генерал попросил меня задержаться в Берлине; он попытается предоставить мне воз-

возможность дать из Берлина приказ войскам Восточного фронта сложить оружие так, как я того требовал вчера при уточнении срока для репрессивных мер. Я заявил: если мне гарантируют радиосвязь, я немедленно пошлю еще несколько радиogramм, но для этого мне должны вручить немецкий шифровальный радиоключ. Генерал снова исчез, он хотел получить решение Жукова. Вернулся он с сообщением, что отправка моих радиogramм хотя и невозможна, тем не менее генерал Жуков предлагает мне остаться в Берлине.

Теперь цель всего этого стала мне ясна. Я потребовал немедленного отлета в Фленсбург, сказав, что хочу как можно скорее передать оттуда в войска измененные условия капитуляции — иначе ни за что отвечать не могу. Я подписал Акт [о безоговорочной капитуляции], полностью доверяя слову генерала Жукова; пусть ему передадут это.

Через 10 минут начальник штаба вернулся и сообщил: самолет сможет вылететь через час. Не теряя ни минуты, я сел в автомашину вместе с Бюркнером и Бём-Теттельбахом, а также офицером-переводчиком. Остальные господа из моего сопровождения попытались удержать меня; они заметили гораздо больше, чем я, во всяком случае поначалу. Они рассказали мне, что русские, видимо, здорово покутили, и, когда мы благополучно отбыли, банкет по случаю победы был в офицерской столовой все еще в полном разгаре.

Офицер-переводчик спросил, какой дорогой я хочу ехать на аэродром. Мы поехали мимо Ратуши, [королевского] Замка, по Унтер-ден-Линден, через Фридрихштрассе. Страшные следы войны были особенно видны между Унтер-ден-Линден и Бельальянсплац. На Фридрихштрассе во многих местах путь нам преграждали немецкие и русские танки, покрытые щебнем рухнувших домов. Мы вылетели прямо в Фленсбург и были рады, когда английский самолет оказался в воздухе. Около 10 часов утра мы приземлились в Фленсбурге.

Мы договорились с Монтгомери и Эйзенхауэром об обмене офицерскими делегациями для облегчения служебного общения во время проведения капитуляции. В субботу 12 мая американская делегация прибыла в Фленсбург и расквартировалась на роскошном пароходе «Патрия»; первая встреча состоялась в воскресенье в 11 часов утра. К этому часу на прием к американ-

цам на «Патрии» был приглашен Дёниц, через полчаса должен был явиться я.

Когда Дёниц покинул «Патрию», приняли меня. Американский генерал⁵⁷⁷ сообщил мне, что я должен отправиться в плен и вылететь в 14 часов, т.е. через два часа. Мои дела я обязан передать генерал-полковнику Йодлю и могу взять с собой для сопровождения одного офицера (не генерала) и личную службу, а также 150 килограммов багажа.

Я встал, отдал честь маршальским жезлом и поехал к себе на квартиру с Бюркнером и Бём-Теттельбахом, сопровождавшими меня на эту «аудиенцию». Доложил о своем прибытии Дёницу и назначил своими сопровождающими полковника Йона [1-го адъютанта начальника ОКВ] и [водителя] Мёнха, тем самым обеспечившим сравнительно сносное пребывание в плену. Я передал Йодлю свои бумаги и ключи, а Шимонски — письмо и еще кое-что для моей жены; все это курьерский самолет должен был доставить в Берхтесгаден. К сожалению, письмо у него отобрали англичане, так же, как и мои ключи, и мою расходную книгу.

Мы летели к неизвестной цели над почти половиной Германии и к вечеру приземлились на аэродроме Люксембурга. Там со мною впервые стали обращаться как с военнопленным и отправили в лагерь для интернированных лиц, устроенный в парковом отеле в Мондорфе, куда до меня уже был помещен Зейсс-Инкварт.

В Фленсбурге я был еще совершенно свободен, приехал на аэродром в собственной машине. В течение двух часов я, совсем не охраняемый, мог покончить с жизнью. Но мысль об этом не пришла мне в голову, ибо я не мог и предположить такого хождения по мукам, какое трагически закончилось в Нюрнберге.

С 12.5.45 г. я был военнопленным в Мондорфе, с 13.8.45 г. — заключенным тюрьмы в Нюрнберге, а 13.10.46 г. ожидаю приведения в исполнение смертного приговора.

Закончено 10.10.46 г.

---

⁵⁷⁷ Это был генерал-майор Руке. По утверждению Шульца в его книге «Последние 30 дней» (запись от 13.5.1945 г.), встреча состоялась в 12 час 30 мин: «Фельдмаршал Кейтель никакого отношения к этому сообщению не выразил, но заявил, что сам подписал безоговорочную капитуляцию и вытекающие отсюда последствия ему ясны».

ДОКУМЕНТЫ И ПОСЛЕДНИЕ ПИСЬМА

Обращение к ОКВ после пленения

*Генерал-фельдмаршал Кейтель
Лагерь для военнопленных, 15.5.[19]45 г.*

**К офицерам, чиновникам, солдатам и служащим
штаба Верховного главнокомандования вермахта**

15 мая в полдень по приказу Верховного главнокомандующего союзными экспедиционными силами генерала Эйзенхауэра я переведен на положение военнопленного.

Поскольку за два часа, оставшиеся в моем распоряжении до отлета в лагерь, у меня уже не было возможности попрощаться с моими товарищами, столь верно и самоотверженно трудившимися под моим началом в тяжелые годы войны, я испытываю настоящую потребность сделать это хотя бы задним числом издалека.

Преисполненный самой искренней благодарностью к каждому из вас в отдельности, я выражаю свою признательность всем вам не только за все сделанное и за доказанную вами верность и преданность мне, но также и за постоянное личное доверие. Лишь сознание возможности безраздельно положиться на всех моих сотрудников всегда давало мне силу исполнять свою трудную должность. И если мне удалось сформировать ОКВ и превратить его в образцовое рабочее содружество, постоянно сохраняя этот дух, то это отнюдь не моя, а наша общая заслуга.

Мне тяжело навсегда покидать этот товарищеский круг. Став военнопленным, я вижу ожидающее меня судебное осуждение в качестве военного преступника. Мое единственное желание — избавиться от такой судьбы каждого из моих прежних сотрудников⁵⁷⁸. Моя военная карьера закончена, мой жизненный путь идет к завершению.

---

⁵⁷⁸ В этих словах предварительно намечена та линия, которой фельдмаршал придерживался на процессе в Международном военном трибунале в Нюрнберге. Не защита, а изложение (в той степени, в какой

До тех пор пока ОКВ еще дозволено функционировать⁵⁷⁹, обязываю вас выполнять, как завещание, мою следующую просьбу: отдать все свои силы до самого конца и употребить их наилучшим образом на службу Верховному главнокомандующему вермахта гросс-адмиралу Дёницу во имя Германии!

*Кейтель,
генерал-фельдмаршал*

Последние письма из Нюрнберга

Вильгельм Кейтель — старшему сыну⁵⁸⁰

Нюрнберг

12.1.[19]46 г.

О моей судьбе ты еще узнаешь, процесс будет длиться целые недели. Для меня — суровое испытание нервов и моя последняя задача перед народом и историей. <...>

они были ему известны или становились известными) фактических уловий. Таково было содержание его показаний.

⁵⁷⁹ Американский генерал-майор Руке дал назначенному по завещанию Гитлера главе германского государства гросс-адмиралу Дёницу понять, что отстранение генерал-фельдмаршала Кейтеля от должности начальника ОКВ является «временным», а его преемником следует назначить генерал-полковника Йодля. — См.: *S. Schuhz. Die letzten 30 Tage*, S. 108 f.

⁵⁸⁰ В письме речь идет о рукописи, которую бывший командующий ВМФ гросс-адмирал Редер написал для своих воспоминаний, будучи интернирован в Москве, и которую представитель советского обвинения полковник Покровский пытался под наименованием «Документ СССР-160» использовать на процессе против Кейтеля. В ней изложены взгляды Редера, во многом идентичные воззрениям Кейтеля. В документе гросс-адмирала содержится крайне резкая критика «несостоятельности» Кейтеля, а сам документ был написан Редером для самооправдания и общественности не предназначался. Поэтому публичное оглашение его советским обвинением не предполагалось и было отменено (см. *IMT-Prozess. Bd. XIV, S. 243*). В своем заявлении на заседании суда 25.5.1946 г. Редер свои высказывания несколько смягчил и заявил: «Тот, кто ежедневно или каждый второй день имел дело с фюрером», долго выстоять не мог, и тогда «работа в интересах всего вермахта» становилась «невозможной».

*Вильгельм Кейтель — д-ру Отто Нельте*⁵⁸¹

21.5.[19]46 г.

После уничтожающей характеристики, данной моей личности и исполнению мною служебных обязанностей гросс-адмиралом Редером, моя защита вступает в новую стадию при полностью изменившихся обстоятельствах. От нападков и обвинений делового характера или посторонних лиц защититься либо найти при этом понимание со стороны суда нельзя. Но Редер никогда не говорил мне ни о какой моей «несостоятельности», а ведь он обязан был сделать это, если у него имелись ко мне серьезные претензии по поводу тех моих действий, которые могли бы, по его разумению, принести вред вермахту. В Берлине я неоднократно присутствовал на совещаниях в его кабинете по различным вопросам, также и министерского характера. Это значит, что он имел возможность хоть раз открыто сказать или дать понять мне, в чем именно он видел опасность моих действий на занимаемом мною служебном посту. Тем более что я неоднократно приходил к нему за советом, стремясь добиться его доверия или сохранить таковое.

После всего того, что вскрылось на этом суде, я сам считаю данную мне характеристику одним из высших представителей вермахта (с которым надо всерьез считаться) столь обвиняющей меня, что не могу ожидать от суда никакого понимания того противоречия, которое существовало между моим честным стремлением и потрясающим бессилием моих действий и наличием всяких упущений.

Поэтому моя защита представляется мне проблемой неразрешимой. Если я, ценя благороднейшие мотивы, побуждающие вас защищать меня здесь, могу помочь вам принять нужное решение, то знайте: я вполне пойму вас, если вы, ввиду этих впечатляющих фактов, всерьез задумаетесь: а не отказаться ли вам от защиты столь сомнительной личности, коей являюсь я?

Чувство стыда не позволяет мне сообщить об этом вам устно.

С огромной благодарностью и почтением

весьма преданный вам

В. Кейтель

---

⁵⁸¹ Оригинал написан прописными буквами, чернилами, на бланке для переписки военнослужащих. Письмо адресовано подполковнику Карлу Гейнцу Кейтелю.

*Вильгельм Кейтель — Луизе Йодль*⁵⁸²

9.6.[19]46 г.

Уважаемая и дорогая моя фрау Йодль!

У меня возникла искренняя потребность сказать вам, как сильно обрадовал меня ход защиты на прошлой неделе. Твердость, достоинство и покоряющая сила убежденности не уязвимых для обвинения ответов! Огромные труды, а также ваши усилия стократно вознаграждены. То, что не удалось сказать мне или же было упущено мною, сегодня зафиксировано в протоколах, а то, что более всего компрометирует его [Йодля], к счастью, опровергнуто. Вспоминать об этом незабываемом историческом дне можно только с чувством глубочайшего удовлетворения и благодарности.

Вильгельм Кейтель — д-ру Отто Нельте

1.10.[19]46 г.

Смертный приговор не явился для меня неожиданным, но способ приведения его в исполнение — крайне потряс. Прошу вас оказать мне в этом положении еще раз вашу самоотверженную помощь и составить прошение о замене предписанного способа казни способом, достойным воина, — расстрелом... Просить большего считаю бессмысленным. Мое доверие к вашей защите и тем советам, которые вы мне давали, остается совершенно незыблемым. Ни один защитник не смог бы так самоотверженно, неустанно и с такой личной заинтересованностью защищать своего клиента⁵⁸³. <...>

*Луиза Кейтель — д-ру Отто Нельте*⁵⁸⁴

10.[19]46 г.

Только что написала мужу последнее письмо. Надеюсь, вы еще сможете передать его ему. Мы услышали такой приговор, какой и ожидали. Мой муж требует воинской формы казни. Как я надеюсь, это требование его и Йодля будет удовлетворено. Иначе к чему само это прошение! <...>

---

⁵⁸² Письмо посвящено защите генерал-полковника Йодля. Оригинал находится в собственности г-жи Йодль, которая предоставила его в распоряжение немецкого издателя. (См. также: IMT-Prozess, Bd. XV, S. 379).

⁵⁸³ Оригинал письма — в «Бумагах Нельте».

⁵⁸⁴ Оригинал — в «Бумагах Нельте».

*Вильгельм Кейтель — старшему сыну*⁵⁸⁵

3.10.[19]46 г.

Пожалуй, это мое последнее письмо к тебе... Рассчитываю на приведение смертного приговора в исполнение в течение 14 дней, т.е. после его утверждения (Контрольным Советом в Германии. — *Прим. пер.*). <...> Осознание своей судьбы помогло мне держаться на процессе так, как я это делал. Не раскаиваюсь ни в одном сказанном мной на процессе слове и никогда не откажусь от него. На любой заданный мне вопрос я всегда отвечал чистую правду. <...> Горжусь этим теперь и буду гордиться перед лицом истории⁵⁸⁶. <...>

*Вице-адмирал Леопольд Брюкнер — фельдмаршалу Кейтелю*⁵⁸⁷

4 октября [19]46 г.

Господин фельдмаршал!

Как сказано: «Да пребудут дела ваши с вами!»

А потому все хорошее, что сделали вы в своей былой жизни и в годы этой несчастной войны, не уйдет в небытие, пусть сегодня это и осознается не всеми.

Как бы то ни было, я хотел бы поблагодарить вас за все то добро, какое я, как и многие ваши подчиненные, видел от вас. Они будут мыслить об этом так же, как и я.

Всё сказанное вами о вашей тяжелой служебной деятельности — это далеко не всё, что можно и должно о ней сказать.

Преданный вам Леопольд Брюкнер

*Фельдмаршал Кейтель — Контрольному Совету в Германии*⁵⁸⁸

5 октября 1946 г.

Хочу с радостью отдать свою жизнь, которой требует приговор, в надежде, что эта жертва станет благословенной для немецкого народа и послужит оправданием германскому вермахту.

---

⁵⁸⁵ Оригинал — собственность семьи Кейтеля.

⁵⁸⁶ 13.10.1946 г., за три дня до казни, Кейтель послал своему старшему сыну последний привет. Сообщив, что только жена и невестка написали ему прощальные письма, Кейтель добавил: «Это говорит само за себя. До чего же трусливы мужчины! <...>»

⁵⁸⁷ Рукописный оригинал в «Бумагах Нельте». В конце письма — карандашная пометка рукой Луизы Кейтель: «не сохранилось».

⁵⁸⁸ Союзный Контрольный совет в Германии прошение отклонил. — *Прим. пер.*

У меня лишь одна просьба: дать мне умереть от пули...

Надеюсь, члены Контрольного Совета, будучи сами старыми солдатами, проявят понимание моей вины, порожденной необходимым каждому хорошему воину любой армии мира чувством порядочности. Если же я не осознал тех границ, которые следовало поставить этой воинской добродетели, я все-таки верю в возможность искупить эту ошибку такой смертью, которая приличествует воину во всех армиях мира, даже если он и заслуживает за содеянное им смертной казни.

Последнее слово подсудимого Вильгельма Кейтеля⁵⁸⁹

В показаниях на Суде я признал свою ответственность в границах моего служебного положения. Сущность и значение этого служебного положения изложены в порядке представления доказательств и в защитительной речи моего защитника.

Я далек от того, чтобы умалять долю моего участия в случившемся. В интересах исторической правды возникает необходимость пояснить некоторые ошибки в заключительных речах обвинения.

Господин американский обвинитель [Роберт Г. Джексон] заявил в заключительной речи: «Кейтель — безвольное и послушное орудие, передал партии орудие агрессии — вооруженные силы».

«Передачу» вооруженных сил партии нельзя совместить с моими функциями ни до 4 февраля 1938 г., ни после этого периода, когда Гитлер назначил непосредственно себя Верховным главнокомандующим вооруженными силами и с этого времени получил неограниченную власть над вооруженными силами и партией.

Я не помню, чтобы в ходе этого процесса было предоставлено доказательство, которое смогло бы поддержать это утверждение обвинения. Представление доказательств также показало, что утверждение, будто бы Кейтель руководил вооруженными

---

⁵⁸⁹ Гектографированная копия из «Бумаг Нельте». См.: IMT-Prozess Bd. XXII, S. 428 ff; Nazi Conspiracy. Suppl. B, p. 272 tt.

Русский текст цит. по: Нюрнбергский процесс: Сборник документов. Т. 7. М., 1957. С. 271—274. — *Прим. пер.*

силами при осуществлении преступных намерений, ошибочно. Это утверждение противоречит также и материалам англо-американского досье, из которых ясно видно, что я не имел права отдавать приказы. Поэтому не прав также и господин британский обвинитель, когда говорит обо мне, как о «фельдмаршале, который отдавал приказы вооруженным силам». И если он приписывает мне слова: «Я не имел ни малейшего понятия о том, какие практические результаты достигались этим», то, мне кажется, это не совсем так, как я сказал во время своего допроса. Я сказал: «Но если приказ был отдан, то я действовал, по моему мнению, по долгу службы, не давая себя смущать возможными и не всегда представляемыми последствиями».

Утверждение о том, что «Кейтель и Йодль не могут отрицать своей ответственности за действия эйнзатцкоманд⁵⁹⁰ СД, с которыми в тесном контакте работали их собственные командиры», — не основывается на результатах допроса свидетелей. ОКВ было исключено из числа высших командных инстанций на Советском театре действий, ему не подчинялись войсковые начальники.

Господин французский обвинитель сказал в заключительной речи: «Необходимо вспомнить ужасные слова подсудимого Кейтеля о том, что “человеческая жизнь в оккупированных областях ничего не стоила”».

Эти ужасные слова — не мои. Не я их придумал, и не я клал их в основу содержания приказа. Надо мной достаточно сильно тяготеет сознание того, что мое имя связано с передачей приказа фюрера.

В другом месте господин Шампатье де Риб говорит: «Этот приказ — речь шла о борьбе с партизанами — выполнялся им на основании указаний командующего фронтом, который, в свою очередь, действовал согласно общим указаниям подсудимого Кейтеля».

Здесь опять говорится об «указаниях Кейтеля», хотя в самой обвинительной речи французского обвинения говорится, что я, как начальник ОКВ, не мог непосредственно отдавать приказы видам вооруженных сил.

---

⁵⁹⁰ Оперативные карательные формирования фронтового масштаба. — *Прим. пер.*

В заключительной речи советского обвинителя говорится:

«Начиная с документов о расстреле политических работников, Кейтель, этот солдат, как он любит себя называть, игнорируя присягу, беззастенчиво врал на предварительном следствии американскому обвинителю, говоря, что этот приказ носил характер ответной репрессии и что политических работников отделяли от остальных военнопленных по просьбе самих военнопленных. На суде он был изобличен».

Речь шла о документе ПС-884. Обвинение необоснованно. Советский обвинитель не учел, что протокол моего допроса на предварительном следствии по этому вопросу не был принят Трибуналом в качестве доказательства. Поэтому он не должен был также использоваться в заключительной речи обвинения. Я не видел протокола допроса на предварительном следствии и незнаком с его текстом. Если этот текст достоверен, то он содержит разъяснение заблуждения, которое возникло в результате того, что мне не был предъявлен этот документ. Во время прямого допроса я правильно изложил обстоятельства дела моему защитнику.

На последней стадии процесса обвинители попытались выдвинуть против меня серьезное обвинение в том, что мое имя связано с приказом о подготовке к бактериологической войне.

Свидетель — бывший генерал медицинской службы Швайбер — в своем заявлении писал: «Начальник ОКВ фельдмаршал Кейтель издал приказ о подготовке бактериологической войны против Советского Союза».

Давая свидетельские показания, этот свидетель, правда, говорил о «приказе фюрера». Но и это неправильно.

Принятые Трибуналом с согласия обвинения показания полковника Бюркнера показывают, что я осенью 1943 г. энергично и категорически отклонил предложение санитарной инспекции сухопутных войск и управления вооружения сухопутных войск об активизации опытов с бактериями, как буквально говорил Бюркнер, «указав на то, что об этом не может быть и речи — ведь это запрещено!»

Это правильно. Генерал-полковник Йодль тоже может подтвердить, что никогда не издавался приказ такого характера, о котором говорит свидетель. Наоборот, Гитлер запретил ведение

бактериологической войны, когда с разных сторон поступили соответствующие предложения.

Тем самым противоположные утверждения свидетеля доктора Швайбера оказываются не соответствующими действительности.

Я сам считал моим долгом во всех вопросах, также и в тех случаях, когда я давал показания не в свою пользу, говорить правду, во всяком случае я пытался, несмотря на широкий круг моей деятельности, по мере сил способствовать выяснению действительного положения дел. И в конце этого процесса я хочу открыто заявить о том, к каким выводам я пришел, и изложить мое кредо.

Мой защитник во время процесса задал мне два принципиальных вопроса. Первый из них, заданный несколько месяцев назад, гласил:

«В случае победы вы отказались бы от участия в дележе ее лавров?»

Я ответил: «Нет, я был бы безусловно горд этим».

Второй вопрос гласил:

«Как бы вы поступили, если бы еще раз попали в аналогичное положение?»

Мой ответ: «В таком случае я лучше бы избрал смерть, чем дал бы затянуть себя в сети таких преступных методов».

Пусть Высокий Суд на основании этих двух ответов вынесет мне приговор. Я верил, я заблуждался и не был в состоянии предотвратить то, что необходимо было предотвратить. В этом — моя вина.

Трагедия состоит в том, я должен признать это, что что-то лучшее, что я мог дать как воин — повинование и верность, было использовано для целей, которые нельзя было распознать, и в том, что я не видел границ, которые существуют для выполнения воинского долга. В этом — моя судьба.

Пусть на основании ясного определения причин, гибельных методов и ужасных последствий этой войны для немецкого народа появится надежда на новое будущее в семье народов.

При желании понять и правильно оценить отношение ко всем вопросам, являющимся здесь [в Нюрнберге] предметом обвинения против меня и военных, следует проанализировать воинское поведение немцев как в целом, так и офицеров — в особенности, а также влияние на него национал-социалистического учения.

Не хочу подробно касаться здесь тех причин, которые в течение столетий закономерно воспитали нас, аборигенов средневропейского пространства, в духе постоянной готовности к обороне. Основания для того известны. Традиция и особые свойства немцев сделали нас воинственной нацией. Они дали миру и философа войны — генерала Клаузевица⁵⁹². Его учение считалось верным не только для нас. Оно признавалось приемлемым для нашего времени и многими авторитетными генералами и военными авторами. Мы, генералы, были воспитаны на этом учении⁵⁹³.

---

⁵⁹¹ Заголовок (известные слова из «Фауста» И. В. Гёте. — *Прим. пер.*) дан издателем. Недатированная рукопись Кейтеля в «Бумагах Нельте». Предположительно, намечалась в качестве последнего слова подсудимого, но в данной форме использована не была. В тексте или на полях машинописной рукописи имеются исправления или дополнения (вставки), внесенные карандашом (по-видимому, рукой Нельте), они приводятся в сносках. Рукопись дает некоторое представление о взглядах Кейтеля к концу Нюрнбергского процесса. — *Прим. нем. изд.*

В статье 7-й Устава Международного военного трибунала сформулирована основополагающая международно-правовая норма: «Тот факт, что подсудимый действовал по распоряжению правительства или приказу начальника, не освобождает его от ответственности, но может рассматриваться как довод для смягчения наказания, если трибунал признает, что этого требуют интересы Правосудия». — Цит. по: Нюрнбергский процесс. Т. 1. С. 60. — *Прим. пер.*

⁵⁹² Карл фон Клаузевиц (1780—1831), прусский генерал, знаменитый теоретик военного искусства. Его главный труд «О войне» высоко оценивался Лениным как образцовый. Во времена антинаполеоновских войн Клаузевиц, как немецкий патриот, находился на русской военной службе. Побудил прусского полковника графа фон Йорка заключить в 1812 г. Таурогтенское соглашение с Россией, послужившее основой для развертывания войны немецкого народа против наполеоновского владычества над германскими государствами. — *Прим. пер.*

⁵⁹³ Добавление Нельте: «и в школе Мольтке + Шлиффен». На полях карандашная пометка: «Может быть, указать название книги».

Я хотел бы указать лишь на следующие формулировки:

«Война есть продолжение политики другими средствами».

«Если война — составная часть политики, она, разумеется, воспринимает ее характер».

«Наилучшая стратегия в том, чтобы быть сильными».

«Война должна вестись со всей мощью народной силы».

«В войне нет ничего важнее повиновения».

Гитлер, который⁵⁹⁴ интенсивно занимался также и военной наукой, во многих пунктах признавал ее военной формой выражения своих партийных принципов, применил это учение в его главной сути к созданию вермахта и к своему руководству войной. При этом Гитлер опирался и на доктрину, идущую от Людендорфа как поборника тотальной войны. Тот говорил: «Война и политика — это сопутствующие явления инстинкта самосохранения народа».

Желая понять некоторые приказы Гитлера, надо задуматься над его словами: «Самые жестокие виды оружия — человечны, если ведут к быстрой победе» и «При нападении на противника я не веду с ним до того длящиеся месяцами затяжные переговоры, а обрушиваюсь на врага с молниеносной быстротой».

Когда Гитлер и его движение взяли в свои руки государственную власть, Германия переживала глубокое финансовое и моральное падение, а ее вооруженные силы чувствовали себя униженными Версальским договором. Так Гитлер воплотил в себе живущую в умах всех немцев идею возрождения, и большинство народа — независимо от партийной принадлежности — увидело в его энергичных действиях гарантию возрождения поверженного отечества.

Спасение⁵⁹⁵ отечества до сих пор признавалось всеми народами как высший моральный долг. Целью Гитлера было: восстановить достоинство и дисциплину народа, возродить вооруженные силы. Шаг за шагом (как сказал Черчилль) он ликвидацией демилитаризованной Рейнской зоны, восстановлением военного суверенитета Германии и введением всеобщей воинской повинности показал, что своей цели, как казалось, сможет

---

⁵⁹⁴ Дополнение Нельте: «как о том говорят результаты предъявления суду доказательств».

⁵⁹⁵ Исправление Нельте: «обеспечение».

достигнуть без войны. Он заключил с Англией военно-морское соглашение, которое с благодарностью приветствовалось всеми немцами.

Следует чистосердечно признать: я, как и другие представители вооруженных сил, был убежден в том, что для эффективной обороны своевременная нацеленность промышленности на войну есть патриотическая необходимость (кстати, аналогичные мнения высказывались и зарубежными военными авторами).

И, наконец, мы надеялись также на то, что в рамках переосмотра Вер[сальского] договора Гитлер сумеет вновь вернуть в рейх утерянные в результате этого договора германские земли.

В этом духе между мной и фюрером, а также всеми теми, кто видел перед собою ту же свящую цель, возникла общность Мировоззрения. Каждый из нас на своем месте, в рамках своих функциональных обязанностей, трудился во имя этой цели. Каждый из нас, если бы война закончилась победой, с радостью и гордостью заявил бы, что и он тоже внес свою лепту в достижение этого результата⁵⁹⁶. А поэтому недостойно с помощью каких-то вымышленных причин и чисто формального предъявления доказательств пытаться отрицать участие каждого из нас в отдельности в осуществлении этой, как говорилось на нац[ионал]-соц[иалистическом] языке, скрепленной клятвой общности.

Я заявляю: все мы с благодарностью признавали отстаивавшиеся им [Гитлером] цели, касавшиеся вооруженных сил. Нельзя и не следует оспаривать, что мы, военные, воспринимавшие Вер[сальский] договор как особенно угнетающий, пытались обойти его положения. Как до взятия [нацистами] власти, так и после введения военного суверенитета мы делали всё, что только было возможно, дабы усилить вермахт и ускорить вооружение.

Мы, военные, осознавали также, что нац[ионал]-соц[иалистические] идеи чрезвычайно стимулировали воспитание [народа] в военном духе.

Это отнюдь не означает признания нами всех пунктов нац[ионал]-соц[иалистической] программы, поскольку неко-

---

⁵⁹⁶ Приведенный выше тезис был в несколько иной форме включен в последнее слово подсудимого Кейтеля 31.8.1946 г.

торые из них противоречили нашим воззрениям. Мы не имели никакого дела с партийными инстанциями, но нельзя отрицать, что вермахт был пронизан теми идеями, выразителем которых являлся Адольф Гитлер.

Его экзальтированная и обладавшая силой внушения личность не могла не воздействовать на меня и на других сотрудников из его ближайшего окружения. Это сказалось на всем нашем бытии и на всех наших делах, поскольку мы видели, каких военных и политических успехов он добивался.

Действительно, первоначально весьма сдержанно (если даже не отрицательно) относившийся к Гитлеру генералитет спустя несколько лет стал его приверженцем.

Это отнюдь не означает, будто обо всем том, что стало нам здесь известно из уймы немецких документов, мы, военные, знали ранее хотя бы частично и в подробностях, а тем более активно содействовали всему этому. Это не так! Лично о себе могу сказать: только благодаря этим документам (а особенно тем событиям, которые непосредственно предшествовали войне против Польши) у меня открылись глаза на тот факт, что имелась возможность избежать этой самой ужасной из всех войн.

Я говорю это не для того, чтобы свалить на кого-то другого свою собственную ответственность. Это важно знать потому, что знание решающих фактов, пожалуй, все же оказало бы влияние на дальнейшее поведение одного или нескольких авторитетных участников произошедшего.

Начало Польской войны кажется мне тем историческим поворотным пунктом, когда пришло в движение колесо истории, которому суждено было докатиться до горького конца. Однажды я предпринял попытку демаршем имперскому министру иностранных дел⁵⁹⁷ за спиной фюрера, а позже передачей памятной записки ему самому остановить⁵⁹⁸ войну против Советского Союза. Тщетно. Гитлер по идеологическим⁵⁹⁹ причинам, несмотря на мои опасения⁶⁰⁰, считал в это время столкновение с Россией неизбежным.

---

⁵⁹⁷ Вставка Нельте: «как тот показал на своем допросе».

⁵⁹⁸ Правка Нельте: «предотвратить».

⁵⁹⁹ Вставка Нельте: «по так называемым мировоззренческим».

⁶⁰⁰ Вставка Нельте: «не только Кейтеля, но и для других генералов».

Сегодня мне ясно: Гитлер уже тогда не имел свободы действий, хотя никогда не признавал этого. Единственно возможная альтернатива (при верном осознании чудовищной ответственности перед своим собственным народом), а именно, положить всему этому конец, фюрером тогда не рассматривалась. Следует признать: при тогдашнем благоприятном военном положении (по крайней мере, казавшемся таким тем, кто не имел возможности правильно оценить будущее, а особенно военный потенциал наших противников, к которым с уверенностью можно было отнести, кроме Советского Союза, также и США) это было бы трудным решением. Ведь для фюрера это означало бы отречение и отказ от нац[ионал]-соци[алистического] учения.

Но сегодня я убежден в том, что эта жертва позволила бы сохранить рейх и уберегла бы наш фатерланд и весь мир от того, что произошло и по своей жестокости и размаху не поддается никакому описанию.

Тогда мы, военные (которым дипломатическая игра и военно-экономический потенциал возможных противников не были известны), видели лишь военную обстановку, причем именно такой, какой она была в то время. Мы позволили, чтобы нами овладела непонятная для посторонних (особенно для иностранцев), оказывающая влияние на нашу психику сила внушения, присущая фюреру и Верховному главнокомандующему. Своими успехами в Польше и Франции он произвел на нас⁶⁰¹ такое сильное впечатление, что мы — во всяком случае я — верили в его гений и следовали за ним даже тогда, когда, по объективному размышлению, должны были, с учетом нашего военного опыта, оказать ему сопротивление.

За это мы несем ответственность перед Богом и перед всем миром, а также — перед нашим народом. Отныне война приняла извращенный характер. Все, что происходило на Востоке, можно объяснить только партийно-политической ненавистью к врагу нашего мировоззрения. Гитлеру, а также и нам, генералам (на основании его выступлений), было ясно: речь идет о жизни или смерти целых народов. Отсюда — суровость приказов, особенно приказа от 17.6.1941 г., который лично я при его отправке в войска, а потом и при осуществлении стремился

---

⁶⁰¹ Уточняющая правка Нельте: «во всяком случае на Кейтеля».

смягчить. Гитлер был убежден⁶⁰², что в данном случае положения или традиции [международного] военного права потеряли свой смысл. При этом он исходил из того, что Советская Россия этими правилами в договорном порядке не связана и соблюдать их не станет. Ясно, что приказы, вытекавшие из такой установки, в руках нижестоящих офицеров (которым они предоставляли далеко идущие полномочия и свободу действий) были опасны, поскольку полностью зависели от их собственной интерпретации и личной позиции. К тому же надзор за выполнением этих приказов оказался невозможен, и высшее руководство было от него почти полностью отстранено.

Известно, однако, что многие генералы свои полномочия и свободу действий использовали в рамках опыта, известного им из ведения войны в прошлом. Многие из них в ответ на запросы говорили: этот приказ — вовсе не охранная грамота, а потому следует предоставить нам самим решать на собственную ответственность, усмирена ли та или иная захваченная область и не следует ли, соответственно, от применения вышеуказанного приказа воздержаться⁶⁰³. К сожалению, несмотря на это, свершалось слишком много зла.

Но, полагаю, могу сказать, что вермахт по большей части вел войну, согласно внушавшимся ему в мирное время, а также, вплоть до войны с Советской Россией, ужесточенным правилам признанного военного права⁶⁰⁴. Такие приказы, как отданный генерал-фельдмаршалом Рейхенау⁶⁰⁵, определенно являлись единичными. Я убежден в том, что вермахт во всей своей совокупности принимал строгие меры только там, где этого требовала военная необходимость или безопасность

---

⁶⁰² Правка Нельге: «утверждал».

⁶⁰³ По смыслу, вкладываемому Кейтелем, это относится как к приказу о «подсудности в районе Барбаросса» от 14.5.1941 г., так и к «приказу о коммунистах» от 6.6.1941 г.

⁶⁰⁴ Вставлено: «а там, где этого не происходило, нижестоящие офицеры считали, что, действуя согласно этому приказу, они выполняют свой военный долг повиновения».

⁶⁰⁵ Имеется в виду подписанный генерал-фельдмаршалом фон Рейхенау приказ командования 6-й армии «О поведении войск в Восточном пространстве» от 10.10.1941 г., именуемый также «приказом о суровом обращении».

собственных войск в условиях нехватки сил для оккупации огромного пространства.

Но наибольшее зло порождалось чуждыми вермахту учреждениями партийно-политического происхождения, с которыми вооруженные силы находились в состоянии вечного внутреннего противоборства.

По этому поводу могу сказать только следующее. Я глубочайшим образом потрясен внушающим ужас масштабом тех последствий, которые эти действия имели в Советской России. Верховное главнокомандование вермахта непосредственно в этих последствиях не участвовало. Ответственность за происходившее в районе боевых действий несли сухопутные войска, а также соответствующие гражданские комиссары и министерство Розенберга по делам оккупированных восточных областей.

Но поскольку из факта передачи мною директив и прочих приказов фюрера в войска обвинением делается вывод о моей личной ответственности, ответственность эту я принимаю на себя.

По вопросу о развязывании агрессивных войн и участии в них заявляю следующее.

Генерал-полковник Йодль в своих дневниковых записях отмечает:

«10.8.1938 г. Генеральный штаб все еще предался рассуждениям былых лет, считая себя ответственным и за политические решения, хотя его дело — повиноваться и выполнять свои военные задачи».

«13.9.[19]38 г. Генералитет — против наступления на Чехию». Для Йодля всё дело — в повиновении.

Таков был и мой взгляд на положение вещей. Для нас это означало: мы — подручные фюрера в осуществлении запланированных и уже начатых оперативных задач, а их политические мотивы и прочая подоплека нас не касаются. Этим мы не занимались.

Не могу и не хочу защищать игру в «высокую политику», а также отстаивать методы дипломатической маскировки и многочисленные нарушения ранее данных заверений. К тому же было бы и неумно, пожелай я сказать, будто мы обо всех этих вещах не знали.

Правда такова: этими вещами мы в силу своих служебных обязанностей не занимались, а фюрер нам категорически заяв-

лял: политические дела вас не касаются, поскольку речь идет об оперативных приказах (так называемых директивах) или о проведении в жизнь отданных распоряжений. Все это для нас — лишь приказы Верховного главнокомандующего.

Не стану возражать, что обо всех этих приказах (независимо от того, есть ли на них моя подпись или же нет) я знал. Гитлер говорил о них с генерал-полковником Йодлем и со мной. Не отрицаю, что передавал их соответствующим составным частям вермахта и контролировал их выполнение.

Генерал-полковник Йодль и я отнюдь не всегда были согласны с тем или иным принятым Верховным главнокомандующим решением оперативного характера, но всегда его неизменно исполняли. Мы никогда не говорили с фюрером о том, является ли война агрессивной или оборонительной. Согласно уже изложенной точке зрения, это была задача не наша.

За эти установки и методы действия я несу ответственность.

ЧАСТЬ V

КЕЙТЕЛЬ И ГИТЛЕР

СОЛДАТ В ФЮРЕРСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

ПОСЛЕСЛОВИЕ НЕМЕЦКОГО ИЗДАТЕЛЯ

Соединенные Штаты Америки, Французская Республика, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Союз Советских Социалистических Республик, представленные Международным Военным Трибуналом, в 1945 г. обвинили в Нюрнберге бывшего начальника штаба Верховного главнокомандования вермахта (ОКВ) генерал-фельдмаршала Вильгельма Кейтеля в том, что он участвовал в военных преступлениях против мира и человечности, а также в том, что он «утверждал» также преступления или «руководил» ими. Они вменяли ему в вину соучастие в убийстве и жестоком обращении с гражданским населением оккупированных стран или их депортации в рейх на рабский труд, в расправе с заложниками и в преследовании определенных групп людей по политическим, расовым и религиозным мотивам. К этим пунктам обвинения Кейтеля и двадцати его подельников и соседей по скамье подсудимых суд присовокупил, далее, обвинения в разграблении государственной и частной собственности.

Из числа тех, кто действительно держал в своих руках власть в Третьем рейхе, на скамье подсудимых в Нюрнберге оказались немногие. Самым видным из них был рейхсмаршал Герман Геринг. Фюрер и рейхсканцлер, он же — Верховный главноко-

мандующий вермахта и главнокомандующий сухопутных войск Адольф Гитлер; рейхсфюрер СС и шеф германской полиции, имперский министр внутренних дел и командующий армией резерва Генрих Гиммлер; имперский министр народного просвещения и пропаганды д-р Йозеф Геббельс — все они сами лишили себя жизни и таким образом избежали какой-либо ответственности за свои деяния. «Серый кардинал» Третьего рейха, начальник Партийной канцелярии НСДАП Мартин Борман⁶⁰⁶ 1 мая 1945 г. пропал без вести.

* * *

Обвинительный акт фельдмаршал Кейтель получил 19 октября 1945 г. Он заранее был уверен в том, что будет осужден, хотя на самом суде на вопрос о признании своей виновности виновным себя не признал. Процесс в Международном военном трибунале длился с 20 ноября 1945 г. до 1 октября 1946 г.

Защитник оказавшегося на скамье подсудимых фельдмаршала адвокат д-р Нельте⁶⁰⁷ в своей речи 8 июля 1946 г. подчеркнул: его подзащитный не имеет намерения преуменьшать свою роль в Третьем рейхе и хочет помочь Высокому Суду определить его действительный облик. Нельте сформулировал это так: подсудимый борется не за свою голову, а за свое

---

⁶⁰⁶ Мартин Борман (1900—1945?), один из главных немецких военных преступников. Член нацистской партии с 1925 г., с 1941 г. — начальник Партийной канцелярии НСДАП и член Совета имперской безопасности. В апреле 1943 г. стал личным секретарем и главным доверенным лицом Гитлера. После неудачной попытки договориться с западными державами о сепаратном мире и самоубийства Гитлера скрылся из Имперской канцелярии и, по некоторым данным, погиб на улицах Берлина. По другим данным, оставшись в живых, скрывался под чужим именем в Аргентине. Заочно был приговорен в Нюрнберге к смертной казни через повешение. В апреле 1973 г. западноберлинский суд официально признал его умершим. Подробно о нем см.: *Лев Безыменский*. Человек за спиной Гитлера. Мартин Борман и его дневник. М., 1999. — *Прим. пер.*

⁶⁰⁷ Ранее д-р Нельте являлся юрисконсультom одной промышленной фирмы в Зигбурге. Будучи связан с семьей Фонтенов, принял на себя защиту Кейтеля на процессе. См.: *Otto Nelte*. Die Generale. Das Numbeiger Urteill und Schuld der Generale. Hannover, 1949. Защитительные речи Нельте см.: *IMT-Prozess*, Bd. XVIII и Bd. XVIII, S. 7 f.

лицо! В заключение защитник заявил: проблема, когда и при каких обстоятельствах генерал имеет право выступить против собственного государственного руководства, пока еще своего, международно-правового урегулирования не нашла. «Подсудимый Кейтель, — сказал защитник фельдмаршала, — не услышал предостерегающего голоса мировой совести». По Нельте, единственным идеалом для Кейтеля служили повинование и верность долгу. Нельте просил не об оправдании, а лишь о проявлении судом понимания трагической ситуации своего подзащитного. Однако это затрагивало принципиальный вопрос поведения солдата, принявшего присягу.

* * *

Оставим в стороне сам ход процесса и зададим себе вопрос: кем был Кейтель и кем был Гитлер? А откуда вытекают и другие вопросы: какова была компетенция штаба Верховного главнокомандования вооруженных сил (ОКВ)? Как она была связана с осуществлением руководства вермахтом?

Планомерное расширение функций отдела обороны страны (L), к чему стремился Кейтель, было прервано падением Бломберга, и это помешало превращению данного отдела в действительно «руководящий штаб» трех видов вооруженных сил (сухопутных войск, военно-морского флота и люфтваффе). Поначалу задуманный ход развития вызвал в традиционно мыслящем офицерском корпусе непонимание. Созданию новой структуры вермахта сопротивлялся (из-за своих эгоистических политических стремлений к власти) и выдвинувшийся на авансцену, благодаря национал-социалистической революции, главнокомандующий люфтваффе генерал Герман Геринг. Тем не менее Кейтель и начальник отдела обороны страны подполковник Йодль отстаивали тезис: этот руководящий штаб надо сознательно сделать небольшим, ибо составные части вермахта (например, военно-морской флот) имеют собственные генеральные штабы. Тезис этот в принципе был правилен.

Гитлер всеми такими вопросами и спорами до 1938 г. вплотную не занимался. Но для него было характерно вот что: от любого законодательного урегулирования данного вопроса на случай войны он уклонялся. Правда, еще с зимы 1929/30 г. суще-

ствовало «рабочее сообщество» по подготовке оборонительных мер на случай войны, состоявшее из представителей министерства рейхсвера, а также имперского и прусского правительств. Но формально только в апреле 1933 г. было решено создать имперский совет обороны. Правда, и тут дело остановилось на стадии образования референтского комитета.

Двукратная попытка принятия «Закона об имперской обороне» хотя и привела к разработке соответствующих законодательных положений, в силу они так и не вступили. Запланированное учреждение поста «генералиссимуса» и назначение двух «имперских уполномоченных» (по экономике и административному управлению), а также подготовка к законодательному провозглашению «состояния обороны» никакого воздействия на этот процесс не оказали. Объяснялось это следующим: Гитлер избегал в данном вопросе какой-либо определенности, ибо, во-первых, не придавал никакого значения конкретному планированию на законодательной основе, а, во-вторых, в серьезных случаях полагался на свою интуицию. Недаром он еще в те времена заявлял: если война начнется, вести я ее буду отнюдь не в ортодоксальном стиле!

На Нюрнбергском процессе Кейтель заявил: я даже и не догадывался о том, что ожидало меня, когда я без колебаний принял предложенный мне Гитлером пост начальника штаба Верховного главнокомандования вермахта. Он только лишь предположил, что по смыслу своему должность его будет называться именно так. Ему была известна борьба Бломберга за право руководства вооруженными силами, и поэтому Кейтель хотел иметь на руках свой собственный козырь. Казалось, «наверху» считали, что особенной силой воли он не отличается. Однако во время кризиса Бломберга — Фрича он все-таки, благодаря своему упорству, добился назначения фон Браухича главнокомандующим сухопутными войсками.

Именно Браухич, отпрыск силезской дворянской семьи, давшей Пруссии лет за 150 дюжину генералов, стал его кандидатом на такой важный пост в военной иерархии рейха. Кейтель вызвал Браухича из Лейпцига, где тот командовал 4-й группой армий. Воспитанник кадетского корпуса, выходец из гвардейской полевой артиллерии, тот получил одобрение и со стороны других генералов — особенно генерала весьма юнкерского типа фон Рундштедта. Тем самым, по

существо, решилась и судьба другого генерала — Людвига Бека, выдающегося по своим способностям начальника генерального штаба сухопутных войск. Кейтель, пожалуй, всегда относился к нему холодно, а Браухич — просто не желал работать с ним. И опять же не кто другой, как Кейтель, настоял на устранении из ближайшего окружения фюрера весьма самоуверенного и энергичного адъютанта Гитлера от армии полковника генштаба Хоссбаха, безбоязненно отстаивавшего традиции прусского генерального штаба и идею Бека, что лишь генштабу старого типа надлежит осуществлять руководство всеми вооруженными силами рейха. Кейтель надеялся, что только в союзе с Браухичем ему удастся прорвать фронт сопротивления главнокомандующих составными частями вермахта созданию единого, стоящего над всеми ними руководства вооруженными силами⁶⁰⁸.

И все-таки это было пирровой победой над протезе Гитлера — генералом фон Рейхенау! При анализе того кризиса, который возник в связи с Бломбергом и прежним главнокомандующим сухопутными войсками генерал-полковником бароном фон Фричем на основе созданной против них интриги, с ретроспективной точки зрения, нельзя не заметить, что Гитлер тогда еще отнюдь не был законченным чудовищем, каким он показал себя в войне. Тогда Гитлер имел в активе ряд внешнеполитических успехов. Сам Кейтель трезво констатирует, какое сильное впечатление они производили на военных.

Правда, Кейтель заявляет о своем первоначальном намерении возложить на Браухича лишь исполнение обязанностей главнокомандующего сухопутными войсками, до тех пор пока не будет окончательно решена судьба фон Фрича. Тем не менее надо принимать во внимание, что Гитлер противился восстановлению Фрича в прежней должности. Надо учитывать и то, сколь мало был способен Кейтель (как, впрочем, и генерал Бек) разглядеть здесь интригу, поскольку подобные методы были еще совершенно чужды образу мыслей германского генерала.

Но, как кажется, Кейтель уже тогда осознал одно — честолюбивое стремление рейхсфюрера СС [Гимmlера] добиться своего единовластного командования вермахтом, а особен-

---

⁶⁰⁸ См. письменные свидетельские показания, находящиеся в собственности издателя.

но — сухопутными войсками. Ход событий 1944 г. подтвердил это подозрение фельдмаршала. Кейтелем всегда владела идея: не допустить выдачи армии [под власть] СС. Кроме того, по-прежнему оставался открытым вопрос: во что же превратится вермахт в целом? Ведь никто и не помышлял изменить силой существовавшие тогда в Германии условия! К пониманию всего этого пришел и генерал Бек в последние месяцы своего начальствования над генштабом, причем после тяжелой борьбы с собственной совестью. Кейтель же своей единственной путеводной нитью считал безусловное повиновение главе государства. Политика — не дело солдата!

Кейтель полагал, что хорошо знал Браухича; он ценил его еще с тех времен, когда оба они были начальниками отделов в войсковом управлении министерства рейхсвера и вместе совершили поездку в Советскую Россию. Но насколько мало способен был Кейтель противостоять Гитлеру, настолько же мало был способен на это и Браухич — человек весьма благовоспитанный и даже эмоциональный, представитель старой военной школы. При этом открытым остается вопрос: а был ли среди высших офицеров этой старой школы кто-нибудь вообще, кому когда-либо удавалось проделать такой смертельный номер? Три фельдмаршала, которые могли претендовать на то, что иногда могут навязать Гитлеру свои взгляды, — Рейхенау, Модель и Кессельринг, в окружении фюрера задержались ненадолго.

Что же касается первого и единственного начальника штаба вновь созданного Верховного главнокомандования вермахта (ОКВ), тот уж одним лишь своим внешним видом, хорошими манерами и формой общения вышколенного офицера старой закалки являл собой полную противоположность Гитлеру. Кейтель выглядел юнкером-землевладельцем, был любитель вкусно поесть и пропустить за обедом бокал доброго вина (правда, из-за его крайней бережливости оно появлялось на столе довольно редко), имел обыкновение выкурить благовонную сигару, увлекался верховой ездой, слыл страстным охотником и уж никак не был вегетарианцем!

Однако Гитлер-то как раз и был вегетарианцем, тщательно соблюдал особую диету; он не только не курил сам, но и не терпел, чтобы кто-нибудь курил в его присутствии (это требование пунктуальнейше соблюдалось всеми).

Фюрер ненавидел лошадей и считал аристократическое занятие охотой — убийством ни в чем не повинных животных, даже предавался сентиментальным рассуждениям на сей счет. Ефрейтор питал инстинктивное недоверие к офицерам в высших чинах, все время опасаясь, что они не воспринимают его как полноценного человека.

На вопрос защитника, насколько трудно ему было иметь дело со своим высшим начальником, Кейтель ответил⁶⁰⁹: «Разумеется, я имел право высказывать свою точку зрения. Однако фюрер резко и импульсивно обрывал меня, начинал говорить сам, лишь доводя до моего сведения собственные взгляды. Тут уже мне пробиться со своими возражениями было нелегко. Иногда все же удавалось при каком-нибудь удачном случае еще раз выразить свое мнение». В другом месте Кейтель цитирует часто звучавшие слова Гитлера: «Просто не понимаю, чего вы хотите! Ответственность-то несете не вы, а один я!»

Как д-ру Нельте, так и допрашивавшему фельдмаршала американскому офицеру⁶¹⁰ Кейтель говорил о том, сколь часто его поначалу обескураживал непривычный для него тон обращения с ним Гитлера. Фюрер и в этом оставался «революционером», а он, Кейтель — солдатом старой школы. К сожалению, это лишало фельдмаршала уверенности в себе, необходимой для того, чтобы высказать недовольство такой формой обращения с собой и методами работы Гитлера. «Мы мыслили в различных измерениях», — констатировал Кейтель и добавил: он никогда не чувствовал, чтобы Гитлер действительно питал к нему доверие. Напротив, фельдмаршал считал своим долгом «проглатывать» нападки фюрера на офицерский корпус и армию: «Я служил ему громоотводом!»

Но, с другой стороны, Кейтель как военный был убежден в том, что этот человек, стоящий во главе рейха и вермахта, обладает исключительными способностями. И впрямь, Гитлер был необычайно одарен в самых различных областях: наряду с захватывавшим людей красноречием ему было присуще детальное знание военного дела; он был наделен фантазией, силой воли и дерзкой отвагой. В восприятии Кейтеля царил издавна привыч-

---

⁶⁰⁹ «Бумаги Нельте» (приказы Кейтеля, отношения Кейтеля с Гитлером).

⁶¹⁰ См. Nazi Conspiracy Suppl. B, p. 1284 f.

ная и ярко выраженная именно в его кругу та верность суверену, которая веками определяла мышление офицерского корпуса различных германских государств. В его глазах «фюрер» определенным образом был «эрзац-кайзером». И пусть суверен этот даже был труден для общения, аномален, во многом непонятен — все равно он был «табу», персоной неприкасаемой! Выразить критику по его адресу (публично или за спиной) было непорядочно! Можно было только, в силу своих служебных обязанностей, высказывать некоторые собственные опасения насчет тех или иных приказов. Но раз суверен решил именно так, а не иначе, — долг офицера эти приказы выполнять и оправдывать.

Применительно к такому человеку, как Гитлер, это «кредо» воинской чести и преданности суверену, свойственное прусской военной касте XVIII в., приобрело поистине роковое значение. Теперь оно стало уже «кредо» генерал-фельдмаршала Кейтеля!

К тому же Гитлер владел даром воздействия на людей. Именно этот дар зачастую делал его в глазах Кейтеля какой-то зловещей личностью, хотя фельдмаршал был человеком и очень мужественным. Однако перед этим властителем судеб людских, облеченным чудовищной полнотой власти, Кейтель чувствовал себя внутренне беззащитным; более того, за многие годы он пришел к выводу, что отдельные ситуации фюрер оценивал лучше, чем опытные военные в генеральских мундирах.

«В глубине сердца я был верным оруженосцем Адольфа Гитлера, и мои политические убеждения являлись национал-социалистическими», — сказал Кейтель 3 августа 1945 г. полковнику д-ру Болеславу Екеру из чехословацкой миссии на Нюрнбергском процессе⁶¹¹. Но прежде — и в кайзеровской империи, и при Веймарской республике, продолжал Кейтель, он политического мнения не имел и политической деятельностью не занимался, а следовательно, тогда никаким «наци» (разговорно-бытовое сокращение от слова «национал-социалист». — *Прим. пер.*) не являлся. Он и сегодня не одобряет политику Гитлера, но отнюдь не всё в его партийной политике.

С другой стороны, Кейтель (в ответ на вопрос о расходах на вооружение Германии) заявил: его «словно мешком по голове ударило»,

---

⁶¹¹ «Бумаги Нельте» (вопросы о личности подсудимого и его письменные показания под присягой).

когда он услышал, что Гитлер в своей первой речи военного времени, 1 сентября 1939 г., сообщил, что расходы эти составили 90 млрд марок, хотя в действительности они не превышали 30—40 млрд. Такое хвастливое преувеличение тоже принадлежало к основным чертам политического облика «верховного полководца».

Адольф Гитлер так и остался для Кейтеля загадкой: и как человек и как фюрер. Самоубийство Гитлера в конце войны, его бегство от зачастую столь громогласно и даже грубо провозглашавшейся им (особенно в разговорах с Кейтелем) своей единоличной ответственности, вообще оказались недоступны пониманию его «оруженосца». Тем не менее фельдмаршал даже в бедственном для себя положении не пожелал полностью отмежеваться от Адольфа Гитлера, заплатив за это собственной жизнью.

В одном из документов, который адвокат предъявил в ходе допроса своего подзащитного, на тему агрессивной войны, а также влияния Гитлера на высших офицеров из его ближайшего окружения, Кейтель дал такую характеристику офицерского корпуса рейха⁶¹²:

«...Воспитание кадрового офицера — хотя и основательное, но одностороннее. Гуманитарное и политическое образование профессионального офицера, как правило, менее ошутимо. Это не имеет ничего общего с вопросом об интеллигентности и не должно снижать уровня германского офицерского корпуса, а служит лишь констатацией того факта, что воспитание добротного солдата в основе своей было иным, чем воспитание представителя свободной или научной профессии. Главная причина этого лежит в том, что профессия офицера — профессия отнюдь не свободная... Так называемые суперинтеллигенты в офицеры не годятся; с другой стороны, вышеупомянутая односторонность образования приводит к недостаточной способности защищаться от тех тезисов, которые далеки от собственной сферы деятельности германского офицера. <...> Ничто не убеждает солдата так, как успех».

В этих фрагментарно воспроизведенных высказываниях, содержащих некоторые общие заслуживающие внимания положения, перед нами, в сущности, предстает образ того кадрового офицера, который олицетворялся самим фельдмаршалом. Завершающим штрихом этого образа служит такое высказывание Кейтеля. Поскольку глава государства, Гитлер, поначалу имел

---

⁶¹² «Бумаги Нельте» (общие вопросы об агрессивных войнах).

успехи, для «порядочного» офицера было немыслимо (более того, «бесчестно») нарушить верность главе государства именно в момент катастрофы! Последовательно, до самой смерти осуществляемый принцип, что верность зиждется не на преходящих взаимоотношениях, а на долге офицера, — вот что характеризует то поведение, которое в конкретной ситуации с Гитлером (если вообще решиться на психологическое объяснение данного феномена) можно отнести на счет того вельфского наследия Кейтеля — этого правнука и внука королевских ганноверских судейских советников, которое проявилось у него в совершенно ином, трансформированном виде. Заметим притом, что сам фельдмаршал, вероятно, и не сознавал этого, не говоря уже о его современниках, которые поставили на нем штамп образцового воспитанника прусского кадетского корпуса.

Адвокат Кейтеля в защитительной речи указал на то, что такие понятия как лояльность к существующему режиму, патриотизм и повиновение, — понятия, социально обусловленные. Здесь и лежит ключ к пониманию поведения этого человека и вместе с тем — офицера высшего ранга, каким был или каким стал генерал-фельдмаршал Кейтель.

Сегодня мы знаем одно: начальник военной канцелярии фюрера никогда не мог, несмотря на свои зачастую добрые помыслы, в решающих ситуациях отстоять себя перед лицом Гитлера и даже иногда во мнении и перед лицом офицерского корпуса. Но мы знаем и второй факт: хотя в Третьем рейхе во многих сферах плелись интриги в борьбе за власть, никто и никогда за должность начальника штаба Верховного главнокомандования вермахта не боролся! Это был самый неблагодарный пост, какой только мог существовать в Третьем рейхе! Вот почему никто из высших офицеров, которых вместе с начальником ОКВ обвиняют в наказуемой «слабине» перед фюрером, занять эту должность вовсе никак не стремился!

***

Генерал-полковник Франц Гальдер, начальник генерального штаба сухопутных войск с 1938 до 1942 г., вспоминал⁶¹³ постоянно звучавшие у него в ушах еще со времен ежедневного

⁶¹³ *P. Bor. Gespräch mit Haider, 1950. S. 116.*

обсуждения обстановки в ставке Гитлера бесцеремонные слова, адресованные Кейтелю: «Ну вы, генерал-фельдмаршал!» Гитлер резко выкрикивал их на своем вульгарном диалекте — смеси баварского с австрийским. Гальдер, хорошо отзывавшийся о Кейтеле в своих воспоминаниях (кстати, как видно из записей последнего, сам подвергавшийся придирам и насмешкам «верховного». — *Прим. пер.*), рассказывает: было известно, что Гитлер разряжал на фельдмаршале свое раздражение. Однажды Гальдер заговорил об этом с Кейтелем. Тот ответил: «Гальдер, я терплю все это только ради вас! Поймите же меня!» — и при этом на глазах у него выступили слезы. Начальник генштаба добавляет: «Так он вступил на тот путь, который привел его к криминальным деяниям». <...>

Этим воспоминаниям соответствует одна характерная сцена. Во время второго германского наступления в Арденнах в декабре 1944 г. начальник штаба главнокомандующего фронтом «Запад» генерал-лейтенант Вестфаль доложил начальнику ОКВ Кейтелю о критическом положении с горючим для атакующих танковых соединений. Тот заверил генерала: горючего у него в запасе нет. Но Вестфаль, бывший ученик Кейтеля в кавалерийском училище, продолжал настаивать на своем. В конце концов фельдмаршал сознался, что горючее у него в резерве все-таки есть, но... И удрученно добавил: «Знаете ли, здесь по неволе становишься просто подонком...»

* * *

Было бы весьма заманчиво сравнить положение начальника ОКВ по отношению к фюреру, рейхсканцлеру и Верховному главнокомандующему вермахта (в соответствии со старомодными прусскими понятиями) с положением генерал-фельдмаршала Пауля фон Гинденбурга — начальника генерального штаба полевой армии (ОХЛ) по отношению к тогдашнему «верховному полководцу» кайзеру Вильгельму II. Ничего опаснее этого сравнения нет! Гинденбург вместе с 1-м генерал-квартирмейстером генералом Эрихом Людендорфом никоим образом не воплощал собой только несущего частичную ответственность начальника генерального штаба. По сути дела, он занимал пост генералиссимуса. Создание такого поста на случай войны стояло и перед

взором Бломберга, хотя здесь мы и не станем уточнять (при нынешнем состоянии источников это вообще не имеет решающего значения), стремился ли в таком случае Бломберг занять его сам. Так или иначе, но еще в цитированной нами памятной записке ОКВ о структуре высших органов вермахта уже шла речь о «генералиссимусе».

У Гитлера же на случай войны имелись идеи совсем другие, причем сути его характера отвечало то, что конкретной фиксации он избегал до тех самых пор, пока таковой случай не наступит. Когда Гитлер оказался вовлеченным в скандал вокруг прежнего имперского военного министра, поначалу он хотел всего лишь иметь при себе начальника Верховного главнокомандования вермахта. Одиозная попытка обойти таким образом точное наименование нового поста формулировкой «начальник штаба Верховного главнокомандования вермахта» принадлежала именно ему. Он считал, что это наименование — «слишком мало».

Кейтель, без всяких опасений согласившийся занять предложенный Гитлером пост, только постепенно уразумел, какие шипы суждено ему испытать на собственной шкуре. На его долю выпало в будущем, не имея ни соответствующего титула, ни полномочий, одновременно выполнять функции военного министра и его же статс-секретаря, а также начальника штаба более не существующего военного министра, являвшегося до тех пор главнокомандующим всеми составными частями вермахта. Впрочем, у Кейтеля и без того обязанностей хватало, поскольку пост военного министра был упразднен, чтобы в известной мере отдать административное управление всеми силами вооруженных сил тому «имперскому военному секретарю», которого в случае войны (наряду с созданием «имперского генерального штаба») требовала памятная записка ОКВ от марта 1938 г. (полный текст ее неизвестен до сих пор).

Однако глава государства, вместе с которым Кейтель отныне должен был (и, не станем забывать, хотел!) работать (ведь для фельдмаршала это являлось честью и долгом), не придавал особого значения структуре высших органов вермахта и четкому разграничению их военных компетенций. Совсем наоборот! Хотя Гитлер и нуждался в начальнике «военной канцелярии» (которому он сознательно не дал никакой командной власти), он, в соответствии со своей государственной мудростью, в ко-

нечном счете желал иметь множество всяческих инстанций с преднамеренно пересекающимися компетенциями. Ну а Кейтель пусть будет управляющим всеми этими нуждающимися в управлении делами вермахта, и особенно сухопутных войск. На его плечи — не без собственной вины! — лег невероятный груз работы в сочетании с полным презрением Гитлера к тем послушным и исполнительным сотрудникам, которые даже своим внешним видом оставались ему какими-то чуждыми.

О на редкость запутанных компетенциях ОКВ фельдмаршал частично рассказал в своих воспоминаниях. Следует констатировать: никакой приказной властью он не обладал. Он стал (причем в гораздо худшей форме, чем пресловутый наполеоновский князь Ваграмский) для Гитлера другим «Бертье»⁶¹⁴.

Поскольку современная война потребовала мобилизации всех сфер существования нации, начальник ОКВ формально, с точки зрения Гитлера, являвшийся представителем вермахта в целом, оказался втянутым в многочисленные дела, которые, по сути, его не касались. А поскольку этот начальник ОКВ был человеком с чрезвычайно ярко выраженным чувством долга, он ни от одного такого дела не уклонялся.

Здесь еще раз уместно вспомнить формулировки из декрета фюрера от 4 февраля 1938 г.: «Командную власть над всеми вооруженными силами отныне непосредственно осуществляю лично я». «Прежнее управление вооруженных сил имперского военного министерства, сохраняя свои задачи в качестве Верховного главнокомандования вермахта и моего военного штаба, переходит в мое прямое подчинение». — Так заявил Адольф Гитлер в 1938 г. — еще до всех аннексий и захватов, действуя в унаследованном им от старого государства духе закона сосредоточения в своих руках всех властных позиций, начиная от поста рейхсканцлера и президента и кончая постом Верховного главнокомандующего вермахта. Он поступал так, ибо это отвечает внутренней логике таких монархических систем. Но при этом никак нельзя упускать из

---

⁶¹⁴ Луи Александр Бертье (1753—1815) — маршал Франции, князь Невшательский и один из ближайших соратников Наполеона Бонапарта; в 1799—1807 гг. — военный министр, в 1799—1814 гг. — начальник генерального штаба французской армии. Во время Реставрации служил монархии Бурбонов. После возвращения Наполеона («Сто дней») покончил жизнь самоубийством. — *Прим. пер.*

виду то обстоятельство, на которое еще во время Нюрнбергского процесса указал специалист-государственник и ученый-правовед профессор Герман Яррайс: «Поскольку фюрерское государство, являющееся монархическим, достигло своего господства внешне легальным путем, воля монарха стала законом»⁶¹⁵.

Протежируемому Кейтелем на пост главнокомандующего сухопутными войсками генералу фон Браухичу во время государственного кризиса 1938 г. было дано понять: одной из его задач будет сблизить вермахт с национал-социалистическим государством. Как и у Кейтеля, возражений у Браухича не имелось. Для них обоих это была не столько проблема «национал-социализма», сколько проблема, именуемая: «Гитлер». Главным для них обоих являлась не система, а личность, стоящая во главе государства. Когда Браухич, духовно и физически сломленный фюрером, уходил в отставку, он, совсем так же, как и сраженный в результате темных махинаций генерал-полковник барон фон Фрич, заявил: «Гитлер — это рок Германии». Ни одному из этих аристократов тогда уже больше и не пришла в голову идея упорного протеста против самовластия плембей. Это затрагивает проблему внутреннего отречения от своих идей и традиций старого руководящего круга Германии, который начал маневрировать еще во время революции 1918 г. Фельдмаршал Кейтель тоже принадлежал к старому дворянско-буржуазному высшему кругу. И он тоже ни на йоту не ощутил все это по-иному.

Кейтель цитирует по памяти речь Гитлера, которую тот 30 января 1939 г. произнес, вероятно, перед высшими офицерами вермахта⁶¹⁶. Фюрер распространялся насчет неудачного до той поры «рывка» к превращению Германии в мировую державу. Вермахт должен выждать до 1942 г. «Генеральное столкновение» с Англией и Францией — неизбежно; он, фюрер, приведет рейх к нему, как только наступит подходящий момент. Гитлер в резких выражениях обличал «пессимистические элементы», заседавшие в военном руководстве, а потом ополчился на существующий в этих кругах еще со времен Шлиффена⁶¹⁷ «интеллектуальный дух»

---

⁶¹⁵ «Бумаги Нельте» (экспертное заключение Германа Яррайса о фюрерском государстве).

⁶¹⁶ «Бумаги Нельте» (речь Гитлера от 30.1.1939 г.).

⁶¹⁷ Граф Альфред фон Шлиффен (1833—1913), прусский генерал-фельдмаршал. В 1891—1906 гг. — начальник генерального штаба.

и «сверхкультивирование» одного духа. Тут, сказал Гитлер, необходимо абсолютно радикальное изменение. Офицерский корпус «погряз» в пессимизме (имелось в виду его поведение во время Судетского кризиса. — *В.Г.*). Напомнив историю с генералом Адамом, он с возмущением воскликнул: «О чем тут говорить, если уже сверху идет такой дух!..» Фюрер потребовал новой системы отбора офицерских кадров. В будущем германский офицер должен быть «верующим (в национал-социализм. — *Прим. пер.*) офицером!» Насчет разных планов реорганизации структуры руководства вермахта Гитлер категорически заявил: «Я не желаю больше получать никаких предостерегающих памятных записок!» (Имелась в виду «бумажная война», ведшаяся в 1938 г. с помощью разных меморандумов. — *В.Г.*). Задача Браухича — повернуть офицерский корпус лицом к нацизму. Необходимо «доверие, диктуемое слепой уверенностью». Закончил речь Гитлер примерно так: «Прошу всех осознать свои задачи!»

Тем самым, в сущности, было сказано все, чего хотел фюрер.

Позже, на допросе американскими следователями⁶¹⁸, Кейтель показал: постепенно он увидел — не так страшен черт, как его малюют! Ведь Гитлер, ощущая свою внутреннюю неуверенность, сознательно вел себя с офицерами чересчур утрированно. Но то было слабым утешением и запоздалым прозрением. Именно во время этих предварительных допросов (общая их тема: «Анализ Кейтелем характера и нравов Гитлера») фельдмаршал, с целью проиллюстрировать тезис фюрера о необходимости априорного недоверия ко всем и каждому, привел несколько примеров реагирования «верховного полководца» на неугодные тому факты и явления.

Первый пример касается отношения Гитлера к старейшему и самому видному офицеру армии — генерал-фельдмаршалу фон Рундшtedту, происходившему из старинного прусского дворянского рода.

Герц фон Рундшtedт, командующий группой армий «Ю» на Восточном фронте, в кульминационный момент зимнего кри-

---

В 1905 г. разработал получивший его имя план одновременной войны Германии на два фронта: сначала проход через нейтральную Бельгию и быстрый разгром Франции, а затем — концентрированное наступление на Россию. — *Прим. пер.*

⁶¹⁸ Nazi Conspiracy Suppl. B. P. 1284 ff.

зиса 1941 г. во время похода на Россию был 3.12.1941 г. «по собственному желанию» отправлен Гитлером в бессрочный отпуск, поскольку отказался выполнить приказы фюрера, требовавшего от войск невозможного. В 1942 г., после ухода в отставку заболевшего генерал-фельдмаршала Вицлебена, Рундштедт был возвращен на действительную военную службу в качестве главнокомандующего фронтом «Запад» (группа армий «Д»).

Когда в июне 1944 г. англо-американские экспедиционные войска успешно (впрочем, ничего иного нельзя было и ожидать!) высадились во Франции, Рундштедта снова убрали. Кейтель услышал от Гитлера: «Ну о чем вы говорите, он ведь — старик! У него просто нервы не выдержали. Он не хозяин положения, а потому пусть уходит прочь!» Через каких-то восемь недель Гитлер сказал Кейтелю: «Я хотел бы видеть фельдмаршала фон Рундштедта и поговорить с ним, выяснить, здоров ли он снова!»

Рундштедта срочно вызвали в ставку фюрера в Восточной Пруссии. Прождав там три дня, он ворчливо спросил Кейтеля: что все это значит и чего от него, собственно, хотят! Кейтелю не оставалось ничего иного, как попросить его еще потерпеть. При первой же okazji он спросил Гитлера, что тот собирается делать с почтенным фельдмаршалом. Тот ответил: «Это я вам скажу завтра». На другой день Кейтелю вообще пришлось воздержаться от вопроса. Гитлер: «Сегодня у меня совсем нет времени для этого». И только на третий день Гитлер приказал Кейтелю во второй половине того же дня в назначенное время явиться к нему вместе с Рундштедтом.

(Тем временем преемник Рундштедта на Западе генерал-фельдмаршал Клюге покончил жизнь самоубийством, как только узнал, что будет подвергнут строгому допросу в связи с участием в заговоре 20 июля 1944 г.)

Гитлер открыл Рундштедту причину вызова в ставку: «Господин фельдмаршал, я хотел бы снова доверить вам Западный фронт!»

Рундштедт: «Мой фюрер, что бы вы ни приказали, всегда буду выполнять свой долг до последнего вздоха!»

(И это говорил тот самый фельдмаршал, который в своей, не чужавшейся крепких выражений манере не раз позволял себе в телефонном разговоре с Кейтелем в высшей степени уничижительно отзываться об этом «обер-австрийце»! Когда Кейтель однажды в июне 1944 г. высказал недовольство ходом сражения

с англо-американскими экспедиционными войсками во Франции, Рундштедт, разъярившись, крикнул ему: «Ежели вы считаете, что сможете командовать лучше меня, так валяйте сюда и сами расхлебывайте это дерьмо!» А когда Кейтель в другой раз, позвонив ему насчет падения морской крепости Шербур и провала контрудара немецких танковых дивизий по плацдарму противника, спросил, что следует делать, Рундштедт, не выбирая выражений, высказал наболевшее: «Что вам делать? Заключить мир, идиоты! А что вам еще остается?»⁶¹⁹)

Свойственный Кейтелю ненарушимый круг долга, понимавшего форму обращения с главой государства как безусловное повиновение, исповедовал и генерал-фельдмаршал фон Рундштедт, принадлежавший к числу тех высших военачальников, которые (по крайней мере, в своих высказываниях в плену) строго упрекали Кейтеля в том, что он не кто иной, как «генерал, всегда говоривший “да”». Но даже та ярость, с какой Рундштедт иногда бурно выплескивал по телефону накипевшее у него на душе, не помешала последнему занять кресло председателя «суда чести» над теми, кто 20 июля 1944 г. выступил против фюрера или хотя бы только подозревался в таком намерении.

5 сентября 1944 г. Рундштедт сменил на посту главнокомандующего фронтом «Запад» генерал-фельдмаршала Моделя (до этого, в свою очередь, сменившего застрелившегося фельдмаршала Клюге, бывшего однополчанина Кейтеля). Гитлер после беседы с Рундштедтом в своей ставке сказал Кейтелю: «Знаете ли, то уважение, каким пользуется Рундштедт у всех частей вермахта (и не только у сухопутных войск, но и у военно-морского флота и люфтваффе), да и повсюду, просто необычайно! Он может пробить любую преграду, и у меня нет никого другого, кто бы встречал такое уважение!...»

Но когда на исходе декабря 1944 г. провалилось второе германское наступление в Арденнах, о Рундштедте сразу же стали поговаривать: мол, слишком стар, обстановкой уже не владеет, контролировать генералов не способен, и Гитлеру пора от него навсегда избавиться... Кейтель добавляет: Гитлер мнил себя боль-

---

⁶¹⁹ Milton Shulman. Die Niederlage im Westen, GUtersloh, 1949, S. 232 f. (Личные беседы с генералом Блюментриттом, начальником штаба командующего фронтом «Запад»).

шим знатоком людей, но таковым никогда не был. Но Кейтель признает, что тот обладал чуть ли не магическим даром внушения и воздействия на психику людей, включая и его самого.

Кейтель приводит и еще один пример: беседу с Гитлером по вопросам вооружения.

Гитлер спрашивает: «Сколько легких гаубиц мы производим в месяц?» Кейтель отвечает: «Около 160». Гитлер: «Приказываю 800! — и осведомляется: — А сколько снарядных лент для зениток 88-мм калибра мы выпускаем ежемесячно?» Кейтель: «Примерно 200 тысяч». Гитлер: «Требую два миллиона!» Кейтель пытается возразить: «Но как же мы сможем? Каждый зенитный снаряд имеет взрыватель с дистанционным часовым механизмом. А у нас их не хватает, такие взрыватели делают всего несколько заводов». Гитлер: «Вы в этом ничего не смыслите! Я поговорю со Шпеером, мы быстренько построим такие заводы, и через полгода у нас этих взрывателей будет уйма!»

И все это изрекает тот самый «верховный полководец» Германии, с которым должен был (более того, желал!) работать начальник штаба Верховного главнокомандования вермахта, ибо, с точки зрения Кейтеля, уклоняться даже от выполнения таких заданий было недопустимо!

Начальник юридического отдела ОКВ генерал-полковник юридической службы д-р Рудольф Леман, далеко не всегда понимавший поступки Кейтеля, однажды с грустью констатировал, что фельдмаршал часто чувствовал себя очень несчастным...

* * *

Воспоминания Кейтеля показывают инкорпорацию всех сфер деятельности и компетенций ОКВ. Они свидетельствуют о том, в какой степени фельдмаршал действительно был всего-навсего начальником канцелярии. Ответственность за это с него следует снять. С другой стороны, как мы уже указывали, это обуславливалось и тем ненадежным и двойственным положением «представителя вермахта», которое определил ему Гитлер.

Такая многофункциональность вела к существованию множества непосредственно подчиненных фюреру организаций и инстанций, которые занимались экономическим, полицейским и административно-управленческим руководством, прежде

всего — войной на Востоке. Все это «подбрасывалось» фельдмаршалу то СС, то партией, то филиалами Организации Тодта, а с 1942 г. — непомерно раздутым аппаратом генерального уполномоченного по использованию рабочей силы (им являлся позже казненный в Нюрнберге Заукель. — *Прим. пер.*). Пожелай Кейтель оставаться хозяином над всеми этими сферами и притом не потерять общего обзора, ему (как квазинеофициальному генеральному секретарю по управленческим делам вооруженных сил, но не обладающему никакими действительными полномочиями) пришлось бы заниматься тысячью и тысячью вопросов. Чтобы решить их все, от него требовалась огромная работоспособность. Ее он и принес на свой неблагодарный пост. Кейтель не заметил только одного: именно это и сделало его совершенно незаменимым для Гитлера. Он слишком мало сознавал свою действительную цену.

Иногда адъютанты Кейтеля (которые в любой момент могли говорить со своим фельдмаршалом откровенно) спрашивали: ну почему этого, столь любящего и понимающего сельское хозяйство человека не сделали министром сельского хозяйства; вот там он был бы куда больше на своем месте! Интерес к этим делам по-прежнему превалировал у Кейтеля над гнетущим грузом канцелярской работы, не оставлявшей времени на нормальный обед, короткий послеполуденный отдых или небольшую прогулку. Порой близкие к Кейтелю люди задавали и себе и ему вопрос: почему он не уходит, когда вновь и вновь отдаются такие приказы, которые, собственно говоря, требуют от солдата порвать с этой службой? Но нечего и говорить о том, что Гитлер никогда бы не отпустил от себя Кейтеля, ибо хорошо знал: без этого начальника канцелярии ему бы ничего не удалось достигнуть в области административного управления вермахтом. Не приходится говорить и о том, что Кейтель считал для себя невозможным уйти с этого поста именно во время войны. Тем самым фельдмаршал давал ответ и еще на один немой вопрос. Он, верно, говорил тогда, что, если уйдет, его место быстро займет другой человек, причем отнюдь не генерал: «Того, кто придет после меня, зовут Гиммлер!»⁶²⁰

Гросс-адмирал Дёниц (с 1943 г. — главнокомандующий военно-морского флота) в своих воспоминаниях свидетельствует:

---

⁶²⁰ Письменные показания свидетелей. Собственность издателя.

он избегал слишком долго находиться в ставке фюрера из-за присущей Гитлеру силы внушения⁶²¹. Министру Шпееру, умному и вовсе не подверженному мистицизму человеку, сила гитлеровского внушения казалась крайне зловещей. А ведь Кейтель проработал с Гитлером почти семь лет и постоянно находился под его прямым влиянием.

Среди главнокомандующих составных частей вермахта и других высших военных чинов, которые долгое время прослужили в самом близком окружении Гитлера, считалось неписанным правилом: свои сомнения и опасения высказывать ему, по возможности, наедине. Так, по его показаниям на Нюрнбергском суде, действовал и гросс-адмирал Редер. Поступать именно так посоветовал ему шеф-адъютант фюрера генерал Шмундт⁶²².

Никакого коллективного противоречия Гитлер не терпел; при своем безбрежном недоверии ко всем и вся, он при малейшем поводе и даже без оногo приходил в ярость — «эти генералы» хотят устроить ему заговор!

Кейтель тоже придерживался правила говорить с фюрером с глазу на глаз. Он настолько строго следовал этому правилу, что в щекотливых ситуациях (скажем, при острых дебатах с целью не допустить отдачи фюрером какого-либо нежелательного приказа или своего намерения смягчить его) сначала посылал для разговора с Гитлером наедине острого на язык и оперировавшего юридическими понятиями генерала Лемана — советника по юридическим вопросам. А уже потом фельдмаршал продолжал начатый разговор, хотя, по его собственным наблюдениям, с мнением его Гитлер считался довольно мало.

Генерал-полковник Йодль, начальник штаба оперативного руководства вермахта, сравнивал ставку фюрера в Восточной Пруссии с концлагерем. Действительно, жизнь в 1-й заград-зоне (А) «Волчьего логова» означала отказ от всего, что называется нормальной жизнью. Даже совершенно официально чудовищный объем работы, возложенный на такого дотошно исполнительного человека, как Кейтель, не оставлял ему времени получить действительное представление обо всем в целом. Руководство невероятно разросшимся аппаратом военно-

---

⁶²¹ *Chester Wilmot*. Der Kampf um Europa. Frankfurt a. M., 1950. S. 152 f.

⁶²² IMT-Prozess. Bd. XIV. P. 243.

административного управления отнимало у него и день и зачастую ночь. К тому же многие часы он проводил на ежедневных обсуждениях обстановки в бункере Гитлера, на которых обязан был присутствовать по своему служебному положению.

Хотя Кейтелю и приходилось соприкасаться со многими частными вопросами ведения войны и военного управления, лежавшими за пределами его круга задач, все равно это полной картины происходящего ему не давало, а выглядело какой-то мозаикой, и он это ощущал. А то, что по воле «верховного полководца» ему знать было не дозволено, так и оставалось для него тайной за семью печатями. Но именно это включало не только проблемы большой политики, но и те методы ведения войны, которые практиковались рейхсфюрером СС. Так неестественная жизнь за письменным столом военной машины приводила Кейтеля к изоляции от жизни и от страны, от тысяч вещей, принадлежавших к повседневному бытию Германии тех лет.

Тот, кто занимал такое высокое положение в военной иерархии, как он, внешне казался человеком могущественным. Но этот фельдмаршал практически не мог по своему собственному приказу сдвинуть с места ни одну-единственную роту! Ему ровным счетом нечего было приказывать самостоятельно; более того, он не обязан был делать это! Позже Кейтель скажет: «Я не стал орудием Гитлера, я был им с самого начала!» Всякие слухи, пустую болтовню — все это он отвергал. У его адъютантов сложилось такое впечатление, что он отбрасывал от себя прочь всякую критику в адрес Гитлера, а также и насчет условий жизни в Третьем рейхе. Он отказывался (по крайней мере, в большинстве случаев) покрывать офицеров своего ведомства, когда у них возникали «трудности» с гестапо (скажем, по причине презрительных реплик в отношении фюрера или партии). Но он считал недостойным для себя поступком донести гестапо на какого-нибудь офицера, который без прикрас высказывал ему свое мнение, критиковал его поведение или жаловался на существующие в тылу, на родине, условия. Но кто же вообще отваживался в этом фюрерском государстве своими нелестными высказываниями навлечь на себя немилость высокопоставленных персон!

Занимаемая Кейтелем должность априори делала его одиозным, превращала в человека, далекого от жизни, а поскольку

ку обладатель этой должности во всех вопросах (особенно касающихся сухопутных войск) фактически никаких властных полномочий не имел, а мог решать только сравнительно пустяковые дела, то он и снискал себе чудовищную непопулярность среди офицерства и генералитета. Но те, кто поносил этого «лакейтеля»⁶²³ в фельдмаршальском мундире, забывали, что и сами бы они на его месте не добились большего.

Разумеется, вновь возникает вопрос: почему же Кейтель сам не ушел с этой неблагоприятной должности? Начальник центрального управления ОКВ генерал-лейтенант Пауль Бинтер однажды напомнил ему старый афоризм: «Там, где повинование не приносит чести, выбери неповиновение». Но Кейтель видел ситуацию по-иному. Однажды он честно принял решение: удерживать эту позицию до последнего, иначе ее займут СС! Начиная с 1942 г. Кейтель постоянно испытывал на себе давление рейхсфюрера СС, желание последнего использовать его в своих интересах, особенно под предлогом, что ОКВ слишком «вяло» занимается делами военнопленных, входившими в компетенцию этого военного ведомства. Кейтель видел, как на его глазах непрерывно растущие войска СС превращаются в новую, пока еще пусть и официально не признанную, четвертую составную часть вермахта. Фельдмаршал уже кое-что узнал о том зловещем и омерзительном полицейском режиме, который показал себя сначала в Польше, а потом был доведен до совершенства в России. Этот режим благодаря введению в войсках должностей «высших фюреров СС и полиции» перекинулся на все захваченные вермахтом области.

Кроме того, Кейтель очень хорошо знал, что с провалом «блицкрига» в России в 1941 г. исход войны в основе своей решен: никакой крупной победы вермахту больше никогда не одержать! С тех пор он видел только одну-единственную необходимость: выстоять, пока не представится возможность избежать войны на два фронта. Мысль покинуть свой пост в бедственном для собственной страны положении просто не входила в его понимание долга. И он так и остался на этом посту до горького конца!

---

⁶²³ Игра слов от фамилии Keitel (по-немецки читается: Кайтель) и der Lakai (лакей). — *Прим. пер.*

Конец же этот он встретил, занимаясь разработкой и передачей в войска приказов, которые сам никогда не отдавал!

* * *

Приказы, о которых здесь идет речь и которые обвинение вполне серьезно инкриминировало фельдмаршалу на Нюрнбергском процессе — например, насчет его участия в «заговоре» (против мира и человечности. — *Прим. пер.*), если рассматривать их методически, можно подразделить на две группы. При этом не имеет никакого смысла упорствовать в утверждении, что и другая сторона (к примеру, англо-американцы при ведении воздушной войны против гражданского населения) тоже несомненно виновна в нарушении международных правил. Взаимное нарушение права самого права отнюдь не создает.

Первая группа этих особых приказов охватывает те три меры, в результате которых еще за три месяца до нападения на Советский Союз международно-правовой характер ведения войны был Германией кардинально изменен. Таковой мерой явилась директива о наделении рейхсфюрера СС и подчиненных ему полицейских и гестаповских органов и формирований «особыми правами» во фронтовой и тыловой полосе германских войск. Хотя вермахт и не нес за них ответственности, они затрагивали не только население вражеской страны, но и оказывали свое воздействие на сам вермахт. Далее, это приказ о подсудности в районе «Барбаросса», т.е. в предназначавшемся для оккупации пространстве России, и так называемый приказ о комиссарах.

Эти приказы были сформулированы и зафиксированы в письменном виде в марте, мае и июне 1941 г. Они означали ведение военных действий полицейскими командами — точнее говоря, командами специально предназначенных для того формирований партийной полиции, СС и СД (Службы безопасности) — с целью массовых убийств по расовым или идеологическим мотивам. Это также приказ по войскам, предписывавший ни в коем случае не подчиняться правовым нормам обычные уголовные, с юридической точки зрения, преступления военнослужащих вермахта против гражданского населения в предназначенных для захвата восточных областях. Это, далее, приказ войскам проводить немедленную селекцию (сортировку) во-

еннопленных с целью выявления и ликвидации политических комиссаров, принадлежавших к структуре Красной Армии. Как и вышеназванные, данный приказ ниспровергал многовековую традицию ведения войн. Для самих же немецких войск наилучшим и наиопаснейшим являлся «приказ о неподсудности военнослужащих вермахта за уголовные преступления в захваченных областях Востока».

Фельдмаршал Кейтель, который снова тщетно протестовал против нападения на Советский Союз, сам сказал, что речь тут шла о весьма «уязвимых вещах». Он возражал против письменной фиксации этих мер. Но они все же были изложены затем в такой форме. Большинство высших генералов было против приказов о неподсудности и об уничтожении комиссаров без суда и следствия. Но поскольку в обеих своих крупных речах, произнесенных перед высшими чинами вермахта еще до похода на Восток (в марте и июне 1941 г.), Гитлер предельно ясно изложил, как хочет он вести эту войну (а именно: как якобы превентивную, ибо такую войну легче попытаться изобразить приемлемой для немецкого народа). Никто из высшего генералитета открыто против этой революции в ведении войны не выступил. Правда, потом большинство скептиков и оппонентов втихомолку упрекали начальника ОКВ: а почему он ничего не возразил и ничего не предотвратил? Вот так они и подбрасывали ему свою «черную метку», вместо того чтобы честно признать свою собственную внутреннюю безоружность перед Гитлером; им нечего обвинять друг друга — они виновны в своей бездеятельности сами.

Судя даже лишь по фрагментам этих (не сохранившихся полностью) секретных гитлеровских речей, фюрер считал: нападение на Советский Союз — это в основном не что иное, как продолжение той самой борьбы против коммунизма, которую он с применением «грубого насилия» (т.е. не останавливаясь ни перед какой жестокостью) когда-то вел на улицах крупных германских городов и которую он выиграл для своей партии. Теперь война мировоззрений, по его плану, должна была развернуться на просторах между Вислой и Волгой. Гитлер ссылился на то, что Советский Союз никогда не участвовал в международных соглашениях по вопросам обращения с военнопленными и ранеными и их правовой защиты. Но он «забыл» о том, что

Советский Союз (по крайней мере, на бумаге) сформулировал подробно разработанные правила обращения с немецкими военнопленными. Другое дело, что все это в значительной мере так и осталось в теории!

По существу, Гитлер, сознательно или нет (но, во всяком случае, с устрашающей последовательностью!), «обновил» тот метод, с помощью которого велась русская Гражданская война 1918—1922 гг. Там, где власть в свои руки захватывали красные, под пулями ВЧК гибли дворяне, офицеры, священники, помещики и богатые граждане. А там, где власть возвращали себе белые, под пулями уже их карательных команд падали комиссары и командиры Красной Армии.

Таким образом, теория, господствовавшая во времена Гражданской войны в России, теперь, в 1941 г., была одной из цивилизованных европейских наций превращена, во всех ее самых разрушительных и убийственных проявлениях, в теорию ведения современной войны как мировой гражданской войны.

Насчет же «особых задач» органов рейхсфюрера СС Гитлер однажды грубо сказал Кейтелю: вам нечего забивать себе голову вещами, которые касаются только полиции! Приказы о массовых убийствах осуществляются эйнзацкомандами СД, приданными каждой из трех групп армий, действующих на Востоке («Север», «Центр» и «Юг». — *Прим. пер.*), особыми командами СД по «обращению» с комиссарами и так называемыми фанатичными коммунистами в сборных лагерях для советских военнопленных. Для аргументации Гитлера характерно, что только осенью 1941 г., ввиду нехватки рабочей силы, он отменил свой приказ, запрещавший ввозить советских военнопленных на территорию рейха для их использования на германских предприятиях. Он боялся их сотрудничества с подпольными коммунистическими группами внутри немецкого рабочего класса и дальнейшего распространения коммунистических идей в этих слоях.

Что касается приказа о подсудности в районе «Барбаросса», главнокомандующий сухопутными войсками генерал-фельдмаршал фон Браухич пытался перечеркнуть его своим контрприказом, который обязывал личный состав строжайшим образом блюсти традиционную строгую дисциплину. На практике приказ фюрера, как и можно было предполагать, оказал на войска минимальное воздействие: старая солдатская тради-

ция, несмотря на смешение и смещение всех понятий, которое национал-социализм породил в некоторых головах, все-таки коренилась в армии еще слишком крепко.

Приказ о комиссарах осуществлялся войсками в различной мере (преимущественно в первые, решающие месяцы войны на Востоке), а потом был молчаливо отменен и в 1942 г. уже не действовал.

Свое моральное соучастие в появлении всех этих приказов (но никоим образом — не в авторстве!) фельдмаршал Кейтель, будучи честным человеком, не оправдывал. Эти приказы вызывали у него все более глубокое внутреннее несогласие.

Вторая группа инкриминированных Кейтелю приказов включает ряд документов, начиная с приказа о борьбе с бандами 6 сентября 1941 г. (он получил кодовое наименование «Мрак и туман») и кончая приказами ОКВ от осени 1943 г. в связи с событиями в Италии (заметим, кстати, что они каким-то странным образом на Нюрнбергском процессе не рассматривались!). С точки зрения методов их осуществления, они носят другой характер по сравнению с приказами первой группы. Они появились на свет не в результате заблаговременного планирования, чуждого внутренней дисциплине Гитлера, а как спонтанная реакция человека, стоящего во главе государства и вермахта, на многообразие явлений в ходе войны с партизанами и военных действий вражеских диверсионных формирований на оккупированных территориях.

До произведенного 22 июня 1941 г. нападения на Советский Союз германскому командованию приходилось иметь дело в оккупированных странах, особенно в Польше, с отдельными проявлениями, так сказать, национального Сопrotивления. После разрыва Гитлером созданной в 1939 г. нацистско-коммунистической Антанты (что на французском языке означает «сердечное согласие». — *Прим. пер.*), наряду с поддерживаемым Западом (прежде всего Англией) Сопrotивлением национальных демократических сил в Польше, Норвегии, Нидерландах, Франции, Бельгии, стало бурно расти движение Сопrotивления, возглавляемое коммунистами под эгидой Советского Союза. В ряде стран, в меру появившихся возможностей, начала сильно разгораться стимулируемая Советским Союзом партизанская война. Повсюду стали возникать весьма часто не

строго отличавшиеся друг от друга, но тяготевшие к «единым фронтам» как «красные», так и «белые» партизанские группы, которые в Польше и Сербии, а в заключительной фазе войны и во Франции, активно враждовали между собой.

В самом Советском Союзе партизанская война в тылу нашего первоначально неудержимо продвигавшегося на восток фронта была тщательно организована коммунистами. Она приобрела широкий размах, когда, в результате деятельности эйнзатцкоманд СД и немедленно установленной нацистскими комиссарами германской администрации, население воочию убедилось в том, что оно всего лишь променяло террор КПСС на террор НСДАП.

Недостаточно оккупированные и не до конца усмиренные Балканы (особенно Южная Сербия) уже летом 1941 г. пережили появление банд, главарем которых стал коммунистический функционер хорватского происхождения Иосиф Броз, известный в партийных кругах «*nom de guerre*»⁶²⁴, Тито. Ввиду слабости немецких и нерешительности некоторых итальянских охранных соединений и скованности главных сил германских войск на Востоке, Гитлер своим приказом о борьбе с бандами от сентября 1941 г. прибег здесь к уже привычному для него выходу из положения — к жестокости. Приказ просто наштампован не останавливающимися ни перед чем требованиями и наводящими ужас формулировками. Он содержит требование за одного убитого немецкого солдата расстреливать 50 или даже 100 заложников, показывая, что для Гитлера террор был действительно выходом из положения. Разумеется, и этот приказ был отдан через ОКВ!

Оставим в стороне вопрос, так никогда и не решенный международным правом: имеет ли вообще и когда и при каких именно обстоятельствах оккупационная держава право брать, а также и убивать заложников (что всегда делала ведущая войну страна)? Но квота заложников здесь превышает всякую норму.

Советский Союз снова и снова не без успеха пытался забрасывать агентов-парашютистов или даже целые группы диверсантов как на территорию рейха, так и на территории, захваченные немцами или их союзниками. К примеру, советский полковник Родионов (?) был сброшен на парашюте 11 августа 1941 г. над

---

⁶²⁴ Военный псевдоним (фр.).

Болгарией, чтобы возглавить и в этой сотрудничавшей с рейхом балканской стране «антифашистские» партизанские группы. Сам он был вскоре схвачен и казнен, но так называемый «Отечественный фронт» отнюдь не умер, а получил приток новых сил.

В самой Германии Советы еще в период официальных дипломатических отношений через торгового атташе своего посольства в Берлине установили связь с одной группой Сопротивления, которая после своего разгрома гестапо в 1942 г. фигурировала в документах государственной тайной полиции под наименованием «Красная капелла», поскольку в ней участвовали многие интеллигенты⁶²⁵ и работники искусства.

Мозгом этого национал-большевистского движения (донесения о нем доходили и до сведения начальника ОКВ) был обер-лейтенант люфтваффе Харро Шульце-Бойзен⁶²⁶, служивший в одном из отделов штаба оперативного руководства ВВС. В этом он был подобен Штауффенбергу, но руководствовался совершенно иными соображениями. Как и Штауффенберг, он был революционером. Но если Штауффенберг хотел в видоизмененной форме перенести в новое будущее великие традиции Германии, то Шульце-Бойзен желал создать в ней советский рейх. Со Штауффенбергом его роднило то, что он тоже проис-

---

⁶²⁵ По другой версии, ее так «окрестило» гестапо, ибо на полицейском жаргоне шпионы именовались «пианистами», аналогично работе на клавиатуре или радиоключе. — Прим. пер.

⁶²⁶ См. об этом: *Fabian von Schlabrendorf. Offiziere gegen Hitler. Frankfurt a. M., 1959, S. 77 ff.* — Прим. нем. изд. Обер-лейтенант люфтваффе Харро Шульце-Бойзен вместе со старшим правительственным советником видным экономистом Арвидом Харнаком возглавлял организацию антифашистского Сопротивления, вошедшую в историю под названием «Красная капелла». Члены этой подпольной организации, сознательно рискуя собственной жизнью в силу своих антифашистских убеждений, вели разведывательную деятельность в пользу Советского Союза, поскольку видели в нем главную силу, способную разгромить гитлеровский фашизм. Руководители организации были повешены, большинство участников гильотинировано или расстреляно. Многие из них были посмертно награждены советскими орденами. В найденных в его тюремной камере в 1945 г. предсмертных стихах Харро Шульце-Бойзен писал: «Топор и веревка нам не страшны — не выиграть ими спор. Пусть судьи суд свой неправый вершат, не вечен их приговор». — Цит. по: *К.Г. Бирнат, Л. Краусхаар. Указ. соч., с. 51—52.* — Прим. пер.

ходил из старинного высшего круга общества и даже приходился внучатым племянником гросс-адмиралу фон Тирпицу⁶²⁷, являлся сыном морского офицера высокого ранга и был женат на внучке князя Филиппа фон Ойленбурга — закадычного друга императора Вильгельма II. Шульце-Бойзен поддерживал связь с советскими агентами (некоторые из них были сброшены на парашютах в районе Берлина) и передал СССР множество важной военной информации. Мировая гражданская война притянула его социальный слой к себе иначе, чем это мыслилось Гитлеру, но притом совершенно непостижимым образом применительно к человеку, по своему душевному складу похожему на генерал-фельдмаршала Кейтеля.

К сожалению, коммунистическая подпольная деятельность в рейхе до сих пор исследована только коммунистической стороной. Тем не менее из записей Йодля мы знаем, что, например, в 1943 г. вблизи ставки фюрера в Восточной Пруссии была сброшена на парашютах группа (двое немцев и один русский)⁶²⁸.

Из коммунистической исторической литературы мы можем узнать, что примерно в то же время в Баварии и Южной Герма-

---

⁶²⁷ Альфред фон Тирпиц (1849—1930), гросс-адмирал; считается одним из основателей германского военно-морского флота накануне Первой мировой войны. Идеолог агрессивной военно-морской политики Германии. Во время Первой мировой войны выступал за неограниченное никакими международно-правовыми нормами ведение войны на море. — *Прим. пер.*

⁶²⁸ Понекоторым опубликованным в российской периодической печати данным (см., например, документальный очерк «Приказ из Кремля оставил Гитлера в живых». — Комсомольская правда, март 1997 г.), группа советских агентов-диверсантов во главе с боевиком — сыном Сергея Есенина Игорем Миклашевским (при содействии знаменитой русской актрисы и любимицы фюрера Ольги Чеховой, поддерживавшей регулярный контакт с НКВД) — подготовила в 1943 г. убийство Гитлера и лишь ждала сигнала для его осуществления. Об этом же говорится в книге бывшего начальника управления зарубежной разведки и специальных операций НКВД СССР генерала П.А. Судоплатова. По его свидетельству, «в 1943 году Сталин отказался от своего первоначального плана покушения на Гитлера, потому что боялся: как только Гитлер будет отстранен, нацистские круги и военные попытаются заключить сепаратный мирный договор с союзниками без участия Советского Союза». Цит. по: *Павел Судоплатов. Разведка и Кремль. М., 1994. С. 137. — Прим. пер.*

нии существовала широко разветвленная организация «Антинацистский народный фронт», успешно поддерживавшая контакт с организацией советских военнопленных, именовавшейся «Братским содружеством военнопленных».

Пожалуй, полезно указать и еще на один пример, который проливает свет как на опасность советской партизанской войны, так и на характер германских контрмер. Именно потому, что приказ ОКВ от 16.9.1941 г. «О коммунистическом повстанческом движении в коммунистических областях»⁶²⁹ далеко отстоит по времени от кульминационной точки этой активности, он доказывает, насколько бессмысленны были такие приказы, ибо они только содействовали подъему партизанского движения.

28 августа 1942 г. 8-я Могилевская партизанская бригада, предположительной численностью 350 человек, которой командовал Герой Советского Союза Сергей Шунин, разрушила важный для снабжения группы армий «Центр» железнодорожный пункт Славное на участке Минск — Москва. ОКХ, по приказу Гитлера, потребовало немедленного возмездия. В горящем Славном и окрестных деревнях было расстреляно 100 действительных или мнимых родственников партизан. Казалось бы, успех, но активность партизанских отрядов сломлена не была. Приказ о коммунистическом повстанческом движении относился к оккупированным восточным и юго-восточным областям. Обоснование его было типично гитлеровским: «Следует учитывать, что на указанных территориях человеческая жизнь ничего не стоит, и устрашающее воздействие может быть достигнуто только необычайной суровостью» (в немецком оригинале: «ungewöhnliche Härte». — *Прим. пер.*). Возмездием за жизнь одного немецкого солдата в этих случаях, как правило, должна считаться смертная казнь 50—100 коммунистов». Кейтель старался снизить квоту заложников, но Гитлер все-таки настоял на изначально желаемой им цифре.

Согласно порядку прохождения предписанных документов, который Кейтель сам установил для себя, фельдмаршал подписал приказ с такой формулировкой: «Фюрер распорядился...». Тем самым начальник ОКВ желал документально зафиксировать, что этому приказу предшествовали продолжительные споры.

---

⁶²⁹ «Бумаги Нельте» (штаб оперативного руководства вермахта, отдел L. № 02060, сов. секретно).

В противоположность вышеперечисленным приказам, второй приказ 1941 года (тоже ставший знаменитым), а именно «Мрак и туман» от 7—12 декабря 1941 г., предназначался для западных областей, прежде всего для Франции, и в военно-административном отношении должен был осуществляться в сфере командующего войсками на данной оккупированной территории, который подчинялся не ОКВ, а ОКХ, а именно — генерал-квартирмейстеру сухопутных войск.

После начала кампании против России активность коммунистических организаций сильно возросла и во Франции, но здесь она перекрывалась активностью движения «Свободная Франция» во главе с генералом де Голлем. К тому же подобная деятельность стимулировалась из Англии при помощи диверсионных и иных, так называемых «коммандос», которые сбрасывались с самолетов над Францией, Бельгией, Голландией и Норвегией и по большей части действовали в тесном сотрудничестве с эмигрантскими правительствами оккупированных стран и формировавшимися этими правительствами вооруженными частями.

Одной из самых крупных акций такого рода стало удавшееся покушение на заместителя имперского протектора Богемии и Моравии начальника Главного управления имперской безопасности (РСХА) Райнхарда Гейдриха в мае 1942 г. в Праге. Оно было совершено чехословацкими агентами-парашютистами, которых забросили в Чехию на английском самолете. Эта акция в конечном счете привела осенью 1942 г. к не менее фатальному приказу Гитлера о борьбе с «коммандос».

Для деятельности коммунистов во Франции было характерно одно из первых убийств, жертвой которого явился полевой комендант Нанта подполковник Хотц. В данном случае, во-первых, было совершено покушение на чрезвычайно любимого населением и толкового офицера оккупационных войск. Во-вторых, это означало ликвидацию любого неприемлемого для какой-либо подпольной организации человека, а в-третьих, при тупости руководимого Гитлером оккупационного режима немцы могли бы приступить к расстрелу заложников, что опять же ударило бы не по коммунистам, а по видным гражданам, так как, по старинному обычаю, в заложники брали именно их.

Нантское покушение не было и не осталось единичным случаем. Гитлер потребовал (по данному вопросу Кейтель вручил

своему защитнику письменные показания⁶³⁰), чтобы (ввиду различных покушений не только на отдельных лиц, но и диверсионных актов против промышленных предприятий, железнодорожных сооружений, линий высоковольтной передачи и т.п.) методы борьбы с подобными акциями были изменены. Поскольку практиковавшиеся смертные приговоры лишь создавали мучеников, теперь они должны были выноситься на месте только по «требующим немедленного расследования» случаям. Отныне же во всех остальных случаях после предварительного рассмотрения дела военно-полевым судом виновных следовало отправлять непосредственно в Германию. Гитлер сам придумал кодовое наименование этого приказа: «Мрак и туман». Это понималось так, что под покровом ночи виновного надлежало скрытно перевезти через границу рейха, где ему и будет вынесен и приведен в исполнение смертный приговор. Причем все это должно быть покрыто пеленой непроницаемого тумана, т.е. совершаться в строжайшей тайне, оставляя родственников бесследно исчезнувшего в полной неизвестности насчет его судьбы.

Вокруг этого приказа разгорелась ожесточенная дискуссия. Кейтель, а также начальник юридического отдела ОКВ генерал Леман высказывали весьма обоснованные опасения. В ходе обсуждения фюрер заявил фельдмаршалу, мол, никто не смеет оспаривать, что он, Гитлер — революционер крупного масштаба и уж кто, как не он, знает, как «делают» революции. Именно он лучше всех прочих знает и то, как подавлять восстания...

В конце концов Кейтель сопроводил приказ предваряющей фразой: «Такова давно обдуманная воля фюрера». Эта полемика (столь характерная в подобных случаях ведения бумажной войны) была призвана зафиксировать: несмотря на предшествовавшее длительное обсуждение, воля фюрера осталась неизменной.

Кейтель считал, что введенный Гитлером новый метод предварительного военно-полевого следствия (если сравнить его с прежним немедленным вынесением смертного приговора прямо на месте) служит гарантией соблюдения правового порядка, поскольку в приказе гестапо предписывалось после депортации

---

⁶³⁰ «Бумаги Нельте», Ш/14 («Ночь и туман», рукописные заметки Кейтеля от 12.2.1946 г.).

арестованных в рейх передавать их дела в суд. Тем не менее сам Кейтель в эффективности этого приказа в целом сомневался.

Приказ «Мрак и туман» действительно вызвал споры как с французскими властями, так и германской комиссией по перемирию с Францией. Французы требовали, как минимум, извещения родственников о смертном приговоре. Приказ дал гестапо средство для отправки в концентрационные лагеря огромной массы узников, но это фельдмаршал, по его утверждениям, обнаружил только в Международном военном трибунале.

В своих воспоминаниях о разработке приказа «Мрак и туман» Кейтель писал: «Ясно, что увязка моего имени с этим приказом для меня — серьезное обвинение, хотя однозначный приказ о нем я получил от фюрера... Контроль за выполнением таких приказов в компетенцию начальника ОКВ не входил. Свобода действий, которая могла бы выразиться в требовании первоначальных донесений о ходе выполнения указанного приказа, потребовала бы тогда от него [начальника ОКВ] в качестве предпосылки гораздо большего знакомства с методами управления Государственной тайной полиции (гестапо — IV управление РСХА. — *Прим. пер.*), чем это было дозволено. Он полагал, что приказы ОКВ выполняются [этими органами] слово в слово».

Те методы, которыми Англия (не говоря уже о ее стратегической воздушной войне против тыловых областей Германии) вела против господствующей на континенте державы (заброска коммандос парашютистов, поддержка авиадесантными диверсионными отрядами вооруженных сил эмигрантских правительств или более крупными боевыми разведывательными рейдами на побережье Франции и Норвегии), вызывали у Гитлера новую взрывную реакцию.

К числу предпринятых им мер можно отнести изданную ОКВ (штабом оперативного руководства вермахта) 4 августа 1942 г. и подписанную Кейтелем памятку «Борьба с отдельными группами парашютистов», а также приказ о «коммандос», который подписал лично Гитлер.

Памятка определяла, что борьба с вражескими парашютистами всюду (будь то на территории рейха или в оккупированных областях), где имеются органы службы безопасности [СД], принципиально является делом этих органов. Схваченных во-

еннослужащими вермахта вражеских парашютистов следует передавать СД. Гитлер нашел памятку слабоватой⁶³¹.

После того как выяснилось, что при крупном англо-канадском десантном рейде в районе Дьеппа в августе 1942 г. (с целью: разведкой боем определить возможность высадки на южном побережье Франции) захваченных противником немецких военнопленных заковывали в кандалы и что существуют предположения об их убийстве (поскольку их транспортировка при отступлении командос обременительна), Гитлер пришел в еще больший ажиотаж. Несмотря на резкое сопротивление прежде всего генерал-полковника Йодля, был сформулирован приказ о «коммандос», предусматривавший смерть для всех их участников и вражеских диверсантов. Их следовало «приканчивать» в бою или при бегстве, независимо от того, вооружены они или нет. Захваченных в плен — передавать СД (если операцию против них вели органы безопасности) или вермахту. При сдаче вражеских солдат в плен частям вермахта — пощады не давать! Офицерам, действующим вопреки этому приказу, грозили тяжелейшие наказания.

Это было ударом по традиционным правилам ведения войны.

* * *

Кейтель показывает: он, а также Йодль старались затянуть письменное оформление этого приказа. Тогда Гитлер самолично составил его проект; формулировки сильно отличались друг от друга, ибо приказ по своему характеру требовал постоянной модификации. Так, Кейтель увидел себя вынужденным приказом от 30 июля 1944 г. категорически запретить применение приказа о «коммандос» к членам вражеских военных миссий при бандитских группах, действовавших в районах, подчиненных главнокомандующим фронтами «Юго-Восток» (Балканы) и «Юго-Запад» (Италия)⁶³².

С другой стороны (особенно в начальной стадии), Кейтель пришел к выводам, которые заставили его устыдиться. Это чув-

---

⁶³¹ «Бумаги Нельте». Ш/16 (операции против «коммандос», док. PS 533. Памятка от 4.8.1942 г. и приказ фюрера от 18.10.1942 г. (Ответы Кейтеля на вопросы Нельте 13.3.1946 г.).

⁶³² «Бумаги Нельте», документ PS 537.

ство стыда он, например, испытал в ночь на 20 ноября 1942 г. в районе Эгерсунна (Норвегия), когда вылетевший из Англии грузовой планер вместе с буксировавшим его бомбардировщиком «Веллингтон» разбился при посадке: часть экипажа погибла, а остальная (более или менее тяжело пострадавшая) была взята в плен. Всех раненых, согласно приказу о «коммандос», расстреляли по распоряжению командира 280-й пехотной дивизии⁶³³.

Еще резче реагировал Гитлер на свержение фашистского режима в Италии и переход ее законного правительства во главе с королем Виктором-Эммануилом III и премьер-министром маршалом Бадольо в лагерь союзников [по антигитлеровской коалиции]. Он приказал обращаться с подлежащими интернированию итальянскими властями и не оказавшими при этом вооруженного сопротивления немецкими офицерами, как с партизанами, и расстреливать их. Кейтелю пришлось буквально под пулями немецких карательных команд вести на греческом острове Кефалиния переговоры с представителями итальянского командования. С международным правом эти переговоры не имели ничего общего.

Картина повсюду была одинакова. На неприятные для него единичные факты несомненно противоправных действий противника (например, заковывание немецких военнопленных или приказ об их убийстве) Гитлер бурно реагировал приступами неистовой ярости. Когда он приходил в такой раж, выдвигать какие-либо контрсоображения делового, а тем более юридического характера было невозможно. Зачастую в ставке фюрера шло изнурительное обсуждение, почти всегда заканчивавшееся его разглагольствованиями. Война на Востоке выявила и бесчисленные случаи жестокости со стороны русских по отношению к раненым или военнопленным. Партизанская война уже по самой своей природе являлась безудержной. Но именно потому для Германии — той державы, которая громогласно провозглашала, что хочет спасти Запад и его порядок, было бы вполне уместно самым решительным образом добиваться соблюдения традиционной воинской дисциплины и сохранения унаследованной от прошлого воинской чести.

---

⁶³³ «Бумаги Нельте». Донесение капитана фон Либлиеншельдта из разведотдела (1с) 5-го воздушного флота (Норвегия). — См. IMT-Prozess, Bd. XXVI. S. 121 ff.

Там, где немецкие войска и отдельные командиры спонтанно отвечали насилием на насилие, долгом вышестоящих начальников должно было бы все-таки при помощи военных судов определять, не превышена ли в каждом отдельном случае мера возмездия. Гитлер же, обуянный недоверием к традиционному рыцарскому духу старого офицерского корпуса, шел путем прямо противоположным. Он превращал в норму возможную (а при определенных обстоятельствах даже извинительную) спонтанность действий фронтовых командиров и давал приказы на террор.

И вновь напрашивается вопрос: считал ли начальник его военной канцелярии (несмотря на неоднократные протесты и довольно упрямую, но тщетную борьбу с Гитлером) приемлемым для себя участвовать во всем этом? Наверняка — нет! Однако Гитлер никогда бы не согласился на уход этого, во многих отношениях незаменимого для него начальника своей канцелярии. Кейтель не раз требовал своей отставки с этого поста и всегда — безрезультатно.

Итак, дабы выйти из этой дилеммы, фельдмаршалу оставалось одно: вынуть пистолет и пустить себе пулю в лоб. Некоторые пошли и на это (например, генеральный начальник самолетостроения генерал-полковник Удет, начальник генерального штаба люфтваффе генерал-полковник Ешоннек). Но никто, претендующий называться христианином, не посмеет упрекнуть ближнего своего в том, что он собственноручно не оборвал свою жизнь, дабы избавиться от почти невыносимого бремени! Упрекать Кейтеля с моральной точки зрения можно было бы только в том случае, если бы он (как это сделали многие высшие функционеры СС, СД и гестапо) попытался спастись от ответственности бегством. Он этого не сделал! Правда, с точки зрения старо-прусского офицера или юнкера, такого пассивного поведения все равно было бы недостаточно.

Так называемые «приказы о суровых действиях» множились и множились, по мере того как война становилась все горше.

Остаются лишь некоторые обвинения, которые были предъявлены начальнику ОКВ; они дают возможность ясно представить себе его тяжелую и даже трагическую ситуацию.

Несмотря на все усилия обвинения, на Нюрнбергском процессе выявилась невозможность доказать, что фельдмаршал планировал или тем более приказал совершить убийство двух

ведущих военачальников Франции — генералов Вейгана и Жиро. Но именно история с генералом Жиро (который, будучи военнопленным, в 1942 г. совершил побег из крепости Кёнигштайн на Эльбе около Дрездена) привлекла внимание и без того подозрительного Гитлера к вопросу о делах военнопленных. Здесь и впрямь имели место некоторые непорядки, в частности, проявление традиционной корректности по отношению к военнопленным⁶³⁴.

Например, в бумагах защитника Кейтеля имеется такой документ: жалоба мюнхенского гестапо на коменданта лагеря для военнопленных генерал-майора Заура (IV военный округ, Бавария). Гестапо обвиняло этого генерала в том, что он мешал деятельности «команд особого назначения» в пересыльных лагерях для военнопленных, а также созданию специального штаба, в обязанности которого входило выявление коммунистов, евреев и интеллигентов для применения к ним «особого обращения» (т.е. умерщвления).

Вопросы, связанные с делами о военнопленных, являлись для ОКВ функцией одной из руководящих и надзирающих инстанций. К тому же военно-морской флот и люфтваффе имели собственные лагеря для военнопленных. Но после побега генерала Жиро недоверие Гитлера еще сильнее подогревалось и использовалось рейхсфюрером СС, который рекомендовал фюреру передать контроль за всеми делами о военнопленных полиции, что, с точки зрения международного права, было недопустимо. Но Гитлер пошел на это, и тут начальник ОКВ, как он сам выразился, вновь оказался «громоотводом». В конце концов фюрер нашел приемлемый для ОКВ выход: ввести для рассмотрения дисциплинарных вопросов пост генерал-инспектора по делам о военнопленных, хотя нормально вышестоящей инстанцией для сухопутных войск в данном отношении являлось управление общих дел ОКВ во главе с генералом Рейнике, имевшее для того специального инспектора.

В ночь с 24 на 25 мая из стационарного лагеря «шталаг III» в населенном пункте Саган (Силезия), в котором содержалось 12 тыс. военнопленных, попытались бежать 80 офицеров ан-

---

⁶³⁴ «Бумаги Нельте» по вопросу о военнопленных, документ PS 178 (инцидент с Зауром).

глийской авиации (в том числе добровольно служившие в Королевском военно-воздушном флоте бельгийцы, французы, греки, норвежцы, поляки и чехи). Для побега они прорыли под колючей проволокой туннель. Четырех схватили еще в нем. Но 76 беглецов вырвались на обманчивую свободу. Трех из них поймать не удалось, и судьба их нам неизвестна. 15 человек настигла погоня, их вернули в лагерь, что, благодаря Кейтелю, спасло им жизнь. Восемь человек сразу или вскоре же попали в лапы гестапо. Но все-таки они избежали участи остальных 50 офицеров, которые были схвачены в различных частях рейха и расстреляны, — именно это и было поставлено в вину Кейтелю в Нюрнберге.

Массовые побеги такого рода являлись, однако, для ОКВ *casus celebre*⁶³⁵.

Луч гестаповского прожектора сразу выхватил начальника «шталага» полковника Фридриха Вильгельма фон Линдайнер-Вильдау, который был снят за халатность, а центральный суд ВВС приговорил его к заключению в крепость. На обсуждении обстановки в Берхтесгадене 24 марта 1944 г. рейхсфюрер СС (разумеется, «из лучших побуждений!») по долгу службы доложил об этом побеге из лагеря в Силезии 80 английских офицеров-летчиков и драматически обрисовал последствия: надо немедленно поднять по тревоге «ландвахт» (вспомогательные формирования полицейского типа. — *Прим. пер.*), а это будет стоить миллионы рабочих часов и т.п. <...> Гитлер отреагировал немедленно: беглецов передать полиции (он имел в виду их расстрел)! А судьбу уже схваченных пусть Гиммлер решит сам.

Кейтель ответил резкой репликой: это было бы нарушением Женевской конвенции; ведь так или иначе, в конечном счете все военнопленные — это солдаты, и пытаться бежать из вражеского плена, по старому кодексу чести — это их неписанный долг. Но Гитлера, что называется, понесло, он упорствовал на своем: «Гиммлер, беглых летчиков не отдавайте никому!» Однако на сей раз фельдмаршал оказался тверд. Но добился лишь того, что уже схваченные офицеры, которых препроводили обратно в лагерь, высшему полицейскому начальнику рейха отданы не были. 50 офицерам, которые были убиты в период между 4 и 18 мая 1944 г., он помочь уже ничем не мог.

---

⁶³⁵ Из ряда вон выходящий случай (*фр.*).

После этого инцидента Кейтель вызвал к себе инспектора по делам о военнопленных генерал-майора фон Гравеница и его уже намеченного преемника полковника Адольфа Вестхофа (начальника отдела общих дел при инспекторе). Как показал Кейтель на процессе, он откровенно (ибо боялся новой цепи упреков и неоправданных приказов Гитлера) сказал им следующее: ничего подобного впредь не должно иметь места; надо всеми средствами предотвращать попытки бегства; большинство беглецов, вероятно, уже расстреляно. Оба офицера были обескуражены: они прекрасно знали, что расстрел военнопленных за попытку побега означает такое нарушение международного права, которое может повлечь за собой необозримые последствия для немецких солдат во вражеском плену.

Ставший после фон Гравеница инспектором Вестхоф дал впоследствии в качестве военнопленного американскому офицеру полковнику Куртису П. Уильямсу показания насчет этого инцидента. Однако полковник изложил его в протоколе довольно примитивно, и получилось, будто Кейтель требовал расстрелять бежавших офицеров. Однако тщательное расследование данного эпизода и сказанное Вестхофом на процессе показали: убийство 50 английских офицеров-летчиков никак не может быть инкриминировано Кейтелю. Указанный инцидент не поддается персонализации применительно к Кейтелю. Недоказанными остались и утверждения, будто он хотел убийства Вейгана и Жиро, будто он виновен в клеймении советско-русских военнопленных в лагерях или что он приказал готовить бактериологическую войну против Советского Союза.

К этой области следует отнести и обвинение, будто начальник ОКВ одобрил «суд Линча» над вражескими «летчиками-террористами» и подготовил соответствующие приказы. Комплекс «летчики-террористы»⁶³⁶ вместе с приказом о «линчевании» служит одновременно и примером особой ситуации, сложившейся для Кейтеля в ставке фюрера, и просто-таки классическим примером того, как осторожно следует судить о многих явлениях, которые нашли свое отражение в документах

---

⁶³⁶ Имеются в виду летчики англо-американских ВВС, совершавшие массовые воздушные налеты на германские города, которые вызывали большие жертвы среди гражданского населения.

Третьего рейха, а не составлены лишь с единственной целью — вести «бумажную войну» по многим вопросам (до тех пор пока, возможно, не возникнет шанс похоронить этот документ, поскольку Гитлер либо забыл об этом деле, либо занялся новыми проблемами) ⁶³⁷.

Впервые вопрос, следует и возможно ли противопоставить действиям «летчиков-террористов» собственный террор, возник у Гитлера в начале лета 1944 г. в связи с почти полным господством в воздухе над территорией рейха англо-американских бомбардировщиков дальнего действия и сопровождавших их истребителей.

Гитлер вновь пожелал спонтанные действия (кстати, весьма единичные) гражданского населения разбомбленных городов в отношении сбитых и раненых летчиков (которые как военнопленные были бы взяты под защиту немецких солдат) «переплавить» в приказы, призванные наводить ужас. Аналогичные соображения, возникавшие в Англии в штабе маршала авиации Харриса, командовавшего бомбардировочными соединениями, совершенно ничего не меняют в смысле аморальности этих действий.

Реакция Гитлера поставила Кейтеля, а также Йодля в крайне затруднительное положение: ведь английские летчики были солдатами и выполняли свой воинский долг даже и тогда, когда раскрывали свои бомболюки над германскими городами или атаками с бреющего полета парализовывали нервный ствол военной промышленности Германии, а также пытались перерезать транспортные артерии страны. И, наоборот, какие обвинения можно было предъявить тем зенитчикам, которым было приказано охранять от воздушных налетов противника стартовые площадки «Фау-1»? ⁶³⁸ Да и к чему вообще вела вся эта война?

Фельдмаршал и генерал-полковник советовали поэтому сначала выяснить, какие международно-правовые пути существуют для регулирования таких методов войны и вообще, как, собственно, следует понимать сам термин «летчик-террорист».

---

⁶³⁷ См. «Бумаги Нельте» III/17 (Юстиция Линча), а также показания полковника генштаба Герберта Бюкса. — IMT-Prozess. Bd. XV. S. 635 ff.

⁶³⁸ Наименование беспилотных самолетов-снарядов (крылатых ракет) конструкции Вернера фон Брауна от первой буквы нем. слова die Vergeltungswaffe — «оружие возмездия» за бомбардировку германских городов англо-американской авиацией. — *Прим. пер.*

Гитлер негодовал. Кейтель предложил временно ограничиться официальным предостережением «вражеским государствам» с угрозой репрессий.

Гитлер впал от него в еще большее неистовство. Возможно, ему пришла на память давняя идея Кейтеля: прежде чем напасть на Советский Союз, надо хотя бы послать Сталину ультиматум! Что и говорить, эти генералы вечно так «далеки от практики»! Он желает устрашения террором!

На обсуждение в ставке фюрера были поставлены следующие варианты:

1. Судебное осуждение «летчиков-террористов».

2. Передача взятых в плен «летчиков-террористов» полиции.

3. Разрешение гражданскому населению прибегать к их линчеванию (что отвечало бы желанию партийных органов в германском тылу, а также и желанию самого Гитлера!)

Позже фельдмаршалу инкриминировали некоторые его пометы на полях документов, к примеру, такие: «С военными судами ничего из этого не выйдет!» По его убеждению, «террористическим налетом» можно было считать лишь более или менее прицельную бомбардировку с бреющего полета. Тут имелось только две возможности: или налет удавался — и летчик благополучно улетал, или он оказывался сбитым и мертвым. Далее Кейтель написал. «Если разрешить юстицию Линча, требовать выполнения правил [ведения войны] будет трудно».

Вот где была собака зарыта! Начальник ОКВ, начальник штаба оперативного руководства вермахта и главнокомандующий люфтваффе рейхсмаршал Геринг были едины в одном: никакого «да» здесь не должно и не могло быть, оставалось только затягивать решение вопроса. И в данном случае исключение лишь подтверждало правило! Кейтель воспользовался этим методом, хотя сам себе велел блюсти крайнюю корректность.

По вопросу о «суде Линча» над «летчиками-террористами» шли бесконечные обсуждения, в которые включились имперский министр иностранных дел фон Риббентроп и начальник Главного управления имперской безопасности (РСХА) Кальтенбруннер. Сохранилась переписка за июнь 1944 г. между Кейтелем и начальником генерального штаба люфтваффе генерал-

полковником Кортеном. В ней оба они стремились определить рамки понятия «летчик-террорист» и сузить их.

В телеграмме от 15 июня главнокомандующему люфтваффе Кейтель подробно рассматривает это понятие. Подлежащими «особому обращению» (т.е. уничтожению путем передачи в руки СД) следует считать всех участников налетов на гражданское население, на отдельных лиц и их скопления, обстрела парашютистами немецких военнослужащих ВВС и обстрела из бортового оружия пассажирских поездов, госпиталей, больниц, санитарных составов, — говорится в этой телеграмме⁶³⁹. Кейтель просил согласия «господина рейхсмаршала» [Геринга] и выражал надежду, что тот даст новые уточнения по обсуждаемому вопросу.

Защитник Кейтеля д-р Нельте напрямую спросил его: «Были ли объявлен этот приказ?» Ответ Кейтеля: «Приказа по этому поводу никогда дано не было. Гитлер тоже к нему больше не возвращался. Вскоре он выехал на Восточный фронт, и после 20.7. [19]44 г. (т.е. дня неудавшегося антигитлеровского заговора. — *Прим. пер.*) это дело больше не обсуждалось».

Итак, приказ дан не был! Но Кейтель заблуждался только в одном. Об этом говорят показания в Нюрнберге свидетеля — офицера генштаба люфтваффе при начальнике штаба оперативного руководства вермахта майора Томаса Бюкса. В марте 1945 г., когда уже нависла тень поражения, в бункерном лагере в Берлине этот вопрос возник еще раз. Гитлер, подстрекаемый начальником Партийной канцелярии Борманом, приказал начальнику РСХА Кальтенбруннеру все «скопившиеся экипажи [вражеских] бомбардировщиков» и все «накапливающиеся» в дальнейшем немедленно передать непосредственно СД, которая должна их «ликвидировать». Майор сказал тогда, после совещания, фельдмаршалу: «Приказ безумен!» Кейтель бросил реплику: «Пожалуй, так можно сказать!» Бюкс подчеркнул: люфтваффе не замазает своей чести и приказ этот не выполнит!.. На это Кейтель заметил: такие приказы он [Гитлер] сам подписывать не желает, пусть потом все, как всегда, висит на ОКВ, «но я, черт меня побери, такого приказа не отдам!»

---

⁶³⁹ См. «Бумаги Нельте», документ PS 729: подписанный Кейтелем секретный документ ОКВ «Об обращении с вражескими “летчиками-террористами”».

Позже майору Бюксу позвонил рейхсмаршал и спросил: «Скажите, он [Гитлер] что, совсем спятил?» Разговор закончился словами Геринга: «Все это — безумие и осуществлено быть не может!» Кроме Кейтеля против «Линч-приказа» возражал и начальник генерального штаба люфтваффе генерал авиации Коллер. Приказа так и не последовало!

Борьба вокруг таких «особых приказов», схватка между благородием и безумием, стремление дать этому благородию проявиться во всем, необходимость начинать «бумажную войну» (чтобы, во-первых, доказать свое дисциплинированное выполнение долга, а во-вторых, попытаться либо помешать отдаче полностью противоречащих чувству чести и противоправных приказов, либо смягчить их) — всё это отнюдь не определяло целиком деятельности ставки. Но от случая к случаю вокруг действующих от имени Гитлера офицеров все больше и больше создавалась какая-то странная атмосфера внутри этого, подобного острову, кольца заграждения № 1, отделявшего «Волчье логово» от остального мира. К этому добавлялось и осознание того факта, что нормальная победа, в традиционном, старопрусском смысле слова, уже невозможна. Невозможно стало и прийти к нормальному миру путем переговоров и частичных отказов [от прежних захватов], причем не только из-за личности (или антиличности) Гитлера, но и из-за упорного, неумолимого требования вражеской стороной безоговорочной капитуляции Германии. Для высших офицеров, которые, как и Кейтель, пережили поражение 1918 г. и Версальский мир, отсюда возникла непреодолимая дилемма.

Оба высших офицера в кольце заграждения № 1 — генерал-фельдмаршал Кейтель и генерал-полковник Йодль — были в этом кольце пленниками. Принимая во внимание невероятно бюрократизированное и механистическое руководство войной 80-миллионного народа и многомиллионной массовой армии, а также длившиеся часами ежедневные обсуждения обстановки (которые до мелочей копировали партийные собрания с речами фюрера), они чувствовали себя по горло заваленными канцелярской, кабинетной работой. Они были в прямом смысле слова так же постоянно перегружены делами, как менеджеры гигантского завода нашего современного индустриального мира. Кроме того, они повседневно подвергались воздействию ред-

костной способности Гитлера оживлять иллюзии и провозглашать «веру» в конечную победу. Ко всему прочему, ими владело удручающее чувство, что перед лицом непрерывно вздымающейся все выше и выше волны военных поражений, при всем бедственном положении выход из него, пожалуй, знал все-таки только один этот человек, преодолевший, по собственным же предсказаниям, множество критических ситуаций! Обоим номинально руководившим ОКВ генералам было дано играть независимо-циничную роль скептиков и находить удовлетворение и обманчивое утешение в горько-саркастическом умничании за закрытыми дверями.

Третьим генералом в этом туго затянутом кольце заграждения был генерал артиллерии Вальтер Варлимонт, заместитель начальника штаба оперативного руководства вермахта. Обладая слишком холодным умом, чтобы поддаваться иллюзиям, он принадлежал к типу высокоинтеллектуальных генштабистов. Но тем острее, несомненно, ощущал он расхождение между рациональной оценкой ситуации и фактическим положением, понимал собственное бессилие. Варлимонт был единственным, кому чаще других удавалось для служебных поездок вырваться из кольца заграждения и напрямую почувствовать реальность на самом себе. С его точки зрения, это требовало осторожности, взвешенности и щепетильности в общении с Гитлером, а также и с «верующими» в конечную победу, к коим он причислял и самого фельдмаршала.

Потом, уже в Нюрнберге, Кейтель озадаченно и негодуя констатировал, насколько этот, как он полагал, давно и хорошо знакомый ему офицер был рад-радешенек, что из-за полученного при покушении на Гитлера 20 июля 1944 г. ранения ему удалось вырваться из зоны заграждения и навсегда избавиться от неблагодарной и безнадежной должности. Кейтель просто не хотел верить: ведь Варлимонт никогда не говорил ему все начистоту, ибо считал такое поведение слишком рискованным⁶⁴⁰.

---

⁶⁴⁰ См. «Бумаги Нельте» («Вопросы к г-ну Варлимонту»). Отвечая на эти вопросы, Варлимонт сказал о Кейтеле так: «Для него существовала только одна руководящая нить — воля фюрера. Ей он подчинил все и не терпел никакого возражения ей со стороны подчиненного. Под этим знаком он работал неустанно и, следуя манере Гитлера, заботился о многочисленных деталях любого дела».

В этом близком кругу имелись, разумеется, и такие офицеры, которые, находясь на менее утомительных должностях, были рады отсидеться здесь от тягот и опасностей войны. Однако это нимало не мешало им выдавать себя за иронизирующих циников. Правда, одного только мельком брошенного взгляда на карту с обстановкой было достаточно (по крайней мере, осенью 1942 г.), чтобы, за неимением другого выхода, дать пищу такому цинизму. Каждому, кто не закрывал сознательно глаза на действительность, становилось сначала слегка, а потом все отчетливее видно: все, что изо дня в день творилось в этом органе руководства войной и военной администрации, — сизифов труд и едва ли могло привести к желанной победе. На тех же, кто оказывался здесь новичком, кто попадал в эту окруженную лесами ставку фюрера в Восточной Пруссии или в невероятно далекий от реальной жизни сказочный горный мир Берхтесгадена, все это (если кто-нибудь из них вообще задумывался над этим) производило впечатление удручающее. Ведь здесь, в цитадели высшего военного руководства, явно одерживали верх цинизм и фатальная склонность многих офицеров ничего и никого не воспринимать всерьез. Это могло выразиться даже в форме презрительного вопроса: «Ну что ОН опять отчебучил? Совсем уже рехнулся?» А это, в свою очередь, значило, что в том тепличном и оторванном от реальной жизни мире старались либо помалкивать насчет истинного положения на фронтах, либо симулировать предписанную уверенность в победе.

Однако именно начальника ОКВ это не затрагивало. Такие мысли вряд ли смели возникать в его сознании. Уже его письма времен Первой мировой войны показывают ставшую для него осмысленной безысходность, его флегматичную склонность в любом случае, как приказано, выстоять до конца. Он постоянно был готов воспринимать угрожающие ситуации как смертельно-серьезные. Но никогда от них не уклонялся! Вероятно, этот человек, любимым делом и призванием которого первоначально была совсем другая, мирная профессия рачительного землевладельца, именно потому столь тяжело воспринимал свой воинский долг (или то, что под ним разумел). Для своих непосредственных подчиненных (водитель автомашины, пилот, адъютант) он был заботливым и в меру добрым началь-

ником, хотя свое добродушие предпочитал скрывать за внешней суровостью.

Получив еще в отчем доме хорошее воспитание и приобретя присущие своему кругу манеры и общепринятые навыки общения с людьми (чего он не обнаружил у Гитлера), Кейтель любил говорить с военными, а особо с подчиненными, приказным тоном. Но тем не менее адъютанты могли без обиняков сказать ему, что считали в том или ином конкретном случае его действия неправильными. Они могли спрашивать, почему он делает это и не делает другого. Они даже решались задавать ему вопрос: почему он, собственно, не уходит, хотя происходящее вокруг для него порой оскорбительно? То же самое он терпеливо выслушивал и от тех начальников управлений, которым доверял.

Однако все это ни на йоту не изменило основной позиции фельдмаршала. И поскольку Кейтель считал собственным долгом «покрывать» приказы фюрера для внешнего мира своим именем (даже если им предшествовали горькие, неприятные, а то и оскорбительные для него дискуссии), он все-таки поступал предписанным образом — вопреки протестующим, озабоченным и опасаящимся дурных последствий фронтовым командующим. Но при этом начальник ОКВ собственноручными пометами на документах категорично подчеркивал: речь идет о «приказе фюрера», а сам он — всего лишь «громкоговоритель», ретранслирующий войскам намерения Гитлера.

Всё это в совокупности привело к тому, что он стал крайне непопулярен среди генералитета. После войны никто из них не выступил в защиту Кейтеля; наоборот, его прежние приятели стали проклинать и поливать его бранью, даже обыывая унижительной кличкой «лакейтель» и «послушно кивающим ослом».

Но никто из этих порицавших Кейтеля представителей высшего генералитета и офицерства не понимал дело лучше него, и ни у кого из них не появилось тщеславного желания самому занять его место. Гитлер же отдавал должное Кейтелю за выполнение тем своего воинского долга, считая это безусловным доказательством «веры» фельдмаршала в конечную победу. Но определенного недоверия к своему фельдмаршалу «верховный полководец» рейха так никогда и не преодолел.

20 июля 1944 г., чуть позже 12.30, во время полуденного обсуждения обстановки в гостевом бараке (так называемом «чайном домике»⁶⁴¹ «Волчьего логова», взорвалась бомба с часовым механизмом. Она до основания разрушила тот последний бастион, который еще отстаивал начальник ОКВ. Генерал-полковник Йодль, который получил легкое ранение, описал, как фельдмаршал Кейтель (тоже легко раненный) заботливо и бережно помог слегка пострадавшему фюреру выбраться из-под обломков разрушенного взрывом барака. Ни дать ни взять — просто мистическая сцена на фоне тех мрачных размышлений, которые давили на Кейтеля, учитывая его отношения начальника военной канцелярии с «верховным полководцем» рейха. По показаниям одного свидетеля (стенографа рейхстага, откомандированного в ставку), Гитлер однажды заявил: только с этого момента он убедился в том, что Кейтель все-таки «надежен»...

Но именно не кто другой, как сам Кейтель, ввел к Гитлеру того человека, который подложил бомбу, — начальника штаба армии резерва полковника генерального штаба графа Клауса Шенка фон Штауффенберга — для доклада фюреру по вопросу о пополнениях фронтовых войск.

После первого доклада Гитлер пожелал узнать: кто таков этот одноглазый полковник? (Штауффенберг потерял глаз, будучи начальником штаба одной из дивизий в Тунисе). Он показался фюреру «каким-то зловещим».

Идейный мир этого пылкого, вдохновенного высокими идеалами и движимого отчаянной, мрачной решительностью аристократа-революционера был Кейтелю совершенно чужд и недоступен. Рассуждая о Штауффенберге уже после краха рейха, он отметил в нем только то, что назвал «фанатизмом». О возможности офицерского бунта — бунта, движущей силой которого стали в большинстве своем представители дворянства, Кейтель и помыслить не мог.

Через свою прабабку с отцовской стороны Марию Гриффенхаген (дочь арендатора монастырских владений в Райхенберге

---

⁶⁴¹ По другим описаниям, бомба взорвалась в деревянном картографическом бараке. — *Прим. пер.*

около Гослара) Кейтель был связан узами дальнего родства с генерал-полковником Гудерианом, жена которого, в свою очередь, приходилась родственницей вышеназванным Гриффенхагенам. По словам членов семьи Кейтеля, во время войны он не раз обсуждал с Гудерианом вопрос, возможно ли для военного добиваться изменения политической системы. Оба пришли к выводу: для военного (особенно во время войны) это было бы слишком трудно. Политику следует оставить политикам! Тем самым они (исходя из совершенно других соображений и отнюдь не желая того) подтвердили гитлеровский тезис, который фюрер не раз достаточно грубо высказывал, как человек, все и всегда знающий лучше всех прочих: военные ничего не смыслят в политике, а политики — в военном деле!

Весной 1943 г. Кейтель был проинформирован о деле Остера — оно затрагивало его собственное ведомство. Генерал-майор Остер, начальник центрального отдела управления разведки и контрразведки (абвера) ОКВ, подозревался в том, что под предлогом медицинской непригодности освободил ряд лиц от военной службы; косвенно его обвиняли и в нарушении валютных правил. Но на самом деле он, по крайней мере, уже целых пять лет, был виновен в гораздо большем: генерал фактически являлся начальником генштаба тайного заговора против Гитлера, который так и не осуществился. Остер, солдат телом и душой, был таким же революционером, как Штауффенберг, но совсем иного типа, чем Шульце-Бойзен. Но, как и для этого оберлейтенанта авиации, Остеру годилось любое средство, лишь бы свергнуть Гитлера! Генерал считал его развратителем нации и разрушителем рейха. Политические цели Остера и Шульце-Бойзена были диаметрально противоположны! Но как Шульце-Бойзен не остановился перед тем, чтобы снабжать большевиков секретными военными данными, так и Остера не испугало сообщить своим друзьям в Англии дату начала германского наступления на Западе в 1940 г.

Фельдмаршал Кейтель во всяких таких делах разбирался лишь настолько, насколько это было положено ему в связи с данной досадной историей, которая, как он полагал, возникла в результате сложных махинаций абвера. Когда член военного трибунала в ходе рассмотрения этого дела сообщил ему о своей надежде доказать, что начальник управления зарубежной раз-

ведки (абвер «Заграница») ОКВ адмирал Канарис⁶⁴² совершает государственную измену, он ответил грубостью. Впрочем, фельдмаршал умел бывать и очень грубым. Кейтель возмутился: а какие доказательства, что начальник управления ОКВ — действительно государственный преступник? Германские адмиралы так не поступают! Он грозил виновнику этого обвинения военным судом. Обвинение было спешно отозвано, а Остер отделался отставкой и положенной ему гражданской пенсией⁶⁴³.

Фельдмаршал отказался поверить в какую-либо виновность Канариса даже тогда, когда того после 20 июля 1944 г. арестовали и в конце концов бросили в концлагерь [Флэссенбург]. Он поддерживал семью адмирала и деньгами. Точно так же он отказывался верить в какую-нибудь виновность генерала Томаса, начальника своего управления экономики, который после 20 июля был арестован как старый фрондер. Кейтелем руководило вовсе не ведомственное честолюбие. Он был в буквальном смысле слова слишком прямым человеком, чтобы поверить, что кто-то, кому он годами доверял, мог вести двойную игру. В конечном счете у него отсутствовало всякое понимание того, что, в сущности, это сам Гитлер вызвал возникновение такого фронта против себя среди собственной нации.

Во второй половине дня 20 июля 1944 г. Кейтелю позвонил из Берлина генерал-полковник Фромм, начальник Штауффенберга. Он хотел знать: Гитлер — мертв?

Кейтель ответил отрицательно: покушение действительно имело место, но Гитлер только легко ранен. Кейтель спросил: где Штауффенберг? Подозрение уже родилось...

Наряду с Кейтелем генерал-полковник Фромм, с которым он издавна враждовал, был крупнейшей величиной в области организации вермахта. Человек очень самоуверенный, он стремился превратить подчиненную ему сферу в собственную вотчину, что вызывало различные трения между ним и начальником ОКВ. Последнему мерещилось, что, став Верховным главнокомандующим вооруженными силами, Гитлер сможет подчинить себе и армию резерва и таким образом

---

⁶⁴² Подробно о нем см.: *Л. Черная, Д. Мельников. Двухликкий адмирал.* М., 1975. — *Прим. пер.*

⁶⁴³ «Бумаги Нельге» (показания генерала Томаса о деле Остера).

взять в свои руки решение всех вопросов, связанных с пополнением войск.

Один из участников заговора 20 июля 1944 г. германский вице-консул (в Швейцарии) Ганс Берндт Гизевиус в своих воспоминаниях «До горького конца» верно оценил поведение Фромма. Зная о назревании военного путча, он бросил реплику: «Не позабудьте хотя бы при этом Вильгельма Кейтеля!», тем самым верно ухватив суть дела. Иначе говоря, если Гитлер мертв, генерал-полковник не желал остаться не при деле. Но оказалось, Гитлер уцелел, и Фромм тут же переметнулся на его сторону. Однако это ему не помогло: уже во второй половине дня 20 июля 1944 г. он был смещен. Преемником его на посту командующего армией резерва стал рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер.

Итак, начальник ОКВ проиграл свою последнюю битву за сухопутные войска и вермахт! А ведь он всерьез верил, что сумеет противостоять Гиммлеру и не дать этому предводителю эсэсовцев завладеть своим наследством. Но именно это и произошло: Гиммлер прибрал к рукам не только армию резерва, но и оспариваемые дела о военнопленных, к чему давно уже стремился.

Рейхсфюрер СС сразу же приступил к формированию «народных гренадерских дивизий» и «корпуса народной артиллерии» — зачатков так называемого «национал-социалистического войска».

Однако Кейтель в записках для своего защитника на Нюрнбергском процессе неоднократно и даже с не свойственным ему темпераментом подчеркивал: ему никогда даже в голову не приходило действовать так, как действовали заговорщики. «Верность — становой хребет чести!» — афоризм этот вдвойне относится к нему самому в пору постигшей его катастрофы. Тот, кто мыслил так, когда всё, что было ему дорого, шло ко дну, по сути, сам определил себе смерть.

Поэтому Кейтель (в то время как отделавшийся легкими телесными потрясениями фюрер принимал в «Волчьем логове» Муссолини) так ревностно взял на себя задачу своими действиями уже к вечеру 20 июля перечеркнуть все приказы, отданные руководителями путча командующим военными округами. Если можно сказать, что заговорщики осуществляли свой государственный переворот по телефону и телеграфу, то не менее верно констатировать, что и сам этот переворот был удушен по теле-

фону. Как показал командующий II военным округом генерал пехоты Киниц, фельдмаршал говорил с ним по телефону весьма возбужденно, прибегая к типично прусским жаргонным выражениям (например, сказал, что «держит его за портупею»). В течение нескольких часов жаркого летнего вечера Кейтель, впервые со своих бременских времен, действительно мог и смел приказывать сам! В эти вечерние часы решалась судьба Германии.

У Кейтеля было полно забот и дел, не допуская ни малейшей отсрочки. В Вене командующий округом генерал танковых войск барон Ганс Карл фон Эзбек примкнул к заговорщикам; в Нюрнберге (XIII военный округ) генерал Викторин приступил к выполнению приказов с Бендлерштрассе⁶⁴⁴. В Касселе два энергичных полковника IX военного округа сделали то же самое. В Париже главнокомандующий оккупационными войсками во Франции генерал пехоты фон Штюльпнагель, старинный знакомый Кейтеля, поддержал государственный переворот. В Праге командующий военным округом Богемия и Моравия генерал пехоты Фердинанд Шааль все никак не мог решиться, на чью сторону ему встать.

Резкий отказ, благодаря Кейтелю, большинства командующих от каких-либо действий в пользу заговорщиков объясняет и все остальное. Это, прежде всего, согласие с тем, что высший начальник полиции рейха стал командующим армией резерва и, таким образом, получил право арестовывать офицеров вермахта, а также — и участие начальника ОКВ в специально созданном Гитлером «суде чести», призванном решать вопрос о предании «нарушивших присягу» офицеров так называемому Народному трибуналу, т.е. партийному суду.

Трагедия достигла своего апогея.

* * *

После 20 июля 1944 г., под впечатлением своего чудом свершившегося спасения при покушении на Гитлера, фельдмаршал,

---

⁶⁴⁴ Улица в Берлине, на которой находилось здание военного министерства, ставшее оплотом заговорщиков. Уже вечером 20 июля 1944 г. во дворе этого здания ворвавшейся эсэсовской карательной командой были расстреляны полковник Штауффенберг и его ближайшие соратники. — *Прим. пер.*

под датой 2 августа⁶⁴⁵, впервые составляет личное завещание. В нем он назначает главным наследником имения Хёльмшере своего старшего сына. Кейтель упоминает и предоставленную ему (по случаю 60-летия) Гитлером дотацию в 250 тыс. марок, которую он с тех пор не трогал, а депонировал в одном берлинском банке, снимая только проценты.

* * *

О конце рейха и своей военной карьере фельдмаршал сам рассказал в воспоминаниях. Остается лишь упомянуть, что, прежде чем этот конец наступил, были еще и приказы «держаться до последнего», которые он отдавал перед самым поражением. Тот, кто был, подобно ему, полон решимости не складывать оружия, обязан был требовать и крайне суровой кары за неповиновение, а также готовности сражаться до последнего удара часов, как бы горько и непостижимо это ни было для разбитой в войне нации.

В этих воспоминаниях бросается в глаза, сколь сильны еще были на фоне всего происходившего конкретные надежды. Никакого политического решения уже не вырисовывалось, поэтому фельдмаршал считает собственным долгом приложить все усилия, чтобы до самого страшного финала сохранить Гитлера рейху в качестве руководителя всей борьбы, хотя сам фюрер уже ищет единственный выход в битве за Берлин и едва ли способен теперь вести большую политику.

Но у фельдмаршала такое чувство, что только один-единственный человек способен теперь закончить войну и человек этот — Гитлер! Если распадется руководство, рейх обречен на анархию и погибнет. Кейтелю даже в самом страшном сне не могло привидеться, что Гитлер избегнет ответственности, покончив самоубийством. Уход Гитлера из жизни глубоко потряс Кейтеля, ибо он, самоотверженно борясь до конца, воспринял это как трусость. Именно из-за боязни распада существующего порядка он в самый тяжкий час (даже во время бегства ОКВ на север Германии, в Мекленбург) был озабочен мыслью, как поддержать контакт с бункером фюрера в берлинской Имперской

---

⁶⁴⁵ «Бумаги Нельте», 71/40.

канцелярии. Невозможность прилететь обратно в Берлин явилась для него сокрушительным ударом.

С другой стороны, в фельдмаршале вновь проснулся солдат, возродился легионер, и это — отнюдь не редкость, если подумать о естественной потребности профессионального офицера в решающий момент лично командовать на поле боя. И вместе с тем — это необычно, если взглянуть на циферблат, где минутная стрелка уже неумолимо вплотную придвинулась к полночи, и уже слишком мало осталось того, чем можно командовать. Фельдмаршал снова обретает самостоятельность; он едет на передовую, на фронт, распоряжается, отдает приказы, устраивает разnosы потерявшим голову командирам — словом, готов сделать все мыслимое для деблокады Берлина. Но он не хочет видеть притом, насколько низко упал боевой дух сражающегося на Востоке войска за почти четыре года ужасающей схватки при вечной нехватке боеприпасов и боевой техники, которые уже израсходованы. Он не желает замечать того поистине животного страха, который немецкие солдаты испытывают перед неопишимо свирепствующими русскими с их танковыми полчищами и мощной артиллерией. Наступательный порыв 1941 и 1942 гг. давно уже позади и растрочен, а воля к обороне сникла еще сильнее. Теперь уже дела не поправить жесткими приказами — здесь могут выручить только полностью обеспеченные боезапасом танковые дивизии и авиационные эскадрильи с до краев наполненными горючим баками. Но всего этого фельдмаршал распадающемуся фронту дать не может: этого у него больше нет!

И тогда всё начинает казаться ему сплошным кошмаром. А тут еще известие, что Гитлер мертв. Личное восприятие этого факта пересиливает последние размышления о том, что только этот человек мог — более того, обязан был — покончить с войной! Хотя теперь спасать больше нечего. Войну следует прекратить. Но еще остается слабая надежда на то, что победители пощадят новое правительство во главе с гросс-адмиралом Дёницец. Только это правительство, осуществляющее, по сути своей, призрачную власть над уже разделенной в основном на многие занятые врагом части Германии, олицетворяет хоть какую-то надежду, что, по крайней мере, де-юре будет обеспечено единство рейха и нации.

Вне всякого сомнения: генерал-фельдмаршал Кейтель, через две недели после смерти Гитлера препровожденный в плен, а затем преданный в Нюрнберге суду как военный преступник, собственного спасения не искал. Он хотел только «прикрыть» собой вермахт как человек, долженствующий понести ответственность за все те приказы, из-за которых он с такой горечью бессилия пытался когда-то противодействовать Гитлеру. Теперь это был совсем другой человек, чем при жизни Гитлера. Аналогичный процесс изменения (только в гораздо более яркой форме) можно было наблюдать и у рейхсмаршала Геринга.

Только так можно осознать, сколь чудовищно загадочным явлением была теперь уже распавшаяся и не поддающаяся более мысленной реконструкции личность Гитлера именно для тех людей, особенно военных, которые считали этого трибуна «германской революции масс» гением (будучи притом не в состоянии понять его полностью). Но тем не менее они видели свой долг в том, чтобы служить этому демагогу, ставшему во главе рейха.

* * *

Представ перед Международным военным трибуналом, фельдмаршал (несмотря на свою неволю несущего уголовную ответственность подсудимого и вопреки условиям тюремного заключения), после долгих лет военно-канцелярской службы и зависимости от этого (в глубоком смысле слова) зловещего человека, снова стал внутренне свободным!

Тщательно изучив обвинительный акт (врученный ему 19 октября 1945 г.), Кейтель сразу осознал: что бы он ни сказал, как бы ни возражал, он все равно будет осужден. Весь мир был против него, против немцев после пяти с половиной лет той кошмарной войны с ужасающими преступлениями против любого права. Теперь ему было не до спасения своей головы. Теперь самым главным для него было — отстоять честь, но отнюдь не свою личную. Кейтель чувствовал: он обязан вступить за честь немецкого солдата именно потому, что сам был слишком честен и слишком простодушен, чтобы постоять за самого себя. Он понял, что сам зачастую являлся лишь неудачливым защитником унаследованного от прошлого прусско-германского по-

нения воинской чести. Кроме того, он хотел внести свой вклад в раскрытие исторической правды.

Именно это и ничто другое он и попытался сделать в Нюрнберге.

Международный военный трибунал признал Кейтеля виновным по всем четырем пунктам предъявленного ему обвинения. В обвинительном акте говорилось о заговоре с целью планирования агрессивной (наступательной) войны и о ее ведении, о военных преступлениях и преступлениях против человечности.

Смертный приговор приведен в исполнение 16 октября 1946 г. Нюрнбергские судьи стремились творить право в отношении двух солдат — Кейтеля и Йодля, которых отправили на виселицу и предали вечному проклятию.

И все же остается открытым вопрос: допустимо ли вообще мерить исполнение долга масштабами земного суда или же непредсказуемый приговор Небесного судии — выше земных заблуждений?

ПРИЛОЖЕНИЯ К РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ

КЕЙТЕЛЬ ПОДПИСЫВАЕТ БЕЗОГОВОРЧНУЮ КАПИТУЛЯЦИЮ ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ

Из воспоминаний Маршала Советского Союза Г.К. Жукова

7 мая [1945 г.] мне в Берлин позвонил И.В. Сталин и сообщил: «Сегодня в городе Реймсе немцы подписали акт безоговорочной капитуляции. Главную тяжесть войны, — продолжал он, — на своих плечах вынес советский народ, а не союзники, поэтому капитуляция должна быть подписана перед верховным командованием всех стран антигитлеровской коалиции, а не только перед верховным командованием союзных войск.

Я не согласился и с тем, — продолжал И.В. Сталин, — что акт капитуляции подписан не в Берлине, центре фашистской агрессии. Мы договорились с союзниками считать подписание акта в Реймсе предварительным протоколом капитуляции. Завтра в Берлин придут представители немецкого главнокомандования и представители главного командования союзных войск. Представителем Верховного Главнокомандования советских войск назначаетесь вы. Завтра к вам придёт Вышинский. После подписания акта он останется в Берлине в качестве вашего помощника по политической части».

Рано утром 8 мая в Берлин прилетел А.Я. Вышинский. Он привез всю нужную документацию по капитуляции Германии и сообщил состав представителей от Верховного командования союзных войск.

С утра 8 мая начали прибывать в Берлин журналисты, корреспонденты всех крупнейших газет и журналов мира, чтобы запечатлеть исторический момент юридического оформления разгрома фашистской Германии, признания необратимого крушения всех фашистских планов, всех ее человеконенавистнических целей.

В середине дня на аэродром Темпельгоф прибыли представители Верховного командования союзных войск.

Верховное командование союзных войск представляли маршал авиации Великобритании Артур А. Теддер, командующий стратегическими воздушными силами США генерал Карл Спаатс и главнокомандующий французской армии генерал Ж. Латр де Тассиньи.

На аэродроме их встречали мой заместитель генерал армии В.Д. Соколовский, первый комендант Берлина Н.Э. Берзарин, член Военного совета армии генерал-лейтенант Ф.Е. Боков и другие представители Красной Армии. С аэродрома союзники прибыли в Карлсхорст, где было решено принять от немецкого командования безоговорочную капитуляцию.

На этот же аэродром из города Фленсбурга прибыли под охраной английских офицеров генерал-фельдмаршал Кейтель, адмирал флота фон Фридебург и генерал-полковник авиации Штумпф, имевшие полномочия подписать акт о безоговорочной капитуляции Германии.

Здесь, в Карлсхорсте, в восточной части Берлина, в двухэтажном здании бывшей столовой немецкого военно-инженерного училища подготовили зал, где должна была проходить церемония подписания акта.

Немного отдохнув с дороги, все представители командования союзных войск прибыли ко мне, чтобы договориться по процедурным вопросам столь волнующего события.

Не успели мы войти в помещение, отведенное для беседы, как туда буквально хлынул поток американских и английских журналистов и с места в карьер начали штурмовать меня вопросами. От союзных войск они преподнесли мне флаг дружбы, на котором золотыми буквами были вышиты слова приветствия Красной Армии от американских войск.

После того как журналисты покинули зал заседания, мы приступили к обсуждению ряда вопросов, касающихся капитуляции гитлеровцев. Генерал-фельдмаршал Кейтель и его спутники в это время находились в другом здании.

По словам наших офицеров, Кейтель и другие члены немецкой делегации очень нервничали. Обращаясь к окружающим, Кейтель сказал:

— Проезжая по улицам Берлина, я был крайне потрясен степенью его разрушения.

Кто-то из наших офицеров ему ответил:

— Господин фельдмаршал, а вы не были потрясены, когда по вашему приказу стирались с лица земли тысячи советских городов и сел, под обломками которых были задавлены миллионы наших людей, в том числе многие тысячи детей?

Кейтель побледнел, нервно пожал плечами и ничего не ответил.

Как мы условились заранее, в 23 часа 45 минут Теддер, Спаатс и Латр де Тассиньи, представители от союзного командования, А.Я. Вышинский, К.Ф. Телегин, В.Д. Соколовский и другие собрались у меня в кабинете, находившемся рядом с залом, где должно было состояться подписание немцами акта о безоговорочной капитуляции.

Ровно в 24 часа мы вошли в зал. Начиналось 9 мая 1945 года.

Все сели за стол. Он стоял у стены, на которой были прикреплены государственные флаги Советского Союза, США, Англии и Франции.

В зале за длинными столами, покрытыми зеленым сукном, расположились генералы Красной Армии, войска которых в самый короткий срок разгромили оборону Берлина и вынудили противника сложить оружие. Здесь же присутствовали многочисленные советские и иностранные журналисты, фоторепортеры.

— Мы, представители Верховного Главнокомандования Советских Вооруженных Сил и Верховного командования союзных войск, — заявил я, открывая заседание, — уполномочены правительствами стран антигитлеровской коалиции принять безоговорочную капитуляцию Германии от немецкого военного командования. Пригласите в зал представителей немецкого военного командования.

Все присутствовавшие повернули головы к двери, где сейчас должны были появиться те, кто хвастливо заявлял о своей способности молниеносно разгромить Францию, Англию и не позже как в полтора-два месяца раздавить Советский Союз, покорить весь мир.

Первым, не спеша и стараясь сохранить видимое спокойствие, переступил порог генерал-фельдмаршал Кейтель, ближайший сподвижник Гитлера. Выше среднего роста, в парадной форме, подтянут. Он поднял руку со своим фельдмаршальским жезлом вверх, приветствуя представителей Верховного командования советских и союзных войск.

За Кейтелем появился генерал-полковник Штумпф. Невысокий, глаза полны злобы и бессилия. Одновременно вошел адмирал флота фон Фридебург, казавшийся преждевременно состарившимся.

Немцам было предложено сесть за отдельный стол, который специально для них был поставлен недалеко от входа.

Генерал-фельдмаршал не спеша сел и поднял голову, обратив свой взгляд на нас, сидевших за столом президиума. Рядом с Кейтелем сели Штумпф и Фридебург. Сопровождавшие офицеры встали за их стульями.

Я обратился к немецкой делегации:

— Имеете ли вы на руках акт о безоговорочной капитуляции Германии, изучили ли его и имеете ли полномочия подписать этот акт?

Вопрос мой на английском языке повторил главный маршал авиации Теддер.

— Да, изучили и готовы подписать его, — приглушенным голосом ответил генерал-фельдмаршал Кейтель, передавая нам документ, подписанный гросс-адмиралом Дёницец. В документе значилось, что Кейтель, фон Фридебург и Штумпф уполномочены подписать акт о безоговорочной капитуляции.

Это был далеко не тот надменный Кейтель, который принимал капитуляцию от побежденной Франции. Теперь он выглядел побитым, хотя и пытался сохранить какую-то позу.

Встав, я сказал:

— Предлагаю немецкой делегации подойти сюда, к столу. Здесь вы подпишете акт о безоговорочной капитуляции Германии.

Кейтель быстро поднялся, устремив на нас недобрый взгляд, а затем опустил глаза и, медленно взяв со стола фельдмаршальский жезл, неуверенным шагом направился к нашему столу. Монокль его упал и повис на шнурке. Лицо покрылось красными пятнами. Вместе с ним подошли к столу генерал-полковник Штумпф, адмирал флота фон Фридебург и немецкие офицеры, сопровождавшие их. Поправив монокль, Кейтель сел на край стула и слегка дрожавшей рукой подписал пять экземпляров акта. Тут же поставили подписи Штумпф и Фридебург.

После подписания акта Кейтель встал из-за стола, надел правую перчатку и вновь попытался блеснуть военной выправкой, но это у него не получилось, и он тихо отошел за свой стол.

В 0 часов 43 минуты подписание акта о безоговорочной капитуляции Германии было закончено. Я предложил немецкой делегации покинуть зал...

Кейтель, Фридебург, Штумпф, поднявшись со стульев, поклонились и, склонив головы, вышли из зала. За ними вышли их штабные офицеры...

От имени советского Верховного главнокомандования я сердечно поздравил всех присутствовавших с долгожданной победой. В зале поднялся невообразимый шум. Все друг друга поздравляли, жали

руки. У многих на глазах были слезы. Меня окружили боевые друзья — В.Д. Соколовский, М.С. Калинин, К.Ф. Телегин, Н.А. Антипенко, В.Я. Колпакчи, В.И. Кузнецов, С.И. Богданов, Н.Э. Берзарин, Ф.Е. Боков, П.А. Белов, А.В. Горбатов и другие.

— Дорогие друзья, — сказал я товарищам по оружию, — нам с вами выпала великая честь. В заключительном сражении нам было оказано доверие народа, партии и правительства вести доблестные советские войска на штурм Берлина. Это доверие советские войска, в том числе и вы, возглавлявшие войска в сражениях за Берлин, с честью оправдали. Жаль, что многих нет среди нас. Как бы они порадовались долгожданной победе, за которую, не дрогнув, отдали свою жизнь.

Вспомнив близких друзей и боевых товарищей, которым не довелось дожить до этого радостного дня, эти люди, привыкшие без малейшего страха смотреть смерти в лицо, как не крепились, не могли сдержать слез.

В 0 часов 50 минут 9 мая 1945 года заседание, на котором была принята безоговорочная капитуляция немецких вооруженных сил, закрылось.

Из кн.: *Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления*. В 3 томах. Т. 3. 10-е изд., дополненное по рукописи автора. М., 1990. С. 273—277.

КЕЙТЕЛЬ ПЕРЕД СУДОМ НАРОДОВ В НЮРНБЕРГЕ⁶⁴⁶

**Допрос Вильгельма Кейтеля Главным обвинителем
от СССР генералом Р.А. Руденко**

(Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 5, 6 и 8 апреля 1946 г.)

Руденко: Подсудимый Кейтель, уточните, когда вы получили первый офицерский чин?

Кейтель: 18 августа 1902 г.

---

⁶⁴⁶ Приведенные далее документы из семитомного сборника «Нюрнбергский процесс» публикуются без изменений. — *Ред.*

Руденко: Какое вы получили военное образование?

Кейтель: Я вступил в армию в качестве кандидата в офицеры, служил сначала простым солдатом и, пройдя затем все следующие чины — ефрейтора, унтер-офицера, — стал лейтенантом.

Руденко: Я спросил вас о вашем военном образовании.

Кейтель: Я был армейским офицером до 1909 г., затем около шести лет полковым адъютантом, во время Первой мировой войны я был командиром батареи, а с весны 1915 г. находился на службе в генеральном штабе.

Руденко: Вы окончили военную или другую академию?

Кейтель: Я никогда не учился в военной академии. Два раза я в качестве полкового адъютанта принимал участие в так называемых больших командировках генерального штаба, летом 1914 г. был откомандирован в генеральный штаб и в начале войны 1914 г. возвратился в свой полк.

Руденко: Какую военную подготовку и военный чин имел Гитлер?

Кейтель: Лишь немного лет назад я узнал от самого Гитлера, что он после окончания Первой мировой войны якобы был лейтенантом в одном из баварских пехотных полков. Во время войны он был простым солдатом, затем он получил чин ефрейтора, очень может быть, что в последнее время он получил чин унтер-офицера.

Руденко: Не следует ли сделать вывод, что вы, обладая солидной военной подготовкой и большим опытом, имели возможность оказывать существенное влияние на Гитлера при решении военно-стратегических вопросов и других вопросов, касающихся вооруженных сил? Вы не станете отрицать, что в силу своего опыта и военной подготовки вы являлись советником Гитлера в ряде важнейших вопросов?

Кейтель: Я относился к его ближайшему военному окружению.

Руденко: С какого времени, вы считаете, началось ваше сотрудничество с Гитлером?

Кейтель: С 4 февраля 1938 г., как раз в тот день, когда я был призван для работы в ОКВ.

Руденко: Итак, вы работали в контакте с Гитлером весь период подготовки и осуществления агрессивных войн?

Кейтель: Да, мне кажется, что я уже дал все нужные разъяснения относительно того, как для меня, оказавшегося в этой ситуации, развивались события, уготовившие мне много неожиданностей.

Руденко: Кто, кроме вас, из руководящих военных работников ОКВ и ОКХ был приравнен к рангу министра рейха?

Кейтель: Ранг имперского министра имели три главнокомандующих составными частями вооруженных сил, причем главнокомандую-

щий военно-воздушного флота рейхсмаршал Геринг был, кроме того, имперским министром авиации, точно также и я, как я уже показал вчера, приравнивался по рангу к рейхсминистру, но я не имел полномочий министра и не назывался министром.

Руденко: Какой орган, начиная с февраля 1938 г., выполнял функции военного министерства?

Кейтель: До последних дней января или первых дней февраля — тогдашний военный министр фон Бломберг. После 4 февраля, как известно, не существовало больше ни военного министерства, ни военного министра.

Руденко: Зная, что этого министерства не было, я поэтому вас и спрашиваю, какой орган заменял и выполнял функции военного министерства?

Кейтель: Я вместе с управлением вооруженных сил, тогдашним штабом военного министерства, во главе которого я стоял, вел дела дальше, распределив их, как я указал, то есть передав все высшие полномочия главнокомандующим составными частями вооруженных сил. Но это был не мой приказ, а приказ Гитлера.

Руденко: Из представленной вами Суду схемы видно, что ОКБ являлось центральным объединяющим и высшим военным звеном в рейхе, непосредственно подчиненным Гитлеру. Правильен такой вывод?

Кейтель: Да. Это был штаб, военный штаб Гитлера.

Руденко: Кто непосредственно в ОКБ руководил разработкой военно-стратегических планов? Я имею в виду планы нападения на Австрию, Чехословакию, Польшу, Бельгию, Голландию, Францию, Норвегию, Югославию и Советский Союз.

Кейтель: Все оперативные стратегические планы разрабатывались по поручению Гитлера главнокомандующими составных частей вооруженных сил; например, в сухопутных войсках — ОКХ и генеральным штабом сухопутных сил, после чего об этих планах докладывалось Гитлеру, и затем принимались соответствующие решения.

Руденко: Я хочу вас спросить, в связи с Югославией, о следующем. Признаете ли вы, что изданная за вашей подписью директива о предварительном разделении Югославии является документом большого политического значения, которым предусмотрено фактическое уничтожение Югославии как государства?

Кейтель: Я не сделал ничего, помимо оформления письменного распоряжения Гитлера, и препроводил его в инстанции, которые это

интересовало и которых это касалось. Я не мог оказать ни личного, ни политического влияния на решение этого вопроса.

Руденко: Согласны ли вы, что при прямом участии ОКВ организовывались провокационные акции для создания повода к германской агрессии и для оправдания этой агрессии в глазах общественного мнения?

Кейтель: Я не принимал участия в подготовке каких-либо инцидентов, и военные инстанции, по желанию Гитлера, никогда не принимали участия в обсуждении, подготовке, разработке или проведении такого рода инцидентов. Под инцидентом понимается провокация.

Руденко: Какое участие принимало ОКВ в обеспечении вооружения «фрайкора»⁶⁴⁷ в Судетах?

Кейтель: Я не осведомлен о том, что какая-либо военная инстанция, если можно так выразиться, поставляла или направляла туда тайным образом оружие. Я об этом не знаю.

Руденко: Кто и почему издал приказ об оккупации Моравской Остравы и Витковичей германскими военными частями, когда президент Гаха еще находился на пути в Берлин с целью переговоров с Гитлером?

Кейтель: Под конец фюрер решил издать этот приказ. Были сделаны приготовления с тем, чтобы внезапно, до планировавшегося ранее вступления в Чехословакию, занять этот район, где находился известный крупный современный сталелитейный завод, расположенный в Моравской Острове; я не могу сейчас вспомнить, как он называется.

Гитлер мне сказал, что причина такого решения заключается в том, чтобы воспрепятствовать внезапному нападению поляков с севера и чтобы, кроме того, на всякий случай завладеть наиболее модернизированным прокатным заводом. Все это он привел мне в качестве причины операции.

Руденко: Но в то же время президент Гаха ехал в Берлин, чтобы вести переговоры с Гитлером?

Кейтель: Да, это правильно.

Руденко: Это вероломство!

Кейтель: Мне не кажется, что я должен давать свою оценку этим событиям. Правильно то, что эта оккупация состоялась в указанный вечер. Причем я уже указал, что президент Гаха узнал об этом лишь тогда, когда он приехал в Берлин.

Руденко: Я имею к вам несколько вопросов в связи с агрессией против Советского Союза. Вы вчера уже давали Трибуналу по этому по-

---

⁶⁴⁷ От нем. *das Freikorps* — «добровольческий корпус». — *Прим. пер.*

воду показания. Вы изложили свою позицию по поводу нападения на Советский Союз. Но вы заявили Трибуналу, что распоряжение о подготовке варианта «Барбаросса» последовало в начале декабря 1940 г.?

Кейтель: Да.

Руденко: Вы точно это припоминаете и утверждаете?

Кейтель: Я не знаю, как точнее сказать, я не вспоминаю о каком-то определенном приказе главного командования вооруженных сил, которое издало бы соответствующие распоряжения о плане, названном просто «Барбаросса». Правда, в сентябре было издано указание, в котором говорилось о транспорте и железных дорогах и тому подобных вещах. Подписал ли я такое указание — я сейчас не помню. Тогда действительно было издано такое подготовительное указание, которое ставило своей целью улучшение средств сообщения между Западом и Востоком.

Руденко: Впервые вы узнали о замыслах Гитлера о нападении на Советский Союз летом 1940 г.?

Кейтель: Нет. Записанный в дневнике Йодля разговор относится к лету 1940 г. Вы, очевидно, имеете сейчас в виду тот разговор, который записан в дневнике Йодля, но я не присутствовал на этой, очевидно, очень краткой и беглой беседе. Размышления, которые у меня были в то время, подтверждают то обстоятельство, что я не слышал этого разговора, потому что я в то время постоянно находился в разъездах, летал на самолете и не присутствовал на совещании, где обсуждалось военное положение.

Руденко: А когда у вас происходила беседа с Риббентропом?

Кейтель: Это было, очевидно, в последние дни августа или в начале сентября. Точной даты я, однако, сообщить не могу. Я восстанавливаю этот период в моей памяти, исходя из того, что приблизительно 10 августа я вновь прибыл в Берхтесгаден и в последующее время составил тот меморандум, о котором я говорил.

Руденко: Итак, вы утверждаете, что впервые о замыслах Гитлера напасть на Советский Союз вы узнали из беседы с Риббентропом?

Кейтель: Нет. Дело в том, что после того как я 14 дней отсутствовал в Берхтесгадене, находясь частично в отпуске, частично при исполнении служебных обязанностей в Берлине, я возвратился в главную ставку и затем в один из следующих за моим прибытием дней, приблизительно в середине августа, услышал впервые об этих планах Гитлера. После этого мной был составлен меморандум.

Руденко: Таким образом, правильно я вам ставлю вопрос, что вы летом 1940 г. узнали о замыслах Гитлера?

Кейтель: Да.

Руденко: Я хотел бы напомнить вам показания свидетеля Паулюса, которые он дал здесь, перед Трибуналом, 11 февраля сего года. Паулюс, как вы припоминаете, сообщил Трибуналу, что при поступлении на службу в ОКХ 3 сентября 1940 г. он, среди прочих планировок, застал там еще незаконченный предварительный оперативный план нападения на Советский Союз, известный под названием «Барбаросса». Вы припоминаете это свидетельство Паулюса?

Кейтель: Я помню лишь то, что он сказал, что там имелся план проведения маневров; что, когда он был переведен на должность в ОКХ в генеральный штаб, то обнаружил там соответствующий документ. Этот документ мне неизвестен и не мог быть известен, так как документы и материалы генерального штаба никогда не находились в моем распоряжении, и я никогда не видел их.

Руденко: Стало быть, я хочу установить одно обстоятельство: вы отрицаете, что в сентябре 1940 г. в ОКХ уже велись разработки в связи с вариантом «Барбаросса»?

Кейтель: Если имеется свидетельство генерал-фельдмаршала Паулюса, то я не могу сказать, что оно неправильно, потому что я не могу знать, было ли это так в действительности. Я не могу этого ни оспаривать, ни утверждать.

Руденко: Вы заявили Трибуналу, что вы были противником войны с Советским Союзом.

Кейтель: Да.

Руденко: Вы заявили, что вы специально входили с предложением к Гитлеру, чтобы он изменил свои замыслы в отношении Советского Союза?

Кейтель: Да, не только изменить этот план, но и вообще отказаться от этого плана и не вести войны против Советского Союза. В этом заключался смысл моего меморандума.

Руденко: Сейчас я хочу спросить вас об известном вам, очевидно, совещании, которое произошло через три недели после нападения Германии на Советский Союз, — о совещании 16 июля 1941 г. Вы припоминаете это совещание, которое было посвящено вопросу о задачах войны против Советского Союза?

Кейтель: Нет, я сейчас не помню.

Руденко: Я не намерен вам сейчас предъявлять этот документ. Если вспоминаете, я его предъявлял подсудимому Герингу, когда речь шла о расчленении Советского Союза, вспоминаете?

Кейтель: Да, этот документ я знаю. Я уже здесь, во время моего допроса, охарактеризовал этот документ как запись рейхссляйтера Бормана⁶⁴⁸.

Руденко: Правильно.

Кейтель: Я тогда также показал, что меня пригласили участвовать лишь во второй половине совещания; я не присутствовал на первой половине совещания. Я также показал, что этот документ является не протоколом, а свободной продиктованной записью слов рейхссляйтера Бормана.

Руденко: Но вы припоминаете, что уже тогда, 16 июля, ставился вопрос о присоединении к Германии Крыма, Прибалтики, Волжских районов, Украины, Белоруссии и других территорий?

Кейтель: Нет, мне кажется, что об этом говорилось на первой половине совещания. Я помню о той части совещания, когда обсуждался вопрос о кадрах, об определенных лицах, которые должны были быть назначены. Это я припоминаю. Эту запись я увидел только здесь, раньше я не знал о ней; на первой половине этого совещания я не присутствовал.

Руденко: Тогда позвольте спросить вас иначе. Какие конечные цели ставил Гитлер и его окружение в войне против Советского Союза?

Кейтель: Я считал, основываясь на тех заявлениях, которые мне сделал Гитлер, что более глубокие причины этой войны заключались в том, что он был убежден, что в течение ближайших лет между великой славянской коммунистической империей и великой германской империей национал-социализма так или иначе вспыхнет война, и если столкновение между этими двумя народами неизбежно, то гораздо лучше, чтобы оно произошло сейчас, а не позже. Вот как я могу приблизительно все это сформулировать.

Руденко: И вы утверждаете под присягой, что вам было неизвестно о гитлеровских планах захватить территории Советского Союза и колонизировать их?

Кейтель: Нет, в такой форме это не говорилось. Я, конечно, сознавал, что предполагалось сделать прибалтийские провинции зависимыми от Германии, установить между Украиной и Германией тесные экономические отношения в области снабжения продуктами питания, но мне не были известны конкретные объекты, которые должны были

---

⁶⁴⁸ Данный документ известен под названием «Меморандум Бормана». Русский текст его см. в кн. «Откровения и признания». С. 247—251. — *Прим. пер.*

быть завоеваны, и если вопросы эти когда-нибудь и затрагивались, то я к ним не относился серьезно.

Руденко: Известно ли вам, что на этом совещании 16 июля Гитлер заявил о необходимости стереть с лица земли Ленинград?

Кейтель: Я действительно знаю документ, изданный военноморскими силами. Мне также известен второй документ, который содержал краткую директиву относительно Ленинграда. Меня уже допрашивали по этим двум документам. Я могу по этому поводу лишь констатировать, что ни действия германской авиации, ни обстрел осадной артиллерией не произвели тех разрушений, какие имели место позже в других местах. До этого дело не дошло — этого в действительности не было. Насколько мне известно, систематического обстрела Ленинграда не было. Поэтому можно констатировать лишь то, что я сказал тогда под присягой представителям советской делегации.

Руденко: Вы утверждаете, что Ленинград никогда не обстреливался?

Кейтель: Конечно, артиллерия действовала в районе Ленинграда. Но обстрел не ставил своей целью разрушение города — до этого дело не дошло.

Руденко: Вам известно, что в приказе за подписью подсудимого Йодля говорится также о разрушении города Москвы?

Кейтель: Сейчас я этого точно не знаю, так как тогда, как я сам видел, речь шла только о Ленинграде. Если это имеется в протоколе, то я не хочу оспаривать.

Руденко: Я вас спрашиваю: приказы по линии ОКВ издаются для того, чтобы их исполняли?

Кейтель: Во-первых, директива или указание, изданное военноморскими силами, не является приказом, исходящим от ОКВ, и его происхождение мне неизвестно, а короткий приказ Йодля, исходящий от ОКВ, был составлен, когда я отсутствовал, как я уже говорил. Если бы я в тот момент находился там, то я, вероятно, подписал бы его, но меня тогда не было, и я не знаю предпосылок и обсуждений, обусловивших это указание.

Руденко: Вы не ответили на мой вопрос. Я спрашиваю: приказы отдаются для того, чтобы их выполняли?

Кейтель: То, о чем мы сейчас говорим, указание, а не приказ. Приказ может быть издан только руководящей на данном этапе инстанцией сухопутных сил. Это была директива, где излагались цель и намерение.

Руденко: А указания, исходящие из ОКВ, подлежат исполнению?

Кейтель: Конечно, они должны выполняться.

Руденко: Что касается вашего заявления по поводу того, что никто не обстреливал Ленинград, то оно не нуждается в опровержении, ибо разрушения Ленинграда — общеизвестный факт.

Кейтель: Я разрешу себе заметить, что я не издавал этого приказа. Поэтому я не знаю этого.

Руденко: Вам известно, что до начала войны с Советским Союзом подсудимым Герингом была издана так называемая «Зеленая папка», содержащая директивы по руководству экономикой подлежащих оккупации районов СССР?

Кейтель: Да, это мне известно.

Руденко: Вы подтверждаете, что своим распоряжением от 16 июля 1941 г. вы дали указание всем германским вооруженным силам о неуклонном выполнении этих директив?

Кейтель: Да, имелось указание, которое доводило до сведения всех войсковых частей, какие организации использовались для осуществления больших задач и какого рода ответственность при этом существовала. Далее говорилось, что все военные инстанции сухопутных сил должны действовать в полном соответствии с указанием. Я проводил это указание всем соответствующим инстанциям — не издал его, а препроводил другим инстанциям.

Руденко: Это было ваше указание или вы только исполняли указание фюрера?

Кейтель: Я лишь передавал данные мне фюрером поручения. Я вообще не мог давать приказания рейхсмаршалу Герингу в этом направлении.

Руденко: Вы дали приказ не рейхсмаршалу Герингу, а приказ вооруженным силам.

Кейтель: Я не мог давать им приказов — я мог лишь повеление фюрера довести до сведения главнокомандующего сухопутными силами, который, в свою очередь, должен был сообщить о нем дальше своим войскам.

Руденко: Вы не расходились с этим желанием фюрера?

Кейтель: Я не возражал, поскольку здесь речь шла о задачах ОКВ.

Руденко: Вы подтверждаете, что в этом распоряжении была поставлена задача немедленной и полной эксплуатации оккупированных областей Советского Союза в интересах военной экономики Германии?

Кейтель: Такого рода приказ, где говорилось о задачах, которые должны были осуществляться экономической организацией «Ольден-

бург», я не издавал. Я передал лишь основное содержание «Зеленой папки» ОКХ, чтобы потом были даны дальнейшие распоряжения.

Руденко: Вы признаете, что директивы, содержащиеся в «Зеленой папке» Геринга, были направлены на разграбление материальных ценностей Советского Союза и имущества его граждан?

Кейтель: Нет, по моему мнению, о разграблении в «Зеленой папке» ничего не говорилось. Вместо разграбления следует сказать: использование лишних продуктов, главным образом в области питания, а сырье должно было использоваться для военной экономики Германии и не уничтожаться.

Руденко: Это вы не считаете грабежом?

Кейтель: Слова: военные трофеи, использование запасов, обнаруженных во время военных действий, грабеж и тому подобное — являются понятиями, которые, как мне кажется, не должны здесь дефинироваться.

Руденко: Хорошо, не будем спорить. Я имею к вам последний вопрос в связи с нападением на Советский Союз. Согласны ли вы с тем, что способы ведения германской армией войны на Востоке самым резким образом расходились с элементарными представлениями о воинской чести армии и с понятием военной необходимости и целесообразности?

Кейтель: Нет, я не могу признать этого в такой форме.

Руденко: Какие задачи ставились немецким верховным главнокомандованием перед германскими вооруженными силами в случае их успешного для Германии окончания войны против Советского Союза? Вы, очевидно, знакомы с документом «Руководство морской войной», который был уже запроектирован 8 августа 1941 г. по вопросу о задачах дальнейшего ведения войны после окончания восточной кампании? Речь идет о разработке планов вторжения в Иран, Сирию, Египет. Вы знаете этот документ?

Кейтель: Этот документ я вижу в первый раз здесь, на процессе. Он начинается предложением: «У штаба военно-морских сил имеется проект директивы относительно дальнейших планов после окончания Восточной кампании». Этого указания или этого приказа военно-морских сил я никогда не видел и не мог его видеть. Этот проект директивы должен был, очевидно, исходить из ОКВ; в штабе оперативного руководства имелись офицеры армий, флота и авиации. Очень может быть, что здесь в форме проекта директивы изложены мысли, которые в свое время были доведены до сведения офицеров штаба оперативного руководства. Я сейчас не помню такой директивы штаба оперативного руководства. Может быть, Йодль даст сведения об этом.

Руденко: Но вы видели, что этот документ планирует захват Гибралтара при активном участии Испании, он планирует нападение на Сирию, Палестину в направлении на Египет и т.д. Вы говорите, что об этом документе вы не имеете представления?

Кейтель: Я охотно дам объяснение по этому поводу, а именно: захват Гибралтара, который является входом в Средиземное море, был запланирован на предыдущую зиму 1939/40 г., но этот план не был реализован. Но остальное, о чем упоминалось в проекте, было лишь выражением идей, которые возникали в связи с той обстановкой, которая создавалась в ходе операции севернее Кавказа. Я отнюдь не собираюсь утверждать, что это были идеи, которые не занимали умы. Но я просто этого не помню; я не читал всех документов и бумажек, которые исходили из оперативного штаба в виде проектов.

Руденко: Если такие документы, как вопрос о захвате стран, считаются бумажками, тогда что же у вас считается важными документами?

Кейтель: Я могу сказать лишь следующее, что является вполне искренним и соответствует действительности. Во время войны составляются некоторые планы, обдумываются различные возможности, которые не реализуются в суровой действительности, да подчас не могут быть реализованы, и поэтому уже потом, с исторической точки зрения, нельзя рассматривать эти бумажки как выражение воли всего оперативного и стратегического командования.

Руденко: Согласен, что с исторической точки зрения этот документ сейчас значения не имеет. Но в плане германского генерального штаба, который полагал, что он победит Советский Союз, этот документ приобрел тогда другое значение.

Перехожу к вопросам зверств и вашего отношения к этим преступлениям. Ваш защитник Нельте предъявил вам основные документы обвинения по вопросам злодеяний. Поэтому я не намерен их представлять и подробно останавливаться на них. Я только спрошу об основных документах, которые были представлены во время допроса вашим защитником.

Прежде всего, я обращаюсь к документу «Распоряжение о применении военной подсудности в районе “Барбаросса”» и об особых мероприятиях войск. Вы помните этот документ? Он был составлен 13 мая 1941 г. Это больше чем за месяц до начала войны с Советским Союзом. Вы помните — в этом документе, составленном до начала войны, указывалось, что заподозренные элементы должны быть немедленно доставлены к офицеру, и последний решает вопрос: должны ли

они быть расстреляны. Вы помните это положение? Вы подписывали этот документ?

Кейтель: Я никогда не оспаривал этого.

Руденко: Вы заявляете сейчас, что право офицера расстреливать людей без суда и следствия недопустимо?

Кейтель: В германской армии уже издавна как для своих солдат, так и для солдат противника имелись военно-полевые суды, состоявшие всегда из одного офицера и одного-двух солдат, которые втроем выступали в качестве судей. Это мы называем военно-полевым судом. В этом суде всегда должен присутствовать в качестве старшего офицер.

Руденко: Но этим документом устранялось судебное разбирательство дел в отношении заподозренных лиц и право расстрела предоставлялось офицеру германской армии? Правильно ли это?

Кейтель: Да. В случае если были заподозрены германские солдаты, это было так и это допускалось. Имеется военный суд, который состоит из судебных чиновников, и имеется военно-полевой суд, который состоит из солдат. Последние имеют право в результате слушания дела в военно-полевом суде выносить приговор в отношении любого солдата германской армии и приводить его в исполнение.

Председатель: Вы не отвечаете на вопрос. Вопрос был задан: какое право дает этот документ, а не каковы вообще приказы в германской армии.

Руденко: Вы можете ответить мне на этот вопрос? Этот документ устранял судебное разбирательство и предоставлял право расстреливать заподозренных, как здесь говорится, офицеру германской армии?

Кейтель: Это был приказ, который был дан мне Гитлером. Гитлер отдал этот приказ мне, и я поставил свою подпись.

Руденко: Вы, фельдмаршал, считали этот приказ неправильным и все же подписали его?

Кейтель: Я не могу сказать вам больше того, что я подписал этот приказ и что тем самым я взял на себя определенную долю ответственности.

Руденко: Этот приказ датирован 13 мая 1941 г., т.е. издан больше чем за месяц до начала войны. Таким образом, вами заранее планировалось убийство людей?

Кейтель: Правильно то, что этот приказ действительно был издан за четыре недели до начала похода по плану «Барбаросса» и что за четыре недели до этого о нем сообщили генералам. Они знали об этом уже за несколько недель до начала войны.

Руденко: Этим распоряжением фактически устанавливалась обстановка безнаказанности для германских солдат и офицеров на произвол и беззакония?

Кейтель: В определенных границах, а граница устанавливалась в устных приказах, предназначенных для генералов и требовавших от своих собственных частей самой строгой дисциплины.

Руденко: Я думаю, вы, подсудимый Кейтель, эти «определенные границы» видели из представленных документов здесь, на Суде, и из кинодокументов. Я ставлю следующий вопрос: 12 мая 1941 г. был разработан вопрос об обращении с пленными русскими политическими и военными работниками. Вы помните этот документ?

Кейтель: Я в настоящий момент не могу знать, какой документ вы имеете в виду.

Руденко: Я имею в виду документ от 12 мая 1941 г., которым устанавливалось, чтобы политических руководителей Красной Армии не признавать военнопленными, а уничтожать.

Кейтель: Я видел лишь предварительные замечания по этому поводу. Я не помню сейчас документа. Обстоятельства дела мне неизвестны. О содержании документа я не могу в данный момент вспомнить.

Руденко: Это документ от 12 мая 1941 г. Он озаглавлен «По вопросу обращения с пленными русскими политическими и военными работниками».

Кейтель: Это не приказ. Это — просто докладная записка из отдела обороны страны с замечаниями о том, что недостает еще соответствующих решений фюрера. Докладная записка основана на предложении, сделанном в одном приказе. Я сейчас вспоминаю об этом. Я тогда видел эту докладную записку, но результаты доклада не зафиксированы; здесь только говорится о предложении относительно урегулирования данного вопроса в духе упомянутого предложения, о чем сообщили затем сухопутным силам, когда фюрер одобрил его или, обсудив с главнокомандующим сухопутными силами, разрешил этот вопрос.

Руденко: Значит, вы не отрицаете, что еще в мае, более чем за месяц до войны, уже был запроектирован документ об уничтожении русских политических и военных работников? Вы не отрицаете этого?

Кейтель: Нет, я не отрицаю этого, это было результатом тех распоряжений, которые были доведены до сведения и письменно разработаны генералами в данном документе.

Руденко: Подсудимый Кейтель, я вас спрашиваю о приказе, изданном для подавления освободительного движения в оккупированных

областях. Это приказ от 16 сентября 1941 г. (номер СССР-98). Вам вчера ваш защитник показал этот приказ. Я вам напомню одно место из этого приказа. Там говорится: «Чтобы в корне задушить недовольство, необходимо по первому поводу незамедлительно принять наиболее жесткие меры, чтобы утвердить авторитет оккупационных властей и предотвратить дальнейшее распространение...» И дальше: «При этом следует иметь в виду, что человеческая жизнь в странах, которых это касается, абсолютно ничего не стоит и что устрашающее воздействие возможно лишь путем применения необычайной жестокости»⁶⁴⁹.

Вы помните это положение, основное положение приказа, что «человеческая жизнь абсолютно ничего не стоит»? Помните вы эту фразу?

Кейтель: Да.

Руденко: Вы подписывали этот приказ с этим утверждением?

Кейтель: Да... Эти слова в приказе не стоят, но фактом является то, что на Юго-Востоке и частично на территориях советских областей человеческая жизнь не принималась в расчет в том объеме, в котором это следовало. Это мнение было известно из фактов, которые относятся ко многим годам.

Руденко: Вы говорите, что эти слова не стоят в приказе?

Кейтель: Насколько я знаю, там так не написано. Там написано, что «человеческая жизнь мало стоит». Это по моим воспоминаниям.

Руденко: Я вам напомню. Когда вас допрашивал генерал Александров 9 января 1946 г., на вопрос по существу этой фразы вы ответили: «Эту фразу я должен признать подлинной, но ее фюрер сам лично сюда вкпочил». Теперь вы вспомнили? Вы так ответили?

Кейтель: Это соответствует действительности. Я вчера не прочитал всех пунктов этого приказа; я признал только, что он действительно существовал.

Руденко: Господин председатель, я сейчас предъявлю подсудимому этот приказ.

Подсудимый Кейтель, вы ознакомились?

Кейтель: Да, текст на немецком языке следующий: «В соответствующих странах человеческая жизнь часто ничего не стоит».

---

⁶⁴⁹ Более точно воспроизводящий текст немецкого оригинала перевод этого документа см. в речи обвинителя от Великобритании Шоукросса (Нюрнбергский процесс. Т. VII. С. 110—111). Следует отметить, что вместо слова «абсолютно» там употреблено слово «часто» (oft), а вместо «жестокость» (die Grausamkeit) — «суровость» (die Härte). — *Прим. пер.*

Руденко: И дальше?

Кейтель: Так точно, сейчас: «И устрашающие действия могут быть достигнуты путем необычайной жестокости как искупление за жизнь немецких солдат».

Руденко: Ясно. В этом же приказе в пункте «Б» говорится: «Искуплением за жизнь немецкого солдата в этих случаях, как правило, должна служить смертная казнь 50—100 коммунистов. Способ казни должен увеличивать степень устрашающего воздействия». Правильно?

Кейтель: Немецкий текст несколько другой: «В этих случаях необходимо вообще устанавливать смертную казнь для 50—100 человек». Это — немецкий текст.

Руденко: За одного немецкого солдата. Я вас спрашиваю: подписывая этот приказ, вы этим самым высказали и свое мнение об этих жестоких мероприятиях, т.е. были согласны с Гитлером?

Кейтель: Я этот приказ подписал, однако те числа, которые там указаны, являются личными изменениями в приказе, именно личными изменениями Гитлера.

Руденко: А какие числа вы представили Гитлеру?

Кейтель: 5—10 человек. Это — та цифра, которую я указал в оригинале.

Руденко: Значит, у вас расхождение с Гитлером было только в числах, а не по существу?

Кейтель: Смысл был таков, что для достижения устрашающего воздействия за жизнь одного немецкого солдата необходимо было потребовать несколько человеческих жизней.

Председатель: Это не ответ на вопрос. Вопрос был таков: действительно ли расхождение между вами и Гитлером при составлении этого документа заключалось в цифрах, и на этот вопрос вполне можно ответить «да» или «нет». Действительно ли вы расходились во взглядах только по вопросу о цифрах?

Кейтель: Тогда я должен сказать, что существовало принципиальное разногласие, которое, однако, в последнем счёте не может быть оправдано, так как я подписал этот приказ — этого требовала занимаемая мною должность. Имелась принципиальная разница в отношении решения этого вопроса.

Руденко: Я хочу напомнить еще об одном приказе. Это приказ от 16 декабря 1942 г. Документ предъявлен Суду под номером СССР-16. Я также не буду подробно вас спрашивать об этом приказе. Этот приказ вам вчера предъявлен вашей защитой.

Кейтель: Я не помню этого документа. Я не помню, что он был предъявлен вчера.

Руденко: Хорошо. Я предъявлю этот документ, чтобы освежить вашу память. Я буду вас спрашивать, подсудимый Кейтель, по одному только вопросу в связи с этим приказом. В пункте первом этого приказа (третий абзац) обратите внимание на следующую фразу: «Войска поэтому имеют право и обязаны применять в этой борьбе любые средства без ограничения также против женщин и детей, если это только способствует успеху». Вы нашли это место?

Кейтель: Да.

Руденко: Вы нашли место, в котором дается указание применять любые средства без ограничений против женщин и детей?

Кейтель: «Без ограничения по отношению к женщинам и детям применять любые средства, если это необходимо». Я нашел это место.

Руденко: Я именно об этом и спрашиваю вас. Я спрашиваю вас, подсудимый Кейтель, фельдмаршал бывшей германской армии, вы считаете правильным этот приказ — применять любые средства в отношении женщин и детей?

Кейтель: Мероприятия применялись постольку, поскольку нужно было женщин и детей удалять из района боевых действий или района действий партизанских банд, однако никогда не имелись в виду жестокости или убийства женщин и детей. Никогда.

Руденко: Устранить — термин германский — это значит убить?

Кейтель: Нет. Мне кажется, что никогда не было необходимости говорить немецким солдатам, чтобы они не убивали женщин и детей.

Руденко: Вы не ответили на мой вопрос. Вы считаете правильным этот приказ в отношении мер против женщин и детей или неправильным? Вы ответьте — да или нет? Правильно или неправильно?

Кейтель: Я считал правильными эти мероприятия и признаю, что они проводились, но это ни в какой степени не были мероприятия по убийству людей. Это было бы преступлением.

Руденко: Любые средства включают убийство?

Кейтель: Да, но не по отношению к женщинам и детям.

Руденко: Но в приказе сказано: любые средства в отношении женщин и детей?

Кейтель: Нет, там написано: «...не останавливаться перед мероприятиями против женщин и детей». Никогда немецкому солдату и немецкому офицеру не могла прийти в голову мысль убивать женщин и детей.

Руденко: А в действительности?

Кейтель: Я не могу в каждом отдельном случае подтвердить это, так как я этого не знаю и так как я не мог быть во всех местах и не получал донесений об этом.

Руденко: Но таких случаев были миллионы.

Кейтель: Это мне неизвестно, и я не верю, что это происходило в миллионах случаев.

Руденко: Сейчас я хочу обратиться к вопросу об обращении с советскими военнопленными. Я не намерен вас допрашивать по вопросу о клеймении советских военнопленных и других фактах — они достаточно известны Трибуналу. Я вас хочу спросить по поводу одного документа — доклада Канариса от 15 сентября 1941 г. Он зарегистрирован под номером ЕС-338. Как вы помните, даже германский офицер обратил внимание на исключительный произвол и беззаконие, допускаемые в отношении советских военнопленных. В этом докладе Канарис указывал на массовые убийства советских военнопленных и говорил о необходимости решительного устранения этого произвола.

Вы были согласны с положениями, которые выдвинул Канарис в своем докладе на ваше имя?

Кейтель: Я вчера уже ответил моему защитнику...

Руденко: Вы можете ответить кратко на мой вопрос — вы были согласны?

Кейтель: Я коротко отвечаю, что по получении этого письма я немедленно доложил о нем фюреру, в особенности в связи с двумя нотами народного комиссара по иностранным делам от начала июля, и просил снова принять решение по этому вопросу. Я разделял, в общем, сомнения Канариса...

Руденко: Разделял? Очень хорошо. Я вам предъявляю сейчас подлинник доклада Канариса, на котором есть ваша резолюция.

Господин председатель, я сейчас предъявляю подсудимому документ с его резолюцией.

Председатель: У вас имеется оригинал этого документа?

Руденко: Да, я его дал подсудимому. Итак, следите, подсудимый Кейтель.

Кейтель: Я знаю этот документ с пометками на полях.

Руденко: Вы следите за резолюцией. Это документ Канариса, который вы считаете правильным. Ваша резолюция следующего содержания: «Эти положения соответствуют представлениям солдата о рыцарском способе ведения войны. Здесь речь идет об уничтожении целого мировоззрения, поэтому я одобряю эти мероприятия и покрываю их. Кейтель».

Кейтель: Да, это я написал в качестве решения после доклада фюреру... Я это написал.

Руденко: Там не написано, что это фюрер так сказал, там написано: «...я ...покрываю... Кейтель». Стало быть...

Кейтель: Это я признаю здесь под присягой, и я уже ранее говорил это, до того, когда я это прочел.

Руденко: Значит, вы признаете эту резолюцию? Еще на одно место в этом документе я обращаю внимание, на страницу 2. В докладе Канариса говорится:

«Выявление гражданских лиц и политически нежелательных военнопленных, а равно принятие решения об их судьбе производится оперативными командами полиции безопасности и СД, согласно инструкциям, которые не знакомы органам вооруженных сил и исполнение которых они не в состоянии проверить».

Это пишет Канарис, а на полях документа против этого текста ваша, подсудимый Кейтель, резолюция: «Вполне целесообразно». Правильно? Вы нашли эту резолюцию?

Кейтель: Да, именно это «целесообразно» относится к тому, что части вооруженных сил не имеют ничего общего с оперативными командами и ничего не знают о них. Там указано, что они им не знакомы.

Руденко: И к тому, что полиция безопасности и СД расправляются с этими гражданскими лицами и военнопленными? Вы считаете это целесообразным?

Кейтель: Нет, я считал целесообразным то, чтобы части вооруженных сил не знали ничего о деятельности этих команд. Это я хотел сказать своей пометкой. В тексте я подчеркнул слово «неизвестны».

Руденко: Я спрашиваю вас в связи с этой резолюцией, вы, подсудимый Кейтель, именуемый фельдмаршалом, неоднократно здесь, перед этим Трибуналом, называвший себя солдатом, вы своей кровавой резолюцией в сентябре 1941 г. подтвердили и санкционировали убийство безоружных солдат, попавших к вам в плен? Это правильно?

Кейтель: Я подписал оба приказа и тем самым несу ответственность в связи с занимаемой мною должностью. Я беру на себя эту ответственность.

Руденко: Вы здесь неоднократно говорили о солдатском долге. Я хочу вас спросить, совместимо ли с понятием «солдатский долг» и «честь офицера» издание таких приказов о репрессиях в отношении военнопленных и мирных граждан?

Кейтель: В той степени, в которой это касается репрессий в августе и сентябре.

Руденко: Подсудимый Кейтель, мы же вчера установили, что еще в мае 1941 г., до начала войны, вы подписали директиву о расстреле политических и военных работников Красной Армии.

Кейтель: Да, эти приказы перед началом войны я подписывал, но в них не содержится слово «убийство».

Руденко: Я не намерен спорить, так как это означает спорить против документов, а документы говорят сами за себя. Я имею к вам несколько последних вопросов. Вы заявили Трибуналу, что генералы германской армии только слепо выполняли приказы Гитлера?

Кейтель: Я заявил, что не знаю, какие генералы, и заявляли ли генералы вообще протесты. Насколько я помню, это не происходило в моем присутствии, когда Гитлер прокламировал основные положения о борьбе мировоззрений.

Руденко: А известно ли вам, чтобы генералы по своей инициативе издавали приказы о зверствах и нарушениях законов и обычаев войны, и эти приказы одобрялись Гитлером?

Кейтель: О том, что высшие инстанции армии, например, в связи с вопросом о подсудности издали в марте приказ и проводили другие мероприятия, а также издавали приказы, смягчающие и отменяющие эти мероприятия, я знаю, так как они обсуждались со мной.

Руденко: Вы делаете вид, что меня не поняли, и хотите уклониться от ответа. Я спрашивал, издавали ли генералы приказы о нарушениях законов и обычаев ведения войны по своей инициативе?

Кейтель: Это мне неизвестно. Я не знаю, о каких приказах идет речь, господин генерал.

Руденко: Это вам не известно?

Кейтель: Я не знаю, о каких приказах вы говорите, господин генерал. Но возможно, что это было так.

Руденко: Я только сошлюсь на один приказ. Я имею в виду приказ генерал-фельдмаршала фон Рейхенау о поведении войск на Востоке. Этот документ, господин председатель, предъявлен советским обвинением под номером СССР-12. Из этого приказа я оглашу только одну цитату: «Снабжение питанием местных жителей и военнопленных является ненужной гуманностью».

Кейтель: Я знаю этот приказ. Он был мне предъявлен во время предварительного следствия.

Руденко: Этот приказ был издан по инициативе Рейхенау, одобрен Гитлером и как образцовый разослан всем командующим фронтам?

Кейтель: Это я узнал только здесь. Этот приказ я, по-моему, ранее не читал.

Руденко: Конечно, такие приказы у вас, очевидно, считались мало-значущими, ибо разве могла интересовать начальника ОКВ судьба советских военнопленных или советских граждан? Жизнь их ничего не стоила?

Кейтель: Я не имел никакого соприкосновения по служебным вопросам с командующими на фронте. С ними имел дело только командующий сухопутными силами.

Руденко: Вы здесь, давая показания Трибуналу, очень часто, а до вас это делали ваши сообщники — подсудимые Геринг и Риббентроп, говорили о Версальском договоре. Я вас спрашиваю: разве Вена, Прага, Белград, Крым до Версальского договора принадлежали Германии?

Кейтель: Нет.

Руденко: Вы заявили здесь, что в 1944 г., после изменения закона, вы получили предложение вступить в члены нацистской партии. Вы приняли это предложение, передали личные данные руководству партии, внесли вступительный взнос. Скажите, не следует ли рассматривать принятое вами предложение вступить в нацистскую партию как ваше согласие с программой партии, с ее целями и методами?

Кейтель: Я считал требование прислать мои личные данные, после того как я три с половиной года носил золотой значок партии, только формальной регистрацией и выполнил требование уплатить партийные взносы. Я сделал то и другое.

Руденко: То есть до этого формального предложения, по существу, вы себя считали нацистом?

Кейтель: Я всегда смотрел на себя, как на солдата, а не как на политического деятеля.

Руденко: Не следует ли заключить после всего этого, что здесь сказано, что вы были гитлеровским генералом не по долгу, а по убеждению?

Кейтель: Я здесь уже показал, что я был лояльным, верным и почкорным солдатом своего фюрера...

*Додд*⁶⁵⁰: У меня есть только один вопрос. Утром 3 апреля, когда вы были подвергнуты прямому допросу, мы поняли из ваших слов, что

---

⁶⁵⁰ Помощник главного обвинителя от США.— *Прим. сост.* сб. «Нюрнбергский процесс».

вы считаете, что должны принять на себя ответственность за приказы, отдававшиеся от вашего имени, — за приказы, которые вы издавали, но которые исходили от Гитлера. Когда вас допрашивали, вы сказали, что, как мы поняли вас, что вы как старый профессиональный солдат, конечно, понимали традиции и даже принципы этой профессии, которые обязывают солдата не проводить в жизнь любой приказ, который, как он считает, носит преступный характер.

Правильно ли мы вас поняли?

Кейтель: Да.

Додд: Итак, будет справедливым признать, что, согласно с обязательством, наложенным на вас присягой, вы признаете, что проводили в жизнь преступные приказы?

Кейтель: В такой форме этого нельзя сказать. Надо сказать, что государственная форма и полномочия главы государства, которыми он [Гитлер] обладал тогда, объединяли в себе законодательные полномочия, которые придавали исполнительным органам сознание того, что эти действия не являются противозаконными, если их проводила инстанция, которая обладала такими полномочиями. Я, конечно, сознавал, что совершались и такие действия, которые нельзя было согласовать с правовыми понятиями.

Додд: Итак, я понял, что вы, зная об этом, проводили в жизнь и издавали преступные или противозаконные приказы. Это правильно?

Кейтель: Разрешите сказать, что у меня не было внутреннего убеждения, что эти приказы были преступными, так как глава правительства сам объединял в себе функции законодателя, и вследствие этого я сам не был убежден, что совершал преступные действия.

Додд: Я не хочу более тратить время на ваш вопрос, но я считаю необходимым заметить, что ваш ответ не является ответом на мой вопрос.

Вы сказали нам, что некоторые из этих приказов являлись нарушением существующего международного права. Приказ, изданный в такой форме и на такой основе, является преступным приказом, противозаконным приказом, не так ли?

Кейтель: Да, это правильно.

Додд: Итак, когда вы проводили в жизнь эти приказы, вы проводили в жизнь преступные приказы, вне зависимости от того, кем они издавались?

Кейтель: Да, это правильно.

(Нюрнбергский процесс. Т. V. С. 104—123.)

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ РЕЧИ ГЛАВНЫХ ОБВИНИТЕЛЕЙ

Из речи Главного обвинителя
от Соединенных Штатов Америки Роберта Джексона

26 июля 1946 г.

<...> Общий взгляд, брошенный на скамью подсудимых, позволяет заключить, что, несмотря на междоусобные распри, каждый подсудимый в своей области действовал согласованно с другими, все они активно помогали осуществлению общего плана. <...>

Кейтель, безвольное и послушное орудие, передал партии орудие агрессии — вооруженные силы и направлял их при выполнении поставленных задач. <...>

В настоящее время нет в живых никого, кто бы, по крайней мере, вплоть до последнего момента войны, стоял выше Геринга по занимаемому положению и располагал большей властью и влиянием. Никто в армии не стоял выше Кейтеля и Йодля, никто во флоте не занимал более высокого поста, чем Редер и Дёниц. <...>

Список подсудимых состоит из лиц, которые играли главные, связанные между собой роли в этой трагедии. Фотографии и фильмы вновь и вновь показывают их вместе в дни важных событий. Документы свидетельствуют, что они были согласны по вопросу о политике и методах и об агрессивной деятельности, направленной на расширение территории Германии силой оружия. Каждый из них внес свой вклад в дело нацистского плана, каждый из них играл в нем главную роль. <...> Взгляните на этих павших людей и представьте себе их такими, какими они изображены на фотографиях и в документах в дни их величия и славы. Имеется ли среди них хотя бы один, чья деятельность значительно не продвинула бы этот заговор вперед по кровавому пути к достижению кровавой цели? Можем ли мы допустить, что огромные усилия этих людей были направлены на достижение тех целей, о существовании которых они никогда не подозревали? <...>

Защищая себя, все подсудимые единодушно пытаются уйти от ответственности, вытекающей из их деятельности на занимаемых ими постах. Мы слышим, как один и тот же припев повторяется вновь и

вновь: у этих людей не было власти, они ничего не знали, не пользовались никаким влиянием. <...>

В своих показаниях каждый подсудимый по некоторым вопросам оказывается в тупике. Никто ничего не знал о том, что происходило. Время от времени мы слышим голоса, раздающиеся со скамьи подсудимых: «Я слышу об этом впервые, только здесь». <...>

[Например] фельдмаршал, который издавал приказы вооруженным силам, но не имел ни малейшего представления о результатах, к которым приведут эти приказы на практике... <...>

На кого полагался Гитлер в выполнении всего этого, как не на тех, кто находится здесь на скамье подсудимых? <...> Кто, как не Кейтель, Йодль, Редер и Дёниц, питали его иллюзиями о непобедимости Германии? <...>

Признать этих людей невиновными — значит с тем же основанием сказать, что не было войны, не было убийств, не совершалось преступлений.

Из речи Главного обвинителя от Великобритании Хартли Шоукросса

26—27 июля 1946 г.

<...> Не подлежит сомнению, что эти подсудимые принимали участие и несут ответственность за преступления, столь ужасающие, что при самой мысли о них воображение отказывается их постичь. <...>

В России Кейтель, который, эксплуатируя Польшу, научился применять установку — «умная политика и жестокость», наметил вехи своими приказами от 13 мая и 23 июля 1941 г. Я цитирую последний приказ, проект которого был составлен, по его собственному признанию, Йодлем.

«Имея в виду большие размеры оккупированных территорий, военные силы, которыми мы располагаем для охраны безопасности на этих территориях, являются достаточными лишь в том случае, если всякое сопротивление будет подавляться не преследованием виновных судебным порядком, а проведением вооруженными силами такого террора, который будет достаточным фактором для искоренения всякого намерения к сопротивлению среди населения. Командующие должны изыскать способы для поддержания порядка не путем истребования дополнительных сил для охраны безопасности, а путем применения соответствующих драконовских мер». <...>

<...> Одно из самых жестоких мероприятий — захват заложников — явилось предметом приказа германского военного командования от 16 сентября 1941 г.

Кейтель приказывал:

«Невзирая ни на какие частные обстоятельства, в каждом случае сопротивление германским оккупационным силам следует расценивать как сопротивление, вызванное коммунистами.

Для того чтобы пресечь эти коварные действия в зародыше, следует принимать самые энергичные меры немедленно, при появлении самых первых их признаков, с тем чтобы помешать дальнейшему их распространению. В этой связи следует помнить, что в странах, где еще не установлен порядок, человеческая жизнь часто ничего не стоит, и устрашающее действие может быть достигнуто лишь необычайной суровостью. В таких случаях смертная казнь для 50—100 коммунистов должна обычно рассматриваться как соответствующее возмездие за жизнь одного германского солдата. Форма, в которой приговор приводится в исполнение, должна еще более усиливать устрашающее действие».

У Кейтеля и Кальтенбруннера не было расхождений во взглядах: германским солдатам было приказано соревноваться с эсэсовцами на местах.

Две недели спустя после издания этого приказа Кейтелю, чьим единственным защитительным доводом является то, что он требовал казни от 5 до 10 заложников за одного немца вместо 50—100, пришла еще одна мысль. 1 октября 1941 г. он высказал мнение о том, что будет целесообразно, если военные командиры будут всегда иметь в своем распоряжении некоторое число заложников различных политических взглядов: националистических, демократическо-буржуазных или коммунистических. Он добавил:

«Очень важно, чтобы среди них имелись хорошо известные, выдающиеся личности или члены их семей, чьи имена должны быть преданы гласности. В случае нападения должны быть расстреляны заложники соответствующей группы, в зависимости от партийной принадлежности виновного».

На оригинале документа имеется злобная пометка: «Применяется во Франции и Бельгии». <...>

Приказ о «коммандос» по своей жестокости и зверству не может сравниться даже с приказом «Мрак и туман» от 7 декабря 1941 г.

В директиве Гитлера, подписанной Кейтелем, после указания — карать смертью всех лиц, ставящих под угрозу безопасность оккупиро-

рующих держав, указывается, что лица, расправа над которыми не может быть произведена в наикратчайший срок, должны перевозиться в Германию, причем таким образом, чтобы не поступало никаких дальнейших известий об их судьбе. Сопроводительное письмо Кейтеля от 12 декабря приводит следующее основание этому: «Эффективного и длительного устрашения можно добиться или решительными карами, или путем мероприятий, при которых родственники лиц, совершивших преступления, и население не будут знать об их судьбе. Эта цель достигается увозом преступников в Германию». <...> Были ли Кейтель и Йодль менее ответственны за убийства, чем их сообщники? Они не могут отрицать своей осведомленности и своей ответственности за действия эйнзатцкоманд, с которыми их собственные командующие работали в тесном и сердечном содружестве. <...>

Из речи Главного обвинителя от Франции Шампетье де Рибо

29 июля 1946 г.

<...> Разве нашелся хотя бы один подсудимый, который оспаривал бы справедливость сообщенных нами фактов? Они лишь пытались освободиться от ответственности, переложив ее на плечи тех из числа своих сообщников, которые сами совершили над собой суд.

«Нам не было ничего известно обо всех этих ужасах», — говорят они. Или же: «Мы делали все, чтобы этому воспрепятствовать, но всемогущий Гитлер отдавал приказы и не допускал, чтобы ему не подчинялись, он не допускал даже ухода в отставку».

Жалкая защита! Кого они могут заставить поверить в то, что только лишь им одним не было ничего известно о том, о чем знал весь мир, в то, что их служба подслушивания никогда не сообщала им об официальных предупреждениях, которые делали по радио руководители Объединенных Наций преступникам войны.

Они не могли не подчиняться приказам Гитлера, они не могли подать в отставку? Прекрасно! Но ведь Гитлер мог располагать ими самими, но не их волей: не подчиняясь ему, они, быть может, рисковали бы жизнью, но тогда, по крайней мере, они сохранили бы честь. Трусость никогда не являлась ни оправданием, ни даже смягчающим обстоятельством.

Истина заключается в том, что все они прекрасно знали доктрину национал-социализма, так как участвовали в ее разработке; им было

прекрасно известно, к каким чудовищным преступлениям приведет сторонников этой доктрины и тех, кто проводил ее в жизнь, стремление к мировому господству, и они взяли на себя ответственность за это, так как получили материальные и моральные выгоды, которыми воспользовались.

Но они твердо верили в то, что окажутся безнаказанными, так как были уверены в победе, были уверены, что перед лицом торжествующей силы не возникнет вопрос о правосудии. Они убеждали себя, что так же, как это было после войны 1914 г., никакое международное правосудие не сможет свершиться. <...> Они ошиблись. <...>

В отношении ответственности Кейтеля мое выступление тоже будет кратким. Условия, при которых он занял посты, которые ранее занимали фон Фрич и фон Бломберг во главе верховного командования армии, его вступление в состав правительственных советов и его политическая активность на всех этих постах, выражавшаяся в том, что он вместе с фюрером был в Годесберге (на переговорах с Чемберленом по вопросу Мюнхенского соглашения в 1938 г. — *Прим. пер.*), позднее участвовал вместе с ним в переговорах с Петеном и Хорти, а также в подписании приказов, из которых инструкция к приказу «Мрак и туман» не является наименее известной, — все это показывает, что речь идет не о рядовом военном, а о генерале — политическом деятеле.

Приговором ему служит та роль, которую он играл в арестах и убийствах партизан. Он, вне всякого сомнения, участвовал в уничтожении некоторых категорий военнопленных, например, в передаче их дел полиции для «специального обращения». Более того, мы не забыли о связи его управления с полицией и с вооруженными силами партии; у всех у нас живы в памяти последствия сотрудничества его учреждений с гестапо. <...> Следует ли покарать безжалостно и сурово? Да будет справедлив приговор — этого достаточно! Конечно, степень виновности в некоторой мере различна. Но разве из этого вытекает, что и наказание должно быть различным? Ведь даже тот, кто, как мы считаем, виновен менее всех остальных, заслуживает смерти! <...>

Из речи Главного обвинителя от СССР Р.А. Руденко

29—30 июля 1946 г.

<...> Человечество призывает к ответу преступников, и от его лица мы, обвинители, обвиняем в этом процессе. И как жалки попытки

оспорить право человечества судить врагов человечества, как несо-
стоятельны попытки лишить народы права карать тех, кто сделал своей
целью порабощение и истребление народов и эту преступную цель
много лет подряд осуществлял преступными средствами. <...>

Перехожу к рассмотрению вопроса о виновности отдельных под-
судимых. <...>

КЕЙТЕЛЬ:

Переходя к группе военных, я, естественно, хотел бы начать с под-
судимого Вильгельма Кейтеля.

Ведущее положение в гитлеровской военной машине Кейтель за-
нял с первых лет ее организации. Адвокат Кейтеля признает, что «де-
крет (от 4 февраля 1938 г.) преподнес Кейтелю чудесное должностное
наименование — начальника верховного командования вооруженных
сил». И несколько далее: «Фактическое назначение работы Кейтеля
было громадным... Это была чудовищная, неблагодарная работа, ми-
зерным вознаграждением за которую было блестящее положение в не-
посредственной близости от главы государства».

В свете всех последующих событий надо считать, что начальным
этапом будущих агрессивных войн было все то, что связывалось с се-
кретными вооружениями Германии после Версальского мира. Трудно
преуменьшить значение всего проделанного тогда еще полковником
Кейтелем в комитете экспертов, который последовательно и настой-
чиво изыскивал и находил пути для обхода или прямого нарушения до-
говора. В частности, именно полковник Кейтель, а не кто иной, давал
указания о том, что в Женеве можно говорить все, что угодно, лишь бы
не оставлять письменных следов. Это циничное заявление полностью
соответствует той роли, которую Кейтель играл в последующей под-
готовке и проведении агрессивных войн.

Во время переговоров Гитлера с Шушнигом живым напоминанием
о готовности Германии применить оружие была фигура Кейтеля.

Кейтель давал директивы двинуть войска в Чехию, когда президент
Гаха был вероломно вызван в Берлин «для продолжения переговоров».

Это ОКВ, а не какая-либо иная организация, было готово через от-
дел «Абвер» спровоцировать пограничный инцидент с Чехословакией,
чтобы оправдать вторжение германских полчищ, готовых ринуться в
Чехию.

Своим совершенно секретным меморандумом Кейтель требовал
от Гесса и Гимmlера заранее сообщать ОКВ о всех мерах, проводимых

партийными организациями или полицией, которые предусмотрены планом «Грюн».

Фактически сплошной ложью были декларации об отсутствии каких-либо дальнейших претензий Германии в Европе после захвата Чехословакии. Это было звеном в цепи агрессивных войн.

Я хочу подчеркнуть ведущую роль ОКВ в подготовке и осуществлении агрессии. Директива относительно ведения войны и вторжения в Польшу известна вам, как директива Гитлера и Кейтеля от 10 мая 1939 г. Она была направлена командованию ВВС, военно-морского флота и сухопутных сил. Как можно говорить после этого о том, что ОКВ не было руководящей головкой всех видов вооруженных сил фашистского рейха?

Если еще раз взглянуть на документы, относящиеся к германской агрессии против Норвегии, Дании, Бельгии, Голландии, Люксембурга, Югославии и Греции, мы не раз встречаемся с именем Кейтеля. Он выступает то в качестве участника ответственных заседаний, то как автор секретных приказов, адресованных Редеру, Герингу и генеральному штабу [сухопутных войск]. Собственноручные инициалы Кейтеля и Йодля мы находим и на секретной директиве, подписанной Гитлером, о проведении операции «Марита».

Много говорилось здесь о плане «Барбаросса» и его авторах. Сейчас нам важно подчеркнуть, что документ этот рожден в недрах ОКВ по непосредственной инициативе этой организации, что запланированные методы нападения на СССР являлись его [Кейтеля] работой.

Каждому ясна роль визы военного специалиста на документе. Некоторые подсудимые пытались лживо объяснить нападение на СССР как превентивную войну. Заявления эти в такой мере несостоятельны и противоречат установленным в Суде неопровержимым доказательствам (немецким же документам), что я не вижу необходимости отнимать время у Трибунала.

Защитник Кейтеля заявил, что защита этого подсудимого строится под тем углом зрения, что Кейтель «борется не за свою голову, а за свое лицо».

Я хочу помочь Суду увидеть истинное лицо Кейтеля. Для этого мне нужно напомнить вам о нескольких кейтелевских директивах, которые по праву займут одно из первых мест среди позорных документов о бесчеловечности германской военщины, ее низости и безгранично подлом поправлении понятий о правилах и обычаях ведения войны.

Начиная с документов о расстреле политических работников, Кейтель, этот солдат, как он любит себя называть, игнорируя присягу, без-

застенчиво врал на предварительном следствии американскому обвинителю, говоря, что этот приказ носил характер ответной репрессии и что политических работников отделяли от остальных военнопленных по просьбе самих военнопленных. На Суде он был изобличен. Предъявлением документов РФ-351, ПС-884 было доказано, что директива была дана до начала военных действий. Нами был также предъявлен документ под номером СССР-62 (текст письма немецких военнопленных). Из этого документа видно, что еще до нападения на СССР полевые войска инструктировались по поводу обязательного истребления советских женщин-военнослужащих и политического состава.

А что можно сказать о фразах, страшных по своему беспредельному цинизму: «...человеческая жизнь в странах, которых это касается, абсолютно ничего не стоит... Устрашающее воздействие возможно лишь путем применения необычайной жестокости»?

А директива о применении военной подсудности в районе «Барбаросса» от 13 мая 1941 г.? А приказ от 16 сентября 1941 г. о казни от 50 до 100 коммунистов за каждого убитого немца? Что мог сказать здесь Кейтель о документе, известном под названием «Нахт унд небель»?⁶⁵¹

Это кровавые документы. Никто не может подсчитать, сколько тысяч военнопленных солдат и офицеров Красной Армии было убито и замучено в лагерях фашистской Германии. <...>

Нельзя забыть директиву Кейтеля от 16 декабря 1942 г. Она называется «Борьба с бандами». Под «бандами» подсудимый Кейтель понимал всякое движение Сопротивления и требовал от войск применения жесточайших мер без ограничения, в том числе против женщин и детей. <...> Выполняя директиву Кейтеля о том, что жизнь в восточных странах абсолютно ничего не стоит, солдаты и офицеры гитлеровской армии совершали свои злодеяния.

Обвинением предъявлен документ СССР-51 о том, как 28 августа 1941 г. немецкие войска перед своими боевыми порядками, идя в атаку, гнали женщин, детей и стариков. А в деревне Колпино заставляли крестьян строить для немцев мосты и блиндажи; фашисты потом всех расстреляли.

В Югославии массовые расстрелы заложников стали повседневной практикой военного командования и военной администрации.

Я хочу закончить документом СССР-356 (ЕС-338). Вы помните, господя судьи, этот документ. В нем адмирал Канарис сообщал Кейте-

---

⁶⁵¹ «Ночь и туман» (нем.).

лю о произволе в лагерях военнопленных, голоде, массовых расстрелах советских военнопленных. Даже матерый фашистский разведчик Канарис, боясь ответственности, не мог пройти мимо вопиющих фактов произвола и нарушения всех общепринятых законов и обычаев войны.

Вы помните также резолюцию Кейтеля на этом докладе: «Я одобряю и покрываю эти мероприятия».

Я спросил подсудимого Кейтеля во время перекрестного допроса 6 апреля [1946 г.]:

«Вы, подсудимый Кейтель, именуемый фельдмаршалом, неоднократно здесь, перед Трибуналом, именовавший себя солдатом, вы своей кровавой резолюцией в сентябре 1941 г. подтвердили и санкционировали убийства тысяч безоружных солдат, попавших к вам в плен. Это правильно?»

Кейтель вынужден был признать этот факт.

Уже одна такая резолюция полностью раскрывает действительное, подлинное лицо фельдмаршала Кейтеля. Никакие изошренные доводы защиты не смогут снять с Кейтеля ответственность за кровь и бесчисленные человеческие жизни, оборванные фашистской военщиной во исполнение приказов и директив, подписанных рукой подсудимого Кейтеля. <...>

Господа судьи! Перед вами прошли все подсудимые — люди, лишенные чести и совести, ввергшие мир в бездну несчастий и страданий, причинившие огромные бедствия собственному народу.

Политические авантюристы, не останавливавшиеся ни перед какими злодеяниями для достижения своих преступных целей, низкие демагоги, прикрывавшие свои разбойничьи планы лживыми идеями, палачи, убившие миллионы невинных, — они объединились в клику заговорщиков, захватили власть и превратили аппарат германского государства в орудие своих преступлений.

Ныне наступил час расплаты.

В течение девяти месяцев мы наблюдали бывших правителей фашистской Германии. Перед лицом Суда, на скамье подсудимых, они притихли и присмирели. Некоторые из них даже осуждали Гитлера. Но они корят сейчас Гитлера не за провокацию войны, не за убийство народов и ограбление государств; единственное, чего они не могут ему простить, — это поражение.

Вместе с Гитлером они были готовы истребить миллионы людей, поработить все передовое человечество для достижения преступных целей мирового господства.

Но иначе судила история: победа не пришла по следам злодеяний. Победили свободолюбивые народы, победила правда, и мы горды тем, что Суд Международного Военного Трибунала — это Суд победившего правого дела миролюбивых народов. <...>

Господин председатель! Господа!

Моей речью заканчиваются выступления обвинителей.

Выступая на этом Суде от имени народов Союза Советских Социалистических Республик, я считаю полностью доказанными все обвинения, предъявленные подсудимым. И во имя подлинной любви к человечеству, которой исполнены народы, принесшие величайшие жертвы для спасения мира, свободы и культуры, во имя памяти миллионов невинных людей, истребленных бандой преступников, представших перед Судом передового человечества, во имя счастья и мирного труда будущих поколений — я призываю Суд вынести всем без исключения подсудимым высшую меру наказания — смертную казнь.

Такой приговор будет встречен с удовлетворением всем передовым человечеством.

(Нюрнбергский процесс, Т. VII.)

Речь Отто Нельге, защитника подсудимого Вильгельма Кейтеля

*Стенограмма заседаний Международного военного трибунала
от 8 и 9 июля 1946 г.*

«Мы должны подойти к своей задаче так рассудительно и с такой духовной неподкупностью, чтобы когда-нибудь в будущем этот процесс выглядел как исполнение мечты человека о справедливости!» Эти слова из обвинительной речи Главного обвинителя от США Джонсона должны быть лейтмотивом для всех тех, кому выпала задача помочь установить истину на данном процессе. То, что эта истина не может быть абсолютной, высказали уже представители обвинения.

Было высказано мнение, что не существует намерения уничтожить весь германский народ. Безоговорочной капитуляцией мы отданы на милость державам-победительницам. Однако было сказано, что приговор Суда должен быть справедливым. Здесь, на данном процессе, лейтмотивом не должна быть милость или немилость — им должна быть только справедливость. Однако справедливым приговор может быть только в том случае, если он примет во внимание все обстоятель-

ства, анализирующие действия подсудимого. То, что произошло и что составляет объект обвинения, нельзя простить. Я могу попытаться лишь сделать анализ. <...>

Германский народ не ждет оправдания. Он не ожидает, чтобы надо всем, что произошло, было распростерто покрывало христианской любви к ближнему и забвения. Он хочет согласиться с этим как со своей судьбой и сделать все возможное для устранения последствий. Но он надеется также, что души и сердца остальных людей не так закалились, что существующие напряженные отношения не останутся существовать и дальше; он надеется, что ненависть остального человечества к нему тоже не будет существовать вечно. <...>

Оно [ОКВ] рассматривало себя как инструмент законного правительства, так же как оно делало это, когда кайзер, Эберт и фон Гинденбург были верховными представителями Германии... <...>

Только ясное понимание причин, сил и людей, приведших к разрывшемуся над миром несчастью, обеспечит нашему народу возможность в будущем вновь найти путь к остальному миру. <...>

Обвинение против Кейтеля распадается на два периода: с 1933 г. по 4 февраля 1938 г. и с 4 февраля 1938 г. до конца войны. Поэтому подсудимый обвиняется не только как соучастник заговора, но и за личное участие во всех преступлениях. Этому обширному обвинению соответствует также место, отведенное подсудимому Кейтелю в выступлениях обвинителей.

Ни одна фамилия подсудимых не называлась обвинением так часто, как фамилия Кейтеля. Все время мы слышим «приказ Кейтеля», «указания Кейтеля» и «приказ ОКВ», «директивы ОКВ» и т.д., причем это связывается с именем Кейтеля как «начальника ОКВ» с 4 февраля 1938 г.

Подсудимый относится к числу людей, которые в связи со смертью Гитлера попали под свет рампы общественности. С 1933 г. он находился в непосредственном окружении Гитлера, был почти что постоянным его спутником. Ясно, какое значение это имеет для данного процесса. Обвинение неоднократно утверждало, что подсудимые, указывая на мертвых, хотят свалить на них собственную вину. Если целью данного процесса является установление правдивой картины всех событий и их связи между собой, то необходимое упоминание тех мертвых, которые, как известно обвинению, являются главными преступниками, не должно служить основанием для недоверия к тем, кто делает это. Это непосредственно относится к Кейтелю, положение, влияние и дей-

ствия которого невозможно правильно оценить, не осветив личности Гитлера и его отношения к Кейтелю. <...>

Подсудимому Кейтелю ясно, что если вспомнить об ужасных последствиях и обо всем чудовищном, что, несомненно (не ставя здесь вопрос о виновности), совершено немцами и что неоспоримо следует отнести за счет приказов и распоряжений, с которыми Кейтель в той или иной форме соприкасался, то чувствуешь себя виновным, не размышляя о том, идет ли здесь речь о виновности в правовом смысле или в смысле моральном.

Обвинение утверждало, что все подсудимые в какой-то период времени объединились с нацистской партией для осуществления плана, который, как это было им известно, мог быть осуществлен только путем развязывания войны в Европе.

Относительно подсудимого Кейтеля было сказано, что он с 1933 г. активно участвовал в заговоре. <...>

Кейтель был кадровым офицером. В качестве такового он не мог быть членом партии. Офицерам запрещалась всякая политическая деятельность. Руководство вооруженных сил заботилось о том, чтобы не допустить влияния политики партии на вооруженные силы. Это относилось как к периоду до 1938 г., так и к позднему периоду. <...>

Решение от 4 февраля 1938 г. оказалось роковым для генерала Кейтеля и для германских вооруженных сил: для Кейтеля потому, что он не мог еще расценить должным образом вновь созданную инстанцию «верховное командование вооруженных сил» (ОКВ).

Гитлер устранил последний барьер между собой и вооруженными силами — народом под ружьем путем устранения фигуры главнокомандующего вооруженными силами и имперского военного министра, который по конституции должен был быть ответственным лицом за вооруженные силы. Такое решение судьбы было для Кейтеля и для всего германского народа роковым, причем в момент вынесения решения его участники даже не подозревали этого. Сейчас, оглядываясь назад, легко сказать, что такая непроницательность была преступной...

Для подсудимого Кейтеля, который лично в то время не знал Гитлера и впервые познакомился с ним во время предварительных переговоров по поводу данного решения, это не было его собственным решением. Гитлер назначил Кейтеля на вновь созданную должность начальника ОКВ. Кейтель принял ее. Если мы оставим без внимания

человеческие чувства, то и тогда для начальника военного управления в имперском военном министерстве не было никакого основания отклонять данное предложение, тем более что оно было сделано фон Бломбергом. Какое значение придавал Гитлер этой должности, Кейтелю было неизвестно...

Приведу выдержку из показаний фон Бломберга:

«Гитлер заявил: «Я не хочу иметь в будущем военных министров, а также не хочу иметь впредь командующего вооруженными силами, который стоял бы между мной, как Верховным главнокомандующим, и главнокомандующими отдельными частями вооруженных сил...»

Он потребовал кандидата на пост начальника бюро, который должен был вести дела под его начальством. Таким образом, ответственным за вооруженные силы должен был быть он, Гитлер...

Я предложил Кейтеля на должность начальника бюро, и мне казалось, что он был бы на своем месте...»

Декрет о руководстве вооруженными силами от 4 февраля 1938 г. известен Трибуналу. Поэтому мне не нужно оглашать его здесь. Положение подсудимого Кейтеля, круг его компетенции и ответственность ясно вытекают как из этого, так и целого ряда других документов. <...>

Таким образом, Гитлер создал военный штаб, для того чтобы получать консультацию по военно-техническим вопросам. Штаб назывался «верховное командование вооруженных сил» (ОКВ) и был не чем иным, как военной канцелярией фюрера и верховного главнокомандующего. Начальником военной канцелярии был назначен подсудимый Кейтель — его назвали «начальником верховного командования вооруженных сил» (начальник ОКВ). <...>

ОКВ не было самостоятельным военным учреждением или ведомством. Оно было лишь военно-техническим штабом Гитлера и его военным министерским ведомством. ОКВ не имело никаких самостоятельных полномочий. Поэтому ОКВ не могло издавать собственных приказов. Больше того, все распоряжения, декреты, директивы или приказы, которые поступали из ОКВ, были выражением воли верховного главнокомандующего вооруженных сил. <...> Мнение, что ОКВ или подсудимый Кейтель как начальник ОКВ были полномочны издавать собственные распоряжения или приказы — неправильно. Всякое устное или письменное служебное общение с другими военными учреждениями, выходящее за рамки обмена мнений, зависело от решения верховного главнокомандующего.

ОКВ являлось всего-навсего рабочим штабом верховного главнокомандования. Поэтому, если на документах, которые исходили от верховного главнокомандующего или ОКВ, имеется подпись или инициалы подсудимого Кейтеля (или начальника какого-нибудь управления или отдела ОКВ), то из этого еще нельзя сделать вывода о том, что ОКВ имело полномочия издавать самостоятельные приказы. В каждом отдельном случае дело заключается лишь в ознакомлении, препровождении и передаче приказов верховного главнокомандующего. Учитывая, что Гитлер был очень занят на постах главы государства, рейхсканцлера, руководителя партии и верховного главнокомандующего вооруженных сил, понятно, что было невозможно получать от него во всех случаях собственную подпись, даже если дело подчас касалось особо важных или имеющих принципиальное значение вопросов. Следует, однако, обратить внимание и на то, что во всех случаях необходимо было иметь решение или согласие Гитлера.

Если обвинение при таком положении вещей придерживается той точки зрения, что подписи или инициалы Кейтеля дают основание считать его ответственным за деловое содержание данных документов, то такая точка зрения не может быть одобрена. Было бы юридической формальностью считать подсудимого Кейтеля как начальника военной канцелярии ответственным за те приказы, распоряжения и т.д., которые он подписывал и препровождал дальнейшим инстанциям. Мне кажется, что ответственным за это может быть только тот, кто имел соответствующие полномочия издавать или разрешать издавать подобные приказы. Подсудимый Кейтель должен был бы нести персональную ответственность только в случае, если бы было доказано, что он по доброй воле участвовал в издании этих приказов и распоряжений и являлся их инициатором... <...>

Следует предположить, что обвинение неправильно оценило положение Кейтеля и что на точку зрения обвинения в данном случае оказал влияние фельдмаршальский ранг подсудимого. Этот ранг не имел никакого отношения к командным полномочиям подсудимого. <...>

Кейтель происходит из военной среды и одобряет принцип фюрерства в армии, согласно которому вся ответственность ложится на того, кто уполномочен отдавать приказы. <...>

Кейтель, как установлено, не был ни командующим, ни начальником генерального штаба; он был начальником военной канцелярии Гитлера, солдатом и управляющим по всем военно-министерским вопросам, т.е. «министром», как здесь говорит обвинение. <...>

<...> Обвинение совершает ошибку, когда оно характеризует Кейтеля как имперского министра, хотя и «без портфеля». Он не был министром, членом имперского правительства... Он значился в списке лишь как лицо, занимавшее высшую должность. <...>

Основным в вопросе об уголовной ответственности Кейтеля является его действительная позиция в той игре сил, которую вел Гитлер... <...>

Свидетель [американского обвинения] показал, что Канарис представлял доклады об ужасах в связи с переселением, изгнанием и уничтожением евреев, о концентрационных лагерях, преследовании церкви и убийствах душевнобольных через Кейтеля. Они через Кейтеля шли к Гитлеру. <...>

Кейтель показал, что о всех ужасах, и особенно об изгнании евреев и о концентрационных лагерях, а также об уничтожении евреев, ему ничего не было известно. Это противоречит утверждению свидетеля Гизевиуса о том, что Канарис представлял подсудимому Кейтелю доклады по указанным вопросам...

Кейтель, по показаниям свидетеля Гизевиуса, оказывал огромное влияние на армию...

Кейтель, будучи начальником ОКВ, безусловно мог оказывать влияние... Но важно другое — оказывал ли Кейтель какое-либо преступное влияние на ход событий. Даже Гизевиус подтвердил, что Кейтель не оказывал решающего влияния на руководство вооруженными силами. Это установлено и доказательствами. Особенно оскорбительным обвинением против Кейтеля было то, что он, «вместо того чтобы стать во главе подчиненных ему офицеров и их защищать, угрожал им отдачей в руки гестапо».

Однако установлено, что до 1944 г. ни один начальник управления ОКВ не был уволен, что до 20 июля 1944 г., т.е. до покушения на Гитлера и перехода юрисдикции к Гиммлеру, ни один офицер ОКВ не был передан в руки гестапо. <...>

Я напоминаю о том, что Кейтель, показывая здесь о так называемых идеологических приказах, изданных в связи с подготовкой войны и войной против России, говорил: «Я знал их содержание, я передавал их дальше, несмотря на мое отрицательное отношение к ним, хотя я знал о тяжелых последствиях, которые могли вызвать эти приказы...».

С течением времени возникло мнение, которое распространилось во всей армии, что фельдмаршал Кейтель является «поддакивателем»,

орудием Гитлера, что он предает интересы армии. То, что он изо дня в день вел постоянную борьбу с Гитлером по самым различным вопросам и с теми силами, которые оказывали на него со всех сторон влияние, генералы не видели, да они и не интересовались этим...

Подсудимый Кейтель за 37 лет военной службы, включая [Первую] мировую войну, пришел к убеждению, что принцип повиновения является самой прочной опорой, на которой зиждется армия и тем самым — безопасность страны. <...> То, что Гитлер оказывал сильное влияние на этого человека, честно восхищался им и окончательно подчинил его себе, является фактом, который признал сам Кейтель.

Это нужно принять во внимание, чтобы понять, как могло произойти, что Кейтель составлял и рассылал приказы Гитлера, которые были несовместимы со взглядами германского офицера, как, например, приказы, предъявленные советским обвинением (документы СССР-50, ПС-447 и др.). <...>

Подсудимый Кейтель открыто заявил во время допроса, что он признавал преступный характер приказов, но думал, что он не может уклониться от выполнения приказов верховного главнокомандующего вооруженными силами и главы государства, который имел право последнего слова при рассмотрении всех возражений...

Последняя и во многих случаях обоснованная надежда Кейтеля состояла в том, что командующие и подчиненные им командиры войсковых частей на практике, в пределах своего усмотрения и ответственности, вообще не будут применять суровых, даже бесчеловечных приказов или будут выполнять умеренно.

Кейтель при занимаемом им положении стоял перед дилеммой: либо неповиновение, выражающееся в отказе передавать приказы, или выполнение указаний о передаче приказов. <...>

Необходимо рассмотреть вопрос: освобождают ли эти факты подсудимого Кейтеля от уголовной ответственности.

Кейтель не оспаривает то, что несет тяжелую моральную ответственность. Он признал, что тот, кто в этой ужасной драме играл хотя бы небольшую роль, не может чувствовать себя свободным от моральной ответственности за действия, в которые был втянут. <...>

Подсудимый Кейтель признал, что приказы Гитлера нарушали нормы международного права. Устав [МВТ] установил, что солдат не может для своего оправдания ссылаться на приказ своего начальника или правительства...

Правовая проблема заговора в том разрезе, в котором ее ставило обвинение, рассмотрена моими коллегами доктором Штамером и доктором Хорном⁶⁵².

Мне кажется, что сам характер заговора несовместим с задачами солдата и должностью Кейтеля в качестве начальника ОКВ.

Военное командование на Востоке мало соприкасалось с ОКВ, в том числе со штабом оперативного руководства. Когда я говорю здесь ОКВ, я имею в виду управление ОКВ, ибо всем известно, что Гитлер как верховный главнокомандующий вооруженными силами занимался всеми вопросами руководства войной, идеологической войной и вмешивался во всё. Гитлер поддерживал постоянный контакт с главнокомандующим сухопутными силами и его штабом, пока в декабре 1941 г. он не взял на себя обязанность непосредственного командования сухопутными силами.

Объединение в одном лице должности верховного главнокомандующего вооруженными силами (ОКВ) и главнокомандующего сухопутными силами явилось, по-видимому, источником многих ошибок, приведших к обвинению в совершении тяжких преступлений со стороны ОКВ как управления или штаба и в аналогичном обвинении Кейтеля как начальника штаба.

Все, что Кейтель откровенно признал здесь, давая показания по комплексу вопросов, связанных с войной с Россией, возлагает на него уже достаточно большую ответственность, и он чувствует это. Понятно, что защита не только стремится, но и считает своим долгом четко установить в общем составе преступления по совершению ужасающих зверств и невероятных бесчеловечных злодеяний границы ответственности Кейтеля. <...>

В официальных отчетах, в которых выдвигаются обвинения против ОКВ, нет конкретных данных о том, что штаб ОКВ и Кейтель являются ответственными за организацию и осуществление злодеяний. Я не говорю здесь о фактической стороне этих документов; я указываю только на то, что Кейтель, находясь на своем посту, не имел ни полномочий, ни возможности отдавать приказы, которые привели к совершению преступлений... <...>

Господин председатель! Перед тем как начать рассмотрение вопроса о заложниках, я хочу теперь с разрешения Суда остановиться на тяжелых обвинениях, связанных с приказом «Мрак и туман». <...>

---

⁶⁵² Адвокат Штамер защищал подсудимого Геринга, а адвокат Хорн — Риббентропа. — *Прим. пер.*

Приказ «Мрак и туман», как его называли впоследствии, лежал тяжким грузом на совести Кейтеля. Он не оспаривает, что данный приказ недопустим с точки зрения международного права и что это было ему известно... <...>

В той степени, в какой военный штаб Гитлера будет рассматриваться Судом в качестве несущего ответственность, подсудимый Кейтель берет на себя ответственность в пределах своей компетенции как начальник ОКВ. <...> Перехожу к рассмотрению ответственности подсудимого Кейтеля за бесчеловечное обращение с военнопленными.

Инстанцией, занимавшейся этим вопросом в ОКВ, являлся начальник управления по делам военнопленных, которому обвинение неоднократно инкриминировало совершение преступлений. Подсудимый Кейтель считает необходимым подчеркнуть, что начальник управления по делам военнопленных был подчинен ему через общее управление вооруженных сил.

Отсюда вытекает, естественно, ответственность подсудимого Кейтеля в этой области даже в случаях, когда он лично не подписывал приказы и распоряжения, касавшиеся военнопленных. <...>

Рейхсфюрер СС [Гиммлер] пытался взять в свои руки содержание военнопленных. Возникшая на этой почве борьба привела в октябре 1944 г. к тому, что Гитлер передал их в ведение Гиммлера якобы потому, что вооруженные силы оказались слишком слабыми и были связаны соблюдением норм международного права.

Другим существенным фактором было влияние, оказываемое на Гитлера, а через него на ОКВ, со стороны органов по использованию рабочей силы в промышленности, производившей вооружение, вследствие все усиливавшегося недостатка рабочей силы.

Партийная канцелярия, германский трудовой фронт и министерство пропаганды также ведали этими чисто военными вопросами. ОКВ вело со всеми этими учреждениями, которые по преимуществу имели более сильное влияние, чем ОКВ, непрерывную борьбу.

Перечисленные обстоятельства должны быть учтены в том случае, если хотят правильно понять и оценить показания подсудимого Кейтеля. Вводу того что он выполнял свои функции «по поручению», так как Гитлер, по изложенным причинам, держал вопрос о военнопленных под личным контролем, подсудимый Кейтель почти никогда не мог добиться принятия во внимание своих личных, т.е. военных, возражений по поводу приказов и распоряжений. <...>

Я не хотел бы пройти мимо событий, которые неоднократно и справедливо были предметом обсуждения на данном процессе, а именно случая с 50 летчиками английских королевских воздушных сил, позорного дела в Сагане. <...>

Допрос подсудимого Кейтеля представителем английского обвинения выявил, в какой степени его имя связано с этими потрясающими событиями. Хотя в процессе предъявления доказательств со всей очевидностью было установлено, что Кейтель не передавал приказов Гитлера об убийствах и не слышал о них, что ни он, ни вооруженные силы ни в какой степени не были связаны с проведением данного приказа в жизнь и что, наконец, он всеми силами препятствовал передаче совершивших побег офицеров Гиммлеру и добился того, что возвращенные обратно в лагеря были спасены, все-таки у него остается удручающее чувство вины за то, что тогда он не понял, какой ужасный удар был нанесен по престижу германской армии в мире в результате такого мероприятия. <...>

Кейтель при его допросе показал, что он знал о приказах, директивах и распоряжениях, которые имели такие ужасные последствия, и что он составлял и подписывал их, не задумываясь над возможными результатами. <...> Методы СС, придававшие приказам их ужасную эффективность, были чужды и потому непонятны Кейтелю с его старыми взглядами на некоторые вопросы. Согласно его показаниям, последствия приказов в таких масштабах не были ему известны.

То же самое относится к приказу фюрера «Мрак и туман». <...> Скорее следует предположить, что, если бы он мог предвидеть их ужасное действие, он, несмотря на запрещение подачи заявлений об отставке, сделал бы вывод, который освободил бы его от ужасных угрызений совести и противодействовал бы втягиванию его из месяца в месяц в круговорот событий.

Пусть это будет гипотезой; представление доказательств дало для подтверждения его правильности известные отправные пункты. Попытка уйти со своего поста, предпринимавшаяся им пять раз, и решение покончить жизнь самоубийством, о котором дал показания генерал-полковник Йодль, дают вам возможность установить наличие серьезных намерений Кейтеля в этом отношении. Если они не претворились в жизнь, то объясняется это теми обстоятельствами, на которых я уже останавливался: неперемный и, как говорит Кейтель, неотъемлемый долг быть верным своей присяге, добросовестно выполнять свой долг до горького конца. <...>

Подсудимый Кейтель на вопрос, который так часто ставился на процессе, почему он не отказался от повиновения Гитлеру или не выступил против Гитлера, ответил, что он над этим не задумывался ни одной минуты...

Подсудимый Кейтель не слышал предостерегающего голоса мировой совести. Принципы его солдатской жизни так глубоко укоренились в нем, настолько завладели его мышлением и поступками, что он был глух ко всем соображениям, которые могли бы увести его с пути повиновения и верности в том смысле, как он их понимал.

Это поистине трагическая роль, которую сыграл подсудимый Кейтель в самой ужасной драме всех времен.

(Нюрнбергский процесс. Т. V. С. 649—677.)

ИЗ ПРИГОВОРА МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

ОБЩИЙ ПЛАН, ИЛИ ЗАГОВОР, И АГРЕССИВНЫЕ ВОЙНЫ

Трибунал теперь обращается к рассмотрению преступлений против мира, которые инкриминируются Обвинительным заключением.

Раздел I Обвинительного заключения вменяет подсудимым в вину составление общего плана, или заговора, для совершения преступлений против мира.

Раздел II Обвинительного заключения вменяет подсудимым в вину совершение конкретных преступлений против мира путем планирования, подготовки, развязывания и ведения агрессивной войны против ряда государств.

Будет удобнее рассматривать вопрос о наличии общего плана и вопрос об агрессивной войне одновременно и остановиться на вопросе об индивидуальной ответственности этих подсудимых в последующей части приговора.

Обвинение, содержащееся в Обвинительном заключении, а именно — обвинение в планировании и ведении подсудимыми агрессивных войн, является наиболее серьезным обвинением.

Война по самому своему существу — зло. Ее последствия не ограничены одними только воюющими странами, но затрагивают весь мир. Поэтому развязывание агрессивной войны является не просто преступлением международного характера — оно является тягчайшим международным преступлением, которое отличается от других военных преступлений только тем, что содержит в себе в сконцентрированном виде зло, содержащееся в каждом из остальных.

Первым актом агрессии, который инкриминируется подсудимым, согласно Обвинительному заключению, является захват Австрии и Чехословакии, а первая агрессивная война, упомянутая в обвинительном заключении, — это война против Польши, начатая 1 сентября 1939 г. До рассмотрения всего обвинения необходимо подробно остановиться на некоторых событиях, которые предшествовали этим актам агрессии. Война против Польши не была внезапным ударом грома среди ясного неба, эта война также, как захват Австрии и Чехословакии, была

преднамеренным и тщательно подготовленным актом и началась лишь после того, как было решено, что наступил подходящий момент для проведения ее, как определенной части заранее намеченной схемы и плана, потому что агрессивные планы нацистского правительства не возникли случайно в связи со сложившейся политической обстановкой в Европе и в мире. Она явилась заранее предусмотренной и весьма существенной частью внешней политики нацистов.

С самого начала национал-социалистское движение претендовало на то, что целью его является объединение германского народа в сознании его миссии и предназначения; объединение, основанное на чертах, внутренне присущих ему, как расе, и осуществляемое под руководством фюрера.

Для достижения этого объединения считалось необходимым добиться двух целей: уничтожения порядка, сложившегося в Европе со времени подписания Версальского договора, и создания Великой Германии в более широких границах, чем границы 1914 г. Это с несомненностью означало захват чужих территорий.

Война считалась неизбежным или, по крайней мере, очень вероятным условием достижения этих целей. Поэтому германский народ и его ресурсы должны были быть организованы в громадную военно-политическую армию, выученную беспрекословно подчиняться любому политическому курсу, объявленному правительством.

Подготовка агрессии

В книге «Майн кампф» Гитлер очень ясно изложил эту точку зрения. Следует помнить, что «Майн кампф» — это не личный дневник, в который записывались тайные думы Гитлера. Скорее можно сказать, что содержание этой книги объявлялось с крыш домов. Эта книга использовалась в школах и университетах, среди гитлеровской молодежи, в СА и СС и вообще среди германского народа, вплоть до того, что один экземпляр этого издания вручался в качестве подарка всем молодоженам. В 1945 г. уже было распространено 6,5 млн экземпляров этой книги. Общее ее содержание хорошо известно. Снова и снова Гитлер проповедовал в ней свое убеждение и необходимость применять силу в качестве средства разрешения международных проблем, как это выражено в следующей цитате:

«Земля, на которой мы сейчас живем, не была даром небес нашим предкам. Они должны были завоевать ее, рискуя жизнью. Точно так же

и в будущем наш народ не получит территорий и тем самым средств к существованию как благоденствие от какого-нибудь другого народа; он должен будет завоевать их силой торжествующего меча».

«Майн кампф» содержит много таких заявлений и открыто превозносит силу как орудие внешней политики.

Конкретные цели этой политики силы также подробно изложены в этой книге. Уже на первой странице утверждалось, что «Германо-Австрия должна быть воссоединена с великой германской матерью-родиной» и не на экономической основе, а потому, что «народы одной крови должны жить в пределах одной империи».

Восстановление германских границ 1914 г. объявлялось недостаточным и говорилось, что, если Германия вообще хочет существовать, она должна существовать в качестве мировой державы и обладать необходимыми для этого обширными территориями.

В «Майн кампф» совершенно ясно указывалось, где именно следует искать эти территории для расширения пространства Германии:

«Поэтому мы, национал-социалисты, совершенно намеренно очеркнули линию поведения, которой следовала предвоенная Германия в своей внешней политике. Мы положили конец вечному германскому продвижению на Юг и Запад Европы и обратили наши взоры к землям на Востоке. Мы наконец положили предел колониальной политике и торговой политике предвоенных времен и перешли к территориальной политике будущего. Но когда мы говорим о новых территориях в Европе сегодня, мы должны, главным образом, думать о России и о пограничных государствах, подчиненных ей».

«Майн кампф» не должна рассматриваться как простое литературное упражнение или как изложение неизменной политики или плана, который не может быть модифицирован. Важное значение этой книги заключается в безусловной ее агрессивной тенденции, которая ясно проходит через все ее содержание.

Планирование агрессии

Доказательства, содержащиеся в захваченных документах, показывают, что Гитлер провел четыре секретных совещания, на которых Трибунал намеревается специально остановиться в силу того, что они проливают особый свет на вопрос об общем плане и агрессивной войне.

Эти совещания состоялись 5 ноября 1937 г., 23 мая 1939 г., 22 августа 1939 г. и 23 ноября 1939 г. На этих совещаниях Гитлер сделал важные

заявления о своих целях, которые в самых своих формулировках совершенно исключают возможность ошибки.

Эти документы, излагающие содержание совещаний, были подвергнуты некоторой критике со стороны защиты. В сущности, их аутентичность не отрицается, но заявляется, например, что они не являются точными стенограммами речей, которые в них записаны, что документ, относящийся к совещанию 5 ноября 1937 г., датирован числом на пять дней более поздним, чем дата совещания, и что два документа, относящиеся к совещанию от 22 августа 1939 г., отличаются друг от друга и не подписаны.

Полностью учитывая критику такого рода, Трибунал придерживается мнения, что эти документы являются документами очень большого значения и что их аутентичность и достоверность их содержания являются установленным фактом.

Они с очевидностью представляют собой тщательную запись событий, которые в них изложены, и именно в качестве таковых они хранились в архивах германского правительства, где и были захвачены. Такого рода документы никогда не могут быть оспорены как выдуманные или даже неточные и искаженные. Они просто излагают события, которые в действительности имели место.

Совещания 23 ноября 1939 г. и 5 ноября 1937 г.

Быть может, будет более целесообразно прежде всего рассмотреть совещание от 23 ноября 1939 г., на которое Гитлер созвал своих высших командующих. Протокол того, что говорилось, был записан одним из присутствовавших. К тому времени, когда происходило совещание, Австрия и Чехословакия уже были включены в состав Германской империи. Польша была захвачена германскими армиями, а военные действия против Англии и Франции все еще находились в статическом состоянии. Наступил подходящий момент для обзора истекших событий. Гитлер информировал командующих, что целью совещания являлось дать им представление об образе его мыслей и сообщить им о его решениях. Он затем сделал обзор политических задач, начиная с 1919 г., напомнил о выходе Германии из Лиги Наций, об уходе с конференции по разоружению, о приказе о перевооружении, о введении обязательной воинской повинности, о ремилитаризации Рейнской области, захвате Австрии и операции против Чехословакии.

Он заявил: «Через год пришла очередь Австрии; этот шаг тоже рассматривался как сомнительный. Он принес с собой значительное усиление империи. Следующим шагом были Богемия, Моравия и Польша. Прежде всего надо было закончить строительство укреплений на Западе. Невозможно было достигнуть этой цели одним усилием. Для меня было ясно с самого начала, что я не могу довольствоваться Судетской территорией, принадлежавшей ранее Германии. Это было только частичное решение. Тогда было принято решение вступить в Богемию. Затем последовало создание протектората, и тем самым была создана основа для действий против Польши, но в то же время мне было еще не совсем ясно, должен ли я выступить сначала на Востоке, а потом на Западе, или наоборот. В основном я создал вооруженные силы не для того, чтобы не наносить удары. Решение нанести удар всегда существовало во мне. Рано или поздно я хотел разрешить эту проблему. По необходимости было решено, что сначала будет произведено нападение на Востоке».

Это сообщение, в котором приводится обзор прошедших событий и вновь подтверждаются агрессивные намерения, существовавшие с самого начала, не оставляют никаких сомнений относительно характера операций против Австрии и Чехословакии и войны против Польши, потому что эти операции были проведены в соответствии с планом, и характер этого плана должен быть теперь рассмотрен несколько более подробно.

На совещании 23 ноября 1939 г. Гитлер оглядывается на уже завершенные мероприятия. На более ранних совещаниях, которые будут рассмотрены нами теперь, он смотрел вперед и раскрывал перед своими сообщниками новые планы. Весьма поучительно сравнить эти совещания.

На совещании, состоявшемся в Берлине, в имперской канцелярии, 5 ноября 1937 г., присутствовал подполковник Хоссбах, личный адъютант Гитлера, который составил подробную запись совещания, датировав ее 10 ноября 1937 г., и подписал ее.

На совещании присутствовали: Гитлер, подсудимые: Геринг как главнокомандующий военно-воздушных сил, фон Нейрат как имперский министр иностранных дел и Редер как главнокомандующий военно-морского флота, а также генерал фон Бломберг — военный министр и генерал фон Фрич — главнокомандующий сухопутных сил.

Гитлер начал с заявления о том, что тема совещания является настолько важной, что в других государствах она была бы подвергнута обсуждению на заседании кабинета. Затем он заявил, что содержание его речи

является результатом его долгих размышлений и его опыта за четыре с половиной года пребывания в правительстве. Он требовал считать заявления, которые он собирался сделать, его последней волей и завещанием на случай его смерти. Лейтмотивом выступления Гитлера явился вопрос о жизненном пространстве, причем он рассматривал несколько возможных решений лишь с тем, чтобы отклонять их. Затем он заявил, что захват жизненного пространства на Европейском континенте является поэтому необходимым, и изложил свои мысли следующим образом:

«Речь идет не о захвате народов, а о захвате пространства, пригодного для сельского хозяйства. Будет также рациональнее искать территории, производящие сырье, в Европе, в непосредственной близости к империи, а не за океаном; и это решение должно быть проведено в жизнь одним или двумя поколениями. История всех времен — история Римской империи и Британской империи — доказала, что всякая территориальная экспансия возможна лишь путем преодоления сопротивления и в результате риска. Неизбежны даже неудачи. Ни раньше, ни теперь не существовало территорий без владельца. Нападающий всегда сталкивается с владельцем».

Он заключил свою речь следующим замечанием:

«Вопрос для Германии заключается в том, где возможны наибольшие завоевания при наименьших затратах».

Ничто иное не могло бы более ясно раскрыть агрессивные намерения Гитлера: последующие события доказали реальность этих намерений. Невозможно принять точку зрения, что Гитлер, по существу, не имел в виду войну, потому что после того как он заявил, что Германии следует ожидать противодействия со стороны Англии и Франции, и проанализировал силу и слабость этих держав при определенных обстоятельствах, он продолжал: «Проблемы, стоящие перед Германией, могут быть разрешены лишь силой, а это не может быть сделано без риска... Если мы сделаем решение применять силу и идти на риск основой наших стремлений, тогда нам остается лишь ответить на вопросы “когда” и “как”. В этой связи мы должны рассмотреть три различных случая».

В первом из этих трех случаев приводилось гипотетическое международное положение, при котором он должен был начать действовать не позже чем в 1943—1945 гг., причем он говорил: «Если фюрер все еще будет жить в то время, его непоколебимым решением явится разрешить германскую проблему пространства не позже чем в 1943—1945 гг. Необходимость действовать до 1943—1945 гг. будет рассмотрена в случае втором и третьем».

Второй и третий случаи, на которых остановился Гитлер, обнаруживают явное намерение захватить Австрию и Чехословакию, и в этой связи Гитлер заявил:

«Для улучшения нашего военно-политического положения первоочередной задачей при любом случае втягивания в войну является завоевать Чехословакию и Австрию одним ударом, для того чтобы устранить всякую угрозу с флангов в случае возможного продвижения на Запад».

Далее он добавил:

«Аннексия этих двух государств Германией в военном и политическом отношении даст нам значительное облегчение благодаря тому, что мы получим более короткие и более удобные границы, освободив войска для других целей, и получим возможность создать новые армии, численностью примерно до 12 дивизий».

Это решение захватить Австрию и Чехословакию обсуждается довольно подробно и принимается решение провести эту операцию сразу же после того, как представится благоприятный момент.

Военная мощь, которую Германия создавала, начиная с 1933 г., должна теперь быть направлена против двух определенных стран — Австрии и Чехословакии.

В своих показаниях подсудимый Геринг заявил, что он в то время не считал, что Гитлер в действительности имел в виду напасть на Австрию и Чехословакию, и что целью совещания было лишь оказать давление на фон Фрича с тем, чтобы ускорить перевооружение армии.

Подсудимый Редер показал, что ни он, ни фон Фрич, ни фон Бломберг не верили, что Гитлер в действительности имел в виду войну, причем подсудимый Редер утверждает, что он придерживался этого убеждения до 22 августа 1938 г. Основанием для такого рода убеждения была надежда на то, что Гитлер добьется «политического решения» проблем, стоящих перед Германией. Однако, если вникнуть в смысл, эти слова означают лишь уверенность в том, что позиция Германии будет столь хорошей, а военная мощь ее столь подавляющей, что желаемые территории будут получены без борьбы. Следует также помнить, что высказанные Гитлером намерения в отношении Австрии были фактически осуществлены через четыре с лишним месяца после совещания, а менее чем через год была захвачена первая часть Чехословакии, а еще через несколько месяцев — Богемия и Моравия. Если в ноябре 1937 г. у некоторых из его слушателей могли еще быть сомнения, то после марта 1939 г. уже не могло оставаться никаких сомнений в том, что Гитлер был абсолютно серьезен в своем решении прибегнуть к войне.

Трибунал считает доказанным, что в своем существе отчет подполковника Хоссбаха об этом совещании является правильным и что присутствовавшие знали, что Австрия и Чехословакия будут аннексированы Германией при первой представившейся возможности. <...>

Агрессия против Польши

К марту 1939 г. план аннексии Австрии и Чехословакии, который обсуждался Гитлером на совещании 5 ноября 1937 г., был осуществлен. Наступило время для руководителей Германии рассмотреть вопрос о дальнейших актах агрессии, которые было легче провести благодаря осуществлению предыдущего.

23 мая 1939 г. было созвано совещание в кабинете Гитлера, в новой имперской канцелярии в Берлине. Гитлер объявил о своем решении напасть на Польшу, изложил свои причины для этого и рассмотрел вопрос о том, каково будет воздействие этого решения на другие страны. С точки зрения времени, это было вторым из важнейших совещаний, на которые уже делались ссылки. Для того чтобы полностью оценить значение сказанного и сделанного, необходимо кратко изложить некоторые события из истории германо-польских взаимоотношений.

Еще в 1925 г. в Локарно был заключен договор об арбитраже между Германией и Польшей, предусматривавший разрешение всех споров между этими двумя странами. 29 января 1934 г. была опубликована германо-польская декларация о ненападении, подписанная от имени германского правительства подсудимым фон Нейратом. 30 января 1934 г. и вновь 30 января 1937 г. Гитлер выступил с речами в рейхстаге, в которых высказал свою точку зрения относительно того, что Польша и Германия могут жить в мире и согласии. 20 февраля 1938 г. Гитлер в третий раз выступил с речью в рейхстаге, во время которой сказал следующее в отношении Польши:

«Таким образом, был успешно проложен путь к дружескому взаимопониманию, которое, начавшись с Данцига, сегодня, вопреки попыткам некоторых интриганов, в конце концов устранило фактор, отравлявший отношения между Германией и Польшей, превратило их в искреннее и дружественное сотрудничество. Полагаясь на свои дружественные отношения, Германия не остановится ни перед чем, для того чтобы спасти тот идеал, который создает базу для выполнения стоящей перед нами задачи — установления мира».

26 сентября 1938 г., в разгар судетского кризиса, Гитлер произнес в Берлине речь, которая уже цитировалась, и заявил, что после разреше-

ния чехословацкой проблемы для Германии не будет больше существовать территориальных проблем в Европе. Тем не менее 24 ноября того же года была издана директива ОКВ германским вооруженным силам, касающаяся подготовки нападения на Данциг. В ней говорилось: «Фюрер приказал:

1. Подготовка должна также производиться для внезапной оккупации свободного города Данцига германскими войсками».

Несмотря на приказ о военных приготовлениях к оккупации Данцига, Гитлер 30 января 1939 г. в речи в рейхстаге заявил:

«В период тревожных месяцев прошлого года дружба между Германией и Польшей являлась одним из успокаивающих факторов политической жизни Европы».

За пять дней до этого, 25 января 1939 г., Риббентроп в речи в Варшаве заявил:

«Таким образом, Польша и Германия могут смотреть в будущее с полной уверенностью в прочности своих взаимоотношений».

После оккупации Германией 15 марта 1939 г. Богемии и Моравии, что являлось явным нарушением Мюнхенского соглашения, Великобритания 31 марта 1939 г. заверила Польшу в том, что в случае любого действия, которое будет угрожать независимости Польши и которому польское правительство сочтет необходимым оказать сопротивление своими вооруженными силами, Великобритания будет считать себя обязанной немедленно оказать Польше всю возможную помощь. Французское правительство заняло аналогичную позицию. Интересно отметить в этой связи, что один из доводов, часто выдвигавшийся защитой на данном процессе, заключается в том, что именно это согласие других держав побуждало подсудимых думать, что их действия не являются нарушением международного права. Декларации Великобритании и Франции показывают, по крайней мере, несостоятельность этой точки зрения.

3 апреля 1939 г. была издана новая, измененная директива ОКВ, предназначенная для вооруженных сил, в которой после освещения вопроса о Данциге говорилось

О варианте «Вейс» (военное кодовое обозначение германского вторжения в Польшу) следующее:

«Фюрер добавил следующие указания к варианту “Вейс”:

1. Вести приготовления таким образом, чтобы операция могла быть предпринята в любое время, начиная с 1 сентября 1939 г.

2. Верховному командованию вооруженными силами было поручено составить точное расписание для операций варианта “Вейс” и

путем совещаний согласовать во времени взаимодействие составных частей вооруженных сил».

11 апреля 1939 г. была подписана другая директива вооруженным силам, и в одном из приложений к этому документу имеются следующие слова:

«Необходимо избегать возникновения трений с Польшей. Однако, если Польша займет угрожающую позицию по отношению к Германии, необходимо будет окончательно разделаться с ней, несмотря на имеющийся договор с Польшей. В таком случае наша цель будет заключаться в том, чтобы сокрушить польскую военную мощь и создать на Востоке положение, которое будет отвечать требованиям обороны. Свободный город Данциг будет включен в состав Германии сразу же после начала военных действий. Целью нашей политики является локализация войны в пределах Польши, и это считается возможным, ввиду внутреннего кризиса Франции и вызванной этим обстоятельством сдержанности Англии».

Несмотря на содержание этих двух директив, Гитлер 28 апреля 1939 г. произнес в рейхстаге речь, в которой он, осветив вопрос о нежелании польского правительства якобы принять сделанное ему предложение относительно Данцига и Польского коридора, заявил следующее:

«Я глубоко сожалею об этой непонятной позиции, занятой польским правительством, но это одно не является решающим фактором. Гораздо хуже то, что Польша, подобно тому как Чехословакия год назад, под давлением лживой международной кампании поверила в то, что она должна мобилизовать войска, хотя Германия со своей стороны не призвала ни одного человека и даже не помышляла о каких-либо действиях против Польши. Намерение Германии совершить нападение является просто измышлением международной прессы».

Через четыре недели после этой речи Гитлер 23 мая 1939 г. собрал важное военное совещание, о котором уже говорилось выше. Среди участвовавших были подсудимые Геринг, Редер и Кейтель. Дежурным адъютантом был подполковник Шмундт, который произвел запись всего происшедшего и заверил подлинность записанного своей подписью. Целью этого совещания было дать возможность Гитлеру изложить свои взгляды на политическую ситуацию и ближайшие задачи руководящему составу вооруженных сил и их штабам. Дав оценку политической ситуации, перечислив события, происшедшие в период с 1933 г., Гитлер объявил о своем решении напасть на Польшу. Он признал, что причиной для нападения явились не споры с Польшей о Данциге, а

необходимость расширения «жизненного пространства» Германии и обеспечения снабжения продовольствием. Он заявил:

«Для разрешения этой проблемы нужна смелость. Принцип уклонения от разрешения проблемы путем приспособления к обстоятельствам недопустим. Обстоятельства должны быть приспособлены к целям. А это невозможно без вторжения в иностранные государства или посягательства на чужую собственность».

Позднее в своих обращениях он добавил:

«Поэтому не может быть и речи о жалости к Польше, и нам остается лишь напасть на нее при первой подходящей возможности. Мы не можем надеяться, что дело пойдет так же, как в Чехословакии. Будет война. Наша задача — изолировать Польшу. Успешность изоляции явится решающим фактором... Изоляция Польши — вопрос искусной политики».

Записи подполковника Шмундта на совещании подтверждают, что Гитлер в полной мере осознавал возможность поддержки Польши Великобританией и Францией. Поэтому в том случае, если бы не могла быть достигнута изоляция Польши, Германия, по мнению Гитлера, должна была бы первой напасть на Великобританию и Францию или взять курс главным образом на войну на Западе, для того чтобы быстрее разгромить Великобританию и Францию или, по крайней мере, уничтожить их военный потенциал. Тем не менее Гитлер подчеркнул, что война с Англией и Францией будет борьбой не на жизнь, а на смерть, которая может продлиться долгое время, и что поэтому следует подготовиться к ней соответствующим образом.

В течение недель, последовавших за этим совещанием, было создано еще несколько совещаний и были изданы директивы о подготовке к войне. Подсудимый Риббентроп был послан в Москву для ведения переговоров с Советским Союзом относительно пакта о ненападении.

22 августа 1939 г. имело место то важное совещание⁶⁵³, о котором уже говорилось выше. Обвинением были представлены в качестве до-

---

⁶⁵³ Заслуживает особого внимания тот характерный факт, что в изложении выступления Гитлера на этом секретном совещании высшего генералитета вермахта 22 августа 1939 г. по политическим соображениям (как можно предполагать по другим данным, под давлением и по категорическому требованию Сталина, с которым в то время западные союзники не могли не считаться) в приговоре опущены все высказывания фюрера о германо-советском пакте от 23 августа 1939 г. и особенно о приложенном к нему дополнительном секретном протоколе о разделе сфер влияния между Германией и СССР. Между тем по этому вопросу Гитлер

казательства два захваченных неподписанных документа, которые, по-видимому, являются записями, произведенными на этом совещании ли-

---

высказался совершенно недвусмысленно и с присущим ему цинизмом. Он сказал, в частности, следующее: «Я был убежден, что Сталин никогда не пойдет на английское предложение. Россия не заинтересована в сохранении Польши, а потом Сталин знает, что режиму его конец — все равно, выйдут ли его солдаты из войны победителями или же потерпевшими поражение. Решающее значение имела замена Литвинова [Молотовым]. Поворот в отношении России я провел постепенно. В связи с торговым договором мы вступили в политический разговор. Предложение пакта о ненападении. Затем от русских поступило универсальное предложение. Четыре дня назад я предпринял особый шаг, который привел к тому, что вчера Россия ответила, что готова на заключение пакта. Установлена личная связь со Сталиным. Фон Риббентроп послезавтра заключит договор. Итак, Польша находится в том состоянии, в каком я хотел ее видеть.

Нам нечего бояться блокады. Восток поставляет нам пшеницу, скот, уголь, свинец, цинк. <...>

В своей политической цели я иду дальше. Начало разрушению господствующего положения Англии положено. После того как я осуществил политические приготовления, путь солдатам открыт.

Нынешнее обнародование пакта о ненападении с Россией подобно разорвавшемуся снаряду. Последствия — необозримы. Сталин тоже сказал, что этот курс пойдет на пользу обеим странам. Воздействие на Польшу будет чудовищным. <...>

С осени 1938 г. <...> решение идти вместе со Сталиным. В сущности — только три великих государственных деятеля во всем мире: Сталин, я и Муссолини. Муссолини — слабейший. <...> Сталин и я — единственные, кто видят будущее. Таким образом, через несколько недель я протяну Сталину руку на общей германо-русской границе и вместе с ним предприму раздел мира. <...> Генерал-полковник Браухич обещал мне закончить войну с Польшей за несколько недель. Если бы он доложил, что мне потребуется для этого два года или хотя бы только год, я не дал бы приказа о выступлении и на время заключил бы союз не с Россией, а с Англией. Ведь никакой длительной войны мы вести не можем. Эти жалкие черви Даладье и Чемберлен, а я их узнал в Мюнхене, слишком трусливы, чтобы напасть [на нас]. Они не выйдут за рамки блокады. А у нас против этого — наша автаркия и русское сырье. Мой пакт [в 1934 г. о ненападении] с Польшей был задуман просто как выигрыш времени. А впрочем, господа, с Россией ведь проделывается то же самое, что я уже освоил на примере Польши! После смерти Сталина, а он — тяжелобольной человек, мы разгромим Советский Союз. <...> Ведение войны соответствует установлению новой границы. Вал от Ревеля (Таллинн. — *Прим. пер.*), Люблина, Кошице до устья Дуная. Остаток Польши получают русские. Риббентропу дано указание делать

цами, присутствовавшими на нем. Первый документ озаглавлен: «Речь фюрера перед главнокомандующими от 22 августа 1939 г.». Целью речи было объявление решения о немедленной войне в Польше. Гитлер начал со слов: «Мне было ясно, что рано или поздно мы подойдем к конфликту с Польшей. Это решение я принял еще весной, но я думал, что сначала, через несколько лет, я выступлю против Запада. Но этот вполне приемлемый для меня план не мог быть приведен в исполнение, после того как изменился ряд существенных моментов. Мне стало ясно, что Польша нападет на нас в случае конфликта с Западом».

Затем Гитлер продолжал объяснять причину, по которой он пришел к заключению, что именно теперь настал удобный момент для начала войны.

«Теперь, — сказал Гитлер, — Польша как раз в таком положении, какого я желал... я опасюсь только того, что в последний момент какая-нибудь свинья сделает предложение о посредничестве... ликвидация гегемонии Англии начата».

Этот документ очень сходен с одним из документов, представленных в качестве доказательства по делу подсудимого Редера. Упомянутый документ содержит краткий обзор той же самой речи, составленный в день ее произнесения неким адмиралом Бёмом⁶⁵⁴ по записям, сделанным им во время совещания. Суть документа состоит в том, что настал момент решить спор с Польшей путем военного вторжения; что, хотя конфликт между Германией и Западом когда-нибудь неизбежен, вероятность того, что Великобритания и Франция придут на помощь Польше, — невелика, а что, если даже завяжется война с Западом, первой задачей будет сокрушение польской военной мощи. Он также содержит заявление Гитлера о том, что будет дан соответствующий пропагандистский повод для вторжения в Польшу, правдоподобность которого не имеет значения, так как «победителей не судят».

Второй неподписанный документ, представленный обвинением и озаглавленный «Вторая речь фюрера от 22 августа 1939 г.», представляет собой изложение основных моментов речи Гитлера, Из них нами приводятся некоторые:

«Каждый должен ясно представить себе, что мы с самого начала были полны решимости воевать с Западом. Борьба не на жизнь, а на

любое предложение и принимать любое предложение русских <...>». Цит. по: Откровения и признания. С. 91—96. — *Прим. пер.*

⁶⁵⁴ Очевидно, имеется в виду адмирал Бёме. — *Прим. ред. сб.*

смерть... Прежде всего уничтожение Польши. Задача — уничтожение живой силы, а не достижение какой-либо определенной географической линии. Если даже завяжется война с Западом, уничтожение Польши будет основной задачей... Я дам пропагандистский предлог для начала войны — неважно, будет ли он правдоподобен. Победителя никто никогда не спросит, говорил ли он правду. В начале и ходе войны важно не право, а победа... Приказ о начале, по всей вероятности, будет дан утром в субботу» (т.е. 26 августа).

Несмотря на то что это выступление называется второй речью, есть достаточное количество общих мест с двумя ранее упомянутыми документами, дающими возможность считать этот документ отчетом о той же речи, не столько подробным, как два других, но в сути своей совпадающим.

Эти три документа устанавливают, что окончательное решение относительно даты начала уничтожения Польши, намеченной и обсужденной ранее в том же году, было принято Гитлером незадолго до 22 августа 1939 г. Они показывают, что, хотя он надеялся избежать войны с Великобританией и Францией, он полностью отдавал себе отчет в наличии опасности пойти на этот риск.

События последних дней августа подтвердили это решение. 22 августа 1939 г., в тот же день, когда была произнесена эта речь, на которую мы только что ссылались, премьер-министр Великобритании [Чемберлен] обратился с письмом к Гитлеру, в котором писал:

«Таким образом, выяснив наши позиции, я хочу повторить вам мое убеждение в том, что война между нашими народами будет величайшим из возможных бедствий».

23 августа Гитлер ответил:

«Решение вопроса о разрешении европейских проблем на мирной основе зависит не от Германии, а главным образом от тех, кто с момента преступления, совершенного созданием Версальского диктата, упорно и настойчиво противился его мирному пересмотру. И только после изменения позиции несущих за это ответственность держав могут произойти изменения в отношениях между Англией и Германией».

Затем в адрес Гитлера последовал ряд обращений с тем, чтобы предотвратить превращение польского вопроса в войну, в частности, от президента Рузвельта — 24 и 25 августа, от Его Святейшества папы римского — 24 и 30 августа и от господина Даладьё, премьер-министра Франции, — 26 августа. Однако Гитлер остался глух к этим призывам.

25 августа Великобритания подписала пакт о взаимопомощи с Польшей, подтвердивший обязательства, данные Англией Польше в начале года. Это вместе с известиями о нежелании Муссолини начать войну на стороне Германии заставило Гитлера некоторое время колебаться. Вторжение в Польшу, начало которого было запланировано на 26 августа, было отложено до следующей попытки убедить Великобританию не вмешиваться.

Гитлер предложил Великобритании заключить широкое соглашение, как только вопрос будет разрешен. В ответ на это Великобритания сделала контрпредложение — разрешить польский вопрос путем переговоров. 29 августа Гитлер сделал заявление британскому послу о том, что правительство Германии, несмотря на свое скептическое отношение к результатам, будет готово начать непосредственные переговоры с польским представителем, если последний прибудет в Берлин до полуночи следующего числа 30 августа и будет облечен чрезвычайными полномочиями. Польское правительство было поставлено в известность об этом, но, помня пример Шушнига и Гахи, решило не посылать такого представителя.

В полночь 30 августа подсудимый Риббентроп бегло прочитал британскому послу документ, в котором впервые приводилось точное изложение германских требований Польше. Он, однако, отказался дать послу копию документа и заявил, что в любом случае уже слишком поздно, так как полномочный представитель Польши не прибыл.

Трибунал считает, что характер ведения Гитлером и Риббентропом этих переговоров делает совершенно ясным, что они начали их не с честными намерениями и не стремились с их помощью добиться сохранения мира, а руководствовались лишь желанием предотвратить выполнение Великобританией и Францией гарантий по отношению к Польше.

Одновременно с этими переговорами Геринг предпринимал безуспешные попытки изолировать Польшу, стараясь убедить Великобританию не сдерживать данного ею слова через некоего шведа Биргера Далеруса, который вызывался в качестве свидетеля защиты по делу Геринга, имел обширные сведения об Англии и о положении вещей в Англии и в июле 1939 г. был исполнен желания помочь Англии и Германии добиться лучшего взаимопонимания в надежде предотвратить войну между этими двумя странами. Он вошел в контакт как с Герингом, так и с официальными кругами в Лондоне; во второй половине августа Геринг использовал его в качестве неофициального посредника для того,

чтобы отговорить правительство Великобритании от противодействия германским намерениям в отношении Польши. Далерус, конечно, в то время не знал о решении Гитлера, секретно сообщенном 22 августа, а также и о германских военных директивах относительно нападения на Польшу, которые уже существовали. Согласно его показаниям, только после 26 сентября, т.е. после того как захват Польши был в основном закончен, он впервые осознал, что целью Геринга было заручиться согласием Великобритании на захват Польши Германией.

После того как все попытки убедить Германию согласиться на урегулирование спора с Польшей на разумных основаниях провалились, 31 августа Гитлер издал свою окончательную директиву, в которой отметил, что нападение на Польшу должно начаться ранним утром 1 сентября, и дал указание о необходимых мерах в случае вступления Англии и Франции в войну на стороне Польши.

По мнению Трибунала, события в дни, предшествовавшие 1 сентября 1939 г., свидетельствуют о решимости Гитлера и его приспешников любой ценой осуществить объявленное им намерение захватить Польшу, несмотря на обращения к нему со всех концов света. Имея перед собой всё новые и новые доказательства того, что это намерение приведет к войне также с Англией и Францией, Гитлер бесповоротно решил не отклоняться от взятого курса.

Трибунал считает полностью доказанным, что война, начатая Гитлером 1 сентября 1939 г., была явно агрессивной войной, которая не могла впоследствии не превратиться в войну, охватившую почти весь мир, и обусловила совершение бесчисленных преступлений как против законов и обычаев войны, так и против человечности. <...>

Агрессивная война против Союза Советских Социалистических Республик

23 август 1939 г. Германия подписала пакт о ненападении с Союзом Советских Социалистических Республик⁶⁵⁵.

Представленные доказательства безошибочно показывают, что Советский Союз, со своей стороны, придерживался условий этого пакта; и действительно, само германское правительство получало заверения в

---

⁶⁵⁵ Какое-либо упоминание о секретном дополнительном протоколе к этому пакту о разделах сфер влияния между Германией и СССР в приговоре отсутствует. — *Прим. пер.*

этом из авторитетных германских источников. Так, германский посол в Москве [граф фон дер Шуленбург] сообщил правительству, что Советский Союз будет воевать только в том случае, если на него нападет Германия, и это заявление зафиксировано в германском дневнике боевых действий от 6 июня 1941 г.

Однако уже в конце лета 1940 г. Германия начала подготовку к нападению на СССР, невзирая на пакт о ненападении. Эта операция планировалась секретно под условным названием план «Барбаросса», и бывший фельдмаршал Паулюс показал, что 3 сентября 1940 г., когда он стал сотрудником германского генерального штаба, он продолжал разработку плана «Барбаросса», которая окончательно была завершена к началу ноября 1940 г., и даже тогда германский генеральный штаб не имел никаких сведений о том, что Советский Союз подготавливается к войне.

18 декабря 1940 г. Гитлер издал директиву № 21, на которой стояли инициалы Кейтеля и Йодля и которая требовала окончания всех приготовлений, связанных с выполнением плана «Барбаросса», 15 мая 1941 г.

Эта директива гласила:

«Германские вооруженные силы должны быть подготовлены, чтобы разгромить Советскую Россию в быстрой кампании, до окончания войны с Англией. Должны быть приняты меры предосторожности для того, чтобы не были обнаружены намерения совершить нападение...»

До издания директивы от 18 декабря 1940 г. подсудимый Геринг сообщил об этом генералу Томасу — начальнику управления военной экономики ОКВ, и генерал Томас составил обзор экономических возможностей СССР, включая сырьевые ресурсы, энергетические мощности, транспортную систему и его производственные мощности в области вооружений. В соответствии с этим обзором под непосредственным руководством Геринга был создан экономический штаб по делам восточных территорий со многими военно-хозяйственными учреждениями (инспекциями, командами, группами). Совместно с военным командованием эти учреждения должны были добиться как можно более полной и эффективной экономической эксплуатации оккупированных территорий в интересах Германии.

После совещаний и помощи со стороны подсудимых Кейтеля, Йодля, Редера, Функа, Геринга, Риббентропа, Фрика, Шираха и Фриче или их представителей подсудимый Розенберг в течение трех месяцев разрабатывал основы будущей политической и экономиче-

ской организации оккупированных территорий. Это явилось предметом очень подробного отчета, составленного немедленно после вторжения.

В этих планах намечалось уничтожение Советского Союза как независимого государства, его расчленение, создание так называемых имперских комиссариатов и превращение Эстонии, Латвии, Литвы, Белоруссии и некоторых других территорий в германские колонии.

В то же время Германия вовлекла в войну против СССР Венгрию, Румынию и Финляндию. В декабре 1940 г. Венгрия согласилась принять участие в войне, за что Германия обещала ей некоторые территории за счет Югославии.

В мае 1941 г. было достигнуто окончательное соглашение с Антоне-ску — премьер-министром Румынии — по поводу нападения на СССР, согласно которому Германия обещала Румынии Бессарабию, Северную Буковину и право оккупировать советскую территорию до Днепра.

22 июня 1941 г. без объявления войны Германия вторглась на советскую территорию в соответствии с заранее подготовленными планами.

Доказательства, представленные Трибуналу, подтверждают, что Германия имела тщательно разработанные планы сокрушить СССР как политическую и военную державу, для того чтобы расчистить путь для экспансии Германии на Восток, в соответствии с ее стремлениями. В «Майн кампф» Гитлер писал:

«Если мы хотим приобрести новую территорию в Европе, то это может быть сделано в основном за счет России, и опять новая германская империя должна следовать по стопам тевтонских рыцарей. Но на этот раз земли для германского плуга будут приобретены германским мечом, и таким образом мы обеспечим нации хлеб насущный».

Но существовала еще одна, более непосредственная цель, и в одном меморандуме, изданном ОКВ, указывалось, что эта ближайшая цель заключалась в том, чтобы прокормить немецкие армии за счет советских территорий на третьем году войны, даже если «в результате этого погибнут многие миллионы людей от голода, вследствие того что мы вывезем из страны все необходимое для нас».

Конечные цели нападения на Советский Союз были сформулированы на совещании у Гитлера 16 июля 1941 г., в котором принимали участие подсудимые Геринг, Кейтель, Розенберг и Борман.

«Создание военной державы западнее Урала не может снова стать на повестку дня, даже если бы нам для этого пришлось воевать 100 лет...

Вся Прибалтика должна стать частью империи. Крым с прилегающими районами (область севернее Крыма) также должен быть включен в состав империи. Приволжские районы точно так же, как и район Баку, должны быть включены в империю. Финны хотят получить Восточную Карелию. Однако ввиду больших залежей никеля, Кольский полуостров должен отойти к Германии».

От имени подсудимых выдвигалось утверждение о том, что нападение на СССР было оправдано потому, что Советский Союз намеревался напасть на Германию и готовился к этому. Невозможно поверить, что эта точка зрения когда-либо являлась искренним убеждением. <...>

Убийства военнопленных и жестокое обращение с ними

Статья 6 Устава определяет военные преступления следующими словами:

«Военные преступления, а именно: нарушение законов или обычаев войны. К этим нарушениям относятся убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень; разорение, не оправданное военной необходимостью, и другие преступления».

За время войны многих сдававшихся немцам в плен солдат союзных армий немедленно расстреливали, часто в результате преднамеренной и рассчитанной политики. 18 октября 1942 г. подсудимый Кейтель разослал утвержденную Гитлером директиву, которая предусматривала, что все члены союзных соединений «коммандос», часто даже те, кто был одет в военную форму, независимо от того, были ли они вооружены или нет, должны были «уничтожаться до последнего человека», даже если они пытались сдаться в плен. Далее предусматривалось, что, если такие части союзных войск попадали в руки военных властей, после того как они были захвачены местной полицией или каким-либо иным путем, они должны были немедленно передаваться СД. Этот приказ время от времени дополнялся и действовал на протяжении всего остального периода войны, хотя после высадки союзников в Нормандии в 1944 г. было дано разъяснение, что этот приказ не относится к «коммандос», захваченным

непосредственно в зоне военных действий. Согласно положениям этого приказа, отряды «коммандос» из войск союзников и другие военные части, действовавшие самостоятельно, уничтожались в Норвегии, Франции, Чехословакии и Италии. Многих из членов отрядов «коммандос» убивали на месте, а тем, кого убивали позднее в концентрационных лагерях, ни в одном из случаев не было предоставлено возможности предстать перед каким-либо судом. <...> В марте 1944 г. командование сухопутными силами издало декрет «Пуля», согласно которому все бежавшие военнопленные офицеры и унтер-офицеры, за исключением английских и американских военнопленных, в случае если их захватывали вновь, должны были быть переданы ЗИПО⁶⁵⁶ или СД. <...>

В марте 1944 г. 50 офицеров британского королевского воздушно-го флота, бежавших из лагеря в Сагане, где они находились в качестве пленных, были расстреляны по прямому приказу Гитлера, после того как были пойманы. Их трупы были немедленно подвергнуты кремации, а урны, содержавшие прах, возвращены в лагерь. Подсудимые здесь не оспаривали то, что это являлось явным убийством, совершенным в явное нарушение международного права.

Когда союзные летчики были вынуждены совершать посадку в Германии, гражданское население иногда убивало их на месте. Полиция была инструктирована не принимать мер к предотвращению этих убийств, и у министра юстиции имелись указания не привлекать никого к ответственности за участие в этих убийствах.

Обращение с советскими военнопленными характеризовалось особенной бесчеловечностью. Смерть многих из них являлась результатом не только действий отдельных членов охраны или условий жизни в лагерях, доходивших до крайностей. Она являлась результатом систематического плана совершения убийств. Более чем за месяц до вторжения Германии в Советский Союз ОКВ подготовило специальные планы того, каким образом следует обращаться с представителями политической власти, находившимися в советских вооруженных силах, которые могли быть захвачены в плен. Одно из предложений в этой связи заключалось в том, что «политические комиссары армии не должны рассматриваться как военнопленные — их следует уничтожать в пересыльных лагерях для военнопленных». Подсудимый Кейтель по-

---

⁶⁵⁶ Аббревиатура от нем. die Sicherheitspolizei (SIPO) — полиция безопасности. — *Прим. пер.*

казал, что германской армии были даны инструкции, включавшие вышеупомянутые предложения.

8 сентября 1941 г. были изданы правила об обращении с советскими военнопленными, подписанные генералом Рейнике — начальником управления по делам военнопленных при верховном командовании. В этих правилах говорилось:

«Большевистский солдат потерял поэтому право на то, чтобы с ним обращались как с честным противником в соответствии с правилами Женевской конвенции... При малейшем намеке на неподчинение, особенно в случае с большевистскими фанатиками, должен быть отдан приказ о безжалостном и энергичном действии. Неподчинение, активное или пассивное сопротивление должны быть сломлены немедленно силой оружия (штыки, приклады и огнестрельное оружие)... Каждый, кто при проведении этого приказа не прибегнет к своему оружию, подлежит наказанию... В военнопленных, пытавшихся бежать, следует стрелять без предварительного оклика. Никогда не следует делать предупреждающего выстрела. Использование оружия против военнопленных является, как правило, законным».

Советские военнопленные были лишены необходимой одежды, раненые не получали медицинской помощи, они голодали и во многих случаях были обречены на смерть.

17 июля 1941 г. гестапо издало приказ, предусматривавший убийство всех советских военнопленных, которые были или могли быть опасны для национал-социализма. Приказ гласил:

«Задачей командиров ЗИПО и СД, находящихся в шталагах⁶⁵⁷, является политическая проверка всех заключенных лагеря, устранение и дальнейшая “обработка”: а) всех политически преступных элементов, находящихся среди них; б) всех лиц, которые могут быть использованы для восстановления оккупированных территорий... Далее, эти командиры должны с самого начала приложить усилия для выявления среди заключенных тех элементов, которые кажутся надежными независимо от того, являются ли они коммунистами или нет, для того чтобы использовать их в целях разведки внутри самого лагеря или, если это окажется целесообразным, позднее также на оккупированных территориях. Путем использования таких информаторов и путем использования всех других существующих возможностей должно продолжаться шаг

---

⁶⁵⁷ Стационарный лагерь для военнопленных. — *Прим. пер.*

за шагом обнаружение всех элементов среди заключенных, которые должны быть уничтожены.

Прежде всего должны быть обнаружены следующие лица: все крупные деятели государства и партии, в особенности профессиональные революционеры... Все комиссары Красной Армии, руководящие деятели государства, руководящие деятели промышленности и хозяйства, все евреи, все лица, в отношении которых будет доказано, что они являются агитаторами или фанатичными коммунистами. Казни не должны иметь место в самом лагере или в непосредственной близости от него... Если возможно, заключенные должны быть вывезены для применения к ним «специального обращения» на территории бывшей Советской России».

Письменные показания под присягой Варлимонта — заместителя начальника штаба вооруженных сил <...> указывают на ту тщательность, с которой проводился этот приказ. <...>

В некоторых случаях советских военнопленных клеймили специальным стандартным клеймом. В качестве доказательства был представлен приказ ОКВ от 20 июля 1942 г. <...>

Довод, выдвигаемый в защиту против обвинения в убийстве и жестоком обращении с советскими военнопленными, заключающийся в том, что СССР не является участником Женевской конвенции, является совершенно неосновательным. 15 сентября 1941 г. адмирал Канарис протестовал против правил об обращении с советскими военнопленными, подписанных генералом Рейнике 8 сентября 1941 г. Он заявил тогда:

«Женевская конвенция об обращении с военнопленными не распространяется на отношения между Германией и СССР. Поэтому применимы лишь принципы общего международного права об обращении с военнопленными. Начиная с XVIII в. они устанавливались постепенно на той основе, что пребывание в военном плену является ни мезтью, ни наказанием, а исключительно превентивным заключением, единственной целью которого является воспрепятствовать данному военнопленному принимать дальнейшее участие в военных действиях. Этот принцип развивался в соответствии с точкой зрения, разделявшейся всеми армиями, о том, что убивать беззащитных людей или наносить им вред противоречит военной традиции... Приложенные к сему распоряжения об обращении с советскими военнопленными базируются на совершенно противоположной точке зрения».

Этот протест, который правильно излагал положение вещей с точки зрения права, был игнорирован. Подсудимый Кейтель написал в этом меморандуме следующее:

«Возражения возникают из идеи о рыцарском ведении войны. Это означает разрушение идеологии. Поэтому я одобряю и поддерживаю эти меры». <...>

Убийства гражданского населения и жестокое обращение с ним

<...> В приказе, изданном подсудимым Кейтелем 23 июля 1941 г., проект которого был разработан подсудимым Йодлем, говорилось:

«Учитывая громадные пространства оккупированных территорий на Востоке, наличия вооруженных сил для поддержания безопасности на этих территориях будет достаточно лишь в том случае, если всякое сопротивление будет караться не путем судебного преследования виновных, а путем создания такой системы террора со стороны вооруженных сил, которая будет достаточна для того, чтобы искоренить у населения всякое намерение сопротивляться. Командиры должны изыскать средства для выполнения этого приказа путем применения драконовских мер».

Из доказательств явствует, что этот приказ безжалостно проводился в жизнь на территории Советского Союза и в Польше. <...>

В августе 1942 г. один из подчиненных Розенберга следующим образом суммировал политику в отношении Восточных территорий, которая была ранее сформулирована Борманом:

«Славяне должны на нас работать. Если они нам более не нужны, они могут умереть. Поэтому обязательные прививки и медицинское обслуживание немецкими врачами являются излишними. Рост славянского населения является нежелательным».

В октябре 1943 г. Гиммлер вновь заявил: «Меня ни в малейшей степени не интересует судьба русского или чеха. Мы возьмем от других наций ту здоровую часть нашего типа, которую они смогут нам дать. Если в этом явится необходимость, мы будем отбирать у них детей и воспитывать их в нашей среде. Вопрос о том, процветает ли данная нация или умирает с голоду, интересует меня лишь постольку, поскольку представители данной нации нужны нам в качестве рабов для нашей культуры; в остальном их судьба не представляет для меня никакого интереса». <...>

Генеральный штаб и верховное командование

Обвинение также просило, чтобы генеральный штаб и верховное командование вооруженных сил были признаны преступной организацией. Трибунал считает, что не следует принимать какого-либо решения о признании преступной организацией генерального штаба и верховного командования. Хотя число лиц, которым предъявлено обвинение, больше, чем в имперском кабинете, оно все же настолько мало, что путем индивидуальных судов над этими офицерами можно будет достигнуть лучшего результата, чем путем вынесения Трибуналом решения, требуемого обвинением. Но еще более убедительной причиной является то, что, по мнению Трибунала, генеральный штаб и верховное командование не представляют собой ни «организации», ни «группы», согласно определению этих терминов в статье 9 Устава.

Необходимо сделать некоторые замечания о характере этой так называемой группы. Согласно Обвинительному заключению и доказательствам, которые представлены Трибуналу, эта группа состоит примерно из 130 офицеров, живых и мертвых, которые в то или иное время, начиная с февраля 1933 г., когда Гитлер реорганизовал вооруженные силы, и до мая 1945 г., когда Германия капитулировала, занимали определенные посты в военной иерархии.

Эти люди являлись высшими офицерами в трех составных частях вооруженных сил: ОКХ — армии, ОКМ — военно-морской флот и ОКЛ — военно-воздушные силы. Над ними стояло единое руководство вооруженными силами — ОКВ — верховное командование германских вооруженных сил во главе с Гитлером — верховным главнокомандующим.

Офицеры ОКВ, включая подсудимого Кейтеля — начальника [штаба] верховного командования, были в некотором роде личным штабом Гитлера. В более широком смысле они координировали действия трех составных частей вооруженных сил, в особенности в области планирования и в вопросах оперативного характера, и руководили ими.

Отдельные офицеры этой так называемой группы в то или другое время принадлежали к одной из четырех категорий: 1) главнокомандующий одной из трех частей вооруженных сил; 2) обербефельсхаберы, главнокомандующие действующими армиями; 3) командующие армиями одной из трех частей вооруженных сил, которые составляли, конечно, наибольшую группу из числа этих лиц; 4) офицеры ОКВ, их было 3: подсудимые Кейтель и Йодль и заместитель Йодля — Варли-

монт. Именно в таком смысле употребляет Обвинительное заключение термин «генеральный штаб и верховное командование».

Здесь обвинение делает разграничение. Обвинение не обвиняет стоящих ниже на одну ступень военной иерархии командующих армейских корпусов и лиц соответствующего им ранга во флоте и в воздушных силах и еще ниже стоявших — командиров дивизий или лиц соответствующих им рангов в других частях вооруженных сил. Не включаются сюда также штабные офицеры любого из четырех штабов — ОКВ, ОКХ, ОКМ и ОКЛ, а также прошедшие специальную подготовку специалисты, которых обычно называли офицерами генерального штаба.

Таким образом, в действительности перечисленные в Обвинительном заключении лица представляют собой высших военных руководителей Германской империи. Не делалось серьезной попытки утверждать, что они составляли «организацию» в смысле определения статьи 9 Устава. Скорее утверждалось, что они представляли «группу» — термин, который является более широким по значению и масштабам, чем «организация».

Трибунал не считает, что это так. Согласно доказательствам, разработка ими планов в штабах, постоянные совещания между штабными офицерами и армейскими офицерами, их оперативная тактика на поле боя и в штабах были очень сходны с теми, которые практиковались в армиях, флотах и воздушных силах всех других стран. Систему единого руководства ОКВ в вопросах координации и управления можно сравнить с похожей, хотя и несколько отличной системой, используемой другими вооруженными силами, как, например, с англо-американским объединенным штабным руководством.

Говорить о существовании ассоциации или группы, исходя из такого метода их действия, по мнению Трибунала, нелогично. По этой теории верховное военное руководство любой другой страны также является ассоциацией, а не тем, чем оно в действительности является, — собранием военных, определенным числом лиц, которые в известный период времени занимали высокие военные посты.

Много доказательств и аргументов сконцентрировалось вокруг вопроса о том, было ли членство в этих организациях добровольным или нет; в данном случае Трибуналу кажется, что это не является вопросом по существу. Эта так называемая преступная организация имеет одну черту, которая является главной и резко отличает данную организацию от пяти других, поименованных в Обвинительном заключении. Когда

кто-нибудь становился, например, членом СД, он делал это добровольно, зная, что он вступает в какую-то организацию.

Что же касается генерального штаба и верховного командования, то такой человек не мог знать, что он вступает в группу или ассоциацию, потому что таковой не существовало, пока она не была объявлена существующей Обвинительным заключением. Такой человек лишь знал, что он достиг какого-то высокого положения в одной из трех частей вооруженных сил, и не мог отдавать себе отчета в том, что он становился членом некоего конкретного целого, которое могло быть определено как «группа» в обычном значении этого слова. Его отношения со своими собратями-офицерами в своей части вооруженных сил в основном были похожи на те, которые существуют на военной службе во всем мире.

Трибунал поэтому не объявляет генеральный штаб и верховное командование преступной организацией⁶⁵⁸.

Хотя Трибунал и считает, что термин «группа» в статье 9 должен означать нечто большее, чем собрание офицеров, все же заслушал много показаний об участии этих офицеров в планировании и ведении агрессивной войны, в совершении военных преступлений и преступлений против человечности. Эти доказательства в отношении многих из них ясны и убедительны.

Они были ответственны в большой степени за несчастья и страдания, которые обрушились на миллионы мужчин, женщин и детей. Они опозорили почетную профессию воина. Без их военного руководства агрессивные устремления Гитлера и его нацистских сообщников были бы отвлеченными и бесплодными. Хотя они и не составляли группу, подпадающую под определение Устава, они, безусловно, представляли собой безжалостную военную касту. Современный германский милитаризм расцвел на короткое время при содействии своего последнего союзника — национал-социализма так же или еще лучше, чем в истории прошлых поколений.

Многие из этих людей сделали насмешкой солдатскую клятву повиновения военным приказам. Когда это в интересах их защиты, они заявляют, что должны были повиноваться. Когда они сталкиваются с ужасными гитлеровскими преступлениями, которые, как это установлено, были общеизвестны для них, они заявляют, что не повиновались.. Истина состоит в том, что они активно участвовали в совершении всех

---

⁶⁵⁸ См. Особое мнение члена Международного военного трибунала от СССР И.Т. Никитченко по данному вопросу см. далее.

этих преступлений или были безмолвными и покорными свидетелями совершавшихся преступлений в более широких и более потрясающих масштабах, чем мир когда-либо имел несчастье знать. Об этом должно быть сказано.

В тех случаях, когда факты требуют этого, эти люди должны быть преданы суду, с тем чтобы те из них, которые повинны в совершении этих преступлений, не избежали кары.

* * *

В соответствии со статьей 26 Устава, требующей, чтобы приговор Трибунала в отношении виновности или невиновности подсудимых был мотивирован, Трибунал приводит следующие основания, по которым он выносит приговор о виновности или невиновности подсудимых. <...>

ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ПРИГОВОРА

Кейтель обвиняется по всем четырем разделам Обвинительного заключения. Он был начальником штаба с 1935 г. по 4 февраля 1938 г. при фон Бломберге, когда тот был военным министром; в этот день Гитлер принял на себя командование вооруженными силами, назначив Кейтеля начальником верховного командования вооруженными силами. Кейтель не имел командных прав над тремя частями вооруженных сил, командующие которыми пользовались прямым доступом к верховному главнокомандующему. Верховное командование вооруженными силами являлось, по существу, военным штабом Гитлера.

Преступления против мира

Кейтель вместе с двумя другими генералами присутствовал на совещании с Шушнигом в феврале 1938 г. Их присутствие, как он признал, было «военной демонстрацией», но, поскольку он был назначен начальником ОКВ только за неделю до того дня, он не знал, зачем он был вызван. Затем Гитлер и Кейтель продолжали оказывать давление на Австрию с помощью ложных слухов, радиопередач и военных маневров. Кейтель провел все военные и иные мероприятия, и в дневнике Йодля по этому поводу записано: «Они действовали быстро

и сильно». Когда Шушницг назначил плебисцит, Кейтель в ту же ночь сообщил об этом Гитлеру и его генералам, и Гитлер издал директиву — план «Отто», под которой Кейтель поставил свои инициалы.

21 апреля 1938 г. Гитлер и Кейтель обсудили вопрос об использовании возможного «инцидента», как, например, убийства германского посла в Праге, в качестве предлога к нападению на Чехословакию. Кейтель подписал много директив и меморандумов по плану «Грюн», включая директиву от 30 марта, содержавшую заявление Гитлера: «Моим неизменным решением является разгромить Чехословакию вооруженными силами в ближайшем будущем». После Мюнхена Кейтель поставил свои инициалы под директивой Гитлера о нападении на Чехословакию и издал два дополнения к ней. Во втором дополнении говорилось, что это нападение должно предстать перед внешним миром «лишь как акт умиротворения, но не как мероприятие военного характера». Начальник ОКВ присутствовал при переговорах Гитлера с Гахой, когда последний уступил требованиям Гитлера.

Кейтель присутствовал 23 мая 1939 г., в день, когда Гитлер объявил о своем решении «напасть на Польшу при первой удобной возможности». К этому времени он уже подписал директиву, предписывавшую вооруженным силам представить ОКВ к 1 мая плановую таблицу проведения варианта «Вейс». 12 декабря 1939 г. он обсуждал с Гитлером, Йодлем и Редером вопрос о вторжении в Норвегию и Данию. Директивой от 27 января 1940 г. проведение плана в отношении Норвегии было передано под «непосредственное личное руководство» Кейтеля. Гитлер заявил 23 мая 1939 г., что он будет игнорировать нейтралитет Бельгии и Нидерландов, и Кейтель подписал приказы о нападении на эти страны 15 октября, 20 ноября и 25 ноября 1939 г. Все 17 последовательных приказов об отсрочке этого нападения, изданных до весны 1940 г., были подписаны Кейтелем или Йодлем.

Составление конкретных планов действий в отношении Греции и Югославии началось в ноябре 1940 г. 18 марта 1941 г. Кейтель слышал, как Гитлер сказал Редеру, что полная оккупация Греции является предпосылкой общего урегулирования; он также слышал, как 27 марта Гитлер распорядился о разгроме Югославии «с безжалостной суровостью».

Кейтель показал, что он противился вторжению в Советский Союз по военным соображениям и также потому, что это было бы нарушением пакта о ненападении. Тем не менее он поставил свои инициалы под планом «Барбаросса», подписанным Гитлером 18 декабря 1940 г.,

и участвовал на совещании Гитлера с ОКВ и главнокомандующими 3 февраля 1941 г. В приложении, изданном Кейтелем 13 марта, устанавливался порядок взаимоотношений между представителями армии и политическими работниками. Он издал плановую таблицу по вторжению 6 июня и участвовал 14 июня в инструктивном совещании, на котором генералы представляли свои окончательные доклады перед нападением. Он назначил Йодля и Варлимонта представителями от ОКВ по вопросам, касающимся восточных территорий, при министерстве Розенберга. 16 июня он распорядился о том, чтобы все соединения армии проводили экономические директивы по использованию русской территории и разграблению продовольствия и сырьевых материалов, изданные Герингом в так называемой «Зеленой папке».

Военные преступления и преступления против человечности

4 августа 1942 г. Кейтель издал директиву о том, что парашютисты должны передаваться СД. 18 октября Гитлер издал приказ о «коммандос», который в нескольких случаях был проведен в жизнь. После высадки в Нормандии Кейтель подтвердил этот приказ и позднее распространил его на специальные отряды союзных «коммандос», сражавшихся вместе с партизанами. Он признает, что не считал этот приказ законным, но утверждает, что не мог помешать Гитлеру издать его.

Когда 8 сентября 1941 г. ОКВ издал приказ о советских военнопленных, Канарис написал Кейтелю, что в соответствии с международным правом СД не должна иметь к этому никакого отношения. На этом меморандуме рукой Кейтеля сделана пометка, под которой он поставил свои инициалы: «Возражения возникают из представления о рыцарском ведении войны. Это является разрушением идеологии. Поэтому я одобряю и поддерживаю все меры». Кейтель в своих показаниях заявил, что на самом деле он был согласен с Канарисом и спорил с Гитлером, но безуспешно. Начальник ОКВ распорядился о том, чтобы военные власти сотрудничали с эйнзатцштабом Розенберга в разграблении культурных ценностей на оккупированных территориях.

Лахузен⁶⁵⁹ показал, что 12 сентября 1939 г. Кейтель, в то время когда они находились в штабном поезде Гитлера, заявил ему, что

---

⁶⁵⁹ По-немецки: Lachausen; один из руководителей абвера. — *Прим. пер.*

польская интеллигенция, дворянство и евреи должны быть ликвидированы. 20 октября Гитлер сказал Кейтелю, что нельзя допускать, чтобы интеллигенция могла стать руководящим классом, что жизненный уровень должен оставаться низким и что Польша будет использована только как источник принудительного труда. Кейтель не помнит этого разговора с Лахузенем, но признает, что такая политическая линия существовала и что он заявлял свои протесты Гитлеру по этому поводу, но безрезультатно. 16 сентября 1941 г. Кейтель приказал в качестве ответной меры в случаях нападения на солдат на Востоке казнить от 50 до 100 коммунистов за каждого немецкого солдата, добавив, что человеческая жизнь на Востоке не имеет никакой цены.

1 октября он приказал, чтобы военные командующие всегда имели в своем распоряжении заложников, для того чтобы казнить их в случае нападений на солдат. Когда Тербовен, имперский уполномоченный в Норвегии, написал Гитлеру, что предложение Кейтеля о привлечении к ответственности родственников лиц, виновных в совершении диверсионных актов, окажет действие только тогда, если будет санкционирован расстрел, Кейтель написал на этом меморандуме: «Да, это — лучшее решение».

12 мая 1941 г., за пять недель до вторжения в СССР, ОКВ настойчиво требовало от Гитлера издания командованием сухопутных сил директивы о ликвидации политических комиссаров армии. Кейтель признал, что эта директива была передана командирам в действующую армию. 13 мая Кейтель подписал приказ о том, что лица из числа гражданского населения, подозреваемые в преступлениях против войск, должны расстреливаться без суда и что судебное преследование германских солдат за преступления против гражданского населения не является необходимым. 27 июля был издан приказ о том, чтобы все копии этой директивы были уничтожены. Но, несмотря на это, она оставалась в силе. За четыре дня до этого он подписал другой приказ о том, что наказания, выносимые в результате судебного разбирательства, не отвечают требованиям обстановки и что войска должны применять террор.

7 декабря 1941 г., как уже указывалось в данном приговоре, за подписью Кейтеля была издана так называемая директива «Мрак и туман»⁶⁶⁰,

---

⁶⁶⁰ Более точный перевод «Ночь и туман» («Nacht und Nebel»). — *Прим. пер.*

которая предусматривала, что на оккупированных территориях лицам из гражданского населения, обвинявшимся в преступлениях по оказанию сопротивления оккупационным войскам, может быть предоставлено право представлять перед судом только в тех случаях, если предполагалось вынесение смертного приговора; во всех других случаях лица из числа гражданского населения должны были передаваться гестапо для отправки в Германию.

Кейтель распорядился о том, чтобы русских военнопленных использовали в германской военной промышленности. 8 сентября 1942 г. он приказал, чтобы французские, голландские и бельгийские граждане работали на строительстве Атлантического вала. Он присутствовал 4 января 1944 г., когда Гитлер приказал Заукелю⁶¹ добыть четыре миллиона рабочих с оккупированных территорий.

Перед лицом этих документов Кейтель не отрицает своей связи с этими действиями. Он скорее строит свою защиту на том, что был солдатом, и на доктрине «выполнения приказов сверху», которая в соответствии со статьей 8 Устава не может быть использована в качестве защитительного довода.

Смягчающих вину обстоятельств нет. Приказы сверху даже для солдата не могут рассматриваться как смягчающие вину обстоятельства там, где сознательно, безжалостно, без всякой военной необходимости или цели совершались столь потрясающие и широко распространенные преступления.

Заключение

Трибунал признает Кейтеля виновным по всем четырем разделам Обвинительного заключения. <...>

В соответствии с разделами Обвинительного заключения, по которым признаны виновными подсудимые, и на основании ст. 27 Устава Международный Военный Трибунал ПРИГОВОРИЛ:

1. Германа Вильгельма Геринга — к смертной казни через повешение.
2. Рудольфа Гесса — к пожизненному тюремному заключению.
3. Иоахима фон Риббентропа — к смертной казни через повешение.
4. Вильгельма Кейтеля — к смертной казни через повешение.
5. Эрнста Кальтенбруннера — к смертной казни через повешение.

---

⁶¹ Генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы. — *Прим. пер.*

6. Альфреда Розенберга — к смертной казни через повешение.
7. Ганса Франка — к смертной казни через повешение.
8. Вильгельма Фрика — к смертной казни через повешение.
9. Юлиуса Штрейхера — к смертной казни через повешение.
10. Вальтера Функа — к пожизненному тюремному заключению.
11. Карла Дёница — к тюремному заключению сроком на десять лет.
12. Эриха Редера — к пожизненному тюремному заключению.
13. Бальдура фон Шираха — к тюремному заключению сроком на двадцать лет.
14. Фрица Заукеля — к смертной казни через повешение.
15. Альфреда Йодля — к смертной казни через повешение.
16. Артура Зейсс-Инкварт — к смертной казни через повешение.
17. Альберта Шпёера — к тюремному заключению сроком на двадцать лет.
18. Константина фон Нейрата — к тюремному заключению сроком на пятнадцать лет.
19. Мартина Бормана — к смертной казни через повешение.

* * *

Ходатайства о помиловании могут быть поданы в Контрольный Совет в Германии в течение четырех дней после оглашения приговора через Генерального Секретаря Трибунала.

Приговор составлен в четырех экземплярах — на русском, английском и французском языках. Все тексты аутентичны и имеют одинаковую силу.

Члены Международного Трибунала и их заместители

От Великобритании —

Председательствующий Джеффри ЛОРЕНС и Норман БИРКЕТ

От Союза Советских Социалистических Республик

Иона НИКИТЧЕНКО и Александр ВОЛЧКОВ

От Соединенных Штатов Америки

Фрэнсис БИДЦЛ и Джон ПАРКЕР

От Французской Республики

Анри ДОННЕДЬЕ де ВАРБ и Робер ФАЛЬКО

Нюрнберг, 1 октября 1946 г.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СОВЕТСКОГО СУДЬИ

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

члена Международного Военного Трибунала от СССР генерал-майора юстиции И. Т. Никитченко на приговор в отношении подсудимых Шахта, фон Папена, Фриче и Гесса и обвиняемых организаций: правительственный кабинет, генеральный штаб и высшее командование германских вооруженных сил.

Трибунал принял решение:

а) об оправдании подсудимых Гельмара⁶⁶² Шахта, Франца фон Папена и Ганса Фриче;

б) о применении пожизненного заключения в отношении подсудимого Рудольфа Гесса и

в) об отказе в признании преступными организациями правительственного кабинета, генерального штаба и высшего командования германских вооруженных сил.

В этой части с решением Трибунала я не могу согласиться, так как оно не соответствует фактической стороне дела и покоится на неправильных выводах. <...>

VI. Неправильное решение о Генеральном штабе и ОКВ

В приговоре неправильно отвергается обвинение в преступной деятельности генерального штаба и высшего командования германских вооруженных сил.

Отказ в признании преступной организацией генерального штаба и ОКВ противоречит фактическому положению вещей и доказательственным материалам, предъявленным в ходе судебного следствия.

Не подлежит сомнению, что руководящий состав вооруженных сил фашистской Германии, наряду с партийно-эсэсовским аппаратом, являлся важнейшим органом по подготовке и осуществлению агрессивных и человеконенавистнических планов. Это со всей определенностью признавалось и подчеркивалось самими гитлеровцами в их официальных изданиях, предназначенных для офицеров вооруженных сил. В фашистском партийном издании «Политика и офицер Третьей

---

⁶⁶² Точнее: Яльмара (Hjalmar) — Прим. пер.

империи» прямо говорилось о том, что фашистский режим поддерживают и возглавляют «два столпа: партия и вооруженные силы. Они являются формами выражения той же философии жизни...», «задачи партии в вооруженных силах находятся в неразрывном единстве и в общей ответственности... они зависят от успеха или неуспеха друг друга» (Документ ПС-4060, США-928, с. 4).

Эта органическая взаимосвязь между гитлеровским партийно-эсэсовским аппаратом и фашистскими вооруженными силами была особенно крепка на той верхней ступени военной иерархии, которую Обвинительный акт объединяет понятием преступной организации — генеральный штаб и ОКВ. Самый подбор представителей верховного командования в гитлеровской Германии подчинялся критериям преданности режиму со стороны офицеров и их готовности сочетать осуществление агрессии с выполнением преступных директив в отношении обращения с военнопленными и мирным населением на оккупированных территориях.

Руководители германских вооруженных сил были отнюдь не просто офицерами, достигшими определенных ступеней военной иерархии. Они являлись прежде всего сплоченной группой, которой были доверены наиболее засекреченные планы гитлеровского руководства. Представленные доказательства полностью подтверждают, что военные руководители вполне оправдали это доверие и были убежденными сторонниками и ревностными исполнителями гитлеровских планов.

Неслучайно во главе верховного командования военно-воздушными силами стоял «второй человек» фашистского рейха — Геринг; верховное командование военно-морскими силами возглавлял Дёниц, впоследствии назначенный Гитлером своим преемником; верховное командование вооруженными силами было сосредоточено в руках Кейтеля, подписавшего большую часть директив об уничтожении военнопленных и мирного населения оккупированных территорий.

Поэтому не могут быть признаны уместными параллели с построением высшего военного командования в союзных государствах.

В демократической стране ни один уважающий себя военный специалист не будет готовить одновременно с разработкой чисто военных планов мероприятия по осуществлению массовых репрессий в отношении мирного населения или заранее санкционировать безжалостное обращение и убийство военнопленных.

Между тем именно этим занимались высшие руководители Генерального штаба и ОКВ фашистской Германии. Факт совершения ими

тягчайших преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности не только не отрицается, но специально подчеркивается в приговоре Суда. Однако из этого факта не сделано надлежащего вывода.

В приговоре сказано:

«Они опозорили почетную профессию воина. Без их военного руководства агрессивные устремления Гитлера и его нацистских сообщников были бы отвлеченными и бесплодными...»

И далее:

«Многие из этих людей сделали насмешкой солдатскую клятву повиновения военным приказам. Когда это в интересах их защиты, они заявляют, что должны были повиноваться. Когда они сталкиваются с ужасными гитлеровскими преступлениями, которые, как это установлено, были общеизвестны для них, они заявляют, что не повиновались. Истина состоит в том, что они активно участвовали в совершении всех этих преступлений или были безмолвными и покорными свидетелями совершавшихся преступлений в более потрясающих масштабах, чем мир когда-либо имел несчастье знать. Об этом должно быть сказано».

Все эти утверждения приговора справедливы и основываются на многочисленных достоверных судебных доказательствах. Непонятно только, почему «эта сотня высших офицеров», причинившая миру и своей собственной стране столько страданий, не признана преступной организацией.

В обоснование этого в приговоре приводятся противоречащие фактам утверждения:

а) что указанные преступления были совершены представителями генерального штаба и ОКВ как отдельными личностями, но не как членами преступного сообщества и

б) что генштаб и ОКВ были лишь орудием в руках заговорщиков и простыми интерпретаторами их воли.

Многочисленные доказательства опровергают эти выводы.

1. Руководящие представители генерального штаба и ОКВ, наряду с узким кругом высших гитлеровских чиновников, привлекались заговорщиками к разработке и осуществлению планов агрессии не как пассивные исполнители, но как активные участники заговора против мира и человечества.

Без их советов и активного содействия Гитлер вообще бы не мог разрешить эти вопросы. В большинстве случаев их мнение было решающим.

Невозможно представить себе, как могли осуществляться агрессивные планы гитлеровской Германии, если бы основной руководящий состав вооруженных сил их полностью не поддерживал.

Гитлер менее всего скрывал свои преступные планы и движущие их мотивы именно от руководящих представителей военного командования. Так, готовя нападение на Польшу, он еще 29 мая 1939 г. на совещании с высшими военачальниками в новой имперской канцелярии заявлял им:

«Речь идет для нас о расширении жизненного пространства на Востоке».

«Таким образом, отпадает вопрос о том, чтобы пощадить Польшу, и остается решение напасть на Польшу при первой возможности» (документ Л-79).

Задолго до момента захвата Чехословакии в директиве от 30 мая 1938 г. Гитлер, обращаясь к представителям военного командования, цинично заявлял:

«Самым благоприятным в военном и политическом отношении моментом является молниеносный удар на почве какого-нибудь инцидента, которым Германия будет спровоцирована в самой резкой форме и который морально оправдает военные мероприятия в глазах хотя бы части мировой общественности» (документ ПС-388).

Перед захватом Югославии в директиве, датированной 27 марта 1941 г., Гитлер, обращаясь к представителям верховного командования, писал:

«Даже в том случае, если Югославия заявит о своей лояльности, ее следует рассматривать как врага и вследствие этого разгромить так скоро, как это будет возможно» (документ ПС-1746).

В Указаниях о применении пропаганды в районе «Барбаросса», изданных ОКВ в июне 1941 г., указывалось:

«Пока не следует вести пропаганды, направленной на расчленение Советского Союза» (документ СССР-477).

Уже 13 мая 1941 г. ОКВ предписало войскам применение любых террористических мер против гражданского населения временно оккупированных районов Советского Союза.

Там же специально оговаривалось: «...чтобы утверждались только такие приговоры, которые соответствуют политическим намерениям руководства» (документ С-50).

2. ОКВ и генеральным штабом были изданы наиболее жестокие постановления и приказы о беспощадных мероприятиях против безоружного мирного населения и военнопленных.

В Распоряжении об особой подсудности в районе «Барбаросса» ОКВ, подготавливая нападение на Советский Союз, заранее отменило действие военных судов, предоставив право расправы с мирным населением отдельным офицерам и солдатам. Там говорилось, в частности: «Преступления враждебных гражданских лиц изымаются из подсудности военных и военно-полевых судов... заподозренные элементы должны быть немедленно доставлены к офицеру. Последний решает, должны ли они быть расстреляны... категорически запрещается сохранять заподозренных для предания их суду».

В этом же распоряжении ОКВ заранее гарантировало безнаказанность военным преступникам из числа военнослужащих германской армии.

Там говорилось: «Возбуждение преследования за действия, совершенные военнослужащими и обслуживающим персоналом по отношению к враждебным гражданским лицам, не является обязательным даже в тех случаях, когда эти действия одновременно составляют воинское преступление или проступок...»

В ходе войны верховное командование последовательно проводило эту линию, усиливая террор в отношении военнопленных и мирного населения оккупированных стран.

В директиве ОКВ от 16 сентября 1941 г. говорилось: «Следует иметь в виду, что человеческая жизнь в странах, которых это касается, абсолютно ничего не стоит и что устрашающее воздействие возможно лишь путем применения необычайной жестокости» (документ ПС-98).

ОКВ 23 июля 1941 г., обращаясь к командующим армейскими группировками, прямо ориентировало их на то, что «не в истребовании дополнительных охранных частей, но в применении соответствующих драконовских мер командующие должны находить средства для содержания своих районов безопасности» (документ ПС-459). В директиве ОКВ от 16 декабря 1941 г. говорилось: «Войска... имеют право и обязаны применять... любые средства без ограничения также против женщин и детей, если это только способствует успеху...» (документ СССР-16).

К числу наиболее жестоких директив ОКВ об обращении с военнопленными нужно отнести приказ под названием «Кугель» («Пуля»).

Основанием для применения смертной казни служили проступки, которые, согласно международным конвенциям, вообще не могли влечь за собой применение наказания (например, побег из лагеря).

В другом приказе — «Мрак и туман» — говорилось: «За проступки такого рода кара, заключающаяся в лишении свободы и даже в пожизненном заключении, является признаком слабости. Добиться действительной эффективности можно только смертной казнью или такими мерами, которые обуславливают незнание населения о судьбе виновных» (документ Л-90, США-508, стенограмма вечернего заседания 25 января 1946 г.).

В процессе судебного следствия были широко представлены доказательства применения этих приказов. Одним из примеров подобного рода преступлений является убийство 50 английских офицеров-летчиков. То обстоятельство, что это преступление было инспирировано верховным командованием, не вызывает сомнения.

ОКВ был также разослан приказ об уничтожении отрядов «коммандос». Суду представлен оригинал этого приказа (документ ПС-498, США-501). Входившие в отряды «коммандос» солдаты и офицеры союзных армий, согласно этому приказу, должны были быть расстреляны, за исключением тех случаев, когда был необходим допрос, после которого их все равно расстреливали.

Приказ неуклонно выполнялся командующими армейскими группировками. В июне 1941 г. Рундштедт — главнокомандующий немецкими войсками на Западе, докладывал, что приказ Гитлера «об обращении с группами “коммандос” противника до настоящего времени выполняется» (документ ПС-581, США-550).

3. Верховное командование, наряду с СС и полицией, ответственно за все наиболее жестокие полицейские действия в оккупированных районах.

В инструкции «об особых областях», изданной ОКВ 13 марта 1941 г., предусматривалась необходимость согласования действий на оккупированных территориях между командованием армии и рейхсфюрером СС. Как видно из показаний начальника третьего управления РСХА и одновременно начальника эйнзатцгруппы «Д» Отто Олендорфа и начальника шестого управления РСХА Вальтера Шелленберга, во исполнение указаний ОКВ между генеральным штабом и РСХА было заключено соглашение об организации специальных «оперативных групп» полиции безопасности и СС — эйнзатцгрупп, придаваемых соответствующим армейским группировкам.

Преступления, совершенные эйнзатцгруппами на территории временно оккупированных районов, неисчислимы. Эйнзатцгруппы действовали в тесном контакте с командующими соответствующими армейскими группировками.

Весьма характерен для доказательства этой связи следующий отрывок из отчета эйнзатцгруппы «А»:

«...В наши задачи входило установить личный контакт с командующим и начальником тыла. Нужно отметить, что отношения с армией сложились самые лучшие, в некоторых случаях близкие, почти сердечные, как, например, с командующим танковой группой генерал-полковником Гёпнером» (документ Л-180).

4. Представители верховного командования действовали во всех звеньях как члены преступной группы.

Директивы ОКВ и генштаба, несмотря на явные нарушения международного права и обычаев ведения войны, не только не вызывали протеста со стороны высших штабных офицеров и командования отдельных армейских групп, но неуклонно претворялись в жизнь и дополнялись изданными в развитие всех директив еще более жестокими приказами.

В этом отношении характерна обращенная к солдатам директива командующего армейской группировкой фельдмаршала Рейхенау: «Солдат на восточных территориях является не просто воином в соответствии с искусством ведения войны, но также является носителем беспощадной национальной идеологии». И далее, призывая к истреблению евреев, Рейхенау писал: «Таким образом, солдат должен иметь полное понимание необходимости в жестоком и справедливом мщении против недочеловеков-евреев» (документ США-556).

Таким образом, в ходе предъявления доказательств в полной мере установлено, что генеральный штаб и верховное командование гитлеровской армии представляли собою очень опасную преступную организацию.

***

Я счел своим долгом судьи написать особое мнение по тем важным вопросам, по которым я разошелся с решением членов Трибунала.

*Член Международного Военного Трибунала от СССР
генерал-майор юстиции И. Т. Никитченко
1 октября 1946 г.
Нюрнбергский процесс. Т. VII. С. 517—541.*

ИСПОЛНЕНИЕ ПРИГОВОРА

РЕШЕНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ЗАСЕДАНИЯ КОНТРОЛЬНОГО СОВЕТА ПО ХОДАТАЙСТВАМ ОСУЖДЕННЫХ О ПОМИЛОВАНИИ

9 и 10 октября 1946 г. в Берлине состоялось 42-е чрезвычайное заседание Контрольного Совета под председательством генерала армии Кенига. На заседании присутствовали: Маршал Советского Союза Соколовский, генерал Макнерни и маршал Королевских воздушных сил сэр Шолто Дуглас.

I. Контрольный Совет, действуя во исполнение положений Лондонского соглашения и Устава от 8 августа 1945 г. и своей директивы № 35, рассмотрел все просьбы о помиловании, представленные ему обвиняемыми, осужденными Международным Военным Трибуналом в Нюрнберге 1 октября 1946 г., или их защитниками.

II. Просьбы о помиловании были представлены от имени Геринга, Гесса, Риббентропа, Кейтеля, Розенберга, Франка Фрика, Штрейхера, Функа, Дёница, Редера, Заукеля, Йодля, Зейсс-Инкварта, фон Нейрата, а также от имени следующих организаций, объявленных преступными по приговору Международного Военного Трибунала, а именно: СС, гестапо, СД и руководящего состава нацистской партии.

III. Просьбы о помиловании не были представлены Кальтенбруннером, фон Ширахом и Шпеером.

IV. Просьбы о помиловании Геринга, Штрейхера, Франка и фон Нейрата были представлены их защитниками без согласия на то или полномочий со стороны подзащитных; тем не менее Контрольный Совет рассмотрел по существу эти просьбы о помиловании наравне со всеми другими.

V. Действуя на основе вышеизложенного, Контрольный Совет решил:

1) что ходатайства, представленные организациями СС, гестапо, СД и руководящим составом нацистской партии, неприемлемы, поскольку Контрольный Совет не уполномочен пересматривать приговоры Международного Военного Трибунала и может только осуществлять право помилования;

2) что ходатайство Редера неприемлемо, потому что Контрольный Совет может осуществлять только помилования по уже принятым приговорам, но не увеличивать меру наказания⁶⁶³;

3) отклонить просьбы о помиловании, представленные Герингом, Гессом, Риббентропом, Кейтелем, Розенбергом, Франком, Фриком, Штрейхером, Заукелем, Йодлем, Зейсс-Инквартом, Функом, Дёницем и фон Нейратом;

4) отклонить ходатайства Геринга, Йодля и Кейтеля, поданные ими на случай, если их просьбы о помиловании будут отклонены, о замене казни через повешение — расстрелом;

5) <...> просьба о помиловании, представленная от имени Бормана, отклоняется как преждевременная. Однако Борману предоставляется право представить такую просьбу в течение четырех дней после его ареста, если таковой будет иметь место.

VI. В конце заседания Маршал Соколовский как советский представитель сделал следующее заявление Контрольному Совету:

«Международный Военный Трибунал в Нюрнберге заслушал дело, имеющее совершенно исключительное значение. Трибуналом рассмотрено дело о преступной агрессии, вовлекшей человечество в катастрофу мировой войны, о военных преступлениях, беспрецедентных по масштабам и жестокости и об организованных гитлеровским государством убийствах миллионов мирных граждан.

Как член Контрольного Совета, я должен констатировать, что Трибунал, в течение 10 месяцев тщательно рассматривавший все предъявленные доказательства, вынес приговор, который дает полную картину преступлений гитлеровцев.

Я твердо убежден в том, что осужденные Трибуналом главные военные преступники, с приговором которым мы только что согласились, заслужили определенное им Трибуналом наказание.

Одновременно я считаю своим долгом заявить, что я в полной мере разделяю мнение члена Трибунала от СССР генерала Никитченко и полагаю, что имелись вполне достаточные основания для осуждения Шахта, Папена и Фриче, и применения смертной казни в отношении Гесса, и для признания преступными организациями гитлеровского правительства, генерального штаба и верховного военного командования.

---

⁶⁶³ Подсудимый Редер просил заменить ему пожизненное заключение расстрелом. — *Прим. сост. сб.* «Нюрнбергский процесс».

Во время разбора дела на Суде было ясно установлено, что Папен и Шахт активно помогали Гитлеру прийти к власти. Шахт обеспечил затем экономическую и финансовую подготовку агрессии. Фриче вместе с Геббельсом в течение ряда лет вел отравляющую германский народ нацистскую пропаганду. Гесс — заместитель Гитлера по партии, третий по значению человек гитлеровской Германии, ответствен за все преступления гитлеровского режима.

Отношение мирового общественного мнения к приговору Трибунала и Особому мнению представителя от СССР убеждает делегацию от Советского Союза в Контрольном Совете в справедливости как рассмотренных нами решений Международного Военного Трибунала, так и Особого мнения члена Международного Военного Трибунала от СССР» (ТАСС).

43-Е ЗАСЕДАНИЕ КОНТРОЛЬНОГО СОВЕТА

10 октября 1946 г. состоялось очередное 43-е заседание Контрольного Совета под председательством генерала армии Кенига. На заседании присутствовали: Маршал Советского Союза Соколовский, генерал Макнерни и маршал Королевских воздушных сил сэр Шолто Дуглас. <...>

Контрольный Совет подтвердил, что приведение в исполнение смертных приговоров лицам, присужденным к смертной казни Международным Военным Трибуналом, состоится 16 ноября 1946 г. При казни будут присутствовать члены четырехдержавной комиссии, назначенные для этой цели, а также по два представителя прессы от каждой из оккупирующих держав и один официальный фотограф (ТАСС).

КАЗНЬ ГЛАВНЫХ НЕМЕЦКИХ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ

Сообщение четырехдержавной комиссии по заключению главных военных преступников

Приговоры к смертной казни, вынесенные Международным Военным Трибуналом 1 октября 1946 г. нижеуказанным военным преступникам: Иоахиму фон Риббентропу, Вильгельму Кейтелю, Эрнсту

Кальтенбруннеру, Альфреду Розенбергу, Гансу Франку, Вильгельму Фрику, Юлиусу Штрейхеру, Фрицу Заукелю, Альфреду Йодлю, Артуру Зейсс-Инкварту — были приведены в исполнение сегодня в нашем присутствии.

Геринг Герман Вильгельм совершил самоубийство в 22 часа 45 минут 15 октября 1946 г.

В качестве официально уполномоченных свидетелей от немецкого народа присутствовали: министр-президент Баварии д-р Вильгельм Хогнер, главный прокурор г. Нюрнберга д-р Фридрих Лейснер, которые видели труп Германа Вильгельма Геринга.

*Четырехдержавная комиссия по заключению
главных военных преступников*

СООБЩЕНИЕ ТАСС

Нюрнберг, 16 октября. Восемь журналистов — по два от каждой из оккупирующих Германию держав — присутствовали при казни главных немецких военных преступников, приговоренных к смертной казни через повешение Международным Военным Трибуналом.

Казнь была совершена в здании, находящемся во дворе нюрнбергской тюрьмы. Приведение приговора в исполнение началось в 1 час 11 минут и закончилось в 2 часа 46 минут.

Нюрнбергский процесс. Т. VII. С. 545—548.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к русскому переводу	3
Предисловие немецкого издателя	7

ЧАСТЬ I. НАЧАЛО ПУТИ

Введение (от немецкого издателя)	10
Письма 1914—1935 гг. Семейная переписка	30

ЧАСТЬ II. ПЕРЕД ВОЙНОЙ

Воспоминания генерал-фельдмаршала Вильгельма Кейтеля 1933—1938

Документы о руководстве войной и структуре высших командных органов вермахта	122
Руководство вермахтом в период войны	122
Приложение. Директива о единой подготовке вермахта к войне	122
Часть I	123
Часть II	125
Часть III	128
Памятная записка генерал-полковника фон Фрича о структуре высшего руководства вооруженных сил и управлении ими в ходе войны (август 1937 г.)	131
Начальник имперского генерального штаба или ОКВ?	148
Памятная записка ОКВ «Проблемы организации руководства войной»	161
Приложение. Какой представляется война будущего?	175
Кейтель: солдат и политика	178
«Положение начальника ОКВ»	178

ЧАСТЬ III. ВОЙНА

Воспоминания генерал-фельдмаршала Вильгельма Кейтеля 1938—1945

От Австрии до конца Французской кампании	182
Против России. 1940—1941.....	258
Россия. 1941—1943	318
Документы и письма. 1939—1945	346
Кейтель: положение и полномочия начальника ОКВ	346
Письма к жене в военные годы	361
Встреча в Тарвизе	366
Кейтель о заговоре 20 июля 1944 г.	369
Кейтель: «Суд чести»	373
Кейтель об отдельных заговорщиках	377

ЧАСТЬ IV. КОНЕЦ

Воспоминания генерал-фельдмаршала Вильгельма Кейтеля 1945

Последние дни при Адольфе Гитлере	380
Документы и последние письма	427
Обращение к ОКВ после пленения.....	427
Последние письма из Нюрнберга	428
Последнее слово подсудимого Вильгельма Кейтеля.....	432
«Конечный вывод мудрости земной».....	436

ЧАСТЬ V. КЕЙТЕЛЬ И ГИТЛЕР

Солдат в фюрерском государстве

Послесловие немецкого издателя.....	444

ПРИЛОЖЕНИЯ К РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ

Кейтель подписывает безоговорочную капитуляцию гитлеровской Германии	499

Из воспоминаний Маршала Советского Союза Г.К. Жукова.....	499
Кейтель перед судом народов в Нюрнберге.....	503
Допрос Вильгельма Кейтеля Главным обвинителем от СССР генералом Р.А. Руденко	503
Заключительные речи главных обвинителей.....	524
Из речи Главного обвинителя от Соединенных Штатов Америки Роберта Джексона	524
Из речи Главного обвинителя от Великобритании Хартли Шоукросса.....	525
Из речи Главного обвинителя от Франции Шампетье де Рива	527
Из речи Главного обвинителя от СССР Р.А. Руденко.....	528
Речь Отто Нельте, защитника подсудимого Вильгельма Кейтеля.....	533
Из приговора Международного военного трибунала.....	544
Общий план, или заговор, и агрессивные войны.....	544
Подготовка агрессии	545
Планирование агрессии	546
Совещания 23 ноября 1939 г. и 5 ноября 1937 г.....	547
Агрессия против Польши	551
Агрессивная война против Союза Советских Социалистических Республик.....	559
Убийства военнопленных и жестокое обращение с ними.....	562
Убийства гражданского населения и жестокое обращение с ним.....	566
Генеральный штаб и верховное командование.....	567
Основания для приговора.....	570
Преступления против мира	570
Военные преступления и преступления против человечности	572
Заключение	574

Особое мнение советского судьи.....	576
VI. Неправильное решение о Генеральном штабе и ОКВ	576
Исполнение приговора	583
Решение чрезвычайного заседания Контрольного Совета по ходатайствам осужденных о помиловании	583
43-е заседание Контрольного Совета.....	585
Казнь главных немецких военных преступников	585
Сообщение четырехдержавной комиссии по заключению главных военных преступников	585
Сообщение ТАСС	586

Научно-популярное издание

Вторая мировая. Взгляд врага

Кейтель Вильгельм

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПЕРЕД КАЗНЬЮ

Выпускающий редактор *Н.М. Смирнов*

Художник *И.В. Савин*

Корректор *Б.С. Тумян*

Верстка *Н.В. Гришина*

Художественное оформление *Д.В. Грушин*

ООО «Издательский дом «Вече»

Почтовый адрес:

129337, Москва, ул. Красной Сосны, д. 24, а/я 63.

Фактический адрес:

127566, Москва, Алтуфьевское шоссе, д. 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 22.12.2011. Формат 84×108 1/32.

Гарнитура «NewtonС». Печать офсетная. Бумага офсетная.

Печ. л. 18,5. Тираж 2500 экз. Заказ № 1008.

Отпечатано с электронного оригинал-макета,

предоставленного издательством,

в ОАО «Рыбинский Дом печати»

152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

e-mail: printing@yaroslavl.ru www.printing.yaroslavl.ru

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕЧЕ»
ООО «ВЕСТЬ» является основным поставщиком
книжной продукции издательства «ВЕЧЕ»

Почтовый адрес:
129337, г. Москва, ул. Красной Сосны, 24, а/я 63.
Фактический адрес:
127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, д. 48, корпус 1.
Тел.: (499) 940-48-71, 940-48-72, 940-48-73.

Интернет: www.veche.ru
Электронная почта (E-mail): veche@veche.ru

По вопросу размещения рекламы в книгах
обращаться в рекламный отдел издательства «ВЕЧЕ».
Тел.: (499) 940-48-70.
E-mail: reklama@veche.ru

ВНИМАНИЮ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ!
Книги издательства «ВЕЧЕ» вы можете приобрести также
в наших филиалах и у официальных дилеров по адресам:

В Москве:
Компания «Лабиринт»
115419, г. Москва,
2-й Рощинский проезд, д. 8, стр. 4.
Тел.: (495) 780-00-98, 231-46-79
www.labyrinth-shop.ru

В Киеве:
ООО «Издательство «Арий»
г. Киев, пр. 50-летия Октября, д. 26, а/я 84.
Тел.: (380 44) 537-29-20, (380 44) 407-22-75
E-mail: ariy@optima.com.ua

Всегда в ассортименте новинки издательства «ВЕЧЕ»
в московских книжных магазинах:
ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва»,
ТД «Молодая гвардия», «Московский дом книги»,
«Новый книжный».

ВТОРАЯ МИРОВАЯ

ВЗГЛЯД ВРАГА

Генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель стоял у истоков создания регулярной армии нацистской Германии. Международный трибунал обвинил его как одного из организаторов Второй мировой войны в совершении преступлений против человечности. Выполняя различные особо важные дипломатические и политические поручения нацистского руководства, Кейтель разработал ряд директив и приказов, в соответствии с которыми части вермахта во время Второй мировой войны совершили страшные преступления против человечности.

Предлагаемая читателю книга воспоминаний Вильгельма Кейтеля написана в Нюрнбергской тюрьме после вынесения ему смертного приговора. За несколько недель до приведения приговора в исполнение фельдмаршал пытался осмыслить свою судьбу и причины бесславного конца Третьего рейха.

ISBN 978-5-9533-6309-9

9 785953 363099

Вече
20 лет